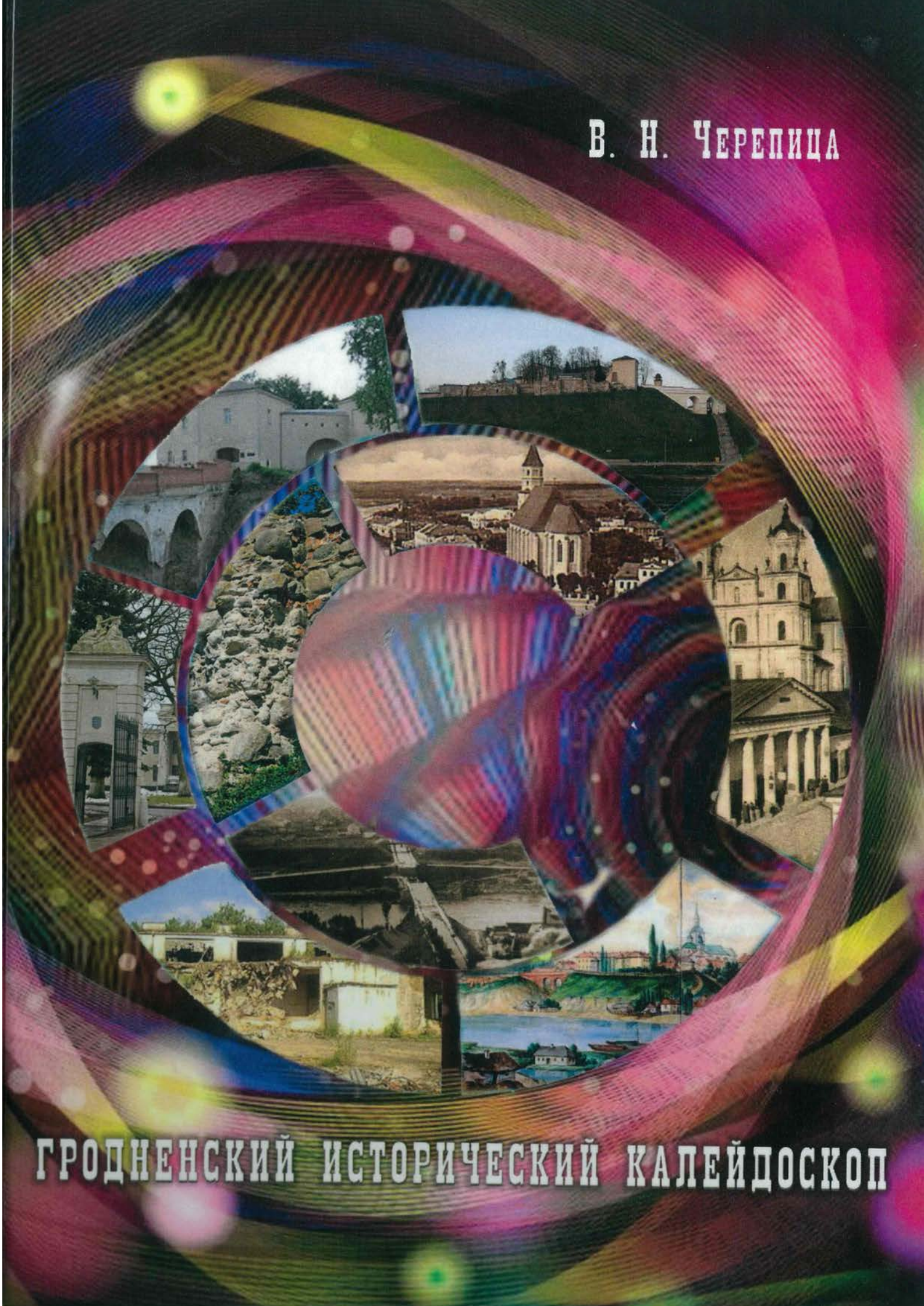
В. Н. Черепица



Гродненский исторический калейдоскоп

В.Н. Черепица

ГРОДНЕНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ.

Гродно 2013

УДК 94 (476.6): 930:930.1
ББК 63.3.4 (4Беи)
Ч 46

Рекомендовано Советом факультета истории, коммуникации и туризма ГрГУ им. Я. Купалы.

Рецензенты:
Ярмусик Э. С., доктор исторических наук, доцент;
Хилюта В. А., кандидат исторических наук, доцент.

Черепица, В. Н.
446 Гродненский исторический калейдоскоп: очерки истории, историографии и источниковедения : монография / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2013. – с.

ISBN_____

В книге повествуется о самых различных аспектах истории Гродненщины (конкретно- исторических, историографических и источниковедческих) XVIII – XX столетий. Через содержание помещенных в данном издании очерков легко прослеживается творческий почерк автора, его отношение к теоретико-методологическим и источниковедческим проблемам исторической науки и их месту в реализации конкретных исследовательских целей и задач.

УДК_____
ББК_____
О Черепица В. Н., 2013
О Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», 2013

ISBN _____

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
Глава 1. Об «углах зрения» на прошлое и исторической правде
1.1. Гродненская губерния в ратной биографии А. В. Суворова.
1.2. Белорусско-польские вкрапления в родовых гербах русских дворянских историков XVIII века
1.3. М. О. Коялович о внутреннем быте славян и их участии в оборонительных войнах
1.4. Гродненская губерния в трудах историков и краеведов XIX – начале XX вв.
1.5. Исторический факт в трудах военного историка Н. Ф. Дубровина
1.6. Военно-исторические исследования в частях Гродненского гарнизона во второй половине XIX – начале XX вв.
Глава 2. И. Л. Солоневич (1891–1953) – мыслитель, историк и публицист
2.1. Православие в исторических воззрениях И. Л. Солоневича
2.2. Русская история и историография в трудах И. Л. Солоневича
2.3. Гродненщина в исторической публицистике и прозе И. Л. Солоневича
2.4. П. А. Столыпин в оценке И. Л. Солоневича
Глава 3. О заброшенных родниках исторического знания
3.1. Слонимские автографы А. С. Пушкина
3.2. Сподвижники митрополита Иосифа (Семашко)
3.3. О жизни и творчестве Ф. М. Достоевского на страницах «Церковно-общественного вестника»
3.4. Отклики «Литовских епархиальных ведомостей» на кончину славянофила И. С. Аксакова
3.5. О жизни и творчестве Я. Ф. Головацкого в освещении «Литовских Епархиальных ведомостей»
3.6. Коронационные награждения духовенства белорусских епархий 1896 года
3.7. Празднование 900-летия крещения Руси в Гродненской губернии
Глава 4. О мемуарах, письмах и автографах
4.1. Гродненский губернатор М. М. Осоргин – мемуарист
4.2. Гродно и гродненцы в переписке П. А. Столыпина
4.3. Эпистолярное наследие Я. Козловской-Студницкой (1890–1971)
4.4. Автографы ученых-античников и востоковедов в коллекции Б. Б. Виц (Маргулес) (1918–2008)
4.5. О двух писательских автографах из коллекции А. Н. Карпюка
Глава 5. О жертвах беззакония и загубленных талантах
5.1. Еще раз о жертвах революционного террора в Беларуси
5.2. Трагедия И. Л. Блока – дяди великого поэта
5.3. Жандармский офицер Н. А. Грибоедов из рода знаменитого литератора
5.4. Генерал С. В. Козлов – воин, историк и писатель
5.5. О судьбе дуэлянта графа Н. М. Цукатто
5.6. К биографии Д. В. Скрынченко (1874–1947)
Глава 6. О военных играх и суровых реалиях войны

6.1. Гродненские скауты 1920–1930-х годов
6.2. «Белорусская народная самопомощь» (БНС) и «Белорусское объединение» (БО) на Гродненщине в 1941–1944 годах
6.3. Мобилизационные мероприятия белорусских партизан на Гродненщине в 1943–1944 годах
6.4. О жизненной драме директора Гродненского учительского института Д. П. Кардаша.
6.5. Захоронение уроженцев Беларуси на варшавском кладбище «Повонзки»
Глава 7. О церковном служении и славянских проблемах
7.1. Югославская страница биографии ректора Минской духовной семинарии в Жировичах, протоиерея Иоанна Сокаля
7.2. К портрету Всебелорусского Экзарха Филарета (Вахромеева)
7.3. Польская проблематика в работе IX Всеславянского съезда
Приложения

ВВЕДЕНИЕ

Минувшие эпохи проходят в моей памяти
как лавина свободных ассоциаций –
они не подчиняются никакой хранологии,
но временами они упорядочиваютя
с помощью последовательных структур…

К Занусси.

За последние годы в белорусской исторической науке значительно возрос интерес к проблемам теории познания. Усилиями ряда ученых созданы учебники и учебные пособия, написаны монографии, признанные заполнить имевшиеся еще недавно существенные пробелы в изучении методологии истории, историографии и источниковедения. Однако при всем этом еще нередко в среде профессиональных историков можно услышать чуть ли не ультимативные требования к «академическим» ученым: пусть, дескать, они продемонстрируют и объяснят нам мудреные методологические теории и их понятийный аппарат не сухо, аудиторно, а живо и предметно применительно к исследовательской практике. Прямо скажем, что немногие из этих ученых сразу же осмелятся на реальный диалог с людьми, занятых созданием конкретных исторических исследований. К числу этих немногих ученых, откликающихся на т. н. «вопросы жизни», принадлежит и Б. М. Лепешко, предложивший в начале нынешнего десятилетия исторической аудитории своего рода «путеводитель в море исторического знания» – около десятка книг, в которых ему удалось максимально приблизить теорию науки к тем задачам, которые ежедневно решают школьные и вузовские преподаватели истории, магистранты, аспиранты и студенты исторических факультетов университетов республики.

Исследования известного историка, философа и публициста, несомненно ,полезны всякому человеку, стремящемуся к познанию истории. Обращаясь к читателям, автор справедливо признает, что «вряд ли можно в принципе предложить некое универсальное клише, схему, словарь своего рода, взяв в руки который, читатель будет свободно ориентироваться в безбрежном море исторической теории. Очевидно, что здесь предполагается большая умственная работа тех людей, которые обратятся к данной книге. Как понятно и иное: ни в какие схемы нельзя «загнать» живое историческое знание, собственную историческую жизнь, которая всегда выше и глубже всяких схем, любых теоретических постулатов». В мыслях и практических рекомендациях ученого обнаруживается, однако, немало и того, к чему приходят опытные историки эмпирическим путем и даже без знания методологии истории. Последнее радует, напоминая, в который уже раз, о том, что «древо жизни вечно зеленеет…».

Исключительно созвучным моим представлениям о поисках исторической истины являются слова упомянутого автора: «Стремление

–понять” вовсе не означает желание полностью –заформолизовать” историю, ввести ее в русло законов и категорий, все разложить по полочкам и соответствующим образом классифицировать… Все же придется признать, что материальные и классовые предпосылки явлений объясняют исторический ход событий с меньшей степенью убедительности, чем нам бы хотелось. И главным образом, потому, что человек – сложное, противоречивое, зачастую иррациональное существо, поступки которого не укладываются в любую из существующих схем. Именно поэтому нет и не может быть единой общепризнанной истины в оценке событий, явлений и фактов… Единую истину и единое понимание мы можем допустить разве что в сфере религиозной. К слову, религиозное понимание истории вполне рационально и укладывается в известную схему: Бог – основа и смысл сущего, в том числе и истории. И действительно, как в понимании истории обойтись без той же веры? Не в смысле узколобого фанатизма и соответствующей ограниченности, а в том аспекте, что вера может составлять краеугольный камень и мировоззрения, и миропонимания человека».

Живой отклик вызывает и такое умозаключение автора: «Таким образом, понимание истории есть сложный, многофакторный и многоуровневый процесс, компонентами которого являются личность исследователя, особенности эпохи, определение интеллектуальных критериев познания, отсутствие гносеологического шаблона. –Понимать” – вовсе не значит только –рационализировать”. Это и чувство, и эмоции, личное прошлое и настоящее, даже физическое состояние познающего и «понимающего». Как же тогда быть с единством чувственного и рационального в познании? Достаточно просто: акцентировать внимание именно на слово –единство”.

В стремлении понять механизм этого «единства» мне невольно пришлось прибегнуть к впечатлениям из далекого туманного детства, когда через поднесение к глазу волшебной трубочки – калейдоскопа удавалось наблюдать быстро сменяющиеся причудливые узоры. Поражало, удивляло и восхищало то, как через простое механическое вращение каких-то стекляшек можно было достичь посредством оптики и соответствующего «угла зрения» ряда невероятно гармоничных конструкций, которые уже через мгновение меняли свой облик, цвет и образ. Калейдоскопическая смена впечатлений, несомненно, присутствует как в жизни человека, так и в познании истории. Исторический калейдоскоп – непременная составляющая всякого обращения к прошлому.

Как действует, как срабатывает этот механизм в различных поисковых ситуациях описать далеко не просто. Нет на сей счет никаких рекомендаций и у самых авторитетных ученых. Здесь, вероятно, срабатывает то личное, «шестое» чувство человека, без которого невозможен интерес к истории. Нередко он становится определяющим: «Мы живем в истории, поскольку выделить себя из нее нет никакой возможности. Естественно, кроме сугубо абстрактной. Мы любим историю главным образом в связи с тем, что любим самих себя. История для нас узнаваема в каждом ее эпизоде, хотя бы потому, что наше отождествление с историческими персонажами носит органический характер. В

истории все время присутствует «я» – иначе она никогда не имела бы столь сильного влияния как на нас самих, так и на тех, кто идет за нами… История подобна океану. Здесь все: и безмолвие, и ясность, и ярость, и таинства, и загадки, и непредсказуемость, и простор, и бесконечность, и горизонт, и небо над головой. И, благодарение Творцу, это единственная возможность понимания истории. В том прежде всего смысле, что нет для нас ответа ни сейчас, ни в будущем. Точно так же, как не было ответа для тех, кто шел перед нами. И все, что нам остается, это муки мысли – но как же сладостны эти муки».

Мои собственные творческие «муки» во многом сладостны благодаря сочетанию в эвристической и исследовательской работе, как строгой логики, так и чувства веры, а где-то и интуиции. К последней прибегаю при поисковой работе с историческими источниками. Логика и чувство неизменно присутствуют при анализе конкретных исторических событий, жизнеописаний заинтересовавших меня деятелей, а также историков давно минувших лет. Мой собственный «исторический калейдоскоп» включается и тогда, когда я вспоминаю своих родных и близких, собираю во едино как здравствующих, так и ушедших в мир иной, когда восстанавливаю в памяти первые и последующие шаги своей профессиональной деятельности. Калейдоскопическая смена впечатлений присутствует и тогда, когда зачастую вроде бы неосознанно в моем сознании зарождается, развивается и оформляется очередная исследовательская тема. Побудительными мотивами при этом могут быть как разум и логика, так и сердце и душа.

Так вышло, что в последние несколько лет, наряду с работой над монографическими исследованиями, мои научные и чисто человеческие интересы калейдоскопически вращались вокруг самых различных исторических, историографических и источниковедческих тем регионального звучания. И хотя их выбор зачастую был продиктован проблемным полем тех или иных научных конференций, чаще всего привязанных к юбилейным датам в истории Беларуси, России, Украины или Гродненщины, мое непосредственное участие в них диктовалось не только жизненным и профессиональным опытом, но и не прекращающимся ни на минуту чисто историческим воображением, сопереживанием всего того, что было связано с той далекой эпохой, ее активными деятелями. Дальнейшее «вживание» в тему исследования, как правило, опять-таки начиналось с самого себя, т. е. с выявления деталей и моментов, которые связывают тебя с данной темой, а также с определением своих собственных возможностей, строго критического отношения к самому себе. Потом, как правило, осуществлялся историографический обзор сделанного по теме до тебя, нередко с осознанием того, что «историография может играть в этой теме роль ~~т~~ормозящего фактора", похожего на то, как мертвый хватает за ноги живого, как традиционализм борется за сохранение самого себя и своего места в системе знаний» [64].

Настоящая книга, несмотря на определенное внимание к вопросам теории истории, весьма далека от претензий на участие в обсуждении методологических аспектов. Однако методология истории в ней непременно присутствует, причем как в выборе темы, так и в определении вклада в нее своих предшественников, значимости использованных источников и в выработке своего собственного «угла зрения» на далекие и близкие к нам события гродненской истории, их оценку с позиций разума и чувства, своего собственного «я».

ГЛАВА 1
ОБ «УГЛАХ ЗРЕНИЯ» НА ПРОШЛОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ

1.1. Гродненская губерния в ратной биографии А. В. Суворова

О том, что в ходе своей полководческой деятельности А. В. Суворов неоднократно бывал в пределах Гродненской губернии, достаточно хорошо известно специалистам-историкам. При освещении его биографии в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (ЭГБ) даже названы периоды его наиболее длительного пребывания здесь. Ознакомимся с первым из них: «У 1768–1772 на чале полка і брыгады ваяваў супраць войск Барскай канфедэрацыі на тэр. Беларусі і Польшчы: перамог у баях 1 (12).9. 1769 каля в. Арэхава (цяпер у Маларыцкім раёне) і 12 (23).5. 1771 каля в. Лянцкарона (цяпер у Малапольскім ваяв. Польшчы), дзе разбіў асн. сілы канфедэратаў на чале з ген. Дзюмур'е. У вер. 1771 г. здзейсніў за 2 тыдні 600-вярстовы пераход па маршруце Брэст–Бяроза–Косава–Палонка–Крынка–Нясвіж–Клецк–Сіняўка–Лагішын–Пінск–Драгічын–Антопаль–Ракітна–Брэст; каля в. Сталовічы (цяпер у Баранавіцкім раёне) 12 (23) вер. разбіў гетмана М. К. Агінскага…» [91].

С фактической точки зрения в этих лаконичных строчках энциклопедии все изложено достаточно верно, однако тут же возникает вопрос о значении этих суворовских побед для исторических судеб Беларуси и Польши. Ответа на него в данной статье нет, как нет и в других статьях, энциклопедии касающихся суворовской темы. Взять хотя бы этих самых конфедератов, которых разбил в этой компании полководец. Кто они, за что боролись? Открываем соответствующую статью в ЭГБ и читаем: «Барская канфедэрацыя – ваенна-палітычнае аб'яднанне часткі шляхты і некаторых магнатаў Рэчы Паспалітай для барацьбы супраць кароля Станіслава Аўгуста Панятоўскага і царскай Расіі ў 1786 – 1772 гг. Канфэдэраты выступалі з кансерватыўнай праграмай адмовы ад палітычных рэформ, на якія пайшоў кароль і яго аднадумцы, патрабавалі скасавання прынятага ў люг. 1768 г. закону пра ўраўнаванне ў правах з каталікамі шляхты праваслаўнага і лютэранскага веравызнання, захаванне шляхецкай вольнасці і прывілеяў каталіцкай царквы». Из прочитанного следует, что конфедераты были не только мятежниками, выступившими против своего короля, но и против большинства своего же сословия, но только православного вероисповедания, проживавшего на украинских и белорусских землях. Естественно, что в этих условиях у короля Речи Посполитой не было иного выхода, как обратиться за помощью к «своим однодумцам» и к российской императрице Екатерине II. Из упомянутой статьи следует то, что «канфедэратам памагалі замежныя дзяржавы, у інтарэсах якіх было аслабленне ўплыву Расіі на Рэч Паспалітую: Аўстрыя дазволіла рыхтаваць на сваёй тэрыторыі атрады, Францыя пасылала ім грошы і ваенных інструктараў,

Турцыя абвясціла вайну Расіі». С кем же воевали эти мятежники? В статье имеется и на этот вопрос весьма своеобразный ответ:

«Супраць барскіх канфедэратаў дзейнічалі войскі верныя каралю Станіславу Аўгусту Пянятоўскаму і саюзнай яму царскай Расіі» [42], которые, как уже говорилось выше, сумели разбить мятежные силы. Непонятно при этом только одно, почему автор статьи становятся на сторону конфедератов, называя при этом их движение патриотическим, сетуя по поводу их поражения и горькой судьбе тех из них, «кто оказался в плену у Суворова и был затем сослан в Сибирь на каторгу». Вероятно, потому, что Россия для автора «царская», да и войска, которыми командовал Суворов, также были «царскими». Но ведь в то время они другими быть не могли, и А. В. Суворов действовал в указанный период вполне оправданно и законно, выполняя ответственно и талантливо порученное ему императрицей дело.

К сожалению, кроме такого рода двусмысленных статей о данном периоде военной биографии полководца в белорусской историографии отсутствуют исследования, в которых бы давался правдивый анализ того, что означала деятельность Суворова для Беларуси и Польши в 1768–1772 годах. Возможно, оно и появится, если найдется автор, который самым внимательным образом отнесется к первоисточникам, в том числе и к тому, что было написано в октябре 1740 года самим полководцем в своей «Автобиографии»:

«В 1768 году пожалован я бригадиром при Суздальском пехотном полку и, командуя бригадою, отряжен был с оным и двумя эскадронами командующим корпусом генералом Нумерсом от стороны Смоленска в Литву, к Орше, куда, как корпус прибыл, выступил дале, к литовскому Минску, где корпус мною соединился; оттуда с реченным отрядом войск предписано мне было следовать поспешно к Варшаве, разделя сей отряд на разные части и две колонны; во время разных волнованиев в Литве был мой марш на Брест-Литовской, где соединясь, прибыл я к жмудскому Минску, под Варшавою пять миль — здесь примечу, что одна колонна была в пути до ста двадцати, другая, со мною, до ста тридцати тамошних миль; но марш был кончен ровно в две недели, без умерших и больных, с подмогою обывательских подвод, — и потом прибыл на Прагу, к Варшаве; оттуда разогнал я незнатную партию, под варшавским маршалком Котлубовским. Чрезвычайный посол, князь Михаила Никитич Волконской, отправил меня в Литву, для усмирения мятежей; я взял половину реченного деташемента и прибыл к Брест-Литовскому, где я услышал, что мятежники не в дальности и что близ их обращаются разные наши начальники с достаточными деташементами. В сем пункте я оставил людей большое число, сам же взял с собою, не мешкая нимало, суздальских шестьдесят гренадеров, сто мушкетеров, более ста стрелков, при двух пушках, и тридцать шесть воронежских драгун; повстречался я с графом Кастелли при тридцати карабинерах и толиком числе казаков и взял его с собою. Маршировавши ночь, против полден, повстречались мы с мятежниками под Ореховым (подчеркнуто мной. – *В.Ч.*); их число возвышалось близ десяти тысяч, что была неправда; я их полагал от двух до трех тысяч; начальники их были

маршалки и иные, — достойной Ксавиер Пулавской, который здесь убит, брат его Казимир, пинской — Орешко, Мальчевской, Заремба, числом девять. Я их ведал быть беспечными, в худой позиции, т.е. стесненными на лугу, в лесу, под деревней; как скоро мы франшировали три тесные дефилеи, где терпели малой урон, началась атака, но продолжалась от четырех до пяти часов; деревня позади их зажжена гранатою; кратко сказать, мы их побили; они стремительно бежали, урон их был знатен; в числе пленных обретался Пинской драгунской полк с его офицерами, но очень малосильной; потом с отрядом прибыл я в Люблин, где, по важности поста, учинил свою главную квартиру. Разбит был главной полковник Мощинский близ Климонтова, в сендомирском воеводстве, малым отрядом под моим предводительством и потерял несколько сот с пятью пушками; атаковали мы Ланцкорону (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*), за Краковым, овладели городом, кроме замка, и разбили противного, Мощинской, французского генерала Дюмурье (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*), пришедшего на выручку. В местечке Уржендове, на Висле, супренировал я ночью войски маршалков Пулавского и Саввы; тут, при великой потере, достались нам в руки драгуны сего последнего, и он был так ранен, что, по бессилию, скоро после погиб: их самих прогнали из-под Красника. Разбит был в лесах, к стороне Владимира, полковник Новицкий и той же ночи в деревне N вовсе разрушен. По многим действиям, так называемою Главною конфедерациею город Краков так был стеснен, что нашим тамо войскам недостаток в субсистенции наступал; я дал моим отрядам рандеву на реке Сане, отбил прежде преграду их на реке Дунайце и, по некоторых ночных и денных битвах, достиг до Кракова, откуда мятежников прогнал; в той же ночи, противу рассвету, напал неподалеку Кракова на тыницкие укрепления, где сверх многих побитых, в том числе штыками, забрали мы много в плен их лучшей пехоты из распущенных саксонцов с немецкими офицерами и артиллерию. На другой день было славное происшествие под Ланцкороною (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*), где собраны множественные мятежники были в конец разбиты; погибли несколько французских офицеров (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*) с пехотою, на их образ учрежденною; убито два маршалка, пинской — Орешко (Оржешко, Ожешко. – *В. Ч.*) и князь Сапега; при многих пленных мне достались в руки маршалки: краковской — Миончинской и варшавской — Лясоцкой. Едва сие кончено, как я извещен о сильной диверсии мятежников к стороне Замостья и Люблина; надлежало мне спешно туда обратиться. Побита была прежде их достаточно собравшаяся из рассеянных часть, при реке Сане; в числе пленных были некоторые иностранные офицеры (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*); потом мятежники сильно были разбиты, рассеяны под Замостьем и из крепости деложированы. Сраженьев сих было много, но примечательных было девять, которых планы я отправил к генералу Веймарну. Французский бригадир Дюмурье, обретавшийся при мятежниках поверенным в делах, но сей скоро отозван к своему двору, и на его место прибыл Виомениль, генерал и кавалер ордена Св. Людовика Большого Креста. Возмутилась вся Литва; регулярная ее из полков немецкого штата и компутовых хоронг армия, с

достаточною артиллериею и всем к войне надлежащим снабденная, собралась, как и довольно из регулярных войск, под предводительством их великого гетмана, графа Огинского, который сперва и получил некоторые авантажи. Собрал я всего войска до семисот человек и две пушки; тут были и легионные, которые прежде нечто от г. Огинского пострадали; но имел я храбрых офицеров, привыкших часто сражаться вблизи. Шли мы чрез Брест-Литовской и прямым трактом, но поспешным маршем, сближались с армиею г. Огинского, который дневал под Столовичами; пойманы фуражировавшие уланы; принявши их ласково, сведал я от них нужное о их расположении; остерегал его генерал Беляк; но он не верил; в ту же ночь пошли мы на атаку, продолжали марш без малейшего шума, целя на его огни. Ночь была темная, и к утру пал туман; пехоту я поставил в первой линии, артиллерия в середине; вторая линия была вся из кавалерии; позади артиллерии был пехотной резерв, позади второй был особой резерв, из пехоты и конницы; казаки были рассеяны с крыл и сзади; нападение наше на литовцов было с спины; мы к ним приближались нечто до рассвета, так тихо, что деташированные с г. Паткулем порубили несколько их часовых и, по данному сигналу, встречены были от них из местечка сильною стрельбою, ружейною и из артиллерии. Перед нами было болото и чрез оное — плотина, по которой майор Киселев с суздальскими гренадерами пошел на штыках, пробил и дал место нашей коннице, которой предводитель подполковник Рылеев (отец декабриста Кондратия Рылеева. – *В. Ч.*) все встречающееся в местечке порубил и потоптал. Между тем майор Киселев пошел прямо на квартиру г. Огинского; его подкрепила часть пехоты; прочая под майором Фергиным с Нарвскими гренадерами, капитанами Шлисселем [и] Ганнибалом, (А.И. Ганнибал – дед А.С. Пушкина – *В. Ч.*) управясь с засевшею в местечке противною пехотою, с ним соединилась; вся пехота и резервы выстроились и пошли атаковать линии г. Огинского в поле, с которыми наша конница уже в дело вступила; литовское войско оборонялось храбро: легионные, гренадеры себя весьма отличили, и когда дошло до штыков, то от рот мушкетерских г. Маслов с легионною первой ударил. Победа уже была в наших руках, как стоявший в полмили от места баталии генерал Беляк, правда, поопоздавши, с двумя сильными полками лучших уланов, своим и Карицкого, отрезал и окружил наших три эскадрона; те не один раз сквозь них прорубались, чем и кончено сражение. Вся артиллерия, обозы, канцелярия и клейноды великого гетмана достались нам в руки, то ж все драгунские лошади с убором; компутовые с уланами знатною частью спаслись; плен наш наше число превосходил; от драгунских и пехотных полков почти все, кроме убитых штаб- и обер-офицеров, были в нашем плену; из наших офицеров почти все были переранены; из нижних чинов убито было мало, но переранено было около осьмой доли. Сражение продолжалось от трех до четырех часов, и вся Литва успокоилась; вся ж сия литовская армия состояла не более тогда в собрании, и нескольких и регулярных. После сего последовало происшествие краковское. Я обращался в Литве; французские офицеры вошли в замок ночью чрез скважину в стене, где истекали нечистоты при мятежничьих войсках, сею

сурпризою пленили тамошний гарнизон и ввели туда от сторон Тынца более тысячи человек особо лучшей, из распущенных саксонцов и уволенных австрийцев, при немецких офицерах пехоты (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*); от нашего стоящего в городе войска были разные тщетные покушения; чрез несколько дней я прибыл туда с отрядом, как, от своей стороны, польские королевские генералы — граф Браницкой и Грабовской; самой тот почти час учинили мятежники, на рассвете, из замка генеральную вылазку для овладения городом; конница их ударила прямо на гауптвахт, но была расстреляна и отрезана; пехота шла великою густотою, но скоро картечами обращена назад; наши, по диспозиции до меня и малочислию на месте, за нею не погнались, тотчас мы облегли замок, — королевских войск квартира основалась за Вислою, учредили коммуникации мостами и шанцами, по обеим сторонам Вислы заняли посты в приличных местах пехотою, на которые от противников чинены были разные вылазки, особливо в полночь и полдни, всегда с их уроном; нашеи всей пехоты было до семисот человек, мы ж почти сами в городе от разных деташементов мятежничьих блокированы, и, хотя я больше пяти тысяч человек по разным местам в дирекции имел, но их невозможно было опорожнить кроме сендомирского воеводства. Г. майор Нагель покупал и провозил скрытыми маршами с его отрядом военную аммуницию, из Шлезского Козеля. Майор Михельсон более всех, по его искусству, отряжаем был противу мятежников в поле, и от успехов его получил себе великую славу. Мятежники в замке имели много провианта; недоставало им других съестных припасов, чего ради употребляли себе в пищу своих лошадей. Оказавшаяся литовская, давно по Польше странствующая, маршалка Коссаковского партия разбита была мною при Смерзонце, между Кракова и Тынца, и потоплена в Висле; от всех стран замок был стеснен; но один генеральной штурм нам не удался, хотя уже одни ворота одержаны были, в чем мятежничей урон наш превосходил и отчего потом у них скоро оказался недостаток в порохе и кремнях. Артиллерия наша была незнатна, но искусством г. Гакса в разных местах испортила коммуникации, часто в замке зажигала, и бреш в стене на шесть рядов был готов; две мины с обеих сторон Вислы, одна королевского офицера N, другая — инженер-капитана Потапова, приходили галереями к концу пунктов, и уже ни один человек из замку прокрасться не мог, как вышел ко мне из замка ночью бригадир Галиберт и, по многим переговорам, капитулировал. Можно отдать честь французам, что они в замке королевских гробниц, ниже что из драгоценных клейнодов нимало не повредили, но свято польским чиновникам возвратили; гарнизон объявлен был пленным, — но титла «военнопленного» не акордовано, сколько о том меня французские начальники ни просили, — вышел в восьмистах человеках здоровых, прочие — больные или погибли; пехоты его оставалось еще больше нашей, чего ради положили ружье дежурному при мне майору князю Сонцову; в замке при нем штат - и обер-офицеров разных наук было около пятидесяти человек; французские были: бригадиры и святого Людовика кавалеры — Шуази и Галиберт, капитаны. Виомениль, племянник генеральской, который первой в замок вошел, Салинья и других два, кавалеры

военного ордена; из них были в походах в Индиях и действиях в Корсике еще некоторые французские обер - и унтер-офицеры. Всем сим господам я подарил их шпаги, как мне бригадир Шуази свою вручал, и, по трактаменте, в ту же ночь, при возможных выгодах и учтивстве отправлены реченные господа с прочими и гарнизоном, при эскорте, на Люблин, оттуда ж нижние чины — в Россию, офицеры, прибывшие с генералом Виоменилем, — во Львов; что прежде прибыли с бригадиром Дюмурье в литовскую крепость Бялу, польские — в Смоленск. Далее я о моих политических операциях к Тынцу, Ланцкороне и иные места не описываю, как о стоящих паки нового пространства. Г. Виомениль распрощался со мною учтивым благодарным письмом и отбыл во Францию с человеками тремя оставшихся своих офицеров и уволенным от меня N, знатного отца, который вверен был мне от г. Шуази из замка, для излечения его смертных ран, от которых получил свободу. Начиная от радзивильцов, большая часть мятежничьих партиев мне — вооруженные сдались и распущены; потом и кончились все польские возмущения» [117].*

В скупых суворовских строках подкупает удивительная скромность и сдержанность в описании пережитого. В них нет и намека на упоение от одержанных побед, в которых он почти всегда действовал не числом, а умением. Зато повсеместно присутствует уважительное отношение к противнику, даже битому им, включая немецких и французских генералов и офицеров, воевавших на стороне конфедератов. Последние же при условии сдачи в плен были разоружены и распущены по домам, а французы отправлены на родину с их же оружием – саблями и шпагами, дабы не унизить их человеческого достоинства. Вот каким был выдающимся полководец Суворов – умным, смелым, великодушным!

По-видимому, сам А. В. Суворов не в полной мере был доволен этой частью своей автобиографии, прежде всего из желания «написать ее в будущем как можно сокращеннее». С этой целью незадолго до своей кончины он поручил это сделать служившему при нем секретарем некоему Е. Фуксу. Последний, как показалось полководцу, неплохо справился со своей задачей, изложив этот период в биографии генералиссимуса в записке под названием «Подвиги Суворова в польскую конфедерацию». Вот что было изложено в ней касательно Беларуси:

«В августе 1791 года явился в Литве известный Козаковский, один из конфедератов, бежавших в Венгрию. С поспешностью объехал он герцогство, набрал новых партизанов и возжег пламя раздора, а особливо между регулярными войсками, которые склонил к возмущению. Он рассеивал манифесты, в которых скромно называл себя Литовским гражданином.

Великий маршал Литовский, Огинский, командовал новыми конфедератами. Он внезапно напал на русский батальон, который после сражения, чрез четыре часа продолжавшегося, должен был сдаться.

Как скоро Суворов о том узнал, спешил он к нападению на конфедератов, занимавших выгодную позицию при Сталовичах. Их было пять

* В цитатах оставлена орфография и пунктуация оригиналов.

тысяч в ружье, с 12 пушками. Русские приступали ночью с величайшею тишиною и перехватили передовые караулы.

Пушечный выстрел конфедератов уверил наших, что они замечены, Тотчас рота бросилась на неприятеля; она потеряла много людей, но имела также и великие успехи. Три эскадрона шли по следам сих храбрых, поражая саблями справа и слева.

Конфедераты, приведенные в замешательство, при ночной темноте были опрокинуты и прогнаны до города. Триста янычар великого маршала Огинского положили тут свои головы.

Пятьсот человек русских пленных содержались под стражею в разных домах близ рынка. При шуме оружия, а более при гласе Суворова, выскочили они из окошек и соединились с своим отцом и героем.

На рассвете Суворов выступил из города с своею пехотою. Она напала на инфантерию Огинского с правого крыла. Его кавалерия одерживала уже значительные выгоды. С обеих сторон сражение продолжалось с жестокостью и кровопролитием. Наконец инфантерия двинулась со штыками; поляки были разбиты по всей линии. Но, по многочисленности своей, отступали они в порядке. Кавалерия российская не переставала со своей стороны распространяться, как генерал Беляк, стоявший в полмили и намеревавшийся отмстить за польскую пехоту, сделал с тысячью уланов стремительное нападение. Многие русские были опрокинуты, но отважность казаков, которые в сей день показали чудеса храбрости, заставила Беляка оставить поле битвы.

Из 800 до 900 человек, бывших у Суворова под ружьем, около 80 были убиты, а все остальные ранены. Суворов, тронутый посреди славы их несчастием, раздавал из своего кармана по рублю на каждого, участвовавшего в деле; дал им с час отдохнуть и начал делать диспозицию к походу на Слоним, отстоящий в восьми милях от места сражения.

У поляков было убитых около тысячи человек. Русским достались 700 пленных, в числе которых и маршал Огинский и более 30 офицеров. Все лошади их драгун достались нашим, так как и многие знамена, экипажи и казна с тридцатью тысячами червонных. Солдаты делили между собою множество золота и серебра.

К вечеру все были близ Слонима. Оставив там пленных и большую артиллерию, Суворов еще в ту же ночь вступил в поход к Пинску, в намерении рассеять еще более конфедератов. Первая встреча была у него с польским офицером, которому поручено было везти богатую полковую казну. Суворов, как великодушный неприятель, дал ему паспорт для свободного препровождения казны до места его назначения.

Желая не столько побеждать, сколько преклонять к покорности, он уговаривал литовских конфедератов возвратиться в свои дома. Он принимал с особым уважением тех, которые вверяли себя его великодушию, и вскоре повсюду восстановился порядок.

С самого вступления показал Суворов, что к военным талантам умел он присоединить дух примирения; ибо прекращал тогда возмущения и раздоры.

Таковые успехи обратили на него Монаршее благоволение, и Ее Величества препроводила к нему знаки ордена Св. Александра Невского при лестном рескрипте.

В январе 1792 года польские конфедераты, направляемые бароном Виоменилем, взяли Краковский замок, в котором стоял пикет из тридцати русских. Суворов, узнав о их намерении, пустился тотчас в поход для отражения сего удара. Он опоздал; едва на рассвете вступил он в город, как ему должно было сразиться с сильною вылазкою конфедератов, которых число в замке простиралось до 900 человек. Тотчас Суворов начал с 800 пехоты и нескольким числом кавалерии блокировать замок; и едва не попался и сам, так сказать, в блокаду, быв окружен конфедератами, которые твердо боролись. Он с ними выдержал несколько сражений и оставался всегда победителем. Наконец блокада обращена была в штурм.

Суворов приказал объявить французским офицерам, командовавшим в замке (подчѐркнуто мной – *В. Ч.*), что все готово к штурму и что, при отказе в сдаче, весь гарнизон без пощады будет истреблен. В заключенной тотчас капитуляции сказано было, что весь гарнизон отдает оружие и выступает в мундире, что французские войска под начальством Виомениля будут отправлены в Лемберг, а под начальством Дюмурье — в Биалу. Польские же конфедераты — в Смоленск. Виомениля и Дюмурье не было в замке. Два бригадира, Галиберт и Шуази, так как и другие французские офицеры, отдавали свои шпаги Суворову; но он не принял, под предлогом, что они в службе Государя, союзника его Императрицы, и обнял их.

Пленные отправились под сильным прикрытием; и хотя у Суворова оставалось мало войска, но он успел еще напасть и схватить гарнизон в Заторе, городе в 12 милях от Кракова. Он велел взорвать все укрепления и взял 12 пушек.

В сие время австрийцы и пруссаки выступили также против конфедератов и кончили войну, продолжавшуюся четыре года. Суворов получил начальство в Финляндии.

После сего никаких извлечений я не делал; а князь намеревался заняться сим со мною в деревне Кончанске. Но Провидение распорядилось иначе. Он скончался в Петербурге» [117].

Анализ двух текстов («Автобиографии» Суворова и ее сокращенной редакцией в «Записке» Фукса дает основание утверждать о взаимном дополнении одного источника другим, давая достаточно полное представление о военной деятельности великого полководца.

Не меньшее число вопросов при всем понимании лапидарности энциклопедического жанра вызывает и фрагмент биографии А. В. Суворова, посвященный второму этапу эго пребывания на территории Гродно уже спустя более двадцати лет после первого в 1794–1795 годах. Ознакомимся с ним: «У

час задушэння паўстання 1794 дзейнічаў на Брэстчыне. 3 (14).9.1794 г. разбіў перадавы атрад ген. Ю. Серакоўскага каля в. Дзівін, 4 (15) верасня узяў Кобрын, 6 (17) верасня у выніку Крупчыцкага бою 1794 г. прымусіў адступіць галоўныя сілы корпуса Серакоўскага, 8 (19) верасня перамог яго ў вырашальнай бітве паміж Брэстам і Цярэспалем. 25.10 (5.11).1794 г. штурмам узяў Прагу – прадмесце Варшавы, пасля чаго Варшава капітулявала» [91].

В данном тексте явно присутствует не только элемент политизации (через слово «удушэнне» автор как бы подчеркивает свое позитивное отношение к польскому восстанию и негативное отношение к действиям Суворова), но и упрощенной трактовки этого важного этапа в биографии полководца. Ведь победы над мятежниками на Гродненщине имели важное значение для проведения всей операции, а взятие Праги – Варшавы стало очередным триумфом Суворова, принесшим ему, кроме славы, наград, чина фельдмаршала, еще и имение в Кобрине.

Победы Суворова над Крупчицами и Варшавой надолго остались в памяти участников и современников событий тех лет. Спустя столетие помнили о них и белорусы. В 1893 году на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» (ЛЕВ) один из них написал статью под названием «К столетию годовщины молодецкого боя Суворова с польским корпусом Сераковского у селения Крупчицы (Кобринского уезда, Гродн. губ.)». В отличие от Владимира Емельянчика, преклоняющегося перед повстанцами и осуждающего русские войска, а также стремящегося умалить значение победы последних («З абодвух бакоў удзельнічала каля 20 тыс. чалавек. У час бою бакі страцілі каля 300 чал. забітымі і параненымі. 19 верасня каля в. Цярэспаль Брэсцкага павета русскія войскі разбілі паўстанцаў» [36], автор «ЛЕВ», назвавшийся «Старым ветераном», написал не только о полководческом таланте Суворова, но и о значимости упомянутых его побед:

«Истекает сто лет, как на Крупчицких полях ~~–о~~тбылась тяжкая война", по выражению местных жителей. Здесь же была и первая счастливая победа Суворова, после второго раздела Польши, предвестившая скорое «*finis Poloniae*», но по крайней мере для западно-русских областей России. Вызванная, вопреки постановлению Гродненского сейма, нежеланием некоторых польских генералов разоружить часть польских войск и незначительным успехом их над отрядами пруссаков и русских на Запад от Варшавы, польская инсургенция, уже тайно подготовленная, быстро охватила своим влиянием весь Привислянский край и часть Западных губерний. Во главе движения стал Костюшко. Смелыми своими действиями последний оттеснил пруссаков и поставил в затруднение русских, между военночальниками которых не было единства действий. В это время главнокомандующий граф Румянцев остановил внимание на Суворове; в приказе его значится, что Суворов «всегда был ужасом для поляков и турок», что «имя его действует лучше многих тысяч воинов». Суворов в то время был в Брацлавской губернии в городе Немиров. Приняв предложение и сделав разного рода «диспозиции», герой двинулся по намеченному плану на линию Западного Буга к Бресту, где

концентрировался отборный корпус поляков. 22 августа Суворов был в Варковичах, а 31 выступил из Ковля в м. Дивин Кобринского уезда.

Движение русских производилось при соблюдении одного главного условия – быстроты; скрытность не требовалась, так как неприятель был еще далеко. Суворов часто объезжал войска, встречаемый обыкновенно дружными приветственными криками батальонов, раскатывавшими по всему протяжению походной колонны. Иногда он подъезжал к тому или другому полку, ехал шагом, беседуя с солдатами и офицерами, узнавал старых сослуживцев, вспоминал с ними про минувшие походы и дела, давал знакомым солдатам одобрительные прозвища – Огонь, Орел, Сокол. Бывало и так, что беседуя на походе с войсками, он проезжал мимо какого-нибудь батальона или полка не останавливаясь; это значило, что он полком и за что нибудь недоволен, а такая немилость продолжалась иной раз немало времени. Если где-нибудь происходил беспорядок, то не давая виду, что его заметил, Суворов проезжал мимо, как бы в дремоте, зато потом призывал к себе полковника и премьер-майора и жестоко им мылил голову.

Но теперь, когда неприятель был близко, и кроме быстроты требовалась скрытность движения, поход производился в полной тишине, не давалось сигналов, не было слышно ни песен солдатских, ни криков, ни музыки. Бывало так, что подымались с ночлега или с роздыха, по заранее отданному приказу – когда петух запоет. В таком случае Суворов не обозначал времени заранее, выжидал, когда люди достаточно отдохнут, и тогда, хлопнув несколько раз в ладоши, громко пел петухом. Причуду эту можно было между прочим объяснить желанием замаскировать расчет времени для предстоящих действий не только от опасения, но и от своих войск, в предосторожность от шпионов, так как в русских рядах находилось немалое число офицеров и солдат бывших польских войск. Трудность походного движения наверстывалась, когда можно, его продолжительностью; приходилось войскам двигаться часов по пяти сплошь, без привала и остановки. Кто уставал, тот выходил из фронта и отдыхал; уставших до упада подбирал арьергард и подвозил на подводах. Артельные повозки с кашеварными котлами выезжали обыкновенно вперед, чтобы заручиться временем для приготовления пищи при следующих роздыхах. На дороге всюду было тихо и спокойно; евреи поставляли исправно порционный скот и другие предметы продовольствия; маркитанты ни в чем не нуждались. Приходилось лишь забирать заготовленное на лугах, а иногда и овес в снопах.

На пути Суворова, в 90 верстах от Ковля, лежало м. Дивин, куда продвинулся передовой польский отряд, состоявший из кавалерии. Сторожевая служба велась в нем так небрежно, а движение русских производилось так скрытно, что передовая партия казаков из 50 коней, подойдя на рассвете к Дивину, наткнулась на поляков и тот час их атаковала. На выстрелы примчалась еще сотня казаков, поддержала атаку, и польская партия, приблизительно в 150–200 человек, была исколота; человек 25 попалось в плен, спаслись немногие. Дело было окончено живо; когда

подошел казачий авангард, оставалось только хоронить убитых. За казаками пришла пехота, затем прибыл и Суворов. Жители местечка и пленные показали, что в Кобрин, за 35 верст отсюда, расположен авангард Сераковского силою в 500 человек пехоты и кавалерии, а проезжий священник еще раньше двинского дела сообщил, что поляки подходят к Бресту. Генералы советовали Суворову выждать, пока казаки соберут по дороге к Кобрину более обстоятельные сведения, но Суворов не согласился. Он считал более предпочтительным – накрыть неприятеля внезапно, чем движением партии открывать ему себя и свои намерения, а потому велел выкормить лошадей и идти дальше.

Это было 3 сентября. Когда наступила ночь, Суворов поехал в авангард, настиг его на привале в лесу и лег на короткое время у костра вздремнуть. Не было еще полуночи, когда полковник Исаев поднял свой отряд и выступил в путь; за ним следовали 10 эскадронов регулярной кавалерии в виде резерва; на расстоянии нескольких верст шла остальная конница отряда, а за нею уже пехота. Дивинский опыт скрытного похода и нечаянного удара и здесь удался; Суворов решился его продолжить, зная как подобные погромы сокрушают нравственные силы впечатлительного и малоопытного противника. С небольшой партией казаков и с Исаевым, он ускоренным аллюром поехал вперед. В нескольких верстах от Кобрина они наехали на придорожную корчму и расположились тут на отдых. Тем временем подошел исаевский авангард. Продвинулись ближе к городу, казаки сорвали аванпосты, помчались дальше, и не давая полякам опомнится, одним ударом порешили все дело. Поляки знали уже о движении русских, но никак не предполагали встречу с ними такой близкой. От того кобринский отряд был захвачен врасплох; люди спали, и с просонья засуетились, не успевали отвязывать лошадей от коновязей, а обрубали поводья или убегали, так что казакам досталось 300 лошадей. По словам пленных, Сераковский сначала предполагал прибыть с корпусом своим к Кобрину, дабы ударить на Пинск и истребить отряд бригадира Дивова; но узнав, что наступление русских идет со стороны Ковля, отменил свое намерение. Ведь затем он решил притянуть кобринский авангард к главным силам, к чему этот отряд уже и приготовился, отправив накануне обозы; даже командующий генерал часа за полтора до дела уехал к Бресту. Таким образом, кобринский авангард был истреблен или взят в плен (всего в нем состояло 400 человек) единственно потому, что русские не потеряли в Дивине и в дальнейшем движении ни одного лишнего часа. Были они вознаграждены и с другой стороны: в их руки достался кобринский провиантский магазин, небольшой, но довольно хорошо снабженный, а терять времени на заготовление продовольствия они не могли. И однако, все-таки хотя не на долго, отсрочить развязку. Обозы притащились к Кобрину насилу, до того лошади были изнурены бездорожьем, и вследствии этого неустранимого препятствия Суворов вынужден тут остановиться на остаток того дня и на весь следующий.

Урон русских в кобринском деле был не велик людьми; более ощутительную потерю понесли они в лошадях. Поляков же полегло много, притом в основном наповал. Суворов приказал разыскивать на боевом поле немногочисленных раненых и свозить их в Кобрин, где открыл госпиталь, а для погребения убитых велел собрать на помощь нескольких местных жителей. Затем он принялся наводить справки о польских силах и донес Румянцеву, что ему Суворому, предстоит быть в постоянном движении, так как поляки в разных местах усиливаются. Он писал между прочим, что просил Дивова идти на подкрепление по направлению к Бресту и о том же писал Репнину, но сомневается в исполнении этой просьбы, а потому ходатайствует о содействии.

Пятого числа, рано утром, показались две неприятельские конные партии против правого фланга и фронта позиции русских войск, занятой в ожидании предпологаемого наступления со стороны Сераковского. Суворов приказал Исаеву, не вступая с партиями в серьезное дело, задержать их. Вечером был захвачен пленный, который показал, что Сераковский до последнего времени считал своими притивниками Буксгевдена и Маркова, что он слыхал о движении с юга Суворова, но полагал его нахождения еще в окрестностях Варкович, а узнал же о его близком соседстве лишь в Крупчицах, куда перешел из Бреста. Ко всему сказанному пленный прибавил, что Сераковский на другой день собирается атаковать русских. Поверив этому известию, Суворов решил выждать атаки, отвел все тяжести назад, в особый вагенбург, под защиту одного пехотного полка и казаков, и так как позиция была во многих отношениях не выгодна, то ночью, часа в два, продвинулся верст на пять вперед и занял новую. Поляки однако не показывались. Тогда Суворов решился уже не выжидать их, а идти самому. В 7 часов утра 6 сентября войска тронулись в путь, казаки завязали перестрелку с польскими разъездами и захватили несколько пленных. Пленные показали, что Сераковский предпочел бы остаться на занятой им позиции, в Крупчицах за болотом, под защитою батарей, где находится и теперь.

Русские перешли реку Муховец у Черевачиц – пехота и артиллерия по мосту, конница в брод; в 8 час. утра они были уже в трех верстах от неприятеля и перестроились из колонн в боевыя линии. Поляки открыли артиллерийский огонь из своих орудий большого колибра; русская артиллерия стала отвечать им часом позже. Польские войска были расположены за речкой Тростяницей, по окраине топи шагов в 200 шириною, окаймлявшей все течение реки, в тылу их находился Крупчицкий латинский монастырь, вправо и влево подымались небольшие лесистые высоты, перед фронтом было поставлено пять батарей. Позиция была крепка, атака с фронта грозила большими потерями, а для обхода не хватало войск, потому что силы Суворова численностью уступали польским. Надо было придти к какому нибудь решению и притом не медля, ибо канонада продолжалась, причем польская артиллерия заявляла свои добрые качества. Суворов решился обозреть местность вблизи; он велел одному кавалерийскому полку атаковать часть польской кавалерии, отходившей к своей правой высоте, и сам отправился за атакующими. Когда егеря понеслись отважно, то через

непроходимую топь перебраться не смогли, и польская кавалерия ушла благополучно.

Тогда Суворов приказал пехоте вести фронтальную атаку, но только не прямо на неприятельскую позицию, а правее, ближе левофланговому их холму; через четверть часа части конницы взять влево и стараться перейти около трех мест, где это не удалось первый раз; через другие четверть часа другой части кавалерии, большей, произвести обходное движение вправо, верстах в 2-3 в Вилах. Пехота, под начальством Буксгевдена, бросилась вперед с сильным порывом; поляки участили артиллерийский огонь. В особенности досталось Херсонскому гренадерскому полку: картечь вырывала у него целые ряды, он два раза смыкался, но не останавливался и не колебался. Впрочем, было бы еще хуже, если бы Суворов не выставил на высоте батарею из 14 орудий; которая порядочно вредила полякам и облегчала атаку. Болото оказалось глубоким и трудно-проходимым; солдаты разобрали попутные избы в д. Ходос и Перков, сараи и прочее и запасались бревнами, досками и иным подходящим материалом. С помощью этих подсобных средств, поддерживая один другого и помогая друг другу, он подкартечным огнем поляков перебрались через болото. Для перехода потребовалось около часа времени; особенно затрудняли людей и замедляли движение четыре полковые пушки, которые несли на руках. Вся прочая артиллерия оставалась позади, под прикрытием.

Перейдя болото, пехота выстроилась под тупым углом к польской позиции и ускоренным шагом двинулась вперед. Видя, что русские переправляются влево и стало быть по переправе могут ударить во фланг, поляки, пользуясь продолжительностью переправы, тоже переменили позицию, под углом прежней, и встретили русских готовым фронтом. Удар в штыки был жестокий; ему предшествовали лишь несколько ружейных выстрелов, служивших ничтожным противовесом частому огню польской артиллерии. Поляки защищались с большой храбростью и упорством, и несли большую потерю в людях в рукопашном бою. Потом появились между ними признаки ослабления энергии, некоторые бежали, торопясь укрыться за стенами монастыря, где впрочем, были застигнуты и переколоты. Сераковский построил колонны и каре, с конницею по флангам, и начал отступление тихо, шаг за шагом.

Стойкости поляков однако грозило новое испытание: почти одновременно на обоих их флангах появилась русская кавалерия. Переяславский конно-егерский полк, предводимый генералом Исленьевым, не отыскавший пути через болото в начале боя, теперь был счастливее и переправился через отысканный им полуразрушенный мост. Четыре конных полка, посланные вправо под началом генерала Шевича, сделали довольно дальний обход, и перешли болото с большим трудом, спешенные, ведя лошадей в поводу и устилая топь древесными ветвями и валежником. Несмотря на появление кавалерии, поляки продолжали отступление медленно и в порядке, поддерживаемые огнем своей многочисленной артиллерии, которой русские могли противопоставить лишь 4 полковых орудия. Но пехотные и

кавалерийские атаки русских участились, сменялись одна другою, производились со всех сторон. Поляки несли большие потери. Они пытались было своею конницей атаковать русских с тылу, но были отбиты. Тем не менее они все-таки добрались до опушки густого леса и перед закатом солнца, разбитые, втянулись в темную чащу, где русские не могли уже продолжать длительные преследования.

Поляки потеряли убитыми много; Суворов говорит, что поляки потеряли 3000 человек убитыми, ранеными и пленными. Потери русских определялись в 325 человек.

Как только победный исход стал очевидным, Суворов послал к Кобрину приказание – обозами с их прикрытием двинуться вперед, а ротными повозками ехать как можно скорее. Благодаря такой предусмотрительности, через час по окончании боя артельные повозки прибыли и тот час началось приготовление пищи для усталых солдат. Очень устал и сам Суворов; в этой первой серьезной встрече с поляками он принимал личное участие, беспрестанно переносясь с места на место по полю сражения и немедленно являясь туда, где замечал колебание и недостаточную энергию. А так как он почти не спал на протяжении нескольких ночей, то с окончанием дела, въехав на небольшой холм, слез с лошади, снял каску, перекрестясь, произнес «слава в вышних Богу», выпил стаканчик водки, съел сухарь и, завернувшись в плащ, лег отдохнуть на землю под деревом. Подкрепившись несколько сном, он встал, пообедал и отправился объезжать войска. Останавливаясь в каждом полку, он благодарил за одержанную победу кратким, но огненным словом, чем поощрял солдат на будущие успехи. При этом офицеры и солдаты окружали его сплошной толпой, так что лошади его негде было повернуться; он это очень любил. Потом он поехал к раненым, которых продолжали перевязывать лекаря; легко-раненых и пленных приказал отправить к назначенному для них пункту пешком, тяжелых на обывательских подводах в Кобринский госпиталь; велел собрать для погребения умерших и убитых; сносить в одно место оружие от них, от раненых и пленных, переломав у ружей приклады, а у сабель эфесы. Суворову было доложено при этом одним из генералов, что мало хлеба, что надо бы заняться печением и сушкой, обождав прибытие транспорта с мукой. Суворов отвечал вопросом: «а у поляков разве нет хлеба», намекая на польские войска, находившееся впереди. Окончательное поражение Сераковского последовало за Брестом.

Крупчицкая победа Суворова над поляками имела важные последствия. Здесь были сломаны силы лучшего польского войска; после сего от Гродна до пределов Галиции западно-русские порубежные области освободились от поляков, а имя Суворова электрической искрой пронеслось по всей Польше, наводя уныние на возгордившиеся успехами польские головы. По выражению местных крестьян, здесь в Крупчицах «згинула Польша и настала Москва». Таково значение с. Крупчиц в нашей политической истории».

Затрагивался в данной статье и вопрос об увековечении в Крупчицах памяти А. В. Суворова и погибших во время сражения здесь русских воинов:

«Имеют Крупчицы значение и с церковной точки зрения. Среди чисто русского народа, сплошь и искони православного, в XVII веке воздвигается панами Олизарами латинский монастырь монахов цистерсов, главная цель коих – латинизация окрестного населения. Действительно, их усилия привели к некоторым результатам: окатоличились бывшие монастырские крепостные, а равно близ лежавшие шляхетские околицы и мызы. В смуту 1831 г. монастырь принимал также участие в мятеже и был закрыт, а костел обращен в приходской. В 1864 году, по представлению местного благочинного, этот костел, как малоприходный и стоящий в близком расстоянии от г. Кобрина, был закрыт одновременно с Збироговским костелом, а деревянное здание однако, спустя некоторое время, было передано на церковь; сюда же был переведен причт из близ лежащей Мыщицкой Успенской церкви, и образовался православный приход под названием Крупчицкого. В конце 70-х годов каменное здание монастыря, из которого можно было бы устроить прекрасную церковь, почему и оберегалось оно бывшим прежде благочинным от продажи на снос, продано за бесценок. Вслед за ним и сгорела по такому случаю и деревянная церковь. Прихожане до сих пор в течении 10 лет для совершения богослужения и требоисправлений ездят за 5 верст через знакомые уже читателю болота в с. Мыщицы. Когда возник вопрос о постройке церкви, то духовным ведомством указано было на известное историческое значение с. Крупчиц и на необходимость отличить это село постройкой более изящного по архитектуре храма. Недавно мы проезжали эту давно нам знакомую местность и увидели, что храм, хотя не освещен, но воздвигнут на средства казны и при пособии прихожан, по отличному по обыкновению плану. Жаль только, что в нем нет ничего, что напоминало бы блестящий подвиг нашего народного героя Суворова и что служило бы к внутреннему благолепию храма. Уже в Гродно мы слышали, что по установившему издавна обычаю, утварь церковная в разнообразных ее видах не входила в сметное исчисление при постройке церквей, и потому предстоит не малая на месте забота – снабдить храм соответствующими принадлежностями, и вместе с сим исследовать и соответственно обозначить место братской могилы Суворовских богатырей. Тем более это желательно, что в настоящее время обращено внимание и правительства и общества с одной стороны к сохранению, а с другой – к обозначению какими либо видимыми знаками событий и мест дорогих в истории отечества и в частности в истории нашего края, а в самое последнее время – в истории подвигов генералиссимуса Суворова» [113].

Следует заметить, что в рапортах командиров полков Суворову и в реляциях последнего главнокомандующему весьма важное значение придавалось вопросу о потерях личного состава и о достойном захоронении погибших воинов. В «ЛЕВ» этой теме было посвящено несколько публикаций, касающихся столетия гибели одного из учеников Суворова – полковника Деева. Их автор священник Рудоминской церкви Никодим Колнер писал: «О наступающем столетии кончины Деева живо напомнило нам 17 мая посещение его могилы начальником края генерал-губернатором сенатором П. В.

Оржевским, по пути из Вильни в г. Ошмяны. Высокого гостя встречали: г. мировой посредник и чины Рудоминского волостного правления с народом на 8-й версте от г. Вильно по Ошмянскому тракту – именно там, где находится памятник доблестному полковнику Дееву. Причт Рудоминской церкви, во владении коего состоит этот памятник, во главе со своим благочинным протоиереем Иоанном Шверубовичем счел долгом приветствовать начальника края в этом историческом пункте, представляющем одно из бесчисленных свидетельств русского мужества и беззаветной преданности своему долгу. К 10 часам утра генерал-губернатор прибыл к месту встречи. Принявши от крестьян хлеб-соль он направился к памятнику, у которого о. благочинный встретил его св. крестом и речью, в которой изложил вкратце историю памятника и его значение. После этого начальник края подошел к памятнику, преклонив колено и вознес усердную молитву о упокоении души почивающего под памятником героя. При отъезде Генерал-губернатор спросил у местного настоятеля, во ведении которого находится памятник, на какие средства поддерживается памятник, когда и какая пожертвована сумма, и изволил изъявить желание, чтобы в углублении лицевой стороны памятника, за его счет масляными красками был изображен крест.

Вот что, между прочим, из церковной летописи достоверно известно об этом памятнике и похороненном под ним полковнике Дееве. При усмирении поляков в 1794 году в г. Вильно, храбрый полковник Деев с двумя пушками командирован был от Островоротного пункта к Заречию для отбития другого пункта обороны поляков – призаречных стенных ворот. Во время формирования еще своего отряда на площади, вдруг из Островоротной башни он был поражен пулей. Пуля эта была направлена рукою лица, призванного по своему сану приносить св. бескровную жертву, рукою ксендза Целицы. Полковник Деев, был один из доблестных героев русской рати. Поэтому поляки решили во что бы то ни стало, и где бы ни было погубить полковника Деева. Голова его дорого была оценена ими; убийство полковника Деева поставлено было в особенную доблесть и заслугу. Потому то и могила Деева, сразу же по смерти его, сделалась предметом особенного уважения со стороны русских воинов и истинных сынов русской земли, так что в том же 1794 г. доставлен был и памятник над нею. Много героев воинов пало тогда в г. Вильно и около Вильно, но ни один не был таков как Деев, говорили все. Он, как сказано выше, был погребен на 8-й версте от г. Вильно, где в то время расположен был русский лагерь с походною в нем церковью. Над могилой его тогда же воздвигнут был соответствующий времени памятник из кирпичей, имеющий вид высокого и широкого столба с крестом наверху. Памятник этот существовал до 1863 года. При пособии Виленского Свято-Духовского Братства, в 1866 г. он был возобновлен почти заново. Рисунок 1-го памятника в том виде, в каком он имелся до 1864 г., содержится в альбоме рисунков преподавателя Виленской гимназии художника Василия Васильевича Грязнова, а сделан был рисунок с натуры в 1864 г. Он есть и в музее церковно-археологического общества Киевской духовной академии, где хранится также

рисунок и настоящего памятника. Павший в 1784 г. 31 июля от руки кармелита Целицы, полковник Деев похоронен на живописном месте: на отлогой возвышенности при дороге от исторического села Немежа на уездный г. Ошмяны. В этом с. Немеж ныне, принадлежавшем графу Тышкевичу, в 1656 году, происходили собрания съезда русских уполномоченных князей Одоевского и Любаво-Ростовского и польских командиров об условиях мира после победоносного взятия г. Вильны царем Алексеем Михайловичем, продолжавшиеся более двух месяцев. На возвышенности, слева от сказанной дороги, виднеется холм, который к полю оканчивается довольно крутым обрывом. На обрыве этого холма, с 1794 г. стоял грубой формы кирпичный столб, подточенный временем и враждебными руками, которые испещрили прибитую к нему доску недружелюбными надписями. Но тогда было время вооруженного мятежа. Добрый и энергичный ревнитель истинно русского дела князь Хованский, частью на средства, предоставленные начальством, частью данные Свято-Духовским Братством, воздвиг на прочном каменном основании каменный изящный столб, увенчанный золотым крестом. В углублении с лицевой стороны помещена св. икона великомученика Георгия; со стороны надпись, гласящая о смиренной доле почившего и годы 1794–1866 – время постройки и возобновления памятника. Памятник этот, по возобновлении, был освящен 21 августа 1866 г. ректором Литовской Духовной Семинарии архимандритом Иосифом (впоследствии Епископом Ковенским, а потом Смоленским), в присутствии главного начальника края, многих военных и светских лиц. На поддержку памятника имеется неприкосновенный капитал, на проценты с коего он, по мере надобности, должен ремонтироваться, но недруги не оставляют памятника в покое. Намеренно его портят. С 1866 г. памятник реставрировался несколько раз. В 1880 г. заново был исправлен, причем сделана около него прочная деревянная ограда, путь к нему от большой дороги вымощен камнем. В последний раз, а именно в 1894 г., памятник был выкрашен и приведен в весьма приличный вид, по усердию, на собственные средства, старшиной Рудоминской волости Иваном Купцевичем (римо-католического исповедования). Надпись на памятнике с западной стороны, в углублении, по-славянски такая: «На сем месте покоится прах полковника Деева, начальника Казанского полка, умершего 31 июля 1794 г. при усмирении возмущения г. Вильно». На северной стороне в углублении, тоже по-славянски, написано: «Поставлен в 1794 г., возобновлен в 1866 г.». С восточной стороны в углублении выделен шестиконечный крест, окрашенный в средине красной краскою. С южной стороны, и также в углублении, приготовлена чисто отделанная каменная доска для надписи, когда будет обновляться сей памятник. 31 июля 1894 г. исполнится ровно сто лет со дня кончины незабвенного полковника Деева, положившего живот свой за веру, царя и отечество и, в особенности за возрождение родного нам западно-русского края. Смеем надеяться, что этот достопамятный день ознаменуется хотя бы торжественным служением панихиды у памятника на могиле доблестного героя полковника Деева» [57].

В назначенное время панихида состоялась. Вот как писалось об этом в «ЛЕВ»: «31 июля. К 11 часам утра, по окончании божественной литургии в Рудоминской сельской церкви, по направлению к имению Немеж, потянулись толпы крестьян для присутствования при освящении возобновленного на средства Виленского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта, сенатора Оржевского, памятника-часовни на могиле полковника Казанского мушкетерского полка М. И. Деева, убитого у Острых ворот в Вильно в польский мятеж 1794 года. У памятника, к которому с почтового тракта Ошмяны ведет тропинка, стояли два столба, перевитые дубовыми листьями: с лицевой стороны памятник был украшен гирляндами из зелени, а крест – венком из живых цветов и зелени. В нише памятника изображено св. распятие, а по сторонам, в форме хоругвей, иконы св. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия и св. архистратига Михаила, под которыми внизу за надписью, кто здесь погребен, были помещены следующие строки:

«Спи мирным сном, ты воин славный – наш герой.
Сто лет прошло… ты здесь, исполнив долг святой
Ценою жизни, ты Литве жизнь, счастье дал,
Костьми ты лег за Русь и край наш дорогой.
Тебе – да будет вечный, в небесах, покой».

К 11 часам утра прибыл благочинный виленских церквей, протоиерей Иоанн Шверубович со священником Рудоминской церкви отцом Никодимом Колнером и дьяконом Николаевской церкви отцом Ержиковским. В начале 12-го часа из Вильно прибыли: управляющий губернией, вице-губернатор Скалон, начальник штаба местных войск, генерал-лейтенант Соболев, его помощник генерал-майор Мельницкий и генерал-майор Волькенау. При стечении соседних крестьян, разодетых в праздничные одежды, с волостным старшиною Купцевичем и писарем Годовнею, Рудоминской волости, – числом до 300 человек, духовенство приступило к освящению возобновленного памятника, причем пели певчие Виленской Николаевской церкви. После молебна Всемилостивому спасу, св. Виленским мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию и св. архистратигу Михаилу, было провозглашено многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, наследнику цесаревичу и всему царствующему дому, св. Синоду и Преосвященному епископу Иерониму, правительствующему сунклиту, всероссийскому победоносному воинству и всем православным христианам. Затем протоиерей Шверубович обратился к присутствующим со словом, в котором указал на значение возобновленного памятника над могилою героя воина Деева для окрестных крестьян, над которою в течении последнего столетия пронеслось много исторических событий, упомянул о тех великих благодеяниях, какие дарованы и оказаны Русскими Государями крестьянам, в заключение просил помолиться за упокой раба Божьего, воина Михаила. Вслед затем была отслужена панихида, с провозглашением вечной памяти Императрицей Екатерине Алексеевне, в царствование которой был убит полковник Деев, сему последнему и всем

православным воинам за веру, Царя и отечество на брани убиенным и многие лета всем присутствующим. При пении «вечная память» народ преклонил колена, а затем присутствующие поклонились у могилы героя, целуя св. крест. Прекрасная солнечная погода благоприятствовала торжеству, после которого Рудоминским волостным старшиною Купцевичем присутствующей интеллигенцией предложена была скромная закуска» [85]. Подобные панихиды осуществлялись, по сообщениям «ЛЕВ» на территории всей Гродненской губернии, по рассказам П. А. Наумюк, они имели место и на гродненском православном кладбище у т. н. «суворовских столпов» – надгробий над братскими могилами русских воинов той поры на протяжении XIX – начала XX веков [139].

Гродненские сюжеты из биографии А. В. Суворова были явлены также в описаниях штурма Праги и взятии Варшавы. Так в своей реляции о сражении за пригород польской столицы полководец среди прочих своих ближайших сподвижников назвал имя генерал-майора Лассия – представителя древнейшего ирландского рода, начавшего служить в российской армии, начиная со времен Петра I. В XIX – начале XX вв. О'Бриен де Ласси (таково их полное имя) жительствовали в своем имении Августовок под Гродно (ныне это место находится в черте города по ул. Репина) [142]. Судя по донесению Суворова, он высоко ценил ратные заслуги ирландца: «Генерал-майор Ласси, командовавший первой штурмовой колонною (она состояла из 3-го батальона егерей Лифляндского корпуса и трех батальонов фаногорийских гренадер, трех эскадронов Киевского конно-егерского полка, а также Тульского пехотного полка. – *В. Ч.*), – столь известен оказанным мужеством под Измаилом, оказал новый опыт такого мужества: всегда предшествуя, строго возбуждал тем бодрость подчиненных. Он первым начал дело, предоставлял все препоны под перекрестными выстрелами от неприятеля, овладел ретранжаментом, отобрал там бывшие батареи, но, к сожалению, тут получил рану в плечо, что принудило его получить команду старшему полковнику Жеребцову [117].

Известно, что после ранения суворовский генерал Борис (Франц-Морис) Петрович Ласси был казанским военным губернатором, потом начальником инспекции губерний Оренбургской, Смоленской, Литовской. Известно также, что вначале он пользовался расположением императора Павла, но вскоре подвергся опале и в 1799 году был уволен с военной службы. В 1805 году по указу императора Александра I генерал Б. П. Ласси был назначен главнокомандующим союзными войсками, собранными для защиты Неаполя от французов. Когда после сражения под Аустерлицем коалиция России и Австрии распалась, генерал с частью русских войск возвратился на родину. Фамилия Ласси передана была племяннику последнему Патрикию О'Бриен, который стал писаться О'Бриен де Ласси. Род этот (графский и дворянский) внесен в первую часть родословной книги Гродненской губернии. Дядя генерала и племянник, служивший в конной артиллерии, были участниками войны 1812 года. В 1817 году после выхода в отставку Патрикий получил от

своего дядюшки в наследство имение Августовок, откуда уходили в разные годы для защиты России многие представители этого древнего рода [161].

Имеется в реляции Суворова и упоминание среди «отличившихся храбростью и рвением волонтеров, т. е. добровольцев, и имя «подполковника и кавалера графа Цукато (в некоторых источниках – Цукатто. – *В. Ч.*) – первого взявшегося за написание полной биографии полководца». Давая свое согласие бывшему подчиненному на такой труд, Суворов в своем ответе на письмо графа Е. Г. Цукато, отмечал: «Ясный и понятный слог, обнаженная истина, основанная на совершенном познании образа моих поступков, должно быть единственными правилами для моего биографа» [117]. К сожалению, нам неизвестно как справился с данными требованиями – напутствия поименованный граф. Однако его потомок-корнет 14-го Ямбургского уланского полка Н. М. Цукотто вошел в историю русской литературы тем, что 5 августа 1870 года стрелялся на дуэли с корнетом этого же полка, литератором В. В. Крестовским в губернском городе Гродно, в урочище «Секрет». К счастью, эта дуэль закончилась благополучно, не нанесла урон здоровью стрелявшихся [142].

В 1795–1797 годах адъютантом у Суворова был А. А. Столыпин – один из родственников будущего гродненского губернатора П. А. Столыпина. Писатель Л. И. Раковский – автор книги «Генералиссимус Суворов» приписал ему заслугу в спасении полководца от нежелательной для него встречи с князем Н. В. Репиным в Гродно в конце декабря 1795 года по дороге из Варшавы в Петербург [97]. Начальник же штаба у Суворова П. И. Ивашев, ехавший в Петербург с полководцем в одном дормезе, передает сложившуюся тогда ситуацию несколько по-иному. Обратимся к воспоминаниям последнего: «К вечеру достигли до последней станции в Гродно; тут главнокомандующий отдельным корпусом князь Репнин имел главную квартиру. Репнин в чине полного генерала был старее графа Суворова, но ожидал уже встретить его со всеми военными почестями, как фельдмаршала своего и начальника. Фельдмаршал узнал на станции о приготовленной для него за 8 верст перед Гродно встрече, приказал мне ехать вперед, отклонить все приготовленные ему почести и явиться от его имени Репнину с извинениями, что от сильной боли в ноге он не в состоянии иметь честь быть у него.

Приготовленной встречею начальствовал бригадир князь Д. И. Лобанов-Ростовский, с трудом согласившийся не являться фельдмаршалу; получа наконец верное его слово, я поскакал в Гродно, и в ярко-освещенном доме, при блестящей свите, дежурный генерал привел меня в кабинет и представил главнокомандующему, украшенному сединами, всеми знаками и готовому встретить фельдмаршала с рапортом и шляпою в руке; в ту самую минуту, как я объяснял с неловкостью мое послание, послышался почтовый колокольчики дежурный генерал с поспешностью вышел с донесением, что фельдмаршал не удостоил его посетить и принял его рапорт, сказав: «доложите, мой друг, графу А. В., что старик я двое суток не раздевался, вот как видите, во ожидании иметь честь его встретить с моим рапортом». На 7-й версте за Гродно, я достиг

фельдмаршала; слова князя Репнина поколебали-было его чувствительность, долго размышлял он, не возвратиться ли назад; наконец решил продолжать путь» [117].

Был в биографии А. В. Суворова и третий, уже последний период его пребывания в переделах Гродненской губернии (1797–1799 (1800)) годы. Как известно, за свои ратные подвиги полководцу были пожалованы, среди прочего, имение Ключ Кобринский и земли Кобринского лесничества. В 1797 году новый император Павел I отправил его в унизительную отставку по причине…» отсутствия войны». Опальный фельдмаршал поселился в Кобрине, однако едва «запахло порохом», о нем снова вспомнили. Теперь его противником был Наполеон. За тяжелейшие Итальянский и Швейцарские походы в 1799 году Суворов получил военное звание генералиссимуса. Уже будучи больным, последние месяцы жизни полководец провел в Кобрине и в северной столице [62]. Умер выдающийся полководец 18 мая 1800 года в Петербурге, где и похоронен на одном из кладбищ Александро-Невской лавры. В городе Кобрине (в настоящее время – Брестской области) имеется военно-исторический музей А. В. Суворова, здесь уже установлен памятник замечательному военачальнику, внесшему огромный вклад в развитие российского военного искусства. Характерно, что сбор средств на установку здесь памятника полководцу был начат еще в конце XIX века в честь столетия ратных подвигов на белорусской земле [160].

Разумеется, что данная тема не ограничивается настоящей статьей. Важность ее для науки и жизни требует более глубокой и тщательной проработки и осмысления всей разновидности исторических источников.

1.2.Белорусско-польские вкрапления в родовых гербах русских дворянских историков XVIII века

XVIII век занимал важное место в развитии русской историографии. Именно в это время в ней завершался общеевропейский процесс превращения исторических знаний в науку, что означало выделение истории из общей суммы знаний о прошлом, подведение под исторические факты определенной философской основы, выработку критического отношения к источникам, установление тесных связей с западноевропейской историографией, создание обобщающих трудов по политической истории Российского государства. Немаловажную роль в этом процессе сыграли труды видных представителей дворянской исторической науки (В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и др.), делавших попытки определить задачи истории с точки зрения своего сословия.

Типичным представителем дворянской исторической науки второй четверти XVIII века являлся В. Н. Татищев (1686–1750). Его основной труды «История Российская с самых древнейших времен» стал первым опытом

научного освещения прошлого страны с позиций рационалистической философии. В. Татищеве ученый-историк тесно переплетался с политическим деятелем, с администратором и военным специалистом. Его исторические взгляды определялись характером политической деятельности, а изучение российской истории давало материал для политических выводов. Расценивая историю как обобщение опыта прошлого, В. Н. Татищев подчеркивал, что она нужна во всех областях человеческого знания и практической деятельности. Ни одно правительство, считал он, без знания истории не может правильно выполнять свои государственные функции. Да и вообще без знания истории, полагал он, ни один человек «мудр и полезен быть не может».

Давая емкую и развернутую оценку трудов основоположника русской исторической науки, С. М. Соловьев в свое время писал: «Заслуга Татищева состоит в том, что он первым начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике…, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований…, одним словом, указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русской историей».

О причинах обращения В.Н. Татищева к занятиям истории писали В. И. Астахов, С. Л. Пештич, А. Г. Кузьмин, А. Л. Шапиро, А. И. Юхт и другие исследователи. Между тем, отмечая теоретические и практические мотивы, приведшие этого видного представителя дворянского сословия в науку о прошлом, никто из упомянутых специалистов не сказал ни единого слова об его отношении к родовому гербу, отражавшему несомненные заслуги Татищевых перед Отечеством, начиная с древнейших времен. Исходя из заботливого отношения историка к своим далеким предкам и потомству, есть основания утверждать, что он весьма бережно относился к родовым традициям, во многом запечатлевшимся в гербе. Более того, знакомство будущего историка еще в молодости с генеалогическим древом Татищевых, их гербом, в значительной степени стимулировали его интерес к государевой службе, к истории монархического правления и страны в целом.

Вот что представлял из себя этот герб: «Щит, разделенный надвое, в нижней части заключает герб княжества Смоленского: в серебряном поле на траве стоящая черная пушка на золотом лафете с сидящей на пушке райской птицей. В верхней части щита, в красном поле, на золотом древке белое знамя означает доблести рода Татищевых, не щадивших себя в войнах за Отечество в качестве счастливых представителей ополчений. Графская ветвь рода Татищевых, получившая при возведении в это достоинство особый герб, удержала в нем эти же два поля с прибавкой еще третьего – в память пожалования: в золотом поле возникающий государственный двуглавый орел. Это поле в графском гербе верхнее. За исключением его да графской короны (вместо дворянской) над гербовым щитком, отмен никаких нет. Потому что как дворянский герб, так и графский, помещены на развернутой горностаевой мантии, увенчанной русской княжеской шапкой – для указания происхождения рода от князей Рюрикова племени. И хотя, вступив на службу московских государей, предок Татищевых не изъявлял претензий на удержание княжеского

титула, довольствуясь дворянскими правами, но происходил он по прямой линии от Мономаха и из старшей линии даже, чем московские государи – из рода Калиты».

Известно, что у внука Мономаха – Ростислава-Михаила Мстиславовича (умер в 1166 г.) был правнук Святослав Глебович (умер в 1310 г.). Его же внук Василий Юрьевич, любимый слуга Ивана III, за искусство раскрытия преступлений при судейском разборе получил прозвище *Татьищ,* т. е. разыскиватель похитителей. Для детей князя Василия Юрьевича это прозвище стало фамильным и всех их стали величать уже Татищевыми.

В. Н. Татищев безусловно знал, что его родственник Игнатий Петрович был храбрым воеводой при Иване Грозном и отличался дипломатическими способностями. В первый год воцарения Федора Ивановича его посылали на встречу со шведскими уполномоченными на реке Плюсе, близ Нарвы, для заключения мирного трактата; при царе Борисе Годунове он был воеводой в Рязани, думным дьяком и умер в 1604 году в должности царского казначея, т. е. хранителя государственных драгоценностей и костюмов. Знал историк и о том, что внук Игнатия Петровича – Михаил Юрьевич был уже боярином и умер в 1701 году, имея почти сто лет, одним годом не дожив до смерти младшей дочери, ставшей матерью царицы Прасковьи – супруги соправителя Петра I Ивана Алексеевича [40].

Таково было место в истории государства Российского представителей старшей ветви фамилии дворян Татищевых. Вторая из старших ветвей пошла от младшего сына Федора Большого Васильевича – Матвея Федоровича, один из праправнуков которого Никита Алексеевич и стал отцом историка и политического деятеля В. Н. Татищева. Положение Татищевых в обществе укреплялось по мере того, как увеличивалась вероятность наследования престола потомством царя Ивана V. В 1691 году Михаил Юрьевич получил боярский чин, а Никита Алексеевич почетное поручение Поместного приказа для разбора поземельных фортов в Дмитровском уезде. В 1697 году Никита Татищев принимал участие в строительстве фортификационных сооружений под Азовом и Таганрогом. Возрастали в его время и его поместья. В связи с рождением царевны Анны сыновья Никиты Алексеевича, десятилетний Иван и семилетний Василий (будущий историк), были пожалованы в стольники. Так началась придворная служба Василия – первая его жизненная школа.

Хотя с кончиной царя Ивана Алексеевича Татищевы должны были покинуть придворные должности, близость их к дому царицы Прасковьи сохранялась. Василий до конца жизни царицы был в нем своим человеком, имея здесь и друзей, и недругов. Соприкосновение в детстве с самыми верхами государственной системы, несомненно, оказало влияние на формирование мировоззрения и в какой-то мере характера Василия Никитича. Широкий государственный кругозор был ему как бы задан с детства. С этого же времени ему стали свойственны и весьма многих раздражающие независимость суждений, и чувство собственного достоинства.

Эти качества характера В. Н. Татищев сохранил и в последующей своей не только военно-административной, но и научно-исторической деятельности. Будучи приближенным к Петру I, он показался последнему многообещающим офицером, проявлявшим расторопность и усердие в несении важной для государства службы. Признавая, что «монархическое правление государству нашему протчих полезнее», историк считал, что всем в своей жизни он обязан Петру Великому. Офицер Татищев явно выделялся на фоне своих сверстников самоотверженностью и результативностью выполнения любых поручений. Такое служение он рассматривал как завет предков и напутствие отца «служить государю честно». Василий Татищев неоднократно оказывался в поле зрения Петра. Пути их пересеклись и в величайшем событии Северной войны – Полтавской битве 1709 года.

Бригада, в которой находился Татищев, подверглась мощнейшему натиску со стороны шведов. Накануне, 26 июня, один унтер-офицер Семеновского полка «немчин», перебежал к врагу. Предвидя, что перебежчик укажет шведам наиболее слабые звенья в русском войске, Петр I распорядился переодеть вновь набранный полк в иную форму, а их мундиры надели солдаты одного из лучших полков – Новгородского. На первый батальон Новгородского полка и обрушили свой удар шведы. Драгуны же, входившие в ту же дивизию (в числе которых был и Татищев), видимо, не были своевременно уведомлены о переодевании, проведенном к тому же в считанные часы. Поэтому они и приняли своих за шведов.

Петр сам взял на себя командование дивизией, а после того, как первый батальон Новгородского полка, понеся большие потери, начал отступать перед превосходящими силами противника, возглавил второй батальон и повел его в наступление. Именно в это время пуля прострелила ему шляпу. Естественно, что драгуны стремились не отстать от ринувшегося в битву царя. Татищев оказался рядом, когда и его встретила шведская пуля. «Счастлив был для меня тот день, – вспоминал он позже, – когда на поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями. И когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненых за Отечество. Счастлив был тот день…».

Быть полезным государю и государству Российскому Татищев стремился всю свою жизнь как при исполнении своих служебных обязанностей, так и при создании своей «Истории». Подчинение всего себя идее «государственной пользы» делало Татищева мыслителем неоднозначно осознающим себя в социальном плане. Дворянским историком его можно считать лишь в той мере, в какой российское государство XVIII века было дворянским, да может быть, и в силу некоторых унаследованных им традиций, включая семейные. Экономические и административные меры, предлагавшиеся Татищевым для пользы государства, Петр I выслушивал с явным интересом, хотя и не спешил воплощать их в жизнь. И вообще Татищеву было трудно уразуметь, почему многие из тех в окружении царя, кто постоянно говорил о государственной пользе, не хотели принять предложений, имеющих в виду как раз общий

интерес. Ошибка историка заключалась в том, что он переоценивал «честность» и приверженность государству дворянского сословия. Татищеву казалось, что он говорит на языке, понятном для всех дворян, а дворянство в лице Сената и многих других администраторов увидело в его речах и трудах угрозу для своих привилегий и побуждение к отрабатыванию того, что давалось даром как «первому» сословию. Трагедия Татищева заключалась в том, что в условиях XVIII века было слишком мало шансов на принятие его предложений каким-либо возможным правительством.

Будучи рационалистом, историк признавал необходимыми условиями обеспечения порядка и процветания страны патриотизм и просвещение. Вместе с тем, он отмечал, что «страсть самолюбия или самохвальства – плохие советчики историка. Историк должен знать правду и стремиться к ней. При этом ~~о~~ своем отечестве" историк ~~в~~сегда более способа имеет правую написать, нежели иноземец…". Историк не должен приукрашивать историю своей страны. Однако необходимо, писал Татищев, «не токмо нам, но и всему ученому миру, что через нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сусчие лжи, к поношению наших предков выраженные обличаться и опровергнуться» [61].

Царствование Петра I послужило темой ряда исторических работ, принадлежащих перу его ближайшего сотрудника Бориса Ивановича Куракина (1676–1727), женатому на сестре первой супруги Петра I А. Ф. Лопухиной. Герб князей Куракиных был следующим: «щит, разделенный на четыре части: в первой и четвертой частях – герб королевства Польского: в красном поле белый одноглавый орел с распростертыми крыльями. Во второй части герб Новгорода Великого: в серебряном поле малиновый стул, на котором поставлены крестообразный державный жезл и длинный крест; над стулом тройной подсвечник с горящими свечами, а по сторонам стула два черных медведя, стоящие лапами на золотой решетке. В третьей части – в голубом поле серебряный крест, под ним золотой полумесяц рогами вниз, а под полумесяцем – серебряная шестиконечная звезда; посредине герба малый щиток с гербом Великого Княжества Литовского: в красном поле всадник, скачущий на белом коне с поднятым мечом. На гербе – княжеская мантия и российско-княжеская шапка» [37]. Родоначальником Куракиных был московский боярин и воевода, князь Федор Андреевич Курака. Сам он был бездетным, но четыре его брата – бояре Ивана Грозного (Дмитрий, Петр, Иван и Григорий) имели немалое потомство. Наиболее ярким представителем этого аристократического рода и был Б. И. Куракин. Участник многих военных походов, начиная с Азовского и вплоть до Полтавы, Куракин в последующем прославился не только как видный российский дипломат, мемуарист, автор большого эпистолярного наследия, но и как историк. В своих политических взглядах Куракин симпатизировал потомственной аристократии, которую он считал несправедливо обиженной Петром. Исторические познания Куракина были непосредственно связаны с его дипломатической деятельностью. Ему в качестве посла при разных европейских дворах надо было знать не только отечественную историю, но и

всеобщую. Нередко приходилось составлять для себя своего рода исторические справки, прибегая и к истории своего герба и рода. Его перу принадлежат: «Дневник и путевые заметки», «Жизнь князя Бориса Куракина», «Записки о русско-шведской войне», «Гистория о царе Петре Алексеевиче» и др. Наиболее заслуживающим историографического изучения представляется сочинение Куракина о Петре 1. Это часть большого, но незавершенного труда «Гистория Славянороссийской империи», в основу которого были положены как письменные источники, так и личные воспоминания автора. Куракин предполагал вкратце остановиться на происхождении славян и русского народа, а также рассказать о начале князей по киевской линии. Разумеется, аристократическое происхождение исследователя сказалось и на восприятии им исторической действительности. Так он намеревался изложить не только историю всех ветвей Рюриковского рода, но и «фамилии выезжих», т.е. рода Куракиных, которые вели свое родословие от полоцкого князя Изяслава. Из «Гистории Славянороссийской империи» читатель узнает о крещении Руси, обычаях, княжеском правлении и времени, когда Русь становится суверенной страной. Описание конкретных исторических личностей начинается с Ивана III и заканчивается Петром I и его ближайшим окружением. Интерес к сильным мира сего пронизывает весь этот труд Куракина. «Характеры» исторических лиц во многом определяют, по мнению автора, все происходящие в мире события. История – это поле борьбы отдельных характеров, причем жизненный успех чаще всего зависит от счастья, случая, «фавора» [158].

Крупнейшим представителем русской историографии второй половины XVIII века является стойкий поборник дворянских прав и привилегий князь М. М. Щербатов (1733–1790) – аристократ по происхождению, общественному положению и по убеждениям. Последнее в немалой степени объяснялось семейными традициями его фамилии, а также родовым гербом: «черный одноглавый коронованный орел с длинным серебряным крестом в правой лапе, закинутым на левое плечо и с распростертыми поднятыми вверх крыльями, представляет черниговский герб; в нем изображен в центре большого гербового щита, рассеченного на четыре части, еще маленький щиток с золотым полем. В остальных четырех разделах щита: в первом и четвертом киевский герб – в лазуревом поле ангел в серебряной одежде, имеющий в правой руке обнаженный серебряный меч, а в левой – золотой щит. Во второй же и третьей частях щита в черном поле изображена серебряная крепость с башнями и воротами. Щит гербовый помещен на развернутой горностаевой княжеской мантии и увенчан княжеской короной. Эмблемы герба указывают на происхождение рода Щербатовых от киевского и черниговского князей Рюрикова дома, а именно от потомства второго сына Ярослава I – Святослава Ярославовича (умер в 1076 году), которому приходился потомком в шестом колене (от Рюрика в XI по родословию) св. Михаил Всеволодович, родоначальник нескольких княжеских родов, в том числе Одоевских, Барятинских, Горчаковых, Оболенских. Из рода же Оболенских происходил родоначальник рассматриваемого нами рода Щербатовых – князь Василий

Андреевич (лицо XVII колена от Рюрика, жившее в XV веке)». Будущий историк родился в семье генерал-майора князя Михаила Юрьевича Щербатого (1678–1738), приходившегося внуком окольничего царя Ивана IV Грозного, от третьего брака генерала.

Подобно другим представителям знатных дворянских фамилий, М. М. Щербатов в тринадцатилетнем возрасте был определен в гвардию, но сразу после издания в 1762 году «Манифеста о вольности дворянской» оставил военную службу. Будучи депутатом Екатерининской комиссии для составления нового свода законов, Щербатов весьма активно выступал в ней за развитие дворянского самоуправления и дворянского сословного суда, за замкнутость высшего сословия и против петровской «Табели о рангах», открывавшей доступ в дворянство недворянам. Несмотря на то, что Щербатов был одно время президентом Камер-Коллегии, ведавшей денежными доходами, а затем сенатором, он не стал поборником екатерининских порядков. Губернская реформа 1775 года дала, по его мнению, слишком большую власть губернаторам и слишком малую – губернским предводителям дворянства, а привилегии, предоставленные дворянам жалованной грамотой 1785 года, он считал недостаточными.

В полном соответствии со своей политической программой защиты всех привилегий дворянства и его прав на соучастие в управлении государством Щербатов создал и свою схему русской истории. История «единовластительства или самодержавия», как основной стержень истории России дополнялась у него второй темой – доказательством исторической роли русского дворянства. В понимании Щербатова дворянство – не антагонист, а законный преемник боярства, объединяемый с ним общим понятием «аристократия». Обоснование необходимости единения царя с аристократическими кругами, в том числе и со Щербатовыми, проходит у историка через всю его «историю России с древнейших времен», а также публицистику. Определенной политической задаче отвечала также работа М. М. Щербатова «О древних чинах, бывших в России, и о должности каждого из оных (1776 год). Крайне противоречиво отношение историка к Петру 1 и его реформам. В работе «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого», написанной в 1782 году, он говорил, что политика Петра на двести лет ускорила развитие России. Одновременно с этим он считал, что его преобразования привели к «повреждению нравов» в России и умалению роли знатных боярских родов».

Значительный след в русской историографии второй половины ХУШ века оставил другой дворянский историк И. Н. Болтин (1735–1792). Происхождение его рода относится к XIV веку. Стрийковский приписывает Ольгерду поражение в Подолии, близ Синих вод, монгольских князей Кутлуаока, Кичибея и Димейтера в 1331 году. Первый из них после этого при Иване Калите переселился в Москву, где принял православие с именем Георгия, а затем женился на русской и прижил с ней сына Михаила, известного под именем Болт. Его сын Матвей первый стал писаться Болтиным, и от него пошла

эта дворянская фамилия. Потомство от Бориса Болтина продолжалось его сыновьями: Степана, Алексея (Баима) и Никиты. У Степана был сын Никита, а у Никиты Борисовича сын Иван Никитич, ставший генерал-майором, прокурором военной коллегии и ученым-историком. Герб рода Болтиных издревле был у этой фамилии, причем в нарушении науки гербоведения щитодержицы герба – лев и единорог были помещены в нашлемнике сверх намета. Сам же герб – «в красном поле ездок в татарском одеянии, на белом коне, обращенный в левую сторону и держащий серебряный меч, поднятый вверх. Намет красный с подложкою золотом».

Отношение Болтина к истории довольно оригинально. Он не получил систематического образования, но по внутренним побуждениям в течение всей своей жизни упорно учился, причем читая отечественную и западноевропейскую историческую литературу, делая многочисленные выписки. Вероятно, эти знания вместе с ним и умерли бы, если бы во Франции не увидела свет клеветническая работа Леклерка, посвященная истории России. Разбирая книгу француза, Болтин вольно или невольно задел Щербатова. «Примечания» Болтина на работу Леклерка и Щербатова и его «Ответ» на письмо князя Щербатова явились основными трудами 50-летнего историка, в которых достаточно цельно представлено все его научное мировоззрение.

В отличие от практического изложения русской истории Щербатовым Болтин ставил и пытался решить общеисторические вопросы: об отличии русской истории от западноевропейской, о происхождении русского народа, о возникновении крепостного права и т. д. В то время, когда еще господствовало в науке правило, по которому историк не должен иметь ни отечества, ни родственников, ни друзей, Болтин думал уже совсем иначе, полагая, что историк «… не должен закрывать или превращать истину бытий по пристрастию к своему отечеству, к родственникам, друзьям своим, но всегда и при всех говорить правду, без всякого лицеприятия». Если Щербатов и его предшественники в основу исторических событий клали действия отдельных лиц, то Болтин искал общую причину, от которой зависел весь исторический процесс в целом. Он говорил о влиянии среды на развитие человеческого общества, нравов людей на законы, которыми они живут. Рассматривая проблему возникновения крепостного права на Руси, историк ставил его развитие в зависимость от злонамеренной воли дворян. Несмотря на такого рода критические замечания, Болтин был убежденным монархистом. «Пусть всякий думает о вещах по-своему, но делает только то, что повелевает законная власть», – подчеркивал он. В. О. Ключевский в статье, посвященной И. Н. Болтину, справедливо писал: «У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это». В отличие от своих предшественников и современников Болтин не преклонялся перед деяниями своих предков, полагая, что они не могли действовать так, как бы хотелось нам, ибо они были людьми своего времени, причем со своими положительными и отрицательными чертами в поведении. Однако определенный жизненный опыт они нам все-таки передали. Таким образом,

можно сказать, что родовые гербы русских дворянских историков XVIII века вольно или невольно оказывали на них определенное воздействие как в концептуальном плане, так и в конкретно-фактологическом рассмотрении.

1.3. М. О. Коялович о внутреннем быте славян и их участии в оборонительных войнах

Научное наследие нашего земляка – профессора Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича (1828–1891) долгие годы находилось в забвении. На сегодняшний день уже немало сделано по освобождению его имени и исторического мировоззрения от налета идеологической зашоренности. Однако данное обстоятельство нисколько не поколебало традиционных критиков Кояловича. В недавно вышедшем сборнике научных статей «История Польши в историографической традиции XIX – начала XX вв.» вклад замечательного ученого в изучение истории наших западных соседей – поляков не только искажается, но и извращается высокомерным «похлопыванием профессора по плечу». Такого рода выпады не имеют ничего общего с научным анализом, они не только не возвышают, а наоборот, принижают взявшихся за такое непотребное дело. Чего хотя бы стоит высказывание одного из авторов о том, что «М. О. Коялович очень редко высказывался о Польше в благожелательном тоне». С ним отчасти можно согласиться лишь по отношению замечательного историка к Речи Посполитой, а если точнее, то с ее печальным крушением. Сравнивая общественный строй данного государственного объединения и России, Коялович неоднократно высказывался в пользу российской государственной традиции, тесно связанной с православием, самодержавием, народностью, в то время как в Польше этим всенародным правом пользовалась только шляхта. К причинам «падения Польши» Коялович относил не только слабость государственной власти, отсутствия ее поддержки со стороны крестьянства, нравственную распущенность шляхты, но и другие причины.

Считая, что разделы Речи Посполитой были неминуемы, ученый приветствовал присоединение белорусских и украинских земель к Российской империи, поскольку оно «возродило старорусское единство», благодаря которому воскресла народная русская сила, сбросившая с себя «с поразительной легкостью не только государственное, но и духовное иго».

Отмечая положительное значение воссоединения русских земель в связи с разделами Речи Посполитой, Коялович при всей своей антипольской настроенности резко оспаривал ту часть этой «исторической работы», которая под влиянием в первую очередь немцев, привела к уничтожению государственной самостоятельности этнографической Польши». Что еще раз подтверждало, что Коялович никогда не был врагом поляков, что он понимал и

сочувствовал настоящей подлинной Польше, и резко протестовал против той ее реакционной части, которая стремилась и стремится поглотить белорусские и украинские земли. Весь смысл польской цивилизации здесь, по утверждению историка, заключался в желании обогатиться за чужой счет и превратить белорусов и малороссов в «состояние грубой массы, которая должна была служить чужому государственному идеалу».

К наиболее отрицательным последствиям польского владычества в Западной Руси ученый относил и «разрыв между высшими и низшими слоями», приведший к тому, что народ ее «оказался в уединении и не имеет выхода к лучшей жизни». Даже деятельность здесь польских просветителей породила группу талантливых людей, оторвавшихся от своей исконной русской духовности, но так и не признанных Польшей безоговорочно своими. К таким людям он, в частности, относил и Адама Мицкевича, «который не видел, не понимал и не чувствовал больной стороны западнорусской жизни, не встал на сторону своего загнанного народа, а сделался польским шляхетским поэтом». С таким же скептицизмом относился Коялович и к другим своим землякам, отдавшим свои таланты и общественную активность идеалам, по сути дела чуждой им государственности и культуры. Вся надежда этих «литвинов» на достижение «самостоятельности и политической независимости Литвы в лоне польской цивилизации» неминуемо закончится, предупреждал ученый, тем, что имело место и прежде — «слиянием с Польшей». Увлечение западными теориями, по Кояловичу, пагубно отражается на поисках просвещенной местной интеллигенции, да и «белорусское племя такое близкое к великорусскому, что никакой сепаратизм не может иметь в нем силы». Считая его порождением иноземного влияния, он писал: «Мы не придерживаемся такой теории, что каждая народность должна представлять собой державу. Такую теорию мы считаем деспотичной и злонамеренной... Сильная же державная идея способна «притянуть к себе разные части, оторванные от них различными несчастливыми историческими обстоятельствами». Коялович был убежден, что «только в единстве с Восточной Россией любовь к Белоруссии может иметь законное действительное проявление», ибо «с Востока принесены в Белоруссию и разделы Польши и освобождение от крепостничества. А что пришло с Запада? Евреи, иезуиты, уния, гибель народной интеллигенции. Для западно–русского человека не должно быть сомнений куда ему идти — на Восток или на Запад».

Историк высказывал горькое сожаление по поводу жестокой расплаты западноруссов за союз с Польшей, так как в этом союзе они потеряли не только свою аристократию, свою веру, культуру, но и то, что «оказалось у них слишком много людей, испорченных Польшей и тянувших к ней назад».

Много претензий к «польскому наследию» в Беларуси имелось у историка и к другим периодам истории, включая и современность. Иногда его, особенно в публицистике, заносило излишне вправо, но недругом поляков и Польши он не был. Этот конкретный факт его биографии и творчества нашел отражение в большинстве его научных трудов, посвященных славянской

проблематике, включая и «Лекции по русской истории», прочитанные им студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1888–1889 учебном году и увидевшие свет спустя столетие, в 2008 году, под моей редакцией. Акцентирование внимания на данное наследие замечательного земляка объясняется еще и тем, что большинство современных его недругов игнорируют и знать не хотят содержания этих «Лекций», столь убедительно опровергающих ангажированность упомянутых «даследчыкаў».

Особенно интересен и убедителен М. О. Коялович в трактовке догосударственного периода истории славян (Лекция I). К этой теме ученый приступил после глубокого источниковедческого и историографического анализа темы, исходя из реальных достижений тогдашней науки. Кроме письменных памятников, ученый использовал при изучении древнейшей истории славян филологические и археологические данные. Находя славян на их исторических местах, указанных еще Нестором, Коялович приходит к мысли, что они жили здесь в Европе, т. е. задолго до Рождества Христова. Постоянными историческими соседями славян были литовские, латышские, эстонские племена, старшими соседями славян были греки в их колониях по берегу Черного моря. По мнению историка, «сами славяне не только не помнили о пути, которым они пришли в Европу, но и не помнили о своем азиатском происхождении».

Что касается культурного состояния древних славян, то лингвистические данные подтверждают, что они были «народом культурным еще до раздела своего на племена». М. О. Коялович писал: «Составляя один народ они знали неподвижные жилища, обставленные разнообразной утварью. Всем славянским наречиям общи названия: дом, двор, дверь, окно, печь; из области земледелия: плуг, рало, серп, сноп, жито, пшеница, ячмень, овес, просо, лен, конопля; из растений – плодов: яблоки, груши, сливы, огурцы, горох, дыни; из культурных животных: овца, коза, свинья, корова, конь, осел, собака, гусь, утка, курица; пчела; из металлов: золото, серебро, олово, медь, железо. Известны были также слова: шить, ткать, варить, молоть, писать. Русские блины – старинное кушанье славян». Большое влияние на жизнь и места проживания славян оказали кочевые племена. «Трудно думать, – говорил М. Коялович, – что во всех этих переворотах и сношениях славяне не выработали известных форм государственности, не селились в общины. Греческие писатели этого времени ничего не знают о событиях внутренней жизни славянских племен, поэтому прямых исторических свидетельств нет, а могут быть только косвенные данные филологии и археологии. Названные науки могут дать всего более для изучения этого времени и опровергнуть дутые немецкие теории о расселении славян. Начало таким исследованиям положено уже Забелиным, Иловайским, Самоквасовым и др».

«Если взглянем, – говорил историк, – на первую карту атласа Замысловского, нас поразит страшное пространство, занимаемое славянскими племенами. Всех славян обыкновенно делят на сев.-восточных и юго-западных, по направлению Карпатских гор и по различию наречии. Резкое деление славян

произвели румыны и мадьяры (X в.), которые, как клин, врезались в среду славянских племен и разобщили южных славян с их северными и восточными братьями. Это разобщение повлияло на развитие особенностей в языке, обычаях, нравах отдельных славянских племен, но за всем этим всякому исследователю бросается в глаза поражающее единство культурных форм жизни, которое свидетельствует о поражающей этнографической силе и жизненности славян».

В общих чертах положение славянских племен до возникновения у них государств М. О. Коялович представляет следующим образом: «Представим себе пространство между Лабой (Эльбой) и Вислой. Посреди этого пространства течет Одра. На этом пространстве мы увидим следующее. Славянские племена, ближе других соприкасавшиеся с иноземцами, удержали за собой родовое название – «словени», т. е. люди, которых можно понять, в противоположность иноземцам, которые для славян были немцами, т. е. немыми, говорящими непонятным языком.

Таким образом, мы перечислили группы славян западных и южных. Теперь перейдем к восточным группам.

На востоке жили следующие племена: угличи и тиверцы между Днепром, Днестром и до Дуная; выше их были поляне, а западнее – волыняне; севернее – древляне при Припяти; за Припятью – дреговичи, а далее большое племя Кривичей по Зап. Двине и в верховьях Днепра. На восточной стороне Днепра жили северяне до Чернигова. На востоке от них жили вятичи, а на западе – радимичи, а на самом севере в пределах финских жили славяне.

Из всех этих племен два племени исполняли как бы особую историческую миссию – умиротворяли крайности других племен. Это: 1) словаки, служившие промежуточной группой между западными и восточными славянами, будучи по бытовому укладу к чехо-моравам ближе, а по языку к восточным своим соседям — угорским русским. Они же выносят на своих плечах вековую борьбу за славянство с захватившими их мадьярами; 2) белорусское племя – самое мягкое и выносливое, терпевшее разные невзгоды и разгораживавшее собою более резкие по характеру и стремительные племена».

При исследовании вопроса о внутреннем быте славян М. О. Коялович делал упор на оседлости жизни славян, их семейной жизни, а также на том, как группировались их семьи, какое значение имело у славян так называемое родовое начало и т. д. С этими вопросами естественно связывались у него и другие вопросы: о землевладении, о городах и о военном деле.

Об оседлости племѐн описал: «Мы знаем, что уже Геродот свидетельствует о некоторых племенах, которые жили около Днепра и в которых, с большою вероятностью, можно усматривать славян, что они жили оседло и занимались земледелием. Но, кроме того, мы имеем и положительные свидетельства об этой оседлости славян, а именно: свидетельства Прокопия, Иорнанда, Маврикия – писателя VI в. и Гельмольда – писателя XII в. Прокопий говорит, что славяне живут в дрянных избах, разбросанных на большом расстоянии. Очевидно, что речь идет о земледельческих племенах. По

свидетельству Маврикия, славяне жили в местах, у рек, болот и озер и вообще в местах неприступных. Можно думать, что Маврикий говорит о кочевых славянах, но он свидетельствует также и о том, что у славян были особые укрепленные места. Впрочем, как бы кто ни понимал свидетельства Прокопия и Маврикия, об оседлости славян ясно говорит Гельмольд. По словам этого писателя, славяне не заботятся об устройстве хороших изб, а плетут их из хвороста. Едва раздастся клик военной тревоги, славяне берут хлеб, закапывают его вместе с золотом, серебром и др. драгоценностями в яму, берут жен и детей в надежное убежище, а на месте их поселения остаются одни избы, которыми они нисколько не дорожат... Отсюда видно совсем не то, что из показаний Прокопия и Маврикия, ибо славяне представляются имеющими золото, серебро и драгоценности, хотя и живут в дурных избах.

Нужно сознаться, что как по вышеуказанным свидетельствам, так и по некоторым другим домашний быт древних славян представляется во многих отношениях слишком грубым и неприятным. Прокопий, например, говорит, что славяне едят, что попадется; наш летописец Нестор также говорит, что славяне живут в лесах и едят все нечистое. Но эти все писатели говорят так о славянах не потому, что и в самом деле домашний быт славян был так грязен, а более потому, что каждый из них смотрел на этот быт со своей точки зрения и судил о нем поэтому так или иначе: Маврикий – как император, Прокофий – как образованный грек и Гельмольд – как писатель и проповедник, естественно, находили жизнь славян грубою и непрочною; Нестор – как человек религиозного настроения находил языческую жизнь славян подобной жизни зверей.

Скудные сведения об оседлости славян и их домашнем быте дополняются свидетельствами о других проявлениях их жизни, например о жизни семейной. Но и с этими свидетельствами нужно обращаться внимательно и осторожно, так как и здесь есть много неприятных сведений о славянах».

О семейной жизни: « Мы имеем три вида заключения брака у славян: брак с согласия родственников жениха и невесты, похищение насильственное и похищение после предварительного соглашения между женихом и невестою. Было у славян и многоженство. Нестор говорит, что у радимичей, вятичей и северян был обычай иметь по две и по три жены. Это подтверждается и свидетельствами некоторых иностранцев. Но, с другой стороны, те же иноземцы хвалят и целомудренность славянских женщин, и преданность их своим мужьям. Маврикий, например, говорит, что они выше всего ценят блага семейного очага и утешаются в потере мужей добровольным убиением себя. Само собой разумеется, что не убивали себя жены, у которых были дети. Такие женщины получали полную равноправность с мужчинами и назывались «матерыми вдовами». По «Русской правде», они имели право жить при своих детях и иметь свое собственное имущество и хозяйство; между прочим, из этого права впоследствии выродилось право женщин выходить на поединок. Иностранцы хвалят такое высокое уважение славян к

родителям и вообще к старшим. Мы имеем разные из внутреннего и внешнего быта доказательства, что старшие имели громадное значение в роде: они были первые советники и руководители всем родом. Их души, после смерти их или так называемые домовые, были почитаемы божескими почестями. Главою семейства был отец. По смерти место его занимал брат или старший сын, который и решал все недоразумения между семейными. Делиться славяне не любили».

Историк повсеместно поддерживал большую роль в общественной жизни славян вече: «Веча существовали во всех городах, в старейших городах земель и волостей, в отдельных городских общинах. Но власть каждого веча распространялась только на территорию, ему принадлежащую. Поэтому, так как власть старейшего города земли простиралась на всю землю известного племени, то к вече его имело значение для всей этой земли; было племенным вечем; так, например, в Новгороде, Ростове и в др.». Или же племенное вече составлялось из соединения в главном городе с его вечем вече пригородов. На вечах требовалось единогласие. По понятиям некоторых историков, это требование есть признак неразвитой культуры древних славян. На самом деле: если на вечах решались дела нравственного характера, то разногласия не могло быть. Разногласие возможно и даже нужно в вопросах формального характера. Дела, решавшиеся на вечах древних славян, не требовали никаких технических сведений, а требовали только развитого нравственного чувства. Историк не должен смущаться тем, что когда на вечах добивались единогласия, были некоторые шероховатости: драки и прочее.

Замечательно, что польское племя, чудовищное искажение славянских начал, сохранило, однако, некоторые из этих начал; в нем с упорством сохранялся сейм, на котором требовалось единогласие. Отсюда польское – «liberum veto» – право каждого не соглашаться с сеймовым постановлением. Если же хоть один не соглашался, то и все сеймовое решение пропадало.

«Единодушие, – подчеркивал историк, – однако, не было уделом славян; напротив, среди них царствовало разъединение. Маврикий пишет: «Племена славянские не имеют общего начальника, почему нелегко заключать с ними договора: что решают одни, на то не соглашаются другие, враждуя между собой. У них много начальников, а потому во время войны выгодно и легко разъединить их». Массуди также свидетельствует о множестве распрей между славянами. А Альбекри прямо выражается, что только разъединение и междоусобия сдерживают славян, а если бы соединились, то легко победили бы весь мир. Иногда, впрочем, объединялись целые группы и тогда составлялись союзы. Союзы были развиты у балтийских славян; так, около бодричей группировались вагры, гриняне и др.; вокруг лютичей – тоже несколько племен ратторян. Были союзы славян, живших по Эльбе; затем — союзы даже поморян. Самые бодричи и лютичи постоянно враждовавшие между собой, соединились, затем тем, для общего противодействия Карлу Великому. И у нас также до призвания князей были союзы. Таковы, например, волынский союз, союз новгородцев, кривичей с участием даже финских племен; союз областей

древлянских, образовавшийся для сопротивления Игорю и Ольге; летописец, рассказывая о походе Олега под Византию, дает основания заключать о сосуществовании союза у славян».

Отмечая, что по данному вопросу существует громадная литература, М. О. Коялович демонстрирует в своих «Лекциях» блестящее ее знание: «Историки расходятся в решении его, смотря по тому, какой момент русской жизни они берут для построения своей теории - первоначальное ли поселение славян в чужой земле, или постепенную мирную колонизацию. Забелин (в 1-м т. «Истор. рус. жизни») берет последний момент. Он говорит, что города возникали путем договорных соединений для торговых и военных целей, судных и административных. Иловайский в своей «Истории» решает вопрос иначе. Он говорит, что дружины выделялись из народа под начальством князей и жили в укрепленных местах-городах, где окрестное население на случай опасности находило себе защиту. Ключевский полагает возможным указать даже происхождение важнейших наших городов: когда авары разгромили славян и поселились между ними, то славяне в качестве прикрытия начали устраивать города, которые приобретали в то же время и особенно при хазарах и торговое значение. Когда затем хазарское царство стало разрушаться от напора печенегов и сами славяне подвергаться набегам последних при близком соседстве, то у славян стали организовываться военные дружины, которые в качестве опорных пунктов нуждались в городах: опять возникло много городов с военным значением. Ходаковский, основываясь на мнении Шлѐцера, что в России до половины IX в. не было ни одного города, собственно ими называемого, все существующие древние городища и остатки городов признал местами языческого богослужения древних славян, священными насыпями; мнение это принимали и Шафарик, и Погодин, но в настоящее время оно оставлено. Фактические данные представляют дело так: несомненно, города, например у угличей и тиверцев, имели военное значение; их было много и развалины их сохранялись до времени Нестора; само положение их указывает на военное назначение: тут, как известно, проходили во время великого переселения гунны, авары и др. Особенно много городов было на севере и востоке России. Вся страна была как бы усыпана городами. Исландские саги говорят о ней как о стране городов. Важные города были на торговом пути, потому что места остановки товаров требовали достаточного укрепления. Таковыми городами у болгар были Преслава, куда во времена Святослава сходились богатства из разных стран; Киев, который, по словам Нестора, стоял выше городов окружавших его племен. Новгород, главным образом, в силу торгового значения сделался центром окрестных славянских земель и подчинил себе чудские; подобное же значение имели Смоленск на Днепровском пути и Полоцк на Двинском пути. Такие города, как Киев, Переславль, Любеч, имели как торговое, так и военное значение, существуя с давнего времени, уже для Константина Багрянородного будучи древними. По Ключевскому, они находились даже вне племенных групп. У западных славян города имели военное, торговое, религиозное

значение. У бодричей был Старгород, у лютичей – Радегост (или Ретра), у поморян – Щетин, Колобрег (Кольберг), Гданьск; на месте Берлина был славянский Перевоз.

По мнению историка, «природа наделила славян богатыми качествами. Арабский писатель Фоцлан (III в.) так описывает древних славян: «Никогда я не видал таких рослых людей: они высоки, как пальмы, и весьма румяны, так что на востоке всех румяных называли ~~с~~аклавами", т. е. славянами».

Как же они относились к войне? Древние славяне выступали на войне как европейцы, а не азиатцы; выступали для защиты, а не для нападения. Еще Тацит заметил эту особенность и на основании ее причислял славян к германцам, а не к сарматам. В войне всегда славяне изыскивали наилучшие способы для защиты. Защита была основной целью славян. Греческие писатели Прокопий и Маврикий представляют и виды этой защиты. По их указаниям, славяне пользовались для защиты природными условиями – ущельями гор, реками, лесами. Маврикий указывает еще на ту особенность, что славяне вели не наступательные, а только оборонительные войны, и когда нельзя было укрыться на земле, прятались в воду и держали в зубах тростники; а в случае опасности неожиданного нападения на открытом месте огораживались телегами и под ними скрывали свои семейства. Отсюда выработалась казацкая защита, сохранившаяся до самого позднего времени. От арабских писателей мы имеем свидетельства другого рода, подтверждаемые археологическими изысканиями. Многочисленные города и городища показывают, что защита была развита в сильной степени и главное – была правильно организована. Кроме того, что существование таких городов указывает на существование необходимой для их защиты дружины, топография некоторых из них дает понять, какими глубокими соображениями руководились славяне при устройстве важнейших оборонительных пунктов. Таково, например, положение Пскова, защищенного со стороны Балтийского моря озером; Новгорода при впадении Волхова в оз. Ильмень, дававшее возможность жителям укрыться на нем в случае нападений; Смоленска на левом берегу Днепра и при болотах, преграждавших к нему доступ северным племенам; Киева на правом берегу Днепра, прикрывавшего его таким образом от насельников обширного степного поля. У балтийских славян, мы знаем, были неприступные города: Анкона на о. Рюгай, Щетин между морем и озером и др. Это показывает, что дело защиты было широко развито у славян. Воинственность их, по свидетельству Прокопия и др. писателей, развивалась в борьбе с гуннами, и в особенности при нападениях с аварами на Византийскую империю, а потом в разгроме самих аваров. Участие в этих нападениях хорошо организованных германских ополчений имело большое влияние на развитие у славян и военного дела. Славянские племена по образцу западных дружин устраивали у себя группы и развивали искусственный строй для нападений. Но до какой степени западные писатели искажают факты, видно из того, что, по их мнению (то же говорит и Грот в своем сочинении «Моравия и Мадьяры»), славяне, двигаясь с аварами, смешались с ними и исчезли, а германские дружины сохранились.

Несостоятельность вышесказанного мнения делается очевидною, если сличить его с известиями о движении славян и о победе их над аварами. Кроме того, мы имеем несомненные данные для утверждения, что задолго до образования государства существовали у славян целые военные дружины, вызванные торговыми их интересами: необходимостью сопровождать и защищать от разграбления кочевниками караваны. Эта военная охрана сосредоточивалась во всех важнейших торговых пунктах. По свидетельству Константина Багрянородного, славяне вели торговлю водным путем: строил плоты и на них плыли до днепровских порогов, где им приходилось вооруженною рукою пролагать себе путь среди печенегов, и потом свободно направлялись по Днепру и Черному морю к берегам Византии. Понятно, что при широком развитии торговли и необходимости защищать ее явилось много охотников вступить в предназначенные для охраны караванов отряды.

В войнах, которые славяне должны были вести, выработались те жестокие черты характера у славян, особенно балтийских, на которые неоднократно указывают различные писатели. Так, по свидетельству Льва Диакона, славяне на кол сажали пленных. Маврикий говорит, что они намазывали стрелы ядом. Ещѐ большие жестокости и страсть забирать пленных обнаруживались у западных славян при столкновениях с западными народами. По свидетельству Гельмольда, славяне вытягивали у пленных кишки, пригвождали к кресту, сажали до выкупа в ямы. Целые рынки, по словам того же писателя, были наполнены пленными; в Мекленбурге, например, однажды было выставлено на продажу до 100 датчан. Святослав говорил, что ему нравится Переяславец и потому, что он служит центром обширной торговли рабами.

Таким образом, благодаря войнам в славянском характере образовались две непривлекательные черты: жестокость и торговля пленными, черты, противоречившие их известному гостеприимству и любви к свободе. Правда, пленники, прослужив несколько лет, получали свободу и могли возвратиться на родину, но множество их повело к развитию зла рабства, с которым потом пришлось считаться.

Что касается вооружения, то археологические раскопки дают много данных для определения его рода. Обычным вооружением славян были стрелы, обоюдоострые мечи, которые, как вещи дорогие, редко клались с мертвыми. Шлемов и лат, по свидетельству Маврикия и Прокопия, у них не было, и они для большего удобства вступали в бой без одежд. Новгородцы, например, объявили (пред Липецкой битвой) Мстиславу Удалому, что они не хотят сражаться на конях, оставив их и сняв сапоги, начинали битву. Из раскопок мы узнаем, что славяне употребляли щит из кожи, шлем, латы; а при таком тяжелом вооружении требовалась и конница. И, действительно, мы видим, что во времена князей конница была чрезвычайно великою силою. Греки говорят, что славяне завели у себя конницу по их примеру, но на деле еще ранее греков пример этот был дан им кочевниками. Имея издавна дело с последними, и во всяком случае прежде столкновения с греками, познакомившись с гуннами и

аварами, славяне от них и могли перенять конницу. Простые воины редко были в латах, не было у них даже стрел, выходили с секирами и даже ножами.

Торговля редко велась сухим путем: главные пути были водные, разумеется, с необходимыми волоками. Торговлей преимущественно занимались летом, а военными делами – зимой. Уже один взгляд на карту показывает, что торговое движение у славян, а вместе с ним и взаимное общение было большое. Недаром Беляев, вдумчивый писатель, считал кривичей более развитыми сравнительно с другими. В их области завязываются узлы водных сообщений. Собственно для русских славян имел значение так называемый «греческий» путь, т. е. ведший от Византии и Черного моря на север. Если идти от Черного моря – начало одно, по Днепру, на противоположном же конце путь распадался на много частей. Из Балтийского моря на Днепр можно было попасть: или 1) по Неве через Ладожское озеро, Волхов, оз. Ильмень, по Ловати, волок на Двине, по маленьким речкам (Каспле и др.) и волоком до Днепра; или 2) из Финского залива по р. Луге (все волоки этого пути равны 30 верстам), в оз. Ильмень и далее; 3) через Чудское озеро, попадая в него из Балтийского моря или по Нарве, по р. Пернаве и Эмбаху, а из него продолжая путь по Великой с волоком на Двину и затем на Днепр; 4) в древние времена, кажется, мало, а впоследствии часто славяне, попав на Двину Западную, по ней и продолжали путь до моря; 5) с Днепра – по Березине волоком путь на Неман или Вилию; 6) по Припяти с ее притоками на Вислу и Западный Буг. Для южных русских славян, как угличи и тиверцы, под руками был весьма удобный путь по Южному Бугу или Днестру на притоки Вислы и далее.

Затем важен был путь Волжский. Как с верховьев Днепра, так и с Новгородской области – по Мете, Тверце, Мологе и др. по Волге славяне доходили до Хвалынского моря. Затем по различным рекам, при посредстве нескольких волоков, легко было установить сообщение как с Волги, так Новгородской области – с Белоозером, Северной Двиною и Белым морем. Сплетение верховьев больших чрезвычайно удобное для сообщений, обращало на себя внимание уже в древности. И в летописи мы находим описание топографии этой местности; летописец указывает лесистую возвышенность и «Оковский лес» (в нын. Смоленской губ.). Отсюда берут начало: Днепр, направляющийся на юг в Понт, Волга – восток и «втечет семьюдесят жерел в море Хваливское», Двина на северо-восток и «впадет в море Варяжское».

Сообщения по греческому пути много терпели от печенегов и половцев; приходилось или воевать с ними, или вознаграждать себя усиленными сношениями по другим путям.

По Волге славяне встречались с болгарами (Хазарское царство), доходили до Каспийского моря и, по свидетельству арабских писателей (Макушева, Гаркави «Сказания мусульманских писателей о руссах»), до Багдада. Происходило сообщение и по Балтийскому морю. К X–XI вв. у Новгорода были большие торговые сношения с варягами по Финскому заливу и

Балтийскому морю. Но необходимо предполагать, что эти сношения были и гораздо раньше. При этом русские славяне доходили до Гданьска, Колобрега, Щетина и особенно Волина; о. Боригольм также часто посещался. На пути Новгорода к балтийским славянам указывают остатки старых сношений. Промежуточной станцией здесь был о-в Готланд' г. Висби: и вот там есть река Волжица, название которой, очевидно, перенесено с нашей Волги. Эти местности отняты у славян немцами.

Предметами торговли, так сказать отпускной, являлись меха, хлеб, медь и воск. С балтийскими славянами вели торг янтарем; от чехов шло серебро и копи; от хорватов и вообще южан получался рогатый скот; с греками торговали дорогими тканями, золотом и вином. Указания на это находим у Святослава в его рассказах о Переяславце. На восток вывозили меха, особенно черно-бурых лисиц, получая оттуда драгоценные камни, пряности и др. Как велика была торговля, об этом можно судить по кладам. Случалось находить довольно значительные суммы, зарытые в одном горшке и, следовательно, принадлежавшие одному лицу: около Великих Лук был найден клад на сумму 7 тыс. рублей. Особенно важны здесь арабские монеты: на востоке существовал обычай перебивать монету при каждом новом владетеле, следовательно, монеты ходят только при том, при котором биты. Поэтому можно определить и древность торговых сношений арабов с русскими славянами. В VII в. такие сношения, несомненно, существовали.

Интересна торговля русских с инородцами дальнего севера. Она производилась из новгородских стран, например с югрой.

Личного или устного объяснения между торговцами не было по незнанию языка. Дело производилось так: одни клали свой товар на одну сторону, другие – на другую, убавляли, добавляли, пока не устанавливалось обоюдное согласие.

Главными промыслами наших предков было земледелие; скотоводство было подспорьем, дополнением земледельческого промысла, а не специальным, каким оно является у кочевников; пчеловодство.

Ремесла были у славян такие, которые удовлетворяли первым потребностям домашнего быта; так, мы знаем плотников, гончаров, кожевников.

Все эти данные о жизни домашней, общественной и военной могут давать заключение о сильном развитии у славян гражданственности. По этому вопросу наши писатели разделяются на два разряда: одни, примыкающие к Шлѐцеру, отодвигают начало гражданственности к поздним временам, утверждая, что в эпоху призвания князей славяне стояли на низкой степени развития, живя в родовом быте, близком к быту диких и кочевых народов. С этим не соглашаются славянофилы. Они стоят за что, что славяне с давнего времени стояли на степени общинного быта, что уже само собой свидетельствует о гражданственности довольно высокой (Беляев «Рассказы по русской истории»).

Профессор Ключевский, держась мнения о раннем развитии гражданственности у славян, находит возможным дать определенные указания относительно ее начала. Арабский писатель Массуди (40-е годы X в.) сообщает, что за несколько веков до сего времени в странах прикарпатских существовал союз славянских племен под главенством волынян (валинан, дулебов или бужан). В VI в. этот союз был разрушен аварами. Это вызвало движение славян из прикарпатских стран на восток, на берега Днепра. Писатели VI в. застают славян придунайских в самом напряженном движении, как бы на походе: Прокопий пишет, что славяне живут в плохих разбросанных хижинах и часто переселяются, а Иорнанд прибавляет несколько фигурально, что у славян, простирающихся до Днестра и Вислы, болота и леса служат вместо городов. Природа страны и ход цивилизации создавали привычку селиться «починком на лесе», «жить однодворкой», как говорили в XVI в. Многочисленные городища, рассеянные по Руси, с признаками еще языческого времени — следы этих однодворных поселков. По размерам городище обыкновенно не более того пространства, которое нужно для крестьянского двора. По летописному преданию, сам Киев возник из трех дворов, поставленных братьями Кием, Щеком и Хоривом. Свойство страны и промысла вынуждало колонистов к такому порядку расселения: каждый ставил двор ближе к тому месту, которое он приспособлял для пашни или ловли зверя, а это делало необходимой разбросанность дворов среди болот и лесов. Это же повело за собой распадение родового быта, так как топографическое удаление членов рода затрудняло практику родового общежития. Рядом с процессом разрушения родового быта шло созидание того общественного быта восточных славян, который рисуется в наших летописях. Новые формы выработались на новых местах под благоприятным влиянием. С конца VII в. на пространстве между Волгой и Днепром утвердили свою власть новые пришельцы, явившиеся по следам аваров, хазары, которые и брали дань с полян, северян, радимичей и вятичей, а по летописям Переяславльско-Суздальским, и с древлян. Но хазары не были хищной, завоевательной ордой вроде своих предшественников и преемников в южных степях. Хазарская столица на Волге стала узлом живых и разносторонних торговых отношений с далеким Востоком, Византией и даже Балтийским побережьем. Эти обстоятельства оказали решительное влияние на быт славянского Приднепровья. Пользуясь выгодами мирной жизни, население побуждалось на усиленную промышленную эксплуатацию занятой страны. Благодаря этому население, с одной стороны, привольно разбрасывалось по свободным местам, а с другой — сосредоточивалось на известных пунктах торговых путей. Так создалась, с одной стороны, сельская земельная община, с другой – русский промышленный город.

Формами общежития в сельской обстановке были: вервь – мелкий земельно-административно-податной округ; погост – первоначально сборный пункт для обмена и торговли (гостить-торговать), но, вероятно, уже в хазарское время он получил и административное значение: хазарская дань предполагала известную администрацию сбора, какие-нибудь податные округа.

Некоторые погосты, образовавшиеся на главных речных путях, пользуясь выгодами своего положения, при содействии хазарских отношений выросли в более значительные торговые пункты. К торговому движению в хазарское время следует приурочить возникновение городов. А торговое движение было весьма сильное, судя по обилию восточных монет VIII и IX вв. в многочисленных кладах, рассеянных по Южной Руси. Одинаковое с другими начало имел и Киев, ставший потом главным промышленно-торговым пунктом. С разрушением же хазарского царства, закрывавшего славян от восточных кочевников, славянским городам пришлось самим озаботиться защитою, и тогда города приобрели военное значение – в них появилась дружина.

Итак, Ключевский приурочивает начало гражданственности славяноруссов к эпохе поселения их в Приднепровье. Но он же сам указывает на факты, заставляющие не соглашаться с этим и относить начало гражданственности к более раннему времени. Начало это нужно видеть в распадении родового быта и в переходе к высшим формам общественного устройства. Но трудно признать, чтобы славяне, возвысившись еще до появления аваров до создания государства по типу федераций – очень сложному, хотя и с решительным главенством одного племени, все еще продолжали оставаться в родовом быту. Вместе с тем, отнеся ко времени расселения славян после нашествия аваров появление городов в Приднепровье, он оставляет без объяснения тот факт, что угличей и тиверцев, и именно по Бугу, Днестру и берегам Черного моря – существовали многочисленные города, остатки которых сохранились до времен Нестора. Еще до нашествия авар существовали эти города и, следовательно, до того движения в славянском мире, к которому относит Ключевский зачаток славянской гражданственности. Следует думать, что именно авары стерли города угличей и тиверцев с лица земли, и непосредственно подвергая их разгрому, и посредственно уничтожая те торговые сношения, которые вызвали эти города к жизни.

В качестве показателя высокой степени гражданственности русских славян в эпоху до призвания князей справедливо историки указывают на существование (Е. И. Забелин) так называемых вне-племенных городов. Так, например, Смоленск находится собственно не в области какого-либо племени, а на границе между кривичами и северянами. Новгород — город племени, удержавшего родовое наименование «словени», окружен кривичами и чудью. К Киеву, городу полян, примыкают также северяне, древляне, дреговичи. Значит, при самой постройке городов имелись в виду интересы не столько племенные, т. е. чтобы город служил центром своего племени, сколько междуплеменные, город являлся посредником между несколькими племенами. Следовательно, уже в то отдаленное время у славян было сильно стремление к взаимному общению и объединению, стремление, свойственное народам культурным.

И. Е. Забелин («История русской жизни») также считал славянскую цивилизацию весьма древней. Между прочим, не будучи специалистом-филологом, он на основании филологических данных отвергает мнение

немецких ученых, принимаемое и некоторыми из русских (напр., Гротом), что Восточная Европа в эпоху переселения народов была населена германцами, о славянах в ней не было и помину. Так, на западном склоне Карпат в VI-VII вв. находят все германцев, герулов, бастарнов, певкин и тому подобных. Забелин И. Е. говорит, что все это были славяне: и до настоящего времени в Карпатах существуют горарии (горные жители), известные в латинских памятниках под именем монтане, бастарны, по его словам, быстряне, получившие свое название от р. Быстрицы, а певкины (певки – сосны) – древляне. Он делит славян на понтийских и бывших балтийских; признает, что общинный быт развился у тех и других с давнего времени, причем центром гражданственности славян русских он считает Киев, о котором под именем «Куявы» много говорят старые арабские известия, представляя его именно во главе славянских стран. Указание это согласуется и с летописцем, который говорит, что Кий был «перевозчик», т. е. посредник в торговом движении через Днепр; а это вместе с существованием постоянного перевоза, очевидно, свидетельствует о развитии кипучей деятельности у славян и о развитии у них культуры, которую можно довести по летописцу до I века.

Одним из проявлений культурности русских славян в данный период является полюдье. Константин Багрянародный (писатель X в., пользовавшийся известиями более раннего времени) пишет, что «когда наступит ноябрь месяц, князья руссов, оставив Киев, отправляются на полюдье в славянские земли вервян (древлян), кривичей, сервов (северян) и др. Проведши там зиму, когда вскроется Днепр, возвращаются в Киев». Во время полюдья князья собирали дань и повинности с народа, производили суд и расправу. В то же время этим пользовались торговые люди, закупали и развозили по местам, где нужно было пользоваться зимним путем, товары, собирая их в те пункты, откуда по весне можно было отправляться водным путем. Относя существование полюдий к эпохе далеко ранее X в., мы получаем картину общежития, несомненно, культурного народа, потому что такой обычай не мог явиться прежде более или менее высокого подъема гражданственности. По исследованиям Лавровского и Будиловича, оказывается, что славянский язык развился раньше Кирилла и Мефодия, да и перевод книг для них был возможен только при развитии славянского языка; чтобы явиться таким, каким мы знаем его и в трудах Кирилла и Мефодия, славянский язык нуждался в предварительном развитии, требовавшем некратковременного периода. На это развитие указывают и договоры Олега и Игоря, в которых славянский язык весьма удачно справляется с задачей передать понятия высококультурного греческого языка. Литературное развитие славянского языка произошло, по Будиловичу, в Византии, где было немалочисленное славянское общество, достаточно знакомое с византийской культурой, в котором и Кирилл, и Мефодий усовершенствовались в языке и приготовились к переводу книг. Язык перевода священных книг был для славян вполне понятен, и они овладели им сразу по появлении переводов. Такое развитие славянского языка указывает на существование среди славян сильного культурного движения».

Немаловажное значение придавал Коялович верованиям славян: «У балтийских славян в Щетине был священный дуб, а между этим городом и Старградом находилась целая дубрава, где совершались моления в честь Перуна. В летописи говорится о постановлении идолов Перуна в Новгороде и Киеве, а также и в Ростовской области. Это было не введение идолослужения, а реставрация старых идолов. Кроме торжественных мест, богослужение совершалось при многочисленных случаях жизни и на дворах. В нашей литературе господствует мнение, что у славян религиозный культ не был развит, что у них не было ни жрецов, ни храмов. Но это мнение не совсем верно. На Руси не жили взаперти, как теперь: собирались не в залах, а на улицах, на площадях, где были и самые веча. Точно так же и богослужение совершалось на открытом месте. Мнения о жрецах тоже должно быть ослаблено. Настоящая научная разработка показывает, что кудесники и волхвы не случайные люди. Кудесник – человек, обладающий искусством ворожить, человек, умеющий умилостивить богов: домовых, например, закланием петуха (значит, был при этом и обряд). Волхвы – совершители жертвоприношений (волхвовать – приносить жертву), значит, они участвовали в каких-то неизвестных жертвоприношениях, о чем летописцы вообще скупо говорят.

Христианство со своей художественной стороной у нас, русских, скоро вытеснило языческую пустоту; лишь в семьях, в домашней обстановке, язычество продолжало жить. Иное было у других славян. Борьба с христианством вызвала их на разработку язычества, что видно у западных славян. У балтийских славян в центре города Аркона, на площади, находился деревянный, но изящно построенный храм Святовида. Кругом храма был забор, грубо и без вкуса окрашенный. Чрез забор в храм вели одни ворота. Капище разделялось на две части: внутреннюю и внешнюю. Эти части разъединялись завесою из пурпуровых ковров на столбах. В этом святилище стоял идол Святовида и др. в латах и с оружием; здесь же находился конь Святовида и хранились несметные богатства капища. Вероятно, при капище были и др. здания, как то помещение для жрецов и прочие. В Щетине в храме были три придела, где стояли столы и где происходили совещания и пиршества. Известно, что при закладке храма и домов место, предназначенное для этого, освящалось огнем с пляской и пением. Идолы делались деревянные с серебряными и золотыми украшениями, а иногда бывали из благородных металлов: вот где язычество достигло художественности.

Были у славян и жрецы. Они пользовались большим почетом. Так, например, у западных славян голос их иногда был сильнее голоса князя. Особенно значение их было развито в Литве. Верховный жрец назывался Криве-Кривейто; похожий на Папу латинян, неженатый, он носил на голове особый убор. При нем находился целый штат священников, из которых главное значение принадлежало «вайделотам» (женатым), заведовавшим судом. Кроме того, были еще «криве» (неженатые). При храмах находились и девы в роде римских весталок, поддерживавшие небесный огонь (знич). Эта разработка иерархического вопроса придавала силу язычеству.

Всеми этими лицами приносились жертвы богам. Жертвоприношения носили чисто земледельческий характер и состояли из произведений земли, животных и т. д. Но были случаи и кровавых жертв: иногда приносили в жертву богам детей своих. Известен также случай кровавой человеческой жертвы над варягами Иоанном и Феодором. У балтийских славян был обычай во время войны приносить в жертву наиболее важных пленников. Этот обычай держался до XIII в., и славяне с особенным удовлетворением жарили своих наиболее важных пленников-немцев».

К числу наиболее интересных аспектов истории древних славян М. О. Коялович относил их времяисчисление, праздники и мифологию. В них есть также немало интересного и имеющего отношение к исследуемой теме, однако все они требуют отдельного и детального рассмотрения. Что же до поднимаемых мною вопросов, то при трактовке их историк-славист опирался, прежде всего, на доступные ему источники и достижения современной науки. Вместе с тем, он не считал изменой науке свое пристрастие к славянской теме, ибо он был подлинный славянин. Доброе имя славян и их подвиги он защищал на научном поприще столь же грамотно и смело, как и наши древние предки на полях ратных схваток.

1.4.Гродненская губерния в трудах историков и краеведов XIX – начале XX вв.

Образование в начале XIX века Гродненской губернии, несмотря на все издержки этого факта и явления, положительно затронули все стороны жизни города над Неманом. Он стал расти, хорошеть, обретая год от года все новые и новые черты столицы одноименной губернии. Сведения о Гродненской губернии стали появляться в императорских указах, в других законодательных актах, правительственной и земской статистике, в победных реляциях с полей сражений, в литературных и газетных источниках. Уже в первое десятилетие существования губернии в периодических и зданиях страны начали публиковаться всевозможные статьи о тех или иных страницах гродненской истории. Активизация исследовательской работы в данном направлении во многом была связана с открытием в городе над Неманом в 1835 году Гродненского губернского статистического комитета. Комитет подчинялся Министерству внутренних дел, курировал его деятельность непосредственно губернатор. Членами-корреспондентами комитета как в Гродно, так и в уездных городах, как правило, становились чиновники, учителя и просто любители местной истории. С их помощью осуществлялся сбор информации о состоянии торговли, промышленности, составе населения и его движении, о количестве культовых сооружений, учебных заведений и т. д. Нередко МВД, Российская Академия наук и Генеральный штаб ставили перед губернским статистическим комитетом задачи историко-исследовательского плана.

Так, в феврале 1836 года император Николай I поручил генерал-лейтенанту А. И. Михайловскому-Данилевскому (1790–1848) начать работу над «Описанием Отечественной войны 1812 г.». Для выполнения государева заказа перед генералом-историком открывались не только двери всех библиотек и архивов. В ход были пущены и административные каналы, по которым интересующие автора сведения поступали к нему изо всех уголков империи. Столь высокое покровительство Михайловскому-Данилевскому потребовало от тогдашнего гродненского губернатора Н. Х. Коптева передать перечень интересующих историка вопросов директору Гродненской губернской гимназии и одновременно председателю Гродненского губернского статистического комитета И. М. Ястребцову. Последний тотчас же по получении задания вызвал к себе молодого преподавателя вверенной ему гимназии Ф. К. Гарца (1812 – ?) и поручил ему выполнение столь ответственного поручения. Бывший студент Московского университета добросовестно отнесся к его выполнению. Им были собраны, обобщены и проанализированы буквально все материалы гродненского архива, архивов уездных судов, полиции и магистрата, имевшие отношения к войне 1812 года. Итогом этой работы стал труд под названием «Сведения (записки), относящиеся к истории о войне 1812 г.». В изложении событий этой войны Ф. К. Гарцу полностью придерживался официальной точки зрения на события тех лет. Его антипольские настроения были столь очевидны, в силу осуждения тех поляков, кто поддержал Наполеона, что И. М. Ястребцов, взявший на себя функции редактора труда, вынужден был смягчить их в пользу т. н. линии Адама Чарторыйского, направленной на сохранение в западных губерниях польско-католического влияния. Это выражалось в перечеркивании Ястребцовым наиболее очевидных антипольских высказываний Гарца. Возложение на членов-корреспондентов статистического комитета, а также чиновников и учителей такого рода поручений было делом достаточно распространенным. Так в те же 1830-е годы по требованию МВД и губернского статистического комитета Гродненское губернское правление выполняло большой объем работ по сбору сведений и описанию церквей и монастырей на территории губернии. Заседатель гродненской уголовной палаты Игнат Григорьевич Кулаковский по заказу комитета составил Историческое описание г. Гродно. Работа над данным сочинением привела его к выводу о том, что история белорусов полностью «потоплена в истории Польши или лишь упоминается в истории России. Исходя из этого, он предлагает создать учебник по истории края. Отставной капитан-инженер Ф. Е. Нарбут составил «Исторические записки о городах Литвы», а инспектор Гродненской гимназии В. С. Покровский – «Исторические достопримечательности Гродненского уезда». В разные годы записки о достопримечательностях Слонимского, Волковысского и Белостокского уездов составляли С. И. Мартинович, М. К. Шуакайло, И. М. Гольдштейн и др. С началом издания местным статистическим комитетом «Памятных книжек Гродненской губернии», а также статистических обзоров Гродненской губернии» началась широкая

публикаторская деятельность на страницах местной истории. Параллельно свои исследования они помещали и в «Гродненских губернских ведомостях».

Именно благодаря поддержке губернским статистическим комитетом усилий по изучению истории края стало возможным написание и более фундаментальных исследований. Весьма плодотворно на историко-статистической ниве трудился в Гродно отставной генерал-майор П. М. Диков (многолетний секретарь губернского статистического комитета). О подготовил и издал такие труды, как «Сведения о лесах Гродненской губернии», «Список землевладений Гродненской губернии» и др. С историко-статистических и географических исследований начинал свою научную карьеру историк и этнограф П. О. Бобровский (1832–1905). Участник Крымской войны, он в 1859 году руководил группой офицеров российского генерального штаба, которая не без помощи гродненских статистиков и краеведов подготовила и издала в 1863 году труд в двух частях «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба –Гродненская губерния", а также два тома приложения к нему. В этом издании были помещены важнейшие сведения по экономике, этнографии, просвещению, про города и наиболее крупные местечки Гродненской губернии. Богатый историко-этнографический и географический материал стал важным источником по истории края, а также фундаментом для более детальной ее разработки. В 1860-е годы П. О. Бобровский в гродненских и виленских периодических изданиях опубликовал целый ряд работ, касавшихся истории Гродненской губернии. Среди них: «Историко-статистический очерк Гродно», «Законы движения народонаселения Гродненской губернии в 15-летний период», «Несколько слов о Зельвенской ярмарке», «Историческая монография города Гродно», «Город Слоним и примечательные места Слонимского уезда» и др.

Значительную роль в активизации исследований по истории губернии сыграл, благодаря своим научным трудам и публицистике, а также публикации большого количества документальных материалов, относящихся к истории Принеманского края, наш земляк, профессор Петербургской духовной академии М. О. Коялович. Его многочисленные ученики достойно подхватили эстафету его добрых дел, создав целую научную школу по изучению истории Православия на белорусских землях, включая и Гродненщину. Здесь имеются в виду труды историков М. П. Жуковича, И. А. Котовича, О. В. Щербицкого, В. П. Кулины, И. М. Малышевского, Ю. Ф. Крачковского, А. П. Демьяновича, Ф. Г. Еленского, П. А. Червяковского, братьев Будиловичей, К. В. Харлаптовича, Г. Я. Киприяновича, С. Г. Рункевича и др.

К 1902 г., т. е. к столетнему юбилею губернии, в Гродно сложился достаточно широкий круг образованных и влюбленных в родную историю людей, дерзнувших на комплексное освещение темы, связанной с круглой датой. Общепризнанным лидером в этом деле среди них был Евстафий Филаретович Орловский (1863–1913). Имя и труды Орловского в конце XIX – начале XX веков были известны каждому жителю Гродненщины. Сын православного священника с Ошмянщины, выпускник Петербургского

историко-филологического института, преподаватель истории и географии Гродненской мужской гимназии, один из основателей местного Церковно-археологического комитета, Педагогического общества, активный деятель Гродненского Софийского православного братства – Орловский был неутомимым исследователем истории родного края, еще при жизни названным его почитателями «ходячей энциклопедией» и «летописцем города». Из-под его неутомимого и талантливого пера вышло более двадцати научных трудов, посвященных истории родного края. Первой серьезной работой Орловского в этом направлении был «Очерк истории города Гродно, составленный на основании письменных источников» (1889 г.). Уже в нем историк столкнулся с необходимостью дать ответ на вопрос, где помещался тот самый город, в котором правили упоминаемые древними летописцами «городенские» князья. Одни из историков считали, что это современный Гродно на Немане (В. Д.Антонович, Н. В.Кукольник, А. С.Сементовский, В. В.Грязнов). Другие полагали, что удаленность этого Гродно, лежавшего за болотистым бассейном Припяти, от главного театра политической борьбы тех лет – Поднепровья, не позволяет связывать с ним летописные данные; действительно, Гродно лежало далеко даже от ближайших крупных городов: до Полоцка по прямой было 380 км, Минска – 240, Пинска – 224, Турова – 212, Владимира-Волынского – 320 км. Поэтому эти авторы видели летописное Гродно в одноименном местечке (Гродно, Городная) в правобережье Припяти между Стырем и Горынью юго-восточнее Пинска (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. П. Барсов). Третьи — делили летописные известия о Гродно между этими пунктами, относя сведения XII века к Городно пинскому, а события XШ века связывая с Гродно неманским (П. Н. Батюшков). Е. Ф. Орловский более всего склонялся к точке зрения первых ученых.

В 1893 году, после нескольких лет напряженной исследовательской работы, он выступил на IX археологическом съезде в Вильно с докладом «Основание г. Гродны и его история до 1241 г.», в котором не только дал глубокий обзор и детальную критику разноплановых мнений по данной проблеме, но и достаточно аргументированно обосновал тождество летописного и неманского Гродно. Одним из важнейших аргументов молодого ученого была сохранившаяся в Гродно Борисо-Глебская (Коложская) церковь, в датировке которой XII веком не возникало никаких сомнений. Во время обсуждения этого доклада возникла дискуссия, в ходе которой свое несогласие с точкой зрения Орловского высказали историк Н. И. Петров и филолог Е. Ф. Карский. Однако большинство участников дискуссии, ученые В. Г. Васильевский, А. Т. Соболевский, С. В. Писарев, художник и краевед В. В. Грязнов, церковный историк Л. С. Паевский и другие выступили на стороне гродненца. Поддержал Орловского епископ Гродненский Иосиф (Соколов), приславший поздравления всем участникам съезда, а также по экземпляру своего сочинения «Виленский Православный Некрополь». Смелое вмешательство в научный спор маститых историков учителя Гродненской

мужской гимназии и одержанная в нем убедительная победа принесли ему славу крупного знатока своего города и Принеманского края.

Между тем и после этого знаменательного выступления Орловского мнение о тождестве летописного Гродно с Городно пинским еще продолжало держаться в научной литературе. Об этом писали, в частности, украинский историк М. Грушевский и гродненский исследователь Д. М. Милютин. Поэтому Орловский повторил и расширил аргументацию своей точки зрения в новой капитальной книге «Гродненская старина. Часть 1. гор. Гродно» (1910 г.), которая должна была, по его мнению, положить конец этой дискуссии. Однако в 1920–30-е годы, в пору нахождения города в составе Польши, в исследованиях некоторых польских ученых (Ю. Иодковского, Г. Ловмянского) были предприняты новые попытки смазать вопрос о летописном Гродно и утвердить тезис об основании города литовцами, а Коложскую церковь рассматривать как церковь-крепость, намекая на ее связь с позднейшими «оборонными храмами» литовской поры (XV века). С целью доказать это в 1932–1939 годах Ю. Иодковский и З. Дурчевский на территории Старого замка, или Замковой горы, развернули археологические раскопки. Однако они не дали им ожидаемых результатов. После войны экспедиция Института материальной культуры АН СССР под руководством Н. Н. Воронина подвергла названный объект комплексному научному изучению. Масштабные раскопки 1949 года не только полностью подтвердили концепцию Е. Ф. Орловского, но и позволили в полном объеме воссоздать представление обо всех сторонах жизни города в древнерусский и литовский периоды его истории.

Судя по всему, скромный гимназический учитель никогда не допускал мысли о том, что его заключение о начальном периоде города над Неманом отзовется среди современников и потомков столь бурными научными и политическими дискуссиями. В предисловии к «Гродненской старине» он лишь лаконично объяснил, как появился на свет его труд, какие источники при написании были использованы и почему «во многих случаях рамки повествования о г. Гродно приходилось расширять и излагать события всего района», т. е. губернии. И все-таки, за внешней непритязательностью автора во введении и всей содержательной части «Гродненской старины» проявлялась четкая концепция и желание вызвать у читателя уважительное отношение к истории родного города. Несомненно, что «Гродненская старина» Е. Ф. Орловского при всех ее недостатках – есть лучшее из того, что было написано о городе и губернии до него, да и после смерти историка. На страницах книги нашла отражение многовековая история принеманского края от доисторических времен до начала XX века. В ней он охватил все сферы жизни Гродно и губернии от почвенно-геологической и археологической до социально-экономической, военно-политической и культурной. Все события гродненской истории автор объяснял «двумя причинами: а) стратегическими; б) религиозными». Под первой он понимал изменения в общественно-политической жизни города и губернии, а под религиозными – межконфессиональные и межнациональные отношения. Эти сюжеты

затрагивались автором во всех 25 главах книги. Здесь же давались замечательные характеристики князей русских и литовских, королей польских и императоров всероссийских, наиболее видных гродненских сановников, губернаторов и епископов. Многие страницы книги посвящены описанию местных достопримечательностей – замкам, дворцам, монастырям, церквам и костелам.

Одним словом, если бы весь вклад Е. Ф. Орловского в истории Гродненщины ограничился бы только вышеназванными сюжетами, имя замечательного исследователя уже должно бы значиться первым из первых в числе его летописцев. Однако его научные интересы простирались значительно дальше. Главной целью «Гродненской старины» была потребность всеобъемлюще осветить историю всего Принеманского края, а затем, возможно, и всей Белоруссии. Его интересовала история реки Неман, местечек Свислочь и Жировицы, Симеоновской церкви и губернского Софийского собора, Красностокского монастыря под Белостоком. Работы Орловского, посвященные этой тематике, включая учебные описания Гродненской и Виленской губерний, были, несомненно, лишь предварительными эскизами его так и не завершенных значительных художественно-исторических полотен.

Будучи духовным учеником профессора Петербургской Духовной Академии и также уроженца Гродненщины М. О. Кояловича (1828–1891), Е. Ф. Орловский хорошо видел, что все своеобразие истории края тесно связано с многовековым противостоянием здесь двух культур, двух цивилизаций – тысячелетней русско-православной и насчитывающей несколько веков польско-униатско-католической. Исследователь, как и его отец-священник и старший брат Степан-историк и языковед, питал неподдельный интерес к духовной миссии Православной Церкви на гродненской земле. Его труды «Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900)», «Исторические основы русского самодержавия», «Граф М.Н.Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности», несмотря на то, что были написаны в разные годы, тематически и концептуально были, несомненно, близки и схожи. Их главный вывод сводился к тому, что три этноса, три племени: великоросы, малоросы (украинцы) и белорусы в своем государственном строительстве выступают как единый русский народ, и что основа, залог процветания его заключены в приверженности Православию.

В этой же связи Е. Ф. Орловского влекли к себе образы святого старца Сергия Радонежского, митрополита Иосифа Семашко, императора Николая I, императрицы Марии Федоровны, профессора-историка М. О. Кояловича. И дело здесь было не столько в масштабности и своеобразии упомянутых исторических лиц, сколько в выяснении того, чем был для них Принеманский край, и что они (каждый на своем «посту») сумели сделать для возвращения его жителей на «круги своя» после столетий «блуждания в лоне чуждой ему духовности и государственности.

Научные изыскания Е. Ф. Орловского находили свое воплощение не только в его книгах, брошюрах и в статьях на страницах гродненских газет. Его уроки в гимназии, благодаря краеведческому материалу буквально «дышали историей». И это при том, что школьная администрация требовала от педагогов преподавать всеобщую историю по учебнику Д. И. Иловайского, а русскую и в связи с всеобщей – по учебнику С. В. Рождественского. Однако Орловский не ограничивался в своей научной деятельности только уроками в гимназии, участием в заседаниях исторической секции Гродненского педагогического общества, других культурно-просветительных объединений. Известно, что он инициировал среди молодежи занятия нумизматикой, филателией, экскурсионной и туристической деятельностью. Е. Ф. Орловский одним из первых в Белоруссии стал знакомить гимназистов с историей края и губернии, т. н. «родиноведением». В основу этой его деятельности было положено устройство «местного отдела» при библиотеке Гродненской мужской гимназии. При содействии ее директора А. Ф. Пигулевского, он выделил в особый библиотечный фонд всю имеющуюся в учебном заведении печатную продукцию, касающуюся истории края. Часть не имевшихся в Гродно виленских изданий было прислано в «местный отдел» попечителем учебного округа В. А. Поповым, много книг, журналов и газет было пожертвовано профессорами-гродненцами Е. Ф. Карским и К. В. Харламповичем. Благодаря поисковой деятельности учителя-энтузиаста и его учеников в кратчайшее время среди брошенных и подлежащих уничтожению книг, брошюр и газет было выявлено в городских учреждениях множество уникальных изданий по истории города и губернии, включая ряд подшивок местных газет за прошлые годы и оттисков статей из них. А в «местном отделе» хранились не только виленские и гродненские издания, но и труды столичных авторов (например, Н. И. Костомарова, М. О. Кояловича, В. Б.Антоновича и др.), посвященные истории края. Здесь же имелись произведения художественной литературы, а также сочинения преподавателей и выпускников гимназии, в которых получило образное освещение прошлое Гродненщины. В отделе было собрано огромное количество географических карт, гравюр, фотографии замков, церквей, других историко-культурных памятников Принеманского края. В конце XIX – начале XX века местный отдел Гродненской мужской гимназии был признан лучшим в губернии специализированным книгохранилищем по истории Северо-Западного края. Эта работа Е. Ф. Орловского в сочетании с написанными им учебными пособиями по описанию Гродненской и Виленской губерний получила высокую оценку на Первом съезде преподавателей средних учебных заведений Виленского округа в 1907 году, активным участником которого был и сам историк-краевед.

По общему мнению всех, знавших Орловского, он был живым примером того, как должен ученый человек использовать свое время. А потому, где бы историк не находился, при нем всегда были книги, а вместе с ними листочки для его многочисленных записей. Имея все странности «ученого человека», он достаточно благодушно относился к подшучиванию над собой и не особенно

заботился об устранении этих «странностей». Евстафий Филоретович не избегал компаний и общественных увеселений, был интересным собеседником, неистощимым рассказчиком анекдотов и веселых историй. Увлеченность наукой, вероятно, помешала историку обзавестись своей семьей. Уже будучи сорокавосьмилетним, он вступил в свой первый законный брак с бездетной вдовой местного чиновника В. В. Смирновой. Потомства у четы Орловских не было.

В конце 1910 г. у историка обнаружился рак желудка. Тяжелую болезнь Орловский переносил стойко, не впадая в отчаяние. Лишь за полтора месяца до смерти он прекратил посещать гимназию. «С верою и упованием на милосердие Божие исполнил он христианский долг исповеди и святого причастия», – так сообщалось в некрологе о его кончине. Не стало Орловского 2 декабря 1913 года. Умирал он в сознании и последними его словами сестре было: «Умереть легко, да умирать трудно». Похороны историка, краеведа и педагога, состоявшиеся 4 декабря на православном кладбище неподалеку от Марфинской церкви, показали не только глубокую скорбь горожан в связи с кончиной замечательного историка, педагога и человека, но и явились выражением их неподдельной любви и уважения к трудам и благородным деяниям Орловского. В день его погребения все учебные заведения города по распоряжению попечителя округа были освобождены от занятий. Казалось, весь город вышел на проводы в последний путь своего летописца. С прощальными речами в его адрес выступили: законоучитель мужской гимназии В. Штепенко, священники-протоиереи И. Корчинский и К. Михайловский, директор гимназии И. А. Глебов, доктор К. Белецкий, преподаватели гимназии и реального училища Д. Н. Кропотов, Н. И. Остроумов, гимназисты В. Кузьмицкий и В. Берестовский. Понять сказанное ими несложно – все они восхищались его преданностью педагогическому труду, исторической науке и родному краю, высокими человеческими качествами. 24 венка легли на могилу Евстафия Филоретовича Орловского. Был водружен большой деревянный крест с твердой уверенностью, что он никогда не станет для историка крестом забвения... Начался сбор пожертвований на устройство достойного его памяти надгробия. Однако уже через несколько лет в годы военного лихолетья и гражданской войны крест на могиле знаменитого гродненца был уничтожен, а место захоронения затеряно, так что установить его сегодня практически невозможно. Думается, что «нынешняя публикация «Гродненской старины» Е. Ф. Орловского является актом, хотя и запоздалого, но все же свершившегося покаяния всех нас перед памятью человека, влюбленного в родную историю.

В отличие от Орловского, автор другой работы, помещенной в данном сборнике, Л. М. Солоневич, не был профессиональным историком. И тем не менее его труд «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ея существования. 1802–1902» (Гродно, 1901) стал первым комплексным освещением данной темы, выдвинувшей имя этого человека в один ряд с другими известными городскими историками и краеведами. Лукьян Михайлович Солоневич родился 8 (24) октября 1866 года. Происходил он из

крестьян Гродненской губернии, но уже отец его Михаил, первым в семье выйдя, что называется, «в люди», служил сельским священником. Известно, что Л. М. Солоневич окончил в 1886 году Свислочскую учительскую гимназию, затем работал в народных училищах Гродненского, Вельского и Пружанского уездов, а с 1896 года – на низших канцелярских должностях в Гродненском губернском правлении. Одновременно с середины 1890-х годов Лукъян Солоневич начал сотрудничать с «Гродненскими губернскими ведомостями». В 1897 году он становится секретарем неофициальной части газеты, а в 1905 году – ее редактором. Как журналист и публицист он много писал о проблемах села, народного образования, медико-санитарном состоянии губернии, являлся одним из инициаторов борьбы с пьянством, организатором движения за народную трезвость. Именно в этот период жизни Лукьяна Солоневича шла и его работа над очерком истории Гродненской губернии. Опыт литературной и газетной работы, сидение в библиотеках и архивах сделали свое дело: книга получилась острой, полемичной, во многом переросшей рамки «заказного юбилейного издания». Это подчеркивали не только местные историки и краеведы, чиновники, но и просто любители истории Гродненщины. Были у новой книги и недруги, в силу того, что своей главной задачей автор поставил: «лишний раз засвидетельствовать, что Гродненская губерния не есть завоеванный польский край, а коренная древнерусская область, издавна оторванная от общей материи Русской земли», и что вся нынешняя ее жизнь «обусловлена в значительной степени историческим прошлым края, следы которого до сих пор остались в народной памяти».

Разделив всю историю Гродненской губернии на четыре периода, автор показал в каждом из них то, что он считал главной тенденцией в здешней народной исторической жизни. В первом периоде, охватывающем жизнь Гродненщины во времена Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и нескольких лет в составе Российской империи, Солоневич сумел показать, что отрыв Принеманского края от своих родовых корней, несмотря ни на какие трудности, все-таки обратил здесь ход истории в нужном русле. По мнению автора, в конце XVIII века вся жизнь коренного населения губернии оказалась поставленной на тот «естественный и единственный путь развития», по которому весь край и губерния идут «безо всяких сомнений и колебаний».

Следующий период (1802–1840-е годы) – время действия в Гродненской губернии Литовского статута и других местных законоположений, Солоневич рассматривал в целом как положительный в становлении русской администрации. Вместе с тем живучесть традиций т. н. «польщизны» были одной из причин мятежа 1830–1831 годов, принесшего много бедствий народу. Положительно оценивая воссоединение белорусских униатов с Православной Церковью и тем самым ликвидацию последствий навязанной народу Брестской унии, автор, между тем, констатировал, что хотя благодаря этому «религиозная зависимость сельского населения губернии от римско-католического духовенства ослабла, над ним еще продолжала тяготеть зависимость

крепостная и зависимость экономическая», порожденная нахождением губернии в черте т. н. еврейской оседлости.

Третий период (1840–1863 годы) Гродненской губернии автор очерка считал переходным для ее жителей в смысле обретения преимуществ русской духовности и культуры. Он начался со знаменательного акта, связанного с тем, что в 1840 году Литовско-Гродненская губерния стала именоваться Гродненской, изменились ее границы, началось движение в сторону ослабления крепостной зависимости крестьян от помещиков. Вместе с тем, одновременное существование в губернии двух властей — «одной законной и открытой русской» и другой «тайной, революционной, польской», что не могло не привести к восстанию 1863 года. По мнению историка, это восстание на Гродненщине по своим целям было польским, но не настолько, чтобы быть признанным восстанием всего польского народа. Его поддержали лишь католическое духовенство и шляхта, «мечтания» же красных не разделяло большинство его участников.

Четвертый период (1863–1901 годы) исторической жизни Гродненской губернии автор называл «периодом коренных реформ в губернии и усиления русского самосознания в местном населении». Такую динамику движения Солоневич подкреплял показом значительных изменений в хозяйственной и культурной жизни Гродненщины, что, однако, не мешало ему в духе тогдашней либеральной оппозиционности резко критиковать правительственную политику в аграрном вопросе.

Не случайно, когда гродненским губернатором в 1902 году стал в будущем великий русский реформатор П. А. Столыпин, он не только одобрил труд Л. М. Солоневича, но и взял к себе в секретари, а с назначением в премьеры тотчас же забрал его к себе, в Петербург (версия непроверенная). Во всяком случае, старший сын Лукьяна Михайловича от брака с Ю. В. Ярушевич — И. Л. Солоневич спустя годы об этой теме писал так: «Мой отец в детстве свинопас, потом народный учитель, потом статистический чиновник в Гродно, потом редактор «Гродненских губернских ведомостей» при П. А. Столыпине, потом издатель газеты «Северо-Западная жизнь» на деньги того же П. А. Столыпина, тогда уже премьер-министра, полностью разделял столыпинский опыт». Этот столыпинский опыт во многом определял мировоззрение и политическую тактику и самого автора этих воспоминаний, ставшего в 30-е годы XIX века видным публицистом и мыслителем русской эмиграции.

В 1908 года Л. М. Солоневич вместе с П. Коронкевичем, А. Кудерским и Н. Вруцевичем основал в Вильно «Белорусское общество», главной целью которого был «борьба с польско-католическим влиянием на белорусов в социально-экономической и культурной жизни края, объединение белорусов на принципах исторического единства с великоросами и малоросами (украинцами)». Через год Солоневич переезжает в Вильно вместе с семьей, где основывает газету «Белорусская жизнь». Первый и единственный номер ее вышел 9 февраля 1909 года: на большее у энтузиаста «Белорусского общества» не хватило ни сил, ни средств. Весной того же года Солоневич перевозит

семью в Петербург, а сам, вдохновленный поддержкой Столыпина, с головой окунается в организационную работу в Беларуси. В итоге спустя два года,Лукьян Михайлович вместе с П. В. Коронкевичем возобновляет выпуск столь нужной обществу газеты, правда, под новым названием – «Северо-Западная жизнь». Газета издавалась в разное время в Вильно, Гродно и в Минске, где прекратила свое существование в связи с военными действиями конца 1915 года. Основная задача газеты совпадала с линией Л. М. Солоневича, нашедшей ранее отражение в «Кратком очерке Гродненской губернии»: «всестороннее выяснение нужд и потребностей края, выяснение взаимоотношений между народностями его населяющими и защита наиболее слабого в культурном и экономическом отношении белорусского элемента». Подписная цена на год составляла 6 рублей, льготная – 4 рубля 50 коп. Этими льготами пользовались «народные учителя, притчи сельских церквей, волостные писаря, сельские фельдшеры и вообще все сельские интеллигенты, а также крестьяне и учащиеся разных учебных заведений». Редакция и контора газеты в Гродно располагалась по ул. Муравьевской, в доме Библина, тел. № 315. Газета имела успех.

В начале 1912 года Лукьян Солоневич вместе с братом Семеном и сыном Иваном (при поддержке виленского историка и краеведа О. В. Щербицкого) основал при редакции газеты «Белорусскую историческую библиотеку», позволявшую, как говорил ее основатель, «всякому белорусу заглянуть в нашу историческую сокровищницу». После революционных событий 1917 года Л. М. Солоневич отошел от журналистики и общественной деятельности. Жил на Кубани, Кавказе и Крыму. Несмотря на бедственное семейное положение Лукьян Михайлович занимался самообразованием, знал 3 или 4 иностранных языка, подрабатывая этим там, где можно было. Читая И. Мечникова, заинтересовался молочно-кислыми бактериями. Стал заниматься научной деятельностью. Когда же разразился голод, он организовал в домашних условиях изготовление лактобицелина, кефира и других молочных продуктов, чем спас свое большое семейство от неминуемой смерти. 19 апреля 1935 года Л. М. Солоневич как один из «родственников врагов народа» был арестован и сослан в Сибирь. Зимой 1937 года, в одну из лютых морозных ночей, он умер в одиночной камере тюрьмы г. Енисейска. Но род автора «Краткого очерка Гродненской губернии» не пресекся. Потомки и родственники Л. М. Солоневича живут в России, Украине, Беларуси, в дальнем зарубежье. Его старший сын Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) стал выдающимся публицистом и философом. Его замечательные труды после длительного забвения вместе с памятью об отце возвращаются на родину из далекой Аргентины, где продолжает, несмотря ни на какие трудности, издаваться основанная Солоневичем младшим газета «Наша Страна».

Автором второго юбилейного издания, посвященного истории Гродненской губернии, был офицер 171 Кобринского пехотного полка Владимир Сергеевич Манассеин (1878 – ?). Полк этот длительное время дислоцировался в г. Гродно. Манассеин же служил в нем, начиная с 1904 года

(вначале в должности казначея и исполняющего обязанности поручика, затем – поручика), а с 1907 года – в должности командира первой роты 4-го саперного батальона этого же полка. В этот период времени В. С. Манассеiн особенно плодотворно занимался научно-исследовательской деятельностью. Ее итогом стало издание в г. Гродно с 1901 по 1903 годы четырех его исторических трудов «Петр I и Карл XII под Гродной в походе 1706 г.», «Крестьянский вопрос в Гродненской губернии в XIX столетии», «Освобождение крестьян в Литовских губерниях» и, наконец, «Исторический очерк Гродненской губернии в военно-политическом отношении за первые сто лет ее существования (1802–1902)». Отличительной особенностью этого труда по сравнению с книгами Е. Ф. Орловского и Л. М. Солоневича было более пристальное внимание Манассеина к вопросам военно-политическим.

С традиционных для тогдашней историографии позиций молодой историк сосредоточивал внимание на военных действиях противоборствующих сторон в ходе восстания 1830–1831 годов, а также общественно-политическом движенiі в губернии в 30–50-е годы XIX века. Значительный интерес благодаря доступу автора к архивам Виленского военного округа и Гродненского губернского правления вызывают страницы данной работы, посвященные восстанию 1863 года в Принеманском крае, характеристикам графа М. Н. Муравьева, руководителем и участниками восстания К. Калиновского, С. Сераковского и др. Много внимания уделялось автором мерам, принимаемым властями по восстановлению в губернии мирной жизни в послеповстанческий период. Как военный человек, автор достаточно подробно останавливался на анализе современной ему политики царского правительства на территории губернии в период правления императоров Александра III и Николая II. В книге впервые получило освещение участие последнего российского императора в больших военных маневрах, проходивших в 1897 году на Гродненщине.

После 1907 года дальнейшая судьба В. С. Манассеина прослеживается лишь частично. Известно, что в 1911 году он окончил юридический факультет Казанского университета. В годы гражданской войны воевал на стороне белых в чине подполковника. Затем с обещанием честно служить трудовому народу» перешел на сторону красных. В 1920-е годы работал профессором истории русского права в Иркутском госуниверситете, директором его фундаментальной библиотеки. В 1925 году являлся участником первого краеведческого съезда Восточной Сибири. Целенаправленно работал над историей Иркутска. Опубликовал исследование «Библиотека декабриста М. С. Лунина» (М., 1931). В 1937 году Манассеин был арестован. Умер 27 августа 1937 года в тюремной больнице, т. е. за день до принятия постановления о расстреле. Реабилитирован в мае 1958 года.

Определенный интерес в ряде юбилейных трудов представляет исторический очерк А. А. Турчиновича «Столетие Гродненской губернии (1802–1902 гг.), опубликованный в «Виленском календаре» на 1903 год. Александр Адольфович Турчинович родился в 1870 году в местечке Изабелин

Новогрудского уезда в крестьянской семье. После окончания в 1889 году Гродненской мужской гимназии учился на отделении древних языков и русской словесности Петербургского историко-филологического института. После окончания его в 1893 году работал в Могилевской, а затем в Виленской гимназиях. С 1907 года преподавал всеобщую историю и латынь в Гродненской мужской гимназии, а также в частных гимназиях Хныкина и Барковской. В 1912 году – преподаватель древних языков в 6-ой Петербургской гимназии. Один из инициаторов проведения ученических образовательных экскурсий по всей России. Вместе с гимназистами из Могилева, Вильно и Гродно участвовал в такого рода экскурсиях в Москву, Петербург, Киев, затем были Крым, Кавказ, Прибалтика, путешествия по Днепру, Волге и Каспийскому морю. Написал два пособия и путеводитель для учителей в этой области знаний. Неоднократно посещал Германию, Францию и Италию. С целью изучения памятников классической давности, а также ознакомления с опытом работы в этих странах средних учебных заведений. В 1911 году принимал участие в работе Всероссийского съезда преподавателей древних языков и выступил там с докладом. Во время работы в Вильно являлся членом театрального совета при генерал-губернаторстве, членом комиссии по устройству педагогического музея. В Гродно А. А. Турчинович входил в число основателей губернского педагогического общества, а также в редакционную коллегию издававшегося здесь журнала «Педагогическое дело». Кроме этого издания, сотрудничал также с «Гродненскими губернскими ведомостями», «Виленским Вестником», «Гермесом» и др. После 1917 года дальнейшая судьба Турчиновича неизвестна.

Наиболее значительными работами А. А. Турчиновича следует признать книги: «О судьбе памятников классической литературы» (Вильно, 1900); «Палладиум: главные сведения из римских древностей, литературы и метрики» (Гродно, 1911; Петербург, 1913); также учебник «Краткая, но полная грамматика латинского языка для гимназий» (Петроград, 1917). Исторический очерк «Столетие Гродненской губернии (1802–1902 гг.)» был написан им в виленский период жизни. Он представлял собою краткий пересказ наиболее важных событий из жизни Гродненской губернии в традиционном историографическом плане. Сделать это после выхода в свет юбилейных изданий на эту же тему Л. М. Солоневича и В. С. Манассеина было не очень сложно. Достоинства работы А. А. Турчиновича состояли в четкости и популярности изложения.

Значительно активизировали изучение истории губернии образование самостоятельной Гродненской православной епархии в 1900 году. Гродненского церковно-археологического комитета (1904 г.), а также публикаторская деятельность «Гродненских епархиальных ведомостей». В лоне церковно-археологического комитета и местного православного журнала сформировалась целая плеяда церковных историков и краеведов: Николай Диковский, Сергей Павлович, Лев Паевский, Иоанн Корчинский, Иоанн Романовский (Сиротко), Иосиф Карский, Иоанн Пашкевич и др. В 1907–1914 годы значительная часть местных светских историков и краеведов

объединялась на базе «Гродненского педагогического общества» в т. н. «исторической подсекции». Здесь не только обсуждались проблемы истории края, но и готовились к публикации труды гродненцев Дмитрия Кропотова, Дмитрия Милютина, Александра Турчиновича, Евстафия Орловского, Михаила Субботника, Матвея Фивейского, Сергея Никеловского и др.

В советский период комплексное изучение истории Гродненской губернии не осуществлялось, за исключением некоторых аспектов ее социально-экономического развития, а также революционного движения. С 1990-х годов исследования по губернскому периоду стали носить более системный характер (труды В. Н. Черепицы, В. В. Шведа, С. А. Пивоварчика, С. В. Донских и др.) Идет подготовка к изданию многотомной истории города.

1.5.Исторический факт в трудах военного историка Н. Ф. Дубровина

Замечательный русский военный историк Н. Ф. Дубровин (1837–1904) являл собой тип исследователя, пришедшего в науку не столько по своему образованию, сколько по велению души и сердца. Воспитанник Полоцкого кадетского корпуса Константиновского артиллерийского училища и Михайловской артиллерийской академии, имевший все данные для успешной карьеры в войсках, молодой офицер, будучи причисленным к Главному штабу армии, всей душой отдался издавна увлекавшему его делу – созданию весьма нужных армии и государству военно-исторических трудов. Благодаря многолетней исследовательской работе, связанной с изучением и изданием документов по русской военной истории (Отечественной войны 1812 года, Крымской войны 1853–1856 годов и войны по овладению Россией Кавказом), Н. Ф. Дубровин постепенно приобрел не только солидные навыки, необходимые для публикатора исторических документальных источников, но и выработал свою собственную концепцию военной истории России. Признанием его высоких заслуг перед отечественной исторической наукой стало избрание генерал-лейтенанта от артиллерии Н. Ф. Дубровина академиком Российской Академии наук по историко-филологическому отделению, а также ученым секретарем. Несомненным свидетельством научного авторитета ученого стало назначение его на должность редактора весьма известного в научных кругах журнала «Русская Старина» [98].

В советское время Н. Ф. Дубровин был необоснованно отнесен к числу т.н. «дворянских историков» (Н. К. Шильдер, С. С. Татищев, Д. И. Иловайский и др.), а получение им генеральского звания расценивалось не как дань его трудам на ниве военно-исторической науки, а как своеобразное поощрение за «охранительную точку зрения» по отношению к существующей власти.

По этой причине взвешенный анализ основных трудов историка исключался, а его стоявшая несколько особняком работа «Пугачев и его

сообщники» рассматривалась, разумеется, лишь с утвердившихся классовых позиций и неизменно подвергалась критике. Вместе с этим хулители Дубровина не могли не признать, что историк первым из исследователей получил возможность изучить следственное дело Пугачева, и что уже сам факт освещения восстания под его предводительством приобретал в то время «важное не только научное, но и общественное значение». Однако и здесь, как бы в оправдание «относительности» данного суждения, критики Дубровина отмечали, что «фактический материал, приводимый в книге, иногда вступал в противоречие с выводами и оценками автора» [38]. Абсурдность такого суждения более чем очевидна при ознакомлении с содержанием данного труда и откликами на него современников историка [34].

Не намного изменилось отношение к историческим воззрениям историка и в последнее время. Его по-прежнему трактуют как «правительственного историка», труды которого «в своем большинстве – насыщенные документами издания, в которых Дубровин больше выглядел добросовестным составителем, чем автором с определенной концепцией». Последнее в данной трактовке никак не вязалось с признанием трехтомника Дубровина о Пугачеве в качестве издания, которое «способствовало более объективному и основательному изучению крестьянской войны, что сближало его с тогдашними либеральными историками» [34]. Все вышеотмеченное свидетельствует о необходимости более углубленного исследования научного творчества Н. Ф. Дубровина, включая его отношение к анализу исторических документальных источников и собственно исторического факта как фундаментальной категории исторического знания.

На начальном этапе своей научной деятельности Н. Ф. Дубровин относился к историческому факту прежде всего как к событию или явлению исторической действительности. Отсюда было особенно заметно его стремление к выявлению тех событий или фактов, которые были обойдены вниманием историков. Уже в одном из первых своих крупных трудов «Сербский вопрос в царствование Александра 1» (СПб., 1863 г.), основанном на изучении документов, хранящихся в архивах военно-учебном и министерства иностранных дел, историку удалось показать «многочисленные факты высокого и бескорыстного участия России в деле освобождения одного из славянских племен от турецкого ига», что послужило для последующих историков в качестве источника, впервые вводимого в научный оборот. Открытия «как-то забытого» вдохновляло молодого исследователя на новые поиски в документах эпохи Александра I. Вслед за «Сербским вопросом» появились «Материалы для истории царствования Александра I», «Турецкая война 1806–1812 гг.», «Москва и граф Растопчин в 1812 г.», «Наполеон и поляки в 1812 году», которые подарили также военно-исторической науке «массу исторических фактов и совершенно новых сведений» о той эпохе.

В ходе изучения фактов-событий у Н. Ф. Дубровина углубился интерес к жизни и деятельности ряда личностей, вошедших в историю России тех лет (граф Н. М. Прозоровский, генерал А. П. Ермолов и др.). Их биографии

укрепили у историка представления о тесной взаимосвязи хода истории с деятельностью окружения венценосцев. Последнее особенно стало заметным после обращения Дубровина к изучению событий в Польше, предшествовавших ее первому разделу и выявлению при этом ряда новых материалов, заимствованных им из Московского архива министерства иностранных дел, а также архива князей Волконских и князя П. П. Вяземского. При этом ему в ряде статей удалось впервые поведать читающей публике «о действиях России в Польше в 1764 году и об участии ея в возведении на польский престол Станислава Понятовского», о чем не было ни слова ни у С. М. Соловьева в его «Истории падения Польши», ни в статьях П. К. Щебальского на эту тему. Немало новых фактов открыл он и при изучении участия России «по составлению в 1770 году в Польше самостоятельной конфедерации», а также ввел в научный оборот ряд уточнений и поправок к работам предшествующих и современных авторов [34].

Параллельно с историей русско-польских отношений Н. Ф. Дубровин занимался и изучением Кавказа. Эта тема увлекла историка не только в силу собственной направленности научных поисков, она была одновременно поручением императора Александра II – «составить историю покорения и владычества русских» в этом регионе. При проведении этой работы историк не только проанализировал содержимое петербургских и московских архивов, но и отправился на Кавказ, где изучал местные архивы, собирал предания, легенды и песни и прочее. Результатом этих работ, проводимых в течение 70-80-х годов, было создание восьмитомного капитального труда «История войны и владычества русских на Кавказе». В этот период ученый факт как событие все больше и больше рассматривал как сообщение источника, т. е. как определенную информацию о событии. В предписании к этому труду Н. Ф. Дубровин писал: «…только ознакомившись с бытом туземного, т. е. местного населения, можно указать и на причины, вызвавшие какое-либо распоряжение, то или другое историческое событие. Только при таком знании можно критически отнестись к фактам, сделавшимся достоянием истории. При изложении кавказской войны более чем где-нибудь необходимо изучение народного быта, народного характера, потому что, как мы увидим впоследствии, отсутствие таких сведений у администрации вело ко многим ошибкам, имевшим неблагоприятные и серьезные последствия».

Подчеркивая важность знания народного быта кавказских племен, историк указывал, что речь здесь не идет о необходимости знания полной их этнографии, а лишь о знании характера данных племен «в том положении, в котором застали их русские войска, впервые появившиеся на Кавказе». Разъясняя данный тезис данного тезиса, он писал следующее: «Войскам и администрации решительно нет необходимости в знании, кто был родоначальником их противника и которое поколение по счету живет на месте нынешнего столкновения, но войскам необходимо знать, храбр ли их противник или трус, а администрация – каковы его силы, и в чем заключается источник значения или могущества неприятеля. Ей необходимо знать характер

и быт того народа, с которым она приходит в столкновение, и среди которого проявляется ее власть и значение. Войска и администрация поступают в этом случае по тем общим законам, которые обусловливают поступки каждого человека в его частной жизни» [32].

В рецензии Е. Феоктистова на труд Дубровина, посвященный теме Кавказа и Закавказья, отмечалось: «Автор исполнил свою задачу весьма добросовестно; он работал над темой по новейшим источникам, извлекши из архивов множество новых, ранее не известных науке документов, и какой яркий свет они бросают на период времени, послуживший темой для его исследования! Мы не станем утверждать, что автор обнаружил в нем слишком много исторического и литературного таланта, но документы, сообщаемые им, до такой степени красноречивы сами по себе, что читатель легко простит ему некую неловкость в рассказе. Одно из главных достоинств книги состоит в том, что она имеет интерес современный, хотя и посвящена периоду, удаленному от нас более чем полустолетием» [121].

Весьма интересные сведения о процессе осмысления Дубровиным исторического источника и факта имеются в его работах, посвященных Крымской войне и обороне Севастополя. Указанные исследования проводились также по поручению императора Александра II, поэтому их насыщенность многочисленными, ранее неизвестными документальными материалами, а следовательно и фактами, была исключительной. В 1876 году Н. Ф. Дубровин вручил императору вслед за опубликованным сборником документов и свою рукописную «Историю Крымской войны и обороны Севастополя». В сопроводительном письме к рукописи историк, в частности, писал: «В прошлом году Вашему Императорскому высочеству угодно было поручить мне составление «Истории Крымской войны и славной обороны Севастополя». Осчастливленный столь высоким вниманием и руководимый чувством глубокого уважения к эпохе памятной России во многих отношениях, я старался при характеристике лиц и описании совершившихся событий положить в основание своего труда полное беспристрастие. Слава деятелей той волны составляет гордость настоящего поколения, ошибки их – также урок для него. Как то и другое могут вытекать только из полного беспристрастного и спокойного обсуждения событий, обсуждения, предпринятого без всякой предвзятой идеи опорочить лицо, или придать ему значение больше того, которое он заслуживал. Воздавая каждому по заслугам, я излагал события так, как представлялись они мне по собранным документам и тем материалам, которые Вашему Императорскому Высочеству угодно было приказать передать мне для пользования».

Отмечая свою вынужденность освещать историю Крымской войны не с ее причин и истоков, а с открытия военных действий, Н. Ф. Дубровин писал: «Напрасно историк Крымской войны стал бы искать причины неудачи только в различных злоупотреблениях в администрации – он погрешил бы против истины и не уяснил бы себе многого. Несомненно, злоупотребления существовали в нашей армии в самых широких размерах, но не справедливо

было бы и то мнение, что расхищение казны оказало исключительное влияние на исход войны. Наши неудачи происходили не от недостатка пищи или одежды, а в совокупности других причин и прежде всего в ошибочном определении пунктов обороны нашей обширной границы. Мы не шли навстречу опасности, а следовали за нею и оттого всегда опаздывали». Завершая письмо к императору, военный историк показал место и значение войны в ратной истории России: «Крымская война при всех ее недостатках и ошибках будет всегда служить для настоящего и будущего поколения поучительным и прекрасным примером того, как следует любить свое Отечество и жертвовать за него жизнью. Каждый изучающий ее будет удивлен не обилием стратегических соображений, но обилием героев, проявивших удивительную стойкость и энергию».

По свидетельству В. Е. Рудакова, в этой «Истории» было собрано «наиболее полное и верное освещение очень многих фактов, имевших тогда место, а равно и самые точные характеристики главных деятелей Севастопольской обороны, подкрепленные новейшими документальными данными». И тем не менее рукопись «Истории Крымской войны» не была рекомендована к опубликованию и увидела свет лишь в 1900 году. В предисловии к ней автор не только рассказал о том, что мешало осуществлению задуманного им плана исследования, но и кратко осветил свое отношение к историческим фактам периода той войны: «Получив лестное для меня поручение и приступая к занятиям, я попросил разрешения о допущении меня в те архивы, в которых хранятся дела, относящиеся до истории войны 1853-1856 гг. Последовавшее разрешение сопровождалось весьма значительными ограничениями. Канцлер князь Горчаков разрешил мне пользоваться делами архива министерства иностранных дел, «за исключением дипломатической и секретной переписки (а другой никакой и не могло быть в архиве, так как она не имеет прямого отношения (?) к военным действиям той эпохи и не подлежит оглашению. Такое ограничение ставило меня в положение автора, принужденного начать свое исследование не с начала, а с середины».

Однако и в описании исключительно важных действий историк был ограничен в возможности использования переписки императора Николая I с главнокомандующими и начальниками отдельных отрядов, которая считалась долгое время секретной. Несмотря на то, что автор вынужден был согласиться с такими условиями проведения исследования, его рукопись была признана «неудобной для обнародования», и только спустя 25 лет она появилась в печати с соизволения императора Николая II и в том виде, в каком она была представлена императору Александру II. Печалясь по поводу случившегося, Н.Ф. Дубровин в указанном предисловии отмечал: «Ни мои годы, ни служебные обязанности не дозволят мне приступить к собиранию новых материалов для дополнения и переработки текста, и я льщу себя только одной надеждой, что труд мой все-таки имеет некоторое значение и может быть полезен для будущего историка войны. В нем он и читатель найдут такие данные, которые собраны мною из показаний очевидцев и рукописных записок

лиц ныне умерших, свидетельство которых остается единственным объяснением совершившихся фактов и дополнением к официальным источникам, из коих некоторые уже уничтожены [33].

О внимательном отношении Дубровина к историческому факту, поведанному очевидцами тех событий, свидетельствует и его краткое предисловие к своему труду «Трехсот-сорока-девяти-дневная защита Севастополя» (СПб., 1872): «Получив приглашение написать общедоступную историю трехсот-девяти-дневной защиты Севастополя и сознавая всю трудность такого исполнения, я изъявил согласие принять на себя этот труд только при том условии, чтобы мне дозволено было читать рукопись, по мере ее составления, лицам, принимавшим участие в защите славного города. Изъявив согласие на выраженное мною желание, председатель Севастопольского отдела на политехнической выставке генерал-адъютант А. А. Зеленый под непосредственным своим председательством пригласил к слушанию рукописи следующих лиц: адмирала Панфилова; генерал-лейтенантов Баумгартена, Менькова и Гарднера; вице-адмирала Керна; контр-адмиралов Перелешина и Воеводина; генерал-майоров Леера, Шварца и Фролова; полковников Крижановского и Дельсаля и капитана 1-го ранга Асланбекова. Считаю долгом принести мою искреннюю благодарность всем этим лицам за те замечания, которые были мне сделаны. Вместе с тем, нахожу необходимым сказать, что при составлении этого труда я пользовался и другими ниже указанными трудами (Тотлебена, Алабина, Берга, Жандра и многими-многими другими)» [33]. Проверка достоверности того или иного факта Крымской войны осуществлялась историком их комплексным использованием, углубленной работой с источниками как реальными остатками прошлого.

Осмысление исторического факта как отражения определенного явления действительности в сознании исследователя, т. е. уже в качестве научно-исторического факта было достигнуто Н. Ф. Дубровиным в ходе «Обзора событий по поводу сочинения М. И. Богдановича», «Восточная война 1856–1856 годов». Труд этот и по целому ряду вновь сообщаемых фактов, и по множеству поправок и дополнений к работе Богдановича, и, наконец, по более живому и образному изложению истории войны, по мнению В. Е. Рудакова, «далеко превосходил последнюю и доставил автору звание члена-корреспондента Академии наук» [98].

Видя в Богдановиче своеобразного конкурента в разработке истории Крымской войны, Дубровин был далек от того, чтобы умалять значение труда последнего и искать в нем лишь недостатки и места, требовавшие более полной обрисовки событий». Рецензент позволил это себе только потому, что сочинения Богдановича, по его мнению, «заслуживают полного внимания в силу его несомненных достоинств, а потому оно вполне может быть отнесено к числу сочинений, которые, во-первых, соответствуют современным требованиям, а во-вторых, восполняют тот пробел, который ощущался в нашей военно-исторической литературе». Подчеркивая приоритеты своего ученого

коллеги, Дубровин указывал, что последний «не имел путеводителя и должен был сам прокладывать себе путь среди многочисленного и весьма разнообразного материала. Оценка последнего вполне зависела от личных взглядов автора. Взгляды на достоинство и важность источника, даже на самые события, могут быть различны и слагаются они под впечатлением характера и обилия источников. Владея последними в большей или меньшей степени, автор может останавливаться или на описании одних фактов, или же, вместе с тем, исследовать и причины, вызвавшие совершившиеся события. «Восточная война» М. И. Богдановича, можно сказать, принадлежит к первой категории». В своем «Обзоре» Дубровин доказал это весьма предметно [31].

Показателем эволюции отношения историка к историческим источникам и научно-историческому факту следует признать и другие его издания: «Отечественная война в письмах современников», «Письма главных деятелей в царствование Александра I», «Депеши посланника Я. И. Булгакова. 1779–1798 гг.», «Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. 1775–1782 гг.», «Доклады и приговоры правительствующего Сената в царствование Петра I», «Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730», «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии». Капитальным приобретением русской исторической науки стал труд Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники». В нем исследователь через углубленную работу с источниками и комплексное использование научно-исторических фактов добился более или менее адекватной реконструкции явлений второй половины XVIII века. Однако не все современники Н. Ф. Дубровина отметили наличие динамики в его представлениях о месте факта в историческом повествовании. В частности, А. Брикнер в своем критическом очерке о «Пугачеве» Дубровина пытался убедить читателей, что «мелочи военных действий в этом труде подчас становятся утомительными; обобщений не встречается почти вовсе; суждения о лицах, характеристика фактов попадается в виде самого редкого исключения»; «научная группировка фактов отсутствует…». Несмотря на такого рода замечания, уже в заключении рецензент отмечает: «Будущие исследователи Пугачевского бунта не преминут воспользоваться трудом г. Дубровина, как сборником фактов, разъясняющих общий характер всего события и отдельных явлений его. Ученость, начитанность автора изумительны. Хотя он и не сумел разработать предмет, так сказать, монографически, в его сочинении разрешаются многие вопросы, оставшиеся спорными. Все это ставит труд г. Дубровина на весьма видное место в отечественной истории». Столь же противоречивым было отношение к историко-фактической стороне исследования и со стороны других рецензентов: некоего «А. Н.» и А. В. Арсеньева [17]. Причина такого отношения к историку заключалась в том, что критики его труда ожидали от него оценок явно политизированного свойства, он же добивался того, чтобы на основании всей суммы фактов читающая публика смогла бы сама дать оценку действий всех сторон, причастных к делу Пугачева и его сообщников. Этим самым он заявлял

о своем желании оставаться историком, а не становиться прокурором или судьей.

Свидетельством возросшего уровня осмысления Дубровиным исторического факта следует признать его участие в издании учебного пособия для военных училищ «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней» (СПб., 1893). Будучи руководителем авторского коллектива (кроме него в написании пособия участвовали генерал-лейтенант Леер, генерал-майор Куропаткин, полковники Будим-Левкович, Сухотин и Пузыревский), генерал-майор Дубровин среди прочего выразил в предисловии к пособию и свое отношение к историческим фактам: «Сверх обобщения фактов, на долю авторов предлагаемых обзоров выпала миссия произвести: 1) группировку фактов с таким расчетом, чтобы из-за подробностей не затемнялась общая идея, лежащая в них, и чтобы постоянно была видна внутренняя логическая связь между ними; 2) неизбежно расчленяя факты (разделяя описание операций и сражений на периоды), при их описании постановка рубрик осуществлялась так, чтобы из-за них не терялась ни на минуту цельность картины того или другого события в полном его объеме, короче – возможно упорядочение изложения фактов, и 3) стремление к возможной простоте в изложении. Излагать факты так, чтобы при этом раскрывался их внутренний смысл, со всею ее жизненной правдой, избегая всякого рода декламаций и риторических прикрас, которые некоторыми авторами считаются необходимыми, чтобы заинтересовать читателя или слушателя. Нам кажется, что чем известный предмет сам по себе более важен, тем проще должно быть и его изложение. Таковы руководящие условия, поставленные при исполнении этого труда, и если не удалось их вполне применить к делу, то мы по крайней мере стремились к ним… Здесь положительные и отрицательные факты одинаково служат одному и тому же делу – ознакомлению наших офицеров с боевым прошлым их родной армии» [83].

Своему преклонению перед научно-историческим фактом Н. Ф. Дубровин был обязан прежде всего тому, что все свое свободное время отдавал работе в архивах, в которых он не переставал рыться почти до самой смерти. В последние годы своей жизни генерал-историк занимался сбором документов и фактов, имеющих отношение к движению декабристов. Будучи русским историком отнюдь не первого ряда, он сумел в своей исследовательской работе отразить собственный и оригинальный опыт исторического познания, который складывался не без воздействия на него идей С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. И. Семевского и др.

1.6.Военно-исторические исследования в частях Гродненского гарнизона во второй половине XIX – начале XX вв.

С конца XVIII века и до начала Первой мировой войны в состав Гродненского гарнизона российской императорской армии входили самые различные армейские части. Их перечень достаточно обширный, но наибольший след в жизни военного гарнизона оставили 14-й Ямбургский уланский полк, 101-й Пермский, 102-й Вятский, 103-й Петрозаводский, 104-й Устюжский, 171-й Кобринский пехотные полки и 26-я артиллерийская бригада. Все эти части прошли славный боевой путь и были вправе претендовать на труды, в которых бы нашло отражение их ратное прошлое. Осмысливая причины бурного развития в указанный период жанра полковых историй, следует особо подчеркнуть стремление полков сохранить и поддерживать свои традиции и исторические предания, а также те подвиги, которые были совершены частями войск и отдельными лицами d течение продолжавшейся кампании.

После принятия принципиального решения о составлении истории части, нужно было выбрать ее будущего автора. Им мог стать один из офицеров полка либо профессиональный историк или более опытный в этом отношении офицер соседней части, «хорошо владеющий пером». Однако в большинстве случаев предпочтение отдавалось однополчанам. Нередко работа по составлению истории части велась параллельно с созданием полкового музея, и хранитель музея (иногда экспозиции храма-памятника) принимал в ней активное участие. Чаще всего истории полков создавались к юбилеям частей, однако бывали и другие мотивы, побуждавшие командира полка поручить столь ответственное дело одному из своих офицеров. Об одном из них и повествует жизнь и литературная деятельность корнета 14-го Ямбургского уланского полка В. В. Крестовского (1839–1895). В 60–70-е годы XIX века штаб этого полка располагался в Гродно, а его эскадроны – в ближайших местечках и селах, что давало возможность Крестовскому близко познакомиться с историей и современными проблемами края и отразить все это в своем литературном творчестве [175]. Его литературно-публицистические произведения и романы неизменно получали положительную оценку читающей публики. Однако в начале августа 1870 года в жизни корнета-литератора произошла история, заставившая его на продолжительное время оставить dтла службы и литературы и обратить свое внимание на составленit истории Ямбургского полка.

В 1869 году Крестовский заболел и для поправки здоровья получил разрешение командира полка лечиться, как говорили тогда, «на водах» в Друскениках. Здесь он завязал знакомство со многими местными почитателями его творчества. 30-летний корнет не чурался шумных компаний, балов. Дамы восторгались его романсами, положенными на музыку, – «Под душистою ветвью сирени», «Когда утром иль поздней ночью». После того, как Крестовский поправился, его направили в Тверское кавалерийское училище

для сдачи экзамена на офицерский чин. Успешно сдав их, он прибыл в Гродно для продолжения службы в штабе своего полка. Не исключено, что уже в это время командование предполагало использовать литературное перо корнета в своих целях. Однако, имея несколько свободных от службы дней в своем распоряжении, Крестовский решил провести их в Друскениках. Здесь-то и произошла история, запечатленная в архивном «Деле о дуэли, произведенной корнетами 14-го Ямбургского уланского полка Крестовским и Цукатто» от 2 августа 1870 года.

Не вдаваясь в детали данного дела, отметим лишь тот факт, что во время нахождения Крестовского в Друскениках, после одного из танцевальных вечеров, однополчанин литератора «корнет Цукатто позволил себе публично вызвать на поединок своего товарища, корнета Крестовского». Однако тогда же свидетелями данной ссоры они были разведены от острого конфликта: оба вернулись в Гродно, в свою часть. Но уже через три дня, 5 августа 1870 года, гродненский уездный исправник В. С. Гречанин сообщил гродненскому губернатору, князю Д. М. Кропоткину следующее: «4-го августа, в 4 часа утра в урочище «Секретном» была дуэль между корнетами Крестовским и Цукатто. К первому из них были секундантами штаб-ротмистр Арбузов и поручик Тимченко, а у последнего – штаб-ротмистр Рошковский и поручик Муфель. По секретному дознанию обнаружено, что означенные офицеры действительно стрелялись в овраге неподалеку от урочища «Секретного» из пистолетов, но вреда и увечья друг другу не нанесли. О действительности этой дуэли подтвердил и сам Крестовский [177, с. 341 – 344].

Как проходило рассмотрение данного дела в полку, нам неизвестно, но, по-видимому, руководствуясь принципом «от греха подальше», начальство перевело корнета Цукатто в другой полк, а корнет-литератор Всеволод Крестовский был откомандирован на два года в Главный штаб, в Петербург для написания истории своего 14-го Ямбурского уланского полка. В городе на Неве, там, где прошли гимназические и университетские годы Крестовского, ему работалось легко и интересно. В его распоряжении были не только библиотеки Генерального и Главного штаба, Общества ревнителей военных знаний, но и практически все столичные архивы. Когда обширная история родного полка была напечатана, она получила высокую оценку императора Александра II с последовавшим от него распоряжением о переводе Крестовского в том же чине, в виде награды, в Лейб-гвардии уланский Его Императорского Величества полк. Вскоре литератору последовало предложение уже непосредственно от императора написать историю и этого полка. И с данным высоким поручением он справился успешно. Полностью отдав себя ратной службе, Крестовский в заключении «Истории 14-го Уланско-Ямбургского полка» с оптимизмом писал: «Прошлое дало нам 125 боевых эпизодов, 178 Георгиевских кавалеров, 631 воин полка пал на поле брани и занесен в боевой синодик полка. Но позволит Господь – и мы внесем в наши летописи новые имена и новые славные подвиги [170]. Военно-исторические работы не помешали воину-литератору окончить в 1874 году обширный и

прекрасный роман «Кровавый пуф», вышедший отдельным изданием в следующем году. В нем получили освещения события 1863 года и участие в подавлении восстания частей Гродненского гарнизона. В «Кавалерийских очерках» получили детальное освещение будни полка в мирное время.

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов В. В. Крестовский в качестве военного корреспондента написал около ста корреспонденций, которые составили затем отдельную книгу «Двадцать месяцев действующей армии». В июне 1880 года офицер был командирован на Тихоокеанскую эскадру ввиду обострения международных отношений на Дальнем Востоке. Итогом командировки стала книга очерков под общим названием «В далѐких водах и странах». Много ездил он и по средней Азии. Эти поездки стали основой для написания книги «В гостях у эмира Бухарского». Летом 1892 года В. В. Крестовский возглавил редакцию журнала «Варшавский дневник». На этом поприще он необычно много сделал для изучения прошлого и настоящего Польши, Литвы и Беларуси. Он многократно бывал в Вильно, Гродно, где встречался со своими однополчанами и местными поклонниками его творчества. Умер литератор и военный историк 18 (30) января 1895 года в Варшаве, а похоронили его в родном Петербурге на Никольском кладбище неподалеку от могил композитора А. Г. Рубинштейна и уроженца Гродненщины, историка и публициста М. О. Кояловича [175].

Высокую оценку в военных и научных кругах получил труд штабс-капитана Михаила Николаевича Вахрушева «История 101-го пехотного Пермского полка (1788–1897)» (Спб., 1897). В предисловии к нему автор писал: «Два с половиной года тому назад командир полка полковник Михаилов поручил мне составить историю полка и вместе с тем им и товарищам было выражено желание, чтобы история была отпечатана ко дню столетия юбилея, т. е. к 17 мая 1897 года». Решиться на выполнение столь ответственного задания мог не каждый, а только ответственный и хорошо подготовленный офицер, тем более, что на то время в расположении Вахрушева имелся лишь дневник полка за русско-турецкую компанию 1877–1878 годов; архив же его сохранился лишь с 60-х годов, т. е. со времени вхождения полка в состав Гродненского гарнизона. Будучи командированным в Петербург, штабс-капитан Вахрушев как выпускник Николаевской академии Генштаба в полном объеме использовал для составления истории полка самые различные материалы и книги из столичных архивов и библиотек, включая императорскую публичную и библиотеку Генерального штаба. Изданный в срок труд был разделен на три отдела; 1-й представлял из себя боевую летопись полка и все сведения, сохранившиеся в официальных документах, во 2-ом отделе были помещены приложения, дополняющие текст (рисунки, карты, фотографии), а в 3-ем – списки офицеров полка со времени его основания. Такой подход к истории полка был достаточно стандартным, однако в авторской подаче Вахрушева он встретил всеобщее одобрение однополчан.

В «Памятных книжках Гродненской губернии» («ПКГГ») с 1896 по 1914 годы о М. Н. Вахрушеве имеются следующие сведения. В 1896–1897 годах

штабс-капитан Вахрушев был командиром 4-ой роты 101-го Пермского полка, являлся кавалером ордена Станислава 3-й степени и проживал на Купеческой улице (ныне К. Маркса) в доме Копельмана. В 1898–1899 годах командир полка под его начало передал лучшую в полку 1-ую линейную роту. С 1900 по 1903 годы в «ПКГГ» сведения о нем отсутствовали вероятнее всего в связи с обучением офицера в Николаевской академии Генерального штаба. В 1904 году он значился уже подполковником для особых поручений при штабе 2-го армейского корпуса в г. Гродно. За 1905–1906 годы в «ПКГГ» сведения о нѐм отсутствовали в связи с нахождением офицера на дальневосточном театре военных действий. По возвращении в Гродно с русско-японской войны полковник М. Н. Вахрушев – уже начальник штаба 26-ой пехотной дивизии. Естественно, что после этого назначения изменились и его жилищные условия, и он переезжает с семьей в более престижный дом Листовского на Полицейской улице (ныне С. Кирова). В «ПКГГ» за 1911 год М. Н. Вахрушев – уже полковник, командир 101-го Пермского пехотного полка, с местом проживания по ул. Муравьѐвской, 29 (ныне ул. Ожешко) [90, с.630].

Данные сведения представляются нам достаточно важными, так как существенно дополняют гродненскую страницу его биографии. В наиболее же обобщенном виде она выглядит так: «Вахрушев Михаил Николаевич (1865–1934) – генерал-майор Генштаба. Окончил Орловско-Бахтинский кадетский корпус, Александровское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Из училища был выпущен в 101-й пехотный Пермский полк, в котором служил с перерывами до конца 1914 г. Во время русско-японской войны получил назначение в Порт-Артур, однако из-за высадки японских войск в Быдзыво был задержан в штабе 1-й Маньчжурской армии. До августа 1905 г. исполнял должность старшего адъютанта (оперативное отделение) в Управлении генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. За сражение при Лаояне был награжден Золотым оружием и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Полковник. После японской войны – начальник штаба 26-й пехотной дивизии. В 1910 г. назначен командиром 101-го пехотного Пермского полка, с которым выступил на фронт в 1914 г. в составе 1-й армии генерала Ренненкампфа. (В «Записках» командира 2-ой бригады 26-ой пехотной дивизии генерала Я. М. Ларионова имеются такие строки: «Утром 9 ноября 1914 года при переходе дивизии через реку Бзуру к местечку Белявы прибыл раненый в бою 27 или 28 августа, оправившийся от ранения командир 101-го Пермского пока Вахрушев») [171, с. 150]. За отличия в боях в Восточной Пруссии произведен в генерал-майоры. После излечения от ран 8 декабря 1914 г. назначен начальником штаба 2-го Сибирского армейского корпуса. В 1917 г. – начальник штаба 5-й армии, летом того же года — начальник штаба Северного фронта при командующем генерале Драгомирове. Уволен в «резерв чинов» в сентябре 1917 г. После неудачного выступления генерала Корнилова» [173, с. 351]. В Добровольческую армию прибыл в 1918 г. по вызову генерала Алексеева и был назначен генералом для поручений при помощнике

Главнокомандующего Добровольческой армией. В 1919 г. назначен начальником штаба Киевской группы войск генерала Драгомирова в составе ВСЮР. В эмиграции проживал в Сараево; служил в Державной комиссии Королевства СХС. Был избран почетным председателем Сараевского общества офицеров и Русской Сараевской колонии. Постоянный член суда для генералов. Скончался в 1934 г. Похоронен на Новом кладбище в Белграде» [173, с. 351].

Вслед за 101-ым Пермским полком свои истории обретали и другие полки Гродненского гарнизона. В том же 1897 году офицером Н.П. Поликарповым (других сведений о нем не выявлено. – В.Ч.) был издан в Вильно «Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го пехотного Устюжского полка (1797 – 1897). В дополнение к нему Н. П. Алферьев издал «Записную книжку 104-го Устюжского пехотного генерала Багратиона полка», предназначенного для нижних чинов. В ней содержались сведения об основных вехах истории полка, его традициях и святынях, изложенные в самой популярной форме. В 1903 году в Белостоке была издана Л. Плястером «История Вятского полка», а подполковником Генштаба Р. И. Дубининым в Петербурге «История 103-го пехотного Петрозаводского полка (1803–1903). К сожалению, обо всех этих авторах у нас других сведений не имеется.

Что же касается имени офицера 4-го саперно-пантонного батальона 171-го Кобринского пехотного полка Владимира Сергеевича Манассеина, то оно в начале XX века было хорошо известно гродненским любителям истории. Характерно, что в это время интерес к прошлому Принеманского края проявляли не только учителя, врачи, чиновники, но и военные. По общему признанию специалистов-историков, В. С. Манассеин был в числе первых из них. Широкую популярность офицеру принесли его многочисленные публикации на темы военной истории, которые периодически публиковались на страницах «Гродненских Губернских Ведомостей», выходили отдельными изданиями. Читателей работ историка в погонах подкупала его глубокая эрудиция, прекрасное знание самых разнообразных источников, имеющих отношение к военным событиям, в разные годы протекавшим на Гродненщине, а также доступная форма изложения материала.

В своих исследованиях В. С. Манассеин не претендовал на традиционную научность, хотя некоторые методы научно-исторического исследования ему были известны. Отличительной особенностью его работ была удивительная увлеченность темой, искреннее желание поделиться с гродненцами своими большими и малыми открытиями в области военной истории. Не будучи уроженцем Гродненщины, штабс-капитан Манассеин с первых же дней пребывания здесь полюбил эту землю, ее людей, а потому не жалел сил для раскрытия заповедных страниц ее прошлого.

В. С. Манассеин родился 20 июня 1878 года в семье потомственного дворянина Казанской губернии, который дослужился лишь до чина коллежского советника. Достаток этой семьи был достаточно скромным. Кроме небольшого имения и вместительного деревянного дома на окраине Казани,

Манассеины никакой другой собственностью не владели. Видимо, по этой причине родители и решили «отправить сына по военной линии». В 1896 году по окончании Нижегородского кадетского корпуса он поступил в Николаевское военное инженерное училище в Петербурге. По завершении курса обучения Владимир Манассеин был произведен в подпоручики с назначением на службу в 4-й саперно-пантонный батальон 171-го Кобринского пехотного полка, дислоцировавшегося в ту пору в Гродно. По существовавшим в училище правилам он обязывался прослужить в частях инженерных войск по полтора года за каждый учебный год, проведенный в военно-учебном заведении. Данное обстоятельство не пугало молодого офицера: военная служба была ему по душе, тяга же к новым местам буквально переполняла его, тем более, что служить ему предстояло в губернском городе над Неманом. Узнав про это, Владимир Манассеин обложился справочниками, энциклопедией, другими книгами, из которых можно было почерпнуть сведения о Гродно. К сожалению, таковых было совсем немного, если не считать исторического романа Всеволода Крестовского «Кровавый пуф», посвященного событиям 1863 года на Гродненщине. Особенное впечатление на молодого офицера произвела глава романа-хроники «На Коложе».

В августе 1899 года после непродолжительного отпуска, проведенного у родителей в Казани, Манассеин прибыл к месту своей службы и был назначен заведующим унтер-офицерским классом в военно-телеграфной роте 4-го батальона. Одновременно на него были возложены обязанности делопроизводителя батальонного суда чести. Осенью 1901 года он был произведен в поручики с принятием под свое командование 3-й саперной роты. С мая 1903 года по декабрь 1904 года он являлся батальонным казначеем, членом суда общества офицеров, а также членом комиссии по офицерскому заемному капиталу. 15 декабря 1904 года В. С. Манассеин был принят в 1-ю саперную роту, а 1 октября 1905 года за выслугу лет произведен в штабс-капитаны. 4 января 1906 года он был награжден за успехи по службе орденом св. Станислава 3-й степени. Одним словом, служба у штабс-капитана Манассеина проходила достаточно ровно. В «Послужном списке штабс-капитана 4-го саперно-пантонного батальона Манассеина», составленном 14 января 1906 года, значилось, что в качестве командира роты он имел жалованье – 780 руб., столовых денег – 360 руб., квартирных – 284 руб. 25 коп. (итого 1424 рубля 25 коп.), что позволяло чувствовать себя достаточно обеспеченным человеком. В том же году он обвенчался с дочерью местного чиновника Лидией Ивановной Колжевской. Родители ее пожелали, чтобы молодые жили у них. Данное обстоятельство еще более привязало молодого офицера к Гродненщине.

Благодаря обретенным родственным связям он быстро подружился со многими представителями местной интеллигенции, увлекавшейся историей края. Среди них были Е. Ф. Орловский, Д. М. Милютин, И. В. Корчинский, Л. М. Солоневич, И. О. Иодковский и др. Отражением этих творческих связей может служить труд Манассеина «Исторический очерк Гродненской губернии в военно-политическом отношении за первые сто лет ее существования» (Гродно,

1902 год), подаренный в 1907 году гродненскому историку и археологу И.О. Иодковскому с дарственной надписью автора: «Многоуважаемому Иосифу Осиповичу Иодковскому на добрую память от В. С. Манассеина. 4 апреля 1907 г.».

Отличительной особенностью этого труда по сравнению с книгами Е.Ф. Орловского и Л. М. Солоневича, также посвященных истории Гродненской губернии, было более пристальное внимание к военно-политическим вопросам. С традиционных для тогдашней историографии позиций молодой историк сосредоточивал внимание на военных действиях повстанцев и правительственных войск в 1830–1831 годах, на характере общественно-политического положения на Гродненщине в 30–50-е годы XIX века. Благодаря доступу автора к архивным материалам Гродненского губернского управления и Виленского военного округа, страницы данной работы, посвященные восстанию 1863 года, характеристике графа М. Н. Муравьева, руководителей восстания К. Калиновского, С. Сераковского и других читались с особым интересом. Много внимания уделялось в работе мерам, принимаемым властями по восстановлению в губернии мирной жизни в послеповстанческий период. Как военный человек автор достаточно подробно анализировал политику царского правительства на территории губернии в годы правления императоров Александра III и Николая II. В книге впервые получило освещение участие последнего российского императора в крупнейших военных маневрах, проходивших в 1897 году на Гродненщине.

По оценке современников, такой труд вряд ли стал бы возможным, если бы не предшествующие исследования офицера-историка и краеведа («Петр I и Карл XII под Гродно в походе 1706 года», «Крестьянский вопрос в Гродненской губернии в XIX столетии», «Освобождение крестьян в литовских губерниях» и др.), увидевшие свет в 1901–1902 годах. Их названия говорят сами за себя, и они значительно расширили представления исследователей о данной исторической проблематике. Остается удивляться тому, как много успел сделать этот неординарный человек, совмещая военную службу и занятия историей. В 1907 году штабс-капитан В. С. Манассеин с семьей покинул город на Немане в связи с переводом в другую воинскую часть [174, с. 399–404].

Дальнейшая его судьба прослеживается частично. Известно, что в 1911 году он окончил юридический факультет Казанского университета. Участник Гражданской войны на стороне белых. Служил в армии Временного Сибирского правительства. Воевал, стал полковником. Поняв, что у дворянства как у привилегированного сословия нет перспектив, как нет у дела белых, перешел на сторону красных и обещал служить трудовому народу. С 27.10.1918 года – преподаватель на юридическом факультете Иркутского университета. В 1922–1925 годах – профессор кафедры истории русского права. Участник первого краеведческого съезда Восточной Сибири (1925). Опубликовал исследование «Библиотека декабриста М. С. Лунина (М., 1930). В 1930 году возглавил библиотеку Восточносибирского Горного института. В 1934 году библиотека «по назначению своих книжных фондов, образцовой постановке

работы» была признана одной из лучших библиотек Восточносибирского края. 22.08. 1937 года после выхода на работу арестован. Умер в тюремной больнице за день до принятия постановления о расстреле. После обращения сына Юрия реабилитирован 9 мая 1958 года [169, с. 8].

Широкой известностью среди гродненцев пользовался и офицер-артиллерист Ольгерд Владиславович Пожерский. Родился он 8 декабря 1880 года в г. Курске в семье потомственного дворянина Виленской губернии, поручика российской армии, участника русско-турецкой войны Владислава-Леона Феликсовича Пожерского. К послужному списку будущего военного историка Ольгерда Пожерского, хранящемуся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве, приложена копия метрической выписки из книги Виленского римско-католического приходского костела Св. Духа следующего содержания: «1881 года, июня 7 дня в Виленском костеле Ярославом Россинским с совершением всех обрядов таинства. Поименованный в сей выписи младенец Ольгерд, родившийся в декабре 1880 года в г. Курске, происходит от законных супругов – поручика 31-й дивизии Козловского полка Владислава-Леона и Луции (из Мисевичей) Пожерских. Воспреемниками были: коллежский советник Петр Лею с Каролиной Мисевич – девицею».

Мечтая быть, как и отец, офицером, Ольгерд Пожерский поступил в Полоцкий кадетский корпус. Ко времени обучения в корпусе относится приложенная к вышеуказанному послужному списку подписка: «Я, нижеподписавшийся, даю эту подписку в том, что в случае, если мой сын Ольгерд Пожерский по определению в Полоцкий кадетский корпус будет подлежать по какому-либо случаю или по распоряжению начальства заведения, увольнению из оного, то я обязуюсь его немедленно взять из заведения на свое попечение. Октября 12 дня 1890 года, г. Курск. Штабс-капитан 123-го пехотного Козловского полка Владислав Феликсович Пожерский». Там же имеется и копия свидетельства: «По Указу Его Императорского Величества дано сие вследствие резолюции, состоявшейся в Виленском дворянском депутатском собрании 12 июня 1891 г., дворянину Ольгерду Владиславу-Леонову Пожерскому в том, что он, Пожерский, родившийся 8 декабря 1880 г., утвержден в потомственном дворянском достоинстве Указом правительствующего Сената по департаменту Герольдии от 9 октября 1889 года за № 4704 со внесением в третью часть родословной книги дворян Виленской губернии, в чем настоящее свидетельство надлежащей подписью и приложением казенной печати утверждается. Гербовый сбор уплачен. Г. Вильна. Июня 12 дня 1891 г. Исполняющий дела губернского, Трокский уездный председатель дворянства Пейкер, секретарь Подерня и столоначальник Ф. Дунай».

После окончания Полоцкого кадетского корпуса Ольгерд Пожерский учился в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге, которое окончил с произведением в подпоручики и назначением на службу в 26-ю артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся издавна в губернском городе

Гродно. В сентябре 1900 года молодой офицер прибыл в бригаду и был зачислен во 2-ю батарею с назначением учителем в бригадную учебную команду. Став вскоре делопроизводителем батареи, он испортил свое зрение, что грозило ему в ту пору увольнением из армии, но специальная инспекция приняла прошение молодого офицера «об оставлении его на службе с правом ношения очков». Разрешение он получил в июне 1902 года.

Получив в конце 1902 – начале 1903 года 18-дневный отпуск, подпоручик Пожерский полностью посвятил его улаживанию о своей семейной жизни. В январе 1903 года он попросил «руку и сердце» дочери отставного майора девицы Софии Петровской, римско-католического вероисповедания, дворянки Гродненской губернии. От этого брака у Пожерских было два сына. Осенью 1903 года поручик Пожерский был командирован в Дивинский артиллерийский склад для приѐма скорострельных пушек для 4-й батареи, куда был переведен для дальнейшего прохождения службы в должности делопроизводства.

В составе 26-й артбригады поручик Ольгерд Пожерский принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 годов. Батареи бригады проявили здесь себя с самой лучшей стороны, но были у них и потери в личном составе. Так, только у деревни Уй-Пюнин были убийцы: штабс-капитан Н. Н, ЛепешинскиЙ, подпоручик Е. К. Шпигель, прапорщик В. И. Земит; нижние чины И. В. Терентьев, С. И. Томко, Г. Д. Попов, К. С. Дорофеев, П. П. Кудрявцев, Н. Ф. Андрейчик, К. И. Урих и др. Их имена после войны были запечатлены на мемориальных досках, установленных в Гродненской Свято-Покровской гарнизонной церкви. Что касается Пожерского, то его, несмотря на участие в ряде походов и сражений, судьба берегла: он в Маньчжурии не был ни ранен, ни контужен. Впрочем, одна неприятность коснулась и его. Будучи направлен 3 февраля 1905 года командиром 4-й батареи в штаб 1-й Маньчжурской армии в деревню Хуальжань, он, переезжая вечером через перевал, сорвался с горы вместе с лошадью и двуколкой в глубокий обрыв. Лошадь погибла, а офицер потерял сознание. Проезжавшие мимо казаки вытащили его наверх и доставили на бивак. Несмотря на массу ушибов и кровоподтеков, затруднительное и болезненное хождение, офицер отказался от госпитализации и остался в строю. За отличие в боях против японцев поручик Пожерский был награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

После окончания войны и возвращения артбригады в Гродно Пожерский был переведен из 4-й батареи в управление бригады и назначен бригадным казначеем. В эту пору у офицера возникла потребность на основании своего фронтового дневника и других источников запечатлеть боевой путь 26-й артбригады в годы русско-японской войны. Эта задумка была поддержана командиром бригады, и в результате в 1910 году в Гродненской губернской типографии был напечатан первый труд Пожерского «26-я артбригада в войну с Японией в 1904–1905 годах». Эта работа была положительно воспринята сослуживцам и общественностью города. Успех окрылил офицера-

артиллериста, и в течение трех последующих лет из-под его пера вышли в свет еще три книги: «Шведская война 1808–1809 годов и участие в ней 4-й и 5-й батарей 26-й артбригады» (Гродно, 1912); «Краткая история батарей 26-й артбригады в 1806–1813 годы» (Гродно, 1913) и «26-я артбригада в русско-турецкую войну 1877–1878 годов» (Гродно, 1914). Последний труд – самый большой по объему (более 90 страниц) увидел свет буквально накануне Первой мировой войны, в в которой ее автор принял самое активное участие. Все известные нам труды Ольгерда Пожерского представляют библиографическую редкость и высоко оцениваются специалистами.

Из «Списка по старшинству генералам, штабс- и обер-офицерам 26-й артиллерийской бригады» следует, что О. В. Пожерский «23 июня 1914 года был произведен в капитаны, а 12 апреля 1915 года переведен во 2-ю артбригаду». Из «Списка по старшинству» уже этой бригады нам известно, что капитан Ольгерд Пожерский, командир 6-й батареи с 6 ноября 1915 года, был произведен в подполковники 22 мая 1916 года, в полковники – 2 августа 1917 г. Воевал с неприятелем мужественно и умело, за что был награжден орденами св. Анны 2-й степени с мечами и бантом (04.07.1915 г.) [174, с. 399–404].

После революционных событий 1917 года и развала российской императорской армии полковник Пожерский посчитал себя свободным от данной им когда-то воинской присяги и вступил в состав Войска Польского. В годы советско-польской войны 1919–1920 годов он командовал 8-й пехотной дивизией. Дальнейшая судьба неизвестна.

В канун Первой мировой войны в составе Гродненского гарнизона находилась и 5-я воздухоплавательная рота. Служивший в ней штабс-капитан Ф. Ф. Андреев являлся автором книги «Современное положение вопроса о воздухоплавании в применении его к военному делу», выпущенной в Гродно в 1912 году. В этой работе имелось не только теоретическое обоснование указанного вопроса, но и был освещен практический опыт применения русской боевой авиации в годы Балканской войны 1912–1913 годов, когда в составе болгарской армии против турецких войск действовал русский авиационный добровольческий отряд [176, с. 152–157]. Из кратких биографических данных о гродненских авиаторах следует, что до прибытия в Гродно Ф. Ф. Андреев (1885–?) на 01.01.1909 г. – поручик 3-го Восточно-Сибирского воздухоплавательного батальона. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (в 1909 г. по 2-му разряду). Участник Первой мировой войны. Капитан (ст. 10.08.1913 г.). Старший адъютант штаба 1-го армейского корпуса (с 13.12.1915 г.; на 03.01.1917 г. в той же должности). Подполковник (произведен в 1917 г.). Мобилизован в РККА. Включен в дополнительный список Генштаба РККА, составленный 01.09.1919 г., и в список Генштаба РККА на 07.08.1920 г. По другим данным, с 02.08.1919 г. в ВСЮР, полковник; в Русской армии до эвакуации Крыма. На 01.04.1922 г. проживал в общежитии № 1 в Константинополе» [172, с. 280].

Таким образом, следует отметить, что в Гродненском гарнизоне, как, впрочем, и в целом в российской армии, уделялось большое внимание

развитию полковых традиций и проведению военно-исторических исследований. Последние, несмотря на существовавшие стандарты, несли на себе отпечаток авторских представлений о военной истории как в целом, так конкретного полка в частности и их месте в формировании патриотических чувств и боевых качеств русских воинов. Военно-исторические исследования гродненских офицеров в значительной степени затрагивали вопросы исторического краеведения, в том числе и Гродненщины, что придавало этим работам особую значимость в среде местных любителей истории страны.

ГЛАВА 2
И. Л. СОЛОНЕВИЧ (1891–1953) – МЫСЛИТЕЛЬ, ИСТОРИК И ПУБЛИЦИСТ

2.1.Православие в исторических воззрениях И. Л. Солоневича

Выдающийся русский мыслитель белорусского происхождения И. Л. Солоневич лишь совсем недавно приобрел известность и признание в отечественной историографии. Тем не менее его жизнь и основные вехи творчества уже получили свое освещение в ряде публикаций [132]. Что же касается его общенаучных и исторических воззрений, то в этом направлении сделаны пока еще первые шаги. Данное исследование следует расценивать как одну из попыток подойти к изучению исторических взглядов оригинального мыслителя через призму его отношения к Православию.

Интерес Солоневича к истории религии и Православной церкви получил свое первое обширное освещение на страницах его книги «Белая Империя» (Шанхай, 1941; Москва, 1997) в разделе «Богоискательство». Здесь мыслитель писал: «Одной из великих иллюзий, касающихся русской души, является иллюзия о каком-то особом, отличном от других наций богоискательстве русского народа». Разговоры на эту тему, по мнению автора, «ни к чему не обязывают и ничего не доказывают». По этой причине он считал более всего полезным обратиться к самым общеизвестным фактам из русской истории для того, чтобы посмотреть, «в какой степени религиозное сознание русского народа отразилось на ходе русской истории и русской культуры». Из краткого анализа русской истории, «начиная с крещения Руси и кончая последним обер-прокурором Святейшего Синода», Солоневич пришел к достаточно неожиданному выводу: «Церковь (в России. – *В. Ч.*) всегда была только одной из функций государственной власти». Отказываясь оценивать этот «несомненный факт русской истории ни с положительной, ни с отрицательной стороны, Солоневич, между тем, утверждал, что в годы революции «Церковь не оказала поддержки ни императорскому режиму, ни временному правительству, ни Белой армии». Развивая этот тезис, автор с нескрываемым раздражением по поводу трагической судьбы российской монархии подчеркивал, что «ни одно из движений, выраставших стихийно на территории всей России, ни разу не подняло какого бы то ни было религиозного знамени. Ни Кронштадт, ни Ярославль, ни антоновское восстание, ни бесконечные группировки зеленых и прочих отрядов никогда не оперировали религиозными доводами и религиозными символами». Более того, полагал он, «русская церковная история не создала таких мощных организаций, как католические монашеские ордена, и не выдвинула таких религиозных реформаторов, как Лютер, Цвингли, Кальвин, даже как Саванаролла» (реформы патриарха Никона, считал Солоневич, дальше чисто обрядовой стороны не пошли). И вообще, признавал он,

«напряженность религиозной жизни в Западной Европе была и остается выше нашей», а потому у него не вызывало сомнений, что «католицизм в Испании, Италии и Польше играл в народной психике неизмеримо большую роль, чем у нас православие». Понимая, что его точка зрения «противоречит всем правилам хорошего тона», который прочно усвоила современная ему русская эмиграция, Солоневич тем не менее не собирался смягчать свои оценочные суждения. Он говорил: «Меня интересует не хороший тон, а объективные факты. Здесь, в эмиграции, как это было на западе России (т. е. на его родине, Беларуси. – *В. Ч.*), в районах борьбы православия с католицизмом русские люди (включая белорусов – *В. Ч.*) смотрели на православие не столько как на систему религиозного восприятия мира, а как на национально-государственное знамя. Сейчас в эмиграции из ста хороших слов на тему о православии девяносто продиктованы чисто политическими стимулами». Последнее, подчеркивал автор, отнюдь «не доказывает атеизма русского народа», это «скорее отражение общего упадка религиозных интересов нынешней эпохи», в целом нахождения религиозно мыслящего человечества на каком-то гигантском переломе. И осознание этого давало основание автору для достаточно оптимистичного утверждения: «По-видимому, из всех религий мира только православие сохранило у себя какие-то неисчерпанные источники и возможности дать миру новое религиозное слово: в этом слове мир нуждается. Но это вопрос не фактов, а только веры. Эта вера бездоказательна. Как бездоказательна уверенность в том, что из соловецких тюрем и из других концлагерей придут новые проповедники православия, прошедшие с русским народом весь его крестный путь. Повторяю, это только вера. Никаких фактов, ее утверждающих, в моем распоряжении нет». Следует заметить, что несмотря на их отсутствие, предвидение мыслителя оказалось достаточно верным.

Отнесение И. Л. Солоневичем Церкви к одной из функций государственной власти, признание им невысокого уровня напряжения религиозной жизни в стране вызвали негативную реакцию со стороны эмигрантского писателя А. С. Позова. В своей критике труда Солоневича он отмечал: «Разбор религиозных вопросов – самое слабое место в Вашей книге. Чувствуется, что Вы вторгаетесь в область не только Вам мало известную, но и духовно Вам чуждую». Подвергая сомнению тезис Солоневича о более высокой напряженности религиозной жизни в Западной Европе, чем в России, Позов задавал своему оппоненту вопрос о том, а «можно ли судить о напряженности религиозной жизни по количеству религиозных споров, ересей и распрей?». И тут же констатировал: «Русское сектантство получало материальные средства из американских и немецких источников». Ответ Солоневича на критику Позова был достаточно резким, но не вполне четким: «Д-р Позов безнадежно путает две вещи: религиозно-нравственную и церковно-богословскую аргументацию. Когда он прочтет мою главу о православии (имелась в виду соответствующая глава из очередной книги – «Народная монархия» – *В. Ч.*), он, вероятно, убедится в том, что никаких покушений на православие с моей стороны нет. Я стараюсь говорить о православии как о величайшей религии

тепла и света, любви и терпимости, веры и истины. Если я подойду к подсоветской массе с доводами от Вселенских Соборов, которые в таком-то году приняли такой-то догмат, а в таком-то отвергли такой-то, то моя аргументация повиснет в воздухе. Если я подойду с проповедью аскетизма, то это будет полным и молниеносным провалом. Нельзя проповедовать аскетизм людям, без нас живущим в вынужденном аскетизме концлагерей. Нельзя проповедовать нестяжание людям, которых и без нашей проповеди советская власть лишила имущества. Нельзя проповедовать бедность и без того нищей стране. Иначе говоря: задачи практической политики должны подчинить себе, и подчинить беспрекословно, всякие темы о вечных вопросах бытия».

Весьма странно, но спустя десятилетия автор серии «Пути русского имперского сознания» (приложение к журналу «Москва») М. Б. Смолин в примечаниях к «Белой Империи» И. Л. Солоневича в буквальном смысле согласился с суждениями А.С.Позова, лишь несколько смягчив их последующими указаниями на неравнодушие мыслителя к православию: «К большому сожалению, у Солоневича очень странное понимание Церкви, очень туманное, расплывчатое и зачастую неверное, что можно объяснить его неглубокой духовной практикой. Несмотря на этот факт, православную веру И. Л. Солоневич любил. «Православие, – писал он, – это источник нашего духовного и национального бытия, а не «религия большинства русского народа». Православие мы, ежели придется, будем защищать любыми способами – вплоть до вооруженного. Никакого «равенства религий перед законом». Никакой принципиальной веротерпимости. Мы будем «терпеть» или «не терпеть» в зависимости от обстоятельств» (из статьи «Русский путь». Наша газета. – 1939. – №48). Несмотря на «смягчающие обстоятельства», нельзя не заметить, что и А. С. Позов и М. Б.Смолин строят свои представления о воззрениях И.Л.Солоневича лишь на некоторых его положениях, причем, вырванных из контекста всей книги. Даже аргументацию в пользу любви автора к Православию, Смолин берет из работы Солоневича, увидавшей свет еще в 1939 году, т. е. ранее критикуемых им положений. Характерно, что в той же «Белой империи, спустя десятки страниц, имеется масса доказательств не только религиозности ее автора, но и свидетельств того, как углублялось и эволюционировало его представление о роли православия в русской истории.

Считая, что самостоятельной философии в России не существует, так как здесь она возникла в свое время «или для замены, или для борьбы с религией», Солоневич так объяснял эту ситуацию: «Православие, с его ясностью, терпимостью, великой любовью ко всякой Божьей твари на Божьей земле, с его ставкой на духовную свободу человека, не вызывало в русском народе решительно никакой потребности вырабатывать какое бы то ни было иное восприятие мира. Всякая философия в конечном счете стремится выработать ~~–ц~~ельное мировоззрение”. К чему было вырабатывать новое, когда старое, православное, нас вполне удовлетворяло? Наши мыслители – Соловьев, Менделеев, Достоевский, Сеченов, Павлов, Розанов – всегда шли по путям православия. Если считать Толстого мыслителем, то он является

исключением». Следует отдать должное Солоневичу, что он не настаивал на своей уверенности в вышесказанном. Об этом свидетельствует следующая его оговорка: «Это объяснение (Православие и есть наша философия. – *В. Ч.*) я еще недостаточно продумал и не стану на нем настаивать. Но оно кажется мне чрезвычайно правдоподобным. Как бы там ни было – единственный в России случай, когда философия заменила православие (революция и диктатура пролетариата. – *В. Ч.*), окончился катастрофой. Следует ли нам исправлять ошибки диалектического материализма поисками еще одной философской системы? По моему – не следует». И далее: «Я придерживаюсь той точки зрения, что для нас православная церковь есть наша национальная и еще далеко не совершенная форма религиозного сознания. Совершенной формы, т. е. формы окончательно истинной, на земле вообще быть не может». Понимая под «совершенной формой» взаимоотношения государства и религии, Солоневич при этом отмечал, что «нравственные основы политической необходимости только очень отдаленно связаны с какими бы то ни было религиозными идеями. Государственная власть – есть власть на этой земле. Кесарь должен делать кесарево дело. Жизнь по ту сторону жизни государственной власти не касается никак: это не ее дело и это не ее функция. Отношение власти и религии может определяться только отношением этой религии к этой власти – то есть к делу религии на земле. Вмешательство государства в область религиозной человеческой совести не может не ощущаться как ничем не оправданное насилие над этой совестью. Вот поэтому я избегаю каких бы то ни было религиозных доводов в пользу монархии. В большинстве случаев эти доводы очень мало помогают политике и очень много вредят религии».

По мнению мыслителя, всякая религиозно-политическая аргументация в пользу государственной власти «дискредитирована начисто». В этом отношении имеет силу только «один-единственный аргумент религиозного порядка. Это аргумент нравственный. Никакая нравственность не может быть обоснована вне религии, ибо человеческая мысль и инстинктивно, и интуитивно, и сознательно исходит из религиозной идеи. Исторический процесс дает этой основной идее самые разнообразные формы. И поскольку исторические процессы еще не закончены, не могут быть закончены и формы религиозной идеи. Но основная сущность проходит сквозь все века, все народы и все религии» [107].

Наибольшее внимание к истории Церкви и месту ее в истории России в плане конкретно-историческом И. Л. Солоневич выразил в разделе «Церковь в Москве» своего знаменитого труда «Народная монархия» (Буэнос-Айрес; Минск, 1998 г.). По его мнению, в московский период российской истории «Государство и Церковь, и Нация жили определенными религиозными (или, если хотите, религиозно-национальными) идеалами и чувствовали себя единой индивидуальностью. Выдавать друг другу какие бы то ни было письменные обязательства было бы в этом случае также глупо, как если бы я давал себе самому расписку в получении от самого себя трех рублей и обязательства эти три рубля вернуть такого-то числа самому себе». Высказав сожаление по

поводу того, «что это жизнеощущение несколько утеряно», автор конкретизировал былую ситуацию достаточно образно: «Царь считал себя Нацией и Церковью, Церковь считала себя Нацией и Государством, Нация считала себя Церковью и Государством. Царь точно так же не мог – и не думал – менять православие, как не мог и не думал менять языка. Нация и не думала менять на что-либо другое и самодержавие, ни православие – и то, и другое входило органической частью в личности Нации. Царь был подчинен догматам религии, но подчинял себе слушателей ее».

Отмечая тот факт, что служилое духовенство Московской Руси было выборным («Их выбирал приход. И он же их оплачивал»), и что данная система имела свои неудобства («временами возникало нечто вроде аукциона: кто будет служить дешевле?»), однако в общем она, по мнению автора, означала непрерывный «контроль масс». Эта выборность спасала духовенство от превращения его в орудие господствующего класса».

Таким орудием, считал Солоневич, «наше духовенство сделалось только после Петра. Святейший Синод, заседавший под контролем гвардейских офицеров, потом армейских офицеров, потом – чиновников, и Бог его знает, кого еще – уже не мог быть выразителем голоса русского православия». В течение всего послепетровского времени «наше низшее духовенство, – отмечал автор, – которое непосредственно обслуживало религиозные потребности народа и призвано было его воспитывать – находилось в положении крепостных». По этой-то причине, полагает он, «именно этот слой дал пресловутых семинаристов, поперших в нигилизм полным ходом…». Останавливаясь на реальной действительности кануна революции, Солоневич весьма в негативных цветах оценивает роль церковной иерархии: «Если в Московской Руси Церковь неизменно поддерживала монархию, то первое, что сделал Синод «освобожденной России», – приказал вынести из зала заседаний портрет Государя. Дело было в марте 1917 года. В октябре вместо Николая Александровича российской православной Церковью стали управлять Губельманы-Ярославские…». Скорбя по поводу случившегося, включая последующие атаки «воинствующего материализма» – атеизма, Солоневич тем не менее, верил в то, что «независимо от губельманов, пионеров и даже комсомольцев, мир продолжает жить своими законами», и что в числе этих законов есть и такой: «Ни нация, ни культура без религии невозможны. Одновременно с умиранием религии умирает и наука». Подкрепив данный тезис примерами из истории Греции, Франции, Германии и СССР, мыслитель говорил: «Я не собираюсь ставить вопроса в чисто клерикальном разрезе: Бог, де, карает неверующих. Но в религии концентрируются все национальные запасы инстинктов, эмоций и морали. Религия стоит у колыбели, у брачного алтаря и у гроба каждого человека… Умирание религии есть умирание национального инстинкта, смерть инстинкта жизни. Тогда вступает в свои права эпикурейское смакование последних радостей жизни – которое с такой блестящей полнотой выражено у Анатоля Франса: ведь после нас все равно потоп. И тогда вступают в свои права пункты и договоры: неверие в Бога

невозможно без недоверия к человеку, с потерею веры в Бога, теряется вера и в человека. А когда теряется ощущение абсолютной нравственности, тогда начинается взаимоистребление. Преступления французской и русской революций шли без всяких тормозов… Практика всей истории человечества доказывает воочию: там, где побеждает атеизм – умирает нация».

К числу важнейших суждений Солоневича, изложенных в «Народной монархии», следует отнести следующие:

1) «православие является национальной религией русского (триединого. – *В. Ч.*) народа и, вместе с этим народом, склонно рассматривать себя, как будущий светоч всему человечеству… Мы должны сказать самим себе – скромно, но твердо, что мы, русские, есть моральная аристократия мира»;

2) «практическая сторона всех религий человечества изъедена всякими пороками. Я никак не собираюсь утверждать, что православная Церковь чужда этих пороков: все в мире очень далеко от совершенства. Но у нас их все-таки меньше, чем где бы то ни было… Если исключить трагическую историю со старообрядцами, то никогда православие не пыталось навязать себя кому бы то ни было силой»;

3) «русский язык, кажется, единственный язык в мире, который в слово ~~п~~равда" вложил два по существу противоположных смысла: ~~п~~равда" – это то, что есть, действительность, факт. И ~~п~~равда" – то, чего нет, чего еще нет, но что должно быть. Правда свидетельского показания о настоящем и правда Божьего обещания о будущем – сливаются в одно слово и почти в одно понятие. И русский православный народ веками и веками работает для этого слияния: для превращения Божьей правды в правду реальной действительности» [111].

Свою «Народную монархию» Солоневич заканчивал словами: «Наше будущее мы должны строить исходя из нашего прошлого… Нам, прежде всего, нужно знать нашу историю, – а мы ее не знали». Признавая право автора на самокритику, необходимо справедливости ради сказать, что наш земляк своими трудами пролил немало света на ее страницы, включая и то, что было посвящено Православию. Остается лишь показать, как познания Солоневича реализовывались в его политической программе. Трезвомыслящий историк, политолог и патриот не изобретал новых программ государственного переустройства России, а старался показать своим возможный путь развития страны с учетом особенностей русской жизни, психологии и религиозных традиций.

Политическое завещание И. Л. Солоневича сводилось к двум мыслям: « 1 – Благо России может быть обеспечено только Монархией и 2. – Монархия в России возможна только одна – Народная, Бессословная». Немалое место в его завещании отводилось и Православию:

1. «И как во все наши смутные времена у нас остается одна Организация, выдержавшая и испытания веков и мытарства эмиграции: это наша Православная Церковь. И как в старое Смутное Время, мы должны искать нашей главной опоры именно в ней, в Церкви».

2. «Наша церковная смута вызвана вовсе не злонамеренными соображениями тех или иных митрополитов и епископов, - эта смута с изумительной степенью точности отражает в себе нашу всероссийскую политическую смуту. В наше время не политика следует за Церковью, а Церковь следует за политикой. Политический раскол Церкви решит тот час, когда Патриарх Всей Руси возложит Корону на Главу Императора Всероссийского».
3. «Православие – религия русского народа Народно-монархическое Движение (НМД) признает полную религиозную свободу, исключая изуверские секты. Признавая Православие религией русского народа, НМД возражает против отделения Церкви от Государства и считает нормальным традиционную форму сотрудничества Церкви и Государства, выраженную в Соборах, Патриархате и Монархии – причем, монархия всецело подчинена Церкви, как Божественному Установлению, и Церковь, как общественно-национальная организация, находится под покровительством Монархии» [157].

Указанное выше дает все основания для вывода о том, что Православие занимало значительное место в исторических взглядах И. Л. Солоневича, будучи важным фактом исследования тех форм бытия, в которых русский национально-государственный инстинкт проявлялся за все века существования нации и государства.

2.2.Русская история и историография в трудах И. Л. Солоневича

Вершиной творчества замечательного мыслителя, несомненно, является его труд «Народная монархия», в котором И. Л. Солоневич ярко и убедительно проявил себя не только талантливым публицистом, общественным деятелем, но и человеком, глубоко чувствующим ритм и логику истории России, самой науки истории. Он утверждал: «Я не историк, я не производил никаких новых архивных изысканий, не оперировал неизвестными и поэтому спорными историческими материалами. Я более или менее суммировал только те данные, которые имеются во всех элементарных курсах русской истории… Я совершенно искренне убежден, что из этих общественных и бесспорных успехов я сделал правильные логически неизбежные выводы. И что, следовательно, те выводы, которые сделали наши историки – за редким исключением, являются нелогичными выводами».

Обращаясь к их именам и творениям, Солоневич, в частности отмечал: «Я совсем не хочу утверждать, что Соловьев или Ключевский сознательно перевирали действительность…», но они «не могли не вспоминать с благодарностью имя человека (Петра I. – *В. Н.*), который стоял у истоков дворянского благополучия». Отмечая наличие в русской истории и историографии массы заимствований с Запада, мыслитель видел в этом и отражение особого социального закона: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских

исторических процессов с нерусской точки зрения. Кроме того, эта историография возникла в век –диктатуры дворянства" и отражает на себе ее социальный заказ – и сознательно и бессознательно. Социальный заказа победившего социального слоя, понятие, не соответствовавшее никакой действительности в мире, язык, в котором не было места для обозначения чисто русских явлений – все это привело к тому, что любой труд по истории России переполнен сложными внутренними противоречиями – не говоря уже о полном несоответствии этих трудов с элементарными фактическими данными русской истории».

Обращаясь к истории возникновения данного заказа, автор труда рассуждал так: «Умели ли Л. Тихомиров и В. Ключевский логически мыслить? Надо полагать, умели… Но, с одной стороны, был –социальный заказ" и, с другой, – какая-то тяга и к правде и к логике. Вот откуда идут логические несообразности наших историков». Видя эти несообразности о Петре I (С одной стороны – «гений», с другой – «хороший плотник, но плохой государь». О стратегическом «гении» и говорить нечего), Солоневич называет эту эпоху Петра и его реформы «исходной идейной точкой, точкой отталкивания: именно в эту эпоху было начерно оформлено и идейное завоевание России Западом и физическое – шляхетством. Оно было начато до Петра и закончено после него, обнимая собою промежуток в 200 лет». Это шляхетство или социальный слой «с душою прямо гетингенской» и с телом рязанско-крепостническим определили собой оторванность русского кое-как мыслившего слоя от каких бы то ни было русских корней. И кое-как мыслившие люди занялись поисками «чего попало и где попало». Солоневич здесь цитирует Ключевского: «Петр, в адской горести обретясь… располагая силами втрое больше Карла, думал только о спасении своей армии и сам составил превосходно обдуманный во всех подробностях план отступления, приказав взять с собой «зело мало, а по нужде хотя бы все бросить». В марте, в самый ледоход когда шведы не могли перейти Неман в погоню за отступавшими, русское войско, спустив реку до ста пушек с зарядами… «великою нуждою», но благополучно отошло к Киеву….. За нарвские, гродненские и прусские подвиги любому московскому воеводе отрубили бы голову – и правильно бы сделали. Петра, вместо этого, возвели в военные гении. И в основании памятников петровскому военному гению положили полтавскую победу – одну из замечательных фальшивок российской историографии».

Останавливаясь на теме реформы Петра – «окно в Европу», Солоневич отмечал: «Я не историк и в смысле исторической эрудиции никак не могу конкурировать даже с Покровским. Но для того, чтобы увидеть совершеннейшую лживость всей этой концепции – вовсе не нужно быть историком: вполне достаточно знать европейскую историю в объеме курса средних учебных заведений. Даже и этого, самого элементарного знания европейских дел вполне достаточно для того, чтобы сделать такой вывод: благоустроенной Европы, с ее благопечительным начальством, Петр видеть не мог – и по той чрезвычайной простой причине, что такой Европы вообще и в

природе не существовало». Итак, усилиями поколений историков был создан фундамент петровской легенды. Первое: Россия была очень плоха. Второе: Россию надо было спасать. Третье: Петр, при всех его увлечениях и безобразиях, Россию все-таки спас. Признание всяческой гениальности Петра является при этой стройке совершеннейшей логической неизбежностью – вот это был гениальный хирург! И поскольку «спасение России» было в основном достигнуто методом войны, такой же логической неизбежностью является признание военного гения. В вопросе о военной гениальности Петра согласны все историки, несмотря на то, что они приводят ряд совершенно очевидных фактов, свидетельствующих о полнейшей военной бездарности «великого полководца». В качестве примера приводит факты поражения Петра I не только под Нарвой, на Пруте, но и на Немане под Гродно. Вот почему, на складе русских интеллигентских мыслей можно найти решительно все, что угодно: от монархии до анархизма и от аскетизма до скотоложства. И из этого чего угодно можно сконструировать какую угодно комбинацию, даже и персоналистическую: бумага терпит все».

Характеризуя русскую интеллигенцию, обслуживающую по преимуществу интересы дворянства, как самый неустойчивый и самый непоследовательный социальный слой, слой в одинаковой степени бестолковый, Солоневич отмечал, что устойчивость всей национальной жизни в стране у нас поддерживали три фактора: Монархия, Церковь, Народ. В истории же нашей интеллигенции каждое поколение или даже полпоколения клали свои трудовые ноги на стол отцов своих и говорили: «Вы, папаши и мамаши, – ослы и идиоты, а вот мы гегелета и октябрята, - мы умнее». «Мы наш, мы новый мир построим» – вот и строят. Разрушают до основания «старый мир» и начинают строить все новые и новые отсебятины. Пока монархия была жива – эти отсебятины ограничивались книжным рынком… После победы интеллигенции над Монархией, Церковью и Народом каждая «эпоха» разрушала до конца то, что строила предшествующая.

Под русским народом Солоневич понимал прежде всего крестьянство: «Мы не оцениваем ни России, ни русской истории с точки зрения какого бы то ни было сословия, класса, слоя и прочего. Но мы должны сказать: подавляющее большинство населения России – это ее крестьянство… В процессе своего исторического возникновения и своей исторической жизни российская монархия… всегда стояла на стороне интересов русской крестьянской массы, – и не только в самой России, но и на ее окраинах. Это и есть основная традиция русской монархии».

Традиционно много Солоневич уделял внимания роли географического фактора в истории страны: «История России есть преодоление географии России. Или немного иначе: наша история есть история того, как дух покоряет материю, а история САСШ (Северо-Американские Соединенные штаты. – *В. Ч.*) есть история того, как материя подавляет дух…». И вот в результате диаметрально противоположных геополитических предпосылок выросли два и одинаковых и неодинаковых государств современного мира. Они

приблизительно одинаковы по силе – на стороне САСШ имеется колоссальное материальное преимущество, на стороне России – такое же психическое. И если диаметрально противоположные предпосылки создали два разных, но все-таки сильнейших государств последнего столетия, то совершенно ясно, что решение вопроса лежит не в геополитике, а в психологии, то есть не в материи, а в духе.

Если этот процесс преодоления материи – духом, организацией, государственными дарованиями, боеспособностью и прочим свести в самый краткий обзор, то этот обзор будет иметь такой вид: ядро русской государственности к концу пятнадцатого столетия имело около двух миллионов населения и около пятидесяти тысяч квадратных километров территории. Оно было расположено в самом глухом углу тогдашнего мира, было изолировано от всех культурных центров, но открыто всем нашествиям с севера (шведы), с запада (Польша), с востока и юга (татары и турки). Эти нашествия систематически, в среднем приблизительно раз в пятьдесят лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Оно не имело никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, даже и хлеба своего не хватало. Оно владело истоками рек, которые никуда не вели, не имело доступа ни к одному морю, если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам не имело шансов сохранить свое государственное бытие. В течение приблизительно четырехсот лет это «ядро» расширило территорию приблизительно в четыреста раз – от 50 000 до 20 000 000 квадратных километров.

В течение этих четырехсот-пятисот лет ядро вело необычные по своей длительности и напряженности войны и за свое государственное бытие и за личное бытие его граждан. Наши основные войны – со Швецией, Польшей, татарами и турками – длились веками, это были войны на измор. Или войны на выносливость. Все эти войны кончились переходом всех наших противников на самые задворки современного человечества и если в 1480 году население Царства Московского составляло около шести процентов населения Австрии. Англии, Германии, Испании, Италии и Франции, вместе взятых, то перед Первой мировой войной Российская империя имела около 190 миллионов населения, из них около 130 миллионов русского, против 260 миллионов населения перечисленных шести великих держав Европы – вместе взятых. Без революции 1917 года население Российской империи превышало бы население этих держав. Государственная организация Великого княжества Московского, Царства Московского и Империи Российской всегда превышала организацию всех своих конкурентов, противников и врагов – иначе ни Великое княжество, Ни Царство, Ни Империя не смогли бы выдержать этой борьбы не на жизнь, а на смерть. Все наши неудачи и провалы наступали именно тогда, когда нашу организационную систему мы подменяли чьей-либо иной; неудачи и промыслы выправлялись тогда, когда мы снова возвращались к нашей организации. На основании этого И. Л. Солоневич делал следующий основополагающий вывод:

«Точкой, в которой концентрировались и кристаллизировались все организационные данные русского народа и русской государственности, была русская монархия. И – будет в дальнейшем».

Русскому народу и монархической форме правления он отводил главное место в истории страны: «Мы можем установить твердый факт: русский народ, живший и живущий в неизмеримо более тяжелых условиях, чем какой бы то ни было иной культурный народ в истории человечества, создал наиболее мощную в этой истории государственность. Во времена татарских орд Россия воевала по существу, против всей Азии и разбила ее. Во времена Наполеона Россия воевала по существу со всей Европой – и разбила ее. Теперь – в трагически искалеченных условиях опирающаяся на ту же Россию коммунистическая партия рискует бросить вызов по существу всему остальному человечеству, правда, уже почти без всяких шансов на успех, но все-таки рискует. Если бы не эти трагически искалеченные условия, то есть если бы не февраль 1917 года с его логическим продолжением в октябре, то Россия имела бы больше трехсот миллионов населения, имела бы приблизительно равную американской промышленность, имела бы культуру и государственность, неизмеримо превышающую американские, и была бы «гегемоном» не только Европы. И все это было бы создано на базе заболоченного окско-волжского суглинка, отрезанного от всех мировых путей. Это могло быть достигнуто потому, что русский народ выработал тип монархической власти, который является наиболее близким во всей человеческой истории приближением к идеальному типу монархии вообще. Русскую монархию нужно рассматривать как классическую монархию мировой истории, а остальные монархии этой истории, как отклонение от классического типа, как недоразвитые формы монархии».

В отличие от данного видения Солоневичем прошлого своей страны и народа, классическая русская историография, по его мнению, действовала как раз наоборот: неполноценный тип европейской монархии русская историография рассматривала в качестве классического случая, а русскую монархию как отклонение от классической нормы «передовых народов человечества». Классические русские историки рассматривали всю историю России с иностранной точки зрения, и 1917 год с его профессором П. Н. Милюковым явил собою классическое доказательство того, что средний профессор понимал русскую историю хуже среднего крестьянина. Знал ее, конечно, лучше, но не понимал по существу ничего.

Наши классические историки жили на духовный чужой счет и никак не могли себе представить, что кто-то в России мог жить на свой собственный. Занимаясь систематической кражей чужих идей, они не могли допустить существования русской собственной идеи. И когда возникал вопрос о происхождении русской монархии, то наши скитальцы по чужим парадным и непарадным подъездам уже совершенно автоматически ставили перед собой вопрос: откуда была сперта идея русской монархии? Ответ – тоже автоматический, – возникал сам по себе: из Византии…».

Рассмотрев исторические параллели в развитии двух монархий, Солоневич сделал вывод о том, что «все в Византии было прямой противоположностью всему тому, что выросло на Руси. Византийство – это

преобладание формы над содержанием законничества над совестью, интриги над моралью. Византийцы были классификаторами, кодификаторами, бюрократами. Византийской «нации» не было никогда, не было никакой национальной армии, не было никакой национальной идеи… Все монархии мира, если и похожи на русскую монархию, то только по названию – точно так же, как сталинская демократия похожа на американскую. И анализируя идею монархии вообще, мы обязаны исходить только как параллельные явления, никогда не достигавшие ясности и логической последовательности русской монархии».

«Монархия, конечно, не есть специфически русское изобретение. Она родилась органически, можно даже сказать биологически, из семьи, переросшей в род, рода переросшего в племя, и т. д. – от вождей, князьков, царьков первобытных племен до монархии российского масштаба. Отличительная черта русской монархии, данная уже при ее рождении, заключается в том, что русская монархия выражает волю не сильнейшего, а волю всей нации, религиозно оформленную в православии и политически оформленную в империи. Воля нации, религиозно оформленная в православии, и будет «диктатурой совести». Только этим можно объяснить возможности манифеста 19-го февраля 1861 года: «диктатура совести» смогла преодолеть страшное сопротивление правящего слоя, и правящий слой оказался бессилен. Это отличие мы всегда должны иметь в виду: русская монархия есть выразительница воли, то есть совести нации, а не воли капиталистов или воли аристократии, которую выражали все остальные монархии Европы: русская монархия является наибольшим приближением к идеалу монархии вообще. Этого идеала русская монархия не достигла никогда – и по той общеизвестной причине, что никакой идеал в нашей жизни не достижим. В истории русской монархии, как и во всем нашем мире, были периоды упадка, отклонения, неудач, но были и периоды подъемов, каких мировая история не знала вообще».

Рассуждая о специфике сотворчества народа и монархии, Солоневич отмечал: «Русская монархия была продуктом русского национального творчества, она была создана через народ» и она работала «для народа». Отстаивая этот тезис, Солоневич резко критиковал не только тех зарубежных монархистов, которые делали «попытку представить Россию до семнадцатого года в качестве рая», но и тех из них, кто рисовал ее только в черных тонах. Полагая, что все эти усилия односторонни и безнадежны, более того – «они порочат здоровую монархическую аргументацию», автор «народной монархии» отмечал: «Русской монархии со стороны ее противников, и иностранных и русских, предъявляется ряд очень тяжелых обвинений, фактическая сторона которых не вызывает никаких сомнений. Действительно, Россия до 1917 года была, вероятно, самой бедной страной европейской культуры. Действительно разрыв между бедностью и богатством был зияющим, и также зияющим разрывом был разрыв между утонченно-тепличной культурой «верхов» и остатками полного бескультурья на низах.

Россия до 1917 года была построена на сословных началах и, действительно, весь правительственный аппарат страны находился целиком в руках одного сословия – дворянского. Ни купец, ни крестьянин, ни мещанин, ни прочие не могли быть ни губернаторами, ни даже земскими начальниками. Земством «по должности» управляли предводители дворянства. Говоря практически, все остальные слои страны от управления этой страной были почти напрочь отстранены. Этот сословный строй шатался и таял с каждым годом, но он существовал.

Исключительно интересны суждения мыслителя об уникальности русской истории: «Социально-политический строй» страны был сословным. Но монархия сословной не была. Как в вопросе о нашей бедности, так и в вопросе о нашем сословном строе лежали явления, так сказать, стихийного порядка. В первом случае географически-стихийного. Во втором случае – социально-стихийного. Монархия боролась и с географической и социальной стихиями, и если она не могла быть «абсолютной» в социальном отношении, то тем не менее она могла претендовать на неограниченную власть над климатом и географией.

Климат и география, вся предшествующая внешняя и внутренняя история страны создали в ней такое напряженное политическое положение, какого не было больше никогда в мире. Из десяти последних носителей верховной власти – пять погибли насильственной смертью, процент более высокий, чем в пехоте Первой мировой войны. За русскими царями шла вековая охота, «охота за коронованным зверем», – как о предельной степени гнусности писал об этом М. Покровский. И только Император Александр Второй был убит «слева», все остальные цареубийства были организованы знатью, она же организовала переворот в феврале 1917 года – левые в нем были абсолютно ни при чем.

В стране шли незатухающие бунты, восстания, «беспорядки» - к ним присоединились и такие рабочие выступления, как знаменитая Ленская история. Были 1905 – 1906 годы. Центр страны нищал с каждым годом. Убийство министров стало повседневной хроникой…

И параллельно с этим Россия в культурном и промышленном отношении шла вперед семимильными шагами – так не шел никогда в истории ни один народ. Если все по-прежнему нищал центр страны, то росли и богатели ее окраины. Если стремительно росло народное образование, то вся сумма «образованности» принимала все больший и больший антинациональный характер. Россия последних десятилетий стояла на первом месте по литературе, музыке, театру, балету и выходила на первое место по химии, физиологи медицине, физике. В то же время организация церкви, армии и администрации находилась, возможно, на самом последнем месте среди культурных стран мира. Русская знать, у которой освобождение крестьян выбило из-под ног ее экономическую базу, стояла накануне полного разорения – нищеты. И даже больше, чем нищеты: полного банкротства. Осенью 1916 года был возобновлен проект столыпинских реформ убрать монархию и этим по крайней мере остановить социальный прогресс страны для того, чтобы спасти знать. Так

завершился круг внешних и внутренних противоречий. Русская поэзия, которая видела безмерно дальше, чем русская профессура, еще устами М. Ю. Лермонтова предсказывала:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет…

И, почти через сто лет А. Белый повторил это страшное пророчество:

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя….

Черный год настал. Россия исчезла в СССР. Монархия пала жертвой комбинаций из внешней опасности и неразрешенных социальных противоречий внутри страны. Основное социальное противоречие заключалось в том, что страна бесконечно переросла свой правящий слой, что этот слой социально выродился, что монархия оказалась без аппарата власти, но очутилась в паутине предательства – предательство по адресу царя и по адресу народа.

И февраль, и октябрь, и поражение всех Белых армий находят свое фактическое и логическое объяснение именно здесь. Но отсюда же, из этих трагедий, мы обязаны извлечь наш трагический урок и попытаться возродить монархию российскую – без народной нищеты, без систематических цареубийств, без крестьянских и рабочих беспорядков, без военных неудач и без старого правящего строя, который, впрочем, история сдала в окончательный архив и без нас [111, с. 26–29, 66–69, 75, 80–86, 107, 497–499.].

Весьма значительными соображениями о значении русской истории и роли отечественной исторической науки насыщена и работа И. Л. Солоневича «Белая империя». В ней автор не только концептуально, но и весьма детально и конкретно проводит мысль о специфической особенности хода русской истории и о просчетах в освещении его со стороны науки. Наибольшее внимание автор отдавал событиям современной ему истории, причем не отрывая ее от предыдущего тысячелетия в развитии: «Не следует переоценивать значимость событий последней четверти века: «четверть века большевицкой революции – это только звено в цепи десяти веков нашей истории, только одна сороковая часть… Но мы должны найти в себе внутреннюю силу подняться над тяжелыми переживаниями сегодняшнего дня, оглянуться на всю нашу тысячелетнюю историю в ней, именно в ней искать ответ дальнейшего бытия России». «История России начата не Лениным и будет кончена не Сталиным. Дух народа, его государственный инстинкт строили Россию тысячу лет и будут строить дальше. Моя цель: по самым основным фактам русской истории проследить индивидуальные выражения русского народного духа, русского государственного инстинкта. Отмести все второстепенное, наносное, случайное и из основных фактов нашего прошлого сделать основные выводы для нашего будущего».

«Наша концепция истории есть концепция не материалистическая, а духовная», поэтому свойства души русского народа, источники его духа мы можем проследить исключительно по их появлению в исторической жизни.

Планируя нашу политическую работу, мы должны, учитывая опыт десяти веков, опираться только на то, что поддерживает русский мужик».

«Процесс территориального расширения России может быть объяснен только биологически. Я вообще очень склонен к биологическому объяснению исторических процессов. Думаю, что это единственный путь, на котором мы можем отыскать твердые и бесспорные точки опоры. Мы считаем, что основной опорной точкой всякого национального и государственного бытия является семья. Всякая семья вырастает не из религиозных, не из политических и вообще не из «сознательных» соображений. Юноша и девушка, воркующие при луне, никак не задаются вопросами вечности: вечность говорит и их самыми глубинными инстинктами. Эти будущие родители никак не задаются вопросами повышения уровня рождаемости в стране или поставки для армии будущих солдат. Они просто – влюблены. И если оба они морально и физически здоровы, то все остальное идет уже автоматически – и вечность, и рождаемость, и армия». Наше территориальное расширение – это только одна из форм деятельности этого института.

Если мы в качестве отправной точки примем аксиому, что нацию и государство создает семья, то мы с логической неизбежностью придем к выводу, что государство создается не религиями и не философией, не царями и не героями, - государство создается биологией, оно создается народным инстинктом. Все остальное – это, так сказать, «идеологические недостатки». Эти надстройки, догматы, обряды, легенды, законы, формы правления во внешних формах кристаллизируют проявление народного инстинкта, организуют этот инстинкт, выравнивают уклоны исторического пути. Но без инстинкта все эти надстройки не то что ничего не стоят, а попросту немыслимы. Отнимите от человека половой инстинкт, и все свадебные песни и обряды, брачное право, законы о наследстве и даже о престолонаследии – все это летит в трубу.

«Очень банальное – иловайски-бухаринское – понимание русской истории оперирует равностью русского пространства, каковая не позволила славянским племенам беспрепятственно «растекаться» от Балтийского моря до Тихого океана. Эта концепция не выдерживает ни формально-логической, ни исторически фактической критики. Ведь Восточно-Европейская равнина не ставила никаких препятствий не только славянским, но и другим племенам, но если в результате уже известного нам исторического процесса на этой равнине утверждалась Империя Российская, а не скифская, готская, сарматская, гуннская, татарская и прочее, то от конкурентов…». Наша Империя нам даром не давалась. Это итог непрерывной борьбы за жизнь русского народа».

«Огромность, а следовательно, и неустроенность наших пространств создали очередную иллюзию о культурной отсталости России». Говоря о том, что «словом культуры объясняют вещи, никак друг с другом не совпадающие» и что о культурной отсталости народов чаще всего говорят люди, «которые культуру видят по преимуществу в уборных», Солоневич утверждал:

«Установить свое культурное место в ряду других народов нам нужно не для самовозвеличения или самоуничтожения, а для того, чтобы:

1) установить своеобразие нашего развития;

а) определить нами слабые и сильные стороны;

б) наметить дальнейшие пути нашего развития».

Показав своеобразие истории России (русская история принципиально отлична от истории Запада) и сильные стороны русского народа (их не перечесть), автор предупреждал о том, что нужно относиться с чрезвычайной осторожностью ко всему тому, что нам кажется нашими «национальными недостатками». Основанием для такой осторожности, по его мнению, может быть то, что «во-первых, ряд свойств только кажется недостатками. Во-вторых, то, что является недостатком сегодня, в ходе веков оказывается колоссальным преимуществом. В-третьих, если попытки переделать человека являются более или менее безнадежными, то попытки «переделать» целый народ пахнут уж просто напрасным вздором. Давайте не переделывать. Примем русский народ таким, каким его создал Господь Бог и обработала тысячелетняя история.

И тем не менее такие недостатки были. Одни из них Солоневич видел в попытках заменить православие философией. Вторым пороком русских автор считал недостаточность своей национальной гордости, национального самолюбия. По его мнению, недостаток национальной саморекламы играл и будет всегда играть колоссальную роль: «Мы никому не тычем в нос своего расового превосходства. Мы никогда никого не эксплуатировали: в завоеванном Кавказе на Бакинской нефти зарабатывали и Нобили, и Манташевы, и Лианозовы. После завоевания Польши у нас на посту министра иностранных дел оказался князь Чарторыский. После завоевания Кавказа на посту ―диктатора сердца" оказался Лорис-Меликов. В отдельных случаях это было не всегда удачно. Но в общей линии развития это создало Империю, которая вовсе не была ―тюрьмою народов", как об этом пишут нынешние творцы всероссийского концентрационного лагеря. В результате всего этого для строительства Империи работал Миних, защищал Балтийское море – и очень хорошо защищал – адмирал Эссен. Великий князь Михаил Александрович, брат Государя, командовал Дикой дивизией. Ставку генерала Духонина защищали польские легионы. Корнилова выручали его чеченцы. Здесь, я хочу почерпнуть тот факт, что Российская империя была, по крайней мере, пыталась стать не неким племенным единством, а единством чисто духовным. Это единство и в счастье, и в несчастье в основном все-таки выдержало испытание веков».

«Национальным недостатком» считал Солоневич и техническую отсталость страны. В этом явлении он видел некоторую историческую неизбежность, включая и заимствования от Запада. Но тем не менее, полагал он, «за этим заимствованиями русские люди слишком часто забывали все свое исторически неповторимое, национально своеобразное и неотъемлемое от самого существа России. Общественная мысль, оторванная от народных корней, металась на побегушках у западноевропейской моды и щеголяла

обносками с барских плеч европейской философии. В этих метаниях было много и смешного, и позорного, и трагического…

Выводы, к которым пришел Солоневич по данному поводу состояли в следующем: «Идея справедливости – Божьей Правды на грешной земле – пронизывает нашу историю, которая выдвинула Русскую монархию как носительницу Божьей Правды – по народному выражению, и «этического начала», по выражению Тихомирова. С этой идеей мы должны считаться как с фактором, не подлежащем никакому сомнению…. Мы можем и мы должны обучать русский народ культуре топинамбура или стройке автострад, но там где дело касается глубинных духовных инстинктов народа, нам остается признать себя только частицей этого народа и идти вместе с ним. «Направлять» что-нибудь и безнадежно, и бессмысленно. И русский язык, и русскую историю, и русскую империю создал он, а не мы. Мы, наше поколение, все это получили готовенькими, ничего не улучшили и очень многое испортили». Из вышесказанного автор делал следующий вывод: «Нам остается только одно: вернуться к духовным источникам всего русского творчества – и религиозного, и социального, и политического: категорически отбросить все пиджаки с чужих вражеских плеч. Свой русский дом отстраивать по своему русскому плану, проверенному одиннадцатью веками нашей истории».

Говоря о русском народе, о его месте в истории, Солоневич имел ввиду прежде всего крестьянство. В этой связи его не мог не волновать «основной факт русской истории» – многовековая борьба между крестьянством и дворянством. Мыслитель убежденно говорил о том, что «отрицать эту борьбу – значит отрицать совершенно бесспорную очевидность», и что все «барские скачки» современной ему эмиграции о «гражданском мире в России» нужно отбросить самым категорическим образом, ибо этот мир – и то весьма относительный – стал устанавливаться только после освобождения крестьян в 1861 году. К концу же XIX–XX веков он, по мнению автора, приобрел формы жестокой экономической войны, если бы не революция, он окончился бы полным разгромом дворянства. Но мирным разгромом. Революция, ускорив процесс исчезновения дворянства, занялась не мирным устройством будущего, а больше всего кровавой местью за прошлое.

Осуждая дворянство за его бездумное поведение по отношению к крестьянству, Солоневич был далек от злорадства по поводу свалившейся на него беды. Более того, всякие репрессии он осуждал. Он писал: «Те преследования, которым большевицкая революция подвергла представителей дворянского землевладения, не только гнусны и отвратительны – они просто-напросто не нужны. Дворянство уходило само по себе. Оно сдало свои экономические позиции, почти целиком сдало культурные, и единственная ошибка монархии заключалась в том, что к моменту первой мировой войны дворянство еще не было отстранено и от политических позиций».

И тем не менее «приговор» Солоневича дворянству был весьма категоричен: «Тот слой, который веками самым беспощадным и самым бесчеловечным образом эксплуатировал русский народ, тот слой, который

отрицал в православном русском человеке элементарное человеческое достоинство, тот слой, который создал атмосферу вековой гражданской войны и довел великую империю до катастрофы – неприемлем для русского народа ни при каких обстоятельствах. И в том случае, если будет повторена попытка под каким бы то ни было лозунгом или прикрытием протащить в Россию идеологию, традиции, навыки и психику этого слоя, народные массы снова полезут на стену. Вот почему я с таким хладнокровным скептицизмом отношусь ко всякого рода монархическим объединениям в эмиграции: все равно ничего не войдет... И восстановление монархии зависит вовсе не от них (т. е. дворянства – *В. Ч.*). Но от них может зависеть подрыв монархии (народной монархии – *В. Ч.*)».

Называя «весьма странным» утверждение современных ему исследователей о том, что «Церковь ведает самостоятельной областью человеческой деятельности, областью духа», мыслитель возражал им весьма четкой формулировкой: «Церковь всегда шла рука об руку с монархической властью в деле примирения сословий, но никогда не была ~~т~~олько одной из функций государственной власти", а следовательно, заключал И. Л. Солоневич, – в истории страны была более широкой и масштабной, чем пытались это показать официальные историки» [107, с. 31, 38, 41–53.].

Прекрасный литератор и публицист – Солоневич особенно пристально всматривался и спустя годы в историю Февральской революции. Будучи «профессиональным свидетелем» ее основных событий, он правду о Феврале называл самой тяжелой правдой и тут же призывал, что «легких правд у нас нет». Зная людей, «которые справа сделали февраль, а слева стали его углублять», он полагал, что «их личные преступления» теряются в море исторических сдвигов: «О великой французской революции Талейран говорил: ~~В~~ ней виноваты все, или невиновен никто, что собственно одно и то же". О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой стороне самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый факт».

По отношению к этому, причем, как и к другим историческим фактам, Солоневич склонен был рассуждать с позиции выявления их символики: «Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее статью – получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее временем: получается история. Или исторический факт. Именно по такому рецепту Петр I был сделан Великим, Екатерина II – Великой, Павел I – безумцем, Николай I – Палкиным…». Таким образом, символика Февраля с потрясающей степенью точности повторяет символику Петра Первого: берется дыра и обливается выдумками. Самое занятное, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Правые, которые сделали т.н. революцию, признаться в этом не могут никак. Именно поэтому правая публицистика эмиграции ищет виновника Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, бушменах, в нечистой

силе и в деятельности темных сил, ибо как признаться в том, что «темными силами» были как раз помещики, фабриканты и генералы? Не могут говорить об этом и левые – ибо что тогда останется от народной революции? От великих завоеваний Февраля? И от «восстания масс против проклятого старого режима»? Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя императора о предательстве и прочем относится именно к их среде, левым очень трудно признаться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой «революции», а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правящего слоя. Таким образом, фальшивка Февраля декорируется с двух сторон: левые пытаются свалить на народ, правые – на народ, «обманутый левыми».

Книга И. Л. Солоневича о заговоре правых против царя в феврале 1917 года изобилует интересными фактами и событиями, показом того, какую роль в них играли Гучков, Руденко, Алексеев и др. На вопрос: «Кому это было нужно?» автор дает следующий ответ: «Дело заключалось в том, что Петербургская империя строилась как империя крепостническая, и Петербург был необходим как штаб, который мог бы держать монархию в плену, изолировав ее от страны, от нации, от массы и непрерывно держа носителя верховной власти под дулом цареубийства. Так было с Алексеем Петровичем и так же случилось с Николаем Александровичем. Санкт-Петербург был построен именно для этого». Когда же русская знать, составлявшая основу империи, превратилась, по словам автора, в «какой-то сброд», оказавшись в социальном тупике, то «новые слои, талантливые, крепкие хозяйственные стали пробиваться к жизни и власти». Слабым звеном оказалось не только дворянство, но и т. н. династия, т. е. представители дома Романовых, «слабым пунктом» государственной конструкции оказались в то время, осложненное мировой войной, и армия и ее верхи. И все планы императора Николая II сорвались именно на этом пункте: «На верхах армии была дыра. Самый чин генерала в довоенной России имел явственно иронический характер, но делать было нечего, людей не было, и после страшной генеральной чистки, произведенной Великим князем Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить было некого. Из такого подбора «кадров» и выдвинулся генерал М. Алексеев, но из каких соображений он пошел на приманку государственного переворота, сказать «трудно».

Большое место в трудах И. Л. Солоневича отведено императору Николаю II. Первоначально автор внес в эту фразу некоторое уточнение: «с момента его отречения от престола в мировой политике – во второй мировой политике – более умного человека не было. Или еще точнее – или осторожнее – никто ничего с тех пор более умного не сделал». Такая характеристика после большого количества грязи, вылитой на императора, начиная с В. П. Обнинского и последующих очернителей Великого последнего, могла с первого взгляда показаться лишь оригинальным выпадом публициста. Но Солоневич снабдил ее своими достаточно аргументированными

соображениями. Да, признает он, Николай II – это человек средних способностей, получивший власть по бесспорному праву случайности, по праву рождения. Но «средний человек, лишенный каких бы то ни было соблазнов богатства, власти, орденов и прочего, – имел наибольшую в мире свободу суждения. Лишенный необходимости «борьбы за власть, он был лишен, по крайней мере, необходимости делать и гнусности».

Возмущаясь «втемяшенными представлениями» – величанием Петра Первого – Великим, Александра Первого – Благословенным и Сталина – гением, Солоневич ставил вопрос по-иному: «При Петре Первом – Швеция Карлу XII дошла до Полтавы. Александр Первый пустил французов в Москву. При Сталине немцы опустошили страну до Волги. При Николае Втором, который не был ни великим, ни благословенным, ни тем более гениальным, немцев дальше царства Польского не пустили».

Критикам императора за поражение России в войне с Японией Солоневич отвечал так: «При Николае Втором Россия к войне готова не была. Я утверждаю: никогда ни к одной войне Россия готова не была и никогда готова не будет… Я не хочу маршировать всю жизнь и вы тоже не хотите. А немец, – он может быть. Почему война с Германией была неизбежна. Это знал Николай Второй, и это знали все разумные и информированные люди страны – их было немного. И их травила интеллигенция. Войну с Японией мы прозевали и потом проиграли…

Русская революционная идет на штурм. В революции 1917 года немецкие деньги ясны. О японских деньгах в революции 1905 года наши историки говорят так же глухо, как и о задушевных планах декабристов.

Словом: соединенными усилиями японцев, интендантства и интеллигенции война была проиграна. Наступает «Дума народного гнева», которая отклоняет военные кредиты: мы – демократы, и мы военщины не хотим. Николай Второй вооружает армию путем нарушения духа военных законов, в порядке 86-й статьи. Эта статья предусматривала право правительства в исключительных случаях и во время парламентских каникул проводить временные законы без парламента. Так, кредиты на предметы проходили и без Думы. По плану императора перевооружение русской армии и пополнение ее опустевших арсеналов должно было завершиться в 1918 году. Русско-германская война началась как всегда неожиданно в 1914-ом».

По мнению И. Л. Солоневича, правительство Николая II наделало много ошибок, но основных ошибок было две: то, что призывали в армию металлистов, и то, «что повесили П. Н. Милюкова. Заводы лишились квалифицированных кадров, а в стране остался ее основной прохвост», выступавший с трибуны и в печати с пораженческими речами.

Именно от Милюкова и его окружения после поражения русской армии в Восточно-Прусской операции, но тем не менее спасшей Париж (Но Париж был спасен. Была спасена, следовательно, и Россия. Ибо если бы Париж был взят, то Франция была бы кончена. И тогда против России были бы: вся Германия, вся Австрия и вся Турция. Тогда дело может быть не кончилось бы и

на Волге, пошел гулять по России гадкий и ничего не имеющий в действительности лозунг: «Царь – дурак, пьяница и тряпка. У него под носом его жена изменяет с изменником Распутиным. Он ничего не видит, царя нужно менять или убить».

Анализируя обстановку этих лет в стране, Солоневич приходит к выводу, что «история возложила на Николая Второго задачу сверхчеловеческой трудности: нужно было бороться с остатками дворянских привилегий, и почти со всей интеллигенцией», получившей монопольное право в Думе «начисто оторванной от народа, «беспочвенной, книжной, философски блудливой и революционно неистовой. Этим наследникам «Бесов» и Нечаева, сотоварищам Азефа и Савинкова, поклонникам Гегеля и Маркса до реальной России не было никакого дела. Ибо они были наполнены всякими теориями, утопиями и галлюцинациями, а более всего – жаждой власти во имя власти». Именно от этой напасти, утверждает автор, нас всех пытался защитить Николай Второй, но это ему не удалось, он наделал много ошибок. В итоге – первый человек России был убит. За ним последовали миллионы...

Итак, заключает автор, «проблема Николая Второго, как и проблема русской монархии вообще, есть, главным образом, моральная проблема. Это не вопрос о «форме правления», «реакции», «прогрессе» и всяких таких вещах. Это есть вопрос о самой сущности России. О нашем с вами духовном «я». Наша история и наша национальная личность были основаны не на принципе насилия, а на чисто моральных исходных точках. Отказ от них – это отказ от самого себя. Отказ от монархии есть отказ от тысячи лет нашей истории… Русская история, в сущности, очень проста: чем было больше «самодержавия», тем больше росла и крепла страна; чем меньше было «самодержавия», тем стране было хуже… Это может быть и не совсем наука. Но есть все-таки факт. Целая цепь фактов, из которых можно было бы извлечь и некоторые политические уроки».

Верный своему политическому кредо, Солоневич в конце своей книги «Великая фальшивка февраля» задается вопросом: «Очень многие из моих читателей, возможно скажут мне: ―А какие есть шансы на восстановление монархии в России?» И я отвечу: приблизительно все сто процентов… И если вам попадется моя книга ―Диктатура импотентов”, то вы установите тот факт, что я занимаю самый крайний фланг непримиримости по адресу всякого социализма. И здесь я хочу констатировать то совершенно очевидное обстоятельство, что режим царской России давал свободу конкуренции всем людям и всем хозяйственным формам страны, и капиталистической, и земской, и государственной, и кооперативной, и даже общинной. Я призываю людей следовать украинскому лозунгу: ―Вошли под царя московского православного”, ибо это есть единственная реальная, веками проверенная гарантия того, что мы дальше не будем катиться – почти по Горькому: все вперед и ниже, все вперед – и ниже…».

Говоря о «героях Февраля и Октября 1917 года», Солоневич постоянно подчеркивал, что обе эти «революции» были подготовлены русской

интеллигенцией, и то, «что сегодня практически проводит товарищ Сталин, было заранее спланировано властителями дум этой интеллигенции, включая литераторов и обществоведов». Одних из них, которых читали, но кому не повиновались (Достоевский и Толстой, Пушкин и Блок, Тургенев и Лесков), автор относил «к людям первого сорта, но политически их считали реакционерами. Еще в большей степени это относилось к представителям русской науки». Для него «вся сумма современных гуманитарных наук», в течение многих лет звавших общество к прекрасному будущему, была основана на лжи, и что для него «самая научная книга, когда бы то ни было написано о человеческом духе и общежитии, есть просто Священное писание. И что реакционна не Библия – реакционна революция. Что «опиум для народа поставлял не Христос – этот опиум поставляла вся философия, начиная от Платона и кончая Гегелем и Марксом». Переживший две мировые войны, познавший прелести социалистического рая» Солоневич в отношении его достижений был весьма пессимистичен, полагая, что в лучшем случае сторонники социализма «съедят самих себя», или «перелгут друг друга до последнего», и это будет самым последним его утешением [108].

Что касается истории Советской России и советской историографии, то они И. Л. Солоневичу были в полном смысле этого слова ненавистны, собственно, как и к система правления, установившаяся в стране. Его труд «Россия в концлагере», впервые опубликованный в 1936 году в Болгарии, стал не только первой книгой о ГУЛАГе, но и приговором преступной диктатуры приверженцев т. н. теории «научного социализма», скрывавшейся за вывеской «власти советов трудящихся». Незаслуженно забытая, находящаяся под запретом, она – самое правдивое и самое лучшее из всего того, что было написано о жизни советских граждан под властью компартии. Многое пережив за годы советской власти, он имел полное право на такие слова: «Я считаю, что ненависть к строю, который отправляет в могилу миллионы людей моей родины, – это не только мое право, но и мой долг». Спасительную перспективу для страны и ее народа автор усматривал в восстановлении особого рода самодержавия: «У меня нет ни малейшего сомнения не только в том, что монархия лучший выход для России, но что монархия для России – есть также и неизбежность. Вера в монархию для меня такая же само собой разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога: ни без того, ни без другого – Россия восстановлена быть не может».

Немало интересных теоретических и фактических соображений о истории и историческом процессе высказано И. Л. Солоневичем в книге «Диктатура слоя» (Буэнос Айрэс, 1956), посвященной критике социалистической бюрократии. В ходе развенчания ее, «не оставляющей ни одной цели, которая была бы предоставлена свободной человеческой воли», автор прибегает к использованию историко-сравнительного метода при показе того, как бюрократы в любом виде деятельности смотрят на историю своего народа. В такого рода размышлениях Солоневича, несомненно, нашло выражение все своеобразие его исторических воззрений: «В нормальном ходе

социальной жизни – есть и генералы, и священники, и чиновники. Все они – люди, и все их «во гресех роди мать их». Но все они как-то приспосабливаются и к среде вообще и к друг другу в частности. Каждый из них постарается объяснить историю своего народа по своей профессиональной линии. Так, русские военные историки объясняли русские неудачи Первой мировой войны стратегическими ошибками генерала Алексеева (соответственно – Фоша, Френча, Гиндебурга и прочих). Есть люди, объясняющие отступление русской армии повелением Николая Второго ввести в России сухой режим: будь бы водка – никакого отступления не было бы, как же русский солдат может воевать без водки! Вероятно, что аналогичное объяснение истории существует и во всех остальных странах мира. Всякая профессия склонна замыкаться в касту. И всякая каста склонна утверждать, что именно ее интересы являются высшими интересами человечества» [110, с. 3–8, 175–176].

Считая такого рода подход, не имеющий никакого отношения к науке, Солоневич указывал еще на один недостаток в подходе к истории – игнорирования точного значения терминов и понятий, а также способ его искоренения: «Будучи литератором по профессии, я проектирую для будущей России довольно утопический закон, который должен будет ввести для литературной братии телесное наказание – розгами. За каждую сознательную ложь, доказанную на гласном суде присяжных заседателей. Тогда после несколько сот тысяч розог, может быть окажется возможным установить точное значение терминов и понятий, демократии и НКВД, свободы печати в СССР и в Англии и право м-ра Бернарда Шоу зубоскалить над могилами десятков миллионов людей. Но я боюсь, что до введения моего закона м-р Шоу не доживет, а жаль…».

Особенно едко потешался Солоневич над революционной терминологией, напрочь надуманной и несостоятельной: ―Революционеры антикварных времен любили декларировать слово ―народ". Это он, ―народ" ―восстал против тиранов", казнил королей и мистическим образом избирал Робеспьеров. Потом, с ростом науки и техники, вместо народа стали фигурировать ―трудящиеся". Затем, с дальнейшим прогрессом науки, техники и философии, из сонма трудящихся выпали такие тунеядцы, как крестьяне, фермеры и вообще все, в поте лица своего добывающие для нас хлеб наш насущный. Остались одни ―пролетарии". В дальнейшем ходе историко-философских концепций стал дифференцироваться и пролетариат: пролетариат просто и пролетариат революционный, ―сознательный пролетариат", как его называли в России до 1917 года. ―Люмпен-пролетариат", как его классифицировали правые круги в Германии. Биологические подонки больших городов, как его классифицирую я».

Если термин «народ», «масса», «пролетариат» и прочее, – отмечал Солоневич, – принять более-менее всерьез, то тогда, ставил он вопрос, чем объяснить унылую закономерность всех европейских революций, «в которых история повторялась с поистине потрясающей степенью точности: над народом устанавливал свою диктатуру «класс», над «классом» – партия и над партией –

вождь. Народ, потом класс, потом партия каким-то таинственным образом отказываются от всех не только демократических, а просто человеческих прав, чтобы превратиться в бессловесное и голодное стадо. В каждом из этих случаев можно подыскать отдельное объяснение для тех войн, которые возникают из этих диктатур. Но эти отдельные объяснения не могут удовлетворить никакого разумного человека. Мы имеем дело с закономерностью. Эту закономерность можно припрятать в мистику таких объяснений, как «стихия революций». Можно также ограничиться ссылкой на полную бессмысленность всего исторического процесса. И материалистическая философия принимает в этих случаях, я бы сказал, удручающий богословский характер: вот галдели люди всю жизнь о точном научном познании общественных явлений, боролись всю свою жизнь против всякой «поповщины» и прочей мистики, а когда зажжѐнный ими же пожар опалил их собственные бороды – начинают выражаться столь мистически, как же выражались и средневековые богословы. И врать так, как не врал даже барон Мюнхгаузен.

По мнению автора, революционеры всех мастей восторгаются революцией стихией до тех пор, «пока она греет их руки и карманы, и предают ее всяческой анафеме, когда она начинает греть чужие. Народ – трудящиеся, пролетариат, партия и даже чрезвычайка – воплощают в себя всю мудрость истории, пока они греют: Мирабо и Милюкова, Роллана и Керенского, Дантона и Троцкого. Они становятся исчадием ада для Милюкова, когда его вышибает Керенский, для Керенского – когда его вышибает Троцкий, для Троцкого – когда его вышибает Сталин. По этому же погребальному пути проходит и пролетариат: он велик и мудр, пока на его спине едет Троцкий. Он становится стадом, когда на его шею садится Сталин. Он наполнен классовой сознательностью, пока он гарцует под моим седлом. Он становится плебсом, когда меня с этого седла вышибли».

Свои размышления о терминах в материалистической науке Солоневич завершил некоторым источниковедческим заключением: «В революционной литературе нужно различать манифесты и мемуары. Манифесты пишут люди, лезущие на пролетарскую шею. Мемуары пишут люди, сброшенные с этой шеи. В манифестах пролетариат фигурирует в качестве мессии, в мемуарах он фигурирует в качестве сволочи. Это же относится и к народу, трудящейся массе. И это называется научными познаниями общественных явлений». И далее: «Авторы манифестов все принадлежали к революционным течениям, авторы мемуаров – к контрреволюционным. Те, кто в данный момент еще ―делают революцию", по понятным причинам мемуаров не пишут: некогда и не стоит. Мемуары пишут люди, Божьим попущением избежавшие виселицы. Точка зрения мемуаристов зависит от того, в какой именно момент наступает переход от власти к виселице. Для всякого автора мемуаров дела шли прилично, пока действовал он. И дела стали идти преступно, когда его вышибли». Таким образом, иронически утверждает автор, «объективные историки делятся на две основные категории: за и против революции. Есть и дальнейшие подразделения: историки, которые за революцию, но только до

такого пункта, на котором они прекращаются сами – Милюков, Керенский, Троцкий, Бухарин или кто-нибудь очередной. Исторические факты подтасовываются по точной схеме карликовых хозяйств товарища Каутского, и все то, что написано о русской революции, является великим оптовым складом фальшивых карт».

По мнению Солоневича, самая основная фальшивка на этом «складе» касается рабочего класса: «Революционные историки строки не пишут об участии рабочей массы в контрреволюции, ибо в каком тогда виде окажется ~~”р~~рабоче-крестьянская власть” укрепившаяся как раз на почве разгрома именно рабочих и крестьянских восстаний (а они были – *В. Ч.*)? Не пишут об этом и контрреволюционные историки, ибо тогда им пришлось бы объяснять: как именно обманула контрреволюция рабочие и крестьянские массы». После ряда примеров, характеризующих одних и вторых «исследователей революций» автор заключает: «Современный историк подобен радиоприемнику: он улавливает только те волны, на которые настроен он сам: остальные его не касаются». Последнее дало основание И. Л. Солоневичу для следующего заключения: «Вся сумма ~~”и~~сследования законов общественного развития” – не есть наука, это только подделка под науку, это есть торговля заведомо фальсифицированными продуктами», приведшая к грандиозному провалу всех книжных попыток построить живую жизнь». И далее: «Всякий иностранный историк по необходимости изучает русскую историю по русским источникам и первоисточникам. Но русская историческая литература является беспримерным во всей мировой литературе сооружением из самого невероятного, очевидного, документально доказуемого вранья. Если бы это было иначе, мы не имели бы беспримерной в истории революции. Вся русская историческая и прочая литература была обращена не назад, а вперед – ~~”в~~перед к светлому будущему чрезвычайки”. Она преврала все фактическое прошлое, чтобы обеспечить дорогу утопическому будущему. Это будущее пришло. Придет и переоценка прошлого». Отмечая, что самые «величайшие человеческие общежития» были построены (без философов, историков и вождей) средними людьми, чтившими отца своего и мать, хорошо помнящие свое родство», автор убежден в том, что философы и историки будущего сделают все, от них зависящее, чтобы замазать эту очевидность сотнями новых теорий, чтобы притушить нормальную человеческую совесть «легендами о великих людях и эпохах, и о мещанском болоте, в котором последние и погибли. Таким образом, заключал И. Л. Солоневич: «У меня, как и у очень многих нынешних российских людей, годы войны и революции и в особенности большевизм весьма прочно вколотили в голову твердое убеждение о том, что ни одна историко-философская и социалистическая теория не стоит ни одной копейки. Конечно, гегелевский мировой дух почти так же занимателен, как и марксистская борьба классов. И философское объяснение прошлого можно перечитывать не без некоторого интереса. Но как-то так выходит, что ни одна теория решительно ничего не может предсказать на будущий день. Более или менее удачными пророками оказались люди, которые или только прикрывались теорией или вообще

никаких дел с нею не имели. Таким образом, для нас вопрос шел не о перспективах революции, рассматриваемых с какой бы то ни было философской точки зрения, а только о живых взаимоотношениях живых людей, рассматриваемых с точки зрения самого элементарного здравого смысла».

Можно по-разному относиться к И. Л. Солоневичу и его наследию, но его удивительная энергия и пламенность по отношению к прошлому и настоящему не могут не вызывать огромного уважения. Его исторические воззрения, наделенные завидной логичностью и последовательностью, отличаются удивительной оригинальностью мышления и блестящим литературным оформлением. «Угол зрения» Солоневича на прошлое был обусловлен не только его общественно-политическим устремлением, но и состоянием души. Он писал свои труды душой и кровью. Его ненависть к революциям и заимствованиям из-за рубежа была столь же сильна, как любовь к России. Одним из его девизов были слова: «Мы проводим столыпинскую линию: ни реакции, ни революции». Апеллируя к прошлому, он видел то, что хотел видеть, верил в то, чему он без остатка посвятил всю свою жизнь.

2.3.Гродненщина в исторической публицистике и прозе И. Л. Солоневича

В трудах И. Л. Солоневича, шедшего к познанию прошлого, что называется, от жизни, весьма много автобиографического. Обращение к собственному опыту познания, происходящего в России и на его малой родине – Гродненщине, позволило ему быть более глубоким и убедительным в трактовке переломных моментов в истории страны. Последнее обусловило уже после кончины Солоневича в 1953 году подготовку редакцией «Нашей Страны» (Буэнос Айрэс) к печати оригинального труда «Иван Лукьянович о самом себе» – «автобиография, составленная В. С. Дубровским по данным, имеющимся в статьях, книгах и письмах И. Солоневича». Информация о подготовке к печати данного издания была помещена на оборотной стороне обложки книги И. Л. Солоневича. «Диктатура слоя», изданная в рамках полного собрания, была посвящена его сочинений в 1956 году. На данный момент трудно сказать, удалось ли ближайшему сотруднику Солоневича по «Нашей Стране» реализовать намеченное в полном объеме. Скорее всего нет, что подтверждает отсутствие ссылок на это издание в большинстве работ, посвященных замечательному мыслителю и общественному деятелю.

Независимо от этого представлялось весьма важным и полезным выделить в автобиографических отступлениях Солоневича все то, что касалось не только его самого, но и его малой Родины. Кое-что в этом отношении мною было сделано и ранее в очерке «Да будет услышан на родине…».

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) – мыслитель яркий и самобытный, помещенном в книге «Преодоление времени», вышедшей в

Минске в 1996 году. Последующее изучение наследия И. Л. Солоневича, включая наиболее важные труды, позволило не только собрать и обобщить самые разнообразные сведения о Гродненщине, сообщаемые публицистом на страницах своих исследований, но и попытаться установить роль, место и значение гродненского материала в его концепции отечественной и всеобщей истории.

Исключительное место в мировоззрении Солоневича занимает постоянное подчеркивание своей связи с народом через свое «мужественное происхождение»: «…Я лично считаю себя первым русским публицистом, выросшим непосредственно и органически из крестьянской среды. Все, что я пишу – есть первая в России попытка рассматривать события с точки зрения крестьянства, т. е. с точки зрения девяти десятых населения России. Первые попытки никогда не бывают особенно удачными, но они почти всегда производят впечатление парадокса, чего-то неожиданного и мало правдоподобного. Тезис о пропасти, отделявшей «народ» от «интеллигенции», общепринят всеми «знатоками России». Не знаю, как будет принят другой тезис: отвращение, которое народные массы чувствуют к своей философской интеллигенции.

Это отвращение я разделяю целиком. В одной из своих книг, посвященных рождению, жизни и гибели философствующей интеллигенции, я предложил такую эпитафию на ее могилу: «Здесь покоится безмозглый прах жертвы собственного словоблудия». Эта жертва собственного словоблудия – именно она готовила революцию, а никак не народ. Подготовив революцию, жертва сбежала за границу, а народ остался. Над ним, над народом, веками и веками привыкшим к суровой дисциплине государственности, которая одна могла спасти его физическое бытие, возник спланированный и сконструированный интеллигенцией аппарат социалистической бюрократии, вооруженный всеми достижениями современной техники истребления и управления. И – народ борется и до сих пор» [110, с. 24–25].

Отталкиваясь от тезиса о своем крестьянском происхождении, автор оставляет за собой право говорить о себе лично и своем личном опыте, приобретенном еще в ранней юности. И говорит он о нем, как всегда откровенно: «Я хочу отбросить те китайские церемонии, которые вместо общеизвестного местоимения употребляют фразу ~~н~~ишущий настоящие строки” или пытаются личный свой опыт выдать за некую совершенно объективную истину. Объективных истин в мире нет. Всякий человеческий опыт и всякий человеческий путь — неизбежно личный опыт и личный путь. Он индивидуально неповторим. А объективная ценность этого опыта зависит от того, насколько он, этот опыт, совпадает с некой исторической судьбой, от нас не зависящей. С этой точки зрения латинская поговорка о том, что *voletem fata ducunt, nolentem trahunt* — желающим судьба руководит, а нежелающего тащит за волосы — имеет свою глубокую мудрость. Нужно уловить индивидуальное своеобразие эпохи и те глубинные течения, которые оно выносит на

поверхность жизни. Тогда судьба будет руководить. В противном случае она схватит за волосья и выбросит вон. Иногда на время, иногда и навсегда.

Я знаю, о моей персоне имеются в зарубежье самые разнообразные мнения: от неоправданно восторженных до непримиримо злобных. Во всяком случае, я не обижен отсутствием внимания. Кажется, нет ни одной эмигрантской газеты в мире, которая не поминала бы имени моего всуе и со всяческими прилагательными. Я хочу отбросить и китайские церемонии, и институтскую стыдливость: я не Конфуций и не пепиньерка. Давайте познакомимся по-хорошему.

Нечего замазывать того факта, что судьба и газеты, и движения тесно связана с моей личной судьбой, а следовательно, и с личными свойствами. Это судьба всякого зарождающегося движения: его связь с определенной личностью. Впоследствии эта связь или слабеет, или теряется. Но на первых шагах эта связь неизбежна. Наше движение только что зарождается. Его идеи принципиально отличны от всего того, что имеется в эмиграции. Они выковывались долго и мучительно. Может быть, более мучительно, чем у кого бы то ни было из моих современников. И корни его не в немецкой философии, а в русских полях». Именно там видел мыслитель родовые корни: «Мой отец — в детстве свинопас, потом народный учитель, потом статистический чиновник в Гродно, потом редактор «Гродненских губернских ведомостей» при П. А. Столыпине, потом издатель газеты «Северо-Западная Жизнь» на деньги того же П. А. Столыпина, тогда уже премьер-министра. Мой политический опыт начинается с 1910 года, то есть лет с восемнадцати. Именно этот опыт, столыпинский опыт, определяет и сейчас и мое мировоззрение, и мою политическую тактику. С тою только разницей, что этот опыт чрезвычайно усовершенствован в концентрационном лагере.

Политическая расстановка сил в довоенной Белоруссии складывалась так. Край, сравнительно недавно присоединенный к Империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика русского там не было почти ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи — они все примерно такие же белорусы, как и я. Но они продались. Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и без ремесленников. Выход в экономические верхи был начисто заперт городским и местечковым еврейством. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции. Наша газета опиралась и на эту интеллигенцию, так сказать, на тогдашних белорусских штабс-капитанов: народных учителей, волостных писарей, сельских священников, врачей, низшее чиновничество. Приходилось, как и сейчас, бороться на два фронта. Эта масса была настроена революционно. Нужно было ей доказать, что только в борьбе с еврейством и полонизацией, только в опоре на империю и на монархию она может отстоять свое политическое, экономическое и всякое иное бытие. Борьба была очень трудна. Было очень

трудно доказать читателям Чернышевского, Добролюбова, почитателям Аладьина, Родичева и Милюкова тот совершенно очевидный факт, что ежели монархия отступит, то их, этих читателей, съедят евреи и поляки. Что только в рамках империи и монархии эти люди могут отстоять свое национальное бытие. Это было доказано. Белорусская интеллигенция была сдвинута на национально-имперскую точку зрения.

И совершенно так же, как сейчас, доказывать очень простые вещи было чрезвычайно трудно. Русская бюрократия, как и сейчас, была, так сказать, государственно тупоумна. У нее не было ни национального чутья, ни самых элементарных познаний в области экономических отношений. Ее положение было чрезвычайно противоречивым.

Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского мужика против польского помещика. Но сам-то он – помещик. И поместный пан Заглоба ему все-таки гораздо ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, столетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умильностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти или против нации, или против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили в пользу класса. Польский виленский земельный банк с его лозунгом «Ни пяди земли холопу» запирал для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку. Вы подумайте только: русский мужик, который сквозь века и века самого жестокого, самого беспощадного угнетения донес до Империи свое православие и свое национальное сознание, он, этот мужик, вынужден нынче бросать свои родные поля только потому, что еврейство (неравноправное еврейство!) и Польша (побежденная Польша!) не давали ему никакой возможности жить на его тысячелетней родине. И еще потому, что губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение. На просторах Российской Империи для этого мужика места не нашлось. И еще сейчас в Америке есть наши читатели — белорусские, сбежавшие с родины от Шмуельзонов, Заглоб и губернаторов. Тогдашняя наша газета была такой же боевой, как и нынешняя. Но у моего отца была маленькая слабость, которой я лишен начисто, – почтительность к губернаторскому мундиру. У отца хватило смелости в ответ на предложение взятки набить морду графу Корвин-Милевскому, да еще и вызвать этого графа на дуэль. Если бы эта дуэль состоялась, то у отца не было бы никаких шансов на победу: ни о пистолете, ни о шпаге он не имел никакого понятия. Но граф заявил, что он с мужиком драться не станет, и уехал в Ниццу. Это напоминает мой нынешний случай с РОВСом – станем ли мы судиться с каким-то Солоневичем. Но когда возникали конфликты такого рода – конфликты между поляком, но помещиком и русским, но мужиком, – губернаторы пытались стать на сторону помещиков – почти без всякого исключения – и пытались отца распекать. Отец конфузился, извинялся и продолжал вести свою линию. В Петербурге была широкая спина Петра Аркадьевича, и, собственно говоря, на губернаторов можно было наплевать.

Сие последнее открытие сделал я лично, когда во время одного из конфликтов к минскому губернатору Г. пошел я сам. Я был в те времена семипудов, косноязычен и, как и сейчас, до чрезвычайности решителен. Я собрал в кулак всю силу нехитрой своей выразительности и заявил что-то вроде того, что в таком тоне я разговаривать не желаю и ему, губернатору, не позволю. И что ежели он, губернатор, позволит себе еще раз такие нажимы, то он, губернатор, вылетит в два счета. Губернатор смяк молниеносно, стал шелковым, как дессу, и больше действительно ни во что не лез. Совершенно такой же прием и с совершенно такими же результатами я тридцать лет спустя применял и в концентрационном лагере; я умею обращаться с начальством».

У губернатора была и еще одна слабая сторона. У себя в Тульской губернии он тоже был помещиком. У себя в Тульской губернии его поместья увязали в долгах и уплывали к Крестьянскому банку: как он мог не сочувствовать судьбе польского своего собрата? И как он мог проявлять враждебность к местному Шмуельзону? Местный Шмуельзон был культурен. Местный Шмуельзон рукою левою финансировал революцию, а правую, с соответствующим конвертом, протягивал губернатору: «Ваше Превосходительство, мы же все понимаем! Это же все наша же еврейская молодежь, холера ей на голову. Они же и вас зарежут, и нас зарежут. Вы, Ваше Превосходительство, это культура, порядок, и вы же понимаете, какие там мужики, какие там рабочие! Мы же, Ваше Превосходительство, тоже понимаем: экономическая депрессия, падение мировых цен на хлеб, положение крупного землевладения... Мы, Ваше Превосходительство, всегда за порядок, за собственность, за власть. Ну, конечно, Ваше Превосходительство, все в долгах. Вашему Высокопревосходительству под вексель? Пятьдесят тысяч?.. Что значит пятьдесят тысяч? Это же пустяки. Ми же вам верим. Нет, ваша подпись только так, на всякий случай. Вы же знаете, какое время. Террор, бомбы, мало ли что может быть».

Ну как отказать такому милому, культурному, обаятельному и услужливому Шмуельзону. Тает сердце, и разжимается железный административный кулак. И это не взятка. Я не питаю, как вы видите, большого почтения к губернаторам, но взяток они *не брали.* Так, разве иногда, борзыми щенками. Почетом, лестью, столетним венгерским. Они были просто глупы. Это доказала революция. Класс губернаторов исчез, как будто его кто-то языком слизнул. Но других не было. Нужно было поддерживать то, что есть. В эмиграции губернаторов нет, и поддерживать нечего. В стороне от экономики тульских помещиков, виленских панов и минских Ротшильдов стояла борьба православия с католицизмом. Эта борьба имеет глубочайшие инстинктивные корни. Схема была такова. На низах – полуголодный сельский батюшка, зависящий от пристава, благочинного архиерея, Заглобы, треб и прочего. По материнской линии я из поповской семьи – моя мать урожденная Ярушевич. Одиннадцать дядьев были или священниками, или дьяками. Этот быт я знаю хорошо. Знаю его с самой неприкрашенной стороны. Сельский попик, иногда искренне верующий и иногда, что греха таить, и вовсе не верующий, огромная

семья, босоногие мальчишки, которых нужно обуть, чтобы отправить в семинарию; босоногие девчонки, которых нужно одеть, чтобы отправить в епархиальное училище и потом выдать замуж. На обед ведро картошки, кусок масла и полведра огурцов: нужно Степушку снаряжать в семинарию. Бесперспективность, безграмотность. Скудные обрывки семинарских знаний. Кроме богословия – ничего. Ничего такого, за чем мужик мог бы обратиться к батюшке за советом. За советом о своих правах, о своем хозяйстве, о том, что вот-где нужно бросать все это и ехать в какую-то таинственную Америку, откуда пишут, что жизнь там другая.

Рядом с ним ксендз. Холостой. Холеный. Авторитетный. Красноречивый. Прекрасно образованный. Над сельским попиком бестолковый архиерей, не умеющий с проповеднической кафедры толком связать двух живых слов в одно живое целое. Рядом с архиереем бискуп, совсем уже культурный, блестящий собеседник, анекдотист, тонкий дипломат, человек не то что любящий, а и умеющий выпить.

У всех них: у губернатора, у Заглобы, у Шмуельзона, у архиерея и у епископа – у всякого свои таинственные связи в Петербурге. У Заглобы и у епископа – аристократия или польская, или с польской родней, незримые щупальца и каналы иезуитского ордена. У Шмуельзона – Поляковы, Лесины, Рубинштейны, какие-то там концессии, какие-то там акции. Кто-то и как-то имеет там какой-то контрольный пакет, и этим пакетом можно нажать на такого-то и такого-то товарища министра. У архиерея кто-то в Синоде. У губернатора кто-то в Сенате. Тонкая дипломатическая игра. Русский мужичок Виленской, Гродненской, Минской губерний, опора нации и православия, продает свою землицу и двигает за океан батраком на канадские фермы. Не правда ли, упоительно?» [107, с. 274–292].

Тему своей малой родины и родословной Солоневич затрагивал и в книге «Великая фальшивка февраля» с целью показа зарождения социалистических инстинктов у дореволюционной российской бюрократии. Он писал: «…Мой отец был крестьянином, потом в годы моего позднего детства – мелким, я бы сказал, микроскопическим чиновником: делопроизводителем гродненского статистического комитета. Я вырос в среде этой мелкой провинциальной бюрократии. Мои первые наблюдения над общественной жизнью относятся именно к этой среде.

Это был мир микроскопической провинциальной бюрократии. Оценивая жизнь и деятельность покойницы с точки зрения моего сегодняшнего опыта, я должен сказать, что это была чрезвычайно добропорядочная бюрократия. Она брала взятки – так было принято. Но взятка не была вымогательством, она была чем-то средним между гонораром и подаянием. Она разумелась сама собой. Чиновник, который отказывался брать взятки, подвергался изгнанию из своей собственной среды: он нарушал некую неписаную конституцию, он колебал самые устои материального существования бюрократии. Но такому же изгнанию подвергался и чиновник, который свое право на взятку пытался интерпретировать как право на вымогательство. Взятка, я бы сказал, была

добродушной. Так же добродушен был и ее приемщик. Чиновник старого режима начинал свой рабочий день в 10 утра и кончал в 3 дня. В течение этих пяти часов он имел возможность зайти в ресторан, выпить рюмку водки, сыграть партию в биллиард – и вообще работой обременен никак не был. И не старался себя обременять. Он не был человеком навязчивым и, будучи в той или иной степени революционно настроенным, никаких правительственных мероприятий особенно всерьез не принимал. Он, кроме того, считал себя нищим.

Государственная служба везде оплачивается сравнительно низко. Это, вероятно, объясняется очень просто, законом спроса и предложения. Маленький провинциальный чиновник получал жалованье, достаточное для того, чтобы семья из пяти человек была вполне сыта, имела бы квартиру комнаты в три и по меньшей мере одну прислугу. Но материальные требования этого чиновника определялись не его «общественным бытием», а остатками дворянской традиции. Дворянская традиция в России, как и в других странах Европы, требовала «представительства». Физический труд был унизителен. Квартира из трех комнат была неприличной. Наличие только одной прислуги было неудобным. В силу этого чиновник считал себя нищим.

Он, кроме того, считал себя образованным человеком. Рядом с ним жил человек, которого никто в России не считал образованным: купец наш крупнейший драматург Островский населил русскую сцену рядом гениальных карикатур на то «Темное царство», которое почти в одиночку кое-как строило русскую хозяйственную жизнь. Наш величайший сатирик Салтыков населил русское читающее сознание образами Колупаевых и Разуваевых – кровавых хищников, пьющих народную кровь. Наш величайший писатель Лев Толстой пишет о русском деловом человеке с нескрываемой ненавистью. Позднейшая политическая и художественно-политическая литература связала Толстого с Марксом и выработала на потребу русскому сознанию тот тип, который сейчас плавает по континенту США в качестве «акулы мирового империализма». То, что сейчас советская пропаганда говорит об «империализме доллара», взято не только из Маркса. Это взято также и от Толстого.

Мелкий провинциальный чиновник Маркса не читал. Но Толстого и прочих он, конечно, читал. Он считал, что он, культурный и идейный человек (взятки никогда в мире никакой идее не мешали, как никакая идея не мешала взяткам) «служить государству». А его сосед по улице, лавочник Иванов, служит только собственному карману, других общественных функций у этого лавочника нет. Он груб. Он ходит в косоворотке, и его жена сама стирает белье. Скудное чиновничье жалованье путем таинственной «стихии свободного рынка» переходит в карманы лавочника. Если лавочник продает чиновнику на рубль мяса, то на тридцать копеек он выпивает чиновничьей крови. Он, лавочник, ничего не производит, даже входящих и исходящих. Он есть представитель внепланового, государственно контролируемого хозяйственного хищничества. Он есть, кроме того, и классовый враг.

Классовым врагом лавочник был уже для Толстого: это именно он скупал «дворянские гнезда», вырубал «вишневые сады». Потом он стал скупать и птенцов этих гнезд, и владельцев этих садов: дворянство разорялось, а буржуазия строила. Мелкий провинциальный чиновник литературно унаследовал эту дворянскую классовую вражду: во всякой школе преподавали русскую литературу, и во всей русской литературе частный предприниматель был образован как хищник и паразит. Но частный предприниматель был классовым врагом и для сегодняшнего чиновничьего благополучия: он подрывал существо чиновничьего быта, право на регулирование. Он «заедал» каждый день чиновничьей жизни и каждый фунт чиновничьего обеда; он богател и строил дома – за счет копеек, вырученных за продажу фунта мяса, и рублей, полученных как квартирная плата. Традиция русской дворянской литературы, собственный бюрократический быт и философия пролетарского марксизма – все это привело к тому, что старорежимная бюрократия оказалась носительницей идей революционного социализма. Идеи эти не были глубоки и выветривались при первом же соприкосновении с революционной действительностью, но и они в какой-то степени определили собою ход русской революции».

Развивая эту мысль, Солоневич отмечал: «Я вырос в очень консервативной и религиозно настроенной семье. Но до конца двадцатых годов, до перехода от ~~н~~новой экономической политики" к политике коллективизации деревни, первых пятилетних планов и прочего в этом роде, я все-таки разделял русскую традиционно интеллигентскую точку зрения на русского делового человека во всех его разновидностях. Чего же вы хотите? Я читал Толстого и Салтыкова, как всякий читающий русский человек. Я впитывал в себя образы хищников и кровопийц. Я съедал в ресторане свой обед, платил за него полтинник и из этого полтинника уплачивал свой кровный гривенник в качестве налога анархической стихии частной собственности. Я платил мои двадцать рублей за мою квартиру, и из этих двадцати пятнадцать (мне казалось, минимум пятнадцать) отдавал за здорово живешь своему домовладельцу. Со всех четырех измерений меня охватывало железное кольцо «эксплуатации человека человеком». За каждое съеденное мной яйцо я уплачивал и свою дань этой эксплуатации. Только в самое последнее время, в Германии, в 1946 году, я вдруг вспомнил: будучи репортером, я в 1914 году за каждую строчку получал гонорар, равный цене двадцати пяти яиц. Кто сейчас заплатит мне такой гонорар? И кто снабдит меня яйцами, если бы я этот гонорар и получил? И не был ли частный предприниматель волей или неволей просто нянькой и мамкой, кормилицей и сестрой милосердия? Не он ли, частный предприниматель, как-то заботился о моем построчном гонораре и как-то посредничал между мной и людьми, которые готовы были заплатить 0,000001 копейки за удовольствие прочесть в газете мой отчет о заседании петербургской думы? Не он ли заботился о доставке из Воронежской губернии в Санкт-Петербург тех двадцати пяти яиц, в которые таинственным образом превращалась моя репортерская строчка?

Он, частный предприниматель, был очень суров ко мне как к работополучателю: он требовал, чтобы я писал толково и грамотно. И если бы я толково и грамотно писать не умел, он бы выгнал меня на улицу. Но когда я приходил к нему покупать ботинки, то в моем полном распоряжении был целый склад, и я мог капризничать, как мне было угодно. Мне тогда никак не приходило в голову, как покупатель ботинок имею право капризничать, то, может быть, такое же право имеет и неизвестный мне потребитель моих строчек? И что если частный предприниматель не будет особенно придирчив в отношении меня, я никак не смогу быть придирчивым по адресу ботинок: придется носить, что уж мне дадут? Вообще много совершенно простых и, казалось бы, совершенно очевидных соображений никак не приходило в голову.

Наступил военный коммунизм. Есть было вовсе нечего. О каких бы то ни было капризах по поводу свежих яиц или модности ботинок даже разговаривать было нечего. Я по тем временам занимался поисками еды, а не объяснений ее отсутствия. Тем более, что и объяснение, казалось, было просто: война мировая, потом война гражданская, потом террор. Я был ярым контрреволюционером, советская власть сжала и даже пыталась расстрелять меня не совсем зря. Я защищал монархию, но до частной инициативы мне никакого дела не было. Очень мало дела было даже до социализма: я был против социализма только потому, что социализм был против монархии. Но если бы в 1912 году Император Всероссийский издал манифест об освобождении русского народа от буржуазной крепостной зависимости, я бы повиновался без никаких. Иностранный читатель скажет, что все это было очень глупо. С иностранным читателем я спорить не буду: особенно умно это, действительно, не было.

Итак, жил да был бюрократ, который считал себя культурным и прогрессивно мыслящим, который взимал скромные взятки и за рюмкой водки разглагольствовал о благе народа, который предъявлял спрос на революционно-социалистическую литературу и всячески презирал всякую «анархию производства и распределения».

Он был нищ, этот бюрократ. И права его были урезаны очень сильно. Напомню о том, что еще дед нашего довоенного бюрократа, гоголевский городничий, товарищ Сквозник-Дмухановский из «Ревизора», как огня, боялся «бумагомарания и щелкоперства», которые могли в любой газете – даже и в газете тридцатых годов прошлого века – опорочить его доброе имя. Бюрократ царского времени мог быть только обслуживающим элементом страны. Почему бы ему не желать стать и господствующим?

Из этого патриархального, идиллического, можно сказать, доморощенного бюрократа вырос и нынешний советский» [108, с. 172–187].

При анализе кризиса верхов России начала XX века Солоневич не упускал из виду и армию, включая командный состав и рядовое русское офицерство: «Вильно, Гродно, Минск – это были военно-чиновничьи города. Было много друзей-офицеров. Но было много и друзей-солдат. И военный быт

я знаю неплохо. Но знаю его с двух точек зрения или, точнее, с трех: с официально-елейной, с офицерской и с солдатской. Ни бемовская «Жизнь маленького гарнизона», ни купринский «Поединок» вовсе не высосаны из пальца». По мнению автора «русская артиллерия и ее офицеры были лучшими в мире: на человеческой базе этих самых артиллерийских офицеров можно было их построить «настоящий социализм». В то же время интендантство воровало, как последний карманный вор. Применительно ко времени русско-японской войны Солоневич писал: «Отмороженная нога равносильна ранению. Работа нашего интендантства была равносильна работе японской артиллерии. Теперь – об общественном сознании, делавшем такие факты возможными.

В эти годы жил в Гродно генерал Р., тогда еще полковник. Поехал на войну. Еще до конца войны его жена купила доходный дом и стала строить особняк на Кирочной улице. О том, что у этого генерала ни гроша за душой не было, знали все. После войны в его нажитый на русской крови особняк ездили все и «в лучших домах» его принимали.

Все это видели и не могли не видеть солдаты его полка, которые, как и «все общество», не могли не знать, из каких изменнических и кровавых источников был выстроен этот особняк. «Общество» не реагировало никак. Суд не реагировал никак: военное ведомство, честь офицерского мундира, сор из избы – совершенно то же самое, что сейчас процветает в РОВСе. По тогдашним законам нельзя было отдать под суд подчиненного без согласия его начальника – за служебные преступления, конечно. А начальники тоже строили себе особняки соответственно чину. «Инстинкт грабежа и убийства» по адресу этого генерала был бы вполне законным проявлением государственного и национального инстинкта: нужно было генерала повесить, а дом конфисковать» [107, с. 154–155].

Нередко в серьезные рассуждения о судьбах страны вторгались и воспоминания детской поры: «Когда я читаю всякие разглагольствования о молодежи — и эмигрантской, и подсоветской, — меня охватывает чувство некоторого недоумения: каким это способом «отцы» забывают те времена, когда они были только сыновьями? Кажется, не так было бы трудно помнить... Но как будто бы забывают наглухо».

Для того чтобы не быть обвиненным в в классовом пристрастии к сыновьям, я расскажу случай из ранней своей юности – лет этак в десять-одиннадцать. Был у меня товарищ Лева Рубанов. Мы с ним вступили в некоторое спортивное состязание, результатов которого никакое жюри проверить не могло. Поэтому вопрос шел о лестном слове. Для подкрепления этого честного слова было принесено Евангелие, зажжена свечка и над Евангелием и перед свечкой была дана клятва в том, что ни один из нас о результатах своих подвигов ничего не соврет. Все это было благоговейно и торжественно.

Подвиги же заключались в том, кто из нас рогаткой больше перебьет фонарей в захолустном городишке Гродно. Я не помню, кто взял первенство в этом поистине социалистическом соревновании. Но помню, как я потихоньку

вставал по ночам, спускался с балкона на веревке с рогаткой в одном кармане и с сотней камушков в другом (ночью камушков не найти) и, дрожа от страха и спортивного азарта, вышибал стекла керосиновых гродненских фонарей.

Стекла были вышиблены все. Предприятие осталось безнаказанным. Сейчас, возвращаясь к этим доисторическим временам, я не думаю, чтобы в случае открытия этого предприятия нас следовало бы наказывать. Во-первых**,** это не помогло бы. Во-вторых, надо было бы поговорить с мальчишками по-хорошему, объяснить им, что стекла — это человеческий труд. И в-третьих, дать им футбольный мяч. Футбольный мяч — я этот термин привожу в качестве символа – это не только накопление энергии, но это и разрядка энергии. Совершенно ненормально положение, когда мальчишке от, скажем, десяти до двадцати лет энергии своей девать некуда. У него ведь «силушка по жилочкам переливается». А ему говорили только одно: сиди и зубри. Это было не под силу. Пятки чесались и не выдерживали. Молодая энергия билась гейзером и реализовалась в рогатках» [107, с. 257–258].

Обращение к детской, гимнастической поре весьма часто у Солоневича при описании его студенческих лет, а также профессионального становления на поприще репортера и публициста: «Началась мировая война. Между эвакуацией из Белоруссии и бегством из Петербурга прошло меньше трех лет. Я стал устраиваться в «Новом Времени». Это были голодные годы, когда я в мирное время спал на одеяле, постеленном на полу, и прикрывался своим единственным пальто — летним пальто. Благодаря поддержке М. А. Суворина, я получил доступ к политическому быту и политической технике двух последних лет Императорской России.

Параллельно с этим шла моя личная жизнь. Основную ее линию определил, так сказать, маленький недостаток моего речевого механизма. Я был недопустимо косноязычен — лет до двадцати пяти меня временами не понимала моя родная мать. В семье говорили, что это результат какого-то перепуга в раннем детстве. С этим пороком я боролся всю свою жизнь и одолел его только в советской России. В советской России нельзя было не уметь говорить. Даже самый завалящий инструктор гимнастики был обязан делать доклады. Какие тут доклады, когда каша во рту? За свою дикцию я взялся с чисто русским мужицким упорством. По поводу этой самой физкультуры мне пришлось прочесть что-то около пятисот докладов. Каждый из них был мучительно труден. Все время шла борьба между ясностью в голове и кашей во рту. Целиком я эту борьбу ликвидировал только в последние годы. Сейчас, уже в Берлине, я говорю совершенно прилично, то есть совершенно ясно. Но это потребовало пятнадцати лет работы.

Я вышел из третьего класса гимназии отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм. Но тот день, когда я покинул захолустную гродненскую гимназию, был, пожалуй, таким же радостным, как день перехода советской границы. Экзамен на аттестат зрелости я сдал одновременно со своими сверст-

никами. С той только разницей, что курс гимназии я знал действительно хорошо. До сих пор по-латыни читаю более или менее *a livre ouvert.* Я метил на экономический отдел политехникума. Но меня зарезали на устном экзамене по русскому языку: спросили о правописании деепричастий, о каковом правописании я, при совершенно безупречной орфографии? не имел никакого понятия. Поставили тройку. Я совершенно свободно читал по-латыни, но никогда не мог выучить наизусть *ante, apud, ad, adversus.* Я до сих пор знаю наизусть «Евгения Онегина», но никогда не мог перечислить наречий, кончающихся на-ять. Идиотская система была, прости Господи.

В те годы, когда учились мои братья, русская гимназия до неузнаваемости далеко шагнула вперед. В мои годы это был тихий, провинциальный, заскорузлый ужас. Я поступил на юридический факультет Петербургского университета, от какового факультета мне, при моем косноязычии, никакого толка произойти не могло, кроме общего образования, которое нужно было для журнальной работы. Это косноязычие определило мою роль в революционное время. Не имея возможности ни говорить публично, ни даже толком разговаривать частным образом, я стал «в сей жизни не бойцом», а только наблюдателем. Наблюдения были окаянные. Оригинальностью они не блистали. Но об отсутствии оригинальности я узнал только потом, когда перечел писания Суворина, Каткова, Тихомирова, Мещерского» [107, с. 280–282].

Человек из народа, Солоневич на дух не переносил «образованщины», подводимой Россию к революции. Подтверждением этому могут быть следующие строки из его книги «Диктатура слоя»:

«Русская интеллигенция была, по-видимому, самой образованной в мире, самой ~~–е~~вропейской” – редкий из русских интеллигентов не умел читать, по крайней мере, на двух-трех иностранных языках. И из всех этих языков пытался сконструировать себе ~~–м~~ировоззрение” с наибольшей полнотой соответственно последнему крику интеллектуальной моды. Но всѐ это было поверхностно, как кожная сыпь. Пришла она великая и бескровная, долгожданная и давно спланированная, и тут начались вещи, никакой теорией не предусмотренные. Русская молодежь в феврале 1917 г. была социалистической почти сплошь. Через год именно эта молодежь пошла в Белые армии всех сторон света. Нивы русской интеллигенции были социалистическими почти сплошь – и через год начался их великий исход из социалистического отечества в капиталистическую заграницу. Разум и инстинкт оказались оторванными друг от друга. Но и в переломный период истории взял верх инстинкт, во всяком случае, у подавляющего большинства. И вся столетняя философия русской интеллигенции оказалась тем, чем она была все эти сто лет: словесным блудом и больше ничем».

Утверждая, что «душа всякого русского профессора была сшита из немецких шпаргалок», публицист примеры этому находил не только в С.-Петербургском императорском университете, но и у себя на родине в Гродно, где упомянутые профессора бывали наездом: «Лекционный зал в русской

провинции в 1908 году, в промежутке между двумя революциями: 1905 и 1917 года, а также и между двумя войнами: русско-японской и русско-немецкой. Заезжий из Петербурга профессор читает лекцию о земельном вопросе, о социализме и о том, почему и как нужно доделывать революцию, недоделанную в 1906 году. Зал наполнен, по преимуществу, молодежью, а так как высших учебных заведений в городе нет, то молодежь представительствуют, главным образом, гимназистки и гимназисты, а также то своеобразное племя тогдашней русской молодежи, которое именовалось «экстернами» — вот вроде меня. Экстернами были ребята, готовившиеся к аттестату зрелости и лишенные возможности посещать гимназию. Низовая русская интеллигенция была бедна, как социалистическая мышь, и мне приходилось, с пятнадцати лет, зарабатывать свой хлеб и «экстерничать» – был такой глагол. Странным образом — «экстерны» были наиболее революционной частью молодежи...

Итак: профессор поучает, а мы, молодежь, поучаемся у профессора. Теперь, много-много лет спустя, я знаю совершенно твердо, документально, бесспорно, абсолютно, что профессор врал. Я не хочу сказать: ошибался, увлекался, «тенденциозно освещал факты» и прочее в этом роде. Нет, он просто врал. Врал сознательно и обдуманно, для вящей славы той революции, от которой он сам же сбежал лет двенадцать спустя. Но он был так знаменит, так глянцевит, так красноречив, его главу украшала такая львиная грива, что даже в мою крестьянско-футбольную душу закрались сомнения: а «черт его знает – все-таки ему, виднее... Даже и сейчас, много-много лет спустя, я иногда предаюсь искреннему изумлению как это не нашлось никакого суда, который притянул бы к ответу этих ученых носителей органов усидчивости и органы усидчивости, – тоже. Наш мыслитель В. Розанов предлагал профессоров пороть, утверждал, что «умные из них на это не обидятся, а на остальных не стоит обращать внимания» («Опавшие Листья»). Я думаю, что обиделись бы даже и умные, но не в этом дело. Дело в том, что должен быть, наконец, какой-то общественный, гласный, открытый суд, который меня, среднего человека, должен защищать хотя бы от заведомого вранья, как соответствующий закон охраняет от торгового обмана… Почему торговля идеями должна быть поставлена хуже, чем торговля маслом или маргарином?

Такого суда не было, а исторический суд еще не пришел. Профессор говорил нам о крестьянском малоземелье, – что было правильно, я о колоссальных запасах земли у государства, – что было тоже правильно. Не сказал только того, что государственная земля лежит у полярного круга, в средне-азиатских пустынях и в прочих таких местах». Говорил о «частном землевладении», что тоже было правильно, но не сказал о том, что большая половина этого «частного землевладения» давно стала крестьянской. Говорил о помещичьем землевладении, но не сказал того, что дворянская земля переходит в крестьянские руки со скоростью около трех миллионов десятин в год. Приводил в пример Северо-Американские Соединенные Штаты, где государство образовало огромный земельный фонд для переселенцев

(«Сэттльмент»), но не сказал того, что в САСШ населенность земледельческих штатов была равна 10–30 человекам по кв. км. В северных штатах даже 1–3 человека на кв. км. У нас Приволжские губернии имели 80 человек на кв. км. И что во всей России 48 % всей ее территории находятся в поясе вечной мерзлоты — на глубине больше метра не оттаивает никогда. Профессор долгое время провел в САСШ и не напомнил нам, молодежи, что за все время своего государственного существования САСШ не знали ни одного иностранного нашествия, а нас регулярно жгли до тла то татары, то поляки, то немцы, то французы. Вообще же профессор призывал, конечно, к революции. И мы, молодежь, мы, юные, честные и жертвенные, мы, не погрязшие в мещанстве и косности, мы должны выше и выше вздымать знамя великой и бескровной социалистической революции.

И вот в зале чей-то крик: «Казаки»! Казаков, во-первых, не было, а во-вторых, быть не могло – было время полной свободы словоблудия. Одна секунда, может быть, только сотая секунды трагического молчания в зале взрывается паника. Гимназистки визжат и лезут в окна — окон было много. Гимназистами овладевает великий революционный и героический порыв: сотни юных мужественных рук тянутся к сотням юных женственных талин: не каждый же день случается такая манна небесная. Кто-то пытается стульями забаррикадировать входные двери от казачьей кавалерийской атаки. Кто-то вообще что-то вопит. А профессор бросил свою кафедру, презирая все законы земного тяготения и тяжесть собственного сапа, пытается взобраться на печку...

Я почему-то и до сих пор особенно ясно помню эту печку. Она была огромная, круглая, обшитая каким-то черным блестящим железом, вероятно, метра три вышиной и метра полтора в диаметре: даже я, при моих футбольных талантах, далее влезть бы не смог. Да и печка не давала ответа ни на какой вопрос русской истории: если бы в залу действительно ворвались казаки, «они сняли бы профессора с печки. Положение было спасено, так сказать, «народной массой» – дежурными пожарными с голосами иерихонской трубы. Все постепенно пришло в порядок: гимназистки поправляли свои прически, а гимназисты рыцарски поддерживали их при попытках перебраться через хаос опрокинутых стульев. Соответствующий героизм проявил, само собою, разумеется, и я. Но воспоминание об этом светлом моменте моей жизни было омрачено открытием того факта, что некто, мне неизвестный сторонник теории чужой собственности, успел стащить мои первые часы, подарок моего отца в день окончательной ликвидации крестьянского неравноправия. Должен сознаться честно: мне по тем временам крестьянское равноправие было безразлично. Но часов мне было очень жаль: следующие я получил очень не скоро. Потом выяснилось, что не я один «жертвой пал в борьбе роковой», как пелось в тогдашнем революционном гимне. Не хватало много часов, сумочек, брошек, кошельков и прочего.

Много лет спустя я узнал, что профессор скончался в эмиграции. Мне было очень жаль, я бы с ним поговорил и мог дать, так сказать, заключительный штрих к этой символической картинке. Вот, в самом деле,

«жертвенная» молодежь, убеленный органами усидчивости профессор, пропаганда «низвержения» и революции – и зловещие люди, кинувшие крик: «караул, реакция!» Паника и в панике зловещие люди опытными руками шарящие по вместилищам чужой собственности. Профессор кидается на печку (эмиграция), гимназисты спасают своих юных подруг, но, к сожалению, но пожарные в настоящей истории так до сих пор и не проявились: профессор помер на печке, крестьянское равноправие сперто вместе с моими часами, гимназисты погибли на фронтах гражданской войны, зловещие люди до сих пор шарят своими опытными руками по всему пространству земли русской — собираются пошарить и по всему земному шару. Революционная деятельность профессора кончилась фарсом. Революционный фарс русской интеллигенции кончился трагедией» [107, с. 39–43].

Досконально зная из своей репортерской практики, что стояло за т. н. «революционизацией народных масс», Солоневич искренне возмущался большевистским тезисом о том, что «рабочий Петербург поднял красное знамя революции». Имея с рабочим Петербургом много точек соприкосновения, в том числе через двоюродного брата Тимофея Степановича Солоневича – рабочего-металлиста на заводе Лесснера, он убедительно показал на примере последнего и его товарищей, как они смотрели на происходящее в столице безобразие:

«Тимоша был крепким и простым деревенским парнем. В силу нашего семейного малоземелья для него была спланирована городская карьера и он поступил в гродненское ремесленное училище. Жил он в нашей семье, но учеба, далее в скромных рамках ремесленного училища, не давалась ему никак Он не был ни тупицей, ни лентяем, но просто ни к каким книгам сердце у него не лежало. После года тяжких испытаний на, школьной скамье он бросил училище, поехал в Петербург и там устроился на завод. Зимой 1916-1917 годов он металлист, зарабатывал уже больше, чем: я — журналист: Фронт требовал всего, и рабочим платили любые цены. Он слегка копил деньги, к моему крайнему удивлению взялся и за книги, но не по «истории рабочего движения», а по обработке металлов, по автомобилизму и прочему в таком ряде: Тимоша, «сознательным рабочим» не был. Он женился, было двое детей и были планы — лет этак, через десяток, открыть собственную автомобильно-починочную мастерскую: Тимоша предвидел будущее автомобиля. Это, в общем, был нормальный, средний рабочий страны. Может быть, и несколько выше: даже в петербургских условиях он избежал соблазна таскаться по митингам и кабакам.

Во всемирно-исторические дни марта 1917 года я как-то заехал к Тимоше. Он жил далеко, на окраине города, на Черной Речке, в деревянном домишке, который Каутский назвал бы лачугой. В лачуге было две комнаты и кухня, около лачуги был огородик и даже предмет живого инвентаря: коза. Тимошина жена встретила меня несколько неприветливо: –Тимоти нет дома, понесли дурака черти на Невский таскаться, глотку драть». Женщина была занята, стиркой белья и чем-то еще в этом роде, так что *я* от обмена мнений уклонился. Был все-таки поставлен самовар. Тимоша явился неожиданно скоро и вид у

него был сконфуженно-извиняющийся: «весь завод потеет, неудобно было, я по дороге сбежал ...».

Техника манифестаций, демонстраций и прочего в этом роде тогда еще находилась на младенческом уровне. Теперь это совсем просто: телефонный звонок *из* партийного комитета и любое количество тысяч дойдет шататься по улицам по любому поводу и орать любое «долой» или «да здравствует». Тогда — в 1917 году — еще уговаривали, и на каждом заводе были свои эсэровские, эдековские и всякие иные партийные товарищи, которые «подымали завод» на массовое действо. Нельзя скрывать и того прозаического обстоятельства, что на каждом заводе есть достаточное количество людей, которые предпочтут шататься по улицам вместо того, чтобы стоять за станком. Тем более, что заработная плата — она все равно идет.

Но Тимоша, как, впрочем, и многие другие, ухитрился сбежать по дороге. Дело стояло всерьез: хлеба в городе уже не было: первая ласточка тридцатилетнего голода. Я жил черным рынком и редакционными авансами. Тимоша на черный рынок своих скудных сбережений носить не хотел и есть было нечего.

На окраинах города ~~т~~олпа" уже громила булочные. У Тимоши было достаточно соображения, чтобы понять: разбитая булочная не давала ровно никакого ответа на вопрос о питании его семьи, разгром булочной это есть реакция идиота: идиот сопрет пять фунтов хлеба, зато булочная вовсе перестанет существовать. Но вопроса о том, что же он будет есть завтра, идиот себе не задает. На маленьком семейном совете было установлено, что соседи и товарищи — Иванов, Петров и Сидоров — поехали в Лугу, Тосно и прочие места покупать хлеб у мужиков. Поехали и мы с Тимошей. Привезти хлеба, муки, сала и чего-то еще. Так был проделан мой первый опыт революционного товарооборота.

Ни я, ни Тимоша не пошли ни орать на митинг, ни громить булочную. Ни на митинг, ни на погром не пошел ни один средний порядочный человек Петербурга. Пошла сволочь: и на митинг, и на грабеж.

Если вы средний человек и не социалист, — социалисты моей книги и в руки не возьмут, — то на моем месте вы, вероятно, сделали бы то же самое. И вы, вероятно, сообразили бы, что в условиях всеобщего кабака никакие митинговые резолюции не прибавят ни одного куска хлеба за вашим семейным столом, и что разбитая булочная не решит никаких продовольственных проблем.

Наше поведение — мое и Тимошино – можно назвать индивидуалистическим, анархическим и вообще антиобщественным. И это, в значительной степени, будет верно: мы пытались выкручиваться каждый сам по себе. Дело, однако, заключается в том, что единственный, технически возможный, общественный способ воздействия на историю заключается в том, чтобы средние люди страны взялись бы за пулеметы, револьверы или крысиный яд и стали бы истреблять зловещих людей революции всеми технически доступными способами. Пока не поздно. Для этого нужен был

героизм. Нужно было, кроме того, и предвидение дальнейших событий. Ни того, ни другого у нас в достаточном количестве не оказалось. Не оказалось и навыков самочинного судопроизводства: мы родились и выросли в обществе, которое наши деды, прадеды и пра-пра-прадеды устроили на свою и нашу потребу. Это общество было бедным и, может быть, отсталым по сравнению, скажем, с северо-американским. Однако знали, крестьяне запада России знали по преданиям, но знали очень хорошо: по нашим местам проходили все вторжения Запада на Восток – и каждый раз от наших мест оставалось точно то же, что осталось сейчас после очередного вторжения 1941 года: кучи золы. *Schutt und Asche*, как писали немцы в своих военных сводках. Так что разбогатеть мы никак не могли: ни я, ни Тимоша. Но мы собирались разбогатеть, и никто нам в этом не собирался мешать, кроме зловещих людей по обе стороны восточно-западной границы: большевиков собственного производства, нацистов — германского, конфедератов — польского, якобинцев — французского и прочей сволочи в том же роде. Но, в пределах объективных возможностей, наши предки строили, со всякими поправками на человеческую неудачливость, все-таки тот строй, который нас устраивал, нас — средних людей, имеющих родину, совесть, уважение к своему труду, но также и уважение к чужому, как бы он ни оплачивался. Тимоша считал совершенно законным существование хозяина на своем заводе, как я никак не собирался национализировать газету, в которой я работал, и даже назначать редактора, который по тем временам учил меня, как надо писать. Мы были, как говорит русский народ ~~–у~~важительными людьми", ~~–и~~стовыми" и под нами и над обломками тысячелетнего нормального общественного строя поднялась муть неистовых людей, людей лишенных уважения к чему бы то ни было в мире. Мы вовремя не истребили этих неистовых людей. Не догадалась вовремя истребить их и ~~–р~~еакционная" полиция. Мы проворонили. Но мы проворонили точно так же, как «мировая демократия» проворонила нюрнбергских героев, раздавить которых в 1933 году не стоило решительно ничего» [107, с. 126–130].

Подводя итог увиденному и пережитому в феврале 1917 года, Солоневич отмечал: «…Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский Императорский и Социалистический университет. Я был больше, чем невежественным: все кафедры и все профессора этого университета позаботились снабдить меня самым современным прицельным приспособлением, которое гарантировало промах на сто восемьдесят градусов. Если исключить гражданское право и сенатские разъяснения, что должно было в будущем гарантировать мне буржуазные гонорары на фоне пролетарской идеологии, то все остальное было или никому ненужной схоластикой или совершенно заведомым враньем, которое должно было быть уголовно наказуемым во всяком добросовестно организованном обществе. Я собственными глазами зубрил профессорские труды и я теми же собственными глазами видел живую жизнь: труды и жизнь не совмещались никак. Мне говорили о революционном рабочем — я его не видел. Мне говорили об угнетенном крестьянстве – я его тоже не видал. Мне говорили о голоде среди русского пролетариата – но с представителями этого

пролетариата я ел хлеб и даже пил водку – и никакого голода не видал. Перед самой революцией и пресса, и ~~«~~общественность" вопили о голоде, а я, футболист Иван Солоневич, сидел у металлиста Тимофея Солоневича — водки у нас по поводу сухого режима не было вовсе, но и хлеб, и мясо, и сахар, и рыба были в изобилии.

В ~~«~~голодную" военную зиму, перед самой революцией, московский рабочий в среднем имел около 3500 калорий. Мир знает сейчас, что именно означают ~~«~~калории". Три с половиной тысячи калорий не обозначали лукулловской диеты, его они не обозначали даже недоедания: Россия была, во всяком случае, сыта вполне. Я видел сытость, и я читал о голоде. Я, сам из крестьян — да еще из беднейшей полосы России, я видел всяческий рост крестьянства, я видел, как оно массами скупает разоряющуюся помещичью землю, и я читал ученые вопли о крестьянском разорении. Я жил и вращался среди рабочих, я знал, что о революции они думают точно так же, как и я, с ужасом и отвращением, и что они точно так же, как и я, как и мои: родственники-крестьяне, целиком состоят в числе тех девяноста процентов русского народа, о которых говорил Лев Толстой: они за царя, за семью, за собственность, за Церковь, за общественное приличие в общественных делах. Но из газетных передовых, с университетских кафедр, со всех подмостков интеллигентского балагана России нам талдычили о нищем крестьянстве, о революционном рабочем, о реакционном царизме, о мещанской семье, об эксплуататорской собственности, о суеверии религии и о науке социализма, — о науке, о вещах, которых еще не было. И надо всем этим со всех сторон неслись к нам призывы: выше вздымать кровавое знамя бескровной, социалистической революции, научно организованной и научно неизбежной».

И далее: «Моя кухарка Дуня, неграмотная рязанская девка, узнав об отречении императора Николая Второго, ревела белугой: ~~«~~Ах, что-то будет, что-то будет"! Что именно будет, она, конечно, не могла знать с такой степенью точности, как знали: Достоевский, Толстой, Менделеев и Охранное отделение. Дворник, который таскал дрова ко мне на седьмой этаж — центрального отопления у нас в доме не было — дворник с демонстративным грохотом сбросил на пол свою вязанку дров и сказал мне:

– Что — добились? Царя уволили? — Дальше следовала, совершенно непечатная тирада. Я ответил, что я здесь ни при чем, но я был студентом и в памяти «народа» остались еще студенческие прегрешения революции. В глазах дворника я, студент, был тоже революционером. Дворник выругался еще раз и изрек пророчество:

– Ну, ежели....без царя, – так теперь вы сами дрова таскайте, — а я в деревню уеду, ну вас всех ко всем чертям!

Мой кузен, металлист Тимоша, посоветовал мне в рабочий район в студенческой фуражке не показываться — рабочие изобьют. Я навсегда снял свою студенческую фуражку. Ни мой дворник, ни сотоварищи Тимоши еще не знали того, что в феврале 1917 года, по меньшей мере, половина студенчества повернулась против революции и к октябрю того же года против революции

повернулось все студенчество – одно из самых таинственных явлений русской истории» [107, с. 166–167].

Гродненцами – родными и близкими к Солоневичу людьми были заселены и другие его произведения, включая книгу «Россия в концлагере». При чтении я неожиданно сделал для себя открытие, касавшееся одной из отдельных деталей биографии ученого-филолога Константина Алексеевича Пушкаревича (1890–1942). В этой биографии задолго до чтения книги Солоневича я писал, что К.А. Пушкаревич родился в деревне Пещатке Брестского уезда Гродненской губернии в семье отставного унтер-офицера, что в 1917 году он окончил Петроградский университет по специальности «Языкознание». С 1925 года он преподаватель кафедры славянского языкознания Ленинградского университета. В 1938 году ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. В начальный период Великой Отечественной войны профессор Пушкаревич заведовал кафедрами славянской филологии и русской литературы. Исследовал языки, историю и культуру южных и западных славян. Автор ряда статей и монографий «Чехи» (М. – Л., 1942). Погиб в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года [155]. Какое же было моѐ удивление, когда при чтении «России в концлагере» я узнал из уст заключенного И. Л. Солоневича следующее: «Когда-то очень давно наша семья вырастила и вскормила его (т.е. К. А. Пушкаревича. – *В. Ч.,* почти беспризорного мальчика; он окончил гимназию и университет. Сейчас он мирно профессорствовал в Петербурге, жил тихой кабинетной мышью. Он несколько раз проводил московские свои командировки у меня в Салтыковке, и у меня с ним была почти постоянная связь.

И еще была у нас в Питере двоюродная сестра Катя. Я в жизни ее не видал, Борис (брат И. Л. – *В. Ч.*) встречался с Катей мельком; мы только знали, что она, как и всякая служащая девушка в России, живет нищенски, работает каторжно и почти, как и все они, каторжно работающие и нищенски живущие, болеет туберкулезом. Я говорил о том, что эту девушку не стоит затруждать хождением на передачи и свидания, а что вот Костя — так от кого же и ждать помощи, как не от него.

Юра (сын И. Л. – *В. Ч.*) Косте вообще относился весьма скептически, он не любил людей, окончательно выхолощенных от всякого протеста... Мы послали по открытке — Косте и ей.

Как мы ждали первого дня свидания! Как мы ждали этой первой за четыре месяца лазейки в мир, в котором близкие наши то молились уже за упокой душ наших, то мечтали о почти невероятном — о том, что мы все-таки как-то еще живы. Как мы мечтали о первой весточке туда и о первом куске хлеба оттуда!

Когда голодаешь этак по-ленински — долго и всерьез, вопрос о куске хлеба приобретает странное значение. Сидя на тюремном пайке, я как-то не мог себе представить с достаточной ясностью и убедительностью, что вот лежит передо мной кусок хлеба, а я есть не хочу, и я его не съем. Хлеб занимал командные высоты в психике, унизительные высоты.

В первый же день свиданий в камеру вошел дежурный.

– Который тут Солоневич?

– Все трое.

– Дежурный изумленно воззрился на нас.

– Эка вас расплодилось. А который Борис? На свидание.

Борис вернулся с мешком всяческих продовольственных сокровищ: здесь было фунта три хлебных огрызков, фунтов пять вареного картофеля в мундирах, две брюквы, две луковицы и несколько кусочков селедки. Это было все, что Катя успела наскребать. Денег у нее, как мы и ожидали, не было ни копейки, а достать денег по нашим указаниям она еще не сумела.

Но картошка... Какое это было пиршество! И как весело было при мысли о том, что наша оторванность от мира кончилась, что панихид по нам служить уже не будут. Все-таки по сравнению с могилой и концлагерь — радость.

Но Кости не было.

К следующему свиданию опять пришла Катя.

Бог ее знает, какими путями и под каким предлогом она удрала со службы: наскребла хлеба, картошки и брюквы, стояла полубольная в тюремной очереди. Костя не только не пришел; на телефонный звонок Костя ответил Кате, что он, конечно, очень сожалеет, но что он ничего сделать не может, так как сегодня же уезжает на дачу. Дача была выдумана плохо: на дворе стоял декабрь.

Потом, лежа на тюремной койке и перебирая в памяти все эти страшные годы, я думал о том, как «тяжкий млат» голода и террора одних закалил, других раздробил, третьи оказались пришибленными, но пришибленными прочно. Как это я раньше не мог понять, что Костя – из пришибленных?» [112, с. 221–223].

Весьма интересные сведения об отношении И. Л. Солоневича к национальному вопросу, к украинскому и белорусскому сепаратизму, к своим родным и малой родине имеются и в разделе вышеназванной книги по названиям «Профессор Бутько». Помещаем его здесь с некоторыми сокращениями.

«До очень недавнего времени профессор Бутько был, по его словам, преподавателем провинциальной средней школы-десятилетки. В эпоху украинизации и ~~–в~~ыдвижения новых научных кадров” его произвели в профессора, что на советской Руси делается очень легко, беззаботно и никого ни к чему не обязывает. В Каменец-Подольском педагогическом институте он преподавал ту не очень ярко очерченную дисциплину, которая называется рефлексологией. В нее по мере надобности впихивают и педагогику, и профессиональный отбор, и остатки разгромленной и перекочевавшей в под-полье психологии, и многое другое. И профессуру, и украинизацию Бутько принял как-то слишком всерьез, не разглядев за всей этой волынкой самой прозаической и довольно банальной советской халтуры».

Когда политическая надобность в украинизации миновала и лозунг о культурах национальных по форме и пролетарских по существу был выброшен в очередную помойную яму, профессор Бутько вкупе с очень многими коллегами своими поехал в концлагерь на пять лет и с очень скверной статьей

шпионаже (58, пункт 6). Семью его выслали куда-то в Сибирь, «не в концлагерь, а просто так — делай, что хочешь. Туда же после отбытия срока предстояло поехать и самому Бутько, видимо, на вечные времена; живи, дескать, и плодись, а на Украину и носа не показывай. Перспектива никогда больше не увидеть своей родины угнетала Бутько больше, чем пять лет концлагеря.

Профессор Бутько, как и очень многие из самостийных малых сил, был твердо убежден в том, что Украину разорили, а его выслали в концлагерь не большевики, а ~~к~~кацапы". На эту тему мы как-то спорили, и я сказал ему, что я прежде всего никак не кацап, а стопроцентный белорус, что я очень рад, что меня учили русскому языку, а не белорусской ~~м~~мове", что Пушкина не заменяли Янкой Купалой и просторов Империи — уездным патриотизмом «с сеймом у Вильни, або ў Минску", и что в результате всего этого я не вырос таким олухом Царя Небесного, как хотя бы тот же профессор Бутько.

Не люблю я, грешный человек, всех этих культур местечкового масштаба, всех этих попыток разодрать нерусскую культуру, какая она ни на есть, в клочки всяких кислокапустинских сепаратизмов. Но фраза об олухе Царя Небесного была сказана и глупо, и грубо. Глупо, потому что профессор Бутько, как он ни старался этого скрыть, был воспитан на том же Пушкине; грубо потому, что олухом Царя Небесного Бутько, конечно, не был, он был просто провинциальным романтиком. Но в каторжной обстановке УРЧ и прочего не всегда хватало сил удержать свои нервы в узде. Бутько обиделся, и он был прав. Я не извинился, и я был неправ.

Через какое-то время разговор с профессором наладился, в ходе которого он со вздохом сказал:

– А все потому, что вы великодержавный шовинист. Свой своему поневоле брат. Все вы москали — империалисты: и большевики, и меньшевики, и монархисты; и кто его знает, кто еще. Это у вас в крови.

– Я ведь вам говорил, что великорусской крови у меня ни капли нет.

– Значит заразились. Империализм – он прилипчивый.

– Летописец писал о славянах, что они любят ~~ж~~жить розно". Вот это, пожалуй, в крови. Можете вы себе представить немца, воюющего из-за какой-нибудь баварской самостийности? А ведь язык баварского и прусского крестьянина отличается больше, чем язык великорусского и украинского.

– Что хорошего в том, что Пруссия задавила всю Германию?

– Для нас ничего. Есть риск, что, скажем, Украину слопают так же, как в свое время слопали полабских и других прочих славян.

– Раз уж такое дело, пусть лучше немцы лопают. Мы при них, по крайней мере, не будем голодать да по лагерям сидеть. Для нас ваши кацапы хуже татарского нашествия. И при Батые так не было.

– Разве при царском режиме кто-нибудь на Украине голодал?

– Голодать не голодал, а давили наш народ, душили нашу культуру. Это у вас в крови, — с хохлацким упрямством повторял Бутько. — Не вас лично, от своего народа. Я вспомнил о начале ссоры и сдержался.

– Будет, Тарас Яковлевич, говорить так; вот у меня в Белоруссии живут родичи крестьяне. Если я считаю, что вот лично мне русская культура, общерусская культура, включая сюда и Гоголя, открыла дорогу в широкий мир, почему я не имею права желать той же дороги и для моих родичей. Я часто и подолгу живал в белорусской деревне; и мне никогда и в голову не приходило, что мои родичи нерусские. И им тоже. Я провел лет шесть на Украине, и сколько раз мне случалось переводить украинским крестьянам газеты и правительственные распоряжения с украинского языка на русский; на русском им было понятнее.

– Ну, уж это вы, И. Л. заливаете.

– Не заливаю. Сам Скрыпник принужден был чистить официальный украинский язык от галицизмов, которые на Украине никому, кроме специалистов, не понятны. Ведь это не язык Шевченко.

– Конечно, под московской властью разве мог развиваться украинский язык?

– Мог или не мог — это дело шестнадцатое. А сейчас и белорусская и украинская самостийность имеют в сущности один, правда невысказанный, может быть, даже и неосознанный довод: сколько министерских постов будет организовано для людей, которые по своему масштабу на общерусский министерский пост никак претендовать не могут. А мужику, белорусскому и украинскому, эти лишние министерские, посольские и генеральские посты ни на кой черт не нужны.

Он за вами не пойдет. Опыт был. Кто пошел во имя самостийности за Петлюрой? Никто не пошел. Так и остались — ~~В~~ вагоне директория, а под вагоном территория”.

– Сейчас пойдут все.

– Пойдут. Но не против кацапов, а против большевиков. Против Москвы сейчас пойдут. Против русского языка не пойдут. Вот и сейчас украинский мужик учиться по-украински не хочет, говорит, что большевики нарочно не учат его «паньской мове», чтобы он мужиком и остался.

– Народ еще несознателен.

– До чего это все вы сознательные — и большевики, и украинцы, и меньшевики, и эсеры. Все вы великолепно сознаете, что нужно мужику, вот только он сам ничего не сознает. Вот еще тоже сознательный дядя... — я хотел было сказать о Чекалине, но вовремя спохватился. — Что уж «сознательнее» коммунистов. Они, правда, опустошают страну, но ведь это делается не как-нибудь, а на базе самой современной, самой научной социологической теории.

– А вы не кирпичитесъ.

– Как это не кирпичиться. Сидим мы с вами, слава Тебе Господи, в концлагере, так нам-то есть из-за чего кирпичиться. И если уж здесь мы не поумнеем, не разучимся ~~ж~~жить розно”, так нас всякая сволочь будет по концлагерям таскать. Любители найдутся.

– Если вы доберетесь до власти, вы тоже будете в числе этих любителей.

– Я не буду. Говорите на каком хотите языке и не мешайте никому

говорить на каком он хочет. Вот и все.

– Это не подходит. В Москве говорите, на каком хотите. А на Украине — только по-украински.

– Значит, нужно заставить?

– Да, на первое время нужно заставить.

– Большевики тоже на первое время заставляют.

– Боремся за свое, за свою хату. В вашей хате делайте, что вам угодно, а в нашу не лезьте.

– А в чьей хате жил Гоголь?

– Гоголь тоже ренегат, — угрюмо сказал Бутько. Дискуссия была и ненужной и безнадежной. Бутько тоже один из «мучеников идеи», из тех, кто во имя идеи подставляет свою голову, а о чужих уж и говорить не стоит. Но Бутько еще не дошел до Чекалинского прозрения. Ему еще не случалось быть победителем, и для него грядущая самостийность — такой же рай земной, каким в свое время была для Чекалина «победа трудящихся классов».

– Разве при каком угодно строе самостийной Украины возможно было бы то, что там делается сейчас? — сурово спросил Бутько. — Украина для всех вас это только хинтерлянд для вашей империи, белой или красной, это все равно. Конечно, того, что у нас делает красный империализм, царскому и в голову не приходило. Нет, с Москвой своей судьбы мы связывать не хотим. Слишком дорого стоит. Нет, России с нас хватит. Мы получили от нее крепостное право, на нашем хлебе строилась царская империя, а теперь строится сталинская. Хватит. Буде. У нас на Украине теперь уже и песен не спивают. Так. А наш народ — кто в Сибири, кто тут в лагере, кто на том свете.

В голосе Бутько была великая любовь к своей родине и великая боль за ее нынешние судьбы. Мне было жаль Бутько — но чем его утешить?

– И в лагерях, и на том свете — не одни украинцы. Там и ярославцы, и сибиряки, и белорусы.

Но Бутько как будто и не слыхал моих слов.

– А у нас сейчас степи цветут, — сказал он, глядя на догорающий огонь печки.

Да, ведь начало марта. Я вспомнил о степях. Они действительно сейчас начинают цвести. А здесь мечется вьюга. Нужно все-таки пойти хоть на час уснуть.

– Да, такое дело, И. Л., – сказал Бутько. — Наши споры — недолгие споры. Все равно, все в один гроб ляжем — и хохол, и москаль, и жид. И даже не в гроб, а так, просто в общую яму» [112, с. 52–53].

Гродненщина упоминалась И. Л. Солоневичем в целом в ряде больших и малых его трудов. Отдельные вкрапления о ней, косвенные упоминания занимают значительное место как в «Народной монархии», так и в «Белой империи» при рассмотрении как в целом национального вопроса в России, так таких специфических, как польский, еврейский и, конечно же, белорусский. Последний автор, как известно, рассматривал исключительно в общероссийском масштабе. В этом же контексте он делал историко-

сравнительный анализ «равно упорных доминант – русской и польской». Его постоянно интересовала ситуация на белорусских землях в межвоенный период и положение в начальный период и в ходе второй мировой войны, а также и в первые послевоенные годы.

2.4. П.А. Столыпин в трудах И.Л. Солоневича

Интерес И. Л. Солоневича к П. А. Столыпину базировался не столько на факте благожелательного отношения бывшего гродненского губернатора к его отцу – Л. М. Солоневичу, получавшему от Петра Аркадьевича в своей редакционно-издательской деятельности неоднократную конкретную помощь и поддержку, сколько из соображений идейных, а также искреннего желания показать общественную роль этого государственного мужа в истории России и функционировании монархической формы правления [107, с. 275–280].

Наибольшее внимание он уделял главе русского правительства Столыпину при показе всей сложности ситуации, в которой оказалась страна в начале 1917 года. Вот что Солоневич по этому поводу писал: «Русская знать стояла накануне экономической катастрофы, точно так же, как перед Петром Первым она стояла накануне политической. В предвоенные годы дворянское землевладение теряло до трех миллионов десятин в год. Задолженность дворянского землевладения государству достигла чудовищной суммы в три миллиарда рублей. Если эту сумму перевести хотя бы на цену фунта мяса (около двугривенного в России тогда и около доллара в США сейчас (т. е. в конце 1930-х годов. – *В. Ч.*), то она будет равняться 12—15 миллиардам долларов. Это два или три «плана Маршалла», вместе взятых. Покрыть эту задолженность дворянство не имело никакой возможности — оно стояло перед полным банкротством.

Низовое и среднее дворянство давно примирилось с судьбою. Оно, по существу, возвращалось в старое положение московского служилого слоя. Оно заполняло администрацию, армию, свободные профессии, в очень слабой степени шло и в промышленность. Если Александр Второй отнял у дворянства половину его состояния, – то Столыпинские реформы отнимали и вторую. Для дворянской массы это уже не было угрозой: она служила, работала, и ее «поместья» были только или «подсобным предприятием», или — еще проще — дачей. Для нашего «вельможества» Столыпинская реформа была началом окончательного конца. Такие дворяне, как А. Кони, или Л. Толстой, или Д. Менделеев, или даже А. Керенский, шли в «профессию», которая иногда оплачивалась очень высоко, но которая никак не могла оплатить ни дворцов, ни яхт, ни вилл в Ницце, ни даже яхт-клуба в Петербурге. Это было катастрофой, отсюда и та травля, которой подвергался П. А. Столыпин со стороны Совета Объединенного Дворянства. Супругу министра Его Величества П. А. Столыпина в «салонах» не принимали, как не принимали и супругу С. Ю. Витте.

П. А. Столыпин был убит. Государь продолжал то дело, которое не совсем уж правильно называется Столыпинской реформой, правильнее было бы назвать его Николаевской реформой, как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, – ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно. Для дворцов, яхт, вилл и прочего отстранение Государя Императора было единственным, выходом из положения — точно так же, как свое время убийство Павла Первого».

Убедительно продемонстрировав безысходность дворянства, толкавшего его на неприятие реформ Столыпина и участие в заговоре против царя, Солоневич невольно забывает о том, что сам реформатор, как и другие дворяне имел и дворцы, и виллы, к примеру в Ковенской губернии, в Колноберже, но тем не менее он шел на пожертвование личным ради спасения государственной и монархической формы правления. Отмечая, что основной причиной заговора в феврале 1917 года был А. И. Гучков, Солоневич достаточно убедительно показал, что сближало и разъединяло этих деятелей в решении важнейших политических проблем в государстве: «После П. А. Столыпина А. И. Гучков был, конечно, самым крупным человеком России. В его патриотизме не может быть никаких сомнений, но ведь «патриотами» были и французские якобинцы, «патриотами» называют себя наши ленинцы и сталинцы, чекисты и энкаведисты, так что этот термин почти ничего не говорит. Пока был жив П. А. Столыпин, А. И. Гучков со всей своей силой поддерживал и П. А. Столыпина и правительство вообще. Со смертью П. А. Столыпина А. И. Гучков перешел в оппозицию, имевшую два разреза».

Правая публицистика эмиграции очень любит идеализировать положение, существовавшее в России в предвоенные годы. Нет, положение никак не было блестящим. Не забудем того, что в 1902—1908 годах по Высочайшему повелению была создана комиссия по исследованию причин «оскудения центра России», под председательством В. Н. Коковцова. Так что факт «оскудения» был признан официально. И была найдена его причина — главным образом община. Не забудем того, что писал такой правоверный монархист, каким, конечно, является Л. Тихомиров.

«Господство бюрократической системы... довело до страшного упадка нашу Церковь, изуродовало дух земского самоуправления, подорвало даже боевые качества русской армии. Оно, наконец, так подорвало уровень самой бюрократии, что уже стало невозможно находить способных и дельных работников администрации».

П. А. Столыпин, подчеркивал автор, привел эту бюрократию в кое-какой порядок. После его гибели начались Штюрмеры: людей в данном слое не было, как на это не раз жаловался и Государь Император. Но в России вообще людей было сколько угодно, и, конечно, одним из них, может быть, первым из них, был А. И. Гучков — и лично, и социально. А. И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право, по крайней мере, на участие в управлении страной. В этом праве придворная клика

ему отказывала. Об этой клике А. Суворин писал: у нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд».

Этот «сброд», проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым — людям, которые делали русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые умели работать и которые знали Россию. От их имени А. И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице Государя Императора, к которому он питал нечто вроде личной ненависти. Во всяком случае, Высочайший прием А. Гучкова, как председателя Государственной Думы, был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отметая претензии А. Гучкова на министерский пост, Государь Император якобы сказал: «Ну, еще и этот купчишка лезет». Фраза в устах Государя Императора очень мало правдоподобная. Но — фраза, очень точно передающая настроения «правящих сфер», — если уж и П. А. Столыпин был неприемлем как «мелкопоместный», — то что уж говорить об А. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. Гучкова премьер-министром, Государю Императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом, было, в частности, и Смутное время. И император это понимал.

Одним из причин многоаспектного тупика, в котором оказалась Российская империя, Солоневич видел в несуразностях деятельности Государственной Думы и Государственного Совета. Говоря об этом, он, в частности, отмечал: «Трагические противоречия русской жизни» иногда принимали характер форменной нелепости. Польша, наконец, разгромлена и побеждена. В Государственной Думе польское «коло» держится спаянно и особняком. При почти равенстве сил между правым и левым блоком польское «коло» получает решающее значение и может решать судьбу Империи. Затевается нелепый процесс Бейлиса, который кончается его оправданием, но который производит во всем мире совершенно скандальное впечатление. Государственный Совет, из чистого желания насолить П. А. Столыпину, проваливает его проект модернизации петербургской полиции и вооружения ее броневиками. И в феврале 1917 года петроградская полиция имеет на вооружении револьверы и «селедки» — так в свое время назывались те сабли, которыми были вооружены наши многострадальные городовые. Единственная «реформа», которая удается Столыпину, — это реформа Государственной Думы — закон 3 июня. Путем всяческого законодательного и административного нажима создается народное представительство, которое хоть как-то может работать. Организовано оно отвратительно — и технически и политически. Саша Черный писал: «Середина мая — и деревья голы, / Точно Третья Дума делала весну...» Никакой весны не сделали ни Первая, ни Вторая, ни Третья. Весну сделала Четвертая — под «мудрым» водительством Пуришкевича, Шульгина, Милюкова и Керенского. Все четверо делали одно и то же дело («Бороться надо, правительство — дрянь», — говорил В. Шульгин. Во время войны его речи почти ничем не отличались от речей П. Милюкова, и в печати они были запрещены военной цензурой. В. Пуришкевич говорит с трибуны Думы истерический вздор, и

ему принадлежит «первый выстрел русской революции» — убийство Распутина. Но это было уже во время войны».

Возвращаясь опять и опять к опыту государственной деятельности реформатора, Солоневич подчеркивал: «До воины почти единственным светлым пятном была недолгая деятельность П. Столыпина. В эмиграции очень склонны преувеличивать значение его реформ. По существу, кроме ”третьеиюньской” Думы, почти никаких реформ не было: основная реформа — закон о ”столыпинском мужике” – была только началом: до войны на отруба и прочее перешло только восемь процентов крестьянского землевладения. Все остальные попытки П. А. Столыпина были похоронены Государственным Советом. Особенный принципиальный интерес представляет проект о выборах в Государственный Совет от западных губерний. Право на участие в выборах имели только крупнейшие помещики. В западных девяти губерниях крупнейшими помещиками были поляки. От девяти западных губерний, с их 2—3 % польского населения, в Государственный Совет попали исключительно поляки. П. А. Столыпин предложил снизить ценз. Правые протестовали с классовой точки зрения. – это-де ”создает нежелательный прецедент для остальных губерний”, то есть поставили классовую точку зрения выше национальной. Левые были против из соображений интернационализма, то есть поставили национальный принцип выше классового, но не русский национальный принцип. Этот законопроект чуть не привел к отставке П. Столыпина — отставке, которая все равно уже была предрешена, — П. А. Столыпин выступал и против правых, и против левых, и Государю Императору оставалось: или распустить обе законодательные Палаты, или отказаться от П. А. Столыпина. Пуля Д. Богрова внесла автоматическое решение в этот вопрос. Но оставила корабль русской государственности в том трагическом положении, о котором так красочно и так безнадежно писал Л. Тихомиров. И вот в этом трагическом положении, в переплете «трагических противоречий», невооруженная Россия вступила в войну с до зубов вооруженной Германией».

Задаваясь вопросом, были ли февраль и октябрь 1917 года фатальной неизбежностью, Солоневич отвечал на него так: «При наличии здорового правящего и ведущего слоя ничего не вышло бы ни из заговора, ни из Февраля, ни из Октября. За всеми бесчисленными подробностями событий этого страшного года, этого позорного года, и мемуаристы, и историки как-то совершенно упускают из виду самую основную нить событий: борьбу против Монарха и справа и слева, борьбу, которая велась и революцией и реакцией. По самому своему существу 1917 год в невероятно обостренной обстановке повторил историю П. А. Столыпина». «П. А. Столыпин, неоднократно подчеркивал он, был, конечно, человеком исключительного калибра. Но он обессилел в борьбе с реакцией и с революцией. Вскрытие его тела показало совершенную изношенность сердца, в ее роковой форме. Убийство П. А. Столыпина по самому существу дела не расследовано и до сих пор. И за всякими показаниями и воспоминаниями люди как-то забыли поставить простой, самый простой вопрос.

Д. Богров, убийца П. А. Столыпина, был тем, что на официальном языке называлось «осведомителем», на языке общественности — «провокатором», на сегодняшнем языке — «сексотом». Такие люди необходимы всякой полиции мира, не только политической, но и уголовной. Это всегда подозрительные люди. Их можно и их нужно утилизировать для информации. Но почему Д. Богрова допустили к охране и П. А. Столыпина, и Государя Императора? Не нашлось более надежных людей, чем этот осведомитель, провокатор и сексот? Или — при убийстве Царя-Освободителя: как могли люди допустить семь покушений со стороны изуверов? Весь аппарат Империи не смог справиться с десятком человек? Не могли? Не хотели. Не считали очень уж необходимым. А может быть, и кое-какое участие принимали?

Целого ряда подробностей мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. Но в самом основном дело совершенно ясно: в 1916 году был заговор. И люди, которые этот заговор организовали, были, или казались себе, чрезвычайно дальновидными. По-видимому, первым шагом к технической реализации этого заговора было превращение Петрограда в пороховой погреб [108, с. 20–25, 36, 45–47, 59–60].

В других своих работах (“Белая империя” и “Народная монархия”) И. В. Солоневич неоднократно обращался к имени и реформам бывшего гродненского губернатора и великого реформатора страны, нередко прибегая к суждениям о нем и других его современников. Так в Народной монархии он цитировал Л. А. Тихомирова, сказавшего по поводу убийства П. А. Столыпина следующее: «На разбитых щепках некогда великого корабля, с изломанными машинами, пробоинами по всем бортам, с течами по всему дну, при деморализации экипажа... П. А. Столыпин умел вести пассажиров, во всяком случае, с относительным 6лагополучием….». Комментарий же Солоневича к этому был несколько неожиданным: «Со смертью П.А. Столыпина окончилось и это благополучие, ушел последний государственный человек бывшего правящего слоя; остались “бессильные старцы”. Некогда великий корабль остался с капитаном (Царь) и с пассажирами (народ). Но совершенно без экипажа. И параллельно с этим, Россия в культурном и промышленном отношении шла вперед семимильными шагами — так не шел никогда в истории ни один народ! Если все по-прежнему нищал центр страны, то росли и богатели ее окраины. Если стремительно росло народное образование, то вся сумма “образованности” принимала все больший и больший антинациональный характер. Россия последних десятилетий стояла на первом месте в мире по литературе, музыке, театру, балету и выходила на первое место по химии, физиологии, медицине, физике. В то же время организация церкви, армии и администрации находилась, возможно, на самом последнем месте среди культурных стран мира. Русская знать, у которой освобождение крестьян выбило из-под ног ее экономическую базу, стала накануне полного разорения — нищеты. И даже больше, чем нищеты: полного банкротства. Осенью 1916 года был возобновлен проект столыпинских времен: убрать монархию и этим по крайней мере остановить социальный прогресс страны

для того, чтобы спасти знать» [111, с. 109]. Однако этому, по мнению автора, не суждено было сбыться в силу объективного хода истории. Вывод его в данном случае был следующим: спасать нужно было не знать, а монархию, но не сословную, а народную, условия для развития имелись как в прошлом, так и настоящем.

ГЛАВА 3
О ЗАБРОШЕННЫХ РОДНИКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

3.1. Слонимские автографы А. С. Пушкина

Каждое новое слово о великом поэте всегда волнует, вдохновляет и побуждает на новые поиски. Совсем недавно мне посчастливилось пережить такого рода душевный подъем, и я хотел бы поделиться этим состоянием с поклонниками великого таланта.

Работая зимой 1999 года в Государственном архиве Гродненской области с материалами, касающимися истории местной православной епархии, я совершенно случайно наткнулся на документ, в котором имелось упоминание о письмах Пушкина. Этим документом оказался перечень автографов, которые имелись в Слонимском историко-краеведческом музее были составлены на польском языке основателем музея Иосифом Стабровским в 1929 году. Перечень этот оказался действительно бесценным, так как содержит в себе сведения о наличии в те годы в коллекции известного историка, археолога и краеведа более 50 автографов: польских королей (Сигизмунда-Августа, Сигизмунда III, Владислава IV, Яна-Казимира, Августа II, Августа III , Станислава-Августа Понятовского), великих князей (Кароля Радзивилла, Яна Сапеги), Папы Римского Григория XV, многих католических епископов, писательницы Элизы Ожешко, а также автографов и писем, принадлежавших русским императорам (Николаю I, Александру II), известным государственным и военным деятелям (Григорию Потемкину, Григорий Орлову, великому князю Константину, Барклаю-де-Толли, Аракчееву, Милорадовичу, Растопчину и др.)., литераторам (Гавриилу Державину, Льву Толстому) и, это наконец ... Александру Сергеевичу Пушкину. Под 29-м номером перечня имелась лаконичная запись: «Письма А. С. Пушкина и сообщение о смерти поэта с приглашением на прощальную панихиду», это при том, что содержание писем других деятелей передавалось в этом документе в форме короткой аннотации. Тут же не было больше ни одного слова. Обидно, радостно, но и тревожно. И сразу же подумалось, а сохранилось ли хоть что-нибудь из этого перечня на сегодня, поскольку за десятилетие с момента его составления немало воды утекло, столько отшумело войн и пожарищ.

В этот же день я позвонил в Слонимский краеведческий музей, спросил, сохранилось что-нибудь у них из рукописной коллекции Иосифа Стабровского. Ответили, что мало, но кое-что есть. На тот момент меня так и подмывало спросить о Пушкине, но боязнь того, что отрицательный ответ прервет мое радостное предвкушение встречи с автографами поэта, не позволила мне этого сделать. На следующий день утром выехал в Слоним. Близко к обеду я был уже на месте. Встретили меня в музее хорошо, и вскоре несколько пакетов с рукописями и автографами знаменитой коллекции лежали передо мною. С

волнением просматривал бумаги со строками и автографами Екатерининского фаворита Потемкина, героев Отечественной войны генералов Барклая-де-Толли, Милорадовича, графа Растопчина (все это, кстати, стоит отдельного рассказа). А вот и Пушкин! Быстро вскрываю конверт из плотной бумаги и достаю письмо поэта. Размашистые пушкинские строки на обеих сторонах старинной, великолепного качества бумаги с водяными знаками сначала стали разбегаться перед глазами, но постепенный их смысл становился доступным.

Читаю: «Милостивая Государыня Александра Осиповна, крайне жалко, что мнѣ невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall – Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные Карамзиным, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете их как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу ~~И~~Историю в рассказах" и поневоле зачитался. Вот как надобно писать! С глубочайшм почтением и совершенной преданностью имею быть, Милостивая Государыня, Вашим покорным слугой. А. Пушкин. 27 января 1837».

Прочитал и перечитал письмо еще несколько раз. Передо мной было последнее в жизни поэта письмо, адресованное известной детской писательнице А. О. Ишимовой (1804–1881), написанное за несколько часов до трагической дуэли. Письмо это достаточно известное, оно было опубликовано в 10-м томе собрания сочинений А. С. Пушкина. Но как оно попало к Стабровскому, а затем в музей? Настоящее оно или это умелая копия? Спрашиваю об этом у Ирины Григорьевны Пшырковой, многолетнего директора музея, человека опытного, глубокого. Ее ответ («Письмо это смотрели специалисты, говорят, что копия») меня, конечно, огорчил, но не настолько, чтобы потерять к нему интерес. Приглядевшись, увидел рядом со штампом музея и учетной сигнатурой перечеркнутую крест-накрест дату «1857», а внизу надпись: «Лит. Безе и Францен». Нет сомнения, что это копия, но зато какая – ее возраст 134 года! Это значит, что она увидела свет спустя двадцать лет после гибели поэта и, судя по всему, появилась в знак памяти об этой печальной дате.

Просматриваю полученные документы далее, все, до последней бумажки. К сожалению, больше пушкинского в них нет ничего. По инерции начинаю искать следы пропажи, безуспешно пытаюсь найти имя поэта в актах передачи экспонатов Слонимского музея Барановичскому музею изобразительного искусства, что имело место 15 октября 1940 года, однако не нахожу его и в акте об уроне, который принесли музею немецкие захватчики, составленным 30 сентября 1944 года, т. е. сразу после освобождении г. Слонима Красной армией. Тут же подумалось, что документы, отмеченные в перечне 1929 г.: переписка Пушкина и сведение о панихиде по случаю смерти поэта никак не могли пропасть бесследно. Интуитивно взялся за просмотр документов, связанных с деятельностью самого Иосифа Стабровского, директора музея в послевоенные годы, его личных описаний экспонатов, которые хранились в музее в конце 40-х годов. И вскоре среди этих описаний я натыкаюсь на вырванный из какой-то бухгалтерской книги лист, на котором, без какой-либо связи с содержанием

предыдущей страницы, шли следующие строки: «В нашей коллекции имеется следующее письмо А. С. Пушкина: «Его Высокоблагородию Милостивому государю Авраму Алексеевичу (ошибка поэта, вместо Александра Алексеевича. – *В. Ч.*) Ананьину от А. Пушкина. Милостивый Государь Абрам Алексеевич (Ананьин А.А. был крупным чиновником, который давал поэту денежный заем. – *В. Ч.*), Смирдин (А. Ф. Смирдин – известный в те времена издатель. – *В. Ч.*) на днях прибыл в Москву. Он согласен за меня поручиться. Прошу Вас назначить мне день, когда можно будет нам кончить дело. С истинным почтением честь имею быть, Милостивый Государь, ваш покорнейший слуга А. Пушкин».

Текста письма нет, но не верить Стабровскому оснований тоже нет: значит, письмо было. Другое дело – оригинал это или копия? Следом за этим листом я нахожу интересные замечания нашего знаменитого земляка про этот документ. Вот некоторые фрагменты этого письма: «Письмо не датировано, поэтому тяжело определить, когда оно было написано, однако из текста видно, что письмо было написано, когда поэт не был популярным и для печатания его творений необходимо было поручительство третьего лица. Отсюда следует, что во время написания письма ему необходимы были деньги и поэт обращался к разным издателям с просьбой о содействии.

Интересна мысль самого поэта относительно автографов вообще, высказанная им в ~~В~~альтере", и мы с любопытством рассматриваем его расходную тетрадь и записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, которая начертила эти цифры, эти незначительные слова, те же самые пальцы, которые написали и великие творения, – предмет наших удивлений и восторгов».

На этом же бланке, точнее на его оборотной стороне, рядом со словами «приход, расход», имеются и другие сведения, относящиеся к Пушкину. Здесь, в частности, Стабровский пишет: «В Слонимском музее хранится также известие о смерти поэта и приглашение на отпевание его тела следующего содержания: «Его Высокоблагородию Александру Андреевичу Ананьину. Наталья Николаевна Пушкина с душевным прискорбием сообщает о кончине супруга ее, Двора Е. И. В. камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29-ый день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела его в Исаакиевский Собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов до полудня». Свой комментарий по поводу этого прискорбного документа автор не оставил. Осталась только подпись без даты: «И. Стабровский, директор Слонимского Музея». Характерно, что выражая свое отношение к упомянутым документам, хранитель музея и опытный коллекционер нигде не затрагивал вопроса об их достоверности, вероятно, нисколько в этом не сомневаясь.

Теперь, когда эти письма неизвестно куда подевались, говорить на данную тему более конкретно достаточно сложно. И все же теплится надежда (особенно по поводу сообщения о панихиде) на то, что этот документ – настоящий. Ведь известно, что про отпевание тела поэта его жена, Наталья

Николаевна, сообщила не только в печати, такого же содержания сообщения были посланы персонально ряду близких к Пушкину людей. Александр Андреевич Ананьин был одним из них. Можно вполне предположить, что по причине аутентичности письма и сообщения на адрес этого чиновника, эти документы позднее в послевоенные годы попали из Слонима в Санкт-Петербург, в Пушкинский Дом, где хранится рукописное творческое наследие великого поэта.

После возвращения из Слонима в Гродно и детальной обработки содержания выявленных текстов я послал письмо в Пушкинский Дом, а также и в редакцию журнала «Русская литература» с информацией про свой не совсем удачный поиск и с просьбой ответить на вопрос: как и откуда, поступили отмеченные автографы Пушкина в главное хранилище его творческого наследия? Ответа на свой вопрос я не получил, но независимо от его содержания, мое представление о Пушкине, в том числе о связи поэта с Гродненщиной, значительно расширилось. Посещение Слонимского музея и знакомство с частью коллекции Иосифа Стабровского показали, что исследования в избранном направлении могут быть продолжены. И их успех будет во многом зависеть от творческого сотрудничества историков, филологов, музейных работников и архивистов.

3.2. Сподвижники митрополита Иосифа (Семашко)

Воссоединение униатов с Православной церковью составило целую эпоху в истории Беларуси, так как именно в это время началось подлинное возвращение полутора миллиона наших земляков «на круги своя, в лоно Матери-Церкви, к истокам восточнославянской «руською» цивилизации, закрепленной впоследствии государственной деятельностью графа М. Н. Муравьева». Последний же нашел уже твердую и готовую опору для своей деятельности в лице основной массы православного населения. Не принимая участия в мятеже 1863 года, оно убедительно доказало свою преданность вновь обретенной родине. Такого рода позиция белорусского народа, его стойкость в противостоянии полонизму и католицизму была бы невозможна без могучей фигуры митрополита Литовского и Виленского Иосифа Семашко. Его жизнь и деятельность вызывала и вызывает неподдельный интерес со стороны как советских, так и церковных историков. Их работы общеизвестны. На данный момент необходимо особо отметить большой вклад в разработку этой проблемы протоиерея Александра Романчука, посвятившего этой теме свою кандидатскую и докторскую диссертации. Вот-вот должна увидеть свет в Москве его монография, посвященная данной теме в качестве основания для причисления владыки Иосифа к лику святых Православной церкви. Подтверждением высокой роли Иосифа Семашко как церковного и государственного деятеля может служить авторитетное мнение профессора М.

О. Кояловича, прекрасно знавшего владыку. По его словам «жизнь Иосифа есть история всей Западной Руси новейшего времени». Подтверждением этому имеется в трудах исследователей XIX – XX веков (М. А. Бермана, Г. Киприяновича, Е. Ф. Орловского, С. М. Солоневича).

При всей значимости митрополита И. Семашко для дела торжества Православия на белорусских землях было бы несправедливым предавать забвению имена его сподвижников в деле воссоединения 1839 года и последующих лет. И первым среди них хотелось бы назвать имя архиепископа Минского и Бобруйского Антония (в миру Антоний Григорьевич Зубко (1797–1884)). Будучи сверстником высокопреосвященному Иосифу, сошедшись с ним во взглядах на Унию и Православие еще в годы ученичества, архиепископ Антоний стал его неразлучным другом, а по сути дела – правой рукой. Сам великий воссоединитель униатов впоследствии писал о нем: «Никто не помог мне столь добросовестно по униатскому делу, как Преосвященный Антоний». По словам М. О. Кояловича, в ходе подготовки и проведения собора 1839 года владыка Антоний проявил себя «как необыкновенный стоятель за православие и русскую народность в Западном крае». Как утверждает А. К. Миловидов, митрополит Иосиф был многим обязан ему в успехе своего дела. Влияние владыки Антония на воссоединение православных было так сильно, что когда в 1841 году он оставил Минск, уехал на излечение в Друскеники, Семашко между прочим писал к обер-прокурору Св. Синода, графу Н. А. Протасову: «Без Преосвященного Антония воссоединенное духовенство приходит в отчаяние». Верный друг и разумный исполнитель предначертанный Семашко архиепископ Антоний был вместе с тем горячим русским патриотом, искренним сторонником теории о триедином русском народе, человеком нежного простого сердца и высокого ума, проявленного им не только в административной, но и в научно-литературной деятельности. Его труд «О Греко-униатской церкви в Западном крае» (Русский Вестник.–1864.–№9) впервые обстоятельно познакомил читающую Россию с унией и восстановлением западно-русских униатов, о чем в ту пору имелись лишь скудные сведения (знаменитые «Записки Митрополита Иосифа Семашко» появились значительно позднее, лишь в 1885 году). За этот труд М. Н. Катков в свое время выразил в письме к автору горячую благодарность и огромное уважение к его литературному дарованию. Кроме указанного сочинения, владыкой Антонием было написано несколько статей об унии и естественной истории, которую, как и саму природу, очень любил и на ее изучение он употреблял много времени, особенно когда проживал в Жировичах, а затем на покое в Пожайском монастыре (близ Ковно, на реке Неман).

Среди других источников о жизни и деятельности архиепископа Антония Зубко следует назвать три собственноручные объемные записки: 1) «Записка о миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в северо-западном крае»; 2) «Открытое письмо к римско-католическому духовенству»; 3) «О местных нуждах Минской епархии». Все три записки были поданы автором графу М. Н. Муравьеву в конце 1864 года и

все имели свои благие последствия. Выявленные в фондах архива Виленского генерал-губернаторства, эти документы были опубликованы с разной степенью полноты в «Минских епархиальных Ведомостях» (1990 г.), а затем в «Литовских Епархиальные Ведомостях» (1901 г.), что свидетельствовало о большом интересе Церкви к наследию сподвижника Иосифа Семашко.

В «Записке о миссионерских братствах» Антония (Зубко) имеется масса интересных деталей из эпохи воссоединения униатов и периода возрождения Православия в крае, включая освещение патриотических настроений в белорусской среде под влияние политики М.Н. Муравьева. Выражением его стало убеждение о необходимости создания в Минске «по натиском общественных сил» Патриотического миссионерского общества или братства, которое должно действовать не официальными предписаниями, но нравственным убеждением в распространении мнения о потребности единодержавия и православия , на которых держится крепость, единство и сила России». Другой мерой в этом направлении, по мнению архиепископа Антония, должны стать периодические съезды православных священников как по благочинием, так и по епархиям.

В качестве «приуготовительной меры к миссионерству» автор считал весьма полезным назначением православных священников совещательными членами сельских правлений, в том числе и тех, где преобладают крестьяне римско-католического вероисповедания: «Крестьяне, побуждаемые живою благодарностью за освобождение их от крепостной зависимости, охотно присоединится к православию, если узнают, что этого для их же блага желает Государь и «батька Муравьев» (так величал начальника края простой белорусский народ – примечание редактора «ЛЕВ» протоирея Иоанна Котовича). Владыка был убежден, что работа эта пойдет успешнее, если в общении с крестьянами-католиками будут трудится священники рука об руку с мировыми посредниками, объясняя, что «паны озлобились против Государя и возбудили мятеж за то, что вы освобождены от их неволи, ксендзы дружно поддерживая панскую сторону, возбуждали к мятежу и крестьян-католиков, за что Государь не может доверять последним, подозревая, не подверглись ли они льстивым наущениям ксендзов…Государь не католическую религию преследует, а наказывает тех, в чьих руках религия и которые во зло употребляет ее, возжигая вражду и кровопролития в место внушения добра и мира. Как чистая религия католическая, так и православная верует в одного и того же Бога, в одного и того же Иисуса Христа, принимает в руководство одно Слово – Божие – Святое Евангелие. Не религия виновата перед Государем, но ксендзы. Кто поручится, что новые ксендзы не будут бунтовать против Царя ваших детей и внуков и лестью вести их под ярмо панское. Почему Государь и «батька ваш Муравьев» желают для спокойствия края блага вашего и вашим потомкам, чтобы вы согласились быть православными, подобно предкам вашим. Предки ваши были православными, вы этого не помните; но известно по книгам, что на здешней земле не было ни одного католика, все были православными и все были свободными, пока поляки не завладели здешним

краем и паны не взяли здешний русский народ в подданство. 200 лет была эта страна под владением Польши, поляки за то и не любят русских царей, что они оттягнули от них здешнюю Русь и присоединили ее к остальной Руси; а еще больше возненавидели нашего доброго государя за то, что он, разузнавши, как обижают вас паны, освободил вас от их власти».

Характерно, что данное миссионерское по духу размышление автор завершил следующим обращением к генерал-губернатору Муравьеву: «Извините, что я пустился проповедовать, позабыв, что пишу к вам, а не говорю с мужиками».

Следует заметить, что проект создания «Патриотического миссионерского общества» был одобрен М. Н. Муравьевым, но в Петербурге он не был одобрен. И тем не менее он дал толчок к восстановлению Виленского Св.-Духовского братства в 1866 году. Что же касается «Открытого письма к римско-католическому духовенству», то в нем так же было немало весьма ценных и злободневных возражений «против распространения папизма в крае». В третьей записке были хорошо освещены насущные нужды Минской епархии, и большинство из них было удовлетворено графом М. Н. Муравьевым. И наконец, все три записки, по словам А. Н. Миловидова, довольно рельефно характеризуют личность автора, его недюжинный ум, образованность (знал пять языков), обширные богословские познания, архипастырскую ревность и горячую (по увлечению) любовь ко всему русскому» [119]. Между тем как в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (т.3, с. 454) ошибочно местом смерти и захоронения владыки называется Св. Успенский монастырь в Жировичах [166]. Остается добавить, что владыка ушел из земной жизни в мир иной 15 февраля 1884 года в Пожайском монастыре Ковенской губернии. Уже этот один факт свидетельствует о необходимости более пристального внимания к жизни и служению своему народу сподвижников митрополита Иосифа (Семашко).

К числу наиболее близких к Иосифу (Семашко) людей, сыгравших важную роль в воссоединении униатской церкви Северо-Западного края с Православием, относится также архиепископ Полоцкий и Витебский Василий (в миру Бенедикт Стефанович Лужинский). Годы его жизни – (1791–1879). Начиная с 1829 года Лужинский уже в сане протоиерея и в должности асессора Греко-униатской коллегии в Ст. Петербурге активно помогал униатскому Мстиславскому епископу Иосифу (Семашко) в его работе по подготовке воссоединения униатской Церкви с Православием. По плану, разработанному Семашко и Лужинским, воссоединение должно было проходить постепенно, через уменьшение числа базилианских монастырей. Среди белого духовенства проводилась разъяснительная работа и собирались подписи в поддержку воссоединения.

6 декабря 1833 года Лужинский был назначен, а 28 января 1834 года рукоположен в епископа Оршанского викария Белорусского униатского архиепископства. Перед хиротонией он дал подписку о готовности принять православие. Он лично посещал белорусские приходы, убеждал духовенство и паству о необходимости отказа от унии. От духовенства он брал подписи о

готовности принять православие, наблюдал за перестройкой униатских храмов по православному образцу, введением православного богослужения. Такого рода деятельность владыки Василия умножила число его противников как из числа базилиан, так и в лице православного Полоцкого епископа Смарагда (Крыжановского), бывшего сторонником жестких мер по отношению к униатам. Только в 1833–1835 годах последнему удалось присоединить к Православию свыше 108 тысяч униатов. Столь наступательная политика Семарагда привела к серьезным разногласиям между ним и Иосифом (Семашко), который стоял за постепенный переход всех униатов в православие, а это значит действия эволюционные без рывков и какого бы то ни было нажима на духовенство и верующих. Конфликт между иерархами привел в конце концов к устранению Смарагда от управления Полоцкой епархией.

После кончины в феврале 1838 года митрополита Иосафата Булгака Лужинский стал правящим архиереем Белорусского архиепископства. А уже через год, 12 февраля 1839 года, в неделю Православия, в Полоцке во время совместного служения Иосифа (Семашко), Василия (Лужинского) и Антония (Зубко) был принят акт о присоединении униатской церкви к православной и составлено прошение к царю для его одобрения с подписями более полутора тысяч духовных лиц. Официальные торжества по случаю воссоединения состоялись в Витебске, где 14 мая 1839 года в кафедральном Успенском соборе митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) совершил божественную литургию в сослужении православного епископа Полоцкого Исидора (Николаевского) и Василия (Лужинского).

6 марта 1839 года Василий был назначен епископом Оршанским, 7 июня 1840 года он стал епископом Полоцким и Витебским, а 7 июля 1841 года возведен в сан архиепископа. Резиденция архиерея в 1842 году была перенесена из Полоцка в Витебск. В 1866 году архиепископ Василий (Лужинский) был освобожден от управления епархией и назначен членом Святейшего Синода. Скончался он 26 января 1879 года. Похоронен в имении Любашковичи (село Любашково) Витебской губернии близ Витебска (надгробие было разрушено в годы советской власти). «Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого», изданные Казанской духовной академией в 1885 году, являются не только свидетельством несомненной литературной одаренности автора, но и ценным источником по истории его жизни, а вместе с этим и истории воссоединения белорусских униатов с Православием [123].

Младший по возрасту среди ближайших сподвижников митрополита Иосифа (Семашко) являлся епископ Брестский, викарий Литовской епархии Игнатий (Железовский). Епископ Игнатий родился в 1880 году в семье православного священника Леонтия Железовского, служившего в Сехновицкой церкви Кобринского уезда Гродненской губернии. После успешного окончания Жировичской духовной семинарии он был оставлен при ней и прошел путь от наставника семинарии до ее духовного начальника. Уроженец Гродненской губернии, он отлично знал духовенство и жизненную обстановку, отлично понимал положение духовных лиц Западной России, которые, получив

образование в Главной семинарии или в базилианских школах, «не могли сразу переродиться и сохраняли в течение жизни следы польско-латинской (католической – *В. Ч.*) закваски…». Обладая такими качествами, а также природной любовью ко всему русскому, православному, считая местных уроженцев-белорусов составной частью триединого русского народа (великорусы, малорусы, белорусы), Игнатий Железовский являлся именно таким священнослужителем (простым, скромным, весьма аккуратным, а в трудные минуты – защитником и руководителем духовенства, стремившимся к возвращению из униатства в Православие), который бы на своем архиерейском посту был бы наиболее полезен и необходим Православной церкви. Давая такую замечательную характеристику начальнику Жировицкой духовной семинарии Железовскому, митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко) полагал, что именно такие пастыри только и нужны воссоединѐнному русскому народу в ответственный период своего развития. Поэтому по инициативе святителя и при благостном согласии самого Железовского 20 мая 1848 года он был хиротонисан в Виленском кафедральном соборе митрополитом Иосифом Семашко (в сослужении епископа Минского Антония Зубко и епископа Ковенского Платона Городецкого) епископа Брестского архимандрита Гродненского Борисо-Глебского мужского монастыря с принятием имени Игнатия.

В тот же день он получил назначение на пост второго викарного епископа Литовской епархии. Резиденция епископа Брестского в то время находилась в губернском г. Гродно в одной из келий Борисо-Глебского (Коложского) монастыря. Вполне естественно, что духовное лицо такого ранга (в обстановке, требовавшей повышения архиерейского статуса в глазах общественного мнения) нуждалось в собственной резиденции. При поддержке митрополита Иосифа Семашко в 1852 году такая резиденция в самом центре города, неподалеку от губернаторского дворца, была приобретена у графа Леопольда Валицкого, став на все долгие последующие годы т. н. архиерейским домом (ныне ул. Горького, 2).

Будучи ревностным учеником и сторонником митрополита Иосифа (Семашко) в деле подлинного воссоединения местных униатов с Православием, владыка Игнатий не жалел своих сил для «направления и исправления» всего того, что по инерции присутствовало в только что воссоединенных церквях. В Гродненской губернии (на основании архиерейских объездов) в капитальном ремонте нуждалось 450 храмов, в починке после пожаров – 252, в переоборудовании иконостасов по чину Православной Церкви – 290 бывших униатских церквей. Своими силами решить эту проблему верующие не могли. Епископу Игнатию при содействии митрополита Иосифа пришлось затратить немало усилий для того, чтобы обратить внимание к ней императора Николая I, после чего правительство выделило из государственной казны необходимую сумму для приведения в надлежащий православный вид большинства воссоединенных в 1839 году церквей Гродненской губернии.

Немало сил епископа Игнатия Железовского было затрачено и на то, чтобы научить местных священнослужителей правильному отправлению православных служб. Взамен униатских книг им было налажено снабжение всех приходских церквей богослужебниками московской и петербургской печати, решительно велась епископом борьба и с таким распространенным в ту пору среди духовенства злом, как их пристрастием к курению табака. Строгие меры в этом отношении были приняты также и к курению в среде учащихся духовной семинарии.

Много энергии и житейской мудрости проявлял владыка Игнатий при капитальном ремонте будущего архиерейского дома, ремонте и переоборудовании упраздненного католического монастыря бернардинок в Борисо-Глебский мужской монастырь, оказавшийся после разлива Немана в 1853 году, что называется, без крыши над головой. Защитником и утешителем всех православных был епископ Игнатий в период бедственных событий и лишений, которые охватили Принеманский край во время польского восстания 1863–1864 годов

Весной 1866 года владыка перенес тяжелейший инсульт, поразивший всю правую часть его тела. Когда болезнь слегка отступила, он вновь продолжал свои служения, ездил и на освещение приходских сельских церквей. О напряженности и сложности этих поездок свидетельствует переписка владыки Игнатия с губернским начальством. Так, в своем письме от 9 июня 1866 года к губернатору Скворцову он просил о содействии ему «в поставке лошадей при поездке от одной церкви к следующей, ближайшей по предлагаемому маршруту». В этой поездке, кроме посещения храмов Сокольского уезда, было запланировано и посещение церквей Гродненского уезда в следующих селах: Вертелишки, Комотово, Жидомля, Озеры, Скидель, Ятвезь, Малая и Большая Берестовица, Дубно, Черлена, Радзивиловичи, Дереченск, Лаша, Олекшицы, Голынка, Гольна, Тетеревка, Мостовляны, Крынки и др. Кончина осенью 1868 года митрополита Иосифа Семашко тяжело отразилась на здоровье владыки Игнатия. После второго удара в конце 1869 года он ушел на покой. Получив отставку по состоянию здоровья, епископ Брестский и викарий Литовский посетил киевские святые места, после чего поселился в келье Гродненского Борисо-Глебского монастыря, настоятелем которого был более 30 лет. Он мужественно противостоял тяжелому недугу. И лишь только тогда, когда почувствовал приближение кончины, по его указанию под кладбищенской Свято-Марфинской церковью для епископа была оборудована катакомбская гробница. Кончина святителя (1 апреля 1872 года по ст. стилю) была тихой; он не терял сознания до того момента, пока не закрыл глаза навеки. Погребение владыки Игнатия состоялось утром 3 апреля при огромном стечении гродненцев и более 30 священников епархии. В похоронах принял участие и приехавший из Жировиц архиепископ Михаил (Голубович). В памяти всех православных христиан Гродненской губернии епископ Игнатий остался святителем-бессребренником, все деяния и помыслы которого были посвящены служе-

нию Церкви и устройству обнищавших православных храмов, унаследованных от унии».

При знакомстве с деяниями Полоцкого собора невольно задаешься вопросом о главнейших мотивах подвига митрополита Иосифа. Что в его поведении более всего привлекало к себе окружающих? Ответ на это владыка дает в своих «Записках»: «Я с детства имел душевное влечение к России и всему русскому… Неизмеримая Россия, связанная одной верой, одним языком, направляемая к благой цели одной волею, стала для меня великим отечеством, которому служить, благу которого поспешествовать считал я для себя священным долгом – вот сила, которая подвигла меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного православного древа… Пламенное усердие к этому делу в течение 12 лет (1827–1839) постигли все мое существование».

Детские воспоминания Иосифа «о влечении к России и всему русскому» затрагивали и его отношение к Православию. По его словам, «родитель его – униатский священник, жительствуя в селе Павловка, где не было ни костела, ни панов, ни униатов, не воспрещал своим детям ходить на богослужение в местную православную церковь, рядом с которой была его усадьба, но сам в ней не бывал: не бывала там и его жена, но во время литургии она молилась в своем саду, стоя лицом к православной церкви. На вопрос детей своих, почему они, т. е. родители, не бывают в церкви, мать отвечала обыкновенно следующим образом: ―Нам невольно туда ходить”. Эта неволя шла, конечно, не от местного православного причта, а от латинских ксендзов, следивших за семьей униатского священника, состоящего при их костеле вроде викария. Посещение православной церкви села Павловых в детстве имело решающее влияние на его решимость стать православным. Будучи членом греко-униатской коллегии в Петербург, он, во время одной из вечерних своих прогулок, войдя в Андреевскую церковь и услышав пение ―Свете тихий”, которую слышал, молясь в православной церкви, признался своему коллеге, будущему митрополиту Киевскому Платону: «С этого момента в душе моей произошел глубокий переворот – и я почувствовал непреодолимое желание оставить унию и воссоединиться с Православием» [139, с. 104–107].

Что касается Иосифа Семашко (отца), то для последнего общее воссоединение униатов в 1839 году было полной неожиданностью. По словам митрополита Иосифа, его отец ничего не знал предварительно о руководящей роли его сына в деле, которому Иосиф-старший на первых порах не сочувствовал. И по этой причине преосвященный Иосиф в письмах к своему отцу, писанных всегда по-русски, убеждал его и сыновей, с покорностью упрашивал последовать его примеру принять Православие. Убеждение почтительного и нежного сына возымело свое действие. Согласившись принять Православие, отец Семашко произнес тогда следующие слова: «Видно, недаром мой сын родился в тот же день, что и Иисус Христос». В одном из писем прислал уже в дар своему родителю богатую рясу и подрясник взамен носимого им латинского «габита». В начале 1840 года безвестный униатский священник

местечка Илинцы Липовицкого уезда Киевской губернии Иосиф Семашко дал своему уже знаменитому сыну по его востребованию подписку на присоединение к Православию, и она была представлена в числе других обер-прокурору Святейшего Синода 31 марта 1840 года [46]. Иосиф Семашко доказал твердость своего убеждения дальнейшим своим пасторским служением в селе Дикушки в Литовской епархии неподалеку от города Лиды и всей своей последующей жизнью, а не остался православным более по имени, как думали некоторые, даже близко знавшие его люди [150].

Величие совершенного Иосифом подвига состояло еще и в том, что он сумел привлечь на свою сторону не только простых и малообразованных пастырей, но и зрелых летами и умом ученых людей, среди которых были офицер А. Тупальский, каноники М. Бобровский, М. Маркевич. На голос любимого пастыря откликнулось почти все духовенство, а вслед за ним тихо и мирно возвратились в лоно православия униатские прихожане. Среди активных исполнителей предначертаний Иосифа (Семашко) был и протоиерей Федор Горбачевич (1798–1884). Последний происходил из потомственных дворян Минской губернии и был сыном священника. После окончания Новогрудского 6-классного училища он поступил в 1819 году в епархиальную Лаврешевскую семинарию, где обучался богословию, церковному уставу и др. наукам. В 1820 году он был послан для продолжения в духовную семинарию при Виленском университете, где обучался философским и богословским наукам. После окончания семинарии со степенью магистра богословия он в 1825 году был рукоположен в дьяконы, а затем и во священники к Черниховской церкви. С 1885 года Горбачевич являлся протоиереем, настоятелем Антопольской церкви. Истинный пастырь, он всю свою жизнь пользовался особенным доверием и любовью и уважением не только митрополита Иосифа, но и всех иерархов Православной Церкви, служивших в крае [150]. Среди сподвижников митрополита Иосифа (Семашко) было большинство из тогдашних иереев, внутренне осознавших необходимость возврата «на круги своя» как в церковном, так и национально-державном отношении.

3.3.О жизни и творчестве Ф. М. Достоевского на страницах «Церковно-Общественного Вестника»

Последний год жизни Ф. М. Достоевского, его смерть и похороны получили достаточно полное освещение в воспоминаниях его жены А. Г. Достоевской, а также ряда других современников писателя – А. С. Суворина, И. И. Попова и др. Еще большим было число людей, выразивших в своих письмах соболезнование и скорбь в связи с кончиной любимого писателя. Один из них профессор С.-Петербургской духовной академии М. О. Коялович в письме от 31 января 1881 года к своему другу, бывшему попечителю Виленского

учебного округа И. П. Корнилову, только что вернувшемуся с лечения за границей, по этому поводу сообщал: «С великой радостью узнал о Вашем приезде и душой стремился приветствовать с возвращением на Родину, да и разделить (увы!) общую нашу скорбь о великой русской утрате Ф.М. Достоевского: но как нарочно с воскресения – вечера я стал терять голос и насильно его поправляю сидением дома… Это должно быть мне наказанием за мои речи в эти нелучшие времена. Завтра выберусь на похороны и хотя постараюсь быть незримым, чтобы не говорить на воздухе, но постараюсь как-нибудь навестить Вас Иван Петрович и узнать как Ваше здоровье» [143, с. 44–71].

Разумеется, что такого рода откликов на постигшее Россию горе здесь не перечесть. В какой-то степени такую роль взяла на себя русская периодическая печать, помещавшая на своих страницах некрологи, телеграммы-соболезнования, письма читателей и официальных лиц. Наибольшую активность в этом деле проявляли газеты «Новое время» А. С. Суворина и «Церковно-общественный вестник» («ЦОВ») А. И. Поповицкого. Будучи изданиями, по-разному оценивавшими место и роль Достоевского в жизни общества, они по-своему освещали и кончину писателя: «новое Время» как орган активно участвовавший в формировании русского национального сознания и тяготевшей в сторону самодержавной власти, а «ЦОВ» как издание православное, но с определенным намеком либерализма. Последнее выходило три раза в неделю (среда, пятница, воскресенье) и имело отделы: официальный (сообщение по правительственному и духовному ведомствам), иностранный, некрологи, библиография и др. большинство номеров газеты начиналось с редакционной статьи, как бы подводивших итог о наиболее важных, получивших отклик в обществе статей газеты.

Скорбную весть о кончине Ф. М. Достоевского газета «ЦОВ» (№14 от 1 февраля 1881 года, воскресенье) поместила в отделе «Внутренние известия», причем на самом видном месте: «В среду 28-го января, в девятом часу вечера, скончался от болезни легких Федор Михайлович Достоевский…». Далее после краткого изложения жизни и трудов писателя на литературно-общественном поприще, газета давала своеобразный пересказ того, что было опубликовано в субботнем номере «Нового Времени»: «Сегодня не стало Достоевского, искреннего и благороднейшего служителя правды. Он угас в три дня, угас в расцвете таланта, в полном расцвете надежд на дальнейшую деятельность, на борьбу, на защиту дорогих прав человека. Это огромная потеря не для одной русской литературы, но и для всего русского человека, для всякого у кого осталась в душе хоть какая искренность, для всякого, чье сердце страдало, чей ум волновался сомнением, кто горел хоть минуту любовью к истине и ближнему… Умер не только писатель, умер учитель, умер благородный человек, достойный самых искренних слез». После подробного описания самой болезни писателя, его предсмертного состояния и самого ухода из земной жизни, а также сочувственных отзывов других российских газет о Ф. М. Достоевском издание высказало и свое отношение к случившемуся: «Россия в

лице его потеряла не только великого писателя, но и писателя христианина. Федор Михайлович был глубоко и искренне религиозен, и в вопросах веры он был не только виртуозом, но испытывающим. Область религии всегда интересовала в своих сочинениях, он много раз касался ~~ц~~ерковных" вопросов. Глубокий психолог и знаток человеческого сердца, он умел выяснить в своих сочинениях такие проявления религиозного чувства, такие стороны церковно-общественной жизни, которые часто не поддавались перу людей, всю жизнь свою посвятивших изучению дел, касающихся религии. Мир праху доброго человека и христианина».

Затем газета сообщала самую разнообразную информацию о похоронах писателя: «Вынос тела покойного последовал в субботу в 11 часов утра, а из его квартиры, за гробом великого писателя шли массы народа, несли бесчисленное множество венков от разных лиц и учреждений. Погребение назначено в воскресенье, после обеда в Александро-Невской Лавре. По распоряжению высокопреосвященного митрополита Исидора, место погребения Ф. М. Достоевского отведено на кладбище Александро-Невской лавры безвозмездно. В день похорон, в воскресенье, богослужение совершил наместник лавры отец Симеон, лично знавший покойного, а отправлять отпевание будет преосвященный викарий Нестор в сослужении с архимандритами. Все это безвозмездно. Певчие Исаакиевского собора взяли на себя труд дважды в день петь при панихиде и отпевать прах покойного в лавре. Во время процесса также безвозмездно будет участвовать и хор Владимирской церкви. Всякий несет дань уважения русскому таланту, русскому человеку…»

Ниже отмечалось, что «А. Г. Достоевская, вдова писателя, получила письмо от министра финансов, которым господин Абаза уведомил ее, что Государь Император во внимании услуг, оказанных покойным ее мужем русской литературе, и «в которой он занимал одно из самых почетных мест», назначил ей нераздельно с детьми ежегодную пенсию в 2000 рублей. Таким образом, «Русский царь становиться во главе того почета, который оказывается памяти русского писателя, мыслителя, защитника бедных и угнетенных, писателя, который начал Божию искру во всяком человеке, как бы низко не стоял он на общественной лестнице». При описании прощания с писателем газета подчеркивала, что «люди всех состояний шли и подъезжали к тому дому, в котором он жил. Тут были и высокопоставленные лица и светские дамы, и все старались пробиться сквозь сплошную толпу. Великий князь Дмитрий Константинович был в числе тех, которые пришли поклониться праху погибшего писателя». Сообщалось также, что «А. Г. Достоевская получила из Рима от Его Императорского Высочества, В. К. Сергия и Павла Александровича следующую телеграмму: «Искренне сочувствуем вашему несчастию; имели счастливый случай знать вашего покойного мужа лично и ценить его большой талант, сердце столь полное любви к родине и ближнему и его благодетельное влияние; разделяем общее горе и понимаем потерю, понесенную вами и всю глубину вашего горя: да поддержит Вас Бог».

Очередной номер «ЦОВ» (№ 15 – 4 февраля) много внимания уделил погребению праха Ф. М. Достоевского. В частности, подчеркивалось, что «пожелавших сказать слово или прочитать стихи» было так много, что не всем им удалось исполнить это желание: «От женщин пожелала, например, говорить госпожа Архангельская, но когда она пробралась к ограде кладбища, то церемония уже закончилась. Все венки потом были сложены на могиле Ф. М. Достоевского.

Долго еще до самой вечерни толпился у могилы народ; многие уносили на память цветы из венков и старались добыть хотя бы просто зеленую веточку. В этом общем сочувствии писателю, в этой горячей любви к нему, выразившейся так рельефно, виден рост нашего общества, движение общественного сознания. Благо тому обществу, которое научается ценить своих деятелей».

Студенты Московской духовной академии прислали следующую телеграмму на имя супруги Ф. М. Достоевского: «Многоуважаемая Анна Григорьевна! Жгучею болью отозвалась в сердцах наших весть о смерти глубоко уважаемого нами супруга вашего! Позвольте же нам разделить с вами великое горе свое. Прискорбно, больно видеть нам смерть эту, отнявшую у России честного труженика-печальника и доброй души человека, жалка потеря деятеля, который радовался радостями русского народа и страдал его страданиями, который носил в сердце своем тяготы алчущих, жаждущих. Униженных и оскорбленных, который любил свою родину истинной любовью! Он любил не идеализированную Русь. А Русь со всеми ее слабостями и недостатками. Будучи далеким от того, чтобы восторгаться идеальными совершенствами русской жизни русского народа, он вместе с тем далек был от намерения бросаться грязью в эту жизнь и в этот народ. В самых невылазных болотах русской жизни русского быта он старался находить драгоценную жемчужину широко-доброй русской души и действительно находил ее. Самая даже маленькая черточка образа Божьего в человеке дорога была ему, потому что она являлась для него залогом лучшего будущего, залогом возможных лучших отношений между людьми.

Жалка нам потеря общего друга, который имел столь всеобъемлющее и любвеобильное сердце, что способен был примерить с собою самых разномыслящих людей, что почти всех их заставить подавать ему руку! Больно и горько нам видеть смерть истинного русского человека, который больше всех понял душу и сердце своего народа и уже, поэтому более других способен был указать ему его истинный идеал. Почивший любимец наш, ты сам советовал нам повторять всегда: упокой Господи всех усопших! В этот день, с великою скорбью, мы применяем теперь эти слова к тебе самому! Мир праху твоему, честный труженик на русской ниве! Да будет тебе, добрый человек, любовь Божия на небесах наградой за любовь твою к братьям о Христе. От лица всех студентов московской духовной академии Иван Яхонтов».

На девятый день после кончины великого русского писателя в газете (№ 15 от 4 февраля 1881 года) началась публикация воспоминаний о Ф. М.

Достоевском писательницы Л. Симоновой. В последующем они печатались в номерах 16, 17 и 18-ом «ЦОВ».

Прочтение воспоминаний Л. Симоновой не могло не вызвать желания побольше узнать об этом человеке. Поиски имени этой женщины в воспоминаниях А. Г. Достоевской, к сожалению, ничего не дали. В них упоминается лишь некий доктор Симонов, в лечебнице которого писатель лечился в начале 1874 года. Не удалось обнаружить воспоминаний Л. Симоновой и в двухтомнике «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников» (М.: Художественная литература, 1964). Правда, в библиографическом указателе, составленному к этому изданию С. В. Беловым, в числе 183 авторов воспоминаний о Ф. М. Достоевском было обнаружено имя Л. Симоновой. Однако ссылка на ее публикацию в «ЦОВ» давалась с рядом неточностей, а номер 17-й газеты, в котором была опубликована значительная часть воспоминаний, не был вообще упомянут. Не принесли удовлетворения поиски имени мемуаристки в самых разнообразных энциклопедиях. И только в Интернете удалось найти о ней какие-то сведения. Оказалось, что «Л. Симонова» – это литературный псевдоним Людмилы Христофоровны Хохряковой, родившейся в 1843 году. В «Википедии» указывалось, что Л. Симонова (Хохрякова) во второй половине XIX века была достаточно известной писательницей, автором повестей и рассказов, ряда публицистических, этнографических и других статей, которые публиковались под указанным псевдонимом на страницах «Русского паломника», «Родника», «Восточного обозрения», «Живописного обозрения», «Светоча», «Дня», «Церковно-общественного вестника», и других изданий. Писательница долгое время жила на Урале и Сибири, хорошо знала жизнь инородцев, очерки быта которых печатала в разных журналах. Достаточно известными были ее беллетристические произведения-романы «Баской» и «Чертово яблоко», рассказы из жизни раскольников – «Беглые», «Убила», «Отдохнуть бы». Отдельно были изданы ее книги: «Оленька» (Спб., 1876), «Лаача. Очерки из быта вогуличей», (СПб., 1882); «Эзе. Очерки из быта остяков» (СПб., 1883). В 1900 году в «Туркестанском сборнике» были напечатаны записанные ею со слов очевидцев «Воспоминания о взятии Самарканда», посвященные событиям 1868 года, когда его заняли украинские войска с последующим включением в состав России [124]. Примечательно, что в «Википедии» в то же время не было ни одного слова о Симоновой (Хохряковой) как автора воспоминаний о Ф. М. Достоевском. Последнее делает весьма актуальным публикацию их в нашем издании.

Различные материалы, касающиеся жизни и деятельности писателя, публиковались на страницах «ЛЕВ» и после его похорон. Так в отделе «Современное обозрение» журнала № 18 от 11 февраля сообщалось: «Недавние похороны знаменитого нашего писателя Ф. М. Достоевского вызвали массу статей и воспоминаний о нем, и нельзя не согласиться, что если кто, то именно Достоевский заслуживает особое внимание к себе со стороны общества, считавшего его лучшим своим членом, лучшим и наиболее сильным

выразителем его задушевных стремлений. В превосходной статье, напечатанной в «Голосе» В. И. Модестова особенно удачно обрисовывается характер деятельности Достоевского и те идеалы, которыми он жил и которые проводил в своих бессмертных творениях. При запутанности понятий о консерватизме и либерализме, существующих в разных странах и в разные эпохи жизни человечества, Достоевского трудно, по мнению автора, отнести к тому или иному лагерю. Но если под консервативным стремлением понимать охрану существующего, противодействие нововведениям, удержание прав и привилегий известных общественных групп без внимания к целому населению государства, сопротивлению естественному течению народной жизни в политическом, экономическом и нравственном отношениях, а под либеральным и освободительным – стремление к устранению наиболее крупных недостатков действительности, к распространению облегчительных условий жизни в народной массе, к введению новых начал в общественную жизнь, к доставлению законных прав человеческому разуму, – то общественное значение Достоевского определяется само собою. Достоевский говорил г. Модестову, жил и дышал мыслью об освобождении нашего отечества от всевозможных путей, препятствующих появлению действительных сил русского человека, которых он считал великим и могущественным. Он требовал полной свободы печати, полной свободы совести, полного доверия со стороны власти к русскому народу. Он не только желал всего этого, но и верил в осуществление своих желаний, верил гораздо больше, чем позволяют увлекаться такими мечтаниями современные обстоятельства. «У нас, – говорил он в последнем своем дневнике, – гражданская свобода водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе и даже в Северной Америке». А меду тем тот же самый Достоевский за тридцать один год до смерти был присужден к расстрелу и за что? Приговорить человека к лишению жизни за участие в разговорах о строгости цензуры, о возможности улучшений и перемен, которые он ожидал от самого правительства, и т. п. – этому не поверил бы никакой историк России, а между тем это было иногда полною, хотя и жестокою действительностью. Накинем пелену забвения на это печатное прошлое, как забыл его в последствии сам Достоевский, пламеневший столь чистою любовью к свободе и столь горячею верою в обновление своего отечества».

Немалое место в журнале занимала перепечатка материалов о чествовании памяти Ф. М. Достоевского, помещаемых в других российских изданиях: «В ~~«М~~олве” сообщалось: Торжественное собрание ~~«С~~.-Пб. Славянского благотворительного общества” в день памяти первоучителя славянства св. Кирилла, 14 февраля, было всецело посвящено чествованию памяти нашего даровитого писателя Ф. М. Достоевского, состоявшего товарищем председателем ~~«с~~лавянского общества”. На эстраде большой залы С.-Пб. Городской Думы, в которой происходило собрание, красовался украшенный зеленью тропических растений, исполненный тушью портрет Достоевского. К 8 часам зала переполнилась самою разнообразною публикой. В

числе которой в особенности видное место занимала учащаяся молодежь. По прочтении секретарем отчета о деятельности «общества» в 1880 г., чествование памяти Достоевского началось речью председателя профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Память покойного писателя почтил речью также профессор О. Миллер, прочитавший стихотворение Случевского и «Воспоминания о Достоевском» А. Майкова. Особенно интересна речь Н. Н. Страхова, стоявшего в близких отношениях к Достоевскому по сотрудничеству в журналах: «Время», «Эпоха» и «Заря» и имевшего случай беседовать с ним о разнообразных вопросах. В своей речи г. Страхов, рассматривая литературную деятельность г. Достоевского, выяснилось, обладая, как и другие писатели, чувством благородного негодования и сожаления к недругам России, он никогда не переступал тонкую черту, за которую эти добрые качества становятся недостатками. Достоевский в этом отношении был безупречен – из страданий он никогда не выносил озлобления и всегда был готов страдать безропотно. Около шестидесятого года, когда были в большом ходу литературные чтения и покойный читал в некоторых из них отрывки из своего «Мертвого дома», он говорил г. Страхову: «Мне всегда неприятно читать их, выходит так, что я как будто жалуюсь». Одно из главных достоинств Достоевского, по замечанию оратора, заключалось в том, что он признавал за всеми человеческие права и что с каждым своим новым произведением спускался все глубже и глубже в душевные центры, что каждая его картина поражает своею душевною правдою. «Над гробом покойного, – заметил г. Стахов, продолжая свою речь, – раздавались слова: прощение и любовь – идеал христианина. Вот идея, которую отметил Достоевский в своем «Дневнике». «В идеале христианина он нашел оправдание своей любви к простому народу и горячему патриотизму». Заканчивая свою речь, оратор обратил внимание на присущую Достоевскому, кроме общей симпатии к оскорбленным и униженным, черту, заключающуюся в стремлении показать темные стороны оторвавшихся людей сороковых годов и нигилистов, причем он менее всего щадил первых из них и относился с отеческою скорбью к последним. По исполнении известным хором любителей под управлением г. Бермана нескольких соответствующих случаю стихотворений и в том числе «Приди ты, немощный, приди ты, радостный» Аксакова, заседание закончилось заключительной речью Ф. О. Миллера, в которой он, на основании «Дневника», очертил взгляд Достоевского на общинное начало. В последнем, покойный видел задатки нового лучшего строя жизни. Отношение Достоевского к русскому народу и участие его к славянству было, по словам оратора, не случайное, а явилось прямым и логическим последствием всех его воззрений на оскорбленный и приниженный мир.

В «Петербургском листке» приведена выдержка из того «Русского Инвалида» за 1849 г. (22-го декабря № 276), где напечатан приговор по известному делу Буташевича-Петрашевского. Номер этот в настоящее время очень трудно достать и поэтому жаль, что газета не перепечатала целиком заключающего в нем документа, который сделался теперь достоянием истории. Впрочем, «Петербургский Листок» имел ввиду, приводя эту выдержку, не

самое дело Петрашевского, а преимущественно отношения к нему покойного Ф. М. Достоевского, из романа которого ―Идиот" он затем весьма кстати заимствует страницу, находящуюся в тесной связи с этим делом, так как знаменитый писатель очевидно рассказывает в ней впечатления, пережитые им по объявлении ему вместе с другими участниками того же дела смертного приговора» [69].

Таким образом, публикация «ЦОВ» ряда материалов, связанных с кончиной Ф.М. Достоевского, позволила редакции издания не только выразить по отношению к покойному писателю свое огромное почитание и уважение, раскрыть ранее малоизвестные стороны его жизни и творчества, но и отразить свое идейно-политическое кредо через акцентирование внимания читателя на высказывания писателя. которые казались редакции наиболее правильными по отношению к развитию как русской литературы, так и ко всему общественному движению в России. Завершить анализ опубликованного в «ЦОВ» можно суждением о Достоевском архиепископа Иоанна (Шаховского) из его книги «Беседы с русским народом», опубликованными на страницах современной газеты «Русский Вестник»: ―Достоевский слишком ярок, его трудно затемнить или использовать в каких-либо политических целях... Достоевский гениально вскрывает бессмыслие построения человеческого общества на предпосылках материализма. Человек, по Достоевскому, есть существо духовно-физическое, в нем есть два мира — духовный и материальный, и он может нравственно-свободно духом возвышаться над материей...

Достоевский остро вскрывает всю демоническую (анти-Божескую и ан-тичеловеческую) сторону принуждения людей к определенному коллективному счастью, понимаемому материалистически. Достоевский показывает, что государственно-принудительное, безбожное счастье есть, в сущности, ад. Вдумайтесь в идею романа «Бесы». Это — пророческая книга о России и о ее судьбах...

Видение мирового зла у Достоевского было глубоким, пророческим, даже, можно сказать, необычайным среди писателей как русской, так и всей мировой литературы.

Автор ―Братьев Карамазовых" не только верно видел все изгибы зла, но и указывал верный путь борьбы со злом, путь Божией над ним победы, путь Христовой правды. Это он мог видеть потому, что душа его касалась огненного страдания за людей; и его любовь ко Христу и к людям прошла чрез большое испытание — и страдание — борьбы со злом в его собственной душе.

В произведениях Достоевского звучит могучее, правдивое обличение всех нравственных подделок и социальных утопий, пытающихся без веры в живую душу человека создать человеческое счастье. Счастье может строиться только из бескорыстного, чистого добра, из любви к Богу и человеку» [101].

Поставив точку в этом небольшом исследовании, я через какое-то время вполне случайно наткнулся в своей коллекции старых российских периодических изданий на одну из публикаций, также касающуюся Ф. М. Достоевского, вернее его предков. Речь идет об одном документе,

опубликованном на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (Вильно. – 1895 г. – Т. 1. – Кн. 2. – с. 35–37). Оказалось, что его содержание совсем не известно современным исследователям темы «Достоевский и Беларусь» [13]. Вот текст этого документа: «Лета Божьего нарожена тисеча пятсотъ осжьдесятаго мца марца десятаго дня. Передомною Яномъ Грушего лейтвойтомъ Менскнмъ и передъ нами Бурмистры Минскими Иваномъ Филиповичомъ райцы и давники постановившысе обычне въ рачушы земенинъ государски повету МенскомА панъ Стефанъ Ивановичъ Достоевскш сподьнн з малжонкою своею панею Богданою Богдановною одно-стайно оповедали и сами добровильне до книгъ ратушныхъ вызнали ижъ две дворыщи своихъ вдастныхъ дичныхъ паши Богданы Богдановны посподе лежачыхъ ничымъ никому не виниыкъ, ани пенныхъ, которые есть тутъ в мести государскомъ Менскомъ подъ дри-судомъ Местскимъ ратушньшъ противъ церкви святое Пятницы обмежу домомъ Ивана Оеанасевича Огиболовича з другое стороны дворыщомъ небожъчика Макара Шышчыча а от болота через улицу против дворыща Олехня Ханковича Самуиловича продали есть и на вечность отъ тыхъ обудву дворыщ посполе лежачыхъ отступили священнику Пятницкому Менскому отцу Евтихею Василевичу за певные пенези то зъ за де-сеть копъ дгрошеи монеты и личбы литовское зо всимъ правомъ власъностю и дедичствомъ ничого сами на себе детей лотомковъ и всихъ близскихъ кровных и повинных своих там в тых дву дворыщах даходав пожытков и ниякого вступу не зоставуючы але и ничымъ непорушне так яко сами тые две дворыща до сего часу мели и держали стым тепер правом ихъ пустили и поступили а на вечные часы напреречонаго, священника Пятницкаго самого жону детей и потомков их таковое право влили и им ку держаню вживаню, и розшыреню водле воли и баченя их тые две дворыща в границах вышей менованых завели и вже от сего часу им поступили и переднами на враде местскомъ, вздали якож и та пан Стефанъ Достоевский з малжонкою своего перед нами вызнали иж тую десеть копъ грошей сполна у водличоных пенезех от священника Пятницкого за тые две дворыща до рукъ своих взяли съ которых от себе самыхъ и потомков своих свещеника Пятницкого жону детей и потомков их квитовали и их с того на вечные часы водными учинили; котороежъ продане оных двох дворыщ и квитоване и взятя за нихъ десети коп грошей перед нами враде местом естъ се стало и за прозбою свещенника Пятницкаго тут же перед нами будучого до книг ратушныхъ записано о которых и сей вышисъ под печатю местъкою свещеннику выдань писан у Минску. ***Сергей Матосевич,*** писар мески Менски».

Документ этот был препровожден в редакцию при нижеследующем письме.

«г. Редактор! Сочувствуя труду вашему для блага и пользы отечества, я решился представить копию документа на бывшие два плаца при Пятницкой церкви в Минске. Церковь эта ныне не существует; но все-таки хорошо будет, если об ней сохранится память в русском народе западного края. Смею

надеяться, что эта копия получит место в вашем журнале с прочими древними документами, запоминающими сердцу русского человека про его святыню, насильно присвоенную и уничтоженную римскою пропагандою и полонизмом. Время может истребить и самый документ на ее существование; но не истребить вашего труда переданного в печати народу. Благодарим автора письма за доставление нам этого документа и просьба впредь сообщать нам подобные сведения» [18].

Характерно, что публикация данного документа, судя по всему, не преследовала цель ознакомить читателей издания с родословной писателя Ф. М. Достоевского. К этому времени его имя еще не обрело всероссийской известности. Этот материал был опубликован в ряду других документов под заголовком «Материалы, касающиеся истории Православной Церкви в Западной России».

В проведенном мною исследовании имеется и личностный аспект, отражающий давнюю и крепкую любовь к творчеству великого писателя. Помнится, что весной 1972 года, будучи руководителем музейной практики студентов второго курса исторического факультета Гродненского пединститута, которая проходила в городе на Неве, первое, что я сделал, так это отправился с ребятами в Александро-Невскую лавру к могиле Ф. М. Достоевского, где меня неумело запечатлел какой-то студент с помощью старенького фотоаппарата «Смена».

Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском

Завершаю данный сюжет публикацией выявленной мною на страницах «ЦОВ» воспоминаний о писателе Людмиле Симоновой (Хохряковой).

Не стало Федора Михайловича Достоевского. Тяжкая утрата эта чувствуется всеми. Весь Петербург толпился у гроба человека, страдавшего всю жизнь, но в страдании сумевшего сохранить беззаветную любовь к родине и человечеству. И други и недруги все смешалось в одну толпу; в общей скорби нельзя было распознать людей, восторгавшихся произведениями Достоевского, глубоко любивших и уважавших покойного, от тех, которые позволяли себе глумиться над ним. Все стало быть без изъятия сознали, что оставивший нас человек, как высокий художник, как глубокий психолог и мыслитель, незаменим. Давно ли мы потеряли Писемского, и вот за ним последовал Достоевский. «Старые силы отходят, а на новых, на грядущих людей, пока еще только разбегаются глаза» [126]. Без сомнения, Достоевский был близок и нашему духовенству как романист, поднимавший глубокие религиозные вопросы и защищавший религию и церковь. И с этой стороны другого Достоевского пока не предвидится. В «Церк.-общ. вестнике» за 1876 и 1877 года нам приходилось несколько раз знакомить читателей с Федором Михайловичем, как с автором «Дневника Писателя». Мы приводили многие из его мнений, цитировали его, так что и те из наших читателей, которым не

случилось иметь под рукою полных произведений покойного, все-таки отчасти знакомились с Достоевским.

Глубоко уважая покойного, как писателя, и зорко следя за его произведениями, имела счастье знать его и как человека, и как прекрасного семьянина, обожаемого детьми и супругою, — этим добрым гением Достоевского, оберегавшим каждый волос на голове его, подстерегавшим каждый его вздох.

Федор Михайлович был человеком до чрезвычайности впечатлительный, нервный, крайне раздражительный, но добрый, чистосердечный и отзывчивый на каждое искреннее чувство. Быстрые переходы от чрезвычайной ласковости и дружелюбия к взрывам раздражения объясняются его болезненно-потрясенным организмом (вследствие каторги и припадков падучей болезни). Но если в минуты раздражения являлось лицо, искренно преданное ему, со словами чистой приязни и участия, то хотя бы лицо это предстало перед Достоевским в первый раз в жизни, всѐ равно, оно делалось тот час-же его другом, на него изливал он всю глубину своей любви к человеку, ему открывал: всю горечь, накипевшую в душе. Тут конечно и речи не могло быть о церемонных поклонах и избитых речах первого визита. До такой степени он был доверчивым человеком, что к нему можно было прямо придти и сказать: «Федор Михайлович, я вас ценю и уважаю потому-то и потому-то». Он непременно дружески протянет руку и ответит: «Спасибо! и я люблю вас, потому что уж если вы пришли и сказали мне это так просто; и чистосердечно, то стало быть вы человек добрый и прямодушный». Много людей познакомилось таким образом с Достоевским, особенно женщин. Их тянула к нему сила - его слова и глубина мысли. А теперь я расскажу о своем первом посещении и дальнейшем знакомстве моем с Федором Михайловичем, тем более, что при этом часто приходилось беседовать с ним о вопросах близких нашему духовенству. Очень многие из произведений Достоевского заставляли меня переживать такие минуты, какие пережило наше общество, слушая речь знаменитого писателя в Москве, во время Пушкинского юбилея. Много раз хотелось мне взглянуть на человека, который умеет так потрясать сердцами людей, и убедиться таков ли он запросто, в своей домашней обстановке, каким кажется в, романе или дневнике, т.е автор и человек составляют ли в нем одно и тоже? Решаясь пойти к нему, я ужасно волновалась и много раз отступала, зная, что он человек нервный. Однако в апреле 1876 года, со страшно бьющимся сердцем в сознании всей нелепости своего поступка, я робко в вступила в его кабинет.

Он жил тогда на Песках, у Греческой церкви, нанимая скромную квартирку на третьем этаже. Как теперь вижу его кабинет, маленький, в одно окно; меблировку составляли кожаный диван, письменный стол, заваленный газетами и книгами, несколько плетеных стульев да небольшой столик у стены. Неизменными атрибутами этого столика были стакан холодного чая да пузырьки с какими-то лекарствами.

Сам он в то время был худой, желтый, кашлял, жаловался на одышку, говорил сиплым голосом, почти шепотом. Не помню, как я объяснила причину своего: посещения да и объяснила ли ее? Ему не нужно было объяснений, он часто с одного взгляда угадывал все, что творилось внутри человека. Помню только, что он взял меня за руку обеими руками; посадил подле себя на диване, просил успокоиться и заговорил о своих «Дневниках» (их тогда вышло три). Узнав, что я их все читала, он остался доволен и стал жаловаться на то, что у нас нет критиков, серьезно и беспристрастно относящихся к делу, что рецензенты наши избрали странный метод для разбора книг, что они не прочитывают сочинений, а слегка пробегают и высказывают свои мнения или в виде шутки, или в виде брани, более, относящейся более к личности автора, чем к его произведению.

— Вот мои романы «Идиот» и «Подросток» тоже до сих пор не поняты, сказал он между прочим.

Тут я вспомнила, что в «Подростке» меня поразила мысль, высказанная им об атеизме. Мысль эта настолько замечательна и оригинальна, что отрывки, дающие понятие о целом, можно привести и здесь.

Речь шла о людях, потерявших веру в Бога.

«И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни и разом почувствовали великое сиротство. Осиротевшие люди тотчас стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь одни составляют все друг для друга... Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга, каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого, и пр».

Напомнив ему это место «Подростка», я выразила свое удивление по поводу того, что его атеисты напоминают собою идеальнейших христиан.

— Да, ответил он, мне бы хотелось, чтобы они были такими, но это мечта. Они без Бога перегрызут горло друг другу и больше ничего.

Вскоре после того он добавил:

— А ведь и эту мысль они назовут парадоксом.

Кто они? Ятогда не знала, но потом, вслушиваясь в частое повторение того же местоимения в связи со смыслом фразы, догадалась, что под этим словом он подразумевает современных ему рецензентов.

Я помню, что старалась успокоить его, и высказала мысль, что публика, несмотря ни на какие рецензии ценит его, что молодежь его любит, что женщины особенно зорко следят за ним, читают его и глубоко вдумываются. На мысли о женщинах он остановился.

— Я давно слежу за ними, сказал он, многие были у меня подобно вам, от других я получил письма.

Он начал говорить каким-то нерешительным, задумчивым тоном, но мало-помалу явилась сперва теплота, потом горячность в суждении и симпатичные речи о женщинах полились рекою.

Разумеется, я не буду распространяться о всех подробностях знакомства, а перейду прямо сперва к тому свиданию, в котором Федор

Михайлович испытывал меня, а затем приведу его мнение по вопросу о второбрачии духовенства. Две эти сцены тогда же мне показались настолько характерны, что я, по приходе домой, тотчас же записала их, а потому имею возможность довольно верно воспроизвести слова Федора Михайловича.

В конце лета того же 1876 года я начала писать уже известный читателям «Церк.-общ. вестника» рассказ: «Испорченный», и вздумала поделиться этою новостью с Фѐдором Михайловичем. Он был в то время заграницей на водах. Долго я ждала ответа, но ответа не было. Я начала думать, что он просто не удостаивает меня письмом. В сентябре уже кончила рассказ, как вдруг получаю следующую записку с выговором: «Ваше письмо застало меня в Эме на самом выезде. Прибыв в Старую Руссу, я хворал и писал августовский №. Цензура выбросила печатный лист, надо было написать еще лист в самые последние дни, затем переезд из Старой Русы и искание вашего адреса. Вы, по дамскому обыкновению, не выставляете Вашего адреса при каждом письме: дескать, он должен знать. Но наизусть знать нельзя, а тетрадка с адресами может затеряться (как и случилось). А потому пишу по первому старому, очень неопределенному адресу, и не знаю дойдет ли?

Про здоровье мое я ничего не могу сказать: кажется плохо, больше ничего не знаю. Если приедете, то, конечно переговорим. А теперь очень занят и спешу кончить. И так приходите».

Весь ваш Ф. Достоевский.

Дав время выйти августовскому «Дневнику», я отправилась к Федору Михайловичу. На вопрос мой о здоровье он ответил:

– Плохо. Совсем плохо. Заграницей не поправился, а еще хуже стало.

И действительно он страшно изменился. Казался бледным и истомленным. Говорил совсем шепотом, задыхался более прежнего и сильнее кашлял. И по лицу видно было, что он близок к концу — и совсем плох. Мне даже вдруг пришла мысль, что он не доживет до зимы, и эта мысль уколола меня до боли. Чтобы не дать ему понять того, что происходило внутри меня, а по возможности равнодушным тоном сказала:

– Вы верно простудились?

– Да простудился, – сказал он и вдруг на меня рассердился, именно рассердился. Должно быть за, этот равнодушный тон и за такую, пустую причину болезни, которую я выставила в виде предположения.

– Да простудился, повторил он резко, давно простудился, и теперь простужаюсь, и потом буду простужаться. Вся жизнь простуда, А теперь вот дошел до того, что не могу по лестнице ходить, одышка страшная.

– Так вот причины, вызывающие болезненные явления, и нужно устранять, – сказала я, – это полезнее лекарств.

– То есть, какие же тут причины вы видите? – спросил он уже спокойно.

– Да вот первым делом квартиру нужно переменить чтобы не было этой лестницы.

– А я не хочу, – перебил он меня, – не хочу и не хочу, и снова рассердился. – Пусть борьба. Мне трудно взбираться, а я нарочно буду – значит, я борюсь. Мне вот нынче трудно выходить, да я почти никуда и не хожу, а вот что это должно быть годы старости подходят, все хочется прилечь, отдохнуть, а после, обеда и соснуть, а я, борюсь, и нарочно в это-то самое время вот эти самые ноги, которые не хотят двигаться, заставляю ходить, и он указал на свои ноги, обутые в довольно узкие сапоги.

Эти фразы звучали болезненно–раздражительно и производили тяжкое впечатление. Мне так и хотелось его до нельзя прилично одетую фигуру тут же облечь в халат, туфли и уложить в постель, но я об этом и заикнуться не смогла, понимая, что и домашние его при таком раздражительном настроении его духа ничего не могли бы поделать. Я поняла, что, идя таким путем, он мучает себя, издевается над собою и наблюдает, насколько у него хватит сил, хотя при этом и сознает, что вследствие непосильной борьбы наступит конец.

— Ну а вы что, написали? – Спросил он меня наконец.

Я ответила и, подавая рукопись, просила его прочитать и высказать свое мнение.

Он взял рукопись, взглянул на неѐ мельком и засунул на своем письменном столе под кучу бумаг.

— Хотите, я вам сейчас скажу свое мнение? – Проговорил он как-то ядовито и стал пристально смотреть на меня. – Ваша повесть скверно написана, непременно скверно (и на слове «скверно» он делал ударения). Теперь все скверно пишут, – продолжал он с ожесточением, – даже наши знаменитые романисты, ни один ничего порядочного не написал, а напротив все до единого «скверно», и когда спрашивают моего мнения, я так и говорю скверно! И этим я много врагов себе наживаю. Один известный писатель лет пять тому назад дал мне для прочтения свою повесть, и тогда я сказал, что это скверно. Он сделался заклятым врагом моим. Так у всех самомнение развито, и хотя я потом и похвалил его следующую повесть, только для того, чтобы его утешить, но уж ничто не помогло. Та же повесть, которую я назвал скверною, имела успех, но он все-таки на меня смотрел как на врага и вот недавно еще сказал мне: «А ведь сознайтесь, что вы тогда ошиблись?» Нет, говорю, не ошибся, и хоть повесть ваша и имела успех, а все-таки скверная повесть. Он теперь пишет еще слабее того, но имеет успех. Это, знаете, у них по инерции. Угодил раз публике, а потом пойдет и пойдет катиться, и долго будет катиться. Вот совсем дрянненькая газета, а идет по инерции и еще лет шесть катиться будет. Да и все газеты наши дрянь-воры. Меня положительно обкрадывают. Что ни скажу – говорят парадокс, а потом смотрю мою мысль подцепят и раскрикивают, да еще целиком мои мысли выписывают.

Я слушала и молчала; видела, что человек на всех и на все озлоблен, и возражать ему в чем бы то ни было или спрашивать объяснений было невозможно, да и не хотелось. Напротив, хотелось лучше весь мир выбранить, только бы успокоить его, а он продолжал:

— И меня они – совсем никто не понимает. Им понятно только то, что у них на глазах совершается, а заглянуть вперед они не только сами по близорукости не могут, но и не понимают, как это другому могут быть ясны, как на ладони, будущие итоги настоящих событий. Да вот еще меня нынче цензура обрезала, статью, где я Петербург по отношению к России Баден-Баденом назвал, целиком вычеркнула, да о восточном вопросе тоже почти всю; а что я о распределении земли говорил, сказали – социализм и тоже не пропустили. А ведь мне это горько, потому что дневники я издаю с целью высказать то, что давно гнездится в голове моей. А вы еще что-нибудь думаете писать? – Вдруг обратился он ко мне.

Я отвечала, что начала писать повесть из народного быта, понятным для народа языком и имею целью заставить ею русского простолюдина иначе взглянуть на отношение его к своей женщине, что я думаю издать эту повесть отдельной брошюркой на свой собственный счѐт, а затем, смотря потому, как она пойдет, увижу, продолжать дело или нет.

Федор Михайлович пристально посмотрел на меня исподлобья своими светящимися испытующими глазами, и проговорил ядовито:

— Ничего из этого не выйдет, потому что вы и в духе народном не напишите и сбыта не найдете. Все вы какие-то неумелые.

Кто, все мы? Я этого не понимала; он продолжал:

— Вот я бы написал, я бы попал в ту точку, в которую требуется, да и напечатал бы двадцать тысяч экземпляров и все бы тотчас же с руками оторвали. Знаете что? Ведь вы нечаянно мою мысль высказали, я еще лет пять тому назад задумал этот план.

– От чего же вы не привели его в исполнение?

– Не имел времени.

– А теперь?

– А теперь опоздал, потому что вот у вас появилась та же идея?

– Полноте, да разве это может быть помехой?

– Я и теперь не имею времени. Вот связался с этими дневниками, просто, закабалил себя. Работы много, а вознаграждение плохое. А я бы сразу мог состояние составить, в короткий срок двадцать пять тысяч капиталу приобрел, а теперь вот связан, дневника бросить нельзя, новая полугодовая подписка началась.

—Да неужели писание дневника отнимает у вас все время?

— Все время, – ответил он отрывисто, – едва успеваю.

Я поняла, что он испытывал меня, что он предположил во мне то корыстолюбие, которое будто бы от себя высказывает, и думает поддразнить меня. Я замолчала и стала наблюдать за ним.

– У меня вот приятель есть в Москве, продолжал он, издатель народных книжек, миллионер, он бы у меня по двадцать тысяч экземпляров за раз брал.

Федор Михайлович замолчал и долго смотрел на меня испытующим взглядом, а я наблюдала его.

– Кроме того, – заговорил он снова, – я и другие пути знаю, а вы ведь верно никого не знаете?

И светящийся проницательный взгляд его снова остановился на выражении моих глаз. Я назвала то лицо, к которому мне советовали обратиться.

– Из этого ничего не выйдет, проговорил он решающим тоном, серьезным и спокойным. – Этот человек у вас ни одной книжки не купит. Он возьмет на комиссию сколько хотите, а потом при учете и возвратит вам непроданные, так что их девать будет некуда. Он так с моим дневником поступил.

Вдруг лицо его засветилось насмешкой и поддразнивающим тоном он сказал:

– А я знаю секрет, по которому народные книжки сейчас бы разошлись…

И он сделал вид, как будто бы он хотел, наконец, высказать мне эти пути, этот секрет, чуть-чуть было не проговорился и вдруг спохватился вовремя и раздумал. Как будто бы я затем и пришла, чтобы выведать у него какие-то пути к приобретению капитала. Я поняла, что он в воображении своем создал какую-то сцену и играл в ней главную роль. Ему казалось, что он судья, а я подсудимая. Но как ни был проницателен Федор Михайлович, а не догадался, что в то время я составляла его публику.

Вероятно, это произошло потому, что он наблюдал меня не такою, какою я была, а с точки зрения, им же мне приписанной. Он продолжал говорить странные вещи о своем корыстолюбии и алчности, бросая этим по-прежнему камешки в мой огород, т. е. продолжая меня испытывать. А чем резче и ядовитее он говорил, тем мне становилось все более и более жаль его, жаль до боли и до слез. Не знаю, долго бы это продолжалось и чем бы это кончилось, но я не могла более сносить этой мистификации и встала, чтобы проститься, но при прощании у меня как-то сорвалось с языка:

– Что это с вами сделалось, Федор Михайлович? Что это вы напустили на себя сегодня? Ведь я этому ничему не верю и вы все тот же! Сбросьте эту гадкую скорлупу, которую вы на себя накинули.

– И вдруг ласково улыбнулся; выражение лица стало доброе, мягкое, глаза засветились прежнею широкою любовью. Он крепко потряс мою руку, близко наклонился ко мне и заговорил торопливым прерывистым шепотом:

– А вы странный человек! И мне ужасно хочется узнать, такова ли вы в самом деле, какою кажетесь? И какой вы судебный следователь! И еще, знаете что? Мне кажется, что мы с вами скоро поссоримся и что с вами легко поссориться.

– Да за что же?

– Вы знаете, чтобы сохранить друзей, никогда не нужно читать их сочинений и высказывать им свое мнение.

– Так выбросите мне мой рассказ назад, а я буду думать, что вы его прочли, и что он скверен. Так на том и порешим.

– Нет! Нет! Теперь уж он у меня там далеко лежит, и я его прочту, прочту непременно.

Провожая меня, он вышел было на площадку сеней. Я втолкнула его назад в прихожую и порекомендовала туфли, халат и диван.

– К чему? Борьба-борьба! – отвечал он.

После этого свидания я два дня мучалась мыслью, что побеспокоила человека больного, раздражительного и занятого прочтением моего рассказа, да еще в рукописи, как будто он не мог прочитать его в печати, если бы сам этого захотел. Мысль эта мне до того не давала покоя, что на третий день вечером я отправилась к Федору Михайловичу с целью взять рассказ непрочитанным. Я нашла его лучше прежнего. Хотя цвет лица и был по–прежнему зеленый, но одышки не было заметно и вообще выглядел он бодрее. На мою просьбу возвратить рассказ он молча подал мне рукопись, молча поклонился, а потом укоризненным, но мягким тоном заметил:

– Вы ведь хотели придти за рассказом в пятницу, а пришли в среду; вы заставили меня врасплох.

Мне показалось, что слово «врасплох» означало: «рассказ не прочитан» и, нисколько не удивляясь этому, я стала прощаться. Он проводил меня в прихожую. Молча смотрел, как я надевала калоши и тальму, и вдруг, когда я взялась за ручку двери, проговорил раздражительно:

– А вы именинница сегодня!

Я остановилась перед ним и не знала, что делать от удивления.

– Да, именинница. На вашей улице праздник, а я в дураках!

Я сказала, что ничего не понимаю.

– Да–да, не понимаете, – сказал он недоверчиво, – вы отлично выдержали, я бы так не сумел. Именинница, поздравляю, а я в дураках. Дескать наплевать тебе…

И вдруг каким-то умоляющим голосом, протянув ко мне обе руки, заговорил:

– И за что вы меня так обижаете, что я вам сделал, за что высказали вы мне такое пренебрежение?

Теперь я догадалась в чем дело и страшно испугалась.

– Ведь я прочел, всю ночь просидел за «испорченным», – продолжал он, – а вы? Дескать, знать не хочу и плюю на твои мнения. И вы выдержали характер, а я в дураках.

Я сбросила колоши и тальму, взяла его за руку, и мы рука об руку прошли через гостиную, вошли снова к кабинет и остановились у письменного стола. Я высказалась, как умела, и старалась его успокоить. Он же очень волновался и говорил как бы торопясь. Рассказ он похвалил и начал разбирать сцену за сценой, улавливая такие мельчайшие черты в характерах действующих лиц, что я была поражена, и сама только тогда знакомилась со своим же произведением, так как многое, на что он указывал, вылилось просто нечаянно, инстинктивно. Он много говорил, и чем далее шел, тем более увлекался. При чем все время не выпускал руки моей. В то время, когда он от самого рассказа перешел к вопросу, составляющему суть «Испорченного», к вопросу о второбрачии духовенства, в кабинет вошел какой-то господин во фраке и с

цилиндром в руках. Господин этот совершенно бесцеремонно подошел к Федору Михайловичу и перебил его.

– А, это вы? – Проговорил ему ласково Федор Михайлович и протянул руку, потом вдруг сухим, резким тоном добавил:

– Ведь вы видите, что мы заняты, и неужели не могли подождать в гостиной? Покорнейше прошу туда.

Здесь хозяин подошел к своему гостю спиной и стал продолжать высказываться:

– Второбрачие, – заговорил он с прежним жаром, – насущный вопрос духовенства, и вопрос этот воспет о скорейшем разрешении. Но напрасно-напрасно вы взяли эту тему. Труд ваш даром не пропал. Меня тоже просили искать об этом в дневнике, но я не скажу, потому что не хочу бросать горох в стену. Ничего из этого не выйдет. А почему? Почему? – приставал он ко мне. – Вы знаете, почему?

И сам же ответил на свой вопрос, расставляя и отчеканивая каждое слово:

– Потому что для разрешения этого вопроса нужно, чтобы собрался Вселенский собор. А разве это может быть теперь? Может быть после, со временем, но не теперь. Апостол Павел заповедал иметь одну жену. Они из этого и вывели ошибочное, ложное заключение. А разве апостол Павел был злой человек?

Он остановился и как бы ждал моего ответа. Я молчала.

– Я вас спрашиваю, скажите же: апостол Павел добрый или злой человек.

– Добрый! – Ответила я тоном школьника.

– Ну конечно! Конечно добрый, – заговорил горячо Федор Михайлович; он эти слова сказал ввиду идолопоклоннического многоженства, т. е. что бы они не имели двух или трех жен одновременно, а Вселенский собор этого не принял во внимание и ограничил в этом отношении наше духовенство, поставив его тем в безвыходное положение.

Вошла горничная с докладом о дожидавшемся господине.

– Ах, Боже мой! Не мешайте, пусть подождет, – сказал нетерпеливо Федор Михайлович, но к теме уже не возвращался, а отнеся лично ко мне со следующими словами:

– Да! – я все-таки не знаю, добрый вы или злой человек? Вы для меня ужасно странный человек! А теперь знаете что! Я вспомнил, что моя жена давно желала познакомиться с вами.

Он вышел в домашние комнаты и вывел за руку Анну Григорьевну, а потом взял за руку меня и соединил наши руки, как соединяет отец или мать жениха с невестой. Сам же, отойдя шага на два, с улыбкою смотрел на нас, весь сияя добротою и любовью.

Вот каков был Федор Михайлович!

А теперь я перейду к тому свиданию, где мне пришлось быть свидетельницею одного переворота, совершившегося с ним и уж, конечно, отразившегося на дальнейшей его деятельности и литературе.

Федор Михайлович был единственный человек, обративший внимание на факты самоубийства; он сгруппировал их и подвел итог, по обыкновению глубоко и серьезно взглянув на предмет, о котором говорил. Перед тем как сказать об этом в дневнике, он следил долго за газетными известиями о подобных фактах, - а их как нарочно в 1876 г. явилось много, - и при каждом новом факте говорил: «Опять новая жертва и опять судебная медицина решила, что это сумасшедший! Никак ведь они не могут догадаться, что человек способен решиться на самоубийство и в здравом рассудке от каких-нибудь неудач. Просто от отчаяния, а в наше время и от прямолинейности взглядов на жизнь. Тут реализм причиной, а не сумасшествие».

Следует добавить, что Федор Михайлович грустил о каждом самоубийце, как бы о близком ему человеке. И вот он вдумывается в положение самоубийцы, глубоко проникает в психическое состояние несчастного, рассматривает самые сокровенные изгибы его сердца и все это выливает в четвертой статье первой главы октябрьской книжки «Дневника» за 1876 год, озаглавленной «Приговор». Для того, чтобы читатель понял то состояние души Федора Михайловича, о котором я буду говорить и которым закончу свои воспоминания о нем, я должна привести несколько извлечений из «Приговора». Некоторым из читателей эти извлечения будут может быть совсем новыми, другим же напомнят давно пережитое впечатление. «Приговор», одно из выдающихся произведений своего пера, Федор Михайлович изложил от лица человека, решившегося на самоубийство, человека, разумеется, не верующего ни в промысел Божий, ни в загробную жизнь, но вместе с тем человека образованного, не только понявшего, но и уяснившего себе, разумеется, по-своему, задачу жизни.

«В самом деле: какое право имела эта природа производить меня свет, вследствие каких-то там вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу сознал. Я сознающий, стало быть страдающий, но я не хочу страдать. Природа через страдание мое возвещает мне о какой-то гармонии в целом, а я должен подчиняться этому возвещению, должен смириться, принять страдания и согласиться жить. Сознание же мое есть именно не гармония, а напротив, дисгармония, потому что с ним несчастлив. Счастливы те, которые похожи на животных по малому развитию их сознания. Они живут охотно для того, чтобы пить, есть, спать, устраивать гнезда, выводить детей. Я же не могу быть счастлив даже при самой высшей и непосредственной любви к ближнему, и любви к человечеству – обратимся в ничто, в прежний хаос. А под условием завтра грозящего шума я не могу принять счастья. Планета наша не вечна, и человечеству такой же миг, как и мне. В этой мысли заключается глубочайшее неуважение природы к человечеству, глубоко мне оскорбительное и невыносимое, так как тут нет виноватого. Наконец, если бы даже предположить эту сказку об устроенном наконец на земле человеке на разумных и научных основаниях и возможностью и поверить и проверить грядущему счастью людей, то уже одна мысль о том, что природе необходимо было каким-то там косным законам ее истязать человека тысячелетия, прежде чем довести до

счастья, одна мысль об этом уже невыносима возмутительно. Теперь прибавьте к этому, что той же природе, допустивший человека до счастья, почему-то необходимо обратить все это в нуль. И главное нисколько не скрывая этого от моего сознания. Невольно приходит в голову одна забавная, но невыносимо грустная мысль: Ну что если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживается ли подобное существо на земле или нет? Так как при таком порядке я принимаю на себя в одно и то же время роль истца и ответчика, подсудимого и судьи, и нахожу эту комедию со стороны природы совершенно глупою, то и присуждаю эту природу вместе со мной к уничтожению. А так как природу я истреблять не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого».

Прочитав октябрьскую книжку дневника, а «Приговор» несколько раз, я поехала к Федору Михайловичу за объяснением.

– Откуда вы взяли этот «Приговор», - сами создали или извлекли суть его откуда-нибудь? – спросила я его.

– Это мое, я сам написал, – ответил он.

– Да вы сами-то атеист?

– Я деист, я философский деист! – ответил он и сам спросил меня: – А что?

– Да ваш приговор так написан, что я думала, что все вами изложенное вы пережили сами.

Я стала говорить о том ужасном впечатлении, которое может производить «Приговор» на читателя. Я сказала ему, что иной человек, если и не помышлял о самоубийстве, то, прочтя «Приговор», дойдет до той идеи; что читатель, сознав необходимость уничтожения или разрушения, может шагнуть еще дальше и придти к убеждению не только покончить с собою, но и порешить с другими, близкими ему, дорогими людьми, и что он не будет в этом виноват, так как в смерти близких желал только их счастья.

- Боже, я совсем не предлагал такого исхода, – сказал он, вскочив с места.

Он начал быстро ходить по комнатам, почти бегать, волновался до того, что дошел до какого-то исступления, и то ударял себя в грудь, то хватался за волосы.

– И ведь это не вы первая, – сказал он, остановившись перед мною на одну секунду; – мне уже говорили об этом, и кроме того я получил письмо.

И снова забегал, чуть не проклиная себя.

– Меня не поняли, не поняли! – повторял он с отчаянием, потом вдруг сел близко ко мне, взял меня за руку и заговорил быстрым шепотом:

– Я хотел этим показать, что без христианства жить нельзя, там стоит словечко ergo; оно-то и означало, что без христианства нельзя жить. Как же это ни вы, ни другие этого словечка не заметили и не поняли, что оно означает?

Потом он встал, выпрямился и произнес твердым голосом:

– Теперь я даю себе слово до конца дней моих искупать то зло, которое наделал «Приговором».

Последние произведения Федора Михайловича действительно носили на себе до такой степени религиозный характер, что недруги Достоевского, глумясь над ним, принимали его ханжей. Но Достоевский не был ханжей.

Л. Симонова.

3.4. Отклики «Литовских Епархиальных Ведомостей» на кончину И. С. Аксакова

Скоропостижная кончина известного литератора и общественного деятеля Ивана Сергеевича Аксакова, последовавшая 27 января 1886 года, привлекла большое внимание к жизни и творчеству не только всей русской, но и славянской периодической печати. Ряд газет и журналов тех дней были буквально заполнены некрологами, статьями и заметками, так или иначе имевшими отношение к личности этого человека. Большой интерес к И. С. Аксакову проявили и «Литовские епархиальные ведомости» («ЛЕВ»), выходившие в столице Северо-Западного края Вильно. Причин для этого было немало: православному духовенству края импонировала четкая позиция публициста, направленная на ослабление здесь польско-католического влияния и поддержку сближения народа Западной России со всей остальной частью страны; столь же близкой им была и позиция покойного по славянскому вопросу; большое значение при этом имели и личные контакты между И.С. Аксаковым и местными уроженцами – профессором-историком С.-Петербургской Духовной Академии М. О. Кояловичем и многолетним редактором «ЛЕВ», протоиереем Иоанном Котовичем.

Уже в очередном 5-ом номере издания, вышедшем в свет сразу после получения известия о смерти публициста, в его «неофициальном отделе» была помещена статья, озаглавленная «Память Западной России об И. С. Аксакове», в которой, в частности, говорилось: «27 января в 7 часов и 30 мин. вечера не стало одного из лучших сынов России – Ивана Сергеевича Аксакова… С неподдельным глубоким чувством откликнулось православное население Вильны на горестное известие о кончине И.С. Аксакова. 28 января в 10 час. утра была совершена в Св.-Духовом монастыре заупокойная литургия, а после оной Преосвященным Алексием – панихида. В тот же день в Пречистенском соборе по почину частных лиц в 3 часа пополудни была совершена панихида в присутствии попечителя Виленского ученого округа Н. А. Сергиевского, городского главы Н. И. Рубцова, генерал-майора П. М. Смыслова, действ. статск. советника Станкевича и др. Панихиду совершил настоятель собора, протоиерей о. Иоанн Котович – редактор «Епархиальных Ведомостей» и законоучитель реального училища со священниками Григорием Бывалькевичем и Иоанном Берманом – законоучителем Виленского Мариинского женского училища.

30 января совершили заупокойные литургии и панихиды во всех городских приходских и монастырских церквах: сам же Преосвященный Владыка в сослужении с высшим местным духовенством совершил торжественную литургию и панихиду в Св.-Духовом монастыре в присутствии генерал-губернатора И. С. Каханова, попечителя учебного округа Н. А. Сергиевского, губернатора Н. А. Тревеница, вице-губернатора П. Г. Погодина, городского головы Н. И. Рубцова, начальственных лиц разных ведомств и всего здешнего русского общества. Здесь же присутствовали и участвовали в общем церковном пении воспитанники и воспитанницы всех учебных заведений Вильны. Во время причастия протоиерей Иоанн Котович произнес Слово по новопредставленному рабе Божием Иване Сергеевиче Аксакове».

В напечатанном в этом же номере «Ведомостей» «Слове» отмечалось: «В эти дни вся Россия, весь славянский мир и все образованные люди, для которых любовь к правде, родине и славянству, русскому народу, православной вере и самодержавной власти не пустые фразы, а дух и жизнь, оплакивают его гроб и свежую могилу…». Говоря о том, что «заслуги и значение деятельности покойного для России и славянства будут еще в полной мере оценены потомками будущих времен», священник Иоанн тем не менее отметил непреложность трудов и деятельности Ивана Сергеевича «для подъема русского национального духа и возвышения православия в Западно-Русском крае». По мнению пастыря, «стремление И. С. Аксакова к воскрешению духовного единства русских людей и всего славянства в возможной силе» базировалось на его огромной любви к «родной земле и родному народу». В этом своем стремлении он был «самым энергичным представителем славянофильства, активным проводником этого учения в руководимой им периодической печати. Честное, правдивое и независимое слово Ивана Сергеевича было направлено на служение России и славянству, и эту работу он ставил выше всего, до самоотвершения… Его верность русско-славянским идеалам, доказанная всей его жизнью, приковывала к нему сердца всего славянского мира; не только друзья, но и враги отдавали ему дань своего уважения…».

Основное внимание в своем «Слове» протоиерей Иоанн Котович уделил тому, за что его высоко ценили и любили в северо-западном крае. Речь шла о том, что он первым из русских общественных деятелей бесстрашно встал на защиту запуганной и униженной русской народности и православной веры в здешнем крае. Отмечалось также то, что в канун восстания 1863 года, «когда русская печать и власть как бы сознательно отдали свой край полякам и костелу» появился литературный орган Ивана Сергеевича «День», который с откровенной прямотой и открыто исповедовал великий грех русского общества и русских ученых – забвение про существование Белоруссии, общерусских основ ее жития и подвига ее сынов; он прямо ставил вопрос, что здешний народ – русский народ – господин и хозяин той земли, которую поляки прославили Польшей и этой ложью заслоняли глаза русскому обществу; «День» же Аксакова убеждал белорусов – основных представителей народа в Западном

крае, стряхнуть с себя в своем домашнем быту польскую речь и польские обычаи, как символы былого рабства и как преграду к воссоединению с остальной православной Россией; он взывал к русским деятелям ни на минуту не забывать великое значение своего призвания в стране сей – миссионерство русской народности и православия. Слова И. С. Аксакова, исходившие из глубины сердца, преданного России, зажигали сердца читателей и давали силу их мыслям и делам».

Подчеркивая, что Иван Сергеевич был человеком не только слова и языка, но дела и истины, автор «Слова» особенно отмечал, что «ратуя за нашу окраину, он призвал к участию в борьбе лучшие местные и общерусские силы в крае, вдохнул в них жизнь и любовь к своему народу; масса корреспонденций, ученых трактатов, касающихся истории и быта страны сей, находили сочувственный приют в его органе, который сотнями бесплатно он распространял среди духовенства и образованных людей. Оживление жизни в западной России было тогда весьма велико: взоры мыслящих людей постоянно обращались к Москве, к Аксакову, что думает, что скажет он. Почти все проекты преобразований в крае или проходили через его руки, или же не чужды были его указаниям и косвенного влияния. Православные храмы, братства при оных и в частности здешнее Св.-Духовское, которого он был почетным членом, и церковные школы, находили в нем надежного помощника и деятеля. Он лично от себя делал для них пожертвования, записывался в число братчиков во многих приходах, призывал к тому своих близких, знакомых и сочувствующих его деятельности. Если чувствовал или видел вялость или боязливость в действиях местных деятелей, то просил, убеждал, одобрял. Многие десятки тысяч денег, массы книг и церковной утвари явились от него в пособие местным скудным средствам или же на покрытие этой скудности. Вот вкратце заслуги и значение незабвенного Ивана Сергеевича Аксакова для западного края, главное же, чего не забудет история – это озарение сознания русских людей относительно западно-русской страны, ставшего теперь непоколебимым…».

Рядом со «Словом» Иоанна Котовича в «ЛЕВ» был опубликован некролог «Иван Сергеевич Аксаков», в написании которого по-видимому также принимала редакция данного издания. В некрологе были обозначены главные вехи биографии И. С.Аксакова (рождение в 1823 году в семье известного писателя С. Т. Аксакова, учение в Императорском училище правоведения, служба в Министерстве внутренних дел, выход в отставку и начало занятий литературной деятельностью, участие в Крымской войне в составе Серпуховского ополчения и др.), однако большая часть этой публикации была посвящена общественной и публицистической деятельности Ивана Сергеевича, направленная на сплочение общерусских и славянских сил, редактирование им таких изданий, как «Московский сборник», «Русская Беседа», «Парус», «День», «Москва», «Москвич» и «Русь», служивших рупором его общественных и мировоззренческих устремлений.

Как обычно для такого рода публикаций, в некрологе сообщалось о болезни, которая свела И. С. Аксакова в могилу: «Иван Сергеевич скончался на 63 году от рождения; его крепкое по виду сложение обещало ему долгую жизнь. Но в последние десять-двенадцать лет он страдал довольно частыми приступами катара легких, от которого каждый раз освобождался довольно легко. Постоянно пользовал его в это время доктор В. И. Ельцинский, от которого и получены эти подробности. Иван Сергеевич имел незначительную легочную эмфизему, которая делала приступы его обычного простудного катара довольно тяжелыми. Сердце у него было здорово, сколько может быть здорово сердце, проработавшее, проволновавшееся шестьдесят с лишком лет. С очень давних пор, почти с молодости, он страдал геморроем, в последние три недели, как сказывают, у него открылись очень сильные кровотечения. Сверх того, у Ивана Сергеевича в гортани был над голосовыми связками, с левой стороны, нарост с вишню величиной. В здоровом состоянии он его не беспокоил и не мешал ему ни дышать, ни говорить, но в болезненном состоянии порой мог угрожать отеком гортани, который мягко присоединяется и к простой катаральной жабе. Ему предлагали сделать операцию, но он не согласился. Между тем напряженная работа давала себя чувствовать. В прошлую зиму по совету своего врага он прекратил свои занятия и в феврале уехал отдыхать в Крым. В августе он возвратился в Москву и с восстановленными силами снова принялся за обычную работу. События последнего времени сильно волновали его. И вот, также как в прошлом году, в январе возобновились его недуги. От потери крови в последние дни он заметно ослабел, но работать не переставал. В воскресенье он опять почувствовал себя хуже, и вечером ездил советоваться о своем положении к доктору Г. А. Захарьину. Возвратился от него Иван Сергеевич в 12 часов ночи, причем чувствуя себя крайне утомленным, сразу же лег в постель. В три часа ночи он пробудился и уснуть уже не мог, пребывая в каком-то сонливом состоянии. Весь день до рокового часа (7 часов пополудни) он был в полном сознании и говорил о следующем номере «Руси». Лишь за полчаса до кончины он почувствовал себя дурно и потребовал священника, исповедался и причастился Св. Тайн. Перед приходом священника Иван Сергеевич просил супругу читать вслух приветствие Архангела «Богородица Дево, радуйся» и повторял за нею священные слова. Близкие Ивана Сергеевича вскоре собрались в квартиру, где их друг был уже мертв» [66].

В 6-ом номере «ЛЕВ», в его неофициальном отделе была помещена телеграмма от епископа Литовского и Виленского Алексия (Лаврова-Платонова) на имя А. Ф. Аксаковой – супруги покойного: «Плачу с Вами о кончине великого славянина и истинного русского гражданина. Великие дела, славная память, великая скорбь славянству и России! Да утешит Вас Господь. Сейчас совершил первую панихиду. Литургию и панихиду совершил 30-го числа, то же будет во всех церквах города Вильны. Будет поминать и вся Китовская православная церковь. Епископ Алексий». В другой телеграмме, отправленной 30 января из Ковно в адрес С.-Петербургского Славянского

общества говорилось: «Кружок русских православных людей, глубоко чувствуя общерусскую тяжелую утрату в смерти Ивана Сергеевича Аксакова, присоединяется ко всем русским людям с выражением своего искреннего соболезнования. Сегодня будет отслужена панихида преосвященным Смарагдом». На телеграмме имелось множество подписей. Информационное сообщение из Гродно: «30 января после заупокойной литургии, совершенной одним из соборных священников, преосвященным епископом Анастасием вместе с соборным духовенством была совершена панихида в присутствии всей местной интеллигенции. Перед панихидой преосвященный произнес речь, которую почитатели памяти покойного И. С. Аксакова выслушали с глубоким вниманием».

Следует отметить, что и сегодня «Речь на поминовении Ивана Сергеевича Аксакова», сказанная епископом Брестским, викарием Литовской епархии Анастасием (Опоцким) в Гродненском Софийском соборе, воспринимается вполне в духе нашей современности, в духе тех задач, которые стоят перед Россией и всем славянским миром. И это дает нам право привести ее тут почти в полном объеме: «Мы собрались здесь помянуть скончавшегося три дня тому назад Ивана Сергеевича Аксакова. Нужно ли объяснять, что это за человек был? Его знает не одна Москва, его знала вся русская земля, весь славянский мир, и Европа знала этого замечательного русского человека, как одного из славных носителей и лучших выразителей идеи братства всех славянских народов, как славянского борца за народные начала в русской жизни. В борьбе за эти начала он проявился как личность поистине светлая, как звезда своего рода, свет которой был путеводным светом для ума русского человека и отрадой для его сердца. Знала Ивана Сергеевича и православная церковь, которую он чтил как верный ее сын, который служил как может служить церкви просвященный мирянин, ревнующий о ее благосостоянии. Все эти качества покойного Ивана Сергеевича Аксакова были особенно оценены в наше смутное время, которое переживал не только весь славянский, но и русский мир.

Когда мусульманство давило православных славян, кто тогда сильнее Аксакова мог сказать слово за угнетенных? Кто живее его мог пробудить родственные к ним чувства и христианское сострадание? Кто лучше его мог выяснить значение братского союза между славянскими племенами для их настоящего и будущего? Он был своего рода пророком в славянском мире, пророком и утешающим, ободряющим страдания славян и сильно обличающим неправды Западной Европы, хищные устремления ее лукавой политики, ищущей наживы в землях славянских, облитых кровью. И вот не стало этого пророка, замолкли вещие уста, говорившие такие речи, которые трогали и жестокие сердца!

Когда нашу Русь обуяло какое-то недовольство всем своим родным: когда у нас стали без разбора, огулом хулить все свое русское, не отличая притом хорошего от худого, когда это недовольство у многих развилось до неспособности замечать в окружающей жизни и выдающихся явлений добра и

дошло до страсти раскрывать только язвы русской жизни, находить какое-то удовольствие в самопожирании, когда наши русские поклонники Запада возревновали о пересадке на русскую почву иноземного и с пренебрежением к своему родному русскому, как к чему-то отжившему и нездоровому, стали искать спасение во всякой иноземщине: кто тогда тверже Ивана Сергеевича отстаивал русское национальное достоинство? Кто трезвее его смотрел на русскую жизнь, – вернее отличал в ней хорошее от дурного, здоровое от больного и отжившего? Кто живее его мог изобразить ту уродливость, которая появилась в русской жизни от насильственных приставок к ней чужеземного, несвойственного духу русского человека? Кто убедительнее Ивана Сергеевича мог говорить о значении национальных начал для русской жизни, об уважении к святым завещаниям ее истории? Кто выразительнее его мог высказать думы русского человека, его радости и скорби в важные исторические моменты, которые мы переживали? Кто-то, не помню, высказал такую мысль, весьма вескую для оценки Аксакова: «Я чувствую себя русским человеком и довольствуюсь тем, что я русский вот в каких случаях: когда в церкви слышу древнецерковную мелодию священных славянских песнопений, когда слышу в широком поле задушевную русскую народную песню, и когда читаю речи Аксакова о наших русских делах». И вот не стало русского народного оратора, умевшего гармонически соединять в своей речи общечеловеческое с национальным, церковное с житейским, не стало русского народного трибуна-златоуста! Кто же идет в замену ему, на его опустевшую кафедру? Не видно… Кафедра его, известная всем «Русь», кажется, навсегда опустела с той минуты, как сокрушилось и перестало биться навсегда сердце вещавшего на ней народного вития.

Когда у нас на Руси научились красноречиво говорить и писать; когда для многих чтение стало не школой для мышления и приобретения полезных знаний, а только приятным развлечением, убивающим способность серьезно думать об окружающей нас жизни; когда при том книгу мы возвели в должность главного руководства в жизни; когда мы привыкли вычитанные чужие мысли выдавать за свои собственные; когда таким чтением привыкли к фразе и научились искусству прикрывать его собственный образ мысли и чувств или отсутствие их; когда у нас развилась обширная торговля печатным словом об общественных делах, причем открылись мелочные лавки, где наравне с литературным хламом, нередко изменчески продается и святая правда за рубли и копейки. Тогда по правде ли становится величайшею драгоценностью – слово, глубоко обдуманное, выношенное в уме, самостоятельно и заботливо помышляющем об общем благе, и в сердце, горячо любящим родину, – слово серьезное, правдивое, честное. Такое слово особенно ценно бывает, когда события, касаясь ложных общественных интересов, возбуждают в народе заботливые думы, глубоко затрагивают его чувство, а между тем вожди общественной мысли либо неискренне фразируют, либо вяло и темно толкуют, не давая серьезного, искреннего и сильного слова. Вот в такие-то моменты часто слышалось: «Что-то скажет наш Иван Сергеевич

Аксаков?». И он говорил в подобные моменты такое слово, для которого нужно умение не только говорить правду, но и мощное гражданское мужество. И вот не стало этого самобытного, искреннего, правдивого писателя и мужественного гражданина, которого уважали и враги его!

Когда у нас усилился обычай браться за науку – не столько для того, чтобы образовать из себя человека, мыслящего и чувствующего истинно по-человечески, сколько для того, чтобы добиться права на известное положение с удобствами, когда самое образование получило у многих характер выучки для обыденных практических целей; когда в образовании многие стали более ценить выгодные специальности, предпочитая их общему образованию; когда специальность для многих посвятивших им себя стало тем же, чем, например, стал для плотника топор: тогда у нас развелось множество специалистов, следующих в своей узкой области знаний, но не имеющих того, что называется образованием в высшем, христианском смысле этого слова. Образование, понимаемое в таком смысле, непременно предполагает у человека истинно образованного цельное и правильное мировоззрение с определенными понятиями по главнейшим вопросам жизни и бытия; а такой-то основы образования и нет ныне у многих долго учившихся разным специальностям. Эта ученая дробность в наше время весьма усилилась и часто доходит до умственной и нравственной легкости, которая и сама себе не может дать отчета, какого мировоззрения держится она; а между тем она даже и гордится иногда тем, что не имеет никакого определенного мировоззрения, признавая отсутствие этой основы образования за лучший признак здравого ума с «реальным направлением»! Таких людей у нас теперь очень много. С ними можно прожить годы и не узнать: во что они веруют, что составляет заветную святыню их души? Это личности безличные, это умственные и нравственные потемки. Среди такого темного безличия отрадно встретить личность светлую и по образу мыслей и по образу жизни, с определенным мировоззрением, с верно намеченными целями жизни, что бывает только у разумно верующего христианина. Такою поистине светлою личностью и был Иван Сергеевич Аксаков. Это был истинный христианин, не стыдившийся признавать православную церковь своей матерью, тогда как весьма многие из современных так называемых образованных людей признают как бы недостойным образованного человека веровать и жить по-церковному. Для многих из таковых – придти в церковь значит не то, что исполнить свой святой долг, а сделать как бы уступку общему и старому обычаю, сделать снисхождение и как бы одолжение кому-то. А Иван Сергеевич считал за счастье и величайшую честь принадлежать православной церкви и служить ей словом и делом. Следы своего служения он оставил и в здешнем крае: он был одним из величайших ревнителей укрепления православия и русской народности в этой стране в ту пору, когда она была взволнована известным мятежом. Мы помним это время, когда Аксаков с ревностью, достойной истинного христианина и гражданина, служил благу этой страны. Его «День» изгонял отсюда мрак иезуитства и полонизма, воодушевлял нас к борьбе с ними. Вот какого человека потеряла

русская земля. Помолимся, братья, и да успокоит Господь душу раба своего Иоанна в царствии небесном…».

Здесь же, в 6-ом номере «ЛЕВ» давалось «Краткое описание перевезения тела и погребения И. С. Аксакова» : «К 9-ти часам утра 31 января (1886 года. – *В. Ч.*) в квартиру покойного собрались представители администрации, высшего московского общества, интеллигенции и печати; среди присутствующих находился и сербский воевода Пеко Павлович. После литии, отслуженной преосвященным Михаилом (Крыловым. – *В. Ч.*), последовал вынос тела. Гроб на руках вынесли близкие Ивану Сергеевичу люди – известные литераторы и Пеко Павлович. Во главе процессии вместе с епископом Михаилом следовало московское духовенство. За ним шли москвичи с образами святых православной церкви в знак глубокого уважения к памяти покойного. По пути процессии, проследовавшей по Волхонке и Моховой на Никитскую улицу, в университетскую церковь, стояли огромные массы народа. У церкви гроб был установлен на катафалк, на который было положено до семидесяти венков, установлена роскошная хоругвь от петербургской печати. Заупокойную литургию и панихиду совершили преосвященный Михаил, протопресвитер Сергиевский и университетское духовенство. Отдать последний долг Аксакову пришли многочисленные депутации, генералитет, профессора, представители общественных учреждений, печати, учащаяся молодежь. К отпеванию прибыл московский генерал-губернатор. Профессор богословия протоиерей Иванцов-Платонов и протопресвитер Сергиевский произнесли глубоко прочувственные речи.

После отпевания печальный кортеж тронулся по Моховой, через Охотнорецкую, Театральную и Лубянскую площади и Мясницкую улицу к вокзалу Ярославской железной дороги сквозь сплошные людские шпалеры по обеим сторонам пути. В 3 часа 20 минут процессия прибыла на вокзал, после чего гроб с покойным был поставлен в траурный вагон, куда были сложены все венки. После литии, отслуженной на платформе, духовенству и приглашенным лицам была предложена трапеза. В 4 часа 55 минут экстренный поезд из 14 вагонов, снаряженный Мамонтовым (Саввой Ивановичем, крупнейшим промышленником и меценатом. – *В. Ч.*) и заполненный сопровождающими останки покойного, отошел в Троице-Сергиевскую лавру. После отхода поезда оставшиеся на платформе пропели «Вечную память». Похоронами распоряжались А. А. Киреев, Д. Р. Самарин и князь Щербатов.

Экстренный поезд с телом Аксакова прибыл в Сергиев Пасад в 6 час. 55 минут. После панихиды, совершенной иеромонахом Палладием Сергиево-посадский голова Амфитеатров в краткой речи выразил свое соболезнование великой для России потери. Траурная процессия заняла весь путь от станции железной дороги до Лавры. До утра прах был поставлен в затрапезной церкви преподобного Сергия Радонежского. Затем началось всенощная бдение, которое совершил наместник Лавры архимандрит Леонид, окончившееся в 10 час. вечера.

В 8 часов утра (1 февраля. – *В. Ч.*) над гробом И. С. Аксакова была отслужена ректором местной академии панихида; студенты академии возложили на гроб венок. После окончания панихиды был совершен вынос икон, гроба и огромного количества венков и живых цветов в сопровождении массы друзей, знакомых и почитателей покойного. Когда завершилась лития, начались речи. Выступили с чувством глубокой горечи и сострадания: М. Г.Черняев, Горский-Платонов, Ф. Миллер. Крестьянин-корреспондент (фамилия не указана. – *В. Ч.*) «Руси» горячо говорил о значении идей Аксакова для простого народа. Стихи, посвященные памяти покойного прочитал сверстник-одноклассник усопшего Дубовский. После предания праха Аксакова земле ленты с венков были сняты и переданы вдове. Венки прикрыли свежую могилу».

Помещались в виленском православном органе и отклики на похороны И. С. Аксакова: «Столичные газеты приводят текст надгробного слова М. Г. Черняева (военного и общественного деятеля, генерал-лейтенанта, командовавшего в 1876 году сербской армией. – *В. Ч.*): «Мы сказали последнее «прости» Ивану Сергеевичу Аксакову, но не скоро еще уляжется на Руси скорбь о его кончине, потому что смерть его не есть только горе семейное, горе частное, но есть горе общее, горе всей семьи народной…». «Современные Известия» вышли в траурной рамке и провожают почившего прочувственным воспоминанием дней юности и приветствуют единодушие петербургской печати в ее выражении скорби. Большинство других газет поместили стихотворения и заметки по случаю погребения Аксакова. Сообщенные «Русским Курьером» слухи о том, что издание «Руси» будет продолжено Самариным, неверны. Здесь же помещены депеши Его Величества Государя Императора, Его Величества Николая Князя Черногорского, митрополита Сербского Михаила, епископа Литовского и Виленского Алексия, а также письмо А.С.Хомякова. Вдова покойного (А.Ф. Аксакова, урожденная Тютчева. – *В. Ч.*) намерена поселиться в Троице-Сергиевой лавре и заняться изданием произведений и громадной переписки почившего, сохранившейся большей частью в порядке» [67].

Особое место на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» отводилось творческому наследию И. С. Аксакова. В 7-ом номере издания по инициативе его редактора, протоиерея Иоанна Котовича было опубликовано обращение известного публициста к православному духовенству края в годы восстания 1863 года. Этому документу предшествовала заметка редактора, озаглавленная «Завещание Ивана Сергеевича Аксакова западнорусскому духовенству». «Такое заглавие, – писал Иоанн Котович, – мы осмеливаемся поставить во главе этой заметки вполне обоснованно. По неизвестной нам причине этот документ не был в свое время помещен на страницах «Литовских Епархиальных Ведомостей», однако кроме напечатания в газете «День», Иван Сергеевич выпустил это завещание отдельными оттисками на больших листах, которое сотнями распространялось среди местного духовенства и несомненно сыграло свою положительную роль в формировании правильного отношения к

явлениям и событиям того времени. В видах общественной пользы мы решились напечатать оный документ в дни прощания с великим патриотом и гражданином земли русской. Редакция надеется, что после прочтения этого завещания мы не услышим больше нареканий на недостаток патриотизма в нашем духовенстве, на его двоедушие и холодность к истинным интересам края».

Ниже было помещено само завещание под заголовком редакции «Дня» - «Из Москвы к православным белорусам не из крестьян, а преимущественно к белорусскому духовному сословию (1863)». Обращение начиналось со слов: «Мы виноваты перед вами: простите нас. Последние события раскрыли нам глаза, ослепленные польской ложью, а вместе с тем раскрыли всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии; мы долго, долго коснели в неведении о той глухой, безвестной, но тем не менее достославной святой борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру – с могучими, сильными, искусными и богатыми, со всех сторон окружавшими их врагами – польщизною и латинством. Какие высокие подвиги совершило ты, белорусское духовенство, – бедное, угнетенное, серое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной, – подвиг долготерпения и мученичества. Ты старалось уберечь и поддержать в народе до лучших времен, – сквозь все превратности истории и насильственно наложенную унию, – предания православия и память о единстве со всею великою Русью… И ты уберегло и поддержало: лучшие времена настали, и оправдывается божественное слово: «претерпевший до конца, той спасен будет».

Поистине ваши подвиги беспримерно велики, хотя творились они в тишине и во мраке, без блеска и треска, без тех громких рукоплесканий, в которых приемлют себе земную мзду за геройские подвиги своего алчного патриотизма – ваши угнетатели-поляки. Ваша борьба была тем труднее, что вы боролись честным оружием духа, шли нравственным христианским путем к чистой цели, тогда как враги ваши – по иезуитскому правилу, что цель оправдывает всякие средства, – противополагали вам адские козни и ухищрения. Ваша борьба была еще тем труднее, что все богатое, мощное, владеющее землею сословие, ваша русская знать и русская шляхта соблазнились выгодами власти, прельстились на житейские удобства и почести, и продали за них православие и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, как это всегда бывает с отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его веры – и, тем не менее, вы духовным мечом отстояли Русскую землю… Хвала вам по всей России! Только теперь вполне начинаем мы здесь признавать всю меру добра, свершенного вами, все достоинство ваших дел, – благословляем вас и посем, вам дань нашего братского сочувствия и участия.

Премудрость Божия послала ныне Белоруссии ряд испытаний, которыми как из горнила, искушаясь и очищаясь, белорусский народ возрождается к новой жизни. Он в первый раз выступил на поле истории, как исторический

деятель; он явил себя миру в первый раз, как народ, – *Русский* народ, – *господин и хозяин* той земли, которую поляки всюду прославили Польшей, и ничто и никто отныне не отнимет у него этой чести. Польский мятеж обличил врага, которого Россия, из благодушия, пригревала у себя на груди, обнаружил перед целой Россией и всем светом коварство, дерзость и презрение к Русскому народу польского или ополяченного дворянства, и возбудил законную месть народную. Настоящие события – это как бы *баня паки бытия* для Белоруссии, по выражению Апостола; это ее крещение в новую общую с Россией, духовную и гражданскую жизнь, крещение – к невинной крови зарезанных поляками крестьян, замученных и повешенных поляками священников Белорусских – Прокоповича, Копанасевича, Рапацкого, дьячка Иозефовича, учителя Смольского и многих других! Отныне уже не пановать над вами гордой польской шляхте, наглым польским официалистам и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть их уберутся к себе домой, в Польшу. Отныне Русская земля должна стать Русскою во всех проявлениях своей жизни, чтобы не было польского духа ни слыхом не слыхивать, ни видом не видать!... Спешите же изгладить последние признаки польского господства в вашей несчастной стране, залечить общественные раны, нанесенные вам польским гнетом, и так укрепить духовные силы вашей народности, чтобы и мысль о былой когда-то здесь Польше не могла взойти на сердце поляку?

Мы должны помочь вам указанием на те ваши раны, которые нам виднее отсюда со стороны. Русские, путешественники, посетившие ваш край из братского участия, передали нам про одно явление в быту духовенства и вообще православной русской среды, стоящей в общественном положении и по образованию выше простого народа, которое, не скрываем, нас смутило, огорчило и оскорбило. Мы разумеем здесь то, что в ваших школах, училищах и православных семинариях (было, да безвозвратно исчезло. – Редакция «ЛЕВ») – учащиеся говорят между собой не иначе, как *по польски!* Мало того: семейный домашний язык православных русских священников – польский; жены, сестры, дочери русских священников не употребляют другого языка, кроме польского… Они не дают себе труда (да и можно ли винить их, коли мужья, отцы и братья о том не заботятся?) выучиться по-русски, а белорусское наречие презирают, как хлопское. Они молятся Богу в православных русских церквах по польским молитвенникам! Правда ли это – хочется невольно спросить, но к несчастью, и спрашивать нечего: мы знаем, что это правда, – правда нам русским, в позор, а полякам в радость и утешение!

Мы, впрочем, не виним вам; мы знаем, что вам в течение столетий отделенных от России, невозможно же было развивать у себя русскую речь, когда язык общественной высшей, образованной среды был и есть язык исключительно польский, а местное народное наречие не в состоянии служить выражением для всех оттенков образованной мысли. Мы знаем также, что молитвенники польские употребляются у вас потому, что вам неоткуда взять русских, что плохая организация русской торговли духовными книгами не в состоянии удовлетворить народной потребности в этих книгах, что польские

священники чуть ли не вдесятеро дешевле русским. Все это так. Но мы вправе ожидать час, и именно теперь усилий в борьбе, работы над своими историческими привычками и стремлений высвободиться окончательно из-под польского духовного гнета во всех смыслах и отношениях. Посудите сами: можете ли вы называться представителями русской народности (а других она там и не имеет), если вы в ваших семействах избегаете русского языка и говорите на польском? Какого уважения и доверия можете вы ожидать от местного русского народа, если вам ближе, роднее и сподручнее язык врагов его веры и народности? Каким образом, можете вы уверить поляков, что ваш край не Польша, а Русь, когда вы, вожди и пастыри русского народа, вы, священники, отреклись от русской речи в своей общественной жизни? С тех пор как Белоруссия соединилась с Россией и завелись православные семинарии, в которых все предметы преподаются на русском языке, скажите сами, можно ли чем иным объяснить такое рабство пагубной для вашей народности привычки к польскому языку, как духовной ленью и нерадением? Впрочем, упрек наш обращен преимущественно к молодым людям, воспитавшимся и воспитывающимися в семинариях: старые священники, не учившиеся в этих заведениях, и их семейства, равно как и женщины духовного сословия, лишенные средств к образованию, могут еще быть извинены в том, что не знают другой речи, кроме польской; но молодые люди, вполне знакомые с русским языком, слушающие русские лекции и отвечающие в классах устно и письменно по-русски, не могут быть ничем оправданы в употреблении из своей среды польского разговора. Или вы не понимаете, какой страшный вред наносите вы тем русской народности? Или вашему чувству не претит делать польский язык орудием русской мысли выражением русского чувства? Или вы не разумеете как безобразно, как неприлично вам польской речью осуждать незаконные притязания Польши отстаивать права русской народности? Или не ясно нашему уму, если не сердцу, что, продолжая говорить по-польски, вы признаете, вы утверждаете сами за польским языком такое право общественности, которое, по мнению поляков, дает им самое законное право и на обладание всей вашей страной? Вы сами, упорствуя в этой начальной привычке, куете на свое порабощение оружие полякам, сами попираете свою духовную независимость!

Вы должны разучиться говорить и писать по-польски; польский язык должен быть вам противен, как язык угнетателей вашей народности и веры, как преграда к воссоединению вашему с остальной православной Русью, как символ позора и рабства – для вас, – победы и торжества для поляков. Польскому языку место в Польше, а не в Руси. А разве Белоруссия не Русь, разве она Польша?

Одушевитесь же все, все без различия пола и возраста, истинной, плодотворной любовью к вашей народности! Как вера без дел мертва, так мертва и любовь к народности, если не сопровождается делами… Прокляните уста ваши, если они обрадуют поляков звуками польской речи, как проклинали уста свои евреи, в прекрасном псалме Давида, если они споют песнь на радость

врагам Израиля! Наложите на себя обеты, обяжите себя крепкими узами друг другу данного слова, подчините себя взаимному наблюдению за взысканиями, назначьте себе сроки, работайте, усиливайтесь, трудитесь над искоренением следов латинства и полонизации. Пусть русская девица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдет себе жениха между вами, пусть русский, употребляющий вместо русского польский язык, изгонится из вашего общества и лишится друзей. Стряхните с себя дремоту, вялость, дряблость, весь сор и пыль, наметенный на вас историей, и вспомните, наконец, ваше призвание теперь в вашем крае – есть миссионерство русской народности и православия. Дела вам много, так много, что есть к чему приложить всем, и не старым еще людям, свои силы – и такого дела, к которому одинаково призваны и мужья, и жены, и юноши, и девицы!

Если в наших словах есть что-либо резкое, то просим вас простить нас и не оскорбляться: они внушены нам любовью к вам, к вашему краю, и, наконец, опасением, что распространившаяся молва о вашем пристрастии к польскому языку не охладила к вам сочувствия простых людей в России, не остановила горячих порывов только что раскрывшегося братского сердца. Сделайте же так, чтобы русские путешественники через какие-нибудь полгода или год не могли уже смущать русское общество известиями, которые и подали повод к нашему ратскому посланию. Редакция газеты ―День", ее сотрудники и все сочувствующие с нею. Москва, 22 июля 1863 г. » [68].

«Завещание» И. С. Аксакова, опубликованное в 7-ом номере «ЛЕВ», вызвало глубокий интерес в среде белорусского православного духовенства: в адрес редакции стали поступать в большом количестве письма-отклики на опубликованный спустя много лет документ. Данное обстоятельство подтолкнуло редакцию поместить в «Неофициальном отделе» 15-го номера издания другой не менее интересный документ – «Письмо Ивана Сергеевича Аксакова к Высокопреосвященному Иосифу Митрополиту Литовскому и Виленскому». В преамбуле к «Письму» от имени редакции сообщалось: «В 7-ом номере «Лит. Еп. Вед.» напечатано достойное всякого внимания завещание приснопамятного И.С. Аксакова западнорусскому духовенству. В настоящем номере мы имеем возможность напечатать и его письмо к знаменитому западнорусскому деятелю митрополиту Иосифу по поводу того же завещания. Необинуясь причисляем это письмо к одному из выдающихся произведений почившего Ивана Сергеевича, в котором ум, сердце и ясновидение народного дела и данной исторической минуты сказались с обычной правдой и силой в простой форме письма. Ред.». Вот текст этого письма: «Громадность дела, свершенного Вами, жива, что когда-либо сознается теперь всею Православною Русью… Не только в церковных и светских летописях, но и в неумирающей памяти народов, имя Ваше будет благословляться, как имя духовного возродителя Западнорусского края. А возродивши ее духовно, Вы уготовили и истинное гражданское возрождение белорусского народа.

Посеянное Вами возрастет ныне истинным плодом. Ныне обличилось со всей яркостью правды, что если бы в 1839 году не свершилось воссоединения

униатов, край, заявивший себя теперь перед всем миром краем русским и православным – может быть к 1863 году был бы уже окончательно окатоличен и ополячен. Ваше Высокопреосвященство, вы первым положили начало духовному, нравственному развитию и просвещению края и в насажденных Вами учебных рассадниках воспитали и образовали деятелей белорусских – духовных и светских. Благодаря им, общественное сознание в Срединной России просветилось ныне вполне насчет Белоруссии, и отовсюду, с Севера и Юга, даже из отдаленной Восточной Сибири несется дань братского сочувствия и любви к белорусскому духовенству и народу. Этому делу сближения Западнорусского края с остальной Россией, служу и я, по мере моих сил и способностей, своей газетой ―День".

Пусть гражданские и духовные власти исполняют свое призвание в пределах, им предназначенных, но пусть и Русское общество поддерживает благие начинания власти своим свободным сочувствием, своей непринужденной, неофициальной, чисто общественной деятельностью.

С этой целью и в этом смысле написано от имени всех русских, которым газета ―День" служит органом, ―Послание к белорусскому духовенству", которое напечатано в 30-ом номере ―Дня" и которого три экземпляра я имею честь представить Вашему Высокопреосвященству. Я не считаю себя вправе действовать, хотя бы только словом увещевания, относительно Литовского православного духовенства, помимо и без ведома Вашего, но не желая придавать моей деятельности, чисто общественной – характер официальный, я приму меры для распространения этого послания неофициальным путем, если мне будет допущено.

Уместно ли оно или неуместно, полезно ли или бесполезно, не могу судить, но вполне убежден, что оно безвредно и надеюсь, что во всяком случае и Ваше Высокопреосвященство, как и все духовенство края, взглянете на это ―послание", как на дело искренней братской любви, преданности Православию и Русской народности.

Испрашивая себе Вашего Архипастырского благословения, с чувством глубочайшего уважения, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства всепокорнейшим слугою Иван Аксаков, редактор газеты ―День". Августа 2-го 1863 г., Москва» [70].

В вышеупомянутом 6-ом номере «ЛЕВ» были напечатаны «Несколько слов об Иване Сергеевиче» Аксакове, произнесенных его ближайшим другом – западнобелорусом М. О. Кояловичем перед студентами С.-Петербургской Духовной Академии сразу после панихиды, произведенной в академической церкви. Содержание этого выступления было значительно шире того, что было вынесено в заголовок публикации, ибо в нем М. О. Коялович выразил свое отношение не только к покойному, но и к драматической судьбе и других представителей славянофильства: «Упал третьего дня старый, но казалось надолго еще могучий русский, величественный дуб – Иван Сергеевич Аксаков. Склонилась безжизненно дорогая голова этого необыкновенного ратоборца за русскую и славянскую жизнь, пораженного в сердце не одним телесным

недугом, но и жестокою нравственной болью о современных невзгодах русско-славянского мира.

Как ни привыкли мы к тому, что у нас замечательные люди преждевременно погибают и что, следовательно, русскому человеку тяжело живется на русской земле, но и при всем том нельзя не признать, что особенно поразительна судьба в наши времена почти всех главных представителей той литературной и общественной нашей среды, которой самым чистым выразителем был до вечера 27 числа настоящего месяца Иван Сергеевич Аксаков.

Н. А. Милютин – устроитель по чисто народным, славянорусским началам жизни польской земли, загубленной польской шляхтой и польскими ксендзами, поражен безнадежным ударом после того, как повелел в нашем высшем государственном учреждении погубный наш конкордат с папой 1847 года.

Друг и сотрудник его князь Черкасский сражен тифом в Болгарии, почти ввиду готового было нам сдаться Царьграда и при заключении славного Сан-Стефанского договора, поруганного потом, как известно, Берлинским конгрессом.

Друг и сотрудник их обоих Ю. Ф. Самарин неожиданно погиб на чужбине, в Берлине, от руки немецкого хирурга, некстати и несчастливо сделавшего небольшую операцию.

Близкий им всем, необыкновенно даровитый и образованный Гильфердинг поражен тифом в Каргополе на пути к вторичному изучению на севере России драгоценных остатков нашей былинной древности.

Старейший всех их славянофил А. Н. Попов, автор многих изысканий и о Западной России и о нанстве, и о людях 12 года, поражен среди необыкновенной работы по этому последнему вопросу параличем, прекратившим и умственную, а вскоре и физическую его жизнь.

Недавно разорвалось сердце цветущего силами и здоровьем известного славянофила-мыслителя и естествоиспытателя Н. Я. Данилевского среди новой его громадной работы по вопросу о дарвинизме.

И безграничное самоотвержение погибавших и губительные стихии природы приготовляли это в нашей современности слишком частое, почти непрерывное погребальное славянофильское шествие; но едва ли в такой же мере приготовляли его и разные стихии нашего общества, разрушительно действующие на все русское, особенно в наши последние времена, и даже как бы уже провозглашающие: vae victis! И до смерти Ивана Сергеевича раздавались надменные голоса о смерти славянофильства, и даже на второй день после его смерти, в органе соединенных сил жидовских и русских либеральных – некролог об Иване Сергеевиче закончен крайне лживым и крайне неприличным заверением о потере им будто бы значения в славянском мире, а в ближайшее время нет сомнения, часто будет вестись речь о том, что умер последний сильный славянофил, и с ним умерло само славянофильство.

Если бы это мнение было верно, то нужно было бы думать, что теперь свободно без нравственных стеснений будет гулять всякое западничество по широким русским долам и по гористым извилинам западно- и южнославянского мира, и все самобытно-русское и славянское будет беспрепятственно оскорбляемо и унижаемо, и по указаниям отдаленным – иноземным, и по ближайшим жидовско-польско-немецким. Но этого никак нельзя считать верным и этого никак нельзя думать.

Иван Сергеевич Аксаков – вернейший и чистейший выразитель славянофильских воззрений – не был лишь проповедником старых славяно-русских начал жизни, о которых так смело думают, что им уже не воскреснуть, т. е. будто бы они не живут в русско-славянском народе и будто уже мертва русско-славянская интеллигенция для их восприятия. Он был еще более вещим глашатаем того русско-славянского будущего, когда русские и славянские люди, настранствовавшись и помучившись на распутиях западно-европейской жизни, станут задумываться, приходить к своему народному самосознанию и собираться воедино для дружной самобытной работы, крайне нужной и для славянства, и для мировой цивилизации, самозабвенно приписываемой себе современной западной Европой. Нельзя думать о падении дела Ивана Сергеевича Аксакова и просто потому, что такая сила самобытной земли и высокого подвига жизни не умирает, а создает и выдвигает последователей и продолжателей.

Об этом, надеюсь, свидетельствуют и ваши, господа, восприимчивые к добру и истине сердца и умы. Об этом теперь, без сомнения, внушительно свидетельствует старая, но всегда богатая мощными силами Москва, собирающаяся теперь пока в молчаливом, но красноречивом своем величии погребать своего достойнейшего гражданина и общерусского твердого стоятеля за православие, за Русь, за славянство, и невольно заставляющая теперь все нерусское в ней чувствовать тягостное уединение.

Нет сомнений, что и во всей России и во всем славянском мире немного найдется таких оскудевших внутренней силой мест, где бы не дрогнули русские и славянские сердца при известии об этой неожиданной и тяжкой утрате и не вызывала глубоких дум о России, о славянском мире.

Вы, господа, конечно, имеете уже немало сведений об Иване Сергеевиче Аксакова как писателе, как общественном деятеле, еще больше их получите в эти дни, и достаточно имеете образования и развития, чтобы перед вами мог обрисовываться ясный образ этого дивного русского человека. Перед вами теперь, без сомнения, выступает со всей ясностью то служение России, которое предпочел и сам всегда совершал Иван Сергеевич и которое одинаково достойно и лучших славяно-русских сердец, и лучших славяно-русских умов.

В этом служении совмещались все лучшие начала русской славянской жизни без сепаратизмов и без насильственных поглощений, без разделений на касты и боль пагубной нивелировки, и все это подкреплялось не только умственной, но и нравственной силой, и, наконец, поднималось, что особенно нам дорого, на высоту начал вселенского православия. Отсюда и выходило, что

то достоинство России, которое выдвигал Иван Сергеевич Аксаков, нелегко могло быть ниспровергнуто даже сильными противниками, и та вера в будущность России, которую он будил, нелегко падала даже при жестоких невзгодах.

Я глубоко убежден, что так будет и дальше и что пока так будет, т.е. пока на Руси будет сила и чистота русских убеждений, до тех пор имя Ивана Сергеевича Аксакова всегда будет живо помниться и много почитаться».

В дополнение к сказанному редакция «ЛЕВ» сообщала о том, что М. О. Коялович после завершения официальной части своего выступления «сказал несколько слов о своих близких отношениях с И. С. Аксаковым в течение более четверти века, о том обаянии, какое производила на него богатая, чистая душа Ивана Сергеевича, а также о последнем к нему письме Аксакова, письме, способном умирающего поднять на ноги и вызвать к энергичной деятельности» [143, с. 5, 9, 37–40, 44, 50, 107, 138, 142, 154, 164, 199, 213, 246].

Память о трудах и делах И.С.Аксакова получала и в дальнейшем свое отражение на страницах «ЛЕВ». В 4-ом номере издания за 1888 год были опубликованы фрагменты из «Отчета Гродненского православного Софийского братства», в которых имя Аксакова и общественное движение, к которому он принадлежал, получили высокую оценку и вылились в «одну из светлых сторон деятельности Гродненского православного Софийского братства» – организацию публичных чтений». Организатором их явился член Совета Братства Иван Петрович Татлин. В «Памятной книжке Гродненской губернии» за 1881 год (с. 271) имеется следующая запись: «Татлин Иван Петрович, статский советник, директор Гродненской мужской гимназии, кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св.Станислава 2-й степени. Имеет знак отличия по устройству бывших государственных крестьян и медаль в память усмирения мятежа 1863–1864 годов. Кандидат Московского университета, на службе 21 год, в крае – с 1864 года, в должности – с 1875 года». Так вот, этот Татлин на общем заседании собрания братства в январе 1888 года предложил «на благоусмотрение собрания» следующее:

«В одном из последних заседаний совета братства имя И.С.Аксакова внесено в синодик Гродненского православного Братства для вечного поминовения. Выразив этим уважение к деятельности этого русского человека, мы этим самым признали, что деятельность Ивана Сергеевича не должна исчезнуть бесследно для русского общества, иначе сказать, приняли на себя обязанность продолжить существование его системы воззрений в сознании и, по возможности, укрепить ее в самой жизни. Деятельность И.С. находится в тесной связи с главною целью Братства, как она выражена в 1 параграфе устава: «возвышение и укрепление духа православия и русской народности». В системе его воззрений истинно русский человек найдет разрешение многих вопросов, разрешением которых следовало бы заняться. Братству первому следует приступить к этому делу. Это общее дело окажет благие результаты и в том отношении, что, объединяя членов его, устанавливая между ними нравственное единство и возможное согласие во взглядах, придаст большую дружность в

деятельности их по всем предприятиям Братства. На первых порах можно предложить такую программу этого дела: ежемесячно, а при более благоприятных обстоятельствах и чаще, назначаются собрания членов братства для обсуждения произведений русского ума, имеющих целью возвышение и укрепление духа православия и русской народности. Аксаков, Хомяков, Кириевский, Самарин, дневник писателя Достоевского и др. окажут пособие для этой разработки славяно-русской системы воззрений. Г. попечитель женской гимназии разрешил воспользоваться залой женской гимназии для собраний членов Братства с означенной целью».

Общее собрание, находя это предложение вполне солидарным с целями братства, с благодарностью его приняло и просило И. И. Татлина, как инициатора предполагаемого предприятия, принять на себя труд его организации. При этом почетный председатель Братства, преосвященнейший Анастасий, вполне одобряя выбор для вышеозначенной цели произведений славянофильской школы, как содержащей к себе и богословскую точку зрения в духе православно-русского христианина, выразил желание, чтобы в ряду чтений не было обойдено сочинение покойного Ю. Ф. Самарина – «Об иезуитах». Знакомство с этим сочинением весьма важно и поучительно для русского общества этого края, который был так недавно главной в России ареной действий этого ордена.

Свое предложение Иван Петрович Татлин в последующем и осуществил, прочтя пять лекций «Об основах учения славянофилов». В первой лекции Иваном Петровичем было объяснено, что «общество есть среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание. Вследствие этого каждому русскому человеку необходимо ознакомиться с учением славянофилов, способствовавших развитию славянского самосознания. Они сами изучали и приглашали общество изучать формы древнего быта и законы своей страны, особенно характера и мировоззрение предков; приглашали хранить веру и дорогие учреждения старины, соответствующие характеру русского народа. Славянофилы считали несбыточной мечтой возвращение к допетровской России; а введение в Россию западного просвещения, без критики его, признавали делом, недостойным общества, как среды, разрабатывающей народное самосознание. Из взаимодействия основ древнерусской жизни и начал западной образованности должно возникнуть просвещение высшее, чем западное». Во втором чтении было изложено об основах русской жизни – православии, самодержавии и общине. В третьем – «о рационализме в религии, который возник под влиянием древнеримской образованности, скрывался в латинстве, резко выступил в протестантстве и окончательно погиб, от собственного развития, в философии, которая таким образом очистила место для более полной и святой веры, переданной христианским учением». В четвертом чтении «было объяснено о православии, как о просветительном начале, объединяющем славян; о влиянии его на общественную и семейную жизнь русского народа». В пятом – «о

православии, как философии, т. е. о мысленном отношении православия к западной образованности. Для уничтожения вреда от образованности иноземной, противоречащей духу просвещения христианского, следует подвергнуть первую критику православного учения. Это должно быть общим делом всех людей верующих и мыслящих, знакомых с писаниями Св. Отцов и западной образованностью. Наша современная духовная литература окажет этому делу великую помощь».

Лекции И. П. Татлина привлекли большое число интеллигентных слушателей города Гродно, выражавших свое удовлетворение по поводу того, что лекции эти полны живого интереса в умственном и нравственном отношении. Живой интерес, возбужденный лекциями к учению славянофилов проявился в желании слушателей собираться каждое воскресение в 8 часов вечера в помещении братской школы для собеседований по поводу решения многих вопросов, возникших из близкого знакомства с учением славянофилов. Со своей стороны И. П. Татлин, как сообщалось в издании, обещал продолжать чтения об учении славянофилов. Причем он при дальнейшем изложении учения славянофилов намерен объяснить образование существующей формы правления из основ народного быта». Затем он изъяснит о древней общине и об общественном пользовании землей; прочтет о земских соборах; разъяснит вопросы: славянский, польский и еврейский» [65].

Таким образом, в своих публикациях «ЛЕВ» не только давали оценку жизни и общественной деятельности И. С. Аксакова, его ближайшему окружению, но и показывали значение славянофильства для формирования общественной мысли Беларуси. В ряде номеров воззрения, было выражено стремление этого печатного органа укреплять в сознании славянского духовенства края и всех прихожан идею об особой роли славянофильства в исторических судьбах белорусов. Итогом этого воздействия во многом стало учреждение в 1909 году в Вильно «Общества славянской взаимности» и его отделений во всех губерниях Северо-Западного края [58].

Сегодня, как и много лет назад, весьма злободневны слова из чешской газеты «Narodni Listy»: «Да, конечно, в Аксакове народ русский потерял одного из величайших деятелей, а все остальное славянство потеряло защитника и преданнейшего друга. Но потеряли ли мы его совсем и совершенно? Никоим образом. Люди такого духа и значения оставляют по себе для счастья народов светлый путь, ничем не заменяемый; это лучи светлых идей, которые освещают потомству путь и тогда, когда уже самая звезда потухла» [131].

3.5. О жизни и творчестве Я. Ф. Головацкого в освещении «Литовских Епархиальных ведомостей»

Биография Якова Федоровича Головацкого (17.10.1814, с. Чепели, Австрийская империя – 13.05.1888, Вильно, Российская империя) достаточно

хорошо известна в научных кругах России, Украины и Беларуси. Краткие сведения о его жизни и деятельности помещены во многих капитальных энциклопедиях, а также в «Википедии». Будучи отражением тех или иных мировоззренческих и научных подходов к оценке роли этой замечательной личности, указанные публикации не всегда адекватно раскрывают даже главные вехи биографии Я. Ф. Головацкого. «Большая Советская энциклопедия», называя его украинским поэтом и фольклористом, осуждает его за «переход в лагерь реакции» [12]. «Энциклопедия истории Беларуси», относя его труды к украинской науке и литературе, положительно отзывается о его работе на посту председателя Виленской археографической комиссии, за значительный вклад в изучение духовных связей украинского и белорусского народов [165]. Славяноведческий библиографический словарь справедливо отдает должное Я. Ф. Головацкому за его искреннее стремление «разрешить вопрос билингвизма, исходя лишь из принципов древнерусского национального единства», а также за признание к концу жизни «одной русской народности и одной русской литературы» [106]. Что касается «Векипедии», то она, наоборот, подчеркивает «высокий вклад Я. Ф. Головацкого в развитие украинского языка и образования», но вместе с тем отмечает «губительность его перехода в 50-е гг. XIX века на позиции русофильства и негативное отношение к использованию украинского языка в литературе» [163].

Столь разительные расхождения в суждениях о Я. Ф. Головацком о его профессиональной, этноконфессиональной и общекультурной принадлежности требуют более углубленного изучения его биографии. Большие возможности открывает для этого печатный орган Литовско-Виленской епархии, журнал «Литовские епархиальные ведомости», который не только откликался на труды ученого-слависта, но и выразил свое искреннее соболезнование в связи с его кончиной. Уже в 19-ом номере журнала от 4 мая 1888 года его редакция поместила на страницах своего издания содержательный некролог, как дань уважения и скорби в связи с большой утратой, поразившей всю Русь: «1-го мая, после непродолжительной болезни воспаления легких, скончался на 74 году жизни знаменитый галицко-русский деятель и патриот Яков Федорович Головацкий… Родился он в Галиции, в с. Чепели Золочевского уезда от униатского священника Федора Ивановича и жены его Феклы Васильевны…» Разумеется, жанр некролога позволил редакции обозначить лишь главные вехи биографии Я. Ф. Головацкого, его заслуги перед наукой и развитием русского национального и общеславянского дела, однако в последующем краткая биография покойного дополнилась рядом деталей, значительно обогатившей ее. Из «слов» и «речей» при отпевании и похоронах известного деятеля становилось известно, что «род Головацких (по-польски Гловацких) происходил из города Николаева Стрыйского уезда. По семейному преданию Головацкие были дворянами из шляхты герба Прус. Прадед Якова был одним из сподвижников Богдана Хмельницкого. Дед его являлся бургомистром Николаева. У Ивана Головацкого было четыре сына: Василий, Иван, Федор (1782 г.) и Прокопий. Старший Василий в 1809 году переселился в Россию в

Подолию, разбогател, купив богатое имение. Иван был священником. По стопам отца пошел и сын Дмитрий, который всю жизнь боролся за русское дело и права церкви (униатской). Отец Якова Федор был приходским священником в с. Чепели, а мать Фекла была дочерью соседнего священника Василия Якимовича. Всего у Федора Головацкого и Феклы было десять детей, трое из которых умерли в детстве. Федор Головацкий недолюбливал поляков, хорошо относился к России, но при этом оставался австрийским патриотом. Нянькой Якова была русская девочка, дочь казачки. В доме Головацких общение между старшими велось преимущественно на польском языке, но с детьми родители всегда говорили по-русски. В четыре года мать начала учить Якова чтению.

Как отмечалось в некрологе, на 6-м году (в 1820 году) отец отвез Якова в школу в Львов, где тогла уже учился его старший брат Николай; но болезнь заставила снова взять его в деревню, в которой он и забыл о Львове. Зато церковно-славянский букварь, с его замысловатыми титлами, чтение по-русски было им усвоено хорошо, но писать скорописью он не выучился, так как ни отец, ни местный дьячок не умели писать русскою скорописью. В 1823 г. он вновь поехал в Львов и поступил во второй класс. Здесь он так удивил директора школы Крамера своим пониманием грамматики, что тот сказал ему: «Недаром ты называешься Головацкий, ты машь добре глове до грамматики». В свободное время, особенно по вечерам, Яков и его товарищи составляли певчие кружки и пели церковно-славянские и народные песни; последние он записывал в книжку, которая в последующем стала первым сборником его песен. Братья хорошо учились, были первыми учениками, получали награды книгами и это весьма радовало отца. Яков в то время увлекся греческою и римскою мифологией по Куфнеру и читал ее с наслаждением. В 1825 году подросток поступил во вторую Львовскую гимназию. Вместе с успехами в науках, у него развивалась ненасытная жажда к чтению книг; библиотеки университетская и Оссолинских, книги лиц и товарищей прочитывались им; днем и ночью читал он что попало, даже на школьных лекциях книга была с ним. Дед по матери весьма доволен был внуками и давал им перед отъездом с каникул во Львов по рублику. На эти деньги Яковом были куплены сочинения Котляревского, Державина, Основьяненко. В то же время дъячок Домбровский давал ему без начала и конца русский букварь, где была напечатана курсивом русская азбука, по которой он вскоре выучился писать по-русски. В старших классах гимназии он сошелся с товарищами по ней и студентами университета из разных мест Галичины и Угорской Руси и с упоением слушал их рассказы о житие-бытие народа, о преданиях старины, вещественных памятниках. С товарищами из поляков Я. О. жил дружно, подобно и с русским. Они жили мирно и под влиянием турецкой войны 1828 г. Учащаяся молодежь пыталась устраивать в классах штурм Варны, причем немцы и евреи представляли в этом игре турок и чаще всего были побиваемы.

В 1829 году, когда император Николай короновался в Варшаве – поляки от восторга громко стали заявлять, что кроме Познани будут отданы Польше Волынь, Подолия, Белая и Червонная Русь. Обидно стало русской молодежи

слушать эти бредни; они отстаивали эти края, спорили с поляками и, наконец, порешили: «Не дадим вам ни одной пяди русской земли. Поки церкви – все наше».

После гимназии Яков Федорович окончил курс наук в Будапешском и Львовском университетах по философскому и богословскому факультетам. Здесь же ясно определились и сложились его убеждения и его взгляды на русское дело в Галичине.

По окончании университета Я. Ф. Головацкий был рукоположен в 1843 году викарным священником Пастынского прихода, с назначением законоучителем в местной школе. В 1847 году получил самостоятельный приход в Хмелеве, а в 1848 году был приглашен львовским университетом преподавателем на кафедру галицко-русского языка и литературы. Начиная с этого времени. Я. Ф. Головацкий являлся ревностным самостоятельным деятелем и членом разных комиссий в деле развития русского языка и правильной постановки преподавания его в учебных заведениях Галиции. Так, в 1849 году он состоял членом комиссии для устройства народных училищ, комиссии для перевода гражданских законов на русский язык, рассматривал различные русские книги и учебники, предназначенные для средних и низших учебных заведений. В 1850 году Головацкий был удостоен за свои ученые труды диплома члена-корреспондента Чешского общества наук в Праге. В последующем, в 1866 году Головацкий удостоился звания почетного члена Московского общества истории и древностей российских, члена Императорского общества в Петербурге, золотой медали Императорского географического общества, большой серебряной медали этнографического общества в Москве, действительного члена Московского археологического общества, степени доктора Новороссийского университета, члена общества любителей российской словесности в Москве, члена российского общества естествознания, антропологии и этнографии, золотой Уваровской медали за разбор книги М. Де-Пуле: «Станислав-Август Понятовский в Гродно и Литве 1794–1797 гг.», Уваровской премии в 500 рублей за сочинение «Народные песни галицко-русского народа» и Высочайшей благодарности за поднесение Государю Императору этой же книги. За свое сочинение: «Географический словарь западнославянских и югославянских земель и принадлежащих стран с картою» он был удостоен Высочайшей награды золотым перстнем с рубином и бриллиантами. Кроме того, Головацким была составлена славяно-русская хрестоматия для старших классов галицких гимназий и русско-немецкий словарь, а также им была выработана галицко-русская терминология для учебника по геометрии. Будучи профессором Львовского университета, Яков Федорович неоднократно избирался на должность декана филологического университета (в 1857–1858 годах) и ректора университета на 1869 учебный год.

С 1867 года Яков Головацкий перенес свою научную и общественную деятельность в Вильно. 22 декабря по Высочайшему повелению он был определен председателем Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, в каковой должности оставался по день смерти; сверх того, с 1871 года

состоял председателем Временной комиссии по устройству Виленской публичной библиотеки и музея, членом Распорядительного комитета Западного отдела Императорского русского географического общества в Вильно и членом Попечительского совета при учебном округе. За свои труды и заслуги он был произведен в чин действительного статского советника и награжден орденами: Станислава 1-й и Св. Анны 1-й степени».

Смерть Я. Ф. Головацкого произвела глубокое впечатление среди русского общества в Вильно. В связи с этим «ЛЕВ» (№ 19) сообщали: «Все русское народонаселение Вильно присутствовало при погребении дорогого праха. Генерал-губернатор И. С. Каханов, командующий войсками округа Н. С. Гонецкий, начальник губернии А. Н. Гревениц с супругою, помощник попечителя учебного округа А. Л. Кун, окружные инспектора, директора и учителя учебных заведений, начальники частей всех ведомств и масса публики, почтили своим присутствием погребение Якова Федоровича. Высокопреосвященный владыка, глубоко уважавший Якова Федоровича лично, с участием соборного и городского духовенства, служил панихиды на дому, погребальную литургию, отпевание и само погребение на православном кладбище этого русского деятеля. Вынос тела в Николаевский собор совершился во вторник вечером.

На отпевании у гроба почившего находилась братская хоругвь, которую держали попеременно в руках братчики Св.-Духовского братства: генерал-майор П. М. Смыслов, И. Н. Ливчак и Ф. К. Смирнов. Эту же хоругвь несли перед гробом и до самой могилы на кладбище. По выносе тела из собора, печальная процессия, предшествуемая хоругвами и духовенством, останавливалась для кратких литий перед монастырями – Троицким, где воспитанники Литовской духовной семинарии вышли на встречу гроба почившего и спели литию и вечную память, и – Святого Духа, где тоже совершена была краткая лития. Потом Высокопреосвященный встретил тело на кладбище. После того, как была пропета «Вечная память», над открытой могилой, окруженной вплотную массою народа, произнес прекрасную теплую речь земляк покойного, бывший редактор «Львовского Слова», известный борец за русское дело В. М. Площанский. Он от имени Черной Руси поблагодарил здешний русских за горячее сочувствие, оказанное почившему во все время пребывания его в России. На гроб Якова Федоровича был возложен от галичан венок из живых лавровых цветов с надписью на широкой белой ленте: «Своему Ломоносову – от Черной Руси». Такой же венок возложили на гроб сослуживцы покойного по комиссии и музею. Был уже 4-й час дня, когда гроб был опущен в каменный склеп.

Помимо информации о похоронах Я. Ф. Головацкого, журнал знакомил читателей также с речами, произнесенными близкими покойному людьми. В ходе заупокойной литургии 4 мая 1888 года редактор «ЛЕВ», протоиерей Котович, в частности, о нем сказал: «С именем почившего неразрывно связывается и воскресает в памяти незабвенное время возрождения и укрепления русских начал народности, веры и науки в отдаленной окраине

широкой земли русской – в Галицкой и Угорской Руси. Произнесите имя Якова Федоровича Головацкого и вы услышите, что Галицкая Русь неразрывно ставит его впереди того славного и неутомимого кружка ученых мужей и мужественных народных деятелей, которые обнаружили и обнаруживают завидную кипучую деятельность, жертвуя на алтарь отечества свои дарования, свои знания и материальные средства, которые, как путеводная звезда, указали галицко-волынскому народу путь к самобытному русскому развитию в области науки и общественной жизни. С тех пор русская жизнь бьет живительным ключом в заграничной русской земле, выдерживая с успехом борьбу с сильными враждебными течениями, спасая русскую народность, язык и греко-восточный обряд в области веры. Ее сила одинаково слышится и чувствуется как в палатах людей знатных и богатых, так и в хижинах поселян, будя в них чувства русского самосознания и вызывая их на деятельность.

Прежде всего, почивший был сыном родной земли. Происходя из древнего и почетного рода Головацких, родившись в священнической семье, проживший с юных лет жизнью народа; народные думы, песни, сказки и предания не были от него закрыты и наложили на его впечатлительную душу свою неизгладимую печать. В нем рано проявились охота и способность к изучению языков и их грамматических тонкостей, и эта охота под влиянием дальнейшего образования обратилась в сознательное стремление и направление, а затем принесла обильные плоды в его учебно-научную деятельности».

Говоря об особенностях формирования мировоззрения Головацкого, протоиерей Иоанн Котович отмечал: «Время его образования в высших школах было крайне не выгодно для русского человека; оно, по-видимому, и не могло обещать Я. Ф. Головацкому того, кем он стал. Это было время обильного сеяния тех плодов, какие дали и вырастили чисто польские университеты: Краковский, Львовский и Виленский, а также Кременецкий лицей. Это было время, когда о русском языке в Галиции воспрещалось писать, когда, кроме букварей и молитвенников, здесь не печаталось по-славянорусски решительно ничего, когда, кроме Львовской типографии, не было ни в одной типографии и буквы кирилловского шрифта, когда даже целые года не появлялось из печати ни одной книжонки или брошюрки на русском и славянском языках. Но клад из народной жизни, положенный в ранних летах в основу духовного развития почившего, сказался незыблемою скалою, стоя на которой он, верно, понимал и себя и окружающую среду. С увлечением он предался изучению народной жизни, так как это отразилось в верованиях, взглядах и чаяниях народных; он неоднократно пешком проходил страну из конца в конец, записывал песни, народные памятники, названия местности, исторические предания, сверял их с историей края, со словесными произведениями и историей соседних славянских народностей, и в добытых данных, в думах народных, находил разрешение томивших его задач. Любовь к русскому народу и его словесному творчеству возгоралась в нем сильнее и ярче; плодом такой его деятельности в последствии

явилось богатое четырехтомное собрание дум и песен народа Галицкой и Угорской Руси, снабженное исследованием о Галицкой Руси.

Окончив курс учения в двух университетах по философскому и богословскому факультетам, он первоначально посвятил себя пастырскому служению среди того народа, который он так любил, и направил свои силы на образование своих земляков. Однако из деревни его вызывают в университет и предлагают ему вновь открываемую кафедру русского языка и русской литературы при самых скудных средствах вознаграждения и при сильных нравственных затруднениях, причем правительством не разрешено было называть преподаваемый предмет «русским», а дано ему название «рутенского» языка. При таких обстоятельствах нужно было немало такта, чтобы удержаться с достоинством в продолжении 19 лет на университетской кафедре среди коллег поляков и немцев, на глазах правительственных сфер, и не отказываясь от своих взглядов, удостоиться такого доверия и уважения корпорации и профессоров, чтобы быть избранным дважды сряду в деканы филологического факультета, что в то время было большой редкостью и даже в ректоры университета. Пользуясь положением профессора русского языка он воскрешал в слушателях любовь ко всему русскому и славянскому, будил в них забытое прошлое, спасал их от увлечений и неправд, развиваемых польскою печатью, громил польскую неправду, зорко и во всеоружии знания стоял совместно с другими деятелями на страже народного русского движения, и всю жизнь с замечательною неутомимостью и высоким достоинством вел борьбу за возрождение Галицкой Руси. Такое неотразимое влияние почившего на русских Галицкой и Угорской Руси открыто здесь в Вильно, признал и засвидетельствовал известный народный деятель протоиерей Наумович; о том же неумолкаемо свидетельствует галицко-русская печать.

Ревностный патриот и ученый не ограничил своей деятельности рамками профессорской кафедры. Он усердно проповедовал и работал над освобождением русской учащейся молодежи от пользования учебными пособиями и руководствами на польском и иностранном языках, и над составлением учебников русских с русской терминологией. Несмотря на препятствия и от новизны дела и от враждебных влияний, его стремления увенчались в конце концов успехом. Вызванные к сознательной духовной жизни, наши братья русские галичане вступают на новый путь общественного положения и идут неудержимо к еще большему духовному сближению и единению с великой семьей русского народа. Этот замечательный факт из истории русского народа возбудил, особенно в последние годы, в политике подозрения и опасения, а в среде поляков вызвал ожесточенную борьбу; признано необходимым поставить руками иезуитов и воскресенцев преграды народному русскому движению, замедлить и ослабить течение и действие народной и церковной жизни, и вызвать в среде русских взаимную борьбу из-за русского языка и литературы, дабы разъединить их от великорусского народа, его языка и литературы.

Изучив богатство и красоту великорусского слова, Яков Федорович обращался к галицко-русской печати с приглашением освободиться от ига польских и латино-немецких фраз и речей и заменить их равнозвучащими русскими словами совершенно понятыми для народа. Он замечательно был отзывчив на те вопросы и мнения, какие возникали в области славяно-русской филологии, истории, археологии, этнографии, географии и т.д., ясно определял сущность и цель их возникновения и из богатого запаса своих знаний давал освещение этих вопросов и этих мнений.

Владея славянскими наречиями, изведав славянские страны неоднократными своими путешествиями; входя в живое духовное общение с представителями славянства, ознакомившись с духом и направлением жизни славян, почивший унес с собою в могилу твердое убеждение в светлое будущее славянства, в его единение и свободу, несмотря на те тучи вражды и недоразумений, какие облегают по временам славянский мир. Верный этой идее, он много потрудился для славянства и плодом этой долголетней и кропотливой работы явился несколько лет тому назад «Географический словарь западнославянских и югославянских земель», из которого русский славянин с первого взгляда узнает своих родных, и отчужденная на картах немецкими, мадьярскими и турецкими словами страна предстанет русскому уму не менее родной, чем любая страна в России среди сплошного русского народа.

Открыто используемый им русский патриотизм и любовь к православной церкви, особенно после славянского в Москве съезда, возбудили против него преследования австрийских властей, и почивший Яков Федорович, уступая силе, должен был оставить любимую страну и удалиться туда, куда еще с ранних лет, по его словам, стремились его заветные думы, как бы предчувствуя свою судьбу. По воле почившего монарха ему указана родная его духу деятельность в качестве председателя здешней Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, и – временной комиссии по устройству здешнего богатого книгохранилища и при нем музея. Почивший много и с достоинством потрудился на этом поприще, видел успех своих трудов и добытыми данными восполнял пробелы в истории Галичины и нашего края.

Славянорусский ученый мир глубоко уважал заслуги Якова Федоровича и считал за честь иметь его своим членом многих ученых учреждений и обществ – славянских и русских; принимал живое участие на съездах этих обществ; не чуждался он и общественной деятельности: братская хоругвь при его гробе свидетельствует о нем как о члене нашего православного Св.-Дух. Братства. Заслуги почившего Якова Федоровича для науки оценены и с высоты монаршего престола, о чем свидетельствуют эти знаки отличия у его гроба…».

Свою речь протоиерей Иоанн Котович завершил словами: «Яков Федорович окончил свое многотрудное поприще! Великое поприще! Великое горе постигло осиротелую семью и его здешних друзей и почитателей; не меньшее же горе поразило его родную страну, и печальным отголоском пронесется по всей России. Смерть его так для нас неожиданна, что трудно с

нею свыкнуться. Но судьбы Божии неисповедимы! Да будет же благословенно из рода в род имя труженика и русского патриота».

В прощальной речи коллеги и земляка Я. Ф. Головацкого – В. М. Площанского были такие слова: «Особенною скорбью о потере своего сына поражен родной нам Галич. Там искони идет ожесточенная борьба за существование русской народности. В этой неравной борьбе с противниками принимал деятельное участие наш Яков Федорович, и как даровитые генералы воюющей армии находят случай отличиться в сражениях, так он в борьбе за святые права своей Руси стал одним из самых видных вождей своего народа.

Будучи вынужденным покинуть свою родину и проживая в гостеприимном Вильно, он не перестал поддерживать Галицкую Русь в ее борьбе с противными стихиями: издали посылал он ей в помощь меткие стрелы, которые поражали противников весьма удачно и чувствительно. Оружие его – это неоспоримая историческая правда, с трудом добытая из пыли архивов; этим оружием он убивал неправду. Он тщательно выписывал из древних актов все имеющие связь с нашим краем, и сообщал все, что могло нам послужить в защиту и разоблачение неверных толков, а мы, получая иногда целые тетради его рукописей для помещения в наших изданиях, удивлялись трудолюбию старика, его бодрости и вечной свежести ума. Он знакомил также здешнюю Русь с судьбами и положением своей Галицкой страны и будил для нее сочувствие здешних патриотов и деятелей. На археологический съезд в Киеве 1874 года он прибыл с обширной рукописью, в которой он неоспоримыми данными доказывал, как с течением времени русский Галич постепенно отчуждался от своей веры и народности. По поводу этого труда противная нам печать, как и понятно, подняла тогда страшный шум. Как на родине, так и тут служил он нам прекрасным примером беззаветной любви к отечеству: он ободрял, он одушевлял нас до последних дней своей жизни, и ему то мы обязаны в значительной мере теми успехами, какие обнаруживает история нашей Руси за последнее время» [71].

Развивая мысль В. М. Площанского о неразрывной связи Головацкого с родиной, другой его земляк (в журнале его авторство обозначено – «Н., галичанин») подчеркивал: «Весть о неожиданной смерти Я. Ф. Головацкого немало поразила здешнюю Русь, она отозвалась печальным отголоском на всей Руси, – особенно же на несчастной его родине, которую он с ранней своей молодости будил к народной жизни, для которой он много трудился и пострадал, которую как верный и любящий сын поддерживал литературными своими трудами до последних дней жизни. Еще за несколько дней до своей кончины он выслал в редакцию литературного сборника «Матицы» во Львов весьма ценную рукопись о первых галицких епископах, составленную на основании открытых в Виленском центральном архиве документов» [72].

Памяти Я. Ф. Головацкого было посвящено и заседание Совета Виленского православного Свято-Духовского братства, на котором с подробным сообщением о последних годах жизни ученого в Вильно выступил редактор «ЛЕВ» (1888, № 20), протоиерей Иоанн Котович: «Сведения,

которыми я желаю поделиться с досточтимыми членами совета братства, будут касаться перехода бывшего нашего сочлена Я. Ф. Головацкого на службу в Россию, в западный край. Известно, что покойный до приезда в Вильно всю жизнь провел в Галицкой Руси; все свои силы и дарования он посвятил этой стране. Здесь он воздвиг себе самый прочный памятник тем, что 50 лет тому назад вместе с Шашкевичем и Вигилевичем воскресил русско-народную жизнь, пробудил ее от 500-летнего усыпления, в которое она погружена была вследствие утраты самостоятельности и возобладания над нею иноплеменной материальной и моральной силы. В этот период времени вообще мир славянский вследствие политических обстоятельств пришел в движение: самосознание начало озарять умы славян; воскресла память об историческом прошлом, явилась строгая оценка настоящего. В 1848 г. в Чешской Праге собрался Славянский съезд, на котором русских почти не было, для взаимного общения и знакомства. Но цель съезда была не достигнута; рознь в наречиях и стремлениях славян, особенно поляков, сказалась очень резко; у них не было одного славянского языка, на котором бы представители славянства могли обменяться своими заветными мыслями, а потому здесь должны были прибегнуть к помощи языка немецкого. Но неудача послужила на пользу; взор славян более чем когда-либо обратился к России. И в этом направлении более всего поработали ученые в Галицкой Руси, в том числе и Я. Ф. Головацкий. С профессорской кафедры он проповедовал о необходимости единого общеславянского литературного языка и признавал для себя более целесообразным и полезным богатейший славянский язык русский. Такая проповедь враждебно была встречена поляками; в противодействие сему они выдвинули так называемое литературное «украинофильство», которое, благодаря богатой материальной помощи, приобрело поклонников. Я. Ф. Головацкий знал, откуда идет этот литературный сепаратизм и с полною откровенностью и силою своего слова и знания обличал это уродливое на русской почве явление. Враждебная партия воздвигала против него гонения; ей необходимо было удалить Я. Ф. Головацкого от профессорской кафедры, лишив его этим самого могущественного средства свободно и гласно защищать и проводить свои начала. Предлогом к устранению Якова Федоровича, от университетской кафедры было участие его вместе с другими австрийскими славянами, кроме поляков, в этнографической выставке в Москве в 1867 г. Пробыв месяц в России славянские гости, в том числе и Яков Федорович почувствовали всю силу и богатство русского народного гения, его могучего литературного и вещественного творчества. В Москве после университетского акта Я. Ф. Головацкий в трогательной речи изложил, что он не знает, как выразить счастье, которое доставляется ему настоящею возможностью сказать в средоточии русской земли слово родным русским братьям на родном русском языке. Все славянские гости старались, как могли, объясняться по-русски, считая преступным говорить «в Святой Москве» на ином языке. Для будущего это явление знаменательно. Несмотря на то, что речи и поведение славянских гостей были совершенно чужды политической окраски, поляки по отношению к

Е. Ф. Головацкому подняли большую тревогу; они стали кричать, что подозрения их касательно Я. Ф. Головацкого в «москвофильстве» имеют свое основание и вполне оправдываются, и не успел еще Я. Ф. возвратиться на родину, как учать его была решена. Наместник Галиции, поляк граф Голуховский, под предлогом произведенных в доме Я.Ф. Головацкого обысков, устранил его от кафедры профессора в Львовском университете, без суда и следствия. Положение Я. Ф. Головацкого как ученого, гражданина и семьянина стало затруднительным. Несмотря на то, что против Головацкого были возбуждены судебные иски, он надеялся оправдать от взводимых на него обвинений, он чувствовал, что враги не оставят его в покое и будут вредить ему.

Однако оказалось, что сближение и знакомство Я. Ф. Головацкого с Россией и русскими людьми – государственными и общественными деятелями – послужили ему во благо. Я. Ф. Головацкий получил приглашение переселиться на службу в Россию. Мысль о назначении Я. Ф. Головацкого председателем Виленской комиссии для разбора и издания древних актов принадлежит Д.А. Толстому и вызвана была положением Я. Ф. Головацкого после приезда его на славянский съезд в Москву. «Известный славянский ученый, – писал министр народного просвещения, граф Дмитрий Андреевич Толстой к попечителю учебного округа Ивану Петровичу Корнилову 22 июля 1867 года – профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий, находившийся в числе славян, посетивших в нынешнем году этнографическую выставку в Москве, удален, по распоряжению Австрийского правительства, от должности, и лишился тем самым всех средств к существованию. Это удаление Головацкого от должности главным образом должно быть приписано известной его приверженности к России. Уже по одному этому, независимо от ученых заслуг почтенного деятеля, желательно было бы подать Головацкому руку помощи. Министр просил попечителя округа уведомить его: не окажется ли возможным предоставить Я. Ф. Головацкому место председателя Виленской комиссии для разбора и издания древних актов на открывшееся свободное место после переезда былого председателя Безносова в Москву.

Иван Петрович Корнилов в ответном письме от 27 июня признал чрезвычайно важным приобретением для Северно-Западного края это назначение Головацкого. Причем он указал, что «возникающее здесь ученое и литературное движение нуждается в опытных, верных и преданных России руководителях. Нет сомнения, что г. Головацкий, известный своими учеными трудами, будет иметь самое благотворное влияние на предпринятые в последнее время в Вильно, Несвиже, Витебске и др. местах Северо-Западного края исторические и археологические изыскания и, конечно, для русского дела и для успеха науки, необходимо воспользоваться счастливою возможностью привлечь в Виленский учебный округ достойнейшего славянского ученого и доверить ему заведывание учебными работами в Виленской комиссии».

Содержание председателя Виленской комиссии было в то время 2000 руб. без квартиры, и само назначение на эту должность зависело от генерал-

губернатора. В виду сего, попечитель просил министра сделать прошение генерал-губернатору, а ввиду потери Головацким кафедры в Львовском университете и его многосемейности выдать ему пособие и двойные прогоны т. е. командировочные расходы. После всего этого министр народного просвещения 15 июля 1867 г. написал к Якову Федоровичу Головацкому письмо следующего содержания: «Узнав частным образом, что вы, может быть, согласились посвятить дальнейшую вашу ученую деятельность России, я пришел к убеждению, что весьма желательно бы было назначить вас председателем Виленской комиссии для разбора древних актов, учрежденной нашим правительством при управлении учебного округа. Комиссия эта имеет целью отыскивать в разных правительственных, церковных, монастырских и частных архивах и издавать потом в свет древние акты, важные в историческом отношении и могущие служить для разъяснений отношений России к Царству Польскому и к прежней Литве. Председатель получает 200 рублей, имеет обязанность сам участвовать в занятиях комиссии и руководить работой членов. Сообщая о таком моем предположении, я считаю долгом заявить, что мне было бы весьма приятно, если бы вы сочли для себя возможным и выгодным принять эту должность, на которой вы, без сомнения, своею пресвященною деятельностью могли бы принести много пользы делу науки».

Однако имя Якова Федоровича было настолько известно ученому русскому миру, а сочувствие последнего к нему было так велико, что во время этой переписки попечитель Варшавского учебного округа пригласил его занять кафедру в главной Варшавской школе с содержанием в 3000 рублей в год. В виду этого необходимо было или увеличить содержание председателя Виленской комиссии до этой нормы, или же должность председателя соединить с другой должностью, содержание которой усиливало бы содержание председателя до 3000 рублей. Но так как последнее исходило от генерал-губернатора, то попечитель Виленского учебного округа Иван Петрович Корнилов, обращаясь к генерал-губернатору графу Баранову 6 сентября, добавил: «что с настоящего года усилилась серьезная учено-литературная деятельность, направленная на собирание, изучение и издание памятников местной славяно-русской старины, а также на труды по местной филологии. К сожалению, эти работы производятся людьми, хотя усердными и преданными делу, но молодыми и неопытными. Это впервые возникающая здесь умственная деятельность, нуждается для зрелости и основательности своей в надежном и авторитетном руководителе, способность удерживать от ошибки и увлечений и давать умственным работам истинно полезное направление. Я. Ф. Головацкий известен в ученом мире как отличный специалист по русским древностям и филологии, а потому приглашение в Вильно человека, которым может гордиться всякий университет и который по благонамеренности, благодушному характеру своему и преданности русскому делу пользуется общим уважением в нашем отечестве, будет истинным добром для Северо-Западного края и будет сочувственно принят всеми русскими, которым известно, что Головацкий безвинно пострадал за его любовь к России, и который поэтому заслуживает

особенного внимания». Письмо И. П. Корнилова заканчивалось его ходатайством перед графом Барановым о даровании возможности пригласить Головацкого в Вильно для службы русскому двору в области нравственной и умственной деятельности: «Учебный округ нуждается в ученых силах для того, чтобы с достоинством и успехом вести борьбу с враждебными нашему государству началами».

Спустя месяц после этой переписки, обещавшей благоприятный исход дела, попечителем округа была получена от 4 октября телеграмма от профессора Новороссийского университета В. Н. Григоровича следующего содержания: «Новороссийский университет, возведя Я. Ф. Головацкого в доктора, избрал его и ординарным профессором русской словесности. Известите об этом его». Не нужно говорить, что эта телеграмма вызвала беспокойство и сожаление о том, что Виленский учебный округ может лишиться ученого деятеля, в котором он нуждается. «Придется, – писал попечитель, – как и доселе продолжать ученые работы и предпринимать новые, первостепенной важности исследования домашними средствами, без надежных и опытных руководителей». – «Мы нуждаемся, – писал И. П. Корнилов к Я. Ф. Головацкому, – в опытных деятелях для разнообразных исторических, этнографических и политико-экономических работ. К польской литературе тенденциозной и односторонней мы должны относиться недоверчиво; притом она служила преимущественно и даже почти исключительно заветной политической идее своей, и ни на что другое не обращала спокойного, глубокого и сосредоточенного внимания; она богата только политическими и мистическими бреднями Духинских, Мицкевичей, Товянских, Мирославских и других, но в ней нет ответов на живые, современные, политико-экономические вопросы. С кем мы будем работать, когда вы от нас уйдете, добрый Яков Федорович; почтенные и взыскательные соотечественники справедливо иногда нами не довольны: они требуют от нас мудрости, безошибочности, знания края, а между тем мало помогают нам дело. Впрочем и то хорошо, что они бранят нас; их голоса доказывают, что общество русское внимательно следит за ходом Северо-Западного края. Как ни досадно, что они иногда напрасно нас журят, тем не менее сердитые их перья ободряют нас. Было бы несравненно хуже для дела, если бы вся Россия безучастно молчала и предоставляла бы нам работать как угодно. Между тем дело о назначении Якова Федоровича в Вильно двигалось; это движение вызывалось и необходимостью. Крайняя медленность археографических изданий Виленской комиссии была очевидна; эта медленность зависела от того, что в личном составе этой комиссии все члены занимали другие должности, обременены были другими обязанностями, и не было ни одного члена, который бы исключительно мог посвятить себя археографическим работам.

Таким образом, вопрос об определении Якова Федоровича в Вильно был исчерпан. В начале 1868 г. он был уже в Вильно и когда тогдашние дела его устроились и австрийское правительство дало согласие уволить его в Россию, 31 июля 1868 г. он принес со своим семейством присягу на русское подданство

в Виленской Николаевской церкви, а 7 сентября того же года был присоединен с семейством из унии к православной церкви в Виленском кафедральном соборе, протоиереем Иоанном Борзаковским, в личном присутствии в качестве свидетеля, помощника главного начальника Северо-Западного края князя Петра Романовича Багратиона. Незадолго перед этим Яков Федорович сложил с себя духовный сан. В том же 1868 году 11 октября, Яков Федорович, по представлению генерал-губернатора, как значится в официальной переписке, награжден был чином статского советника и зачтены были ему в действительную службу для получения пенсии годы его профессиональной деятельности в Львове с 1848 по 1868 год, с предоставлением ему всех льгот, присвоенных университетом. Уже в Вильно в 1869 г. он имел утешение получить нравственное и материальное (хотя в малой степени) удовлетворение за испытанную несправедливость от наместника Галиции графа Голуховского. Австрийское министерство правосудия рассмотрело и исследовало жалобу Якова Федоровича на незаконные действия наместничества, и взвесив его прежние заслуги, признало его оправданным от обвинений в действиях против правительства и распорядилось выдать ему по должности профессора в Львовском университете задержанное жалование с 1 апреля 1897 года по конец марта 1868 года, т. е. по день выезда его в России, – 447 флоринов.

После того началась мирная, кропотливая и ученая деятельность Я. Ф. Головацкого в Вильно, результатом которой явилось 15 томов печатных древних актов, изданных комиссией под его председательством. Но трудясь здесь, он не прерывал духовной связи с Галицкой Русью. Он писал статьи и литературные заметки о Галиции в различных русских газетах и журналах, не забывая и галицко-русскую печать, куда он посылал свои ценные статьи. Перечислить все его произведения в настоящее время невозможно; он писал и печатал весьма много в разных периодических изданиях не только русских и галицко-русских, но также в чешских и немецких. Он издал в Галиции одну из лучших грамматик галицко-русского наречия; издал 4-томное собрание песен, пословиц галицко-русского народа, украшенное типичными рисунками тогдашних жителей; составил географический словарь населения славянского племени и много брошюр и статей по истории археологии, этнографии, языковедению, богословию и географии.

Яков Федорович много уже лет состоял членом нашего братства. А в последние годы был в составе совета братства, принимал участие в его заседаниях и в обсуждении предпринимаемых мер к расширению деятельности православных и русских начал в крае. Свое имя он навсегда связал с существованием братства тем, что внес в пользу его денежный вклад, проценты с которого навсегда должны быть членским взносом его имени. Этим действием он выразил сколько свою уверенность в будущность и процветание нашего братства, столько же свою последовательность традициям галицко-русским, где общественные, русско-церковные и образовательные учреждения, главным образом зиждутся не на случайных взносах, а на капитализованных вкладах их членов. Да будет же вечная память приснопамятному труженику-

патриоту и братчику Виленского Свято-Духовского Братства и члену нашего Братского Совета Якову Федоровичу Головацкому» [8].

Выступление на Совете Виленского Свято-Духовского православного братства Иоанна Котовича вызвало искреннюю потребность поделиться своими воспоминаниями о покойном и тогдашнего попечителя Виленского учебного округа Ивана Петровича Корнилова, принимавшего в свое время живое участие в судьбе Головацкого. Его дополнения к сообщению Иоанна Котовича были опубликованы в №м 33 журнала за 1988 год: «В № 21 –ЛЕВ" 1888 года помещено сообщение о члене совета Виленского Свято-Духовского братства Я. Ф. Головацком, сказанное на заседании совета 16 мая, протоиереем Иоанном Котовичем. В этом весьма любопытном сообщенiі не упомянуто том, что дело об определении на службу в Вильно почтенного Я. Ф. Головацкого едва не расстроилось вследствие вмешательства бывшего генерал-губернатора А. Л. Потапова. Считаю не лишним восполнить этот пробел имеющимся в моем домашнем архиве документом, а также личными воспоминаниями: «Предместник А. Л. Потапова, граф Эдуард Трофимович Баранов очен желал привлечь Головацкого в Вильно. 14 июля и 16 декабря 1876 года он писал бывшему министру народного просвещения, графу Д. А. Толстому, что вполне разделял его мнение о пользе, какую принесет Головацкий, служа в Вильно; что считается справедливым и необходимым назначить этому известному ученому из контрибуционных сборов 1000 р. в год дополнительного содержания к окладу председателя Виленской археографической комиссии и выдать ему из того же источника 1200 р. в пособие по переезде в Вильно. «Мне было бы очень желательно, – писал граф Баранов, – помочь Головацкому». 22 декабря 1867 года состоялось Высочайшее повеление об определении «иностранного подданного профессора Головацкого председателем Виленской комиссии для разбора древних актов, с предоставлением ему всех служебных прав и преимуществ».

Дело, по-видимому, было кончено; но тут-то и начались волнения для Якова Федоровича. Едва, в начале 1868 г., успел он переселиться со своим многочисленным семейством в Вильно, как в этот город в марте месяце, прибыл вновь назначенный на место графа Баранова генерал-губернатор А. Л. Потапов. В первый же день приезда в Вильно, после обычного приема служащих, новый генерал-губернатор пригласил меня в свой кабинет и, вслед за дружескими объятиями, сообщил, между прочим, и об увольнении меня от должности попечителя Виленского учебного округа. Дня через два он снова принял меня в своем кабинете и заговорил о Я. Ф. Головацком: «Странные вещи делаются у нас в округе. Председателем археографической комиссии назначен австрийский эмигрант и униатский каноник Головацкий. В здешнем крае давно нет унии, а вы ее снова заводите. Можно ли приглашать на службу человека, выгнанного австрийским правительством. Не значит ли это возбуждать неудовольствие Австрии».

Я возразил и отметил, что Головацкий не выгнан с австрийской службы и он совсем не эмигрант; напротив, он приглашен в Вильно графами Д. А.

Толстым и Э. Т. Барановым и назначен на должность по Высочайшему повелению. «Во всяком случае, – настаивал Потапов, – Головацкому здесь не место; положение его как униата невозможно, и я переговорю об этом с митрополитом Иосифом и даже буду ходатайствовать перед Государем Императором об удалении Головацкого из северо-западного края».

Почтенный Яков Федорович, спокойно слушав мой рассказ, заметил, что генерал-губернатор напрасно считает его эмигрантом; что он не бежал из Австрии и не выгнан с австрийской службы, а уволен по неблаговолению к нему, как русскому, галицкого наместника поляка Голуховского; что вопреки этому польскому патриоту, австрийское правительство дало свое согласие на переезд его с семейством в Россию; что же касается унии, то он всегда смотрел на нее, как на неестественное и незаконное подчинение православия и давно уже решил со своим семейством принять православие.

От Я. Ф. Головацкого я поехал в Свято-Духов монастырь, к преосвященному Александру и застал гостившего тогда у него известного сподвижника митрополита Иосифа, архиепископа Антония (Зубко). После обычных приветствий, архиепископ сказал мне: «Знаете ли кто от нас только что вышел. Вы едва не встретились с новым генерал-губернатором. У митрополита его не приняли, и он заехал к нам».

На замечание А. Л. Потапова, что положение Головацкого в Северо-Западном крае, где нет ни одной униатской церкви и ни одного униатского священника, невозможное, – преосвященный Антоний заметил, «что униаты такие же православные, как и мы, но только подчиняются Папе и что Головацкий может без угрызений совести ходить в нашу церковь и исполнять ее обряды при помощи наших священников. «Но Головацкий эмигрант», – возразил Потапов, - приятно ли было нам, если бы австрийское правительство, по нашему примеру, вызвало Герцена и дало ему назначение на государственной службе».

«Вам грешно, – заметил преосвященный Антоний, – приравнивать почтенного Головацкого к Герцену. Головацкий Австрии не изменял; он явился к нам не беглецом, а переселился с согласия своего правительства».

Спустя несколько дней я навсегда простился с дорогими мне сослуживцами по Виленскому учебному округу, расстался с деятельностью, которой был сердечно и глубоко предан и выехал из Вильно.

Но и после меня А. Л. Потапов продолжает настойчиво добиваться высылки Головацкого из северо-западного края. Прибыв в Петербург, он вошел 10 апреля 1868 г. со всеподданнейшим докладом, в котором высказал следующее:

«Виленская археографическая комиссия есть правительственное учреждение, важность которого в ученом и политическом отношении неопровержима; разработка драгоценных исторических материалов тем более необходима, что при постоянном стремлении польской партии к насильственному подавлению искони русского в Северо-Западном крае начала и к присвоению себе незаконных прав, древние акты будут служить наглядным

свидетельством прошедшего и вызовут из векового унижения и забвения русскую бытовую сторону с ее историческим прошлым. К подобному учреждению правительство должно питать неограниченную доверенность, а потому председателем комиссии не может быть австрийский подданный, униат, носящий даже ксендзовскую одежду, тем более, что членами в ней состоят: действительный статский советник И. А. Никотин и православный протоиерей А. Пщолко; притом, пребывание его не только в Вильно, месте жительства Иосифа, но и в целом крае неуместно, так как по благотворному руководству преосвященного совершилось великое событие нашей истории, сгладившее имя униата со всей Северо-Западной окраины нашего дорогого отечества. Не посягая на ученую известность Головацкого, я считаю вместе с тем невозможным жертвовать религиозно-политическою стороною настоящего дела и полагал бы необходимым предоставить ему другое назначение вне пределов Северо-Западного края». Этим аргументам, – которые привожу слово в слово, он придавал особенно важное значение и признавал «священным долгом верноподданного повернуть их на Высочайшее благовоззрение».

Препровождая 16 апреля свой доклад в подлинник к графу Д. А. Толстому, А. Л. Потапов уведомлял, что Государь император повелевал войти с ним по этому делу в соглашение.

Желание его удалить Головацкого из Вильно так было сильно, что в письме своем от 24 апреля к статс-секретарю И. Д. Делянову он предлагал выдать Якову Федоровичу на переезд к новому месту назначения 2000 рублей «из собственных своих денег».

Вслед за тем, вскоре прибыл в Вильно вновь назначенный попечитель Виленского учебного округа П. Н. Батюшков. Тогда внезапно изменились воззрения А. Л. Потапова на пребывание Головацкого в Северо-Западном крае. Из гонителя почтенного ученого генерал-губернатор превратился в его горячего покровителя и даже перестал заботиться о его униатстве.

5 августа А. Л. Потапов писал графу Д. А. Толстому, что 3 мая (т. е. через двадцать четыре дня после его всеподданнейшего доклада и через девять дней после его письма к И. Д. Делянову) он «имел счастье лично докладывать Государю Императору ходатайство председателя Виленской археографической комиссии Головацкого о принятии его с женою и шестью малолетними детьми в подданство России. Его Величество Высочайшее соизволил на удовлетворение этого ходатайства, повелел предварительно снестись с австрийским правительством. С тем вместе Государь Император изволил разрешить: но после исполнения Головацким верноподданнической присяги, войти с представлением о награждении его чином статского советника и о зачете службы его в должности профессора Львовского университета в срок выслуги лет на пенсию».

В том же письме генерал-губернатор сообщал, что управляющий министерством иностранных дел 18 июля его уведомил, что австрийское правительство не встречает препятствия к удовлетворению желания

Головацкого, а также, что 31 июля Головацкий присягнул на подданство России.

В заключение, А. Л. Потапов просил графа Д. А. Толстого войти с всеподданнейшим ходатайством о производстве Якова Головацкого в чин статского советника и о зачете ему учебной службы и прав на пенсию с 13 декабря 1848 года.

В ответе своем министр народного просвещения уведомил, что он затрудняется, теперь же испрашивает греко-униатскому канонику Головацкому чин статского советника, и что ему необходимо предварительно сложить с себя духовный сан.

7 сентября Я. Ф. Головацкий с своим семейством присоединился к православию и оставил духовное звание, а 11 октября, по всеподданнейшему докладу графа Д. А. Толстого, он был произведен в статские советники, ему было предоставлено право на службу и на пенсию с 13 декабря 1848 года. Вот краткий перечень мытарств, через которые прошел почтенный Яков Федорович, прежде чем утвердиться на службе в Вильно».

Проявление огромного уважения к Я. Ф. Головацкому стала публикация в журнале списка его научных публикаций с комментариями, составленного его другом и почитателем, редактором «ЛЕВ», протоиереем Иоанном Котовичем: Перечисляем, впрочем, не в хронологическом порядке, насколько нам известны труды Я. Ф. Головацкого.

1. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. 4 т. Москва. 1878 г. С историко-этнографическим очерком страны и множеством рисунков из быта тамошних жителей. Издание очень ценное.
2. Географический Словарь западно и юго-славянских земель и прилегающих стран, с географической картой 1884 г. Вильно. Труд весьма кропотливый.
3. Библиографические находки во Львове. СПб. 1873 г.
4. О народной одежде и убранстве Русинов или Русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб. 1877 г. с 5 картинками.
5. Попытки и старания римской курии ввести грегорианский календарь у славянских православных и униатов. СПб. 1878 г.
6. Карпатская Русь. 1875 г. СПб.
7. Дополнения и заметки к статьям г. Пыпина, напечатанным в Вестнике Европы за 1885 и 1886 годы. Вильно. 1888 г.
8. Черты домашнего быта русских дворян на Подляшье, т.е. в нынешней Селецкой и Гродненской губерниях по актам XVI в Вильно. 1888 г.
9. Хрестоматия церковно-словенская и древне-русская для употребления в высших школах Галицких гимназий. 1854 г.
10. Русско-немецкий и немецко-русский ручной словарь. 1861 г.
11. Монастыри юго-западной России вообще и Креховский монастырь. 1885 г. СПб.
12. Хронологическая роспись (1463–1863) вписанных братий прежде всего братства Львовского Успения Пр. Богородицы, ныне же института Ставропигийского. Львов 1863 г. Временник 1 к.

13. Корреспонденция межи папою Климентом VIII и кн. Константином Острожским. Львов 1865 г. Временник 2 к.
14. Львовское братство и кн. Острожский. Львов 1867 г. Временник 5 к.
15. Грамматика русского языка 1849 г. Львов.
16. Три вступительные лекции о русской словесности. Львов. 1849 г.
17. Росправа о языке южно-русском. Львов. 1849 г.
18. Исторический очерк основания галицко-русской Матицы. 1850 г. Львов.
19. Пережитое и переданное. Львов. 1885–1886 г. (Литературный сборник).
20. Путешествие по Галицкой и Угорьской Руси. Прага, 1842 г. на чешском языке.
21. Венок Русинам на обжинки. 2 т. Вильно 1846 г.
22. О первом литературно-умственном движении Русинов в Галиции со времени австрийского владычества 1865. Львов. (Науковый сборник).
23. Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Володимерском княжестве со второй половины XIV в. Львов 1865 г. (Науковый сборник).
24. Несколько слов о библии Скорины и о рукописной русской Библии.
25. Науковое путешествие по России И. Колоржа. Львов. 1866 г.
26. Ueber due Zustánde der Russien in Gabizen. Прага. 1847 г. (Поляки и немцы употребляли все усилия, чтобы уничтожить эту брошюру).
27. Русалка Днестрова. Львов. 1840 г.
28. Галичанин. Литературный сборник, изд. Я. Ф. Головацким и Дедицким 1862–1863 г.
29. И много других ученых статей и заметок в разных изданиях, а равно переводы с немецкого языка на русский гражданских и др. законов Австрийской империи» [72].

Таким образом, публикации «ЛЕВ» на кончину ученого-слависта, литератора и общественного деятеля Я. Ф. Головацкого значительно расширяют наши представления об этом замечательном человеке, дают более полную картину его жизни и деятельности, включая и Виленский период. Список трудов Я. Ф. Головацкого с комментариями, составленный редактором журнала протоиереем Иоанном Котовичем, является, на наш взгляд, одним из наиболее полных и доступных для широкого круга читателей.

3.6.Коронационные награждения духовенства белорусских епархий 1896 года

За два часа до кончины император АлександрIII потребовал к себе наследника и приказал ему тут же на террасе Ливадийского дворца подписать Манифест к населению Российской империи о восшествии на престол. Тот сказал: «Точно так, папенька!», – и скрепил своей подписью вступительный документ. Этот акт совершился 20 октября 1894 года. С непривычки молодой

император Николай II в своей высокой должности несколько робел и путался, но потом освоился и стал увереннее заниматься государственными делами. Этому, несомненно, способствовало ближайшее окружение государя, постепенно напоминавшее ему о том, что власть его не только не ограничена, она имеет еще и предназначение свыше: «От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, – говорилось и в Манифесте, – перед престолом Его Мы и дадим ответ за судьбы державы Российской». Этот постулат документа – идеальный по простоте и удобству – Николай II сразу же вполне понял и оценил [59, с. 76–77]. Во многом благодаря этому, его вхождение в должность происходило поступательно и уверенно.

За Манифестом о воцарении следовало быть коронации. Совершалась она в первопрестольной Москве. Для государя, к тому же такого верующего, как Николай, коронация – день венчания с Россией – имела самое глубокое значение. Набожность для него – это еще и атрибут царской власти, коронование по старой традиции, пришедшей из Византии, снимало с царя все грехи. Более того, именно в Москве коронованием скреплялся союз Государя, его Государства и Церкви. Николай II понимал: Царь, Церковь, Государство – неразрывные понятия, и ни у кого из русских людей не могло ранее и мысли возникнуть рассматривать их отдельно. Царь – воля, Церковь – дух, Государство – тело, и все это вместе православное государство. Неразрывность этих понятий придавала устойчивость и стабильность могучему организму России, но вместе с тем повреждение одного из этих составляющих вело к глубокому кризису всей целостности, это хорошо понимали и враги России. Не раз во время своего царствования Николай II высказывал пожелание провести Страстную неделю в Москве. В Москве он праздновал годовщину победы над татарами и столетие победы над Наполеоном. Энтузиазм Москвы, с каким она готовилась к коронации и – позже, в 1913 году – отмечала трехсотлетие Дома Романовых, еще более утвердило Николая в его чувствах. Предпочтение, отдаваемое Москве, имело также и политическое значение: Москва воплощала старые традиции, традиции Святой Руси, тогда как Россия – империю. Кроме того, коронация в Москве увековечивала главенство «третьего Рима» над Петербургом. Николай чувствовал себя в северной столице не слишком уютно, ему больше нравились пригороды – военные лагеря в Красном Селе или Царское Село, где он жил в дальнейшем с семьей [122, с. 39–40].

Программа коронационных торжеств, назначенных на май 1896 года, была разработана обстоятельно. Составили ее министр двора И. И. Воронцов-Дашков, его товарищ (заместитель) В. Б. Фредерикс и обер-церемонимейстер К. И. фон дер Пален. Комиссия, в состав которой входили названные лица, была подчинена дяде молодого императора, московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. Плодом усилий этой комиссии и были три основных документа, определившие порядок церемоний на протяжении трех недель: «Церемония коронации», «Положение об отпуске довольствия воинским чинам при командировании в Москву по случаю коронования ИИВ», «Расписание с 6 по 26 мая 1896 года», изданное

Коронационной канцелярией [127]. Последней по согласованию со Святейшим Синодом были предусмотрены и мероприятия, касавшиеся участия Православной Церкви в предстоящих торжествах. В «Церковных ведомостях» – печатном органе Святейшего Синода – еще накануне коронации стали появляться редакционные статьи под рубрикой «Для чего восходят Благочестивейшие Государи на престол?». Тогда же здесь стали публиковаться «Высочайшие повеления» о порядке празднования дня коронования Их Императорских Величеств, Высочайше утвержденные 25 и 30 апреля 1896 года. В «Церковных Ведомостях» за № 18 от 4 мая того же года сообщалось «о закрытии заседаний Святейшего Синода в С.-Петербурге от 30 апреля 1896 года по случаю отбытия членов оного в Москву на торжество Священного Коронования ИИВ и об учреждении в С.-Петербурге временной Синодальной конторы».

Следует заметить, что как в столицах, так и в прочих городах страны предусматривалось проведение накануне коронования с 13 мая с 6 часов вечера) всенощного бдения во всех кафедральных соборах, а в день коронования, 14 мая. во всех кафедральных соборах и прочих городских и сельских церквах – Божественные литургии. Сразу же после произведения торжественного акта коронования во всех церквах империи должны были пройти благодарственные молебствия с колокольным звоном в продолжение трех дней. В тот же день в Москве, Петербурге и еще в 20-ти крупнейших городах страны (а не только в Москве) Министерство Императорского двора планировало устройство обедов для бедных их жителей. Горожанам представлялось право украшать и иллюминировать свои дома в день коронования и на последующие два дня, а вечером в день коронования разрешалось устройство народных праздников и гуляний. Все присутственные места (учреждения) закрывались на три дня.

В преддверии коронационных торжеств в «Церковном вестнике» от 20 апреля 1896 г. стали публиковаться сообщения о «Высочайших наградах» православному духовенству страны, включая и белорусские епархии. Первыми среди местного духовенства и церковности жителей (по епархиям) Высочайшим повелением «за заслуги, в статье 459 статута сего ордена изъясненное» орденом Св. Анны 3-й степени были награждены (по епархиям): Литовской – церкви села Гродзиска, Бельского уезда, Гродненской губернии, священник Василий Проневский; церкви села Вежной, Пружанского уезда, той же губернии, священник Иосиф Теодорович; Могилевской – церкви местечка Микулино, Оршанского уезда, священник Иоанн Терновский; церкви местечка Милославовичи, Климовичского уезда, священник Иоанн Лиоренцевич; церкви села Трипутина, Мстиславского уезда, священник Николай Стратонович; Троицкой церкви г. Горок, священник Петр Шимкевич; церкви села Беницы, Ошмянского уезда, протоиерей Иоанн Кудрицкий; церкви местечка Вязынь, Вилейского уезда, протоиерей Антоний Маковельский; Воскресенской гор. Дисны церкви священник Александр Грязнов; церкви села Дикушки, Лидского уезда, священник Виктор Плавский; церкви села Черневичи, Дисненского

уезда, священник Вениамин Соколов; церкви села Бакшты, Ошмянского уезда, священник Иоанн Сидорский; церкви села Дукшты, Виленского уезда, священник Алексий Серебрянников; церкви села Лебедево, Вилейского уезда, священник Иосиф Моложавый; церкви местечка Дывина, Кобринского уезда, священник Фома Котович; Минской – Дукорской Петропавловской церкви, Игуменского уезда, протоиерей Григорий Шимановский; Долгской церкви, того же уезда, священник Симеон Кушлянский; Дмитровичской церкви, Борисовского уезда, священник Иоанн Минкевич; Полоцкой – Витебского Николаевского кафедрального собора священник Василий Говоровский.

14 мая 1896 года «Церковные ведомости» поместили на своих страницах «Высочайшие рескрипты» о награждении бриллиантовыми крестами и панагиями, украшенными драгоценными камнями двух митрополитов, пятерых архиепископов и двух епископов. Среди удостоившихся высоких наград был архиепископ Литовский Иероним (Экзепляровский). В государевом рескрипте на его имя говорилось: «Преосвященный Архиепископ Иероним. Приемле в Монаршее внимание прежние ревностные и плодотворные труды Ваши по управлению Тамбовской епархией и достойно ценя деятельность Вашу на настоящем новом поприще знаменуемую заботами о благоустроении духовно-учебных заведений, об укреплении в детях истинных начал духовного просвещения и русской народности посредством церковно-приходских школ и о благополепном совершении церковных богослужений, Всемилостивейше жалую Вам препровождаемую при сем украшенную драгоценными камнями панагию. Поручая Себя молитвам Вашим, пребываю к Вам благосклонный – Николай».

В этот же день царским указом на имя Святейшего Синода состоялось возведение в сан архиепископа Мартиниана – епископа Таврического и Симферопольского, а также сопричисление к орденам Св. Владимира 2-й и 3-й степени, а также Св. Анны 1-й степени ряда иерархов Церкви. В частности орденом Св. Анны 1-й степени был удостоен по Литовской епархии – епископ Ковенский Христофор (Смирнов). Тогда же по представлению обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева император пожаловал орден Св. Анны 3-й степени некоторым смотрителям духовных училищ: Мстиславского – Евгению Шпаковскому, Пинского – Петру Беляеву, а также учителю Гомельского духовного училища – Александру Беляеву. Ордена Св. Станислава 3-й степени был удостоен уроженец Гродненской губернии, профессор С.-Петербургской духовной академии П. Н. Жукович, учитель Витебской духовной семинарии Иван Иваницкий, учители Виленского духовного училища Федор Покровский, Гомельского – Иван Александров, Литовской духовной семинарии Александр Омельченко, а также регистратор Минской консистории Степан Шимановский и архивариус Полоцкой духовной консистории Иван Пацолко.

За службу по епархиальному ведомству были отмечены среди прочих и священники белорусских епархий: Литовской: а) орденом Св. Анны 2-й степени – Виленской Свято-Николаевской приходской церкви протоиерей

Иоанн Шверубович; Поневежской казанской городской церкви, Ковенской губернии, протоиерей Петр Омельянович; б) орденом Св. Анны 3-й степени – церкви села Ревятичи, Пружанского уезда, той же губернии, священник Александр Соловьевич; преподаватель Литовской духовной семинарии протоиерей Александр Гуляницкий. Минской: орденом Св. Владимира 4-й степени – гор. Минска, кладбищенской Марии-Магдалинской церкви протоиерей Иоанн Проволович. Могилевской: а) орденом Св. Анны 2-й степени – член Могилевской духовной консистории протоиерей Евфимий Бекаревич; Высоковской Свято-Духовской церкви, Оршанского уезда, протоиерей Михаил Чулицкий; церкви села Кошелево, Рогачевского уезда, протоиерей Феофил Савинич; б) орденом Св. Анны 3-й степени – гор. Климовичи, соборной Архистратиго-Михайловской церкви протоиерей Михаил Павлович; гор. Чаусы, Георгиевской церкви священник Александр Стратонович; церкви местечка Журавичи, Быховского уезда, священник Димитрий Чернавский; церкви села Рясны, Сеннинского уезда, священник Алексий Голыниц. Полоцкой: а) орденом Св. Владимира 3-й степени – настоятель Полоцкого Богоявленского монастыря, архимандрит Сергий; б) орденом Св. Анны 2-й степени – гор. Витебска, Спасо-Преображенской церкви протоиерей Николай Соколов; гор. Витебска, Рынково-Воскресенской церкви протоиерей Феодор Заволоцкий; гор. Двинска, Александровского собора протоиерей Петр Белавин; гор. Лепеля, Спасо-Преображенского собора протоиерей Дмитрий Акимов; б) орденом Св. Анны 3-й степени – настоятель Невельского Спасо-Преображенского монастыря, архимандрит Гамалиил; духовник Витебской духовной семинарии, священник Иоанн Бобровский; церкви села Нище, Себежского уезда, священник Иаков Игнатович.

За службу по военному и гражданскому ведомствам были награждены по епархиям и по ведомствам: по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства – орденом Св. Анны 2-й степени – протоиерей Виленской военно-Благовещенской церкви Зиновий Давидович.

Еще ранее, 14–27 марта 1896 года, по представлению епархиальных архиереев Святейший Синод определил наградить «подведомственных им духовных лиц ко дню Священного Коронования по белорусским епархиям»:

Литовской: а) палицею – Лидской Свято-Михайловской соборной церкви, Виленской губернии, протоиерея Иосифа Кояловича; б) саном игумена – исправляющий должность наместника и казначея Виленского Свято-Духова монастыря иеромонах Варсонофий; в) саном игумении – настоятельницу Антолептского Рождество-Богородичного женского монастыря, Новоалександровского уезда, Ковенской губернии, монахиню Алексию; г) саном протоиерея – церкви села Самуйловичи, Волковысского уезда, Гродненской губернии, священника Савву Кульчицкого; д) наперстным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – казначея Супрасльского Благовещенского монастыря, Белостокского уезда, Гродненской губернии, иеромонаха Митрофана; церкви села Райска, Бельского уезда, Гродненской губернии, священника Андрея Сосновского; церкви местечка Бездеж,

Кобринского уезда, той же губернии, священника Александра Кадлубовского; церкви села Молодово, того же уезда и губернии, священника Антония Саковича; церкви местечка Ружаны, Слонимского уезда, той же губернии, священника Иллариона Дедевича; церкви села Ольшева, того же уезда и губернии, священника Иллариона Кадлубовского; Дисненской Воскресенской церкви, Виленской губернии, священника Александра Грязнова; церкви села Орехово, Брестского уезда, Гродненской губернии священника Василия Ситкевича; церкви села Малоельня, того же уезда, священника Николая Базилевского; Бельской Воскресенской церкви, Гродненской губернии, священника Ипполита Концевича; церкви села Юровляны, Сокольского уезда, той же губернии, священника Александра Тарановича; е) камилавкою – церкви местечка Крон, Трокского уезда, Виленской губернии, священника Алексия Богтюжского: церкви села Иже, Вилейского уезда, той же губернии, священника Матфея Клопского; церкви местечка Воложин, Ошмянского уезда, той же губернии, священника Михаила Плисса; церкви местечка Биржи, Поневежского уезда, Ковенской губернии, священника Василия Павского; церкви села Покры, Брестского уезда, Гродненской губернии, священника Иоанна Щербинского; церкви села Олекшицы. Гродненского уезда и губернии, священник Льва Ковалевского; церкви села Щитово, Бельского уезда, той же губернии, священника Льва Говорского; Александро-Невской соборной церкви гор. Пружаны, Гродненской губернии, священника Ипполита Гомолицкого; церкви села Мокрое, Пружанского уезда, той же губернии, священника Игнатия Смольского; церкви местечка Озерница, Слонимского уезда, Гродненской губернии, священника Александра Головчинского; церкви местечка Косово, того же уезда и губернии, священника Онуфрия Ступницкого; церкви местечка Шиловицы, того же уезда и губернии, священника Павла Синева; церкви села Торокань, Кобринского уезда, той же губернии, священника Николая Скабаллановича; Вилейской Свято-Георгиевской церкви, Виленской губернии, священника Сергия Шестова; Брестского Симеоновского собора, Гродненской губернии, священника Николая Сцепуро; церкви села Малоберестовица, Гродненского уезда и губернии, священника Павла Страшкевича; Свято-Николаевской церкви заштатного города Дрогичин, Бельского уезда, той же губернии, священника Иллариона Будиловича; церкви местечка Антополь, Кобринского уезда, той же губернии, священника Иоанна Гомолицкого; ж) благословением Святейшего Синода с грамотами – Виленского Свято-Николаевского кафедрального собора диакона Владимира Круковского; Кобринской Александро-Невской соборной церкви диакона Стефана Филяновича.

Минской: а) саном протоиерея – города Минска, соборной Екатерининской церкви священника Феодора Миткевича; церкви местечка Столпцы. Минского уезда, священника Иоанна Янушевского; церкви села Юровичи, Игуменского уезда, священника Матфея Киркевича; церкви местечка Брашна, Речицкого уезда, священника Иулиана Мигая; б) наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – церкви села Бродовка, Борисовского

уезда, священника Евстафия Александровича; церкви села Любоничи, Бобруйского уезда, священника Лавра Спасского; церкви села Поповщина, того же уезда, священника Василия Мацкевича; церкви села Железница, Пинского уезда, священника Августина Цырилькевича; церкви села Морочи, Слуцкого уезда, священника Платона Горбацевича; в) камилавкою – гор. Речицы, Успенского собора протоиерея Василия Очаповского; гор. Бобруйска, соборной Николаевской церкви священника Иоанна Чудиновича; церкви села Синявки, Слуцкого уезда, священника Николая Мацкевича; церкви села Мстижы, Борисовского уезда, священника Анастасия Смолича; церкви села Озеры, Минского уезда, священника Петра Свирского; церкви местечка Петриков, Мозырского уезда, священника Петра Соловьевича; церкви местечка Снов, Новогрудского уезда, священника Стефана Ареня; церкви местечка Каленковичи, Речицкого уезда, священника Григория Малевича; церкви села Храковичи, того же уезда, священника Иосифа Лукашевича; церкви села Завшицы, Слуцкого уезда, священника Иоанна Боборыкина; г) благословением Святейшего Синода без грамот – гор. Минска, кафедрального Петро-Павловского собора протодиакона Павла Козляковского; того же собора диакона Иоанна Хлудковского; церкви местечка Кореличи, Новогрудского уезда, диакона Иоанна Жогу; церкви села Омельно, Игуменского уезда, псаломщика Симеона Талюша; церкви села Новоселки, Речицкого уезда, псаломщика Николая Ясинского; церкви села Вересница, Мозырского уезда, псаломщика Матфея Козюлича; церкви села Аздамичи, того же уезда, псаломщик Иван Шахно.

Могилевской: а) палицею – члена Могилевской духовной консистории протоиерея Феодора Демянцевича; б) саном протоиерея – Тупичевского женского монастыря, Мстиславского уезда, священника Порфирия Козеко; в) саном игумена – Могилевского архиерейского дома иеромонаха Поликарпа; управляющего Охорским Преображенским монастырем, Чериковского уезда, иеромонаха Тихона; г) наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым – преподавателя Могилевской духовной семинарии иеромонаха Палладия; Могилевского кафедрального Иосифовского собора священника Иоанна Туторского; города Быхова, Преображенской церкви священника Иоанна Книжникова; церкви села Долгого Мха, Быховского уезда, священника Иоанна Саульского; церкви местечка Баево, Горецкого уезда, священника Савву Величко; гор. Климовичи, соборной Архистратиго-Михайловской церкви священника Павла Георгиевского; церкви села Трипутино, Мстиславского уезда, священника Николая Стратоновича; церкви местечка Любавичи, Оршанского уезда, священника Димирия Ноздровского; Микулинской Свято-Троицкой церкви, того же уезда, священника Иоанна Терновского; Лобановской Успенской церкви, Чериковского уезда, священника Феликса Литвиновского; церкви местечка Сухари, Чаусского уезда, священника Василия Щербова; церкви села Высокого, Могилевского уезда, священника Николая Шафрановского; церкви села Вылево, Гомельского уезда, священника Иоанна Шебеко; д) камилавкою – гор. Могилева, кафедрального Иосифовского собора

священника Лавра Полубинского; церкви села Еремино, Гомельского уезда, священника Георгия Белобржецкого; церкви села Огородни, того же уезда, священника Иоанна Гашкевича; церкви местечка Петровичи, Климовичского уезда, священника Петра Суходольского; церкви села Солонага, Рогачевского уезда, священника Василия Слайчевского; церкви села Церковья, того же уезда, священника Захария Рафановича; церкви села Ходцево, Сеннинского уезда, священника Всеволода Романовского; гор. Черикова, соборной Свято-Троицкой церкви священника Виктора Валлийского.

Полоцкой: а) наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – церкви села Сонно, Себежского уезда, священника Михаила Белинского; гор. Витебска, Николаевского кафедрального собора священника Андрея Хорошкевича; церкви села Дедино, Себежского уезда, священника Иоанна Кнышевского; церкви местечка Яновичи, Витебского уезда, священника Петра Гусаревича; церкви села Долосцы, Себежского уезда, священника Лавра Преферанского: б) камилавкою – церкви села Веляшковичи, Витебского уезда, священника Григория Нарбута; церкви села Забялы, Дриссенского уезда, священника Иоанна Жиглевича; церкви села Яссы, Себежского уезда, священника Виктора Блажевича.

Награждались священно и церковнослужители белорусских епархий и специальными наградами Синода (по епархиям): Литовской: а) наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – законоучитель Виленской 1-й гимназии, священник Иоанн Волочкович; б) камилавкою – законоучитель Виленского учительского института, священник Николай Пашкевич.

Минской: саном протоиерея – гор. Минска, Екатерининского собора священник Феодор Миткевич; законоучитель Пинского реального училища, священник Владимир Заусцинский.

Полоцкой: камилавкою – законоучитель Полоцкого кадетского корпуса, священник Николай Околович. Наперсными крестами от Синода были награждены и полковые священники: Брест-Литовского крепостного собора священник Константин Филаретов и церкви 103-го пехотного Петрозаводского полка священник Авксентий Гуревич.

6 мая 1896 года, в первый день начала коронационных торжеств, император Николай II «удостоил награждение духовных лиц нижеследующими знаками отличия» (по епархиям, включая и белорусские):

Литовской: а) орденом св. Владимира 4-й степени – епархиальный наблюдателя церковно-приходских школ грамоты Виленской и Ковенской губерний, протоиерея Климента Смольского; б) орденом Св. Анны 2-й степени – ректора Литовской духовной семинарии архимандрита Иннокентия; Пружанской Александро-Невской соборной церкви Гродненской губернии, протоиерея Николая Жуковича; церкви села Старо-Корнин, той же губернии, Бельского уезда, священника Ярослава Бренна; церкви местечка Бытень, той же губернии, Слонимского уезда, священника Наркисса Пешковского; в) орденом Св. Анны 3-й степени – церкви местечка Воложин Виленской губернии, Ошмянского уезда, священника Григория Андреевского; церкви села

Сехновичи, Гродненской губернии, Кобринского уезда, священника Павла Петровского; церкви заштатного г. Новый Двор, той же губернии, Сокольского уезда, священника Иоанна Носковича.

Минской: а) орденом Св. Анны 2-й степени – настоятеля Пинского Богоявленского монастыря, архимандрита Иннокентия; гор. Новогрудка Николаевской соборной церкви протоиерея Иосифа Наревича; б) орденом Св. Анны 3-й степени – церкви местечка Холопеничи, Борисовского уезда, священника Иосифа Вержболовича; церкви села Любаничи, Новогрудского уезда, священника Григория Кезевича.

Могилевской: а) орденом Св. Владимира 4-й степени – ректора Могилевской духовной семинарии архимандрита Михаила; б) орденом Св. Анны 2-й степени – церкви села Юрцева Оршанского уезда, протоиерея Алексия Бекаревича; в) орденом Св. Анны 3-й степени – церкви села Козловичи, Горецкого уезда, священника Александра Валлийского.

Полоцкой: а) орденом Св. Владимира 4-й степени – гор. Витебска, Маркова Свято-Троицкого монастыря архимандрита Виталия; б) орденом Св. Анны 2-й степени – гор. Режицы, Рождество-Богородицкого собора протоиерея Василия Борисовича.

Наперсными крестами от Святейшего Синода, его благословением с грамотами, саном игумена, протоиерея камилавкой тогда же была награждена, пожалуй, самая большая группа священников (по епархиям):

Литовской: а) наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – церкви местечка Голубичи, Виленской губернии, Дисненского уезда, священник Фавст Лечицкий; гор. Волковыска, Гродненской губернии, Петро-Павловской церкви священник Константин Павлович; церкви села Чемерь, той же губернии, Брестского уезда, священник Адам Рожанович; церкви села Верховичи, той же губернии и уезда, священник Феофил Павлович; церкви села Новая Воля, той же губернии, Белостокского уезда, священник Иоанн Родзяловский; церкви села Фастов, той же губернии и уезда, священник Василий Яхимович; церкви села Косной, той же губернии, Бельского уезда, священник Николай Левицкий; б) камилавкою – Свято-Покровской при Виленском Воспитательном доме «Иисус Младенец» церкви священник Александр Зверев; церкви села Груздово, Виленской губернии, Вилейского уезда, священник Николай Литвиновский; церкви села Старо-Шарковщина, той же губернии, Дисненского уезда, священник Димитрий Жданов; церкви слободы Александровской, Ковенской губернии и уезда, священник Александр Бирюкович; церкви местечка Рогово, той же губернии, Вилкомирского уезда, священник Константин Маевский; гор. Бельска, Гродненской губернии, Рождество-Богородичной церкви священник Александр Спасский; церкви села Вистицы, той же губернии, Брестского уезда, священник Леонид Колосов; церкви местечка Высоколитовск, той же губернии и уезда, священник Александр Скабалланович; церкви местечка Шерешево, той же губернии, Пружанского уезда, священник Иосиф Кунахович; церкви села Бульково, той же губернии, Кобринского уезда, священник Платон Кескевич; церкви села

Береза, той же губернии и уезда, священник Александр Кендысь; церкви села Вороцевичи, той же губернии и уезда, священник Иосиф Главинский; церкви села Новоселок, той же губернии и уезда, священник Платон Станкевич; церкви села Остров, той же губернии, Слонимского уезда, священник Василий Пашин; церкви села Девятковичи, той же губернии и уезда, священник Владимир Карский; в) благословением Святейшего Синода, без грамоты – гор. Вильны, кафедрального собора священник Евстафий Гроздов.

Минской: а) саном протоиерея – церкви села Житковичи, Мозырского уезда, священник Иоанн Чарнецкий; Лещенской Успенской церкви, Пинского уезда, священник Феликс Дружиловский; церкви села Храпино, того же уезда, священник Викентий Ярмолович; церкви села Дубновичи; того же уезда, священник Феодор Каминский; б) наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – церкви села Дмитровичи, Борисовского уезда, священник Иоанн Минкевич; церкви села Поцеи, Слуцкого уезда, священник Александр Бартошевич; гор. Слуцка, Воскресенской церкви протоиерей Александр Шелепин; гор. Слуцка Георгиевской церкви священник Михаил Вечорко; церкви села Поручино, Новогрудского уезда, священник Иосиф Квятковский; церкви села Барбарово, Речицкого уезда, священник Алексий Зморович; церкви села Лулинцы, Пинского уезда, священник Андрей Бернадский; Слуцкого уезда, Свято-Троицкого монастыря иеромонах Леонтий; церкви села Телядовичи, того же уезда, священник Матфей Поспелов; церкви села Зборска, Игуменского уезда, священник Платон Заусцинский; камилавкою – церкви села Божина, Игуменского уезда, священник Михаил Соловьевич; церкви села Пырашева Слобода, того же уезда, священник Павел Васюкович; церкви села Турин, того же уезда, священник Александр Смолич; церкви села Таль, Бобруйского уезда, священник Феодор Гахович; гор. Бобруйска, Николаевской соборной церкви священник Александр Добровольский; церкви местечка Говензы, Слуцкого уезда, священник Николай Рождественский; церкви села Скепиово, того же уезда, священник Николай Наркевич; церкви местечка Тимковичи, того же уезда, священник Александр Терравский; церкви местечка Любешово, Пинского уезда, священник Павел Таранович; церкви местечка Кожань-Городок, того же уезда, священник Николай Новицкий; гор. Речицы, Николаевской церкви священник Михаил Соловьевич; церкви села Микуличи, Речицкого уезда, священник Петр Козляковский.

Могилевской: а) саном протоиерея – церкви села Ровковичи, Рогачевского уезда, священник Иоанн Козловский; церкви села Черетянка, Гомельского уезда, священник Алексий Бржезинский; б) наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым – церкви села Рудица, Гомельского уезда, священник Георгий Бржезинский; церкви села Чигиринка, Быховского уезда, священник Павел Волочков; церкви села Старая Крупца, Гомельского уезда, священник Авксентий Соколов; церкви села Мошенака, Горецкого уезда, священник Петр Галионко; церкви села Святошицы, того же уезда, священник Димитрий Забелин; церкви местечка Тетерино Могилевского уезда, священник Иаков Корчак-Котович; церкви местечка Монастырщина, Мстиславского уезда,

священник Иаков Лавровский; гор. Орши, Ильинской церкви священник Василий Лобов; церкви села Герасименки, Оршанского уезда, священник Константин Копаневич; церкви села Кичино, Сенненского уезда, священник Иаков Раковский; церкви села Голенеи, Чаусского уезда, священник Илларион Кострицкий; Белыничского Рождество-Богородицкого монастыря, Могилевского уезда, иеромонах Иоанн; в) камилавкою – церкви села Волчас, Чериковского уезда, священник Иоанн Попов; церкви села Ректы, Быховского уезда, священник Никифор Пославский; церкви села Хлебна, того же уезда, священник Марк Кириатский; церкви села Глуха, того же уезда, священник Аркадий Горбик; церкви села Браздетчина, Горецкого уезда, священник Иоанн Чудович; церкви села Старая Белица, Гомельского уезда, священник Петр Цитович; церкви местечка Хиславичи, Мстиславского уезда, священник Евстафий Барцевич; церкви села Репухово, Оршанского уезда, священник Владимир Потапович; церкви села Серокоротня, того же уезда, священник Фома Попейко: церкви села Добасна, Рогачевского уезда, священник Николай Чулкевич; церкви местечка Городец, того же уезда, священник Иоанн Керножицкий; церкви села Перелевки, того же уезда, священник Алексий Лукашевич; церкви села Полесье, того же уезда, священник Василий Ганкевич; г) благословением Святейшего Синода с грамотами – гор. Могилева, кафедрального собора протоиерей Иоанн Мигай; гор. Мстиславля, Николаевской соборной церкви священник Павел Квятковский; церкви села Литвиновичи, Рогачевского уезда, священник Николай Лепешинский; гор. Гомеля, Петро-Павловской соборной церкви священник Александр Свидерский; церкви местечка Буйничи, Могилевского уезда, священник Иоанн Богдановский; гор. Черикова, соборной Свято-Троицкой церкви протоиерей Александр Стратонович; гор. Могилева, Крестовоздвиженской церкви священник Платон Пясковский; гор. Могилева, законоучитель мужской гимназии, священник Павел Думаревский; духовник Могилевской духовной семинарии священник Михаил Якушевский; церкви села Болоново-Сельцо, Быховского уезда, священник Василий Голынец; наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты по Могилевскому уезду, священник Константин Жудро; гор. Горки, Успенской церкви священник Георгий Цитович; церкви села Бели, Чериковского уезда, священник Иоанн Цитович; церкви села Силичи, того же уезда, священник Димитрий Россовский.

Полоцкой: а) наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым – церкви села Мураги, Полоцкого уезда, священник Иоанн Пригоровский; церкви села Жеребычи, Витебского уезда, священник Симеон Гнедовский; церкви села Любашково, того же уезда; священник Василий Цытович; церкви села Усмынь, Велижского уезда, священник Павел Щербов; гор. Велижа, Свято-Николаевской церкви священник Иоанн Попов; б) камилавкою – гор. Витебска, Успенского собора священник Иоанн Каленюк; церкви местечка Росицы, Дриссенского уезда, священник Петр Беляев; церкви села Горбачево, Полоцкого уезда, священник Иосиф Гобович; церкви села Мишкович, Городокского уезда, священник Иоанн Гнездовский; церкви местечка Чашники,

Лепельского уезда, священник Николай Тараткевич; гор. Дриссы, Св.-Николаевского собора протоиерей Евстафий Кушин; церкви села Козановка, Лепельского уезда, священник Феодор Никонович; церкви села Прудники Дриссенского уезда, священник Николай Пригоровский; гор.Витебска Петро-Павловской церкви священник Стефан Гнедовский; Полоцкий епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты, священник Нил Серебренников.

В ознаменование торжества Коронования и Священного миропомазания император Николай объявил Святейшему Синоду для соответствующих распоряжений по ведомству о «присвоении всем состоящим на службе иереям» монашествующего и белого духовенства, равно как и вновь рукополагаемым в означенный сан права возлагать на себя наперсный святой крест на серебряной или металлической цепочке как знак отличия иерейского сана. Было также приписано архиереям епархий «возлагать при хиротонии упомянутый крест, приобретаемый ставленниками на собственные их средства по утвержденному образцу»; воспрещалось ношение сего креста тем из иереев, как подвергнутся за проступки запрещению священнослужения, на все время запрещения. Здесь же давалось разъяснение, «что в случае награждения священника Синодальным крестом, или крестом с украшениями разрешалось ношение одного из трех означенных крестов». В «Церковных ведомостях» помещается и рисунок означенного иерейского креста с лицевой и оборотной сторон.

В дни коронации по представлениям епархиальных преосвященных Училищный Совет при Святейшем Синоде, за «особое усердие и ревность в деле благоустроения местных церковно-приходских школ» наградил книгой «Библия» от Святейшего Синода большую группу попечителей этих школ, их учителей, а также церковнослужителей. В их числе был по Литовской епархии: псаломщик Цицинского прихода Ошмянского уезда Виленской губернии Ипполит Андрушкевич [127].

Таким образом, в дни коронации императора Николая II священно- и церковнослужители белорусских епархий были удостоены высоких наград императорской власти: орденом Св. Владимира 3-й степени – 1 чел.; орденом Св. Владимира 4-й степени – 4 чел.; орденом Св. Станислава 3-й степени – 10 чел.; орденом Св. Анны 1-й степени – 2 чел.; орденом Св. Анны 2-й степени – 20 чел.; орденом Св. Анны 3-й степени – 31 чел. Итого – 67 чел. Наградами Святейшего Синода были награждены: панагией (медальоном-иконой) – палицей (продолговатым куском ткани для ношения на поясе) – 2 чел.; саном игумена – 2 чел.; саном протоиерея (настоятеля церкви) – 13 чел.; наперсным крестом от Святейшего Синода – 67 чел.; камилавкой (головной убор цилиндрической формы фиолетового цвета) – 104 чел.; благословением Святейшего Синода – 9 чел.; книгой «Библия» от Синода – 1 чел. Итого – 197 чел. Всего – 266 человек.

Если исходить из того, что к этому времени в белорусских епархиях служило 2262 священно- и церковнослужителей, то в дни коронационных торжеств высокие императорские и синодальные награды получил каждый

восьмой служитель Православной Церкви. К этому необходимо прибавить грамоты и благодарности от лица местных архиереев. С учетом этого без внимания по делам службы на духовной ниве не остался ни один человек.

Награды, как форма поощрения, имели свое положительное значение. Они не только возвеличивали человека среди окружающих, вселяли уверенность в своих силах и возможностях, но и формировали как у награждаемых, так и их окружения уважительное отношение к властям, дарующим награды, к строю отношений, характерных для существующего государства. К примеру, лица, получившие ордена, приобретали право на потомственное дворянство. Награды поменьше давали право на получение более высоких должностей, повышенного жалованья и затем пенсию «по смерть свою, где бы ни находились».

О необходимости повышения статуса государственных наград неоднократно говорил в своих обращениях к АлександруIII обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. «Награды в последнее время потеряли истинную цену и приобрели фальшивую: так много их раздается во все стороны и без разбора. Без сомнения, легко и приятно раздавать награды щедрой рукой с мыслью о том, что делаешь много счастливых… Но право награждать налагает тоже нравственный долг на власть, раздающую награды. Послаблением в наградах можно произвести такую же нравственную распущенность, как и послаблением во взысканиях… Всякий, как бы ни был негоден, уже обижается, когда не получает наград. И награду дают человеку для того, чтобы не обиделся, наградою прикрывают в человеке дурное, негодное дело, когда хотят его обнаружить, награду дают, чтобы потешить человека». Судя по всему, в дни коронационных торжеств и в последующем император Николай II прислушивался к суждениям обер-прокурора.

Царские и церковные награды считались драгоценной реликвией и хранились в семьях духовенства и церковнослужителей особенно бережно, передавая их в наследство из поколения в поколение.

3.7.Празднование 900-летия крещения Руси в Гродненской губернии

Празднование 900-летия крещения Руси, широко отмечавшееся в 1888 году по всей России, вызвало большое внимание к юбилею всей православной печати [93]. Не оставались в стороне при освещении юбилейных мероприятий и «Литовские епархиальные ведомости» («ЛЕВ»), печатный орган Литовской епархиальной консистории, издававшийся в Вильно в 1863–1917 годах на русском языке. Многолетним редактором журнала (1870–1902 годы) являлся протоиерей Иоанн Котович – выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, ученик профессора этой академии, замечательного историка и

публициста М. О. Кояловича [140]. Полностью разделяя мировоззрение своего учителя на историческое прошлое и будущее Северо-Западного края, редактор издания приложил немало усилий для показа торжества Православия на белоруско-литовских землях с целью сближения народа Западной России со всей остальной частью страны и одновременного ослабления польско-католического влияния. Последнее обусловило разносторонний показ на страницах издания того, как осуществлялось проведение юбилейных торжеств не только в своеобразных столицах империи, включая Петербург, Москву, Киев и Вильно, но и на местном уровне, включая города и села Гродненской губернии, входившей в состав Литовской епархии.

При всем верноподданическом духе корреспонденции, помещаемой на страницах «ЛЕВ», нельзя не заметить особой избирательности редактора и редакции издания по отношению к их содержанию. Если при освещении юбилейных торжеств в Москве и Петербурге основное внимание редакции обращалось на их внешнюю сторону (описание крестного хода, участие в ней представителей правящей династии, высшего духовенства, гражданских и военных чинов, процедуры водоосвящения, салюта, парада войск, хода самого молебствия, отъезда почетных гостей праздника и т. д.)., то при освещении торжественного собрания Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества («ЛЕВ», 1988, № 30) основное внимание «ЛЕВ» было обращено на внутреннюю сущность и значение 900-летнего юбилея в истории России и всего славянского мира. Так, после описания празднично декорированного зала, где проходило торжественное собрание и состава почетных частей, внимание читателей обращалось на содержание выступлений членов благотворительного общества: «После пения тропаря Св. князю Владимиру, председатель собрания генерал Киреев произнес речь, в которой указал на то, что «между Русью и православной церковью существовала связь еще до Владимира, но Русь стала Святой и в ней органически окрепла связь между церковью и государством только после Крещения. Приняв христианство, она сделалась носительницей тех высоких идеалов, которые делают русский язык общественным языком и дают ему право на широкое распространение в будущем, среди других соплеменных нам народностей».

Судя по объему, отведенному в журнале под содержание второго доклада, с которым выступил доктор права Живный, его идеи особенно были близки редакции во главе с Иоанном Котовичем. Главный тезис выступления Живного сводился к тому, что тысячу лет перед нами славянский народ был единым: он был объединен Кириллом и Мефодием как в церкви, так и в отношении письменности и литературному языку, и это единство было утверждено на Востоке Св. Владимиром. Всегда и везде, где оно было нарушено, славянство стремилось восстановить его и притом не для политических и государственных целей, а для мирного и просветительского труда в духе народном.

Однако на этот народ, по мнению докладчика, поднимаются его «противники, прибегающие к т. н. «панславизму», чтобы набросить подозрения

на его законные устремления к объединению». Затем докладчик показал, в каких формах и видах может проявляться панславизм: «1) политический панславизм – соединение всех славян в одном государстве; 2) литературный панславизм – соединение всех славян в области письменного языка для достижения общей литературы; 3) религиозный панславизм – соединение всех славян в одной православной церкви; 4) культурный панславизм – соединение всех славян в области языка и церкви, этих двух условий общей культуры; 5) народный или национальный панславизм – соединение всех славянских народов в один народ под названием славянского». Доктор Живный также отметил, что «политическое соединение славян было бы бесцельно, так как политический долг каждого гражданина, т. е. военная служба и денежные подати везде одинаковы; оно было бы и недостижимо, ибо славяне никогда не были соединены политически и поэтому у них нет общего историко-политического сознания, каковым обладает народ немецкий; напротив того, у каждого славянского племени политическая история протекала особняком и нередко даже между разными племенами возникали несогласия и раздоры. Наконец, политическое соединение было бы обусловлено революционными движениями, на которые никогда не решатся славяне, верные монархическому принципу законности. И в действительности славянский народ, ни в целом, ни в какой-то части или партии, не стремится к политическому соединению; ни в Австрии, ни на Балканском полуострове, ни в России не существует политико-панславистской партии. Но славяне должны стремиться – и действительно стремятся – к другого рода единению, к другому виду панславизма: к историческому панславизму их достойного преемника – Св. Владимира, то есть к восстановлению Кирилло-Мефодиевского просветительного подвига, к восстановлению народного и культурного единства. Благодаря подвигам св. Владимира, русское племя осталось верно этому преданию, этим основам народного и культурного единства славянского народа; оно осталось верным православной церкви, кириллице и древнеславянскому языку, из которого развился мировой и литературный язык русский. Сербам и болгарам также удалось сохранить православную церковь, одну из основ славянского культурного единства, а потому им не может быть затруднительно принять мировой язык русский, как литературный для высшей науки».

Что же касается западных славян – чехов, словаков, словенцев и хорватов, то они, по мнению докладчика, «должны возвратиться к богослужению на родном и искони присущем церкви древнеславянском языке, и они на самом деле стремятся к этому народному культурному завоеванию, дабы воспользоваться русской культурой, а вместе с тем, поддерживать и свое племенное наречие. Русский язык как общеславянский, развивавшийся от восточнославянского церковного и литературного, только один в состоянии помочь славянам, подобно немцам, образовать единый исторический организм».

Народное и культурное единство славян, по мнению Живного, «необходимо, возможно и законно, а стремление к этому единству, к народному

и культурному панславизму – честно, ибо оно идет историческим путем, предначертанным такими деятелями, которые причислены к лику святых, как Св. Владимир и оба исполина славянской истории, Св. первоучители Кирилл и Мефодий. Русский народ может гордиться тем, что в царствование Его Величества Государя Императора Александра Александровича состоялись торжества 900-летия памяти св. Владимира и 1000-летие памяти св. Кирилла и Мефодия».

Речь доктора Живного, отмечал журнал, была встречена «единодушными и долгими рукоплесканиями», после чего слово было предоставлено историку О. Ф. Миллеру, «очертившему исторически, шаг за шагом» влияние христианской религии на народные мировоззрения: «При Владимире новая вера сразу переродила язычников и сделала их нравственными и добрыми. Об этом говорят летописи и законодательства тогдашних времен, отрицающие убийства, милующие виновных и основанные на христианской любви. Новая вера была принята добровольно без принудительных мер и в то время, когда в Европе господствовала инквизиция, на Руси не было иного меча, кроме духовного. Так было до XVII – XVIII вв.; приближаясь к этому времени, законодательство делается строже, введение цивилизации сопровождается кровавыми мерами, и затем, в самый разгар «просветительского периода», в разгар философствований о гуманности, миллионы крестьян закрепощаются и получают свободу только при гуманнейшем и полном чистой христианской любви царствовании Императора Александра II». В этом месте, подчеркивало издание, оратор был прерван сочувственными аплодисментами», в дальнейшей речи он высказал надежду, что «мы, так называемые интеллигенты, не сделавшие до сих пор для простого народа ничего, должны проникнуться духом христианской любви, принесенной нам с Крещением, и восполнить это пробел, и тогда все Юлианы-отступники должны будут преклонятся перед нами и воскликнуть: «Ты победил, Галилеянин!».

После этого, отмечалось в корреспонденции, были прочитаны некоторые из полученных поздравительных телеграмм и стихотворения Я. Н. Полонского, начинавшиеся словами: «Жизнь без Христа не жизнь, а сон». Затем по требованию присутствовавших хором был исполнен народный гимн, покрытый громким «ура». Приверженность редакции к идеям славянофилов была традиционно сильно по причине дружбы, связывающей редактора журнала Иоанна Котовича со своим учителем М. О. Кояловичем и идейным вдохновителем последнего И. С. Аксаковым [144].

В унисон юбилейному собранию в Петербурге звучали и опубликованные в журнале материалы о проходящим в это же время в Москве Славянском съезде, об отношении к славянам простого русского народа. Тут же посещались тексты отдельных приветственных адресов к заграничным славянам, и в них также подчеркивалась связь между 900-летним юбилеем и указанным съездом. Вот фрагменты одного из них («ЛЕВ», 1888, № 32): «Мы, нижеподписавшиеся представители крестьян разных губерний, живущих ныне в Москве, всего в количестве 20 000 человек, неизреченно духовно веселимся и сердечно

радуемся, воочию видя вас, всякого звания и чина наши братья-славяне, прибывшие из ближних и дальних стран в богоспасаемый град Киев, мать городов русских, колыбель и купель святой Руси, для совокупного и единомышленного прославления Господа за дарование нашему отечеству дара небесного. Мы, русские люди, долгое время пребывавшие во тьме язычества, здесь впервые святою ревностью нашего равноапостольного князя Владимира были приведены в познание и истинной веры и таким образом увидали свет истинный, приняли Духа Небесного и причастились высшей, совершеннейшей во Христе жизни, – той спасительной жизни, которая, при содействии всенощной благодати Божией, так, чудодейственно духовно переродила, воспитала, возрастила, распространила, объединила, укоренила, прославила и возвеличила дорогое наше царство Всероссийское».

С особым удовлетворением было опубликовано в журнале письмо профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, не сумевшего по болезни принять участие в московских и киевских мероприятиях: «Знаменитый, ширью раздвинувшей славяно-русский кругозор, отец равноапостольного князя Владимира, Святослав Игоревич, когда утвердился на славянской реке Дунай, в болгарском Переяславце, сказал: «То есть середина моей земли. Летописец влагает в уста Святослава такое объяснение этого решения, что в Переяславец стекались разные товары из Царьграда, Чехии, Руси. Но при всей важности торговли и для этого времени, нужно помнить, что Святослав был не торговец, а государь, и смотрел на дела не глазами торговца (он был даже, как известно, великим презрителем благ жизни), а глазами государя. Своим орлиным славяно-русским взором он обнимал и великое пространство Руси с Балтийским, Каспийским, Азовским и Черным морями, и балканские страны до Царьграда включительно, и западнославянские области до верховьев Дуная. В болгарском Переяславце перед этим орлиным взором Святослава действительно была середина славянской земли, и еще более обширной, чем та, какую усматривали до Святослава болгарский царь Симеон и после Святослава – знаменитейшие сербские государи. Исторические судьбы решили иначе. Серединой славянорусской земли надолго стал доблестный Киев; затем в труднейшие времена русской жизни это значение получила изумительно практическая Москва, у которой оно историческими же судьбами исторгнуто для Петербурга. Но для чего исторгнуто? На это никто не может ответить удовлетворительно, следовательно, и не может верить в бесповоротность этой передачи.

Утвердилось научное недоразумение, что история не повторяется. Не повторяет она себя ученически, буквально, ибо всегда прилагать к старому новый труд, но постоянно повторяется в том смысле, что хранит, оживляет исторические начала жизни и не возвращается к древнейшим своим задачам, почему-либо пренебреженным. Позволительно, поэтому, думать или, хотя бы мечтать, что и для русского средоточия настанет время обратного движения и воскрешения того, что было хорошо, жизненно и запущено лишь на время! Может, настанет время, что средоточие русской жизни передвинется назад в

Москву, а затем... позволим себе скромное мечтание... когда на месте Турции и Австрии будут все славянские государства, окажется нужным вспомнить старую матерь русских городов Киев и призвать его серединою всеславянской земли.

Никого не должно удивлять, а тем более возмущать такое мечтание. Враги России, известно, как шумно и смело разрушают, дробят ее и даже проповедуют скорое осуществление своих злобных мечтаний. Мы гораздо скромнее и терпеливее их. Ничего не предрекавшая в близкое время, мы, стоя теперь в преддверии тысячелетия Крещения Руси, пожелаем лишь того, чтобы, когда состоится это тысячелетие и соберутся в Киев на это торжество представители всех славянских племен, они могли свободно и смело, едиными устами воскликнуть на весь мир: «то есть середина нашей славянской земли». Как подтвердила последующая история государства и православия, эти мечты историка во многом оказались провидческими.

В журнале публиковались также и приветственные письма друг другу архиереев Православной церкви по случаю юбилея. В качестве примера приведем здесь письмо архиепископа Виленского и Литовского Александра (Лаврова-Платонова) к епископу Симферопольскому Мартиниану (Миратовскому): «Отношением от 7 июля сего года Вы и Ваше преосвященство, удостаиваете меня высокой чести быть приглашенным к участию в великом торжестве, имеющем быть в Херсонесском монастыре в память 900-летия крещения Руси. Приношу Вашему Преосвященству мою глубокую благодарность за оказанную мне честь, которою с великим утешением воспользовался бы, тем более, что при этом имел бы возможность увидеть епархию, которой епископом я был некоторое время, но которой давно не видел. Но к глубокому сожалению не могу иметь этого утешения, так как в Великий день 15 июля обязан быть на своем месте, где предполагается особенное торжество при собрании всех гражданских и военных чинов, которых в Вильно великое множество. Не могу предложить и викариям моим отправиться в Тавриду, так как каждый день из них живет в губернском городе – один в Ковно, другой в Гродно, где также предполагаются торжественные собрания на богослужение и крестные ходы, в присутствии всех гражданских и военных властей. Смиренно прошу ваше преосвященство простить мне, что не могу исполнить вашего желания и доставить себе великое утешете видеть благословенную Тавриду и ее святыни и красоты природы. Смиреннейше прошу принять приветствие с великим всероссийским и вашим особенным торжеством. Молитвами Св. равноапостольного князя Владимира да устроит Господь ваше торжество к духовному утешению Вашего Преосвященства и паствы Вашей. Смиреннейше испрашивая себе архипастырского благословения Вашего Преосвященства и святительских молитв, с глубочайшем почитанием и совершеннейшею преданностью имею честь пребыть Вашего Преосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца. Смиреннейший послушник Алексей, Архиепископ Литовский».

Весьма подробно описывались в «ЛЕВ» молебствия, крестные ходы и также торжественные собрания, посвященные юбилею, проходившие в Вильно и Ковно. Как правило, все они осуществлялись по одному и тому же сценарию: вначале проходили церковные, а затем светские и общенародные мероприятия. Вот как освещалось последнее в журнале («ЛЕВ», 1888, № 31) применительно к Ковно: «В 5 часов пополудни, в зале городской думы было торжественное собрание, в котором по предварительно составленной программе происходило следующее: 1) архиерейские певчие пропели стихиру: «Днесь благодать святаго Духа насъ собра»; 2) настоятель ковенского Александро-Невского собора, священник Д. Ярушевич, произнес речь о благотворном влиянии на жизнь и нравы русского народа православной христианской веры; 3) архиерейские певчие пропели киевским напевом тропарь и кондак Св. князю Владимиру; 4) преподаватель мужской классической гимназии г. Энгель предложил собранию подробный рассказ о жизни и деяниях Св. князя Владимира; 5) в ходе рассказа певчими пропет был гимн Св. князю Владимиру, написанный К. К. Случевским, положенный на ноты господином Главачем. Заинтересованная содержанием и музыкой этого гимна публика выразила желание, чтобы он был повторен, – и певчие исполнили это. По окончании господином Энгелом 2-й половины рассказа, пропето было киевским напевом величание Св. князю и вслед затем народный гимн «Боже, Царя храни», который присутствовавшие в собрании слушали стоя. В заключение интеллигентными посетителями собрания предложено было по экземпляру брошюры «К 900-летию крещения Руси», изданной Виленским Св. Духовским братством, а воспитанникам разных учебных заведений и детских приютов – крестики и медальоны. Собрание окончилось в половине 7 часа пополудни. Высокопреосвященному Платону, митрополиту Киевскому и Галицкому в день торжества были посланы от Пожайского Успенского монастыря и от Ковенского Свято-Никольского братства приветственные адреса». Следует заметить, что в рамках празднования 900-летнего юбилея Крещения Руси в городе прошло и освящение Ковенской крепости, первый камень в основании которой был заложен в 1883 году. Описание хода этой церемонии («ЛЕВ», 1988, № 41) завершалось текстом приветственной телеграммы, полученной от императора из Петербурга: «Поздравляю от всей души с освящением новой крепости; молю Бога, дабы Он благословил новые твердыни на крепкую защиту нашей матушки России. Искренне благодарю всех за добрую память. Николай».

Переходя к освещению празднования юбилея на территории Гродненской губернии, важно подчеркнуть большую источниковедческую ценность корреспонденций, полученных редакцией журнала из Гродно, Пружан, Супрасли, Изабелина и других мест Принеманского края. В них передан не только дух прошедших в этих населенных пунктах праздничных мероприятий, но и масса деталей, имеющих важное историко-краеведческое значение. С учетом этого, данные корреспонденции помещаются здесь с небольшим сокращением: «г. Гродно. Гродна наша, древнее достояние сыновей Владимира святых Бориса и Глеба, торжественно отпраздновала юбилей крещения Руси.

14-го июля, в 7 час. вечера, отслужено было Преосвященным Анастасием, епископом брестским, всенощное бдение, совершенное с особенною торжественностью; храм был богато освящен и украшен зеленью. Перед солеею были поставлены иконы св. Владимира и Ольги, обвитые гирляндами из зелени и сверху украшенные коронами с крестами, искусно сделанными из живых цветов. Во время помазания народа алеем, казначеем гродненского братства раздавались иконки, акафисты и брошюры, изданная С.-Петербургским славянским, благотворительным, обществом в память празднуемого события. По окончании всенощной, во время выхода народа из собора, путь к улицам был освещен бенгальскими огнями.

На следующий день, 15-го июля, в 9 час. утра, в собор прибыл Преосвященный Анастасий и начал литургию в сослужении епархиального и военного духовенства, а в конце обедни протоиереем собора, отцом Опоцким, была сказана применительно к празднуемому событию прочувствованная речь, в которой уважаемый проповедник высказался о том великом значении, какое имеет Св. Владимир для христианской Руси». При словах «съ миромь языдемъ» началось при колокольном звоне всех церквей города шествие крестного хода, который направился к тому месту р. Немана, где находится Коложанская церковь, построенная несколько веков тому назад во имя сыновей св. Владимира – св. Бориса и Глеба, чтобы у подножия этого древнейшего свидетеля православия в г. Гродно совершить водосвятие и принести Господу Богу благодарственную молитву.

Ранее улица, ведущая из города к этому месту, была чрезвычайно узка, грязна, с одной из сторон проходила канава, по которой стекали нечистоты города, рытвины и кучи мусора делали ее невозможной не только для въезда, но даже для беспрепятственного хода; сама набережная Немана была неровна и неудобна для водосвятия. Но благодаря живейшему участию, принятому в этом празднестве его превосходительством господином начальником губернии, столь неудобное место приобрело ко дню торжества не только приличный, но даже привлекательный вид: все неровности были скопаны, рытвины засыпаны, канава вымощена и засыпана песком, а возле, на шестах, были обвиты гирлянды из дубовых листьев. Все улицы, по которым двигалась процессия, были украшены многочисленными флагами, зеленью, а по сторонам стояли войска 26-й пехотной дивизии, которые при приближении шествия брали «на караул», а хоры музыкантов играли «Коль славен». Река Неман с обеих сторон была, также обставлена войсками, за Коложанской церковью расположилось 8 пушек артиллерии. Погода благоприятствовала. Шествие двигалось в следующем порядке. Впереди был несен фонарь, за которым шли представители цехов со значками, за ними дьякон с кадильницей, мальчики и девочки приюта, между которыми были несены две хоругви Борисо-Глебского монастыря, затем следовали народные школы, предшествуемые иконою виленских мучеников, за ними – представители полков 26-й пехотной дивизии, каждые со своими полковыми иконами, – монахи и монахини с иконами и хоругвями своих монастырей, за ними несена была Коложанская икона Божьей

Матери, сопровождаемая представителями городской думы, с городским головою во главе; членами Софийского православного братства была несена «братская» икона Спасителя, за которой шли ученицы и ученики двуклассной братской школы, и представители от братства, – за ними – ученицы и ученики гимназий с иконами Св. равноапостольного князя Владимира и Св. княгини Ольги, затем певчие, одетые в парадные кафтаны, за ними многочисленное духовенство, с преосвященным Анастасием во главе, наконец, г. губернатор, начальник дивизии и другие важные представители властей города, за ними – народ. Достойно внимания, что в числе представителей разных учреждений, шедших в процессии, были ученики учрежденной братством церковно-приходской деревенской школы и крестьяне из подгородных деревень со свечами в руках.

Наконец, процессия приблизилась к реке. Здесь участники шествия расположились в известном указанном порядке, а духовенство взошло на устроенный на плотах павильон, убранный многочисленными флагами, гирляндами и венками из зелени. На реке против и по сторонам павильона стояли: пароход на якоре, лодки охотничьи, команда 26-й дивизии, множество рыбачьих лодок, разукрашенных флагами, гирляндами и цветами, с массою зрителей. Преосвященный владыка (по чину 1 августа) совершил освящение воды. При погружении Св. креста, по сигналу военного начальства, из орудий был произведен салют 101 выстрелом.

Шествие процессии, если на него смотреть со стороны, было великолепно. Праздничная одежда, богатые иконы, хоругви, богатые облачения духовенства, торжественное выражение лиц присутствующих и чрезвычайно стройное и благоговейное шествие, предваряемое музыкальными хорами полков и сопровождаемое стройным пением архиерейских певчих, – все это сильно действовало на сердца православных христиан, переполняло души их восторгом и радостью, что они сподобились по воле Божей праздновать 900-летнюю годовщину того величайшего события, благодаря которому русский народ, коснувшийся издревле невежества язычества, просветился светом христианской религии и достиг такого общественного и политического могущества».

Несколько скромнее, но столь же насыщено, прошли торжества и в других городах Гродненской губернии. «Пружаны. Праздник 900-летия крещения русского народа прошел у нас весьма торжественно. Накануне праздника в соборе отслужено протоиереем Жуковичем, при участии двух священников, всеночное бдение, причем литургия совершена была на площади. От собора к тому месту, где на другой день имели освящать воду, к небольшой городской речке, на всем протяжении поставлены были шесты, убранные зеленью в виде крестов; рано утром дорогу эту посыпали желтым песком, зеленою травою и украсили разноцветными флагами. Город принял праздничный вид, тем более, что почти с восходом солнца по всем улицам запестрили в праздничных платьях толпы поселян, стекавшихся с окрестных деревень. С 8-ми часов утра начались служения. Сначала отслужена была местным благочинным в старой

Христо-Рождественской церкви ранняя обедня; затем в половине десятого часа началась обедня в Пречистенской церкви, где служил священник Калишевич, и, наконец, в 11 часов стал служить обедню в соборе протоиерей Жукович. Народу собралось очень много. На поздней обедне соборным священником Гомолицким сказано было подобающее настоящему случаю поучение. По окончании служения начался крестный ход. Шествие началось с собора; по пути к соборному крестному ходу присоединились крестные ходы Пречистенской и Христо-Рождественской церквей и в таком виде направились к месту освящения воды. Картина шествия крестного хода была прекрасна. При хорошей погоде, по дороге, украшенной зеленью и флагами, тянулась бесконечная вереница по-праздничному разодетого народа, со множеством хоругвей и икон, несомых впереди духовенства, при стройном и громком пении певчими праздничного тропаря. Все это вместе взятое производило какое-то особенно торжественное настроение, – чувствовалось, что сегодня в городе большой национальный праздник.

Шествие, наконец, приблизилось к месту освящения воды. Накануне место это обсажено было густо елками и сама часовая украшена гирляндами из дубовых листьев и разных цветов. По окончании водосвятия, крестный ход направился обратно, причем протоиерей Жукович окроплял по пути народ освященною водою, а певчие пели тропарь св. равноапостольному князю Владимиру. Против церквей Пречистенской и Христо-Рождественской крестный ход остановился и протоиерей, взойдя на особо устроенное для этого возвышение, начал служить молебен святому Владимиру. По прочтении евангелия крестный ход в полной совокупности направился к собору. По окончании молебна и провозглашении многолетия Царствующему дому и Святейшему Синоду, а затем вечной памяти всем князьям и царям земли русской за насаждение ими на Руси христианства, началось целование св. креста, причем раздавались народу книжки, иконки и крестики. Из церкви разошлись после трех часов. В пять часов была вечерня; по окончании вечерни протоирей Жукович с крестным ходом пошел из собора в Пречистенскую церковь, где, почти до 9 часов, происходили чтения о жизни и деятельности святого князя Владимира. Слушателей набралось до 1000 слишком человек. Чтение вели протоиерей Жукович и священник Калишевич. По окончании чтения был крестный ход из Пречистенской церкви в старую Христо-Рождественскую и на этом окончилось празднование в Пружанах 900-летия крещения русского народа. Этот праздник надолго останется в памяти пружанцев как по великому стечению народа, так особенно по той торжественности, с какою он сопровождался. Нужно сказать слово правды, что в устройстве описанного праздника и в придании ему особенного благочиния и торжественности много потрудились: протоиерей Жукович, староста соборный Лука Белецкий, смотритель тюремного замка Осип Новицкий и исправник И. Коялович».

Из Белостокского уезда в адрес редакции «ЛЕВ» также пришла корреспонденция о юбилейных торжествах. «Супрасль. Девятисотлетнюю

годовщину Крещения Руси праздновали в Супрасли с должною торжественностью. Было немало богомольцев из деревень на всеночном бдении. К литургии же собралась масса народу из соседних деревень. На литургии в обычное время сказано было отцом настоятелем приличное слово. Крестный ход совершен был на реку Супрасль, где устроен был очень красивый павильон. В крестном ходе участвовали почти все супральские фабриканты с семействами и другие. На фабриках работы не производились. После вечерни совершен был акт в народном училище, помещающемся в монастыре. Акт открылся пением стихиря «Днесь благодать св. Духа нас собра». Затем сказана была наставником речь: «Князь Владимир до крещения». После этой речи был пропет тропарь Св. князю Владимиру (композиция господина Львовского). После тропаря сказана была речь законоучителем Алексеем о том, каким стал князь Владимир после крещения. После этого был пропет конкордат Св. князю Владимиру того же композитора. Затем одним из учеников произнесено было стихотворение «Киев». Акт был закончен пением гимна «Боже, царя храни». Учеников собралось более 30-ти. Было несколько человек и родителей, которые оставались в монастыре до вечера в ожидании акта. После крестного хода было роздано народу брошюр издания славянского благотворительного общества и киевской народной школы более 400 экземпляров – весь запас такой имелся».

Из Волковысского уезда в редакцию пришла корреспонденция из м. Изабелин: «Праздник 900-летия крещения Руси надолго останется в памяти жителей м. Изабелина и вообще всего прихода как по многочисленному стечению народа, так и особенно по той торжественности, с какой он сопровождался. Накануне праздника еще с 5-ти часов вечера начали собираться ко всенощному бдению прихожане, а также ученики приходского училища и 4-х школ грамоты. Всенощное бдение с акафистом пели девочки церковной школы грамоты, приготовленные к этому празднику местным священником отцом Федором Дружиловским.

Утром 15-го июля, несмотря на неблагоприятную погоду, собралась к литургии масса народу, как прихожан, так и местных жителей, состоящих по-преимуществу из лютеран, реформатов и католиков. В 8 часов местный священник начал с амвона чтение «Жития Святого равноапостольного князя Владимира, составленное профессором И. И. Малишевским; православные и иноверцы с живым интересом слушали историю Крещения Руси и рассказы о Св. Владимире. В 10 часов началась божественная литургия, которую пели два хора: хор учеников Изабелинского приходского училища, составленный учителем Котовичем, по преимуществу из проживающих в местечке и посещающих училище лютеран, реформатов и католиков и хор девиц церковной школы грамоты, прекрасно устроенный местным священником. Стройное пение обоих хоров и приносимые народом молитвенные благодарения Богу за наших предков, через Крещение Руси Св. Владимиром, святой веры проводили трогательное впечатление и представляли умилительную картину благоговения. В конце обедни сказано священником подобающее настоящему случаю поучение. После обедни, при пении тропаря

Св. Владимиру, был совершен крестный ход к мосту освящения воды. Место это было украшено флагами, гирляндами, венками из зелени, равным образом, и самый путь от церкви к Иордани был уставлен елками, флагами и усыпан зеленью. Прояснившаяся погода вполне благоприятствовала торжеству шествия, которое, при множестве разодетого по праздничному народа, при множестве хоругвей и иконы св. Владимира, украшенной живыми цветами, при стройном пении певчими обоих хоров, попеременно, тропаря празднику, – представляло чудное зрелище и сильно действовало на сердца православных христиан, сподобившихся, по воле Божьей, быть свидетелями и участниками такого необычного празднества.

По окончании водосвятия крестный ход отправился в здание Изабелинского приходского училища, где местным священником предложена была всем собравшимся беседа о том, что 900-летие крещения Руси есть вместе с тем и 900-летие церковной школы и вообще всякой доброй христианской школы. Затем отслужен был молебен с провозглашением многолетию Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, окончившийся пением всеми собравшимися молитвы за Царя и гимна: «Боже, Царя храни». Здание училища было украшено флагами, а портрет Государя Императора и икона св. Владимира – гирляндами и венками из зелени.

Из училища крестный ход возвратился в церковь, где, после пения всем народом молитвы «Под твою милость», розданы были, в память празднуемого события, ученикам и грамотным прихожанам 300 троицких листков: «Владимир – христианин», «Избрание веры» и «Св. Ольга» и 12 книжек – «Житие Св. равноапостольного князя Владимира», составленное И. И. Малишевским, а неграмотным – крестики. Народ до позднего вечера не расходился по домам, а расположившись группами около церкви, с живым интересом, слушал чтение грамотными полученных в церкви брошюр» [73].

Логическим завершением корреспонденции из Гродненской губернии стала публикация в неофициальном отделе («ЛЕВ», 1888, № 41) статьи П. Мелиоранского «О русской Гродненской старине в память о Св. равноапостольном князе Владимире». Из «Памятной книжки Гродненской губернии за 1888 год» об авторе известно следующее: «Павел Дмитриевич Мелиоранский – инспектор дирекции народных училищ Гродненской губернии. Кандидат С.-Петербургской духовной академии, женат, на службе 10 лет, в должности с 1884 года, кавалер орденов Св. Анны и Святого Станислава 3-й степени» [90]. Судя по месту получения образования и содержанию его статьи ее автор в полной мере разделял мировоззрение профессора М. О. Кояловича, а потому и его материал получил полное одобрение со стороны редактора «ЛЕВ» протоиерея Иоанна Котовича. В указанной статье П. Д. Мелиоранский, по сути, стал первым исследователем, который в духе Кояловича подошел к осмыслению места в Гродно и всего края в истории Руси и Православной церкви. В концептуальном и фактологическом освещении юбилейной темы применительно к истории города, он во многом сделал то, что взял в

последующем на вооружение Е. Ф. Орловский в своем труде «Очерк истории города Гродно» (1889).

Ограничение в объеме данной публикации не позволяет должным образом передать содержание статьи П. Д. Мелиоранского, но главный назидательный смысл этой публикации достаточно хорошо передает следующее заключение ее: «Гродненские обитатели должны прозреть древнейшую судьбу своего происхождения и своей веры, а также почувствовать и уразуметь, что Гродно – древний русский город, и что гродненцы были давними исповедниками той святой православной веры, которая привнесена была в Россию и водворена в ней Св. Владимиром и его потомками, что разноверие и иноплеменность, которые мы теперь наблюдаем в здешней стране, явилось здесь гораздо позднее, как наросты на теле коренного здешнего народа. Нам остается желать и стараться, чтобы эта древнерусская вера православная процветала по-прежнему в нашем Принеманском крае и по-прежнему же объединяла здесь западнорусский народ, пробуждала в нем его общерусское сознание и укрепляла его духовные силы, чтобы он мог окончательно сбросить с себя все черное, навеянное ему пришельцами, и стать цельным русским народом. И пусть своими молитвами помогут нам в этом стремлении христианской идеи и наставник русского народа. Св. равноапостольный князь Владимир, а также св. сыновья его Борис и Глеб, древнейшие св. покровители г. Гродно и молитвенники за здешний народ [73].

Таким образом, освещение празднования 900-летия крещения Руси на территории Гродненской губернии, позволило редакции «ЛЕВ» в меру своих сил и возможностей не только раскрыть ход и духовную атмосферу юбилейных торжеств, но и вооружить своих читателей пониманием роли и значения самого акта Крещения в исторической, политической, национальной жизни белорусского народа в духе теории западнорусизма, вполне разделяемой редакцией «Литовских епархиальных ведомостей» в последней четверти XIX века.

ГЛАВА 4
О МЕМУАРАХ, ПИСЬМАХ И АВТОГРАФАХ

4.1.Гродненский губернатор М. М. Осоргин – мемуарист

В череде гродненских губернаторов начала XX века (Н. А. Добровольский, Н. П. Урусов, П. А. Столыпин, И. Л. Блок, В. К. Кистер, Ф. А.-А. Зейн, В. М. Борзенко, П. М. Боярский, В. Н. Шебеко, А. Н. Крейтон) Михайл Михайлович Осоргин занимал особое место – место между Петром Аркадьевичем Столыпиным и Иваном Львовичем Блоком. Характерно, что оба этих губернатора стояли во главе губернии менее года, оба были переведены с повышением к другим местам службы и оба стали впоследствии жертвами преступных деяний террористов. М. М. Осоргин в отличие от них являлся «хозяином» Гродненской губернии свыше двух лет, после чего также пошел на повышение и в дальнейшем, несмотря на сложные перипетии времени, будучи практически ровесником Столыпина и Блока сумел дожить до весьма преклонных лет. Данная деталь биографии М. М. Осоргина отнюдь не означает, что он всегда стремился жить спокойно, для себя, избегая каких-либо резких шагов в своей служебной и в общественной деятельности. Бывало в его жизни всякое, но он, образно говоря, никогда не поступался своими принципами. Уже одно то, что он дважды был губернатором (в Гродно и Туле) и в течение трех лет активным земским деятелем (в Калуге), представляет его как государственника, ревностно заботившегося во вверенных ему административных структурах о благосостоянии городского и сельского населения и тем самым о могуществе и процветании всей Российской империи.

Родом из старинной дворянской семьи, известной с XVI века, М. М. Осоргин прошел обычный для молодого дворянина путь: Военная гимназия, Пажеский корпус и Кавалерийский полк предшествовали его выходу в отставку и началу вышеуказанной государственной службы. В 1866 году, в возрасте 25, лет М. М. Осоргин женился на Елизавете Николаевне Трубецкой, родной сестре князя Евгения Николаевича и Сергея Николаевича Трубецких. Первый из них был известным юристом, публицистом и общественным деятелем, а второй – философом, ректором Московского университета, редактором журнала «Вопросы философии и психологии». До 1901 года у молодой четы Осоргиных родились трое сыновей (Михаил, Сергей и Георгий) и четверо дочерей (София, Мария, Ульяна и Антонина). Если со стороны отца и матери М. М. Осоргин был в родстве с Волконскими, Ахлестышевыми и Кутузовыми, то через детей он породнился с Голицыными, Муравьевыми, Гагариными, Лагутиными, Самариными и многими другими старинными дворянскими семьями России.

Революция 1917 года обозначила рубеж в жизни Осоргиных. Начались их скитания по родственным домам, потери близких, аресты и ссылки, эмиграция старших сыновей, расстрел в 1929 году на Соловках младшего Георгия,

всяческие притеснения стариков и детей. Оказавшиеся во Франции сыновья Михаил и Сергей, а также родственники со стороны Трубецких неоднократно хлопотали о вызволении оставшихся в СССР Осоргиных, и в 1931 при содействии Е. П. Пешковой (жены А. М. Горького), в ту пору председателя Московского Комитета помощи политзаключенным, оставшиеся Осоргины получили возможность выехать во Францию и на долгие годы осесть в Кламаре близ Парижа.

Перед выездом за границу Михаил Михайлович сдал рукопись своих воспоминаний «Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920» в Российскую Государственную библиотеку (тогда в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, где в отделе рукописей она благополучно хранится и по настоящее время. В 2009 году усилиями живущей в Кламаре внучки М. М. Осоргина С. Самариной и научного сотрудника Государственной библиотеки Г. И. Вздорнова этот объемный труд был опубликован в Москве [87].

«Воспоминания» М. М. Осоргина охватывают без малого шестьдесят лет из истории России. Автор работал над ними с 1920 по 1929 годы. Глава IX «Государственная служба. Гродно (1902–1905» датирована 18 апреля – 1 мая 1920 года. Естественно, что для нас, гродненцев, она представляет наибольший интерес. Глава достаточно объемная (со стр. 575 по 686-ую, т. е. 111 страниц, а всего в трудах их 865) и весьма содержательная как в общенаучном, так и в краеведческом отношении. Данное обстоятельство, т. е. создание труда, посвященного жизни и деятельности, ставит М. М. Осоргина в положение единственного из гродненских губернаторов, оставившего потомкам историю своего времени.

Чрезвычайно важно отметить нестандартность назначения М. М. Осоргина на пост гродненского губернатора. Оно состоялось не в рамках утвердившейся традиции (перевод с поста харьковского вице-губернатора уже на губернаторский пост в любом регионе империи), а в условиях, когда Осоргин внезапно по вине высокопоставленных недоброжелателей оказался безо всякого места и в отставке. Опытный чиновник тяжело переносил нанесенную ему обиду буквально до той поры, пока в конце января – начале февраля 1903 года он не получил письмо от князя П. Д. Святополк-Мирского, бывшего в то время виленским гродненским и ковенским губернатором, с предложением занять «пост гродненского губернатора, который должен скоро освободиться за переводом Столыпина в Саратов». Предложение это, столь неожиданное и лесное, Осоргина, разумеется, очень обрадовало, и он тотчас же ответил Святополк-Мирскому благодарственным письмом за доверие и полным согласием принять предложенную должность. Назначение не замедлило: 15 февраля 1903 года государем императором Николаем II был подписан именной указ («Отставному статскому советнику Осоргину всемилостивейшее повелеваем быть исполняющим дела гродненского губернатора»), а 25 февраля Правительствующий Сенат приказал: «О сем высочайшем указе министра внутренних дел, и.д. гродненского губернатора Осоргина и гродненское

губернское правление уведомить указами и припечатать в установленном порядке». Тогда же Осоргин получил телеграмму от виленского генерал-губернатора с поздравлениями и номер «Правительственного вестника» с напечатанными указами. Данное обстоятельство ставит под сомнение хронические рамки для главы IX «Государственная служба. Гродно (1902–1905)», обозначенные автором воспоминаний. Под датой «1902 год» скорее всего им понималось вынужденное оставление службы в Харькове и временное нахождение в отставке вплоть до начала 1903 года, т. е. до времени восстановления на государственной службе в Гродно.

Из воспоминаний М. М. Осоргина следует, что назначение на губернаторскую должность отнюдь не означало реального занятия данного поста. Много времени уходило «на хлопоты по обмундировке» и на обустройство нового места службы и жительства. Перво-наперво в Петербурге был заказан полный комплект экипажей: четырехместные ландо, двухместное ландо и пролетки, и двое саней – парных и одиночных. Покупку же лошадей отложили до Гродно, где, как сообщали Осоргину, имелся их большой выбор. Выписан был из Гродно и план губернаторского дома, который превзошел все ожидания нового хозяина: «Кроме людских (т.е. помещений для прислуги. – *В.Ч.*) в нашем распоряжении оказалось 29 комнат… Все комнаты были просторные, светлые и выходили либо в сад при доме, либо на общественный сад под названием Швейцарской горки. Сад губернского дома был обширный и с фонтаном, цветниками, площадками для тенниса и проката. Одним словом, лучшего помещения нельзя было себе и представить…». Нехватка необходимой мебели была исправлена Осоргиным отправкой ее в Гродно из Харькова и Сергиевского – собственного имения. В ходе этих хлопот было решено выезжать в Гродно 16 апреля 1903 года. При этом учитывалась необходимость предварительного представления государю императору в Царском Селе, всем министрам в Петербурге и генерал-губернатору в Вильно.

М. М. Осоргин достаточно подробно освещал ход этих служебных процедур. Отметим лишь наиболее характерные детали их. Вот как описывал аудиенцию у Николая II: «…флигель-адъютант ввел меня в кабинет, и я увидел государя, нагнувшегося над письменным столом и рассматривающего записку о представляющихся…, дабы знать о чем вести с ними разговор. Фигура государя в грязном белом кителе меня неприятно поразила, но глаза государя лучистые, добрые сразу располагали к нему. Глаза так светились, такой в них был глубокий свет, что совсем перестало быть страшно… Разговор вертелся на моей прежней службе по Харькову, так как Гродно я совсем не знал, но государь меня предупредил, что осенью собирается в Беловеж. Моя аудиенция длилась не более пяти минут, после чего я тем же церемониалом отведен был на половину императрицы… Со мной ее величество вела разговор по-французски, но настолько несодержательный, что я и не помню, о чем шла речь, и очень был рад, когда она меня отпустила, повторив тоже, что осенью надеется быть в Беловеже».

В приемных царя, царицы, а также министров М. М. Осоргин неоднократно встречался с П. А. Столыпиным, своим предшественником по Гродно. В свободные промежутки времени губернаторы могли беседовать и давать друг другу наставления, т. е. Энгельгардт, бывший саратовский губернатор по Саратовской губернии, куда был назначен, а Столыпин Осоргину – по Гродненской. Вспоминая ту пору, Осоргин писал: «Не предполагал я тогда, что Петр Аркадьевич станет такой крупной государственной личностью. Он и тогда прельщал своей порядочностью, героичностью, отсутствием всякого чиновничества, но тогда же я составил себе мнение, что он совершенно не умеет распознавать людей, сравнивая данные им моей аттестации моих новых подчиненных с действительностью». Тогда же Осоргин узнал, что своим продвижением по службе (на губернаторском посту в Гродно и Саратове) Столыпин был во многом обязан своему давнему приятелю, а затем директору департамента полиции Алексею Александровичу Лопухину. О своем же назначении в Саратов Осоргину стало известно от самого П. А. Столыпина. В его воспоминаниях это было зафиксировано следующим образом: «Вызов к Плеве (министру внутренних дел. – *В. Ч.*) и сделанные ему (Столыпину. – *В.Ч.*) предложения занять пост саратовского губернатора его вполне озадачило, и на вопрос министра: «Что вы на это скажете?», он категорически отказался, указав на удобство для него и всей семьи Гродненской губернии, рядом с его ковенским имением и вблизи Варшавского генерал-губернаторства, где в одной из губерний губернаторствовал его зять Нейдгардт… На это министр холодно возразил: «меня Ваши личные семейные обстоятельства не интересуют и они не могут быть приняты во внимание; я считаю Вас подходящим для такой трудной губернии и ожидал от Вас каких-нибудь деловых соображений, но не взвешивания частных интересов». На такую отповедь Столыпин молча покорился и добавил, что если на то будет воля его величества (т. е. государя. – *В.Ч.*), он ей подчинится беспрекословно». И далее: «Столыпин в бытность свою в Петербурге, видимо был стеснен в деньгах; я помню, как заехав за ним, чтобы ехать на обед к Плеве, я его застал уже не в прежнем апартаменте гостиницы «Европейской», а в каком-то маленьком номере; и он мне объяснил, что ввиду отъезда Нейдгардта (нижегородского губернского предводителя дворянства), он больше не в состоянии платить за большой номер и должен довольствоваться маленькой комнатой. Он очень охотно согласился со мной ездить на совместные представления…».

Во время аудиенции у В. К. Плеве никаких директив от министра Осоргин на получил, ибо «он на все отвечал, что руководителем всей административной деятельности является генерал-губернатор, а не он, министр». Воспользовавшись перерывами между приемами у министров, Осоргин решил съездить в Вильно и представиться генерал-губернатору П. Д. Святополк-Мирскому. Его приемом гродненский губернатор был совершенно очарован (…у него преизбыточествовала порядочность совершенно рыцарская, соединенная с действительной сердечной простотой. Недаром его все любили и неизменно уважали»). Со слов Осоргина: «директивы он мне дал одни – высоко

держать русское знамя, но поляков не раздражать». По возвращению в Петербург гродненский губернатор был принят министром финансов С. Ю. Витте. Последний продержал у себя Осоргина особенно долго, но не по деловым вопросам, а расспрашивая его о конфликте с князем А. Д. Оболенским. У военного министра А. Н. Куропаткина гродненский губернатор, по его же словам, «заскандалил». Привыкли в других министерствах быть как губернатор принятым одним из первых, он был удивлен тем, что его вынудили чуть ли не два часа просидеть в приемной. Свое возмущение этим он высказал адъютанту министра. Тот тотчас же побежал к Куропаткину, выкатился оттуда с извинениями и немедленно ввел Осоргина в кабинет министра. Последний более чем любезно принял губернатора, продержал его у себя около получаса, и за это время ими был решен весьма важный вопрос о строительстве в Гродно моста через Неман. До этой встречи военное министерство, исходя из соображений стратегических, настаивало на строительстве постоянного моста вне пределов города, полагая, что в случае войны обстрел моста, соединяющий две части города, будет равнозначен бомбардировке самого города. Однако для реализации своего плана министерству не хватало средств. И когда в ходе беседы Куропаткин спросил Осоргина, можно ли надеяться на местный бюджет в этом деле, то губернатор ответил на это утвердительно, но при условии, если этот мост будет удовлетворять нуждам населения, то есть будет в районе самого города и соединит обе части его, до того во время половодья льдинами совершенно друг от друга отделенные». Куропаткин ухватился за эту мысль и дабы быть обеспеченным субсидиями, наметил постройку в самом Гродно на продолжении Соборной улицы, против чего ранее возражал Генеральный штаб. Осоргин сдержал слово и добился выделения на строительство моста 300 тысяч рублей, и уже после его перевода в Тулу мост был построен и открыт для общего пользования.

Отмечая ценность свидетельств губернатора в отношении его роли в строительстве моста в центре города, а не против военных лагерей, необходимо подчеркнуть большую роль в отставании этого плана управляющего Гродненской контрольной палатой М. К. Стояновского, а также губернского инженера и архитектора Н. В. Романова. Последний не уставал повторять, что мост в самом городе не только необходим ему экономически, но и украсит древний Гродно. Поддержку плану Осоргина оказал и министр путей сообщений князь М. И. Хилков, на приеме у которого губернатор тогда же побывал.

Перед окончательным выездом в Гродно Осоргин посетил обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. Этот визит как дань традиции тем не менее позволил автору воспоминаний не только дать образную характеристику однозначному деятелю, но и подвести итог своему пребыванию в столице: «Победоносцев принял меня в своем мрачном кабинете на Литейной, с большими черепаховыми очками на носу; ожидал я от него хоть какого-нибудь делового разговора и знал, как в Западном крае правительство придает значение вероисповедному вопросу. Но Константин Петрович лишь загадочно

пробурчал: «Да, там дурно пахнет, нехорошо там, и лучше поговорите с Владимиром Карловичем (Саблером), он Вам все разъяснит». Несомненно, Победоносцев намекал на Святополк-Мирского, на его веротерпимость и на репутацию его как гуманного человека, если не сказать либерала. Так и кончились мои мытарства по министерским, приемным, мало услыхав делового и касавшегося моей губернии, куда я ехал, совершенно не зная ни польского, ни еврейского, ни католического, ни пограничного вопроса и не получив ни от кого полезных указаний. Приходилось рассчитывать на свою способность быстро схватывать вопрос и на дельных помощников и докладчиков, в чем меня обнадеживал Столыпин».

Перед отъездом к новому месту службы М. М. Осоргин скоро побывал в кругу семьи в родовом имении Сергиевского Калужской губернии. 16-го апреля 1903 года ему был предоставлен отдельный вагон до Гродно. Свой маршрут он наметил таким образом (Калуга, Вязьма, Минск, Барановичи, Белосток и Гродно), чтобы 18-го апреля, в субботу, быть на месте. Делая «маленький крюк», он не только избегал необходимости останавливаться в Вильно и наносить обременительный для себя визит генерал-губернатору Святополк-Мирскому, но тотчас же за Барановичами мог попасть в пределы своей губернии с тем, чтобы до приезда в Гродно иметь кратковременные остановки в Слониме, Волковыске, Белостоке и Соколке. На каждой из этих остановок, надев служебный сюртук, новоиспеченный начальник губернии принимал должностных лиц, выходивших его встречать. Только в Слониме, который он проезжал так рано, что не успел встать, он избежал такого рода представления. Заранее он просил частным письмом вице-губернатора В. Д. Мишина никакой официальной встречи ему на вокзале Гродно не делать, а также предупредить губернского предводителя П. В. Веревкина, чтобы он на вокзал не приезжал его встречать, ибо первый визит по приезду он намерен нанести ему с тем, чтобы поднять упавший престиж местных предводителей в общественном мнении. Весьма интересны первые впечатления М. М. Осоргина о Гродно и организованной ему встрече: «Подъезжать к Гродно со стороны Белостока очень выгодно для первого раза, ибо вид на город с этой стороны Немана со своими четырьмя костелами, особенно Фарным, и большим красивым собором (остальные церкви небольшие и не видны) и историческими замками, очень красив. Я с любопытством рассматривал этот город – ныне для меня близкий, свой – с моста через Неман. Понятно, обилие костелов, малое количество православных колоколен, архитектура замков давали ему вид заграничный, впечатление усиливалось звоном angelus (колоколов. – *В.Ч.*), который был слышен, когда поезд остановился у платформы вокзала. Зато вокзал поражал своим малым видом; такое здание было под стать захудалому уездному городу, а не губернскому. Незначительность платформы еще более подчеркивалась обилием представляющихся. Все было занято мундирной публикой, и в числе их одна дама. Не успел и выйти из вагона, принять рапорты полицмейстера и исправника и познакомиться с вице-губернатором, как меня осадила эта дама, оказавшаяся главной надзирательницей женской гимназии – Мария

Михайловна Булгак – с приглашением на следующий день, воскресение Жен-Миронскому, быть у обедни в гимназии по случаю храмового праздника. Такой натиск объяснился впоследствии тем, что Булгак всегда хотела разыгрывать роль директрисы и стремилась премировать перед директором и затушевывать его. М. М. Булгак была мне особенно рекомендована Столыпиным, почему я и был с ней отменно любезен. Только впоследствии я раскусил, какая это была язва…» [135].

После того, как вице-губернатор В. Д. Лишин представил прибывшему губернатору всех его встречавших, городской голова Михальский поднес ему от города традиционный хлеб-соль. Затем губернатор и вице-губернатор в сопровождении полицмейстера Н. М. Дынги (с ним Осоргин познакомился еще в Вильно во время своего представления генерал-губернатору. – *В.Ч.*) поехали в Св.-Софийский собор, где его настоятель протоиерей Николай Диковский отслужил в честь такого важного события специальный молебен. В соборе губернатор приложился к его святыням, включая частицу мощей князя Михаила Муромского, его покровителя, после чего поехал для отдыха в свой новый дом. Через пару часов, облекшись опять в мундир, он поехал с официальным визитом к гродненскому архиерею Иоакиму (Левицкому) и к губернскому предводителю дворянства П. В. Веревкину. Оба произвели на Осоргина «очень хорошее впечатление». Потом, переодевшись в форменный сюртук, поехал к вице-губернатору Мишину. Посидел он у них довольно долго. Виктор Дмитриевич сразу пришелся Осоргину по душе «своей благородной порядочностью, бодростью и ласковостью». Жена его Ольга Михайловна «держала мужа под каблуком, но по своей русской природе была гостеприимна и ласкова, так что мне у них было хорошо». Не успел Осоргин вернуться домой, как приехали к нему с ответным визитом и архиерей, и Веревкин. Этим приемом и закончился его первый день в Гродно. Общий прием всех должностных лиц он назначил на понедельник 20 апреля 1903 года. В этот же день он официально написал генерал-губернатору о своем вступлении в управление губернией. Именно эту дату и следует считать началом его государственной службы в Гродно.

Прежде чем перейти к ее описанию М. М. Осоргин остановился на характеристике «своих подчиненных и сослуживцах, о коих, за самыми редкими исключениями, сохранил лучшую память». Мне как исследователю, хорошо знавшему окружение губернатора по их формулярным спискам и другим официальным документам, доставляло огромное удовольствие познакомиться с ними на страницах воспоминаний Осоргина уже с неофициальной, а чисто человеческой точки зрения. Авторские характеристики своего ближайшего окружения следует признать весьма правдивыми, неизменно субъективными, чаще всего они отличаются тонким и незлобливым юмором, легкой иронией над собой и окружением.

О своем ближайшем помощнике – вице-губернаторе Лишине он писал как о замечательном человеке, «друге всей моей семьи». И вместе с этим отмечал, «что по службе помощи от него я мало видел. Административных

способностей у него не было, дела он совершенно не знал и им не интересовался и к тому же был зело ленив. Почему обычно он или лежал, умирающий в постели, или же пропадал на какой-нибудь охоте, с которой возвращался совершенно больной, дабы немедленно слечь. Имение его изобиловало дичью, оно же и способствовало его скорейшему разорению, к которому он стремился, все время раздавая все, что мог, нуждающимся, или делая какие-нибудь фантастические покупки. Жена его была достойной ему помощницей по своей доброте, почему и ее сплетни охотно ей прощались, до того они были незлобливы. Детей у них не было и жили они, любуясь и ухаживая друг за другом».

Весьма замечательные характеристики, даваемые Осоргиным высшему местному духовенству: «Архиерей Иоаким был первый самостоятельный епископ в Гродно; до того здесь было лишь викариатство. Он положил много труда на содержание этой епархии, прекрасно служил и, хотя не был ярким представителем воинствующего в крае духовенства, умело поддерживал здесь мир. К сожалению, за какую-то злостную сплетню его перевели в дальнюю восточную епархию, и еще при мне уехал он, горько оплакивая созданную им самостоятельную кафедру, и также оплакиваемый и осиротевшей паствой. Его заместитель преосвященный Никанор нигде долго не уживался, и потому Гродно было дня его чуть ли не шестой или седьмой кафедрой. Он был знаток ислама…, а попал в страну католичества и иудейства, с которыми был мало знаком. Служил он небрежно, всегда торопясь… С моей точки зрения, у него было одно качество – он не был воинствующим иерархом, а напротив, считал, что лучше верить искренне, хотя по-инославному, чем совершенно быть хладным в делах веры». К сожалению, Осоргину не дано было знать, что в 1920 году большевики повесили владыку Иоакима (Левицкого) головою вниз на златых вратах Севастопольского собора. Что же касается владыки Никанора (Каменского), то он совершенно запамятовал, а может быть не придал должного значения тому, что доктор богословия Никанор был основателем в ноябре 1904 года, т. е. в губернаторство Осоргина, Гродненского церковно-археологического комитета, положившего начало комплексному изучению истории края, а также создания в Гродно первого музея (древнехранилища) [146, с. 10–12]. Вместе с тем, вспоминая праздничные разговления в обе Пасхи, проведенные в Гродно в присутствии архиерея, губернатор не мог не отметить, как в ходе их неизменно в шутку ему говорил: «Я помню и держусь русской пословицы: «Если хочешь быть сыт – садись к хозяйке, а если пьян – то к хозяину». Следует отметить, что будучи искренне верующим человеком, Осоргин всегда осуждал религиозный фанатизм, причем, откуда бы он не проистекал. В ходе объездов губернии он неизменно посещал все монастыри (Супрасль, Жировичи), старинные храмы, беседовал с их настоятелями. После посещения православных святынь посещал костел и синагогу. Описывая свое путешествие на казенном пароходе из Гродно в Друскеники и обратно, он не скрывал своего восхищения Борисо-Глебской церковью: «Неман в этой части своего течения некрасив, и стоит выбраться из города и ближайших его

окрестностей, как начинаются плоские берега, и притом даже не поросшие лесом, а все более песчаные, последнее красивое место около Гродно – это старинная церковь времен Ярослава Мудрого по старому названию городища – Колоча» (Коложа. – *В.Ч.*); отваливающийся крутой берег Немана разрушил в этом месте одну стену этой церкви, и вместо нее была устроена деревянная стена на подпорах. Древняя же церковь была вся каменная, из грубо обтесанных камней со вставленными местами полыми глиняными не то кувшинами, не то трубами, как объяснил археолог – для резонанса. Восстановление и поддержание этого древнего памятника православия в крае, свидетельствовавшего, что последовавшие потом окатоличивание и ополячение края были лишь наносным явлением, взяло на себя Императорское Археологическое общество, и мне как губернатору пришлось во время моего пребывания в Гродно принимать деятельное участие в этой работе. Но средств было мало, реставрация шла черепашьим шагом, и уехал я из Гродно, оставив этот храм весь в подпорках и все с той же деревянной стеной. Следует заметить, что рядом с губернским домом располагалась Александро-Невская церковь, однако семейство Осоргиных посещало не ее, а церковь архиерейского дома по той причине, что мужская гимназия не имела своей церкви и церковь архиерейского дома считалась гимназической, и все гимназисты, в том числе и сыновья губернатора, несли по очереди какую-либо службу при архиерее: кто нес свечу, кто подносил ему служебник, это было хорошо, и мы, за исключением табельных дней, – отмечал автор воспоминаний, – всей семьей всегда посещали эту церковь». В ту пору, разумеется, гродненскому губернатору и во сне не могло привидеться, что на старости лет ему будет суждено и самому стать священником православной церкви … в далекой Франции.

Особым вниманием наделено в воспоминаниях Осоргина его ближайшее окружение из числа руководителей дворянства: «Губернский предводитель Веревкин не был человеком моего вкуса, но надо отдать ему справедливость, держался он с большим тактом, русского знамени, не роняя и поляков не раздражая, почему был всеми уважаем и даже, я думаю, любим, но с ним не особенно считались. Впоследствии мне удалось через Мирского продвинуть Веревкина на пост Ковенского губернатора, и его, вопреки моему желанию, заменил один из уездных предводителей – Иван Михайлович Вышеславцев. Последний был ниже всякой критики… Как человек, нуждавшийся в кредитах, кадил полякам, совершенно неприлично выставляя их в ущерб русскому дворянству, а к тому же опутанный совершенно евреями. Одним словом, более неудачного назначения для русского дела нельзя было и придумать.

Остальные уездные предводители также были невысокого уровня за исключением гродненского – Ознобишина (Алексея Александровича) и Волковысского – Александра Ивановича Ушакова. Эти оба были исключительно дельные, особенно Ушаков. Ознобишин же как крупный помещик, умелым видением дела все богатевший, был уважаем и любим даже среди польского дворянства, но ему вредило одно – мать его была крестьянка, и

это претило польскому аристократизму. Другие предводители, за исключением фон Штейна Слонимского, аккуратного немца, были или совершенно безличные или воочию доказывали польскому дворянству, как плохо русское чиновничество; в большинстве случаев они не имели связи с губернией, являлись пришлым элементом из неудачников средней полосы России. В самый трудный уезд – Белостокский – князь Мирский назначил мне одного из бывших адъютантов командира войсками округа, некоего Неверовича, и как мне сей субъект надоел! Он мнил себя обновителем края, сыпал проектами, докладами, записками, вмешивался даже в дела полиции. На меня, его постоянно осаживавшего, он смотрел особенно недоброжелательно – как на губернатора, недостаточно русифицировавшего край». Заметил, что в последующем Н.Г.Неверович стал губернским предводителем дворянства. В годы Первой мировой войны, а в последующем, находясь в эвакуации в Калужской губернии, он проявлял огромную активность в деле устройства беженцев и оказания им материальной помощи. Своими «Записками» по этому и другим вопросам он не давал покоя не только губернатору, но и министрам [137, с. 423–430].

Заслуженно и с благодарностью вспоминал М. М. Осоргин чиновников губернского правления, своих помощников и советников Л. И. Ахшарулова, А. А. Наумова, Ф. Ф. Мерного и В В. Ярошенко. Последний практически был правой рукой губернаторов Столыпина и Осоргина. В годы революции 1905–1907 годов он курировал работу полиции, жандармерии, а также тюремного ведомства. В периоды нахождения Осоргина вне Гродно он весьма успешно выполнял обязанности вице-губернатора. Ярошенко особенно был незаменим во время беспорядков в Белостоке, Бресте и Гродно, мастерски разводя противоборствующие стороны по разные стороны баррикад [142, с. 101–104].

Весьма правдивы суждения губернатора о врачебных и ветеринарных инспекциях: «Врачебного инспектора Рейпольского мне пришлось в самом начале просить подать в отставку, очень уж нечестно велись у него дела об открытии новых аптек. За это негодовал на меня сей субъект весьма сильно, и потому демонстративно не кланялся мне при встрече. Рассказывали, что каждый губернатор старался уволить Рейпольского, но это как-то им не удавалось, и лишь я, взявшись за дело, довел его благополучно до конца». Признаюсь, что такой штрих в портрете А. Ф. Рейпольского был мне совершенно не известен». Зато суждения Осоргина о В.В. Кошелеве, сменившем в должности врачебного инспектора Рейпольского и мои полностью совпадают. К сожалению, бывшему губернатору так и не довелось узнать о той огромной общественно-просветительной работе, которую проводил Кошелев в Гродно в 20-е годы во главе РБО (Русского Благотворительного общества), о трагизме последних дней его жизни, о запущенности его могилы сегодня на старом православном кладбище [139, с. 77; 151, с. 195–202]. «С ним, (Кошелевым. – *В.Ч.*), – подчеркивал Осоргин, – можно было быть вполне спокойным за дело, а также с ветеринарным инспектором Иваном Дмитриевичем Юдиным». Необходимо добавить, что в ту пору, а затем в годы

русско-японской и Первой мировой войн на И. Д. Юдине, М. М. Мешааке, Ф. Г. Шимановском держалась вся ветеринарная служба губернии [142, с. 157]. С особой теплотой вспоминал губернатор главного врача городской больницы Николая Дмитриевича Беклемишева: «Судя по месту, он не занимал видной роли, а между тем это был самый популярный человек в Гродно: вечный гласный городской думы, один из директоров театра, член Благотворительного общества… и наиболее добрый, отзывчивый и ласковый человек из всех, кого я знал. Не думаю, чтобы он был хороший доктор, по крайней мере, у нас, где он был годовым врачом, лечил он неудачно, к тому же настолько безалаберный, забывчивый, что иногда своего тяжелого больного по два дня забывал навестить, пока, наконец, его кто-нибудь насильно не привезет. Но стоило Николаю Дмитриевичу войти в комнату больного, усесться у его постели и, щупая пульс, мягким баском пошутить: «Что, очень меня браните?», как становилось легче, успокоительнее, и только одно думалось, как бы этого человека подольше подержать у себя… Нельзя было на этого человека сердиться, его все любили: и русский, и поляк, и еврей, и сановник, и мелкая сошка – для всех он был друг. Скончался он как беженец при наступлении немцев в Калужской губернии, где был устроен его госпиталь; и там он приобрел репутацию святого друга человечества. Мир его праху. Дети его были сверстники и друзья моих детей» [137, с. 407–409].

В начале XX века деятельность губернского правления дополнялась различным присутствием и комитетами при губернаторе. М. М. Осоргин не оставил без внимания и деятельность их членов: «По губернскому присутствию старшин по службе был Владимир Владимирович Столяров, человек весьма способный, но совершенно запутавшийся: женат он был на бывшей кафешантанной певице-француженке – она была глупа, стара, и нельзя было понять, какую он в ней нашел привлекательность». В отношении деловых качеств Столярова губернатор был, разумеется, прав, ибо деятельность чиновника протекала у него на глазах, да и последующая служба чиновника подтверждает оценки Осоргина (В. В. Столяров завершил свою карьеру вице-губернатором, нередко исполнявшим обязанности гродненского губернатора. – *В.Ч.*). Однако во всем том, что касалось жены Столярова, автор воспоминаний ошибался, так как никакой француженкой она не была. Звали ее Антонина Жолкевич, а была она дочерью местного чиновника, статского советника. В старости также можно было усомниться, ибо она намного опережала мужа, умершего в эвакуации в Калуге летом 1916 года [137, с. 96–98, 419–420].

В целом положительно оценивал Осоргин службу и других членов губернского присутствия: Д. В. Ромейкова («на него можно было положиться как на каменную гору»), Н. О. Щербацкого («он любил свое дело с каким-то юношеским пылом»), П. И. Трисветова («имел репутацию честного человека, и это меня успокаивало»), М. П. Жилеева («его отличительная черта – какая-то щепетильная чистоплотность в делах, почему он никогда не принимал никаких просителей наедине, а к себе на квартиру вообще никого не приглашал»). Высокую оценку давал он губернскому землемеру А. С. Цветкову («он был,

безусловно, честный, порядочный человек, который поддерживал и порядок и доброе имя русского чиновничества»). Среди «иногда просто незаменимых» чиновников правления он называл Б. И. Алябьева, А. Ф. Петрова, Г. А. Кологривова, В. О. фон Бадера. Немало добрых слов он высказал в адрес правителя канцелярии Г. Н. Тарановского, приехавшего по приглашению Осоргина из Харькова на смену М. В. Малюкову. Последнего губернатор ошибочно называл Милюковым и даже не исключал его родство с историком, лидером партии кадетов П. Н. Милюковым [90].

Затронул в своих воспоминаниях М. М. Осоргин и «судейский мир». Здесь главную роль играл прокурор И. А. Кузьмин и Г. Г. Чаплинский. Первый выделялся из чиновничьей среды тем, что обладал широким кругозором и был серьезным музыкантом («часто играл с моей женой в четыре руки или на двух фортепьянах»). Кузьмин через какое-то время был заменен Чаплинским. Последний был душой общества по части анекдотов («По делам же с ним говорить было довольно бесполезно, впоследствии он сыграл крупную роль в процессе Бейлиса»). В бытность Осоргина гродненским губернатором одним из товарищей (заместителей. – *В.Ч.*) прокурора служил Г. Г. Замысловский, известный впоследствии член III и IV Государственной думы, также получивший широкую известность своими выступлениями в связи с делом Бейлиса. Председателем гродненского Окружного суда в ту пору был Ф. М. Вышеславцев («служа в Гродно более двадцати лет, в деловых отношениях это был совершенный нуль и к общему удовлетворению заменял он себя в разных присутствиях членом окружного суда Н. Н. Аничковым»). Умер Ф. М. Вышеславцев в 1909 году в возрасте 63 лет, и прах его покоится на старом гродненском православном кладбище [139, с. 76].

Среди представителей других ведомств, упомянутых Осоргиным, следует назвать управляющего Государственных имуществ А. И. Волковича («деятель старого закала еще времен Муравьева, никому не доверял, а поляков ненавидел органически»), председателя Казенной палаты А. В. Ласточкина («в Гродно он приехал незадолго до меня, был еще молод и в чинах низок, но в работе, в стойкости характера, настолько превосходил остальной чиновничий мир, что сразу приобрел общее уважение), начальника почтового ведомства Л. Г. Ревуцкого-Реутова, начальника акцизного управления К. Я. Бузыкова, директора мужской гимназии А. Ф. Пигулевского (никакой собственной роли не игравших»), управляющего Контрольной палаты М. К. Стояновского («его я застал уже полуслепым и поэтому недостаточно самостоятельным в своей деятельности»). С ревизором этой же палаты М. Л. Обремским Осоргину приходилось встречаться значительно чаще по той причине, что он постоянно «подсиживал» старика Стояновского, и это требовало со стороны губернатора особых действий по отношению к недобросовестному чиновнику, тем более, что его жена – секретарша писательницы Элизы Ожешко, да и он сам, по мнению Озарина, «не отличались симпатией к русским». Имя писательницы дважды упоминалось в воспоминаниях губернатора, причем, как всегда, как бы косвенно, вкупе с характеристикой других местных польских деятелей:

«Польского общества в Гродно не было; было лишь две дамы: одна писательница Ожешко, о ней я уже упоминал; она была представительницей демократического направления, почему настоящие поляки ее не любили, другая – Залесская, жила как раз напротив ее на Муравьевской (улице. – *В.Ч.*), которую они упорно звали Садовой (в этом я их понимаю и никогда не симпатизировал русификации края названием улиц и площадей фамилиями, ненавистными побежденнному народу; ее всегда в шутку звали «графиней», потому что государь Александр II как-то раз ошибкой ее так назвал. Обе они друг друга ненавидели; наши с ним отношения ограничивались лишь тем, что Лиза (Елизавета Николаевна Осоргина – супруга автора воспоминаний. – *В.Ч.*) им делала визиты, на которые они тотчас ответили, но больше у нас, несмотря на приглашения, не бывали. Среди других поляков Осоргин вспоминал К. А. Коцелла («главноуправляющий Друцкого-Модзерского, старавшегося дружить с русским чиновничеством; я его недолюбливал за назойливость») и князя Святополк-Четвертинского, которого он считал «наичестнейшим человеком, верным России не по любви к ней, а по чувству самосохранения и здравого смысла, понимая, что Польша без России существовать не может».

Значительное внимание уделено в воспоминаниях общению губернатора с высшими чиновниками военного ведомства, офицерами Гродненского и соседних гарнизонов. Чаще всего ему приходилось сталкиваться с командиром II-го армейского корпуса И. М. Поволоцким, штаб-квартира которого находилась в самом Гродно. Вот что он писал о нем: «Поволоцкий был, как тогда говорили, «Бурбон в душе», был ли он хороший военный – не знаю, не мне о сем судить: со мной он ладил и, когда прощался со мной при отъезде моем из Гродно, в прощальном слоге высказался так: «Между нами не только кошки, но и котенка никогда не пробежало». Общался Осоргин с начальником 26-й пехотной дивизии Д. С. Бутурлиным, которого он считал «совершенно светским человеком». Из командиров полков местного гарнизона наиболее близок он был к командиру 103-го Петрозаводского полка Ф. М. Вебелю. Познакомился губернатор с ним во время празднования столетнего юбилея полка, «налагавшего на него определенные обязанности». После юбилейного церемониала состоялся праздничный обед, на котором среди почетных гостей присутствовал губернатор и другие официальные лица. Было много приветствий и подношений». В ответ на все эти приветствия полковник Вебель выступил, по словам Осоргина, так прочувственно и так тепло, что это растрогало не только присутствующих, но и сам он не выдержал и на минуту остановился, потому что его душили слезы». Этот юбилей, – подчеркивал автор воспоминаний, – а затем еще два полковых праздника (юбилей 101-го Пермского и 102-го Вятского пехотных полков. – *В.Ч.*), тут же прошедших, познакомили меня с военной средой, из которой многие впоследствии стали нам совсем близкими». Общение Осоргина с военными стало особенно тесным в связи с проводимыми маневрами, с подъемом революционных выступлений на Гродненщине, а также в связи с русско-японской войной. Этой теме отдается немало места в воспоминаниях губернатора Осоргина.

Большое место в его воспоминаниях занимает деятельность полиции и жандармерии, а также их местного начальства. Вот краткие характеристики, даваемые им губернатором: «Гродненский полицмейстер Н. М. Дрынга (назначенный на должность еще П. А. Столыпиным. – *В.Ч.*) мне не понравился – это был военный до мозга костей, с военной строевой выправкой, несомненно, вполне порядочный, честный человек, но в нем не было ни ума, ни сообразительности, ни чуткости, необходимой для полицианта»; «Во главе жандармского управления я застал Бекнева (в книге ошибочно Бекрова), страстного садовника, председателя гродненского Общества садоводства, получившего еще со времен Столыпина в свое пользование обширные плодовые сады, ягодники и оранжереи губернаторского дома… Это и давало мне точку соприкосновения с ним, так как по части его служебной деятельности он был, кажется, совершенно индифферентен, мало чем интересовался и вся работа лежала на его помощниках. Бекнев скоро был заменен генералом Пацевичем, с которым я очень скоро близко сошелся». Весьма лестную оценку Осоргина получила служба гродненского уездного исправника Н. Ельчина, гродненского полицмейстера П. С. Генисаретского. И тем не менее уход М. М. Осоргина с поста губернатора во многом связан с недостатками в работе полиции и жандармерии по подавлению революционных выступлений в Белостоке, Бресте и Гродно [142, с. 140–157].

Кроме характеристики своему ближайшему окружению, М. М. Осоргин много внимания уделял в воспоминаниях основным направлениям своей деятельности на посту гродненского губернатора. Каждый день его был расписан буквально по часам. Вот как он описывает один из них, сразу же после возвращения из Беловежской пущи, где нес ответственность за пребывание государя и его свиты на трехнедельной охоте: «Я возвращался к семье, по которой стосковался, и вновь мог окунуться в интересную губернаторскую работу. Вернувшись домой, я застал жизнь, уже налаженную моей женой: водворилась новая гувернантка-англичанка Miss Culbind, приглашен был законоучитель мужской гимназии, весь день был распределен по часам. И я в соответствии с этим тоже распределил расписание: в половине 10-го ко мне приезжал полицмейстер, и с этого часа начинался мой служебный день. После полицмейстера шли доклады либо прием посетителей и представляющихся. Продолжалось это до 1 часа дня, когда меня звали завтракать; всегда у нас завтракал дежурный чиновник и еще 2–3 человека, или званых заранее или оставленных после приема. За столом я занимал место против жены, на противоположной стороне стола; около Лизы сидели мои родители и званые, а около меня – дети, и этим временем я пользовался, чтобы с ними беседовать и сохранить ту близость, которая установилась между нами… В 2 часа у меня начиналось какое-нибудь заседание. В те дни, когда бывало заседание и оно кончалось рано, я успевал делать все ответные визиты. После обеда в хорошую погоду иногда устраивались семейные катания; излюбленным местом катания было шоссе за линией железной дороги… Вечерний чай и обед собирали всю семью, и хотя иногда бывали и

посторонние, но уже более интимные. Старшие мальчики в это время увлекались гимназическим оркестром, в котором принимали участие, и потому часто по вечерам бывали на репетициях. Часов в 10 вечера я вновь забирался в свой кабинет для подписывания бумаг: к этому времени накапливалась груда портфелей всех подведомственных мне учреждений с шаблонными исходящими бумагами, но требующими особого доклада. Часа два иногда просиживал я за работой. Это обыденное распределение дня нарушалось несколько раз в году для званых вечеров…

Подобного рода расписание жизни Осоргин называл «интересной работой, не отрывающей его от семьи», но это было время уже не губернатора Батюшкова, когда, по словам Осоргина, «по всей губернии был всего один арестант». В его же губернаторство революционная пропаганда края велась усиленно: «Организовывалась в Гродно и губернии революционно-еврейская партия Бунд, говорили даже, что убийство Плеве было задумано и организовано на партийном собрании эсеров близ Белостока и главными устроителями были гродненские уроженцы, ко всему этому борьба рабочих с фабрикантами… Добавим к этому, что белостокский телефон в кабинете губернатора снабжен был не звонком, а сиреной, возвещавшей о новых беспорядках в городе. Беспокоили его особенно сильно, кроме Белостока, события на промышленных предприятиях Крынок, Черной Руды (Брестский уезд). Будучи человеком либерального мировоззрения, М. М. Осоргин стремился разрешать все конфликты в губернии мирным путем, министерство более всего устраивали радикальные меры, и губернатор не мог не чувствовать, что его деятельность не находит у начальства одобрения. Большие беспокойства доставляли ему такие события в губернии, связанные с русско-японской войной 1904–1905 годов. В итоге в столице было принято решение о переводе М. М. Осоргина на пост губернатора Тульской губернии.

Вот как оценивал гродненский период своей государственной службы сам губернатор: «Бросая ретроспективный взгляд на гродненский период моей жизни, не могу не вспоминать его с особой благодарностью. Много там было и тяжелого, и волнительного, но вместе с тем много было и отрадного. Моя служба не отвлекала меня вполне от семьи, а напротив, гармонично вплеталась в семейную жизнь. Это был первый период беззаботной с точки зрения материальной, и даже не только беззаботной, но и хорошо обеспеченной. Близость к нашей семье моих подчиненных и сотрудников совершенно уничтожала сухость службы. Далеко не убежден, чтобы меня любили в Гродно, за исключением некоторых, которые были мне преданы, но зато почти уверен, что меня там уважали и даже, думаю, больше уважали, чем боялись. Зато мою жену все без исключения любили и преклонялись перед ней; перед ней я и был особенно виновен своим уходом из Гродно, отрывая ее от любимого дела Благотворительного общества. Мне рисовалось, что если так хорошо нам жилось на чужбине, то тем паче нам будет легко в русской, знакомой и во многом родственной губернии. Увидим впоследствии, как я жестоко ошибался!».

Завершая анализ воспоминаний гродненского губернатора М. М. Осоргина в качестве исторического источника (применительно преимущественно лишь к гродненскому периоду его государственной службы), следует отметить их огромную значимость для реконструкции многих сторон социально-экономической, политической и культурной жизни Гродно и губернии. Особую значимость представляют воспоминания Осоргина в отношении изучения проблем повседневности на религиозном уровне.

Несколько слов о последних годах жизни М. М. Осоргина. По приезде во Францию он осуществил мечту своей молодости и был посвящен в священники в скором времени был назначен настоятелем русской православной церкви в Камаре, вокруг которой постепенно создалось «русское микрообщество; и был там русский дух…, там Русью пахло», во многом благодаря отцу Михаилу. Его любили и уважали не только в семье, но и пастыри, пасомые всей русской парижской эмиграции. Умер М. М. Осоргин 15 декабря 1939 года и похоронен на городском кладбище в Кламаре в одной могиле с его женой, умершей в 1935 году. На этом кладбище много-много православных крестов и русских имен: Трубецкие, Осоргины, Лермонтовы, Бердяевы, Бутеневы, Чертковы…, всех не перечесть.

4.2.Гродно и гродненцы в переписке П. А. Столыпина

Непродолжительное пребывание П. А. Столыпина в должности гродненского губернатора (с 30 мая 1902 года по 15 февраля 1903 года) получило в последнее десятилетие достаточно полное освещение в научной литературе [147]. Исследователи этого периода жизни П. А. Столыпина сходятся на том, что многогранная деятельность последнего в Гродненской губернии была важным этапом в его становлении как крупного государственного деятеля и реформатора. Отмечалось также, что в Гродно и губернии П. А. Столыпин и его семья обрели немало преданных сотрудников, друзей и добрых знакомых, полюбился Столыпиным и сам город над Неманом. Последнее в значительной степени раскрывает личная и официальная переписка П. А. Столыпина [89].

В настоящее время выявлено лишь семь писем, относящихся к губернской деятельности П. А. Столыпина в Гродно. Два из них (от 6 и 30 ноября 1902 года) были адресованы давнему коллеге еще по службе в Ковенской губернии И. А. Кузьмичу – статскому советнику, прокурору Ковенского окружного суда, а оставшиеся пять (от 2 декабря, 3, 23, 27, 28 февраля 1903 года) – князю П. Д. Святополк-Мирскому, в ту пору виленскому генерал-губернатору. Если письма к И. А. Кузьмину – лишь дань вежливости человека, получившего высокое назначение по отношению к былому сослуживцу, с приглашением «отобедать у меня завтра запросто», «заглянуть ко мне на минутку» или «позвонить мне из номера в телефон, посредством

которого мы бы переговорили» [89, с.78–79], то письма к П. Д. Святополк-Мирскому – это пример взаимоотношений двух крупных чиновников, обеспокоенных положением дел в крае, судьбами близких им людей. Так, в письме от 2 декабря 1902 года П. А. Столыпин писал, в частности. П. Л. Святополк-Мирскому о том, что «первого сего декабря гродненский полицмейстер г. Гордынский подал в отставку. Как я уже докладывал Вашему Сиятельству, причиной отставки является утомление после 35 лет службы, из которых последние 19 лет г. Гордынский прослужил в полиции. Зная его с самой хорошей стороны, как человека вполне честного и порядочного, чему доказательством служит полное отсутствие у него личных средств, я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, не сочтете ли возможным в бытность свою в Петербурге подкрепить своим веским словом ходатайство мое о награждении г. Гордынского пенсией в полном размере получаемого им содержания. Официальное представление мое будет на этих днях представлено Вашему Сиятельству» [89, с. 79]. Проявляя заботу о Гордынском, губернатор Столыпин экстренным способом искал ему достойную замену. 20 декабря 1902 года пружанский уездный исправник подполковник Н. И. Дынга – участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов был переведен распоряжением губернатора на должность полицмейстера г. Гродно [153, с. 8–16].

Судя по ответному письму П. Д. Святополк-Мирского, просьба П. А. Столыпина в отношении Г.Н. Гордынского была удовлетворена, за что губернатор в своем очередном письме князю от 3 февраля выражал ему свою искреннюю сердечную благодарность, просил не оставлять планируемое посещение Гродно, в ходе которого он намеревался подробно доложить виленскому генерал-губернатору о своем разговоре в Петербурге с министром внутренних дел В. К. Плеве. Как известно, разговор с министром касался предстоящего перевода Столыпина на должность саратовского губернатора. О том, как отнесся П. А. Столыпин к этому предложению, можно судить лишь по краткому его признанию, буквально вырвавшемуся из души: «Покидать Гродно для меня настоящее горе» [89, с. 81–82].

Подтверждением данного признания может служить и речь, сказанная П. А. Столыпиным 21 марта 1903 года во время официальных проводов его к новому месту службы: «Милостивые государыни и милостивые государи! Я слишком взволнован, чтобы в связанной речи выразить вам те чувства, которые в данную минуту наполняют мою душу. Могу сказать только, что пребывание мое здесь, в Гродно, похоже было на прекрасный сон и как сон оно было слишком кратковременным. Эти восемь месяцев, которые я вместе с вами жил и работал, - лучшие дни в моей жизни, и оставляя Гродненскую губернию, моя жена и я уносим с собой самые светлые воспоминания о милом и дорогом нам гродненском обществе…» [114, с. 38].

Следующее письмо П. А. Столыпину к П. Д. Святополк-Мирскому от 23 февраля 1903 года было написано на другой день после его отъезда из Гродно к новому месту службы в Саратов. Данное обстоятельство свидетельствовало о высокой степени ответственности у П. А. Столыпина за состояние дел в крае,

хотя юридически он был уже освобожден от должности гродненского губернатора. Все содержание письма посвящено беспорядкам, произошедшим в г. Белостоке Гродненской губернии в середине февраля 1903 года и о роли в их ликвидации начальника гродненского губернского жандармского управления, полковника А. Н. Бекнева и белостокского полицмейстера П. У. Метленко. Будучи частным донесением, дополняющим официальное представление гродненского губернатора на имя виленского генерал-губернатора, это письмо содержало ряд деталей, которые не нашли своего места в официальной переписке. В основном они касались выяснения на месте всей картины происшедшего и виновности задержанных лиц в государственном преступлении. Со слов Столыпина эта миссия была им возложена на начальника местного ГЖУ и прокурора окружного суда. Свое личное неучастие в разборе беспорядков губернатор объяснял следующим образом: «Так как в Белостоке все было уже спокойно и делу был дан законный ход, я выехал на два дня в деревню для того, чтобы закончить перед выездом из Гродно свои дела по имению». По возвращении на службу Столыпин к изумлению своему узнал, что полковник Бекнев привлек по согласованию с прокурором лишь 4 лиц по обвинению в государственном преступлении, а всех остальных задержанных предложил выпустить на волю. Узнав об этом, губернатор тотчас же приказал белостокскому полицмейстеру снова арестовать выпущенных, т. к. Бекнев «совершенно упустил из виду существование в Белостоке положения усиленной охраны». Причина, побудившая полковника Бекнева к снисходительности по отношению к участникам беспорядков, заключалась по мнению Столыпина, «в его (т. е. Бекнева) предположениях о том, что это соответствует «веяниям Департамента полиции». Настаивая о наложении на отпущенных Бекневым и вновь арестованных полицмейстером Метленко участников беспорядков строгой градации наказаний «соответственно их степени виновности», Столыпин усердно просил «генерал-губернатора объявить в «Виленском вестнике» благодарность белостокскому полицмейстеру Метленко «за распорядительность и усердие». Эту просьбу, справедливости ради, губернатор снабдил следующим пояснением: «Его личная отвага и храбрость, безусловно достойны похвал, что касается его башибузукских приемов после прекращения беспорядков, то я ему уже объявил, что они, безусловно, недопустимы».

К событиям в Белостоке Столыпин обращался в последующем неоднократно, в том числе и летом 1906 года, когда он уже был министром внутренних дел. 12 июня 1906 года в письме к министру иностранных дел А. П. Извольскому он писал: «…Не хотел сообщать Вам не совсем проверенные сведения относительно Белостока. Оттуда только что вернулся Фриш, – было несколько сложно, клевета так ужасна и умела, что я, вероятно, только завтра вечером подпишу Вам письмо с изложением сути дела». 1–3 июня 1906 года в г. Белостоке Гродненской губернии произошли погромы в отношении еврейского населения. 9 июня во время обсуждения думского запроса о белостокских событиях член социал-демократической фракции И. И.

Рамиашвили огласил проект резолюции фракции, в котором содержались резкие обвинения в адрес министра внутренних дел П. А. Столыпина в инициировании правительственными агентами погрома. Для подробного ознакомления с ситуацией в Белосток была направлена думская комиссия (в составе М. П. Араканцева, Е. Н. Щепкина, И. Н. Пустошкина, В. В. Якубсона), которая после встречи с представителями белостокской общественности подтвердила отдельные факты участия «правительственных агентов» в организации погромных действий. Позднее эти факты были опровергнуты Столыпиным. Большинство современных исследователей, включая и А. И.Солженицына, основываясь на материалах следственных органов, признают, что у истоков трагедии 1-3 июня находится деятельность белостокских анархистов из числа евреев, готовивших в городе вооруженное восстание «во имя безгосударственной коммуны» и этим озлобивших прочее население города [89, с. 54–59].

В письме Столыпина к Святополк-Мирскому от 27 февраля 1903 года речь шла как о белостокских событиях, так и об «ожидании уличных демонстраций здесь в Гродне, но я полагаю, что ничего не будет. Во всяком случае, с понедельника сдаю должность А. Д. Лишину». Уверенность в том, что «ничего не будет». Столыпину придавала не только опытность и деловая хватка В. Д. Лишина, исполнявшего должность вице-губернатора с 1899 года, но и сложившаяся традиция передачи губернаторской власти. Сменивший Столыпина на губернаторском посту М. М. Осоргин приступил к исполнению своих обязанностей 15 февраля 1903 года, а фактически прибыл в Гродно в середине апреля 1903 года. До этого времени должность губернатора исполнял вице-губернатор В.Д. Лишин [9, с. 119–120].

Последнее письмо, отправленное Столыпиным к Святополк-Мирскому из Гродно, было датировано 28 февраля 1903 года и снабжено грифом «секретно». Такая осторожность может быть объяснена тем, что это послание касалось кадрового вопроса и судеб некоторых губернских служащих. Письмо начиналось со слов: «Милостивый Государь князь Петр Дмитриевич. Покидая Гродненскую губернию, считаю нравственным долгом своим доложить Вашему Сиятельству о том, какие я имел предположения относительно дальнейшего служебного движения некоторых должностных лиц и замещения некоторых вакансий земских начальников при введении этого института в Гродненской губернии». Далее Столыпин обращал внимание своего адресата на правителя канцелярии губернатора князя А. В.Оболенского («честного, добросовестного и способного труженика»), в надежде на то, что «служба князя Оболенского будет поощрена осуществлением тех надежд, которые были мною поданы ему при назначении на должность правителя». С положительной стороны характеризовал Столыпин губернского секретаря А. П. Писарева, чиновников по особым поручениям А. К. Петерсона, Б. И. Алябьева, способных к занятию предполагаемых должностей земских начальников. Высокую оценку давал гродненский губернатор и мировому посреднику А. И. Ушакову, «который по своим служебным личным качествам вполне достоин заменить г. Обручева в

качестве Волковысского уездного предводителя дворянства». В заключении письма Столыпин уверял генерал-губернатора в том, что о вышеназванных лицах им будет оставлена памятная записка М. М. Осоргину – его преемнику («моему заместителю») на посту гродненского губернатора М. М. Осоргину [89, с. 87–88].

Резонность рекомендаций Столыпина в отношении большинства гродненских чиновников в последующем была подтверждена самой жизнью: князь А. В. Оболенский стал крупным чиновником министерства внутренних дел, а А. И. Ушаков занял пост Гродненского уездного предводителя дворянства. Его деятельность особенно в годы первой мировой войны постоянно получала высокую оценку тогдашнего гродненского губернатора В. Н. Шебеко. После эвакуации губернских организаций из Гродно в Калугу А. И. Ушаков исполнял должность вице-губернатора [138, с. 55, 76, 392].

В саратовский и петербургский период своей деятельности П. А. Столыпин не забывал Гродно и гродненцев, общался с ними, оказывал в случае нужды помощь и поддержку. Гродненская тема особенно широко представлена в его письмах к супруге О. Б. Столыпиной. Так, 7 марта 1904 года из Петербурга он писал ей: «К часу я опоздал. Так что наш Ал. Оболенский, которого я звал завтракать, ушел, не дождавшись меня. Он женился на вдове Осташевой с 2 миллионами, дочери золотопромышленника. Веревкин наш гродненский (в бытность Столыпина губернатором – губернский предводитель дворянства, позднее ковенский и виленский губернатор. – *В. Ч.*) тоже здесь, я звал его в телефон, но не дозвался. Упоминал П. А.Столыпин имя Веревкина и в письме от 28 июня 1904 года: «Не завидую Веревкину – скакать при Св.-Мирском адъютантом» [89, с. 464–465, 555]. Общался в Петербурге Столыпин и с другими гродненцами. Жена его былого сотрудника А. К. Петерсона, ставшая к этому времени вдовой, нередко приезжала в столицу и требовала к себе внимания, помня о добром отношении Петра Аркадьевича к ее мужу и всему семейству. В письмах Столыпина к жене от 6, 8 и 9 марта 1904 года имеются строчки: «Здесь Петерсонша, написала мне, прося к ней приехать», «вчера получил записку от Петерсонши – она тут и просила заехать: жалобы на судьбу, чего-то хочется и т. п.», «Про невесту нашего Оболенского говорят, что она очень красива, мила, влюблена в него и в 2 миллиона…» [89, с. 469, 472, 473].

В пору обустройства П. А.Столыпина в Саратове туда неоднократно наведывалась М. М. Булгак. А. С. Гершельман в своих детских воспоминаниях, приходившихся на 1898–1903 годы, т.е. на время службы его отца начальником штаба 2-й пехотной дивизии в Гродно, о ней он писал: «Начальницей женской гимназии в Гродно при нас была назначена мадам Булгак, как мы ее звали Мария Михайловна, урожденная Бартенева. Мадам Булгак была женщиной очень энергичной и горячей русской патриоткой. Она неоднократно бывала в нашем доме, мы очень любили ее визиты к нам. Иногда после вечернего чая она брала своего любимого автора – графа А. К. Толстого и с увлечением читала нам из него: Дружно гребите во имя прекрасного против течения…. Мы

сидели вокруг стола, широко раскрыв глаза, и увлеченные ее чтением, живо представляли себе широкий мутный поток вроде Немана после дождя, на нем ладью, сносимую течением, и гребцов, налегающих на весла…Вся раскрасневшаяся, махая своими короткими руками и сползая своим полным туловищем со стула, она с азартом повествовала нам об увиденном и услышанном. Ее рассказы, в том числе затрагивающие ее начальствование в гимназии, всех нас сильно потешали…Если не ошибаюсь, Мария Михайловна Булгак была назначена начальницей Гродненской женской гимназии не без протекции Столыпина. Весной 1903 года отец был назначен на новую должность в Омск, а Столыпин был переведен в Саратов» [136, с. 267].

После отъезда П. А. Столыпина в Саратов у М. М. Булгак стали возникать проблемы как с местным начальством, так и с попечителем Виленского учебного округа. В сложившейся ситуации она, естественно, полагалась на поддержку своего бывшего губернатора. 9 марта 1904 года в самом конце своего письма к супруге Столыпин писал: «Сейчас приехала Булгак – завтра решается ее переход в Саратов». Судя по всему, этот вопрос решился положительно с назначением Булгак главной надзирательницей Саратовской женской гимназии. В последующих письмах Столыпина к жене имя М. М.Булгак встречается довольно-таки часто: «Сегодня появилась Булгак. Она завтра, в воскресенье, у меня обедает; чтобы не обедать одному с Булгак, я позвал Оболенского (Николая Васильевича – князя, чиновника особых поручений при саратовском губернаторе. – *В.Ч.*), т.к. она любила его брата (Александра Васильевича. – *В.Ч.*)». Далее: «Булгак в августе приедет в Колноберже». О дружественных, близких отношениях Столыпина и Булгак свидетельствуют следующие строки: «Вечером приехал Кропоткин, и мы вместе пошли пешком к Булгак, у которой была еще Антонина и о. Сергей (Архимандрит Сергий – настоятель Николаевского мужского монастыря в городе Петровске Саратовской губернии. – *В.Ч.*)», «Булгак уехала домой, сегодня приходила попрощаться со мной», «Когда приехал домой, то нашел массу телеграмм, между прочим, от матушки Елены и Булгак из Красностока (значит она приближается к Колноберже)», «Сегодня дамский день: Каткова (урожденная княжна Щербатова. – В.Ч.) и Булгак. Первая сидела днем. Вторая обедала и тараторила полтора часа» [89, с. 474, 535, 536, 574, 575, 577, 587]. Болтливость и назойливость Булгак раздражали Столыпина, однако ничего поделать с ее визитами он не мог. В последующем уже после гибели Столыпина, М. М. Булгак приобрела скандальную известность в петербургском салоне графини Игнатьевой, в Выровском монастыре Седлецкой губернии и, наконец, в Оптиной Пустыне, откуда по ее вине в 1912 году был выслан духовный писатель С. А. Нилус [134, с. 93–102].

Два письма П .А. Столыпина к князю Н. П. Урусову (от 22 августа 1905 года и 10 июня 1906 года) – его предшественнику на посту гродненского губернатора свидетельствовали об их теплых, доверительных, дружеских взаимоотношениях. Само обращение к нему («Милый, дорогой Коля»), готовность поддержать и помочь («Я докладывал о Тебе Государю. Он

приказал мне передать тебе, что не забудет и озаботится о твоем устройстве. Пока Государь приказал назначить тебя в Совет министров. Повторяю, что это пока, и ты будешь устроен по достоинству. Крепко тебя обнимаю. Твой старый друг П. Столыпин») были отличительной особенностью этих писем. Свои обещания Столыпин, как правило, выдерживал: в марте 1908 года Урусов получил должность Екатеринославского губернского предводителя дворянства, которую и исполнял до 1917 года [89, с. 89, 617–619].

В своем письме к О. Б. Столыпиной от 21 июня 1904 года Петр Аркадьевич вспомнил покойного гродненского губернатора А. Е. Зурова (в должности с 15 июня 1870 года по 9 мая 1878 года): «Сегодня была в канцелярии панихида по Мещерскому. В один год уже второго саратовского губернатора хоронят. А мне приходится не только поправлять их ошибки, но еще в жару и молиться за них. Два еще живы – Галкин и Косич. А в Гродно я за Зурова молился» [89, с. 522]. Данное событие имело место 14 января 1903 года еще в бытность Столыпина гродненским губернатором. В тот день он не только присутствовал на панихиде бывшего губернатора и попечителя женской гимназии А. Е. Зурова, но и отправил вместе с начальником гимназии А. К. Борзаковским и главной надзирательницей гимназии М. М. Булгак вдове А. Е. Зурова – О. П. Зуровой телеграмму следующего содержания: «Попечитель гродненской женской гимназии (П. А. Столыпин. – *В.Ч.*), служащиеся и учащиеся, собравшись 14 января в день кончины А. Е. Зурова, отслужили панихиду по усопшему и просят Вас принять их горячее сочувствие памяти незабвенного устроителя их гимназии и церкви. После панихиды состоялось единогласное решение возбудить ходатайство о помещении в актовой зале гимназии портрета покойного А. Е. Зурова [114, с. 34].

В письме к жене от 18 июня 1904 года Столыпин упоминал И. М. Вышеславцева? в пору его губернаторства – Пружанского уездного предводителя дворянства, называл его «желтоватым, однако вполне порядочным человеком», рекомендовавшим Столыпину «англичанку» (гувернантку) для сына Ади [89, с. 519]. В Гродно же председателем окружного суда служил и брат Пружанского предводителя дворянства – Федор Михайлович, почетный мировой судья губернии, член совета гродненского благотворительного общества и местного православного Софийского братства [139, с. 76].

Большое место в переписке Столыпина с супругой занимали вопросы устройства его быта в Саратове и Петербурге, не оставалась вне его внимания и прислуга. Особенно часто упоминалось в письмах Петра Аркадьевича имя старого лакея Казимира – уроженца Северо-Западного края. Мария Бок, старшая дочь гродненского губернатора, в своих воспоминаниях упомянула его в связи с разъяснением того, что представлял из себя губернаторский дворец: «Кроме нашего помещения, находились в этом дворце еще губернское присутствие, губернская типография и много квартир чиновников. Под этой же крышей был и городской театр, устроенный в бывшей королевской конюшне и соединенный дверью с нашим помещением. У папы как губернатора была там

своя ложа, и Казимир приносил нам, когда мы бывали в театре, чай, который мы пили в аванложе» [148, с. 9]. Казимир поступил на службу к Столыпину еще в Ковне и постоянно находился при Петре Аркадьевиче. В ходе приготовления губернаторского дома в Саратове к приему всей семьи Казимиру приходилось нелегко. 12 октября 1903 года Столыпин писал жене: «Завтра жду прислугу – купил четыре кровати и очистил для них комнату. Комната Казимира и Вацлава (повара. – *В.Ч.*) еще не готова, завтра ее еще только оклеивают. Мебель и вещи еще не пришли. Тебе придется жить на бивуаках». 13 октября 1903 года: «Сегодня приехала наша прислуга и сегодня уже сняли леса в столовой и завтра ее будут оклеивать обоями. Еще не докрашен вестибюль и оклеивают витую лестницу, комнату Казимира и проч.». 4 мая 1904 года: «Старик Казимир пришел, весь трясется в лихорадке и говорит, что не может по болезни исполнять своих обязанностей. Если пройдет лихорадка, заявится». 24 мая 1904 года: «Я приказал Казимиру составить список белья, но он говорит, что он, кроме данного ему Александром, нашел всего два полотенца. Не нужно ли их пересчитать?» 26 мая 1904 года: «Браним Казимира за плохую укладку белья. Есть ли надежда найти лакея?». 6 июня 1904 года: «Вот опись сундуков. Белье в шкапу и шкапной Казимир не описал, т .к. ключа нет, вероятно, увезли с собой. Казимира я хотел прогнать: он два раза вечером пьяный заснул и только в десять часов его добудились ставить самовар». 2 июня 1904 года: «В Кузнецке неожиданно мне было приказано сесть в царский поезд, так как был полный, а Бреверн (Виктор Параманович – старший чиновник особых поручений при канцелярии Саратовского губернатора. – *В.Ч.*) и Казимир, которых я взял с собой, были в упоении. Казимир всю ночь бродил по поезду, а Бреверн похудел от счастья». 5 июля 1904 года: «Меня сердит Казимир и повар. Первый до того изленился, что когда я прихожу спать, постель еще не сделана и не вымыто. Пора тебе приехать». 6 июля 1904 года: «Я Казимиру отдал жалованье. Он просит зачесть за 1 августа. Нужно ли еще?». 10 июля 1904 года: «Я на Казимира страшно разбесился и объявил ему, что по прибытии в Саратов (из поездки по губернии. – *В.Ч.*), увольняю его». 16 июля 1904 года: «Хотел было вместо Казимира взять (в очередную поездку. – *В.Ч.*) повара, но боюсь, что он не будет мне постель стелить, а я выносить его капризы». 18 июля 1904 года: «Вчера я, как умел, угостил отряд (Красного Креста, отправлявшегося на русско-японскую войну. – *В.Ч.*). Были пироги, холодная осетрина, телятина и компот. Выпили две оставшиеся бутылки шампанского. А санитаров накормил в комнате у Казимира». 28 июля 1904 года: «Так как Казимира отправляю сего прямо в Колноберше, то и письмо к тебе посылаю вместе с ним, т. к. оно скорее придет, чем по почте. Я с Казимиром отсылаю также высокие сапоги, подушку, одеяло и проч.». 29 июля 1904 года: «Шлю тебе пару слов из Рязани. Завтра Казимир доставит тебе подробнейшее письмо из Москвы. А сейчас ничего, кроме поцелуя». 30 июля 1904 года. Москва: «Посылаю вам через Казимира фунт конфет в полтора рубля. Беру его с собой на извозчике и еду покупать держалки для кареты и почтовую бумагу – пусть он ее довезет». 31 июля 1904 года. С-Петербург: «Завтра утром кончу письмо, а теперь… валюсь от

усталости и иду спать. Казимир положил мне маленькую подушку мою без чехла!» [89, с. 458–560]. Несмотря на все перипетии повседневности Казимира любили, и умер он в доме Столыпиных сразу же после покушения на Петра Аркадьевича, которого безмерно любил и уважал.

В письме Столыпина к Ольге Борисовне от 31 июля 1904 года имеется упоминание и о молоденькой няне их сына Ади – Людмиле Останькович, взятой губернатором в услужение семье в Красностоке перед отъездом из Гродно. Вероятно, в последнем письме жены было высказано предположение о пропаже какой-то вещи. В ответ на это Столыпин писал: «Я не могу поверить, что няня – воровка! Она так любит Адю и не похожа она на это…» [89, с. 560]. Неверие Столыпина в дурные наклонности нянечки было провидческим. Во время покушения на него 12 августа 1906 года на Аптекарском острове Людмила Останькович показала себя с самой лучшей стороны. Вот как описывает это Мария Бок: «В момент взрыва Наташа (дочь Столыпиных. – *В.Ч.*), Адя и его няня Людмила находились на балконе прямо перед подъездом, куда подъехало ландо с террористами в жандармской форме. Взрывом все находившиеся на балконе были выброшены на набережную. Наташа попала под ноги раненых и бесновавшихся от боли лошадей убийц. Спасти жизнь ребенку удалось с большим трудом. У Ади были раны на голове, перелом ноги и сильное нервное потрясение… Няня, стремившаяся прикрыть собой малыша, пострадала сильнее. Как сообщает Мария Бок, «…она лежала рядом с Адей на земле и безостановочно жалобно, со стоном повторяла: «ноги, ноги…». Мы ее подняли, переложили на диван, и я, расшнуровав ей ботинок, стала бережно его снимать. Но какой был мой ужас, когда я почувствовала, что нога остается в ботинке, отделяясь от туловища. Положили несчастную девочку (ей было всего семнадцать лет) насколько можно удобнее и вышли». Вскоре Людмила умерла. Вместе с другими жертвами покушения на Столыпина был похоронен и отставной чиновник из Гродненской губернии М.Т.Вербицкий, приехавший в тот роковой день на прием к министру [148, с. 15].

Всего на П. А. Столыпина было совершено одиннадцать покушений. И последнее в 1911 году все же унесло его жизнь. И это при том, что вся его деятельность была направлена на укрепление страны и улучшение жизни народа. Таков был непростой и неблагодарный удел реформатора. И тем не менее бывший гродненский губернатор всегда мог рассчитывать на поддержку гродненцев. Когда в феврале 1907 года председатель Совета министров Столыпин объявил на заседании Государственной Думы правительственную программу преобразований в стране, включая решение земельного вопроса, обеспечение свободы личности, укрепление начал веротерпимости и т. д., а его перебили отдельные ретивые думцы возгласами: «Долой! У Вас руки в крови!», ему ничего не оставалось, как выступить вторично с речью, которую он закончил поистине историческими словами: «Не запугаете!». Эта речь произвела огромное впечатление в России и за границей. Всем стало понятно, что будущее страны покоится на плечах Столыпина. Уже через несколько дней на его имя поступило множество телеграмм, в том числе и от членов

Гродненского Софийского православного братства: «С отрадным чувством глубокого нравственного удовлетворения приветствуем выступление Ваше в Государственной Думе с предложениями правительства о мирном, законном, во благо Родины выполнении великих преобразований, а также удивительное мужество и твердость, проявленные Вами при отражении в собрании Думы дерзких попыток призыва к мятежному сопротивлению мирной законодательной деятельности и нынешней Думы. Братство крепко верит, что за Вами и с Вами вся трудящаяся спокойная Россия. Братство убеждено, что эти надежды разделяет все русское православное население Гродненской губернии. Да укрепит и сохранит Вас Господь!». Подписали телеграмму: почетный председатель Братства – епископ Гродненский и Брестский Михаил и председатель его совета Лебедев. В своей ответной телеграмме Братству П. А. Столыпин сообщал: «Счастлив был задушевному привету из родной Гродненской губернии, высоко мною чтимого братства и любимого Архипастыря» [148, с. 16].

Деловые контакты и задушевные встречи гродненцев со Столыпиным имели место и в последующие годы. Что же касается писем, то гродненская тематика в них была представлена значительно реже. Известно лишь три письма председателя правительства за 1907–1911 годы, в которых он пишет о гродненцах. Первое из них было адресовано императору Николаю II. Оно касалось экстренного перевода гродненского губернатора Ф. А. Зейна на новую должность в Финляндию в свиту в связи с введением там военного положения. Со свойственной главе правительства решительностью Столыпин писал: «Ваше Императорское Величество, обдумав все подробности предстоящих относительно Финляндии распоряжений, я пришел к убеждению, что надлежит поступить так: 1) немедленно издать указ о назначении помощником генерал-губернатора генерала Зейна; 2) вызванного мною уже из Гродно Зейна немедленно послать в Гельсингфорс, дабы он в критическую минуту был исправляющим должность генерал-губернатора». Рекомендации Столыпина император принял во внимание. После непродолжительного пребывания на должности помощника генерал-губернатора бывший гродненский губернатор, генерал-лейтенант Зейн именным указом от 16 ноября 1909 года был назначен на пост Финляндского генерал-губернатора [115, с. 386–387].

Два других письма были адресованы князю П. Д. Святоплк-Мирскому. Оба они касались просьб последнего к Столыпину о благоприятном продвижении по службе близких князю людей. Следует отметить, что при всем своем уважительном отношении к Святополк-Мирскому Столыпин превыше всего ставил способности, деловые и моральные качества кандидатов на те или иные государственные должности. Так в письме от 17 декабря 1908 года он писал: «Глубокоуважаемый князь Петр Дмитриевич. В ответ на письмо от 9 сего октября считаю долгом уведомить Вас, что чиновник особых при мне поручений Лев Владимирович Потулов зачислен мною в кандидатский список на вице-губернаторские должности, и я буду иметь его в виду при замещении могущих открыться вакансий. К сожалению, однако, я затрудняюсь

предоставить Вашему племяннику одну из первых вакансий, так как значительное число лиц, состоящих кандидатами в вице-губернаторы по своей продолжительной службе, имеют преимущество перед г. Потуловым право на повышение и мною уже обещаны некоторым из них ближайшие вакансии» [115, с. 257, 406]. Следует заметить, что Л. В. Потулов приходился правнуком генерал-майору П .В. Потулову, владельцу ряда имений в Кобринском уезде Гродненской губернии, обретенных благодаря женитьбе на одной из представительниц гродненского рода Ланских, давших России ряд государственных и военных деятелей. П. А. Столыпин не мог не знать об этом, тем не менее его внутренняя порядочность не позволяла ему переступать определенные принципы в поведении. Только после его гибели племянник Святополк-Мирского смог получить должность кутаисского губернатора (1916), а затем и исполняющего должность Бакинского губернатора (1917) [10, с. 4]. Столь же принципиально и по-деловому подошел Столыпин к просьбе П. Д. Святополк-Мирского дать характеристику предводителю дворянства Пружанского уезда Гродненской губернии Б. Н. Палеологу. В своем ответе от 12 июля 1911 года, т. е. за полтора месяца до своей кончины, он отмечал: «Милостивый государь князь Петр Дмитриевич. По поводу личных переговоров о пружанском уездном предводителе дворянства Б. Н. Палеологе имею честь сообщить Вашему Сиятельству, что строго проверенными данными установлена безукоризненная деловая его репутация и отсутствие каких бы то ни было поводов к нареканиям на него как со стороны семейного положения, так и в отношении личного его поведения, всегда порученного и полного достоинства» [115, с. 461–462]. Высокая оценка Столыпиных деловых и личных качеств Палеолога получила свое яркое подтверждение в начальный период первой мировой войны. Уездный предводитель дворянства принимал активное участие в сборе пожертвований на нужды российской армии. Комиссия, которую он возглавлял в сентябре 1914 года, собрала свыше пяти тысяч рублей. Сверх этой суммы Б. Н. Палеолог передал в комиссию частное пожертвование в размере 1350 рублей для обращения в пользу лазарета, учрежденного супругой коменданта Гродненской крепости генерала Кайгородова. Палеолог был и организатором пункта по питанию и обслуживанию проезжающих через станцию Погодино раненых воинов. Пункт существовал на пожертвования местных жителей. От себя лично уездный предводитель дворянства пожертвовал на питание воинов 300 рублей, а также передал ему 2 тыс. рубах, 500 кальсон, а 200 рублей передал местным крестьянкам, стиравшим раненым белье [137, с. 351–352].

Анализ переписки П. А. Столыпина, касающейся Гродно и гродненцев, не только расширяет наши представления о его жизни и деятельности в вышеуказанный период, в том числе и на повседневном бытовом уровне, но и позволяет говорить о его высоких человеческих и гражданских качествах, в основе которых главным было служение Отечеству и народу. Губернский Гродно П. А.Столыпин любил, т. к. здесь задумывались и частично реализовывались его преобразования в области аграрных и национальных

отношений, высоко ценил он и тех гродненцев, кто поддерживал его начинания как в пору его гродненского губернаторства, так и на других важных государственных постах. И последние платили ему тем же. 15 июня 1914 года в сквере гродненской Свято-Александро-Невской церкви П. А.Столыпину был открыт памятник, построенный на собранные горожанами средства.

4.3.Эпистолярное наследие Я. Козловской-Студницкой (1890 – 1971)

Почти двадцать лет (с 1920 по 1939 год) директором Государственного архива в Гродно была Янина Козловская-Студницкая. Глубокий знаток архивного дела, пытливая исследовательница, она немало сделала для пополнения фондов Гродненского архива новыми документальными материалами, организации их хранения и использования. Большая работа проводилась ею в направлении создания в городе Исторической библиотеки, организации и проведения съездов польских историков и др. Вся эта деятельность в той или иной степени оказалась запечатленной в переписке замечательной архивистки с историками, архивистами и краеведами. К сожалению, до нас дошла лишь незначительная часть эпистолярного наследия директора Гродненского архива, касающегося ее поисковой и собирательской работы. Последнее еще более подчеркивает источниковедческую и архивоведческую значимость документов, обнаруженных нами в Государственном архиве Гродненской области (ГАГО). Об этом убедительно свидетельствует переписка Козловской-Студницкой с белостокским исследователем и коллекционером Яном Глинкой и другими лицами в 1934–1939 годах (ГАГО, ф. 104, оп. 1, д. 259, лл. 1–22). Творческие контакты между этими энтузиастами архивного дела завязались, по-видимому, задолго до начала данной переписки. Это во всяком случае подтверждает письмо Яна Глинки из Белостока в Гродно от 24 января 1937 года: «Уважаемая госпожа директор, попытка приобретения для госархивов документов гетмана Браницкого, к сожалению, не удалась, ибо декан (Белостокского костела. – *В.Ч.*) даже и слышать ничего не хочет об этом деле, несмотря на все мои усилия в этом направлении. Буду теперь пытаться повлиять на декана уже через воеводу, с которым он весьма считается, однако и это вряд ли даст позитивный результат, так как у него имеется свой план по размещению интересующего нас архива на костельном чердаке. Намереваюсь спасать архив от подобного бедствия следующим образом. Постараюсь побыстрее закончить его инвентаризацию, после чего напишу об архиве в одном из научных журналов, чтобы сведения и память о нем не пропали. Возможно после этого декан согласится на временное размещение коллекции в городском архиве, откуда его можно будет передать в государственное хранилище. Городской архив достаточно богат на материалы из XIX века, а также и на более ранние, последние до недавнего времени лежали в подвале и там набрались

сильнейшего запаха плесени. Этот запах сохраняется, несмотря на перенесение этих документов пару лет тому назад в специальное помещение; к сожалению, никакой работы с ними не ведется, архив до сих пор не заинвентаризован. Начальник отдела просвещения и культуры Голавский проявляет желание к упорядочению этого архива, включая и костельные документы. Однако одного лишь желания в этом деле мало, нужны дела. В связи с этим прошу, чтобы Вы при очередном приезде в Белосток не только ознакомились с городским архивом, но и повлияли на реализацию добрых намерений».

Не вызывает сомнений, что директор гродненского госархива ответила на это обращение не одним письмом и не одним посещением Белостока. Подтверждает это второе сохранившееся до нашего времени письмо Яна Глинки к Янине Козловской-Студницкой от 9 сентября 1937 года: «Весьма благодарен Вам за подсказку относительно Литовской Метрики, с которой постараюсь обязательно ознакомиться во время планируемой в ближайшее время поездки в Варшаву. Вчера воеводское управление написало в Гродно просьбу об высылке мне копии завещания Веселовской, в соответствии с рекомендацией; таким способом, благодаря Вам я буду иметь возможность ознакомиться с содержанием этого документа. Воспоминания Стаженьского были переписаны несколько десятков лет тому назад с оригинальных записей его потомка Адама Стаженьского. Подлинные записи были взяты Адамом от представителя другой линии Стаженьских – Виктора, который вскоре после этого, где-то около 1893 года, отдал эти записки в одну из библиотек или общественный архив в Познани, где в настоящее время и находится. Обо всем этом я узнал от Михаила Стаженьского, хозяина текстов, которые Вы желаете сейчас получить. В указателе к 5-ому тому находятся интересные сведения о судьбах воспоминаний, которые объясняют хаотичное их содержание. Вскоре после Вашего отъезда привез с костельного чердака два сундука с документами и почти все их заинвентаризовал, охватывая этой работой не только то, что было необходимо для моей работы над историей Белостока. К древнейшим среди них следует отнести указы подляского воеводы Николая Кишки о передаче церквам десятин (1585 год), а также ряд автографов на польском языке. Оказалось, что на самой высокой костельной полке находилось еще множество документов, при разборе которых я заболел воспалением дыхательных путей. Как раз высокая температура и удерживает меня сейчас дома. Речь идет о бумагах Браницких, которые перемешаны с костельными, парафиальными списками времен унии. Сохранение этого архива – боль моего сердца; в голове моей не помещается мысль, что все это, стоившее мне неимоверных усилий, может пропасть за зря. Если бы не мое знакомство со второй частью этого архива, находящегося в Вилянове, я бы не смог их расположить в определенном логическом порядке. Верно, что этот труд не пропадет, ибо на днях намерен приобрести в Варшаве хорошую картотеку для вписания в нее всех папок с бумагами. Последние в своем числе постоянно увеличивающиеся, я намерен пронумеровать, без учета их содержимого, а лишь с учетом алфавита, дат и заголовков. Эта система, предложенная мне опытным

библиотекарем, кажется мне единственной пригодной по своей простоте. Если что-то не так я делаю, то предлагайте свои доводы. После 19-го сего месяца приеду в Гродно с намерением обработать документы, касающиеся унии в самом Белостоке, и естественно повстречаться с Вами».

Переговоры Я. Глинки и Я. Козловской в отношении найденных бумаг, их усилия, направленные на сохранение ценнейших документов, не могли не породить всякого рода толков вокруг этого дела со стороны архивного начальства. Поэтому директор послала на сей счет свои пояснения в Варшаву. 19 ноября 1937 года Я. Козловской-Студницкой прислал свое письмо представитель дирекции госархивов в Варшаве Владислав Суходольский: «Уважаемая госпожа! Дело актов, а правильнее части актов рода Браницких в Белостоке, о чем Вы сообщали министерству еще в августе, приобретает весьма неожиданный оборот. Сообщаю об этом Вам путем полуофициальным по причинам, о которых речь пойдет ниже. Около десяти дней тому назад в Варшаве находился господин Глинка. Он работал в Национальной библиотеке, ища материалы для своей монографии о Белостоке. Перед отъездом домой Глинка спросил у хранителя рукописей Национальной библиотеки о том, не захотела бы библиотека приобрести часть архива Браницких-Грифитов? Глинка пояснил, что речь идет о 3-х ящиках бумаг, которые он имеет у себя и которые попали к нему в процессе работы над монографией, вторая же часть их находится у белостокского декана; в ее составе масса корреспонденции, а также какие-то краковские акты. Глинка также сослался на Ваш визит к нему в качестве представительницы государственной архивной службы, во время которой Вы имели возможность ознакомиться с ними в общем плане. Со слов Глинки, приобретение данного архива будет стоить недорого, где-то 200–250 злотых, если не придавать этому делу много шума, ибо духовные власти могут присоединить эти акты к митрополичьему архиву в Вильно. С научной же точки зрения такой поворот дела нежелателен и будет лучше, если часть актов Браницких, подобно другой части из Вилянова, перейдет на хранение в Национальную библиотеку.

Как только мне стало известно об этом разговоре, я попросил доктора Баньковского, чтобы он направил Глинку ко мне. Приобрести упомянутые документы мы бы вполне могли и с Национальной библиотекой также бы договорились. К сожалению, господин Глинка ко мне не пришел и выехал из Варшавы.

Анализируя вышеупомянутые факты и обстоятельства, я пришел к выводу, что речь здесь не идет об какой-либо афере. Глинка на самом деле откровенен, мы вполне в состоянии приобрести весь архив или его часть, не вдаваясь в правовой статус собственника… Реально речь идет о 200–350 злотых и 6-7 ящиков с актами и письмами, оставшимися у некогда могущественного магнатского рода и такой известной политической фигуре как Клеменс Браницкий. Не исключено, что там много мусора, но не без того, чтобы там нельзя было бы найти ценные вещи и по истории хозяйства (акты экономические), и истории войска (бумаги Коронного гетмана), и политической

истории (письма и пр.). Все это нужно спасать. А поскольку Вы уже в это дело ввязались, то его надо решать деликатно, без административного нажима, чтобы разрешить его полюбовной передачей документов. Вам надлежит еще раз переговорить и провести всю передачу как можно секретнее.

Пользуясь случаем, хочу затронуть и другие наши дела. Прежде всего меня интересует дело о здании табачной монополии и о возможности приспособления его под архивохранилище. Здесь мы имеем конкурента в лице департамента школ. Однако пока идет подсчет цен на перестройку, то мы можем здесь еще подождать.

В завершение письма хочу напомнить об архивных анкетах. Не хочу вгонять в стыд Гродненский архив и присылать вам архивиста со стороны для проведения этой работы по поручению нашего управления».

На это письмо Янина Козловская ответила тотчас же, о чем свидетельствует пометка на письме Владислава Суходольского: «Письмо отправлено 20.X.37». Ознакомиться же с ним нам не удалось. Однако отдельные отголоски операции архивистов по «спасению» белостокского архива можно обнаружить в последующих письмах Яна Глинки к директору гродненского госархива и ее ответах в Белосток. Вот одно из них от 1 декабря 1937 года: «Уважаемая госпожа директор. Сегодня утром отправил обе книжки, взятые недавно у Вас, за что приношу Вам свою сердечную благодарность. Если воспоминания Стаженьских и Кучиньского Вами изучены, то я очень хотел бы, чтобы Вы мне их переслали еще до праздников. Не имея воспоминаний Стаженьского в издании Мосьцицкого (имею лишь часть этого издания), я тем не менее обнаружил в ней достаточно значительную разницу с первоисточником, т.н. пропуски, переработки и т. д.

В Гродненском архиве я нашел, между прочим, ценный источник, касающийся герба г. Белостока. Конечно же, использую его в своей монографии, в то же время я обещал доктору Вдовишевскому – редактору геральдического ежемесячника, что в ближайшее время пришлю ему статью о древних гербах подляшских городов, основанных на этом и других источниках. Поэтому позволю себе попросить Вас о присылке мне фотографий этих гербов с описанием их цветовой гаммы. Инструкцию для фотографа вышлю отдельно. Буду Вам очень обязан за уделение мне такой помощи и приношу Вам свои извинения за причиненные хлопоты».

Ответ в Белосток ушел лишь через две недели, и причины этому были: «Уважаемый господин Глинка! Безуспешно искала толкового фотографа, т. к. Ваши инструкции требуют профессионала высокого уровня, а его найти в Гродно не так-то просто. Возвращаю с благодарностью воспоминания Стаженьского и Кучиньского; буду Вам безмерно благодарна, если они со временем вернутся к нам в архив уже навсегда. А что с «браницянами»? Меня немного беспокоит отсутствие упоминаний о них в Вашем письме. Или передача их пока не имеет успеха? Примите мои поздравления в связи с предстоящими праздниками и пожелания успехов».

15 декабря Ян Глинка писал в Гродно: «Очень благодарен Вам за возвращение воспоминаний Кучиньского и Стаженьского, над которыми посижу во время праздников. О находящемся у меня архиве Браницких я уже писал, сразу же после Нового года надеюсь получить обещанное. Существуют две причины во всей этой волоките: именно перед праздниками декан более всего занят капланской работой, однако вторая причина еще важней – это отсутствие денег из министерства. Однако как только их пришлют, продавец сразу станет покладистее. Еще раз прошу извинить меня за хлопоты о моих фотографиях с гербами. С оказии приближающихся праздников передаю Вам пожелания хорошо их встретить. С глубоким уважением и желанием поцеловать Ваши ручки. Я. Глинка».

К сожалению, надежды Яна Глинки и Янины Козловской-Студницкой на получение известных им бумаг сразу же после Нового года оказались тщетными. И лишь в конце лета 1939 года их ожидание обрели уже реальные черты. Вот что писал об этом 14 августа 1939 года Ян Глинка: «Сразу же после возвращения из Гродно я обратился к графу Михаилу Стаженьскому с обширным письмом и сегодня получил ответ, краткое содержание которого с радостью Вам сообщаю. Наконец-то граф Стаженьский соглашается на то, чтобы я от его имени передал в Гродненский государственный архив на хранение его архив с рукописями воспоминаний Матея Стаженьского и Викторина Кучиньского, а также портреты, среди которых есть и портреты обоих упомянутых мемуаристов. Завтра должен выехать из Белостока на 7–10 дней по своим личным делам с тем, чтобы по возвращению мог бы выслать архив в Гродно; надеюсь сделать последнее без задержки».

Через неделю, 21 августа, ожидаемое свершилось, что и подтвердил Ян Глинка в своем письме: «Сегодня закончил просмотр архива Стаженьских, который оказался, к сожалению, весьма перемешанным. Для того, чтобы хоть чуть-чуть сориентироваться в нем, я сразу же выделил некоторые документы, представляющие самостоятельные группы, не связанные ни в каком отношении с бумагами, помещенными рядом, при этом я, естественно, избегал какого-либо перемешивания бумаг. Городскому управлению Белостока объяснил, что передача архива Стаженьских на хранение в Гродно оправдана и в научном, и профессиональном отношении. Я заверил городские власти, что факт принятия документов в Гродненском госархиве будет подтвержден соответствующим официальным письмом. Граф Михаил Стаженьский (Белостокское воеводство, имение Петкув) просит также об присылке ему подтверждения Государственного архива в Гродно о приеме им на хранение конкретно обозначенных ценностей. Даритель, между тем, оговорил за собой и своим сыном, но не за другими потомками, право в случае потребности изъятия некоторых документов и картин в течение некоторого времени, но реально до этого вряд ли дойдет. 16 августа я передал директору Суходольскому для опубликования составленную мною опись архива Браницких. Также предложил ему свою кандидатуру для работы в архивистике и теперь буду ждать ответа по сему поводу.

P.S. Архив Стаженьских отправляю через специального сопровождающего, так будет дешевле и сохраннее, чем при пересылке по почте. Одна из числа передаваемых Вами картин остается пока в имении Новодвор, так как основную часть коллекции я вывозил из Пенткова. Чтобы ее доставить, придется потрудиться. Граф Стаженьский, который находится сейчас в нелегком финансовом положении, выразил желание, чтобы оплату пересылки этой картины взял на себя архив. Ян Глинка».

21 августа 1935 года был датирован и акт передачи архива Стаженьских Гродненскому госархиву. Вот полный текст его:

«Белосток, 21 августа 1939 г.
В Гродненский государственный архив.

От имени графа Михаила Стаженьского, владельца архива рода Стаженьских, я передаю нижеследующее на хранение Гродненскому государственному архиву, а именно:

Рукописи

а) Воспоминания Викторина Кучиньского, каштеляна подляшского, за весь период его жизни, 1668–1737, 1 том, кожаный переплет, стр. 272.

Копия с оригинала сделана Адамом Стаженьским в конце XIX в., а также другие документы этого рода, имеющие к нему отношение;

б) Воспоминания Михаила Стаженьского, старосты браньского, род. в 1757 – ум. в 1824 г., касающиеся событий 1733–1816 г., написанные в 1813–1816 г.; всего 5 томов, у четырех из которых кожаный переплет, а остальные кожаные лишь наполовину; стр. соответственно 245, 326, 350, 343, 220.

Копия с оригинала сделана Адамом Стаженьским в 1885–1893 г.;

в) Август Стаженьский. генеология рода Стажень-Стаженьских, 1882, машинописная рукопись;

г) Три привилея короля Станислава-Августа, датированные в Варшаве 15.VIII.1774 г., подтверждающие их принадлежность Михаилу Стаженьскому:

1) от отца его Матея – старосты браньского с юрисдикцией старостиньской;

2) от родителей его Матея и Анели из Тромбиньских – войтовства браньского;

3) от родителей его – войтовства малешевского в старостве браньском.

д) Перечень документов Адама Пониньского, подскарбия Вел. Коронного, сделанный Томашом Плоньским, Цуднув, ноябрь 1788, стр. 93;

е) Папка с документами, касающаяся ключа златорыйского в поместьях тыкоциньских, 1721–1817;

ж) Папка, содержащая документы по делу о перегоне 35 волов через границу в окрестностях Мура, 1818 г.;

з) Предложения Билгорайскому сельскохозяйственному товариществу Тыкоциньского округа по вопросу основания польской торгово-

промышленной институции, в связи с начатым там строительством, Глинник, 6.X.1859 г.;
и) Разные заметки Адама Стаженьского, род. в 1846 г., ум. в 1917 г.;
к) Папка документов, касающаяся войска периода XVIII в. и наполеоновской войны.;
л) Папка с письмами сенатора Игнатия Чейлза, Матея и Михаила Стаженьских, А. Моравской, графа де Бассотрерра'а, И. Бодуин Куртене'а и др. Конец XVIII – начало XIX в.
м) Сундук с неупорядоченными документами XVIII – XIX в.

Книги (польские названия переведены на русский язык. – *В.Ч.*)

1. Николай Залашовский. Tomys secundus juris Poloniae. Poznan, 1702. 1045 стр., кроме вступительной части и алфавитного указателя содержания, в кожаном переплете.
2. Описание похорон Юзефа Потоцкого, кашт. краковского, гетмана вел. коронного, 1751, брошюра, стр. 16.
3. Людвик Бейевский. Новая книжица… Познань, 12.VII.1762, в полукожаном переплете. Панигирик в честь Стаженьских и Сокольницких, 32 стр.
4. De Sacy. Histoire duvienx et nouveau Testament…, Paris, 1769, 536 стр., обложка оторвана, отсутствует титульный лист, экземпляр иллюстрированный.
5. Hugnes Grotius. Le droit de la gerre et de la paix, trad. Par Jean Barbeyras, Bazylea, 1746, 2 тома, 518 стр., 480 стр., кроме вынесения общих высказываний и алфавитного указателя содержания, обработка польская.
6. Каэтан Крашевский. Бартаховский. Краков, 1888, с аннотацией Адама Стаженьского об источниках. Вклеены рукописные выдержки из документов 1756–1762 неизвестного ведомства.
7. Остроруг С. И. Вид памятника, установленного … под Варной. Париж. 3.1.1887. Литография и стихотворение. Печать мелкая.
8. Проект о правах и служебных обязанностях на вольном пастбище… Без указания места, даты и подписи. Печать мелкая.
9. Протест, обнаруженный в окрестностях города Городель над Бугом 10 октября 1861 г. Революционные воззвания с аллегоричным рисунком. Печать мелкая.
10. Идем вперед, июль 1920. Коммунистическая листовка.
11. Сумма доводов в деле о наследниках И. Кл. Браницкого, каштеляна краковского, гетмана вел. коронного против Станислава и Констанции из Чапских Малаховских, как наследников Томаша Чапского, старосты кнышиньского.

    Без места и даты, но после 1786 г. Брошюра, 8 стр.
12. Проект ясновельможного Храповицкого, маршалка Рады, 1786 г., брошюра, 58 стр.

13. С берегов Нарвы, однодневка, Ломжа, 1902.
14. Кантеский К. Пан староста браньский, оттиск из «Атенеума», 1885, брошюра, с.385–412.

Периодическая печать

1. Kurier Polski, 1831.
2. Kurier Warszawski, 1831.
3. Dziennik Departamentowy, 1810.
4. Patryota, Warszawa, 1830.
5. Polak Sumienny, Warszawa, 1931.
6. Nowa Polska, Warszawa, 1831.
7. Dziennik Powszechny. Warszawa, 15.IX.1862.
8. Dziennik E. Kononiczny Zamojski, Zamosc, sierpien 1803.

Все эти журналы, за исключением двух последних, представляют полные комплекты.

Портреты

Написаны в XVIII в. маслом на холсте

1. Ян Клеменс Браницкий, Каштелян краковский, гетман вел. коронный.
2. Изабелла из Понятовских Браницкая, каштелянова краковская, гетманша вел. кор.
3. Матей Стаженьский, староста браньский.
4. Анеля из Трембиньских Матеева Стаженьская, старостиха браньская.
5. Юзеф Сташеньский, Каштелян гнезненский.
6. Юзефова из Столдрских Стаженьская, каштелянова гнезнянская.
7. Михаил Стаженьский, староста браньский.

Портрет Михаила Стаженьского будет передан в архив из имения Новодворы позже.

* * *

Передавая данный архив, сообщаем, что граф Михаил Стаженьский оставил за собой и за своим сыном (по достижении совершеннолетия) – право получения обратно рукописей и картин, являющихся собственностью непосредственно их рода. Со своей стороны (т. е. со стороны Яна Глинки. – *В.Ч.*) прошу о дозволении мне научной работы с документами архива Стаженьских.

Государственный архив в Гродно имеет право разместить вышеупомянутые портреты в помещениях архива.

С уважением Ян Глинка.

С приложением к сему архив Стаженьский».

После доставки данного архива в Гродно и его приемке (возле каждого пункта акта Я. Козловской-Студницкой были выставлены соответствующие отметки-птички. – *В.Ч.*) в конце документа была сделана допечатка: «Кроме того, список был дополнен: Записки Михаила Стаженьского за 1812–1813 гг. и 1817–1822 гг., а также мелкой печатью –№ 9а «Воззвание командующего третьим резервным корпусом кавалерии, 1831, д. 1».

Завершали же акт следующие строки: «Государственный архив в Гродно подтверждает прием данного архива на хранение. Нижеследующее подтверждение является временным, после же проведения соответствующей инвентаризации будет составлена полная опись, экземпляр которой будет послан владельцам архива. Директор Государственного архива Янина Студницкая».

На следующий день 22 августа 1939 года Я. Козловская-Студницкая отправила в адрес Михаила Стаженьского письмо: «Уважаемый граф. Прошу принять мою искреннюю благодарность за передачу на хранение нам архива Вашего рода, который принят в наши фонды при любезном посредничестве господина Яна Глинки. Наш архив, объединенный с Исторической библиотекой, будучи местопребывания Отдела Польского Исторического общества, является признанным научным учреждением, поддерживающим контакты со всем миром. Не сомневаюсь также, что переданные нам материалы скоро найдут своих исследователей.

Детальную опись намерены оформить особо и незамедлительно. Имею намерение опубликовать ее в научной печати. Портреты постараемся сфотографировать, снимки же их позволю себе выслать Вам; негативы останутся у нас, оригиналы же передадим на хранение в Государственный музей в полном соответствии с теми оговорками, которые передал нам господин Глинка.

Будем очень благодарны всем за передачу нам портрета графа Михаила Стаженьского; стоимость транспортировки, разумеется, мы возьмем на себя.

Уверяем Вас, уважаемый граф, что любой контроль с Вашей стороны за хранением у нас Вашего родового архива будет воспринят нами с полным удовлетворением.

Прошу принять выражение нашего глубокого уважения».

В тот же день благодарственного письма был удостоен и Ян Глинка: «Уважаемый коллега! Спешу сердечно поблагодарить Вас за приобретение для нас ценнейшей коллекции. Временную расписку на копии Вашего сдаточного письма высылаю тотчас же, вместе с письмом к графу Стаженьскому. Детальную инвентаризацию начинаем сейчас же, после чего вышлем Вам, как и графу Стаженьскому, 1 экз. описи. Портреты пока останутся в архиве, фотографирование их и т. д., они пойдут на хранение в Государственный музей, что в замке. При наличии у Вас такой возможности очень прошу прислать

отдельным письмом исправление к тексту, где Вы вместо слова «Музей» ошибочно написали «Архив».

Портреты не считаем слабыми. Единственно лишь портреты Браницких отличаются неким шаблоном, но дамы Стаженьские в целом пристойно написаны, особенно старшая из них. Стоимость упаковки, транспортировки и пересылки портрета Михаила Стаженьского, разумеется, мы возьмем на себя, если музей не будет к этому склонен.

Весьма ценным считаю также газеты Ноябрьского восстания; такой же следует признать и листовку с городельской манифестации; то же хочу сказать и о документе, связанном с деятельностью графа Виктора Стаженьского со Страбли. Еще раз сердечно благодарю!

Очень хотела бы знать, кто будет делать снимки с бригитских образов. Сестры назаретянки им окажут всяческую помощь. Хотела бы по случаю заказать и для себя по 2 отпечатка (фотографий), если они хорошо получатся. Особенно мечтаю об образе св. Анны. Вести об Вашем стремлении влиться в наши архивные ряды доходят до меня не только от Вас, но и из Варшавы. Частное письмо к начальству вышлю сегодня».

23 августа (как все-таки аккуратны в переписке были в ту пору люди, и как хорошо работала почта. – *В.Ч.*) Ян Глинка писал из Белостока в Гродно (письмо сюда пришло 25 августа 1939 года. – *В.Ч.*): «Уважаемая госпожа директор. Я на самом деле радуюсь тому доброму приему, который архив Стаженьских был удостоен в Гродно. Не могу также и скрыть того приятного впечатления, какое оказало на меня Ваше обращение в мой адрес – «коллега». Было бы это только для меня добрым предзнаменованием для моей архивной работы.

С немалым удовлетворением узнал о Ваших намерениях тотчас же приступить к инвентаризации этого архива, но, поверьте, это будет нелегким делом по причине хаотичности документов. Архив этот мною по-настоящему не исследован, кое-что знаю о нем из комментарий графа Михаила Стаженьского, сделанных во время совместного просмотра бумаг и картин. Отец его Адам отличался любовью к архивному делу и много времени уделял бумагам своего рода, жил он в 1846–1917 годы. В то время данный архив был значительно богаче, чем сейчас. Во время большевистского похода, в 1920 году, архив не был эвакуирован и значительная часть его пропала. Было это в имении Клюково в Высоко-Мазовецком повете. Еще до деятельности Адама в состав архива входили бумаги от Стаженьских и Кучиньских, последние же стали их частью после того как Барбара Кучиньская стала женой Михаила. Адам Стаженьский включил в архив древние документы, собранные из разных коллекций, главным образом с Подмешья, частью из башни цехановецкого замка. В записи карандашом на титульном листе повести К. Крашевского Бартоховский упоминает об отдаче бумаг с башни цехановецкой Анджею Щуке, однако неизвестно, все ли бумаги оттуда он получил. Завтра насчет этого дела напишу к Юзефу Щуке, сыну Анджея. Адам Стаженьский давал возможность историкам и литераторам пользоваться материалами своего архива. Среди них были – Я. Кантецкий, К. Крашевский, З. Глогер, Х.

Мосьцицкий. Если требуются более детальные сведения на сей счет, то граф Михаил Стаженьский охотно в этом Вам поможет. Думаю, однако, что наиболее полезным в этих делах будет само генеалогическое древо этого рода. Архив линии Стаженьских со Страбли, потомков Мацея-Игнация и его жены Марии из Боворовских, по-видомому, был частично сохранен в Обществе друзей наук в Познани (в том числе и оригинал воспоминаний Михаила Стаженьского, старосты браньского), а часть погибла, как мне сообщали об этом Август и Анджей Стаженьские. Сдача на хранение бумаг в Познани должна была произойти в конце XIX века, однако с полной уверенностью утверждать об этом пока нет оснований.

Лучшие семейные портреты и прекрасная мебель, купленные старостой Михаилом в Белостоке после смерти гетманши Браницкой, погибли в имении Комаровщизне возле Вильно, которое принадлежало Виктору Стаженьскому, владельцу также и Страбли. Портреты, хранящиеся теперь в Гродно, были приобретены в конце XIX века Адамом Стаженьским от вдовы по Стаженьским, очень далекого родственника Адама, не владевшего графским титулом и не имевшим родства ни с Матеем, ни с его братом Петром.

Листовка времен манифестации Городельской, на которую Вы обратили внимание, является действительно интересной. В связи с этими событиями российские власти конфисковали имение Страбли Виктора Стаженьского, а сын его, также Виктор, мужчина необычайной красоты, «вытанцевал» себе, так говорят, при петербургском дворце возврат имения отца; до самой мировой войны он был офицером российской гвардии. Очень важным показался мне перечень документов имения Пониньского, составленного перед тем, как этот великий изменник дождался от сеймового суда смертного приговора. Пачка документов злоторыйских содержит очень важные документы по истории крестьянства. Надеюсь, что при инвентаризации Вы сможете выявить еще большее количество ценных материалов.

После последней встречи с Вами я договорился с ксендзом Малаховским, что он сфотографирует 3 портрета фундаторов монастыря бригидок, а также образ, который Вы ему укажете. Я видел ранее фотографии, которые были сделаны ксендзом Малаховским и его знакомыми, который будет делать снимки для меня. К сожалению, их фотографии весьма слабенькие. Они же говорили мне, что в Гродно нельзя найти профессионального фотографа, который мог бы качественно снять эти образы. Если это действительно так, то, видно, мне придется приехать в Гродно со своим аппаратом, которым уже делал качественные снимки старых образов, однако на это уйдет целый день».

Последнее письмо от Я. Глинки к Я. Козловской-Студницкой пришло в Гродно через три дня после начала Второй мировой войны: «Уважаемая госпожа директор. Дополняя свое письмо от 23 августа 1939 года, сообщаю, что я получил еще перед началом войны от Иосифа Щуки ответ: архив его рода находится в квартире его матери в Варшаве – Краковское предместье, 79. Вполне возможно, что там находятся и документы, переданные Адамом

Стаженьским, который был соседом и приятелем умершего Анджея Щуки, отца Иосифа.

Очень доволен тому, что весьма вовремя мне удалось переправить архив Стаженьских в Гродно. Зато мое личное дело получило необычный оборот, ибо доктор Суходольский за день перед началом войны ответил мне по телефону, что в связи с общей нынешней ситуацией прием меня на работу в один из государственных архивов перестал быть актуальным на долгое время. Вообще-то я не удивился такому ответу, которому обязан Гитлеру.

В армию меня пока еще не призвали, добровольцев же тоже не берут. Ближайший период времени хочу посвятить обеспечению сохранности своих личных и чужих вещей, находящихся у меня и составляющих непреходящую ценность. Архив Браницких постараюсь разместить в белостокском магистрате, и там же – мою богатую библиотеку, а также коллекцию картин, медалей и т. д. Среди картин имеются полотна Франца Бассано, Караваджио, Тороборха, Ван Гудтенбурга, а из польских художников – Антония Залеского, Медеоа, Дейриха, Ваньковича. Завещание составлено у одного из белостокских нотариусов, возможно у Гонсѐровского. Я весьма заинтересован, чтобы сведения об этих коллекциях сохранились в Государственном архиве в Гродно. Библиотека моя собрана в 11 деревянных ящиках. Здесь и мой семейный архив с XVIII века. Если местный магистрат откажет мне в приеме всего названного на хранение, то я буду просить о их приеме в Гродненском архиве и музее, если будут условия для их перевозки. Однако это будет трудно и вряд ли осуществимо».

К этому машинописному письму была сделана Яном Глинкой собственноручная приписка: «Незаконченная рукопись моей описи архива Браницких помещена вместе с иными вещами, как и несколько десятков папок архивных материалов, к моей монографии о Белостоке».

8 сентября Я. Козловская-Студницкая написала Яну Глинке ответ: «Уважаемый коллега! Подтверждения приема на хранение от Вас архива графа Стаженьского пока еще не выслала, так как не знаю, где Вы сейчас находитесь. Очень жалею, что Вы не поступили на архивную службу, однако не теряю надежду на Бога в том смысле, что то, что должно произойти, то произойдет, подобно тому, как не избежит наш враг страшного возмездия. Не имею ни писем, ни ведомостей от директора Суходольского. Мои близкие – в Варшаве, молюсь за всех их. Мы же тут вполне спокойны и полны уверенности в полной нашей победе».

Переписка Янины Козловской-Студницкой с Яном Глинкой, Владиславом Суходольским, Михаилом Стаженьским – это лишь незначительная толика ее эпистолярного наследия. Однако и она убедительно свидетельствует о ее высоком профессионализме, энергии и настойчивости в поиске и обретении ценнейших исторических источников, в частности архива Стаженьских. Вдумчивый исследователь найдет в переписке директора гродненского архива со своими коллегами немало и других ценных фактов и характеристик, касающихся становления и развития архивного дела на Гродненщине в

межвоенный период, а также отражающих моральный облик участников переписки.

4.4.Автографы ученых-античников и востоковедов в коллекции Б. Б. Виц (Маргулес) (1918 – 2008)

Книги с дарственными надписями или автографами нельзя отнести к разряду широко распространенных источников. Однако их значение, особенно в исследованиях по истории науки и культуры имеет необычный вес. У каждой такой книги или в отдельном оттиске статьи своя история, в которой в равной степени интересно и то, при каких обстоятельствах она была подарена, и то, что предшествовало этому. Про ее точно известно, что сам автор держал ее в руках. Более того, дарственные надписи, автографы – это обязательное свидетельство отношений двух людей: отношений дружеских, родственных, деловых. Все это стимулирует желание оживить события, скрытые от нас временем.

Подлинное счастье, когда судьба «прибивает» издание с автографом в государственное книгохранилище. Тогда есть надежда, что она не исчезнет в жизненном круговороте и расскажет исследователю о своей судьбе. Характер надписей-автографов чрезвычайно разнообразный: надписи-поздравления, признание в дружбе, надписи-восхищения, отзвуки какого-то спора, философское раздумье, отношение к людям, времени, истории. Однако, в конечном счете, надпись на книге, статье – это лаконичное письмо, в котором нашло свое отражение прошлое.

Почти два десятка лет тому назад увидела свет моя первая большая работа, посвященная автографом исследователей истории Беларуси конца XIX – начала XX столетий [130]. В этой монографии мне удалось раскрыть историю дарственных надписей М. И. Милютина, В. В. Щербицкого, Ф. И. Леонтовича, Е. Ф. Орловского и многих других историков, которые хранились в музеях и книгохранилищах города Гродно. Книга хорошо была встречена читателями, что стимулировало время от времени выступать в печати и в сборниках научных трудов со статьями, посвященными вновь обретенным мною автографам. Часть из них была посвящена дарственным надписям церковных деятелей Беларуси начала XX века [136, с. 90–152, 215–221, 296–301; 145, с. 140–152, 198–213, 257–291; 152].

В последующем же, в связи с разработкой других исторических тем, изучение автографов как-то отошло для меня на другой-третий план. Однако коллекция дарственных надписей, хранящихся у меня, год от года все же пополнялась, причем по преимуществу за счет изданий из частных собраний. Одно из таких моих обретений произошло где-то в конце 1997 года. Остается лишь сожалеть, что более точную дату его мне в силу разных причин не удалось зафиксировать.

Помню просто тот эпизод, когда аспирант кафедры всеобщей истории Володя Рыжкевич, встретив меня в коридоре учебного корпуса, со словами: «Вам тут Бронислава Борисовна перед отъездом в Израиль какой-то пакет оставила…», передал мне в руки пухлую папку, по-хозяйски, крест-накрест, перевязанную толстой бечевой. Ознакомившись наспех с содержимым папки, озаглавленной дарительницей: «Валерию Николаевичу Черепице. Б. Б. Виц», я, несомненно, обрадовался столь богатому дарению, так как имена людей, от которых Бронислава Борисовна получала автографы на их изданиях для советской исторической науки многое значили… И все же папку эту, с искренним чувством благодарности почтенного возраста дарительнице, вдруг вспомнившей про меня в суматохе сборов на «историческую родину», все же пришлось отложить в сторону, что называется на «потом». И это «потом» незаметно затянулось на более чем десятилетие.

По правде говоря, раскрывал я эту не единожды, но всякий раз опять откладывал ее в сторону, ибо ничего не знал о судьбе столь щедрой дарительницы. Ведь покидала она Гродно в весьма солидном возрасте. Жива ли? К сожалению, тогда выяснить мне эти вопросы так и не удалось. Все набегали какие-то другие проблемы. И только лишь совсем недавно я вновь раскрыл заветную папку. За то время, когда она лежала у меня, удалось выявить и доступный мне материал о жизни и научно-педагогической деятельности Б. Б. Виц-Маргулес.

Родилась она 21 сентября 1918 г. в г. Дрогобыч Львовской области. После окончания в Львове польской гимназии имени Юлиуша Словацкого училась на отделении классической филологии и философии гуманитарного факультета Львовского университета. С установлением в 1939 году в Западной Украине советской власти продолжила учебу, но уже на историческом факультете. Великая Отечественная война прервала обучение, и государственные выпускные экзамены ей пришлось сдавать в эвакуации в г. Ташкенте, в Среднеазиатском государственном университете (САГУ). В 1944 г. она поступила в аспирантуру САГУ по специальности «История древнего мира». Научным руководителем ее стал академик В.В. Струве, а консультантом – профессор Д. Н. Калистов. Они и определили научную специализацию аспирантки: история античной философии. Темой же кандидатской диссертации стало учение Протогора. Параллельно с учебой в аспирантуре она работала и преподавателем истории древнего мира.

После окончания войны Б. Б. Виц-Маргулес переехала в Ленинград, поскольку уже возвратившийся туда ее научный руководитель В. В. Струве перевел ее на второй курс в аспирантуру Ленинградского государственного университета по кафедре истории древней Греции и Рима. Здесь ее неофициальным руководителем в силу разных причин стал профессор С. Я. Лурье. Работа над диссертацией шла успешно, однако тяжелые жизненные обстоятельства вскоре выбили ее из налаженной колеи. Аспирантка получила из Львова трагическую весть о гибели от рук фашистов матери, сестер и других родственников. Тогда же ей стало известно и о пропаже без вести на фронте

еще в 1941 г. ее мужа. Тяжелое нервное заболевание, инвалидность второй группы негативно отразились на ее научной и трудовой деятельности. Но постепенно, работая старшим библиотекарем в библиотеке филиала Академии наук в Ленинграде, она обрела былое состояние духа и вновь приступила к работе над диссертацией. В начале 50-х годов в атмосфере борьбы с «космополитизмом» Брониславе Борисовне было отказано в работе в Ленинграде, и она была вынуждена переехать в Карелию, где стала работать учительницей истории в средней школе села Прежа, одновременно отдавая все свое свободное время кандидатской диссертации. Ее защита состоялась в декабре 1953 года. В целом работа получила высокую оценку специалистов, хотя имелись и замечания насчет недостаточного отражения в ней трудов И. В. Сталина.

После защиты диссертации молодому ученому предлагали работу в местных вузах, но ее тянуло ближе к родным местам, и в 1954 году она переехала в Вильнюс. Здесь Бронислава Борисовна работала преподавателем философии в педучилище и пединституте, лектором-консультантом в Ново-Вильнюсском райкоме компартии Литвы.

В 1965 году Б. Б. Виц-Маргулес переехала в Гродно, где 20 лет работала преподавателем философии, этики в сельскохозяйственном институте. По совместительству читала курсы истории древнего мира и ранних средних веков в местном пединституте. На договорных началах переводила документы музея истории религии с латыни на русский язык. В 1988 году она была принята на полставки доцента кафедры всеобщей истории Гродненского госуниверситета имени Янки Купалы. Читала курсы по истории античности, истории Древнего Востока, а также спецкурсы по истории культуры Древней Греции и Рима.

В Гродно исследовательница успешно занималась изучением творческого наследия Протогора, Геродота, Лукиана, Диагора Мелесского, Демокрита. Среди тем ее исследований теории античного общественного процесса, античная культура, раннее христианство и античное вольнодумство. И все-таки более всего влекли к себе биографии античных философов. В 1979 году в московском издательстве «Мысль» вышла ее монография «Демокрит», которая в последующем была переведена на литовские и эстонские языки и издана в Вильнюсе и Таллине.

Спустя годы, исследовательница, говоря о свей методологии отмечала: «Теория марксизма не была для меня единственной, сама классики его утверждали, что необходимо пользоваться всеми духовными достижениями человечества. Может быть, поэтому я всегда понимала марксистскую теорию исключительно в духе гуманизма и демократии, сочувствия угнетенным. Тем более что независимо от практической пользы, всякое знание, особенно объективное знание истории человечества, всегда мне казалось весьма полезным» [95; 23, с. 112; 96, с. 413]. К лаконичным строкам биографии Б. Б. Виц (Маргулес) хочется добавить несколько личных воспоминаний о нашем с ней общении. Впервые ее имя я услышал от профессора Я. Н. Мараша, сообщившего на одном из заседаний кафедры истории СССР и БССР о выходе

в свет книги «нашей коллеги из сельхозинститута» о Демокрите. Эта информазация мне показалась весьма интересной. Хотя бы из тех соображений, что в то время (а это был 1979 год) собственно монографические исследования имели лишь несколько историков-гродненцев (Б. М. Фих, Я. Н. Мараш, Б. С. Клейн, П. Н. Кобринец), и вот новое имя, да и тема исследования была почти мирового уровня звучания, да и место выхода в свет – Москва, издательство «Мисель», все это в те годы уже что-то значило. Спустя какое-то время, я нашел в библиотеке эту книгу, любопытства ради полистал, записал несколько, как мне показалось, замечательных мыслей в свою записную книжку, после чего уже никогда к ней не обращался. И все же в памяти сама книга и имя ее автора остались. Во всяком случае когда в 1988 году я подписывал как декан исторического факультета заявление Б. Б. Виц о приеме на 0,5 ставки доцента кафедры всеобщей истории, то я уже знал, что работать у нас будет преподаватель-исследователь высокого класса, и она читала у нас те курсы, которые прекрасно знала и любила: история античности, древнего Востока и др.

С приходом Б. Б. Виц на работу к нам, мое знакомство с ней значительно углубилось: не раз приходилось бывать на ее лекциях, слушать ее доклады и сообщения на наших университетских научных конференциях. Будучи уже в годах, невысокого роста, слегка сутулой, с озорным прищуром близоруких глаз, она производила впечатление человека, искренне влюбленного в свой предмет исследования и как-то очень крепко породнившегося с историей древнего мира. Она никогда не стремилась быть на виду, но и никогда не отмалчивалась в ходе научной дискуссии, когда ей действительно было что сказать. Годы не только не ограничивали, а наоборот, повлияли на ее научную активность, глубокая эрудиция и большой жизненный опыт давали ей право по-своему смотреть на самые разные проблемы прошлого и настоящего.

Помнится, весной 1993 года я выступил на страницах «Гродненской правды» и «Гродненского университета» с двумя постановочного плана статьями, посвященными исторической культуре. Задавшись целью поделиться с читателями тем, что меня волнует в изучении этого явления, я, честно признаться, особенно и не рассчитывал на широкий отклик читателей на эту публикацию, но тем не менее он имел место, и первой откликнулась на них Б. Б. Виц. Свое письмо она направила мне не по почте, а передала через секретаря деканата. На конверте было написано: «Декану истфака, проф. Черепице Валерию Николаевичу – доц. Виц Б. Б.». Помещаю это письмо здесь лишь с небольшими сокращениями, так как оно, на мой взгляд, прекрасно передает умонастроение и позицию автора в кризисное для нашей вузовской исторической науки время:

«Уважаемый Валерий Николаевич!

Я прочитала Ваши статьи об исторической культуре в «Гродненском университете» и «Гродненской правде» и хочу Вам сказать кое-что (мне лучше письменно) по этой теме.

Статьи (та и другая) очень хорошие, научные, убедительные и актуальные. И тем не менее хочется высказать Вам свои небольшие замечания и соображения.

1. На мой взгляд, не совсем корректно Ваше определение самой исторической культуры. В Вашей формулировке не совсем ясен субъект этой культуры, чья она. Если она «принимается в обществе», то это культура данного общества. Но тут же вы пишете и о культуре «той или иной социальной группы». О каких границах идет речь? Я бы убрала из этого определения слова «принятая в обществе», а вместо «определенной социальной группой» написала бы «…обществом, определенной группой людей или индивидом» и т. д. по тексту. Ведь Вы же не отрицаете и индивидуальной исторической культуры. И это не меняет, на мой взгляд, ее социального характера, если понимаешь, что сознание индивида так или иначе связано с его обществом.

2. Я бы не относилась с предубеждением к так называемой «популистской культуре». Люди всегда тянутся к экзотике и забавным историям, а наши исторические опусы часто наводят на обычного человека такую скуку, что годятся к употреблению лишь в качестве снотворного. Как хотелось бы, чтобы наши историки и писатели в манере своего изложения хотя бы немного вернулись к «отцу истории» Геродоту, или хотя бы Плутарху или Ливию… Эти древние историки действительно писали для народа. Вот и подумайте, пожалуйста, какое очередное требование можно бы предложить молодому историку. Я думаю – писать образно, увлекательно.

3. Как-то устно, не в статье, вы сказали: «История не может быть аполитична, так как она также имеет практическое значение». Со 2-ой половины фразы я согласна, а с 1-ой – нет. Разве историческое изложение всегда касается вопросов взаимоотношения государств, наций, классов, партий, социальных слоев? Если касается, то имеет значение политическое, это – политика. Но практическое значение истории самое разное: нравственное, философское, религиозное, чисто познавательное, художественное. И во всех этих аспектах, если они хорошо проведены, история учит и воспитывает.

4. После моего доклада на последней конференции Вы меня спросили, к чему я призываю. Правильна ли такая постановка вопроса? Если я помню, чему меня учили, то ученый не должен заранее закладывать в материал того, чего он не хочет – концепции (теории, лозунга, призывы, догмы). Он должен иметь материал, достаточный для того, чтобы из него вытекали выводы. О выводах сложно спорить, но тоже на основе материала. Может быть, правда, рабочая гипотеза, но и только. Если есть материал и выводы, то тогда уже можно их сверить с концепциями. В любом случае она может быть лишь рабочей гипотезой, которая опять и опять проверяется.

Мои источники – биографии философов «призывали сами», без меня, если их слушать. Когда я в Петербурге выступала с этой темой, последнее было у меня главным. Я закончила тем, что проблема взаимоотношения общества и интеллектуалов – эта проблема не только античная, но и современная. Подошел

московский античник И. М. Назов и сказал: «Вы правы». В Гродно больше получился вывод о роли личности и Вы сказали, что это крайность. К чему? Если к марксизму, то он не отрицает роли личности. Утверждая решающую роль народных масс, он нацеливает на изучение личности с точки зрения влияния на массы (и наоборот), чем я и занимаюсь. В былом СССР очень много было сделано для изучения роли масс, классовой борьбы, общественных движений и т. п. Разве это плохо? Я этого не говорю, достигнуто было очень много – в противовес истории королей и полководцев. Но уже получился крен. Уже пора опять изучать личность, но уже на базе роли личности масс. И любые личности, ибо из них же состоит народ – личности разных профессий, социального статуса, человека как «маленького», так и «великого». Мне нравятся философы. Мой материал говорит об их знаменитой роли в жизни общества. Так говорят историки. И признание этого, пожалуй, совпадает с Вашим требованием «добросовестности» и «объективности» в истории. А ведь и Ваш доклад об автографах ученых – не политика. Он «призывал» к тому же, собственно говоря, что и мой – к уважению к заслуженным людям и именно к ученым.

5. Марксизм, по-моему это ясно, остается как учение верен, но только для того «Монблана» фактов, которые он обобщил. Но уже появился и вырос новый «Монблан» фактов, которые требуют новых объяснений; выросли и новые концепции. Если рассуждать спокойно, то действует один из законов развития науки: старые, добротные научные теории остаются в силе, но для своей ограниченной области. Геометрия Евклида остается верна, но для земного пространства, а рядом уже давно есть геометрия космоса. Логика Аристотеля – основа обычного и научного мышления, но рядом выросли мысли диалектичные и математические. Также обстоит дело с физикой Ньютона, политэкономикой Смита и Риккардо и многими другими теориями. На марксизм нельзя плевать, а еще хуже опошлять, как это делают. Но им нельзя объяснять все и вся, цепляться за него изо всех сил. У нас учат философии, но так и не научили диалектическому отрицанию; отрицание опять происходит «грубое и зряшное». Я это, Валерий Николаевич, не про Вас, Вы-то как раз правильно смеетесь над коньюктурщиной.

Нельзя отрицать и всех достижений советской исторической науки и кричать, что это сплошная фальсификация. Вы взяли в руки Иловайского и нашли в нем много хорошего. Убеждена, что когда-нибудь возьмут наши учебники и быть может тоже скажут, что их концепция нам уже не годиться, но в них имеется немало хорошего. Вот почему я Вам ответил: нужен синтез.

Извините, что отнимаю у Вас время, но надеюсь, что у Вас хватит время написанное мною прочитать. На кафедре я теперь бываю редко и там мне не с кем поговорить об этом.

6. И последнее. Вы пишете, что научная общественность республики с нетерпением ждет выхода «Беларускага гістарычнага часопіса». Вышел. Но знаете ли Вы, что в библиотеке нашего университета его не только нет, но он до

сих пор даже не выписан. Может быть, Вы поинтересуетесь, почему так получилось. С уважением – Бронислава Борисовна Виц-Маргулес».

После прочтения этого письма, мне, разумеется, было, что сказать Брониславе Борисовне. Состоялся разговор-дискуссия, итогом которого было то, что оба мы пеклись об одном и том же – об исторической культуре (и в теории, и на практике, в жизни каждый по-своему и с болью отмечал те крайности, которые имели тогда место в среде белорусских историков).

Еще одно письмо, правда, уже по почте, я получил от Б. Б. Виц-Маргулес осенью 1999 года. В нем она сообщала: «Уважаемый Валерий Николаевич! Я уже два года в Израиле, но только недавно созвонилась с Ильей Марашем. Я хорошо помню, что Вы просили меня ознакомить его с подаренной мне Вами книгой «Польское национальное движение в Белоруссии (последняя четверть XIX в.). Мы с ним договорились, что я ему вышлю книгу по почте. Ваша книга (я, наконец, сама ее прочитала, раньше не доходили руки) очень интересна и важна как по своей проблематике, так и по источниковой базе, ранее мало известной специалистам. В исследуемой Вами проблеме меня, конечно, интересовал вопрос о евреях (и Илью он может интересовать). Я нашла кое-что в Вашем материале об их позиции к польскому движению или, скорее, об отсутствии ее у них. В массе своей оно было похоже на отношение к полякам белорусских крестьян. Правда, Вы упоминаете и о членах I-го Интернационала. Из других источников знаю о влиянии не только в этнографической Польше, но и в Северно-Западном крае, традиций Берка Йоселевича.

Уже в XX веке, когда в 30-х годах была членом подпольного комсомола Западной Украины и Западной Белоруссии, еврейская молодежь поддерживала те идеи, которые были выработаны по отношению к Украине и Беларуси прогрессивными представителями польского общества во 2-ой половине XIX века. У нас во Львовском университете, кроме подпольного комсомола, была легальная студенческая организация «Ziednoczene» (председатель Исаак Айзенберг), которая вопреки политике университетских властей, направленной на разделение студенческих организаций по национальностям, объединяла всех студентов университета. – Вот какие воспоминания возбудила во мне Ваша книга.

Пользуясь случаем, хочу у Вас спросить, вышла ли книга «Память. Гродно». А если вышла, то есть ли там статья об истории Гродненской еврейской общины (до 1939 г.) за подписями моей и Г. Н. Хасида? Вот и все. Привет Вам и пожелание дальнейших творческих успехов! Бронислава Борисовна Виц».

Прочитав письмо, сразу же бросился листать книгу «Гродно» из серии «Память», но названной статьи там не нашел. Тем не менее саму книгу через знакомых гродненцев, приезжавших в родной город из Израиля, передал один экземпляр ее Брониславе Борисовне, но дошла ли она до нее, я не знаю. После ознакомления с основными вехами биографии Б. Б. Виц (Маргулес) я вновь обратился к подаренной ею мне папке с автографами. Сразу же бросалось в глаза, что содержимое ее было разложено в хронологическом порядке, т.е. с

учетом времени дарения. Первой в стопке книг и журнальных оттисков была помещена книга С. Я. Лурье «Архимед» (Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1945. – 271 с.) На ее форзаце – дарственная надпись автора: «Брониславе Борисовне на добрую память от автора. В память о совместной работе. 7.IV.46. С. Лурье».

Имя и труды С. Я. Лурье – известного филолога и историка античности достаточно широко представлены в советской историографии. Однако наиболее полный библиографический очерк о нем написан самой Брониславой Борисовной в 4-ом томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (1997 г.).: «Лурье Соломон Яковлевич [27.12.1890 (8.1.1891), Могилев – 30.10.1964], историк античности, филолог. Д-р истор. (1934) и филол. (1943) наук. Учился в Могилевской гимназии, окончил С.-Петербургский университет (1911). С апр. 1917 г. работал в «Могилевской газете», член Могилевского Совета рабочих депутатов. Летом 1918 г. в оккупированной немцами части Могилева основал газету «Эхо». Проф. Петроградского (1918), Самарского (1918–1920), Ленинградского (до 1949), Львовского (1953–1964) ун-тов. Работал в учреждениях АН СССР: Ленинградском филиале института истории, Комиссии по истории науки и техники. За научные связи с зарубежными коллегами и независимость взглядов подвергался гонениям и необоснованной критике. В 1949 г. обвинен в «космополитизме» и уволен из Ленинградского университета. Исследовал древнегреческую историю, литературу, эпиграфику, фольклор, философию, историю, математику. Осуществил комментирование и переводы Ксенофонта (1935), Плутарха (1940), Демокрита (издано посмертно учениками в 1970 г.) и т. д. Автор исторических книг для детей» [19].

Из свободной энциклопедии «Википедия» к вышесказанному следует добавить, что С. Я. Лурье родился в семье врача Якова-Арона Анатольевича Лурье и Миры Соломоновны Ратнер. Вскоре после окончания университета принял лютеранство, однако в марте 1917 года вернулся к иудаизму. Характерно, что здесь имеются и сведения о том, что в 1950–1952 годах он работал в Одесском институте иностранных языков, о чем не было сказано в статье Виц-Маргулес. В «Википедии» также отмечалось, что как лингвист, Лурье в 1940 годы поддержал гипотезу о греческом языке критского Линейного письма. Во многом благодаря его работам советские историки внесли значительный вклад в изучение микенского периода Греции [16].

Сведения из биографии двух ученых свидетельствуют о том, что дарственная надпись на книге С. Я. Лурье «Архимед» была получена Б. Б. Виц-Маргулес от автора в пору учебы в аспирантуре под его руководством. Отсюда и слова автографа – «в память о совместной работе». Судя по карандашным пометкам на полях страниц, выписал из нее, на узких полосках бумаги, труд учителя является для нее чем-то более ценным, чем очередная работа талантливого историка. По ней она училась не только мастерству изучения биографии выдающегося ученого древности, но и умению пользоваться методом исторической аналогии. Начальные строки исследования, увидевшие свет в пору сталинского триумфа, поражали ее выдающейся смелостью автора,

глубоким подтекстом содержания: «Тирания, это ужасное и гнусное бедствие, обязанное своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе и праве. Некоторые люди, неспособные судить здраво, думают, что причины появления тиранов – другие и что люди лишаются свободы без всякой вины с их стороны только потому, что подверглись насилию со стороны выдающегося тирана. Однако это ошибка... Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа на их место становится отдельный человек.» [76]. Творческое сотрудничество ученых продолжалось и в последующем. С. Я. Лурье весьма сочувственно относился к нелегкой судьбе своей ученицы, помогал ей и порадовался ее первым научным успехам. В его отзыве на кандидатскую диссертацию Б. Б. Виц-Маргулес есть такие строки: «Работа о Протогоре представляет большой интерес для специалистов, являясь оригинальным исследованием, и заслуживает быть напечатанной». Работая в Львовском госуниверситете он неоднократно предлагал своей ученице переехать для работы в старейший вуз, ставший для его ученицы первой «альма-матер», однако целый ряд обстоятельств не позволили этого сделать [145, с. 117].

Другой имеющийся в коллекции Б. Б. Виц-Маргулес автограф профессора Лурье помещен на отдельном оттиске его статьи «Опыт чтения пилосских надписей», опубликованной в № 3 «Вестника древней истории» за 1955 год. Вот его текст: «Дорогой Брониславе Борисовне на добрую память от автора». Именно в этой статье автор выступил активным сторонником дешифровки данных текстов, предложенной Майклом Вентрисом и Джоном Чедвиком. Судя по всему, научные подходы учителя разделяла и ученица. Не случайно, что в пору работы над всемирно известной монографией «Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования» (Ленинград, 1970) он прибегал к помощи Б. Б. Виц-Маргулес как в сборе материала, так отчасти и в их переводе. Благодарный ученый не забыл назвать имя своей помощницы на страницах этого труда.

Глубокое и искреннее уважение к своему старшему другу и наставнику Б. Б. Виц-Маргулес сохранила на всю свою жизнь. В одном из своих интервью 1994 года об этом сказала так: «Судьба распорядилась так, что мой наставник С. Я. Лурье последние годы провел в «моем» Львове, а я вот уже 30 лет – на его Родине, в Беларуси. И хотя я не могу тут играть даже приблизительно той роли, как он играл там, все же и мне так хочется здесь хотя бы что-нибудь сделать. В том числе и напомнить, что С. Я. Лурье – не «безродный космополит», а родом из Беларуси – могилевчанин. Он любил свою Родину, прекрасно знал и любил белорусский язык, здесь жили все его родные, отсюда его первая жена. Он поддерживал контакты с Могилевом очень долго, до того времени, пока там жил хотя бы один с его или жены родственников, а их было много. Я особенно уважаю в истории Беларуси не бумажную, а настоящую дружбу народов на ее территории, и я верю, что она будет продолжаться» [145, с. 117].

В коллекции Б. Б. Виц-Маргулес сохранилось и несколько автографов ее первого научного руководителя академика В. В. Струве (1889–1965) – крупнейшего советского востоковеда, основателя советской школы историков

Древнего Востока. Василий Васильевич Струве родился в семье, к которой принадлежал целый ряд видных представителей русской научно-технической интеллигенции, в том числе основатель Пулковской обсерватории В. Я. Струве. Поступив в Петербургский университет, он первоначально планировал специализироваться на истории России, однако затем учился у египтолога Б. А. Тураева и семитолога П. К. Коковцева, а также исследователя античности М. И. Ростовцева. После окончания университета в 1911 году Струве несколько лет провел в Берлине, где совершенствовал свое знание египетского языка под руководством А. Эрмона. Пятидесятилетний опыт (1916–1965) опыт преподавания в Петербургском, Петроградском а затем в Ленинградском университете, способствовал созданию Струве собственного курса истории Древнего Востока, отличавшегося от своих зарубежных и предшествующих ему русских аналогов тем, что строился на основании анализа характера социально-экономических отношений древневосточных обществ.

В 1918–1933 годах он руководил Египетским отделом Эрмитажа, в 1937–1940 возглавлял Институт этнографии АН СССР, а в 1941–1950 – Институт востоковедения АН СССР, с 1959-го заведовал древневосточным отделом института. Член ряда отечественных и зарубежных научных организаций, в том числе Комитета международных ассоциаций египтологов в Копенгагене.

В. В. Струве приветствовал революционные события 1917 года и поддерживал социалистические преобразования в СССР. Именно ему принадлежит идея пересмотра оригинального тезиса Карла Маркса и Фридриха Энгельса относительно единства всемирного исторического процесса, проявлявшегося через чередование формаций как универсальных этапов исторического развития человечества. Согласно Марксу и Энгельсу, на стадии цивилизации общество поочерѐдно проходит рабовладельческую (классическую антическую), феодальную и буржуазную (капиталистическую) социально-экономические формации, с перспективой перехода к социалистической. Однако в труде «Формы, предшествовавшие капиталистическому производству» (раздел «Экономических рукописей 1857–1859 годов») Маркс упоминал также и «азиатские производственные отношения». На этой основе некоторые учѐные делали вывод о наличии особой азиатской (архаической) социально-экономической формации, предшествовавшей рабовладельческой у древневосточных обществ. Своѐ условное название «азиатская» формация получила не потому, что была характерна исключительно для восточных обществ, но по причине первоначального обнаружения характерных еѐ пережитков у отдельных народов Азии (в частности, Индии). Отсюда следовали две полярные трактовки азиатского способа производства: уникальный или, наоборот, универсальный этап истории.

В 20–30 гг. XX века отдельные советские историки, находившиеся под влиянием теории Освальда Шпенглера, пытались объяснить уникальность азиатского способа производства, существовавшего только у восточных обществ. Им противостояли марксистские историки-универсалисты, которые

расширили первоначальный географический ареал анализа производственных отношений и пришли к выводу о существовании подобного способа производства не только на начальных периодах развития восточных обществ, а и у всего человечества в целом, считая его универсальным (например, он наблюдался в крито-микенском обществе, в Риме периода царей и ранней Республики, у цивилизаций Месоамерики); с другой стороны, такие восточные общества, как Древний Египет периода Нового царства или Персидская империя Ахеменидов, могут быть определены как классические рабовладельческие. Сторонники выделения отдельного азиатского способа производства отмечали такие характерные для него черты, как функционирование разветвлѐнной ирригационной системы в условиях централизованного государства и этатистской политики; отсутствие частной собственности на средства производства; свободные общины, эксплуатируемые государственным аппаратом, в качестве экономической основы существования общества; восточная деспотия как особый тип монархической формы правления.

Опираясь на изданные в СССР сочинения Маркса, В. В. Струве к 1933 г. разработал «пятичленку» – парадигму смены пяти социально-экономических формаций: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической, начальным этапом которой является социализм (таким образом, азиатская и античная формации сливались в одну). «Пятичленка» служила основой упрощѐнного понимания марксистской теории, и до известной степени – орудием вульгаризации учения Маркса. Тем не менее еѐ распространение способствовало утверждению материалистического понимания истории и обнаружению общих черт в политическом, экономическом и социальном прогрессе разных обществ. «Пятичленка» Струве, отождествлѐнная с марксистским подходом, оставалась господствующей схемой советской исторической науки для анализа всех исторических периодов, несмотря на жѐсткую критику, которой она была подвергнута на Московской дискуссии об азиатских производственных отношениях (1965) видными историками СССР, Франции, Венгрии и Германии.

Струве был первым историком в мировой науке, поднявшим вопрос о характере экономического базиса и социальной иерархии древневосточных обществ, определявшихся как феодальные даже такими авторитетами, как Брэстед, Мейер и Тураев. Струве же рассматривал в качестве ключа к решению вопроса анализ производительных сил и определил, что основной формой эксплуатации труда на Древнем Востоке, как и в античном мире, было использование рабов (позже он признал, что основой экономической жизни в древневосточных странах была не эксплуатация рабов, а эксплуатация крестьян-общинников: долговое рабство у этих народов было развито неравномерно, а завоевательные походы, проводившиеся с различным успехом, ещѐ не стали основным источником пополнения количества рабов). Следовательно, советский востоковед определял восточные общества как раннерабовладельческие, основываясь на собственном анализе шумерского

общества, изучение структуры которого проводилось на основании документов хозяйственной отчѐтности периода III династии Ура.

Перу В. В. Струве принадлежат более 400 работ по истории и лингвистике древнего мира. Его первые публикации, текст коптского папируса и монография «Петербургские сфинксы» увидели свет в 1912 г. С 1928 г. издавался его труд о древнеегипетском ученом Манефоне. Основные идеи Струве изложены в его фундаментальном обобщающем труде «История Древнего Востока», изданном в Москве в 1941 г. и продолжавшим лучшие традиции школы Тураева в марксистской трактовке. Остальные труды Василия Васильевича Струве были посвящены истории и истории культуры Древнего, персидского и эллинистического Египта, Месопотамии (Шумера, Вавилона, Ассирии), Северной Сирии (на примере Угарита), Урарту и Закавказья, Персии, Палестины, Малой Азии, Северного Причерноморья и Средней Азии. В частности, истории древних государств, расположенных на территории Советского Союза, он посвятил свои «Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии», изданные посмертно в 1968 г. Значение фактического материала, последовательно изложенного в трудах Струве, подкрепляется индуктивными обобщениями и анализом значения той или иной исторической эпохи в контексте развития стран и народов.

В. В. Струве издал несколько древнеегипетских письменных памятников, находящихся в музеях Москвы (в основном в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) и Ленинграда, в том числе ряд демотических текстов Позднего периода Древнего Египта и «Московский математический папирус», текст которого был транскрибирован ещѐ Тураевым. Под руководством основоположника советского востоковедения были тщательно изучены «речения» Ипувера и Неферреху, относящиеся к концу Среднего царства, поскольку они приводили относительно редкие для египетской литературы свидетельства всплеска классовой борьбы, интересовавшие советскую науку. Другой безусловной заслугой Струве является то, что его наследие позволило сломать безраздельно господствовавшие в исторической науке представления о древневосточных обществах как исконно феодальных.

В. В. Струве редактировал целый ряд наименований исторической периодики и коллективных трудов по всемирной истории, участвовал в подготовке энциклопедических изданий, а также инициировал начавшееся в 1961 г. издание Советской исторической энциклопедии, будучи членом Главной редакции энциклопедии.

Будучи ученым с мировым именем, В. В. Струве в повседневном общении с коллегами был весьма доступным и доброжелательным. Это в полной мере ощутила на себе его ученица Б .Б. Виц-Маргулес. Подтверждают это и его автографы. Несмотря на значительную разницу в возрасте и положении, свой отдельный оттиск со статей «Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока», опубликованный в № 11 «Вестника Ленинградского университета» за 1947 год, он подписал следующим образом:

«Глубокоуважаемой Брониславе Борисовне Маргулес на добрую память от автора».

О добрых человеческих взаимоотношениях ученых свидетельствует одно из сохранившихся писем В. В. Струве к своей ученице, проживавшей в ту пору в карельском селе Прежа: «Дорогая Бронислава Борисовна! Шлет привет и пожелание на новом жизненном пути вся моя многочисленная семья и я. Всего вам хорошего. Ваш друг. В. Струве. 11.IV.54». Указание в письме на «многочисленное семейство» свидетельствовало, вероятно, о том, что Бронислава Борисовна бывала в доме своего наставника и знала членов его семьи. Подтверждает последнее и автограф на книге «Академик В. В. Струве. Библиографическая справка» (Издательство восточной литературы, Москва, 1959): «Дорогой Брониславе Борисовне на добрую память о Василии Васильевиче. Н. и О. Струве. 1982 г.» Под инициалами «Н.» и «О. Струве», по всей видимости, значились ближайшие родственники академика.

Среди других близких знакомых Б. Б. Виц-Маргулес ученых следует назвать двух видных советских ученых старшего поколения – Сергея Ивановича Ковалева и Петра Викторовича Ернштедта. Биографии обоих историков помещены в Большой Советской энциклопедии. Из нее следует, что Сергей Иванович Ковалев (1886–1960) – видный советский историк античности, доктор исторических наук, профессор Ленинградского госуниверситета (1924–1956), здесь же он возглавлял с 1934 года созданную им кафедру истории Древней Греции и Рима. В 1956–1960 гг. он был директором Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. Основные труды С. И. Ковалева были посвящены социально-экономической характеристике древнего мира, вопросам классовой борьбы и восстаний рабов, происхождению и сущности христианства. Ученый был автором первых марксистских учебников по истории древнего мира («Истории античного общества», Ч. 1 и «Греция», Ч. 2 «Эллинизм. Рим», изданы в 1936 г., 2-е изд. – в 1937 г.), подробного курса «Историки Рима» (1948), а также школьных учебников. Автограф ученого имеется на отдельном оттиске статьи в 4-ом «Вестнике Ленинградского университета за 1947 год: «Многоуважаемой Брониславе Борисовне Маргулес. 1/II.47».

Творческими связями были отмечены взаимоотношения Б. Б. Виц-Маргулес с видным историком и лингвистом Петром Викторовичем Ернштедтом (1890–1966). Родился он в семье ученого-филолога, специалиста по античной палеографии Виктора Карловича Ернштедта. Окончил Петербургский университет (1913). Являлся сотрудником Института Востоковедения АН СССР и Института народов Азии АН СССР (1918–1950), Института языкознания АН СССР (1950–1954). Кандидат филологических наук (1935), доктор филологических наук (1941), член-корреспондент АН СССР (1946). Основные научные исследования ученого были посвящены египетским заимствованиям в греческом языке и грамматике коптского языка. В Ленинградском университете он преподавал греческий и коптский языки, а также палеографию. Среди многочисленных учеников П. В. Ернштедта была В.

В. Виц-Маргулес. Его дарственная надпись «Многоуважаемой Брониславе Борисовне Маргулес от автора» имеется на отдельном оттиске его статьи «Греческие египтизмы времени существования греческих факторий в Египте» во втором номере журнала «Вестник древней истории» за 1956 год. К оттиску приложена фотография автора, сидящего за столом в кресле и разбирающего текст какого-то древнего документа. На обороте фотографии имеется надпись П. В. Ернштедта: «Дорогой Брониславе Борисовне на память о дне 75-летия П. В. Ернштедта. 22 июля 1965 года, г. Луга». Последнее дает основание полагать, что владелица автографов ученого присутствовала на его вышеуказанном торжестве.

Давние дружеские отношения связывали владелицу нашей коллекции с видным филологом и историком древнего мира, эпиграфистом, исследователем античных государств Крыма и Херсона Таврического, доктором исторических наук, профессором Эллой Исааковной Соломоник (1917–2005). О характере этих отношений и истоках их свидетельствует автограф Э. И. Соломоник на отдельном оттиске ее статьи «К творческой истории ~~–~~Анабасиса Ксенофонта", опубликованной в научном сборнике «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья» (Ленинград: Изд-во «Наука», 1968). Над заголовком статьи читаем надпись: «Дорогой Броне на память о годах аспирантуры в Л-де. Э. Соломоник. 19.III.71.». К оттиску было приложено письмо Э. И. Соломоник к Б. Б. Виц-Маргулес, подтверждающее их тесное и многолетнее общение: «Дорогая Броня! Вчера получил твою книгу о Диагоре, залпом ее прочитал и сразу же тебе отвечаю. Книга мне очень понравилась и хочу тебя поздравить с ее изданием в наше весьма трудное время. При скромном материале ты показала большую эрудицию и научную убедительность. Жаль только, что очень малый тираж, но это от тебя не зависело. С успехом!!! 19/VIII.96. Крым-Симферополь». Следует дополнить, что подруги по аспирантуре и жизни в 1997 году выехали на постоянное место жительства в Израиль. Э.И. Соломоник там умерла 21 сентября 2005 года.

Другой подругой Б. Б. Виц по аспирантуре Ленинградского университета была доктор исторических наук, профессор Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена Лия Менделеева Глускина (1914–1991). Уроженка местечка Паричи, что на Минщине, она под руководством С. Я. Лурье защитила в 1948 году кандидатскую диссертацию на тему: «Политическая роль Дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н.э.)». В 1968 году Л. М. Глускина защитила докторскую диссертацию «Исследование по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н. э.». На автореферате этой диссертации, подаренной подруге и коллеге, имеется дарственная надпись: «Дорогой Броне на добрую память, с пожеланием больших научных успехов. Л. Глускина. 28.V.68». Известная исследовательница была одним из авторов «Истории древнего мира» в 3-х томах (1982), а также труда «Античная Греция. Проблемы развития полиса» в 2-х томах (1983). Л. М. Глускина успешно сочетала исследовательскую работу с переводческой деятельностью. Ее перу принадлежали переводы речей Эсхила, Сократа, Демосфена, а также книги

французского ученого Э. Биккермана «Государство Селевкидов» (М. 1989 г.). Следует отметить, что исследовательница, несмотря на сложные жизненные «университеты», сформировалась как видный ученый-антиковед, внесла значительный вклад в изучение истории Древней Греции [16]. Б. Б. Виц (Маргулес) хорошо знала о всех жизненных трудах своей подруги, и она, как могла, поддерживала близкого ей человека.

Несмотря на преклонный возраст, Б. Б. Виц-Маргулес жила активной творческой жизнью. И это не могло не вызвать к ней весьма уважительного отношения со стороны Российской Ассоциации антиковедов. В коллекции автографов исследовательницы имеется немало приглашений на конференции этого авторитетного в научном мире объединения за подписью президента его, доктора исторических наук, профессора Елены Сергеевны Голубцовой (1921–1998). На такие предложения Бронислава Борисовна всегда откликалась, если, разумеется, позволяли на поездки в Москву семейные обстоятельства и состояние здоровья. Летом 1995 года она не только приняла активное участие в научной конференции антиковедов в Москве, но и поделилась своими впечатлениями о ней в газете «Гродненский университет» (№ 10 от 15 ноября 1995 г.). В преамбуле к статье, озаглавленной «Вечно живая античность», автор отмечала, что «тема конференции –Античный мир и его судьба в будущем столетии" вышла далеко за границы древности и вызвала огромный интерес со стороны ученых и мировой общественности». В подтверждение этой мысли Б. Б. Виц-Маргулес использовала фразу из выступления при открытии пленарного заседания конференции Президента Ассоциации Елены Сергеевны Голубцовой: «Часто думают, что античный мир уже сказал свое слово, однако это ошибка. Античный мир продолжает жить, живет он и в современности. Он живет в терминах и понятиях всех европейских и многих неевропейских языков, до настоящего времени уточняется их античное значение и дальнейшая эволюция. Все новые и новые археологические открытия, иной раз сенсационные, многочисленные эпиграфические памятники заставляют продолжать раскопки, делают из антиковедения науку, которая развивается постоянно». И сама конференция, по словам Б. Б. Виц-Маргулес, это хорошо показала. Сама гродненская исследовательница выступила в Москве с докладом «Античность в фондах Гродненского королевского замка». Ее выступление вызвало живой интерес аудитории, и свою радость по этому поводу автор статьи даже и не пыталась скрыть. Статья заканчивается словами, обращенными к молодежи: «Античность – историческая основа культуры Европы, поэтому наш интерес к ней все усиливается. Вот и в нашем университете появилось отделение филологов-классиков. Будут ли у нас новые латышевы и маковельские? Время покажет…[20]».

О научной востребованности Б. Б. Виц-Маргулес свидетельствует письмо к ней Е. С. Голубцовой от 21 марта 1997 года: «Уважаемая Бронислава Борисовна, хочу пригласить Вас на нашу очередную весеннюю конференцию «Власть, человек, общество» (Часть II) и обязательно выступить с интересным,

как всегда, докладом. Вашу книгу о Диагоре я получила, большое спасибо. Ждем в Москве в мае! Елена Голубцова».

Поддерживал творческие контакты с В. В. Виц-Маргулес и главный редактор журнала «Вестник Древней истории», академик РАН, видный российский востоковед, индолог, историк Григорий Максимович Бонгард-Левин (1933–2008). В его письме от 25 декабря 1996 года имеются такие строки: «Глубокоуважаемая Бронислава Борисовна! Редколлегия «Вестника Древней истории» приняла решение провести в конце июня 1997 года в Москве авторско-читательскую конференцию, посвященную 60-летнему юбилею журнала. Приглашаю Вас, ученого, связанного с нашим журналом долгими годами успешного и плодотворного сотрудничества, принять участие в конференции и выступить с докладом на тему, которую Вы сочтете актуальной. С искренним уважением – Г. Бонгард-Левин».

Таким образом, автографы видных советских ученых-античников и востоковедов из коллекции Б. Б. Виц-Маргулес позволяют не только значительно расширить наши представления о личности и творческой жизни этой замечательной гродненской исследовательницы, но и познать через дарственные надписи и письма, адресованные ей, историю ее взаимоотношений с людьми большой науки. В переданной мне Б. Б. Виц-Маргулес папке с автографами есть немало и дарственных надписей ее коллег-античников и востоковедов из Англии, Франции, Бельгии и Венгрии. Однако все они требуют весьма скрупулезного изучения.

4.5.О двух писательских автографах из коллекции А. Н. Карпюка

В домашней библиотеке белорусского писателя, краеведа и общественного деятеля Алексея Никифоровича Карпюка хранится огромное количество книг с дарственными надписями (автографами), подаренными ему в разные годы друзьями и коллегами по «литературному цеху». И последнее неудивительно, поскольку один из наиболее видных гродненских литераторов (в одно время секретарь областного отделения Союза писателей Беларуси, участник Великой Отечественной войны, активный борец за «белорущину») А. Н. Карпюк обладал удивительной способностью дружить, притягивать к себе людей творческих, самобытных, несущих в себе память о прошлом и остро нацеленных на познание настоящего. Одним словом, каким был сам Карпюк, таким было и его ближайшее окружение. Фигурой первой величины той поры на гродненском литературном поприще был, несомненно, Василь Владимирович Быков (1924–2003).

Быков и Карпюк были в литературе и жизни, если можно так сказать, «первым» и «вторым» номерами в восприятии местных читателей.

Так сложилось, что литературное дарование Василия Быкова оценивалось более высоко не только в силу глубокого психологизма его произведений, но их военной тематики, активно использовавшейся советской пропагандистской машиной в якобы воспитательных целях. Характерно, что критическое отношение автора к советской действительности выражалось автором чаще всего не напрямую, а через поступки, размышления о жизни, собственной судьбе зачастую даже не главных, а второстепенных героев его произведений. Тем не менее, несмотря на все дискуссии, происходившие вокруг произведений Быкова, его считали в полном смысле слова советским писателем, что подкреплялось еще и званием Героя Социалистического труда. Немало способствовало этому и его восточнобелорусское происхождение, фамилия на великорусский манер, служба в Советской Армии в офицерском звании, работа в «Гродненской правде» – печатном органе обкома КПБ и облисполкома.

Что касается Алексея Карпюка, то по отношению к нему чаще употреблялось определение – белорусский писатель. И это при том, что ему, также как и Быкову, довелось повоевать: вначале в партизанах, а потом на завершающем этапе войны, в рядах Советской Армии. Оба литератора в войну нередко оказывались на грани жизни и смерти, имели ранения, а также награды за проявленные в боях мужество и героизм. И все же – белорусский, а не советский писатель. Такое отношение к Карпюку отражало не только масштаб признания его творчества в границах советской страны, но и приверженность местным, западнобелорусским темам, местностям и людям, пережившим национальный, религиозный и социальный гнет в межвоенный период.

Обостренное чувство национально-белорусского, внутренний протест против всякого давления на человека, его право жить и творить по законам совести, принадлежность «к пишущей братии» быстро сблизили Карпюка с Быковым, пережившим немало в условиях т. н. «социалистического рая». «Западник» и «восточник», породненные в купели жуткой войны и счастья великой Победы, были до сердечной боли разочарованы тем торжеством «мирной и свободной жизни», которая установилась в стране в послевоенные годы. Трудности материального плана, бытовая неустроенность в сочетании с «муками творчества» и первыми литературными успехами были мелочью по сравнению с тем диктатом со стороны партийных и литературных чиновников, в атмосфере которого они проходили свои «жизненные университеты».

При всей близости мировоззрения двух литераторов, их внутренняя и внешняя оппозиционность подпитывалась и той интеллектуальной средой, к которой они более всего тяготели. Для Быкова ею были редакции всесоюзных «толстых» общественно-политических и литературных журналов, столичные издательства, маститые столичные литераторы 60–80-х гг. Карпюк же более всего «варился» в белорусском литературном «котле», включая контакты с земляками, оказавшимися в Польше, в Белостоке, в лоне «Белорусского культурного товарищества», а также с коллегами из Союза писателей Беларуси, преимущественно уроженцами Гродненщины и Брестчины. С последними Алексея Карпюка сближала молодость, участие в национально-

освободительном движении на западнобелорусских землях в 1930-е годы, а также борьба с фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Эти люди, прошедшие через тяжелые испытания минувших лет и в мирные годы уже в атмосфере литературного творчества находили немало тем для бесед и дискуссии, нередко выходивших на уровень республиканского съезда писателей. Однако чаще всего встречи и дискуссии однодумцев под воздействием хрущевской «оттепели» и вокруг внутренней жизни в СССР, а также необходимости придания социализму «человеческого лица» в масштабах всего мира социализма.

Окружение Карпюка значительно активизировалось накануне т. н. «событий в Чехословакии» весной 1968 года. Вот что вспоминал по этому поводу общий друг Василя Быкова и Алексея Карпюка историк Борис Клейн: «Мы жадно следили за происходившим в соцлагере и замечали, что центр событий как бы смещался к западу. Сторонники смены политического курса здесь явно перехватили инициативу. Правда, нажим из Москвы усиливался, но не ясно было, решатся ли в Кремле на применение силы. А уговорам пражские реформисты не поддавались. Вот мы и внушали себе, что смелось, мол, города берет, и тем смельчакам в Праге, может, что-то и вправду позволят... Этот настрой будоражил, сводил вместе людей в неожиданных сочетаниях. Остался у меня в памяти скромный –пикник" на неманском берегу с участием Быкова, Карпюка, московского критика В. Оскоцкого, поэта Н. Гилевича. Говорили много о чем, спорили, но без раздражения, старались нащупать общее. Встречались тогда в разном составе, и бывали с нами литераторы – поляки, иногда даже появлялись румыны, чехи».

Ввод в Прагу войск стран–участниц Варшавского договора был воспринят большинством участников неманских «пикников» «с ощущением чего-то непоправимого», т. е. с осознанием того, что их поддержка «пражских реформистов» вызовет соответствующую реакцию со стороны местных органов госбезопасности и партийно-советского актива. И их опасения оправдались. Вскоре действительно эти люди почувствовали, что такое быть, по словам Клейна, «идеологическими диверсантами». Активно начался сбор фактов из биографии Быкова и Карпюка для обоснования репрессий против таких людей.

Сам автор воспоминаний писал об этом так: «Я не занимался сбором о Карпюке –оправдательных" документов, просто знал в течении многих лет, как и чем он живет. Мне есть, что сказать об этом действительно незаурядном, разносторонне одаренном человеке, который был моим другом. Как будто мы расстались вчера. Такой улыбчивый, доверчивый до наивности, импульсивный, большое дитя – говорили о нем так. Все это бросалось в глаза. И он знал против чего восставал.

Но не думаю, что он был враждебен ко всему советскому. Сам от природы добрый, он хотел верить, что новая власть установлена была для блага его земляков. Радовался переменам, сулившим хорошее. Помнил, что воссоединение белорусов произошло в составе СССР. Однако он вошел в советскую действительность, уже зная по личному опыту и иной образ жизни.

Сравнение одних порядков с другими приводило Алексея к горьким мнениям. А заморочить ему голову лозунгами было невозможно.

Он не раз говорил о своей родне – православных крестьянах, белорусах не по одному лишь факту рождения, а по сознательному культурному выбору. Ущемленные во многом отсталых «всходних крессах» Польши, они все-таки выбирали в Сейм собственных белорусских депутатов. Читатели свободной прессы, забастовщики, ставившие условия хозяевам предприятий, батраки, получавшие в сто раз больше тогдашних советских колхозников, верующие, у которых все же не отнимали пастырей, – могли ли они смириться с потерей элементарных жизненных благ в обмен на обещания, цена которых была крайне низка?

Алексей к тому же учился в Виленской гимназии, он провел юность в центре культурно-национальной жизни и общественных движений четырехмиллионного региона. Мы много говорили с ним на эти темы, и я твердо знаю, что он не был апологетом межвоенных польских порядков. Но в отличие от других, умалчивавших об этом, он не скрывал, что терпеть не мог тоталитарного строя, ни в каких проявлениях и обличиях. То была в его глазах противоестественная система».

Задаваясь вопросом («А как же с его принадлежностью к подполью Компартии Западной Беларуси»?), сам же Б. С. Клейн на него и отвечал, что причиной тому было: во-первых, «резкое сужение возможностей легальной оппозиции рациональному, а отчасти профашистскому курсу правительства», а во-вторых, «действительная атмосфера того подполья»: «Конечно, из СССР вместе с деньгами и инструкциями поступали в КПЗБ и обязательные идеологические догмы. Но и они вряд ли уничтожили там полностью вольномыслие».

Оправдывая это «вольномыслие», идущее еще от времен Белорусской рабоче-крестьянской громады, организации «Змаганне» и ТБШ (Товарищество белорусской школы), мемуарист как бы признает его вполне естественным и в последующей жизни Карпюка, включая его членство в КПСС и нелегкую борьбу за его восстановление в ней, кстати, вкупе с Быковым и с ним самим. Последнее свидетельствует о явственном наличии у этих людей двуличия и тактики двойных стандартов, т. е. когда Компартия нам нужна, то мы принимаем ее в свои объятия, включая и «идеологические догмы», а когда свое, местечковое, выходит на первый план, то мы за то, чтобы откинув их, блеснуть своим «вольномыслием». Эта линия поведения подтверждается Клейном и в таком фрагменте его воспоминаний, где он пишет о боязни бывших деятелей КПЗБ преследований со стороны советской власти именно за их «вольномыслие»: «И вот с этой близкой ему, но весьма подозрительной средой Карпюк не только не порвал, но он даже с ней породнился. Его женой стала Инга Ольшевская, дочь поляка, одного из лидеров КПЗБ, и Фейги Цигельницкой, видной подпольщицы еще не реабилитированной тогда партии» [47, с. 22–29].

В данном месте тезис Клейна о сочетании в деятельности Карпюка как «идеологических догм», так и увлеченности «вольномыслием» дает очевидный сбой, ибо упомянутые деятели, с которыми он породнился, лишь по месту своего рождения были связаны с так называемой «средой», в реальной же жизни они как раз и являлись носителями упомянутых «догм». О последнем убедительно свидетельствуют биографии А. А. Ольшевского и Ф. А. Цигельницкой, помещенные на страницах «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Ознакомимся с первой из них: «Альшэўскі Анатоль Адамавіч [парт. псеўд. Юрка Пружанскі; 21.06.1904, мяст. Бяроза-Картузская Пружанскага пав., цяпер г. Бяроза – 1937 г.], дзеяч рэв. руху ў Заходняй Беларусі, публіцыст. Чл. КПСС з 1919 г. У 1919 г. добраахвотна ўступіў у Чырвоную Армію, змагаўся за ўстанаўленне Сав. улады на Палессі. З 1920 вучыўся ў Камуніст. ун. імя Свярдлова (Масква). Працаваў у Разані, Ніжнім Ноўгарадзе. З пачатку 1925 на падп. рабоце ў Заход. Беларусі: сакратар ЦК КСМЗБ, член ЦК КСМ Польшчы. На III канфер. (1926) і I з’ездзе (1928) КПЗБ выбраны чл. ЦК. Рэдактар цэнтр. органаў ЦК КПЗБ „Бальшавік” і „Чырвоны сцяг”. Удзельнічаў у рабоце IV канф. Кампартыі Польшчы (1925). У 1927 арыштаваны і зняволены польскімі бурж. уладамі ў Варшаве. З 1928 у СССР па абмену паліт. зняволенымі. З 1932 зноў у зах.-бел. падполлі: кіраўнік Краявога бюро ЦК ЦКЗБ. З ліп. 1932 да 1933 працаваў у рэдакцыі Прадстаўніцтва ЦК КПЗБ пры ЦК КП(б)Б у Мінску. З 1933 г. на прафс. рабоце. У публіцыст. артыкулах, апублікаваных ананімна ў падп. выданнях, выкрываў палітыку ўрада бурж. Польшчы. У 1937 незаконна рэпрэсіраваны. Реабілітаваны пасмяротна. Яго імем названы вуліцы ў Бярозе і Пружанах; у Бярозе на доме, дзе èн жыў, устаноўлена мемарыяльная дошка. *У.А. Калеснік*» [55].

В расстрельных списках Бутовского полигона, что в Подмосковье о нем же говориться следующее: «Ольшевский Анатолий Адамович. 1904 г.р., родился в мест. Картуз-Береза, Пружанского уезда, Гродненской губ. (Польша), белорус, из служащих, член ВКП(б) в 1919–1925 гг., образование среднее, заместитель председателя завкома Мытищенского вагоностроительного завода. Проживал: Москва, ул. 6-я Звенигородская, д.8, корп. 6, кв. 60. Арестован 31 августа 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР от 22 декабря 1937 г. по обвинению в контрреволюционной шпионской деятельности. Назначена высшая мера наказания – расстрел. Приговор приведен в исполнение 25 декабря 1937 г. Реабилитирован 22 декабря 1956 г.» [154, с. 172].

Весьма схожей с деятельностью революционера Ольшевского была и биография его спутницы жизни: «Цыгельніцкая Фаня Абрамаўна (парт. псеўд. Фейгла, Валя; 22.03.1906, г. Беласток, Польшча – 7.11.1988), дзеяч рэвалюцыйнага руху ў Зах. Беларусі. Жонка А. А. Альшэўскага. Скончыла Мінскую школу КПЗБ (1925), Камуніст. універсітэт імя Свярдлова ў Маскве (1930). У 1923–1933 кіраўнік Цэнтра партыйнай сувязі КПЗБ. З 1926 сакратар Пінскага, Баранавіцкага, у пач. 1930-х гг. – Слонімскага камітэтаў КПЗБ. У 1927–1928 член Часовага Краявога сакратарыята ЦК КПЗБ, у 1932–1933 гг. упаўнаважаны ЦК КПЗБ па Віленскім краі і член Краявога сакратарыята КПЗБ.

У студзені 1933 г. арыштавана польскімі ўладамі і прыгаворана да 7 гадоў турмы; праз 5 гадоў вызвалена па амністыі. Пасля ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР з 1939 г. на сав. рабоце ў Беластоку. Дэпут. Нар. сходу Зах. Беларусі (28–30.10.1939, Беласток). У пач. Вял. Айчын. вайны намеснік рэдактара газеты ў г. Абдуліна Арэмбургскай вобласці (Расія). З 1943 у аператыўнай групе Беластоцкага падп. абкома КП(б)Б. У ліпені 1944–1963 на парт. і сав. рабоце ў Гродне і Гродзенскай вобласці. Іна Карпюк" [154, с. 172].

Из биографий А. А. Ольшевского и Ф. А. Цигельницкой следует, что оба революционера были не просто инструкторами, а были руководящими работниками КПЗБ, прошедшими, надо полагать, серьѐзную теоретическую подготовку в Москве в Коммунистическом университете имени Свердлова. Оба имели опыт партийно-советской и профсоюзной работы в СССР (Москва, Минск, Рязань, Нижний Новгород и др.). Так что прежде чем стать «подозрительной средой», именно эти люди были выразителями и проводниками т.н. «идеологических догм», которые «коренное население в составе КПЗБ и его структур», по словам Клейна, принимало с некоторым «вольномыслием».

Однако продолжим знакомство с характеристикой, данной мемуаристом «вольнодумцу» Карпюку в партийных рядах: «Не замечалось, чтобы Алексея ~~г~~руз прошлого" как-то тяготил или удерживал от ~~р~~езких движений". Он вел себя по-хозяйски, а если кого критиковал, то не взирая на лица и чины (думается, что без моральной поддержки т. н. «идеологов» и нового влиятельного окружения, здесь также не обошлось. – *В.Ч*). Шумную известность, даже за пределами СССР, принесла Карпюку его обличительная речь на съезде белорусских писателей в 1966 году. В своей речи Карпюк резко критиковал поворот к сталинизму и затхлую атмосферу духовной жизни страны. Этой речи ему не простили никогда, ее поставили в один ряд с ~~п~~одрывной пропагандой" пражских интеллектуалов. Но нападки только подстегивали его, усиливали энергию творчества» [47]. Трудно сказать, что в данном случае понимал под «творчеством» автор характеристики Карпюку, во всяком случае, он, Карпюк, и в последующем продолжал беспощадно бичевать пороки советского строя в атмосфере т. н. «гласности и плюрализма мнений».

До этого я знал А. Н. Карпюка лишь по некоторым его ранним произведениям (повести «В одном институте», «Данута»), да тем весьма редким встречам с читателями, которые проходили в стенах Гродненского пединститута в 1960-е годы, доводилось также несколько позднее слышать о его (вместе с Быковым и Клейном) исключении из партии и их общих усилиях по восстановлению своего в ней членства. Знал я, разумеется, и о том, что супругой писателя является моя коллега по университету Инна Анатольевна Карпюк, работавшая на кафедрах педагогики и методики коммунистического воспитания. Прекрасный человек и талантливый педагог, пользовавшийся большим авторитетом в коллективе, она никогда не затрагивала в повседневном общении имени и проблем мужа. И все мы, будучи помоложе известной в городе четы, также не позволяли себе разговоров на эту тему. Причем, даже

тогда, когда на истфаке вместе с нами стал работать ранее опальный Б. С. Клейн. С ним также никто не решался говорить «о проблеме трех» – Быкова, Карпюка и Клейна.

Впрочем, здесь уместно будет поместить сведения об И. А. Карпюк, почерпнутые из книги о преподавателях Гродненского пединститута (с 1978 года – университета): «Карпюк Іна Анатольеўна. Дацэнт кафедры педагогікі. Нарадзілася 17.04.1929 г., г. Масква. Сярэднюю школу ў г. Гродна скончыла ў 1947 годзе. У гэтым жа годзе паступіла ў Гродзенскі дзяржаўны педагагічны інстытут на факультэт рускай мовы і літаратуры (скончыла ў 1951 г.). Да 1955 г. працавала настаўнікам рускай мовы і намеснікам дырэктара СШ № 1 г. Ваўкавыска. З 1955 г. па 1973 г. працавала настаўнікам рускай мовы і літаратуры ў СШ № 12 г. Гродна. З 1973 г. па 1974 г. па рашэнні Міністэрства асветы БССР вучылася ў гадзічнай аспірантуры пры НДІ агульных праблем выхавання АПН СССР. Абараніла дысертацыю: «Самоутверждение старших школьников в классном коллективе». З 1974 г. працуе ў ГрДУ імя Янкі Купалы на пасадзе дацэнта кафедры педагогікі. Асноўная тэматыка навуковых даследаванняў – малады настаўнік у гуманістычнай выхаваўчай сістэме школы. Шмат гадоў з’яўлялася членам Навуковага савета пры АПН СССР «Тэорыя і практыка выхаваўчых сістэм». Супрацоўнічае з Цэнтрам праблем выхавання пры Расійскай Акадэміі адукацыі. Выдатнік народнай асветы, узнагароджана знакамі «За отличные успехи в работе», «Высшая школа СССР». Мае 121 публікацыю, сярод якіх манаграфія, арыкулы ў навуковых зборніках, часопісах [44]. В этой биографии И. А. Карпюк, как того и требовал формат статьи, об имени ее мужа нет и упоминания.

В известной мере шоком для нас, вузовских преподавателей, стали последующие выступления А. И. Карпюк на заседаниях неформальных общественных объединений «Паходня», где вместе с М. А. Ткачевым – моим коллегой по кафедре – они стали претендовать на роль национальных белорусских лидеров. Ну, ладно молодой Ткачев искавший популярности в своей оппозиционности к системе по причине неудовлетворенности должностью заместителя парткома вуза по науке и доцента кафедры, но зачем все это было нужно почтенному мужу и писателю Карпюку? Их острые обличительные речи в защиту белорусского языка и культуры еще можно было бы понять, так как кое-что в этой проблеме действительно требовало совершенствования, как, например, и преподавание курса истории Беларуси, но когда они начали поднимать вопросы политического звучания в национал-радикальном духе, созвучные с лозунгами литовского «Саюдиса» и украинского «Руха», то тогда стала лучше осознаваться и природа «вольнодумия» не только Карпюка, но и Быкова, и Ткачева. Вспоминая те годы, иначе чем криком души нельзя было назвать хождение писателя Алексея Карпюка и поэтессы Дануты Бичель-Загнетовой с бело-красно-белыми флагами на плечах во главе небольшой, но достаточно шумной группы из числа сторонников т. н. «Белорусского народного фронта» (БНФ). Спрашивалось, глядя на все это, зачем тогда нужно было им вступать в КПСС, бороться за

«честное имя коммуниста», если внутри и на первом плане всегда был у них Коминтерн с его «идеологическими догмами», и его «вольномыслие» с приписанным Кастусю Калиновскому лозунгом «Жыве Беларусь».

Уже через пару лет после кончины в 1992 году двух сторонников этого лозунга, писателя Алексея Карпюка и историка Михаила Ткачева, у меня совершенно случайно состоялся разговор с И. А. Карпюк. Она тагда шла в гимназию, где руководила группой студентов-практикантов, а я в том же направлении – домой. В начале беседы Ина Анатольевна поздравила меня с выходом в свет книги «Са скарбніцы кніжных паліц», посвященной автографам белорусских историков и краеведов XIX – начала XX веков, а потом разговор незаметно перешел на другие темы, включая и пережитое в конце 80 – начале 90-х годов, в ходе которого я выразил сожаление в связи с кончиной близких Инне Анатольевне людей, легко оттенив при этом несогласие с их линией поведения, особенно Ткачева, в ту непростую пору. Моя собеседница в ответ лишь улыбнулась, а на следующий день передала мне две книжки с автографами белорусских писателей, подаренных в свое время А. Н. Карпюку. Уже дома я обнаружил в одной из книг письмо И. А. Карпюк. В нем говорилось: «Уважаемый В. Н. Черепица. Книга – Вам. Может пригодиться. Главное – не терять (человеческой и профессиональной) высоты, т. е. трудиться на своем кв. метре.

Нас приучили, что Истина уже найдена. А жизнь – поиск истины. Для историка совпадает личное и общественное – поиск истины.

Михаил Ткачев не был экстремистом. Он – ученый. Он, как понимал, искал Истину и не посмел бы сказать, что нашел ее и знает. Он искал.

Я уважаю Вас за то, что Вы – хороший семьянин. С уважением, Ин. Ан.».

Мне трудно комментировать содержание этого письма, тем более, что Инны Анатольевны уже нет среди нас, а при жизни говорить об ее искреннем послании было бы как-то неловко.

Прошли годы, многое из того, что воспринималось с болью, надломом, ушло на второй план. Более памятными, а от того более добрыми стали характеристики и образы людей, их поступки и место в истории. Совсем по-другому начинаешь смотреть на их портреты, книги, да и в целом по-иному чувствовать время, его стремительный бег в вечность.

Как знаки времени, факты биографии представляют перед нашим взором книги писателей и ученых, их дарственные надписи на них. Держу в руках одну из переданных мне Инной Анатольевной книг – «Уладзімір Калеснік ―Час і песні. Літаратурныя нарысы і партрэты”» (Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры. Мінск, 1962). Читаю на титульном листе: «Дарагому Аляксею Карпюку з найлепшымі пажаданнямі і сяброўскай удзячнасцю. Ул. Калеснік. Брэст. 20/II.63».

Несколько слов об авторе: «Калеснік Уладзімір Андрэевіч (17.09.1922, в. Сіняўка Слабада Карэліцкага раёна – 15.12.1994), беларускі крытык, літаратуразнавец, празаік. Канд. філ. навук (1958), праф. (1983). Скончыў Мінскі педагагічны інстытут (1949). Удзельнік партызанскага руху ў ВАВ.

Працаваў загадчыкам кафедры літаратуры Бабруйскага настаўніцкага інстытута (1952–1954), старшым выкладчыкам, загадчыкам кафедры беларускай літаратуры Брэсцкага педагагічнага інстытута (1954–1988). У 1988–1994 прафесар гэтай кафедры. Літаратурную дзейнасць пачаў у 1953 г. як крытык. Выдаў кнігі ―Паэзія змагання. Максім Танк і заходнебеларуская літаратура" (1959), ―Час і песні: Літаратурныя нарысы і партрэты" (1962), ―Зорны спеў: Літаратурныя партрэты, нарысы, эцюды" (1975), ―Ветразі Адысея: Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі" (1977), ―Максім Танк: Нарыс жыцця і творчасці" (1981), ―Лѐсам пазнанае: выбраныя літаратурныя партрэты і нарысы" (1982), ―Тварэнне легенды: Літаратурныя партрэты і нарысы" (1987), ―Янка Брыль: Нарыс жыцця і творчасці" (1990), ―Усѐ чалавечае: Літаратурныя партрэты, артыкулы і нарысы" (1993). Даследаваў заходнебеларускую літаратуру, адкрываючы яе як грамадскі і эстэтычны феномен у беларускай літаратуры XX ст. Працы У. А. Калесніка вызначаюцца імкненнем да аб'ектыўнасці і шматбаковасці даследавання, уменнем стварыць жывыя творчыя партрэты грамадскіх і літаратурных дзеячоў Заходняй Беларусі. Аўтар дакументальна-мастацкіх твораў пра паэта В. Таўлая (1964–1965), заходнебеларускага рэвалюцыянера А. Альшеўскага (―Пасланец Праметэя", 1979). Адзін з аўтараў дакументальнай кнігі ―Я з вогненнай вѐскі..." (1975, разам з А. Адамовічам і Я. Брылѐм). Дзярж. прэмія БССР імя Я. Коласа 1980. *М. Тычына*» [120].

С именем Владимира Колесника в этом очерке мы встречались еще в качестве автора статьи об А. А. Ольшевском. Не исключено, что эта статья готовилась по договоренности с Карпюками. Последние же могли доверить ее написание либо человеку лично знакомому с Ольшевским, либо интересовавшемуся историей КПЗБ. Судя по содержанию автографа, Алексей Карпюк находился с Колесником в дружеских отношениях. Оба они были одного возраста, вместе прошли западнобелорусские университеты и школу партизанской борьбы против немецких захватчиков, вместе осваивали литературное поприще. И это при весьма заметной разнице в характерах, которую, несомненно, ощущали друг в друге. Спокойный, ровный в отношениях с людьми, знающий свое, что называется, «место» Владимир Колесник хорошо чувствовал задушевность Алексея Карпюка. Последнее качество друга он отразил в подаренной Карпюку книге, в очерке «Міхась Васілѐк». Есть в нем такие строки: «Аднойчы ў канун пяцідзесятых гадоў, у Скідзелі пасля рабочага дня з'язджаліся фурманкі. Быў абвешчаны літаратурны вечар. Зала раѐннага клуба набіта бітком. Пераважна простая вопратка, рахманыя твары, цікава-даверлівыя позіркі. Старшыня вечара дае слова маладому гродзенскаму празаіку Аляксею Карпюку. Па зале прайшоў гук расчаравання, пачыліся галасы: ―Васілька...Васілька дайце! Мы прыехалі паслухаць Васілька!" Старшыня глянуў на маладога пісьменніка, развѐў рукамі, той збянтэжаны сеў на месца. Міхась Васілѐк пад воплескі пайшоў да трыбуны...»

Успамінаючы пра гэты інцыдэнт, Аляксей Карпюк гаварыў нам, што тады ён моцна разгубіўся, нават пакрыўдзіўся. А потым спакойна падумаўшы, зразумеў, што быў сведкам дужа павучальнага здарэння. Спраўджалася народная мудрасць: ―Стары друг лепш за новых двух”» [43]. Следуя ей, два писателя оставались верны своим теплым человеческим отношениям на протяжении всей жизни, и скончались они в один год (1992): летом Карпюк и в начале зимы Колесник. Очень бы хотелось понять все стороны их взаимоотношений, на протяжении последующих десятилетий почитать их письма друг другу с тем, чтобы дать ответ на вопрос о том, насколько единодушны были друзья в восприятии начала 1990-х годов и видения перспектив дальнейшего развития Беларуси.

Сам же автор в предисловии книги: «Час і песні» писал: «Гэту кніжку можна разглядаць як працяг нашай папярэдняй працы ―Паэзія змагання”. Праўда, абедзьве яны далѐка не ахопліваюць усіх вартых уваг твораў, пісьменнікаў і падзей, але аўтар пакідае за сабою мажлівасць вярнуцца да сваѐй любімай тэмы і прадоўжыць размову пра літаратурнае жыццѐ-быццѐ ў былой Заходняй Беларусі» [43].

Вторая книга, переданная мне И. А. Карпюк, – «Адам Мальдзіс ―Надарожжа ў XIX стагоддзе. З гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры. Навукова-папулярныя нарысы”» (Выдавецтва ―Народная асвета”, Мінск, 1969) – была посвящена основоположникам новой белорусской литературы Я. Чачоту, Я. Барщевскому, В. Каратынскому, польско-белорусскому поэту В. Сыракомле и др. На титульном листе дарственная надпись: «На добры ўспамін дарагому Аляксею Карпюку – гродзенец душой і ўсім А. Мальдзіс». К сожалению, дата под автографом не указана, но, вероятнее всего, книга была подарена Карпюку сразу же после ее выхода в свет. Будучи значительно моложе Карпюка, автор прежде всего подчеркивал в акте дарения свою связь с ним через землячество, родство, через связь с родными местами, из которых вышли и многие его герои книги.

Сегодня Адам Мальдис – известный писатель, ученый, один из знаковых деятелей белоруской культуры. В «В энцыклапедыі гісторыі Беларусі» о нем говорится: «Мальдзіс Адам Восіпавіч (псеўданім А. Гудас, Адам Гудас, А. Расольскі, Адам Расольскі, А. Свіслацкі; нарадзіўся 07.08.1932 у в. Расолы Віленска-Троцкага павета Віленскага ваяводства, цяпер Астравецкі раѐн Гродзенскай вобласці), беларускі літаратуразнавец, пісьменнік-публіцыст, грамадскі дзеяч. Доктар філалагічных навук (1987), прафесар (1990). Скончыў БДУ (1956). У 1963–1991 гг. працаваў у Інстытуце літаратуры імя Я. Купалы АН Беларусі (з 1981 г. заг. аддзела). З 1991 дырэктар Нацыянальнага культурна-асветніцкага цэнтра імя Ф. Скарыны. Прэзідэнт Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў, старшыня камісіі ―Вяртанне” Беларускага фонду культуры. Пад рэдакцыяй Мальдзіса выдадзены бібліяграфічны слоўнік ―Беларускія пісьменнікі” (Т. 1.–6, 1992–1995). Даследуе беларускую літаратуру 17 – 19 стст., заканамернасці яе станаўлення і гістарычнага развіцця, гісторыю беларускай культуры, беларуска-польскія, беларуска-рускія і беларуска-

літоўскія ўзаемасувязі. Адзін з аўтараў даследавання ―Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры” (Т. 2, 1969), кн. ―Садружнасць літаратур” (1968), ―Старонкі літаратурных сувязей” (1970). Аўтар гістарычнай аповесці ―Восень пасярод вясны” (1984), краязнаўчага нарыса ―Астравеччына, край дарагі...” (1977), літаратурнага партрэта ―Жыццѐ і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча” (1990). Дзяржаўная прэмія Беларусі імя Я. Коласа 1980 за ўдзел у 2-томным даследаванні ―Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры” і ―Гісторыя літаратуры” (1977, на рус. мове).

Творы: Творчае пабрацімства: Бел.-пол. літ. узаемасувязі ў XIX ст. Мінск., 1966; Падарожжа ў XIX ст.: з гіст. бел. літ. мастацтва і культуры. Мінск., 1969; Традыцыі польскага асветніцтва ў беларускай літаратуры XIX ст. Мінск., 1972; Таямніцы старажытных сховішчаў. Мінск., 1974; На скрыжаванні славянскіх традыцый. Мінск. 1980. (разам з В. Грыцкевічам); Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVII ст.: нарысы быту і звычаяў. Мінск., 1982; З літаратуразнаўчых вандраванняў. Мінск., 1987; Перазовы сяброўскіх галасоў: Беларуска-літоўскае літаратурнае узаемадзеянне ад старажытнасці да нашага часу. Мінск., 1988; І ажываюць спадчынныя старонкі. Мінск., 1994» [77].

С годами разница в возрасте в общении двух литераторов ушла на второй план. На первом же месте было дело, которому они посвятили всю свою жизнь – служению своему народу и словом и делом. Будучи человеком огромной общественной активности, Адам Мальдис не оставлял без своего участия ни одного более или менее значительного культурно-просветительского мероприятия на Гродненщине. Запомнились его деловитость, демократизм, взвешенность в речах и поступках. Мое личное знакомство с Адамом Мальдисом состоялось в 1999 году в ходе международной научной конференции, посвященной 200-летию А. С. Пушкина. Он не только председательствовал на пленарном заседании конференции, но и руководил секцией, на которой я выступал с сообщением «А. С. Пушкин и Гродненщина». Мальдис проявлял к нему неподдельный интерес, сославшись на мою публикацию в «Культуре», посвященной слонимским автографам Пушкина. Его подчеркнутая доброжелательность ко мне в тоже время может быть объяснена не только природной воспитанностью, но и желанием продемонстрировать свой объективизм по отношении к человеку, находившемуся в оппозиции к национал-радикализму. Он не мог не знать, что одним из главных оппонентов Карпюку и Ткачеву в Гродно в конце 80-х – начале 90-х гг. был именно автор сообщения о Пушкине и о Гродненщине. Однако упомянутая конференция проходила уже в иной общественно-политической и культурной атмосфере, и руководитель нашей секции не мог этого не понимать.

Через несколько лет, в 2002 году, я неожиданно стал обладателем редкой фотографии Мальдиса. Как-то после экзамена успешно сдавшая его студентка Наталья Юркойть неожиданно спросила меня: «А вы знаете Адама Мальдиса?» «Разумеется знаю, – ответил я, – причем как ученого и литератора, да и не раз приходилось встречаться с ним». «А хотите, – сказала, улыбаясь, она, – я вам

подарю его фотографию, на которой он не один, а в кругу друзей, рядом с моей тогда еще молодой бабушкой Ирэной Байэр. Дело было во время свадьбы в деревне Ольгиняны, и судя по рассказу бабушки, Адам явно проявлял к ней интерес. Так часто бывает на свадьбах, где молодые поют, танцуют, веселятся, знакомятся. Бабушке Адам тоже понравился – умный, веселый, городской, но дальше обычного знакомства их отношения не пошли». Взяв с благодарностью фотографию, я спросил: «А вам не жалко расставаться с этой фотографией»? Студентка ответила: «Я как-то об этом не думала. Бабушка совсем недавно умерла, ее фотографий у нас осталось немало. А эта, где она с Мальдисом, вам возможно, больше пригодится...». После этого разговора я по горячим следам сделал на обороте фотографии запись-пометку: «Островецкий район, д. Ольгиняны. 1950-е гг. После свадьбы в селе. Адам Мальдис и Ирэна Байэр. Фото подарено в 2002 г. (11 марта) студенткой Наталией Юркойть – внучкой Ирэны Байэр».

Отложив в сторону написание об Алексее Карпюке и его окружении, мне подумалось о том, что побудило меня взяться за данный сюжет? Признаюсь мотивация к этому была самой разнообразной, и все-таки на первом плане слова И. А. Карпюк и Н. Юркойть: – «...возьмите, может пригодится». Как видите – пригодилось: и люди, и время стали нам понятнее и ближе.

ГЛАВА 5.
О ЖЕРТВАХ БЕЗЗАКОНИЯ И ЗАГУБЛЕННЫХ ТАЛАНТАХ

5.1.Еще раз о жертвах революционного террора в Беларуси

Первая русская революция… Вот уже сто лет исполнилось этой российской драме, но все, что было написано и продолжает писаться об этом событии, по-прежнему напоминает кривое зеркало. Опять все тот же набор известных штампов о дореволюционной России, как очаге всякого гнета, и упоминание о «возглавляемой Николаем II горстке злодеев-помещиков с капиталистами, якобы сделавшей «положение народных масс невыносимым», и «объективный ход исторического процесса, с противоречиями и классовыми антагонизмами», вызвавший, по мнению ряда авторов, первую русскую революцию, и, конечно же, ее герои – «революционные рабочие и крестьяне», «дружинники Красной Пресни», «легендарный лейтенант Шмидт, в революционном порыве поднявший на реях крейсера ~~«О~~чаков" сигнал к восстанию». Ни больше – ни меньше. Тут же и отзвуки этих событий на Беларуси с традиционным подчеркиванием «революционизации народных масс», выступивших в ответ на «кровавую акцию царизма» с организацией митингов и демонстраций. При этом, как и прежде, везде замалчиваются подлинные причины революции, искажаются ее факты, а бывшие когда-то совестью и гордостью страны ее сыны, по воле недобросовестных историков, предстают перед нами, потомками, в качестве «реакционеров», а то и просто – «палачей-извергов».

На самом же деле многое в этой истории происходило совершенно по-иному. Прежде всего, Россия никогда не была тюрьмой народов», и вся жизнь страны управлялась на строгом основании законов. Россия была единственной страной, где для всех преступлений, рассматривавшихся общими судьями, отсутствовала смертная казнь. В первые годы XX века в стране легально и полулегально существовало более 100 партий и политических организаций различного толка. Экономическая мощь Российского государства, его значительные достижения во всех областях науки и культуры вызывали восхищение многих иностранных исследователей и специалистов. Разумеется, в Российском государстве, как и в других странах, имелись и свои нерешенные проблемы (аграрный и рабочий вопросы), но все они могли быть успешно решены в рамках существовавшей тогда политической системы. Увы, история распорядилась по-иному.

Чтобы понять причины этой и всех последующих русских смут, следует обратить внимание на основное зло российской жизни – глубокую рознь между властью и значительной частью образованного общества. Трудно найти в российской истории другой слой населения, который бы ругал больше все свое родное, как это делала тогдашняя интеллигенция. Привыкшая к безденежью,

нахватавшаяся верхов западноевропейской культуры, она с молодых ногтей впитывала пренебрежительное отношение ко всему отечественному. Отсюда рабское копирование всего заграничного. Все это радикальная интеллигенция сразу же превращала в объект слепого поклонения. На основе всей этой мешанины выдумывались «отечественные учения», призванные облагодетельствовать простой народ. В действительности же не было слоя более далекого от народа, чем она. Эта толпа поверхностно образованных людей целиком ушла в политику, а политика в их понимании заключалась в упорном расшатывании всего, что было в России. Старательно подталкивал Россию к революции и быстро крепнущий еврейский капитал. Большой вред наносила студенческой молодежи либеральная профессура. Тема особого разговора – позиция православного духовенства. Помимо истинных поборников благочестия, среди них было немало и таких деятелей, которые увлеклись социалистическими идеями и также ушли в политику.

В большинстве исторических работ давно принято связывать начало первой русской революции с событиями 9 января 1905 года, «кровавым воскресеньем» – самой загадочной провокацией российской истории. Вместе с этим совершенно не придается должного значения другому событию – состоявшемуся в ноябре 1904 года в Петербурге земскому совещанию – либеральному сборищу, выступившему с требованием отмены самодержавной власти, явившемуся наглым вызовом самому Николаю II-му. Это был первый пробный шар организаторов русской революции. И он попал в цель. Упиваясь собственной «смелостью» и безнаказанностью, либеральные краснобаи исподволь готовили по всей стране выступления – одно бестактнее другого. В конце ноября 1905 года начались крикливые уличные демонстрации… Требования «свободы слова», «свободы собраний», «свободы союзов» и других «свобод» вскоре вылились в волну неслыханных насилий, воровства, грабежей и убийств. Все это сопровождалось глумливым поношением всего русского и полной безнаказанностью главных организаторов беспорядков и убийств.

В событиях 1905–1907 годов принимали участие различные оппозиционные партии. Несмотря на несхожесть своих программных установок, все они надеялись на развал многовековой русской Империи. Генералами этой революции, революционерами в модных перчатках, были кадеты; всю же черновую работу (забастовки, грабежи, мятежи) взваливали на себя эсеры, анархисты, большевики и др. В 1905 году по стране, словно моровое поветрие, прокатилась волна аграрных беспорядков. Все происходило по одной и той же схеме. Сначала среди крестьян появлялись революционные агитаторы. Начинались «задушевные» беседы. Затем откуда-то появлялась в большом изобилии водка. «И чего вы ждете? – подучивали захмелевших мужиков –н~~н~~ародные доброхоты”. – Идите и берите господское добро. Все равно оно скоро вашим будет!». И начинался погром помещичьего имения. Пылали дома, сады, усадьбы. Уничтожался домашний скот. Убивали помещиков и управляющих. Зато «революционные гуманисты», ликуя, потирали от

удовольствия руки. За 1905–1906 годы по стране было сожжено и разграблено 2000 усадеб.

То тут, то там вспыхивали забастовки и вооруженные мятежи. Подняла голову уголовщина. В октябре 1905 года была спровоцирована всеобщая политическая стачка. В ряде крупных городов произошли военные бунты. В декабре в Москве началось печально известное Декабрьское вооруженное восстание. Огромная держава постепенно погружалась во тьму…

Но организаторы революции просчитались. На защиту существующего государственного строя выступило крестьянство, довольно быстро разобравшееся, кто же все-таки его подлинные недруги. Не поддержали революционеров и квалифицированные рабочие. Нерушимой стеной на пути разрушителей России встал «Союз Русского Народа» и другие патриотические партии. Получив настоящий отпор, видя, что все их планы бесславно провалились, революционеры всех мастей объявили правительству «партизанскую войну». Вся эта война состояла из взрывов, подлых и трусливых убийств из-за угла, расправ с лично неугодными людьми. «Герои революции» нападали на отдельных городовых, часовых, патрулей, часто стреляли в спину, и… пускались наутек.

В исторических работах последнего десятилетия немало написано о красном терроре времен гражданской войны и о репрессиях 30-х годов, но почему-то почти никто серьезно не задумывался о последствиях красного террора 1905– 1907 годов. «Подсчитал ли кто-нибудь и доложил ли Царю, сколько всего жертв погибло с января 1905 года, благодаря политике доверия князя Святополк-Мирского, и своевременной политике заигрывания с вождями революции, – писал 3 января 1907 года в журнале «Русское Знамя» Павел Федорович Булацель. – Известно ли вам, что с февраля 1905 года по ноябрь 1906 года включительно убито и тяжело ранено генерал-губернаторов и градоначальников – 67; исправников, приставов и околоточных – 315; полицмейстеров и их помощников – 57; городовых – 347; офицеров охранного отделения и жандармского корпуса – 47; нижних жандармских чинов – 95; агентов охранной полиции – 74; армейских и гвардейских офицеров – 124; нижних чинов армии и гвардии – 382; чиновников гражданского ведомства – 215; духовных лиц – 53; представителей сельских властей – 68; земледельцев – 73; фабрикантов, заводчиков и высших служащих – 117; купцов и директоров разных обществ в Юго-Западном и Варшавском округе – 72; простых рабочих, крестьян и людей без определенных профессий убито частью самими революционерами, частью во время столкновений революционеров с войсками и черносотенцами, всего – 32 706 человек» [41].

В этой скорбной сумме чисел есть и гродненские жертвы революционного террора. Только в одном г. Белостоке Гродненской губернии в течение полугода, с февраля по август 1905 года, из состава городской полиции были убиты революционерами: исправник Ельчин, городовые Мизгер и Барцевич; тяжело ранены – полицмейстер Пеленкин, его помощник Губский, полицейские приставы Жолткевич и Самсонов, околоточный надзиратель

Савицкий; дважды были ранены городовые Карпов, Григен, Поповский и Ткачук. Всего за этот период в Белостоке было убито и ранено 11 полицейских чинов, причем в 7-ми случаях орудием преступления были разрывные снаряды (бомбы), а в остальных – револьверные пули. В подлинную демонстрацию патриотических сил превратились похороны убитого 8 апреля 1905 года в Белостоке донского казака Антона Лопатина.

Данные потери со стороны чинов полиции г. Белостока вызвали объявление этого города 7 сентября 1905 года на военном положении. С этого времени преступные посягательства на полицию в городе почти совершенно прекращаются, ибо за этот период, т. е. с момента введения в городе военного положения и до дня его отмены, 1 марта 1906 года, в Белостоке было совершено всего лишь одно убийство городового Монюшко. Однако уже день фактического снятия здесь военного положения, 4 марта, был ознаменован убийством на Суражской улице, буквально в центре города, помощника пристава Кульчицкого и ранением пристава Райского. Через три дня, 18 марта осколками брошенного в канцелярию Белостокского жандармского управления разрывного снаряда был убит жандармский унтер-офицер Рыбинский и ранены два унтер-офицера того же ведомства – Сыколевич и Гуз; после чего до конца мая 1906 года, кроме 9-ти случаев неудавшихся покушений на жизнь чинов Белостокской полиции, был убит еще городовой Шейман и ранены двое городовых – Зиновьев и Алексейчук, а также пять нижних чинов 61-го пехотного Владимирского полка, несших в городе охранную службу. Всего же с начала марта и на конец мая 1906 года, т. е. на протяжении трех месяцев, в городе было убито и ранено – 13 человек.

В действиях революционеров и их главарей было много обыкновенной уголовщины. И это неудивительно, ибо, едва зародившись, подпольные кружки и организации сразу же превращались в какие-то замкнутые ордена-касты со своим нигилистическим отношением ко всяким нравственным принципам, подчас граничащим с полным цинизмом. Люди, попавшие в революционные кружки, были обречены. Вероотступника ждала жестокая кара. Убийцу ради якобы высоких целей часто напутствовали словами: «…или убьешь ты, или будешь убит сам».

В годы революции обычной забавой либеральной молодежи стало выкалывание глаз на царских портретах и их уничтожение. Весной-летом своего максимального развития достигли экспроприации – грабежи с политическими целями. Деньги, награбленные в банках, почтовых конторах, почтовых вагонах, торговых предприятиях и т. д. шли на содержание революционеров (так как даже на хлеб они себе не зарабатывали), на покупку оружия, боеприпасов и на социалистическую пропаганду. В основном политическими убийствами и разбоями на Гродненщине занимались анархисты, бундовцы, социал-революционеры и деятели ППС на Литве.

Сразу же после снятия военного положения в г. Белостоке здесь произошло 10 случаев разбойных нападений вооруженных революционеров-анархистов на частных лиц, а также на их жилье и торговые заведения. Также

имели место: два случая-покушения на убийство собственника завода и владельца ремесленной мастерской, один случай-убийство мастера крупного механического завода, два случая вымогательства денег на революционные цели под угрозой убийства. Имели место 6 случаев бросания разрывных бомб-снарядов в квартиры представителей местной фабричной промышленности, из которых в трех случаях этими взрывами, кроме материального ущерба, были причинены и телесные повреждения проживавшим в этих квартирах лицам. Всего же с 1 марта по 1 июня 1906 года в двух следственных участках Белостокского уезда, в которые входил г. Белосток, было заведено 45 дел об зафиксированных террористических актах.

Все эти преступные деяния революционеров с провоцируемыми ими забастовками на фабриках и заводах не только нарушали нормальное течение жизни в городе, но и вызывали озлобление к себе со стороны солдат местного гарнизона, вынужденных, кроме своих военных обязанностей, нести еще тяжелую и опасную службу по охране города. На пополнение убыли чинов Белостокской полиции в город приходилось с большим трудом командировать из других мест Гродненской губернии лиц, которые мало были осведомлены об условиях службы, вследствие чего шел процесс дезорганизации состава местной полиции.

Особенно накалило обстановку в городе убийство среди белого дня револьверными выстрелами на Суражской улице из толпы молодых евреев Белостокского полицмейстера Деркачева, «пользовавшегося расположением всего населения города». Вслед за убийством Деркачева из среды революционеров стали циркулировать слухи о предстоящем в городе еврейском погроме, который якобы приурочивался к 1 июня 1906 года – ко дню шествия по городу православного крестного хода по случаю празднования воссоединения униатов с Матерью-Церковью и католической процессии по случаю праздника «Тела Божия». С целью предотвратить нагнетавшуюся революционерами панику среди местных евреев, замещавший убитого полицмейстера исправник Шереметов в переговорах с их представителями сделал все возможное для снятия среди евреев опасного напряжения, но безрезультатно.

30 мая 1906 года Белостокское еврейское общество отправило свои особые депутации в г. Гродно к губернатору В. К. Кистеру и к начальнику Белостокского гарнизона генерал-лейтенанту фон Бадеру с ходатайством об принятии мер по недопущению ожидаемого евреями на 1-е июня погрома. Однако полученные означенными депутациями успокоительные ответы последними были признаны недостаточно убедительными, а потому еврейское общество начало принимать против погрома свои меры. Эти меры, кроме массового выезда 30 и 31 мая из Белостока по железной дороге и на лошадях пожилых евреев с семействами в близлежащие местности, нашли свое выражение в организации в городе и его окрестностях в те же дни «вооруженной еврейской самообороны». Иногородние участники означенной самообороны начали съезжаться в Белосток в те же числа в таком количестве,

что это не могло не обратить на себя внимания даже посторонних наблюдателей. Массовый выезд участников «самообороны» в течение двух дней наблюдал на станции Гродно местный полицмейстер Генисаретский, посчитавший необходимым тотчас же доложить об этом губернатору Кистеру. Необычайный наплыв еврейской молодежи «в черных рубашках» (отсюда и пошло в городе их название «чернорубашечники») наблюдалось и на станции Белосток.

На основании распространившихся по городу слухов о возможных погромах в городе, а также исходя из результатов визуальных наблюдений, губернское и городское начальство распорядилось об усилении в городе на 1 июня нарядов войсковых патрулей. Равным образом, и местная полиция в ожидании большого стечения в этот день богомольцев-православных и католиков, со своей стороны, принимала меры предупреждения могущих возникнуть беспорядков. Независимо от этого полицмейстер Радецкий, заменивший по распоряжению губернатора в эти же дни временно исполняющего обязанности главного полицейского начальника Федосова, заранее договорился с православным и католическим духовенством, чтобы во избежание толчеи процессия из костела выступила через полчаса после выхода из собора православного хода.

Несмотря на все принятые меры, 1 июня 1906 года оказалось достаточно небольшой искры, чтобы в городе начались беспорядки, переросшие в погромные действия по отношению к еврейскому населению. Существует мнение, что в качестве первопричины к ним явилась паника среди участников католической процессии, после того, как лошадь одного из извозчиков, стоявших около тротуара, чего-то испугавшись, вдруг понеслась на стоявший возле костела народ, причем при переезде через бордюр она произвела колесами экипажа звук, подобный взрыву бомбы. По другим сведениям, кому-то показалось, что в толпу была брошена бомба или петарда. Вслед за этим из домов Каплана на Немецкой улице и Городища на Базарной улице раздалось несколько револьверных выстрелов. Чтобы предупредить православный крестный ход от угрожающей ему опасности в районе костела, крестьянин Антон Вильчинский побежал к нему навстречу. Его сообщение о происходящем около костела заставило остановиться головную часть крестного хода, все же остальные богомольцы продолжали двигаться вперед. Во время этого замешательства с балконов, окон и чердаков домов Рахитиса, Маковского, Фольмана и дома еврейского общества на Александровской улице была открыта по участникам крестного хода учащенная пальба из револьверов, а затем с балкона второго этажа дома Миловского «молодой мужчина и женщина в темной одежде бросили в толпу бомбу, разорвавшуюся среди участников хода…». Так вспыхнули события, вошедшие в историю как «Белостокский погром».

Не вдаваясь в детали данной трагедии, затронувшей практически весь город, необходимо подчеркнуть, что у истоков ее стояли революционеры-анархисты. Ими же были спровоцированы и погромные действия

ополоумевшей от паники и страха толпы; воспользовались этой ситуацией и уголовные элементы; не всегда продуманными и организованными были действия войск и полиции при устранении вспыхнувших беспорядков. В их ходе инициаторы вооруженной борьбы ощущали себя подлинными «героями», возобновляя своими выстрелами уже приведенные к спокойствию районы и улицы города к новым потрясениям. В результате вооруженных столкновений революционеров и анархистов с правительственными силами и осуществлявшими на фоне их погромными действиями с 1 по 3 июня 1906 года в г. Белостоке, как было установлено следствием, «было убито и умерло от повреждений, причиненных насилиями толпы, выстрелами еврейской самообороны, войск и полиции, призванных для прекращения беспорядков, 11 человек неевреев и 73 еврея; ранения получили 23 нееврея и 82 еврея; разгромлено 3 завода, 120 торговых помещений и 118 квартир, в том числе 11 не еврейских, всего, по оценке потерпевших, на сумму свыше 400 тысяч рублей» [29].

Расследование белостокской трагедии по горячим следам породило многочисленные инсинуации на политической, этнической и конфессиональной почве. «Обвинительный акт», составленный следственными органами, стремился объяснить погром «революционной деятельностью евреев, озлобившей прочее население города». Комиссия же Госдумы отвергала это: «никакой племенной, религиозной или экономической вражды между христианским и еврейским населением города Белостока не существовало», намекая, таким образом, на «происки правительства». Современные исследователи, включая и А. И. Солженицына, тем не менее, признают, что белостокские анархисты готовили в городе вооруженное восстание «во имя безгосударственной коммуны», а потому своей инициативой они стремились «ликвидировать… пассивное настроение масс». Однако еще и сегодня А. Д. Пейч вполне обоснованно называет Белосток этого времени «Колыбелью анархистского террора» [90а]. Отдельные авторы пишут так: «…погром был чисто военный. Войска превратились в погромщиков» [84].

Весьма своеобразно оценивает события в Белостоке С. М. Галай [28]. С одной стороны, для автора «остается нерешенный вопрос: на что надеялись власти, когда подстрекали к погрому и/или не предотвратили его?». С другой стороны, ему «представляется, что их действия (или бездействие) объяснялись главным образом желанием выместить на евреях все неудачи, постигшие их за два предшествующих года». Стремясь доказать, что белостокский погром был одной из причин роспуска Госдумы, активно критиковавшей правительство по еврейскому вопросу, автор в то же время проговаривается о том, что «известие о погроме дошло до Думы на второй день после его начала – к концу продолжительных дебатов, посвященных репрессивной политике властей и защите, оказываемой ими головорезам черной сотни». А это означает, что разыгравшаяся в Белостоке драма оказалась как бы приуроченной к этим самым дебатам. Все их участники (11 из 12 депутатов-евреев) в тот же день обратились в министерство внутренних дел к П. А. Столыпину с вопросом:

«Какие меры приняло министерство для защиты еврейского населения Белостока?», но их равно, как и незаконно направленных для проведения расследования на месте в Белосток депутатов (М. П. Араканцева, Е. Н. Щепкина, И. Н. Пустошкина – кадетов и трудовика В. Р. Якубсона) совершенно не волновал вопрос, что явилось первопричиной трагедии, кто спровоцировал ее. Прибегая к оценке числа жертв белостокского погрома с точки зрения «современных данных», а также двух основных источников (правительственное сообщение и отчет думской комиссии), С. М. Галай лишь вносит путаницу в этом вопросе, «еще более усиливаемую ссылкой на современных историков», полагающих, что «имущественный ущерб и число жертв вдвое превышали данные, указанные властями». Между тем, как существует «Обвинительный акт», составленный следственными органами для представления в Гродненский окружной суд, сведения из которого можно считать наиболее верными.

Как бы там ни было, но нельзя не признать, что события в Белостоке, как составная часть «революционизации масс», привели к большому пролитию крови, а красный террор продолжил свое шествие по Гродненщине. Активно подталкивали население к революции в губернском Гродно не только марксисты, но и также деятели Бунда и ППС на Литве. Один из активистов ППС Бронислав Шушкевич спустя годы так вспоминал о событиях 1905 года: «Где-то в апреле, по примеру других городов, у нас была создана боевая группа. В нее входило 16 человек. Задачи ее были те же, что и у остальных подобных групп: организация покушений, изыскание денежных средств на нужды организации, поддержание боевой готовности на случай погромов и т. д. Оружия имелось достаточно: 20 браунингов и много револьверов других систем. Оружие было доставлено заблаговременно из Пруссии при помощи Бориса Геца. Первая партия бомб, изготовленная нами, прошла успешные испытания в лесном массиве Пышки… Для того, чтобы поднять дух товарищей, боевая группа совершила нападение на водочный магазин в Лососно, а 180 рублей было отдано в комитет. Группа сделала две попытки покушения на полицмейстера Геннисаретского, но безрезультатно. При этом был ранен полицейский Грико и убит Вильчинский. Оружие с целью устрашения полиции применялось во время первомайской демонстрации, а также во время антирусской манифестации школьной молодежи под лозунгом: «Гродно – город польский». Здесь Генисаретскому было прямо сказано, что если он не уберется из города, то он будет убит...

О том, что эти слова были не простым звуком, свидетельствует статистика. Только на территории Гродненской губернии в годы первой русской революции в составе боевых групп ППС действовало 199 человек. Свои боевые группы здесь имели в Гродно, Бресте, Белостоке и другие партии. Наиболее крупным центром деятельности в губернии анархистов был Белосток, где насчитывались группа «Хлеб и свобода» в количестве 42 человек, ее небольшие ячейки существовали практически во всех городах. По мнению современных польских исследователей, наиболее чувствительным был террор анархистов на территории Виленской, Сувалковской и Гродненской губернии.

Только в последней (с января до октября 1905 года) было приведено в исполнение 23 смертных приговора [133]. И это только по самым общим подсчетам. Всеми же антиправительственными партиями их производилось здесь в несколько раз больше. «Свобода» добывалась большой кровью.

Жестокая революция 1905–1907 годов потерпела поражение потому, что в отличие от февраля 1917 года в рядах царской администрации и в личном окружении Николая II-го тогда еще нашлись люди, оказавшиеся на высоте своего служебного положения и положившие предел революционным бесчинствам. Мало кто из них умер своей смертью. В те годы назначение на высокую должность означало смертный приговор. Вот имена тех, кто собою заслонил великую Россию, дав ей еще десять лет нормального развития: адмирал Ф. В. Дубасов, генерал Г. А. Мин, петербургский градоначальник В. Ф. Лауниц, граф А. П. Игнатьев, генерал Д. Ф. Трепов, главный военный прокурор В.П.Павлов, московский градоначальник А. А. Рейнбот, генерал-адъютант В.В.Сахаров, барон А.Н.Меллер-Закомельский, адмирал Г. П. Чухнин и другие.

Падали, обливаясь кровью, и простые люди, верные своему долгу и присяге. Еще в 1907 году известный общественный деятель того времени Н. А. Павлов предложил соорудить в Москве памятник всем героям – мученикам долга, пострадавшим от «освободителей». «Пройдут годы, – писала газета ―Новое время", – и ореол, которым окружила кучка политических психопатов имена убийц, исчезнет. Вещи назовут своими именами, и в летописи революции отметят только толпу тупых фанатиков, лицемерных предателей и бессовестных искателей приключений. Не герои, а преступники – будет их имя. Они не освобожали Россию, а мешали ее свободе» [48, с. 50–72].

Конкретные усилия по увековечиванию памяти жертв революционного террора начали осуществляться патриотическими организациями страны лишь спустя три года после завершения революции.

В начале 1911 года «Русский Народный Союз имени Архангела Михаила» предпринял издание «Книги Русской Скорби» с портретами и описанием жизни и мученической кончины чинов полиции – «доблестных воинов родины, павших от рук крамольников». 28 апреля 1911 года редакционная комиссия по изданию данной книги с целью увековечивания памяти возможно большего числа убитых русских людей обратилась ко 2-му делопроизводству департамента полиции, а директор его С. Белецкий к гродненскому губернатору В. Н. Шебеко с ходатайством «об оказании содействия к представлению указанной комиссии фотографических карточек и кратких биографий чинов администрации, павших жертвами долга». В предписании означалось, «что означенная книга должна стать настольной книгой каждого полицейского управления, чины которого смогут почерпнуть в ней новые силы к продолжению по стопам убитых героев своей трудной, но доблестной службы на пользу дорогой нам родины». Прося о сердечном участии губернатора в данном деле, департамент полиции заверял, что при оперативном доставлении в редакционную комиссию необходимых материалов «означенная книга будет напечатана в самое непродолжительное время».

За выполнение означенного поручения взялось Гродненское губернское правление в лице его старшего советника В. В. Ярошенко, который тотчас же (13 мая) затребовал от всех полицмейстеров и уездных исправников присылки в губернское правление всех необходимых материалов. Первыми откликнулись уездные исправники Бельского, Сокольского, Брестского и Волковысского уездов, заявившие, что «чинов полиции, павших от рук крамольников жертвами долга, во вверенных им уездах и полиции не было». Однако из других мест губернии вскоре стали поступать сведения, весьма заинтересовавшие издателей книги.

17 мая 1911 года Гродненское полицейское управление представило биографические сведения об убитых в 1906–1907 годах чинах полиции с фотографическими карточками (на околоточного надзирателя Таврeля и городового Карпука, на остальных убитых карточек найдено не было). Из полученных материалов следует, что первой жертвой революционеров в г. Гродно стал околоточный надзиратель Семен Семенович Козел. Родился он 22 июля 1877 года в д. Олексичи Деречинской волости Слонимского уезда, православный, холост, образования домашнего. В военную службу был принят охотником (добровольцем. – *В. Ч.*) 9 сентября 1897 года в унтер-офицерский учебный батальон, после окончания обучения в котором был назначен на службу в 100-й Островский полк, в составе которого в звании фельдфебеля участвовал в русско-японской войне. 22 февраля 1905 года в сражении под Мукденом был ранен. Награжден знаком отличия Военного ордена 4 ст. После увольнения от военной службы был определен околоточным надзирателем г. Гродно 1 сентября 1906 года. «Служил ревностно и честно. Убит крамольниками 10 мая 1906 года во время ночного обхода улицы Мостовой сзади неизвестными лицами, стрелявшими залпом. С. С. Козел умер на месте от внутреннего кровотечения от пули, застрявшей под покровами живота».

24 августа 1906 года во время недопущения на Соборной площади сборища бунтовщиков был убит из револьвера одним из крамольников городовой Степан Иванович Карпук. Погибший родился 2 августа 1857 года в д. Глубокой Муравьевской волости Пружанского уезда, из крестьян, православный. По призыву 1878 года был принят на военную службу и зачислен в 103-й пехотный Петрзаводский полк и состоял в нем на сверхсрочной службе по 20 сентября 1889 года. После чего был определен городовым в городской полиции (28 июня 1890 года), в которой беспрерывно служил до дня своей гибели. За время службы в полиции был награжден медалью за 5-летнюю службу в полиции, получал прибавку к жалованью (1/4 оклада) за службу в полиции сроком свыше 7 лет. После С. И. Карпука осталась вдова и трое детей в возрасте 12–20 лет.

11 января 1907 года во время преследования крамольников во главе с Фридманом были убиты следующие чины городской полиции: околоточный надзиратель Матвей Фомич Таврель, городовые Никифор Николаевич Селезнев и Франц Осипович Новик. М. Ф. Таврель, имевший чин губернского секретаря, родился 20 октября 1862 года в селе Шембелевцы Сувалковской губернии, из

крестьян, православный. 17 ноября 1883 года по призыву был принят на службу и зачислен в 79-й пехотный Куринский полк, в котором дослужился до звания фельдфебеля, а 29 сентября 1888 года уволен в запас. Образования в учебном заведении не получал, но выдержал экзамен в знании курса уездного училища. Поступил на службу городовым городской полиции 4 мая 1890 года и 25 сентября 1896 года был назначен околоточным надзирателем. После него осталась вдова и четверо детей в возрасте 3–16 лет.

Н. И. Селезнев родился 6 августа 1880 года в селе Кузьминском, той же волости, Липецкого уезда Тамбовской губернии, из крестьян, православный. По призыву 1902 года служил в 102-м пехотном Вятском полку, откуда был уволен в запас 31 августа 1906 года. 15 сентября 1906 года поступил на службу в Гродненскую полицию. Был холостым.

Ф. О. Новик родился 18 декабря 1879 года в селе Шимковском, той же волости Волковысского уезда, из крестьян, католик. По призыву 1901 года был принят на службу в 161-й пехотный Александропольский полк, откуда был уволен в запас 1 июля 1906 года. Участвовал в русско-японской войне. 23 августа 1906 года поступил городовым в городскую полицию. Был холостым. Убитые полицейские были похоронены: Ф. О. Новик в родном селе, а М. Ф. Таврель и Н. И. Селезнев в Гродно, на старом православном кладбище. Весьма драматичным представляется при этом следующий факт: неподалеку от могил М. Ф. Тавреля, Н. И. Селезнева, а также жандармского офицера А. Н. Грибоедова и начальника Гродненской тюрьмы А. П. Сибирякова похоронен и студент Санкт-Петербургского университета Антон Левицкий, ставший жертвой кровавых событий 9 января.

24 мая 1911 года в Гродненское губернское правление поступили запрашиваемые материалы («Биографические сведения о полицейском учреждении Гродненского уезда Осипа Максимовича Анхим-Ольшевича, убитом революционерами 25 июля 1906 года») от местного исправника Н. И. Бюффонова. В них, в частности, сообщалось, что «О. М. Анхим-Ольшевич происходил из крестьян Юшковской волости Волковысского уезда Гродненской губернии; родился он в 1984 году. На действительной военной службе состоял в 142-м пехотном Звенигородском полку, откуда вышел в запас со званием старшего писаря. 13 декабря 1905 года он был назначен пешим стражником в Скидельский пеший отряд, а в апреле 1906 года – на должность фабричного полицейского урядника в м. Кринки Гродненского уезда, где на кожевенных заводах и мастерских находилось 1500 рабочих и ремесленников, главным образом евреев, принадлежащих к разным противоправительственным партиям. Урядник Анхим-Ольшевич, будучи предан долгу службы, ревностно исполнял свои служебные обязанности и всеми мерами преследовал революционеров. Он лично на месте преступления задержал рабочего Фридмана, бросившего разрывной снаряд в еврейскую молитвенную школу в м. Кринках, где совещались местные жители, принадлежащие к партии правого порядка. За все это революционеры страшно ненавидели его. 24 июля 1906 года Анхим-Ольшевич в качестве важного свидетеля по делу о разбойном нападении

кринских рабочих на дом священника в селе Шудзялова Сокольского уезда был вызван к судебному следователю г. Соколки. После выхода от последнего он был окружен шестью молодыми евреями и из револьверов тяжело ранен в живот и шею. В бессознательном состоянии он был доставлен в Уяздовский военный госпиталь в г. Варшаве, где 25 июля и умер. Похоронен на Варшавском кладбище. Фотографической карточки его не имеется. Покойный был холост».

8 июня поступили в губернское правление от Белостокского уездного исправника три карточки убитых полицейских чинов: урядника Чекеля и стражников Ерошенко и Рыбника, а также «биографические сведения об их жизни и мученической кончине». Фотографий в деле не имелось. Из указанных сведений следовало, что «Яков Степанович Чекель, урядник полицейской стражи Белостокского уезда, происходил из крестьян дер. Кудричи Кринской волости Гродненского уезда, от роду имел 47 лет, вероисповедания православного, холост. До призывного возраста жил при родителях, занимался хлебопашеством; в 1880 году был принят на действительную военную службу, по окончании которой поступил в полицию. В должности урядника в уездной полиции состоял около 11 лет, а затем по упразднении должности полицейских урядников в 1905 году был переведен в урядники полицейской стражи, в каковой должности прослужил около двух лет. Пал жертвой служебного долга от рук политического убийцы при следующих обстоятельствах. 15 февраля 1907 года, около 10 часов утра, в местечке Тростянах Белостокского уезда к уряднику Чекелю, возвращавшемуся из местного почтово-телеграфного отделения по делам службы, внезапно подбежал крамольный изверг – еврей и несколькими выстрелами из револьвера в затылок убил его наповал, а сам с места преступления скрылся. Было установлено, что до момента совершения им преступления он находился в квартире еврейки Арды – ярой революционерки, которая находилась в сообществе с убийцей. И хотя последняя пыталась направить полицию по ложному следу в его поисках, убийца был обнаружен в Варшаве и уличен в злодейском преступлении свидетелем – мальчишкой-подмастерьем, бывшим очевидцем убийства. Убийца был предан военному суду и понес заслуженное наказание. Медико-полицейским вскрытием констатировано, что уряднику Чекелю преступником было нанесено четыре пулевых раны: 1-я – в затылок (пуля вышла под левым глазом); 2-я – в спину (пуля вышла через легкие навылет); 3-я – в правый висок (пуля прошла через мозг навылет); 4-й выстрел (пуля оказалась в колене) был произведен тогда, когда Чекель уже находился в неприжизненном состоянии. Могила урядника Чекеля Я. С. находится в г. Кнышине Белостокского уезда. Она украшена памятником с надписью: «Дорогому брату и сослуживцу Я. С. Чекелю, погибшему от рук крамольника при исполнении обязанностей службы». Телу покойного были отданы надлежащие воинские почести.

7 апреля 1909 года «пали от рук политических убийц полицейские чины Белостокского уезда И. Н. Еременко и Б. М. Рыбник. Иван Николаевич Еременко, старший стражник 4-го Белостокского конного отряда, происходил

из крестьян Черниговской губернии Соловской волости, села Олейникова. Родился он 31 января 1881 года; до призывного возраста жил на родине, занимаясь хлебопашеством. 6 ноября 1902 года он был принят на действительную военную службу и зачислен в 6-й эскадрон 11-го драгунского Харьковского полка. После окончания полковой учебной команды он был произведен во взводные унтер-офицеры, а также награжден серебряными часами с портретом Государя Императора. За участие в подавлении смуты во время русско-японской войны он был награжден также серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердную службу». 10 декабря 1906 года был уволен в запас армии, а 15 декабря того же года поступил на службу младшим конным стражником в 4-й Белостокский отряд. За воинскую решимость и честное исполнение обязанностей службы 1 мая 1907 года он был произведен в старшие конные стражники. Своим добрым и незлобливым характером он располагал к себе подчиненных, что немало облегчало их тяжелую службу в разгар политической смуты. 7 апреля 1909 года преступная рука выстрелом из-за угла сразила этого честного воина на своем служебном посту, оставив осиротевшую семью, состоящую из жены и ребенка.

Тело покойного Еременко опущено в могилу на местном православном кладбище под прощальный салют товарищей по службе и при прочувственных словах священника. На могиле покойного поставлен на средства сослуживцев памятник, на котором имеется следующая надпись: «Пал от руки крамольника 7 апреля 1909 года при исполнении служебных обязанностей. Незабвенному И.Н. Еременко от сослуживцев 4-го конного Белостокского отряда».

Бронислав Михайлович Рыбник, младший конный стражник 4-го Белостокского отряда, происходил из крестьян д. Катринки Обрубниковской волости Белостокского уезда Гродненской губернии. До призывного возраста жил при родителях, занимавшихся хлебопашеством. Родился он 26 октября 1874 года, исповедания римско-католического. Военную службу отбывал в 3-м резервном артиллерийском парке. После увольнения в запас в чине старшего фейерверкера поступил на службу в полицию, которую начал с 1 января 1907 года в должности младшего конного стражника 4-го Белостокского отряда. Б. М. Рыбник отличался усердием по службе и по своему кроткому характеру пользовался любовью и уважением среди товарищей. Пал жертвой служебного долга от руки убийцы-крамольника при следующих обстоятельствах. 6 апреля 1909 года Белостокским сыскным отделением был задержан один из пяти участников разбойного нападения на контору фабрики Цитрона в селении Супрасль Белостокского уезда, где ими была ограблена касса и убит фабричный мастер Ланге, который тотчас же был препровожден в Белостокское уездное полицейское управление для установления степени его виновности. Этого преступника конвоировал на коне стражник Рыбник. Во время следования по г. Белостоку, на улицах Белосточанской и Полесской по стражнику открыли стрельбу из револьверов трое крамольных убийц из евреев, свалив его с лошади. По доставлении Рыбника в окружную лечебницу он, не приходя в сознание, скончался 7 апреля 1909 года, в 12 часов дня, оставив

после себя жену и двух малолетних детей. Тело покойного Рыбника предано земле на местном римско-католическом кладбище при прощальном салюте товарищей. На могиле сооружен на средства 4-го Белостокского конного отряда памятник с надписью: «Младший конный стражник 4-го Белостокского отряда Б. М. Рыбник. Убит крамольниками 7-го апреля 1909 года. От товарищей и сослуживцев доброму другу».

В материалах, присланых 31 мая 1911 г. от Брестского полицмейстера, кроме биографических сведений о чинах полиции, убитых в 1905–1906 годах в г. Бресте, имелись и их фотографические карточки (такие же были посланы в редакционную комиссию в Петербург). Сведения, полученные из Бреста, были составлены в хронологическом порядке.

«1. Старший городовой Феликс Мартышевский. 26 августа 1905 года, в 10 часов вечера, старший городовой Брестской городской полиции Феликс Мартышевский, проходя по делам службы по Мясной улице, услышал за собой тихие губные свистки. Не обратив на них внимания, он пошел дальше и не доходя до Збириговой улицы, встретил неизвестного человека, который на расстоянии 2–3 шагов выстрелил в него два раза из револьвера, после чего городовой упал, обливаясь кровью, а неизвестный успел скрыться. На крик раненого собралась толпа евреев, отнесшаяся безучастно к истекающему кровью полицейскому. Подоспевшие вскоре к месту происшествия помощник пристава Воропаев и городовой Кучинский подобрали раненого и доставили в городскую больницу, где ему была оказана первоначальная помощь, но затем ввиду серьезности ранений он был переведен в частную хирургическую лечебницу доктора Шульца. Однако, несмотря на все усилия последнего, 30 августа Мартышевский скончался. Он имел три раны в лицо и шею. Похороны состоялись 1 сентября при участии всех чинов городской полиции, представителей городского общественного управления во главе с городским головою А. А. Маймейскулом и огромного количества народа. Траурное шествие от местного римско-католического костела до кладбища сопровождал оркестр военной музыки и взвод почетного караула от местного гарнизона. Перед опусканием гроба в могилу деканом о. Павлом Станкевичем было произнесено глубоко прочувственное слово, многие из присутствующих плакали.

Ф. Мартышевский родился 22 ноября 1856 года, происходил из крестьян Мстибовской волости Волковысского уезда, служил в 103-м пехотном Петрозаводском полку. Был уволен в запас ефрейтором в 1882 году. На службу в полицию поступил младшим городовым, 10 марта 1904 года и в июле месяце того же года назначен старшим городовым. По службе отличался особой способностью к сыскной части, задерживая во многих случаях преступных лиц, за что неоднократно награждался начальством. Покойный оставил жену и троих малолетних детей.

2. Помощник пристава, губернский секретарь Александр Дмитриевич Тер-Оганесов. 7 мая 1906 года, около 10 часов вечера, в проходившего по Шоссейной улице г. Бреста помощника пристава Тер-Ованесова из толпы,

гулявшей на бульваре еврейской молодежи, неизвестным злоумышленником был произведен выстрел из револьвера, которым Тер-Оганесов оказался убитым наповал. Бывшая на бульваре публика моментально разбежалась, скрыв в своей среде преступника, который из-за темноты остался незамеченным. Местной еврейской среде Тер-Ованесов был в особенности ненавистен за его неприятие их недозволенных сборищ. О готовящемся на него покушении покойного неоднократно предупреждали, но он не обращал на это внимания и по-прежнему добросовестно нес свою службу. Торжественные похороны покойного состоялись 10 мая на православном кладбище.

А. Д. Тер-Оганесов происходил из дворян Эриванской губернии. Родился он 3 августа 1874 года. Учился в Бакинском реальном училище и выдержал экзамен на звание вольноопределяющего в Финляндском кадетском корпусе. По выходе в запас был канцелярским служителем Тифлисского губернского правления, 29 июня 1894 года назначен помощником пристав г.Эривани. В 1900 году перешел на службу в Гродненскую губернию. Служил помощником пристава г. Гродно, а с 21 декабря 1904 года перешел на эту же должность в г. Брест. После покойного осталась вдова и сын Сергей 8 лет.

3. Начальник Брестской тюрьмы, коллежский регистратор Семен Александрович Дружиловский. 25 июля 1906 года, в половине десятого часа вечера, пал жертвой служебного долга начальник Брестской тюрьмы С. А. Дружиловский. В этот день, окончив вечером проверку арестантов, он вышел по своим личным делам в город. На обратном пути, недалеко от того места, где два месяца тому назад был убит помощник пристава Тер-Ованесов, неизвестный злодей выстрелил ему сзади, почти в упор, в затылочную часть головы, убив Дружиловского наповал. Все это произошло на глазах немногочисленной еврейской публики, которая поспешила разбежаться, и преступник оказался невыясненным. С. А. Дружиловский состоял в должности начальника тюрьмы немногим более полугода, но за это время успел навести в тюрьме строго законные порядки и режим, расшатанный при его предместнике. Тогдашний контингент тюрьмы в большинстве своем составляли т. н. «освободители». Им-то, вероятно, и пришлась не по душе такая деятельность начальника, почему и приняты были меры по его «устранению». Похороны С. А. Дружиловского прошли торжественно со всеми военными почестями.

Дружиловский родился 27 мая 1869 года в семье священника Гродненской губернии. На службу в полицию поступил 14 мая 1899 года. Вначале служил околоточным надзирателем, а с 9 августа того же года – помощником пристава г. Бреста. 7 января 1906 года был назначен начальником тюрьмы. После покойного осталась вдова».

Террор в отношении чинов полиции коснулся и небольших городов. Вот что сообщал о нем Слонимский уездный исправник: «12 марта 1906 года, в воскресенье, в полдень в г. Слониме был убит ночной стражник Альбертинского отряда полицейской стражи Слонимского уезда Алексей Петрович Болвин. В этот день, сменившись с поста, он шел со своей женой по улице при базаре. Внезапно выскочившие из глухого переулка несколько

молодых евреев на виду у массы народа (день был базарный) выстрелили залпом из револьвера в спину Болвина. Уже раненый, он выхватил револьвер и повернулся к нападавшему, но в это время уже другие злоумышленники еще несколько раз выстрелили в него. Одна из пуль пронзила сердце. Пораженная происшедшим, жена Болвина без чувств упала рядом с ним. В общей суматохе, вызванной выстрелами, убийцы успели скрыться с места злодеяния, но 13 марта ночью трое из них – Шухатович, Осаковский и Швар – были арестованы и уличены в этом преступлении. Виленский военно-окружной приговорил их к смертной казни, замененной затем 20-летней каторгой каждому. Характерно то обстоятельство, что перед рассмотрением этого дела жену Болвина евреи угрозами принуждали отказаться от показаний против убийц мужа, лица которых она сразу узнала и указала среди иных других арестованных при розыске. К разбору дела явились со стороны обвиняемых 58 свидетелей, в том числе даже одна крестьянка, чтобы доказать невиновность обвиняемых, несмотря на наличие неопровержимых улик против убийц. Настолько сильна была солидарность тех, кто способен нападать только из-за угла и стрелять только в спину…

Болвин выделялся среди сослуживцев своим усердием и толковостью, неутомимостью и безбоязненностью, полным пониманием своего служебного долга. Неся службу постового в пору беспорядков 1904–1905 годов, он решительно не допускал сборки бундовцев, социал-революционеров и социал-демократов, состоявших преимущественно из еврейской молодежи, разнузданных хулиганов, подстрекаемых вышеназванными революционерами. Были случаи, когда Болвину, окруженному толпой бесчинствующей молодежи и требовавшему, чтобы она разошлась, – пригрозили револьвером. Но он в тот же миг выхватил шашку и нанес ею удар плашмя угрожавшему. Толпа нахальная только перед нерешительными людьми, но всегда трусившая перед действительным мужеством, моментально разбежалась. За три дня до покушения евреи прямо ему сказали, что он будет убит. После этого жена умоляла его уехать из Слонима, но Болвин решительно отверг эти просьбы.

Жена Болвина живет в Слониме, получая пенсию в 10 руб. в месяц. Детей покойный не имел».

Вечером 8 января 1906 года, когда старший полицейский городовой г. Ошмян Адольф Вишняк проходил по одной из улиц, на него напали шестеро революционеров и нанесли ему семь огнестрельных ранений. Изнемогая от боли и истекая кровью, Вишняк упал на мостовую, и в это время ему была нанесена рана в шею. Преступники безнаказанно скрылись, а городовой от полученных ран получил туберкулез легких и умер в возрасте сорока лет 1 августа 1907 года. После покойного остались жена и двое детей. Адольф Осипович Вишняк происходил из крестьян Сальской волости Ошмянского уезда, был католического вероисповедания. До службы городовым служил фельдфебелем в Лебедянском резервном батальоне. В 1893 году Вишняк уволен в запас, после чего работал на собственном хозяйстве. В 1899 году он поступил на службу старшим городовым г. Ошмяны. В исполнении своих

служебных обязанностей отличался исключительной ответственностью и добросовестностью. Особое усердие он проявлял в годы политических потрясений 1905–1906 годов «в деле преследования опасных лиц революционных партий». Такая преданность служебному долгу подталкивала местных революционеров к решению избавиться от Вишняка, как «опасного для себя правительственного агента».

19 сентября 1907 года в Пружанской городской больнице после тяжелого ранения скончался урядник Пружанского уезда Гродненской губернии Тихон Иванович Омельчук. Смертельное ранение он получил 17 сентября от злоумышленников во время их розыска, связанного с ограблением усадеб помещицы Сенковской и священника села Мурова протоиерея Теодоровича. Т. И. Омельчук родился в селе Ревятичи Пружанского уезда. В 1893 году он поступил на службу в 142-й пехотный Звенигородский полк. Прослужив в полку писарем старшего разряда, Омельчук в 1897 году был уволен в запас, а 1 октября того же года поступил в полицейские урядники Пружанского уезда.

Аграрные беспорядки, спровоцированные революционерами, а затем последовавшие вслед за ними грабежи и разорения усадеб, застигли урядника Омельчука при исполнении служебных обязанностей. Вечером 12 сентября злоумышленники под угрозой смерти забрали у хозяйки имения Сенковской несколько сот рублей и несколько ценных предметов. В ночь того же числа они изъяли у священника Теодоровича небольшую сумму денег копейками, серебряные часы, старый пистолет и негодный к употреблению револьвер. На следующий день некоторые из участников этих ограблений были задержаны, поиски других продолжались. 17 сентября они осуществлялись в д. Приколесье Сухопольской волости. При входе в один из сараев Омельчук был смертельно ранен скрывавшимся в сарае злоумышленником Андроном Купрашем. После смерти урядника Т. И. Омельчука остались жена и четверо детей.

Разумеется, что в эти годы полицейские чины губернии гибли не только от рук революционеров, но и уголовных элементов. Зачастую в их деятельности сочеталось и то, и другое. Так, в апреле 1910 года в Пружанском уезде Гродненской губернии действовала вооруженная шайка из пяти человек во главе с Дмитрием Буржинским, скрывшимся еще в 1907 году от суда за противоправительственную деятельность и до возвращения на родину проживавшего два года в Америке. Хорошо вооруженная банда грабила имения помещиков, других зажиточных людей, судя по всему на революционные цели, ибо покидая места разбоя они повсеместно ломали портреты императора и произносили в его адрес оскорбительные слова. Благодаря исключительной энергии местного исправника Г. С. Лукина, банда была истреблена преследовавшей ее полицейской стражей. В ходе этой операции 28 апреля был смертельно ранен и скончался пристав И. И. Кухлевский, а также конно-полицейские стражники Андрей Борищик и Федор Гаврилюк. В ходе перестрелки с бандитами ранения получили: пристав В. А. Галкин, а также стражники Иван Пташник, Семен Матюкевич, Петр Демьянчук, Василий Чеботарян, Павел Шикасюк, Викентий Ботвинский, Прокофий Аверкин. Но

были уничтожены и все бандиты. Подробно об этой операции было написано в статье «Разбои в Гродненской губернии», помещенной в журнале «Вестник полиции» за 1910 год, № 25. Там же, в августе 1911 года была помещена большая заметка советника губернского правления В. В. Ярошенко по поводу освещения 15 мая того же года в г. Кобрине памятника на могилах стражников Борищика и Гаврилюка (И. И. Кухлевский был похоронен в м. Антополь Кобринского уезда, и памятник ему был освещен 1 мая). Помещаем небольшой фрагмент из нее: «Обряд освещения проходил в торжественной обстановке. Его почтили своим присутствием гродненский губернатор Борзенко, прокурор окружного суда Клопов, другие военные и гражданские чины. В торжествах участвовала вся полицейская стража Кобринского уезда, сборная рота 150-го пехотного Таманского полка, призванные на учебные сборы работники ополчения и три роты «потешных» из числа учащихся городского и народного училищ. После окончания литургии в местном соборе духовенство в числе 12 священников, в сопровождении начальствующих и должностных лиц, депутации и массы молящихся направились крестным ходом на кладбище, где красовался величественный из черного гранита памятник, обнесенный железной оградою. Затем состоялось возложение венков, освящение памятника, завершившееся трогательной речью священника Сергия Страховича. После этого состоялся смотр-парад отряда местной полицейской стражи, который принял губернатор Борзенко. Была совместная трапеза. Затем по просьбе чинов полиции губернатором была послана телеграмма Государю Императору с выражением верноподданических чувств, а также министру внутренних дел. От последнего была получена и ответная телеграмма: «Счастлив узнать, что молодецкий подвиг стражников Борищика и Гаврилюка прославлен открытием памятника на их могиле. Сердечно благодарю чинов губернской и Кобринской полиции за высказанные чувства и пожелания». Пришла телеграмма и от министра императорского двора: «Государь Император повелеть соизволил благодарить представителей полиции Гродненской губернии и депутации от уездных отрядов стражи в городе Кобрине в день освящения памятника на могилах убитых стражников Кобринского отряда за вознесенные молитвы и выраженные в вашей телеграмме чувства».

На адрес Кобринского уездного исправника поступило множество и других телеграмм по случаю данного события. Пружанский предводитель дворянства прислал ее в стихотворной форме: «Услышьте, герои, к Вам братья идут, затем, чтоб отдать Вам последний салют». Прислали телеграммы гродненский полицмейстер Фриммерман и уездный исправник Бюффонов. А гродненский священник Михайловский составил телеграмму следующего содержания: «Да почивают мирным сном могильным до радостного пробуждения гласом Архангельской трубы павшие жертвой служебного долга самоотверженные стражи порядка Государственного. Да здравствуют чтущие их память верные слуги Царя, доблестные сыны Родины Святой!».

На памятнике, воздвигнутом Борищику и Гаврилюку, были выбиты весьма содержательные надписи и эпитафия:

1. Здесь покоится конно-полицейский стражник Андрей Фомич Борищик, павший 1-го мая 1910 года от рук злодеев при честном исполнении долга службы. Род. 1880 г. Мир праху твоему, конно-полицейский стражник.

2. Здесь покоится Федор Устинович Гаврилюк, павший 5 мая 1910 года от рук злодеев при честном исполнении долга службы. Род. 1876 г. Мир праху твоему.

3. Не убойтеся убивающих тело, души же не могущих убити. Больше сия любве никто же имать да кто душу свою положит за друзи своя.

(Иоанна гл. 17, ст. 13).

4. Памятник сей сооружен сослуживцам и жителям Кобринского и Пружанского уездов в увековечение доблестных подвигов».

Как следовало из материалов дела, И. И. Кухлевский был дворянином Тверской губернии, вначале служил приставом в г. Гродно, с 1895 г. был переведен в м. Антополь. Борищик и Гаврилюк были из крестьян Кобринского и Брестского уездов.

13 марта 1907 года от рук злоумышленника погиб полицейский урядник Слонимского уезда Никита Станиславович Кондрашук. Дело разбиралось Гродненским окружным судом. Обвиняемые понесли должное наказание.

По донесению Белостокского полицмейстера от рук крамольников в 1905–1907 годах погибли следующие чины Белостокской полиции: полицмейстер Деркачев, помощник пристава Кульчицкий, городовые – Мизгер, Барцевич, Монюшко, Шейман, Попелышко, Кузан, Юрчак, агент Белостокского охранного отделения Чугунин [81].

4 августа 1907 года революционерами-террористами был убит военный комендант станции Белосток, полковник Александр Александрович Шретер. А. А. Шретер родился в 1849 году, и несмотря на немецкую фамилию он был чисто русским человеком, по происхождению из дворян Харьковской губернии. После окончания второго курса юридического факультета Харьковского университета он поступил в Чугуевское пехотное юнкерское училище, которое окончил по первому разряду. В 1876 году он был произведен в прапорщики и зачислен в 121-й пехотный Пензенский полк.

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов он участвовал в переходе через Дунай, в сражении под Плевной. При штурме крепости Плевна 30 августа 1877 года был ранен в левую руку навылет. После чего участвовал в переходе через Балканы в составе отряда генерала Турко. Геройски проявив себя в боях под Сумаковым и Филиппополем в январе 1876 года, а затем в составе русского гарнизона служил в г. Софии. За военные заслуги Шретер был награжден рядом медалей и орденов (с мечами, бантом и надписью «за храбрость»), а также румынским крестом и медалью в память о победоносной завершившейся войне с Турцией.

В 1887 году по распоряжению главного штаба А. А. Шретер был командирован на станцию Барзула Юго-Западных железных дорог для изучения обязанностей начальника станции на два года, оттуда был переведен на станцию Бендеры, после чего был назначен военным комендантом станции

Лунинец Полесских железных дорог; в 1900 году был переведен на эту же должность в Челябинск, а в 1903 году – на станцию Белосток.

В годы революционного брожения 1905–1907 годов полковник Шретер по месту своей службы делал все от него зависящее, чтобы не допустить нарушений общественного порядка, избежать погромов. Тем не менее, он неоднократно получал угрожающие его жизни письма от местного комитета революционеров-максималистов, но содержание их тщательно скрывал от своей жены.

4 августа 1907 года в девятом часу вечера, как раз после получения очередной письменной угрозы, Шретер возвращался со станции домой на конке. Проезжая по Николаевской улице, неподалеку от моста через реку Белую, он услышал выстрел. Конка остановилась, и пассажиры стали соскакивать с нее, с целью разобраться в произошедшем сошел с конки и Шретер. И тотчас какие-то оказавшиеся рядом с ним незнакомцы открыли по нем огонь из револьверов буквально в упор.

Пассажиры бросились врассыпную. Первым поспешил к смертельно раненому офицеру помощник полицмейстера Белостока Арефьев и сразу же отвез его в городскую больницу. Вскоре снова прибыл и сюда судебный следователь и соборный священник. Когда раненому была сделана перевязка, он исповедовался и приобщился святых тайн, после чего показал следователю, что хорошо запомнил одного стрелявшего в него молодого еврея в белой рубашке. Но чуя приближение смерти, офицер попросил сестру милосердия перекрестить его же собственной рукой, что она и исполнила. Скончался он в начале первого часа нового дня при полном сознании. Полковник А. А. Шретер был похоронен со всеми внешними почестями на городском кладбище «Всех святых».

Все материалы о погибших в Белостоке с фотокарточками Кульчицкого, Мизгера, Монюшко и Шеймана 20 февраля 1910 года были препровождены в Главную Палату Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. Фотокарточек остальных погибших разыскать не представилось возможным. Приведенный спустя годы список значительно шире того перечня жертв террора в Белостоке, который имелся в упомянутом выше «Обвинительном акте».

В декабре 1911 года книга «Русской скорби», содержащая описание жизни павших от рук крамольников в смутные года за Царя и Родину, в количестве 300 экз. была получена в Гродненском губернском правлении, а затем разослана «для награждения ими лучших нижних чинов страны и полицейских команд Гродненской губернии». Разумеется, что и в этой книге сведения о жертвах революционного террора на Гродненщине были далеки от реальности. На это оказывало свое естественное воздействие нежелание полицейского начальства на местах «выносить сор из избы», т. е. выдавать информацию, не всегда выгодно характеризовавшую их действия в годы смут. Такое нежелание еще в большей степени было присуще жандармским управлениям, где вообще старались воздерживаться от предания гласности

своих потерь, тем более, что революционеров-террористов, совершивших убийства жандармов, еще необходимо было найти и уличить в содеянном. А это было не так-то просто.

Так, 25 февраля 1913 года в Белостоке был арестован недавно вернувшийся из Америки мещанин м. Орля Бельского уезда Гродненской губернии Вольф Доротынский по подозрению в том, что он в 1906–1907 годах (уже после погрома 1–3 июня. – *В. Ч.*) совместно с другими террористами из летучего отряда партии социалистов-революционеров (Иоселем Виторжем и Ицко Рублянским – последний был убит при взрыве бомбы при их вооруженном нападении на почтовый поезд на станции Новогрудок. – *В. Ч.*) принимал участие в подготовке убийств коменданта станции Белосток полковника Шретера и жандармского подполковника Грибоедова. Произведенным расследованием не была установлена виновность задержанного по подозрению в покушении на жизнь вышеуказанных офицеров, и уже 10 апреля 1913 года было принято постановление об освобождении Доротынского из-под стражи. Добавим, что в целом по трагическим событиям в Белостоке не был подвержен суду ни один террорист.

Таким образом, в первое десятилетие XIX века жертвами революционного террора в Гродненской губернии стало около 50 военных и полицейских чинов, верных присяге и своему служебному долгу.

Гибли от рук террористов и гродненцы, служившие в жандармерии полиции в других губерниях России. Более всего их было на территории т. н. Привислянского края, где подъем революционных выступлений особенно сильным был в декабре 1905 года. Так, 14 декабря во время преследования группы террористов из партии «Бунд», ограбивших казначейство в местечке Мазовецк Ломжинской губернии были убиты земские стражники Ефремов и Чичкан. Последний был из крестьян Гродненского уезда. Через два дня 16 декабря 1905 года был предательски убит в местечке Илжа Радомской губернии комиссар по крестьянским делам уроженец Северо-Западного края В. Н. Борк. Во второй половине декабря того же года в Блонском уезде Варшавской губернии были зверски убиты земские стражники А. А. Мауэр, Г. А. Бойке, И. И. Сало. В «Книге Русской Скорби» о нем говорится: «Нустин Иванович Сало, 37 лет, православного вероисповедания, из мещан г. Клещели Бельского уезда Гродненской губернии. Служил сначала унтер-офицером в 104-м пехотном Устюжском полку; по увольнении в запас армии поступил на службу в земскую стражу, за усердие был произведен в старшие стражники и награжден двумя серебряными медалями за 10-ти и 15-летнюю службу. 15 декабря 1905 года в посаде Вискитки Блонского уезда стражник Сало проходил через базарную площадь в казенную винную лавку с целью купить там гербовую марку; в лавке марок не оказалось, и он, поговорив минут десять с сидельцем, вышел из лавки, но по просьбе того же сидельца остановился, чтобы помочь ему закрыть входные двери. В этот момент, когда стражник повернулся лицом к дверям, неизвестный злоумышленник подошел к нему сзади, выстрелил ему в затылок шесть выстрелов. Несчастный тут же скончался, весь изрешеченный пулями».

Ко 2 августа 1906 года польские социалисты приурочили нападения на чинов полиции и жандармерии не только в Варшаве, но и по всему Принеманскому краю. Дошло то того, что эти нападения совершались уже по сигналам труб. Только по опубликованным в периодической печати данным в этот день в Варшаве было убито: 2 околоточных надзирателя, 7 городовых, 2 жандарма, 6 солдат, итого 17 человек, а всего пострадало 33 человека, не считая частных лиц. В этот день на территории губернии среди полицейских было 7 человек убито и 3 ранено.

В числе убитых 2 августа был и городовой варшавской наружной полиции Андрей Матвеевич Бондарик. «Родился он в 1861 году в деревне Богуши Сокольского уезда Гродненской губернии. Происходил он из крестьян и представлял собой типичного белоруса, предки которого приняли католичество. В 1883 году Бондарик, выучившийся грамоте в полковой школе, был принят в штаб городовых, оттуда он затем перешел на службу городовым полиции сначала в Гродно, а затем в Варшаву, где и служил с 1 марта 1900 года в 12-м полицейском участке в Праге».

Покушение на городового А. М. Бондарика описано в «Книге Русской Скорби» следующим образом: «У католиков 2 августа по старому стилю (или 15-го по новому) совершается празднование Успения Пресвятой Богородицы, и Андрей Бондарик, будучи свободен от народа по службе, как человек благочестивый, решил помолиться вместе с семьей в храме Божием, поэтому нарядившись в праздничное форменное платье, вместе с женой и двумя дочерьми отправился к литургии в ближайший костел св. Флориана на Праге, где особенно усердно молился как бы предчувствуя свою близкую кончину. По окончании богослужения Бондарик вместе с семьей вышел на площадь, где толпилось множество народа, выходившего из костела.

Когда в окружении дочерей и шедшей сзади жены, неизлечимо больной сердечной болезнью, городовой направился к Александровской улице, вслед за ним, отделившись от толпы перед костелом с поспешностью отделились трое мужчин, которые подбежали к Бондарику сзади и почти в упор над головой его жены выстрелили несколько раз. Террористы продолжали стрелять в него и тогда, когда он уже лежал на земле. Народ, находившийся поблизости, бросился бежать во все стороны, а убийцы скрылись и по обыкновению разысканы не были… Во время нападения на Бондарика одна из пуль террористов попала в проходившую неподалеку какую-то девушку, которая вскоре умерла. 5 августа А. М. Бондарик был похоронен на кладбище «Бруды», что на Праге, а рядом с ним было погребено еще шесть человек, убитых в Варшаве 2-го августа 1906 года социал-работниками. Городовой Андрей Бондарик смело смотрел в лицо смерти, никогда не маскируясь переодеванием в статское платье, и умер в мундире, присвоенным ему той службой, которую он исполнял честно».

4 августа был убит в Варшаве и младший стражник Кузьма Иванович Поликша. В очерке, посвященном ему, читаем: «Происходил он из крестьян Волковысского уезда Гродненской губернии. После отбытия службы в одном

из пехотных полков на Кавказе он служил там несколько лет на сверхсрочной службе, а затем был переведен в Гомель в отдельный корпус жандармов. Обзавевшись большой семьей, он поступил в стражники г. Варшавы, где и служил семь лет вплоть до своей смерти, настигшей во время исполнения им своего служебного долга. В роковой для Поликимы день он вместе с товарищем разбирал некое дело о краже. В ходе его из толпы, окружавшей стражников и потерпевшего домохозяина, раздались выстрелы, произведенные из револьвера лицами, недовольными энергичными действиями стражников. После себя ревностный служака оставил жену и четверо детей в возрасте от 11 лет до полтора года. В настоящее время двое из них (дочь Анастасия восьми лет и сын Павел трех лет приняты на воспитание и содержание в приют на станции Каминск, учрежденный В. В. Казариновым). Не останутся без поддержки и другие члены семьи погибшего на боевом посту».

Честно служили уроженцы Гродненщины и в других местах России. 1-го июля 1907 года от пули боевика-революционера Жукова пал смертью храбрых в Ижевском заводе Вятской губернии помощник Ижевского полицейского пристава Вячеслав Иванович Храбалович, родом со Слонимского уезда. После него остались вдова и восемь детей, младшей из которых дочери было шесть лет.

14 ноября 1910 года был убит препятствовавший побегу политических арестантов надзиратель Харьковской пересыльной тюрьмы Федор Максимович Сильвончик – «скромный труженик тюремного ведомства, прослуживший в нем более двадцати лет. Это был человек опытный по службе, добросовестный и серьезный, очень религиозный, сильный волей и духом. Сильвончик происходил из крестьян деревни Серебрицы Люшневской волости Слонимского уезда Гродненской губернии. На военную службу он был принят Слонимским уездным по военным делам присутствием 11 ноября 1885 года и служил в 62-м резервном кадровом батальоне. Будучи уволенным в запас армии в чине ефрейтора, он в 1890 году поступил на службу в Харьковскую губернскую тюрьму, а в 1894 году был переведен в Харьковскую пересыльную тюрьму. За службу по тюремному ведомству был награжден тремя серебряными медалями «За безупречную службу в тюремной страже». Сильвончик был холост и вел одинокую жизнь, а потому некому было оплакивать его преждевременную роковую кончину. Среди сослуживцев он оставил самую добрую память».

Одиннадцать покушений было совершено на бывшего гродненского губернатора, а затем министра внутренних дел, главу правительства России П. А. Столыпина. Последнее из них в 1911 году в Киеве унесло жизнь замечательного человека и государственного деятеля. Что касается предыдущих, то в них среди убитых и раненых из окружения Столыпина были и гродненцы. Во время покушения на него 12 августа 1906 года на даче на Аптекарском острове в Петербурге сам министр внутренних дел чудом не пострадал, однако среди просителей (он и на даче вел их прием) и служащих потери были огромные – 30 человек убитых, много раненых. Среди них

оказались дети министра – 14-летняя дочь Наталия и сын Аркадий трех лет. В момент взрыва Наташа, Адя и его няня Людмила, взятая в услужение еще в Гродно, находились на балконе прямо под подъездом, куда подъехали террористы в жандармской форме. Взрывом все находившиеся на балконе были выброшены на набережную. Наташа попала под ноги раненых и бесновавшихся от боли лошадей террористов, пытавшихся бежать. Спасти ей жизнь удалось с большим трудом. У Ади были раны на голове, перелом ноги и сильное нервное потрясение, несколько дней выражавшееся в криках по ночам: «Падаю, падаю….». Няня, закрывшая его своим телом, пострадала сильнее, и вскоре она умерла. Среди других пострадавших и умерших от ран были уроженцы Гродненской губернии: В. Н. Ходкевич, офицер по особым поручениям при министерстве внутренних дел; бывший пристав М. Т. Вербицкий, А. С. Жилевич, горничная в доме министра, Л. М. Останькович, няня сына министра. Среди пострадавших оказался и последний в истории Гродненщины губернатор, а в ту пору офицер Преображенского полка А. Н. Крейтон (с марта 1916 г. по январь 1917 г.). Во время взрыва он стоял в приемной министра рядом с генералом по особым поручениям при министре А. Н. Замятниным и разговаривал. Замятнину снесло полголовы, Крейтон остался в целом невредимым.

Не обошли стороной революционные события и Минскую губернию, а потому и здесь было немало жертв среди охранителей общественного порядка. 14 июня 1905 года погиб при исполнении своего служебного долга городовой 2-й части г. Минска Федор Васильевич Градович. В 4 часа ночи он находился на своем посту при пересечении улиц Койдановской и Богодельной. Время было тревожное, т. н. «освободители» рыскали по городу и мутили народ. Увидав тех подозрительных людей, городовой стал наблюдать за ними. Последние, заметив это, отправили одного из своих товарищей в противоположную сторону. Затаившись и дождавшийся того момента, когда Градович пройдет мимо него, террорист выхватил из кармана револьвер и сделал подряд три выстрела в спину городового. От полученных ранений, не приходя в сознания, он скончался на следующий день. Градович был уроженцем Минской губернии, Борисовского уезда, села Велятичи. Воинскую повинность отбывал в 30-й артиллерийской бригаде, в 1-й батарее, канониром. В должности городового служил с 11 февраля 1905 года. По выходе в запас он женился, а через год у него родился сын Василий.

27 июня 1905 года умер от ран, полученных во время дежурства в г. Пинске, городовой Феодосий Мартинович Горегляд. Последний всегда отличался ревностным исполнением своих служебных обязанностей, за что навлек на себя неудовольствие преступных революционных организаций города. В указанный выше день, организовав наблюдение за двумя террористами, скрывавшимися во дворе содержателя меблированных комнат Попиша, он не заметил, как один из злоумышленников подбежал сзади к городовому и облил его серной кислотой, а другие трясущимися от страха

руками произвели в несчастного четыре выстрела из револьвера, но в Горегляда не попали. От полученных ожогов городовой скончался спустя несколько дней.

12 августа 1905 года террористами-революционерами был убит полицейский урядник Минского уезда Филипп Григорьевич Илькевич. «Родился он в 1866 году в деревне Панаги Синявской волости Слуцкого уезда в православной крестьянской семье. Во время отбывания воинской повинности во 2-й батарее 30-й артиллерийской бригады заявил о себе с самой лучшей стороны, а по выходе в запас поселился в местечке Острошицкий городок и устроился на службу в местную полицию урядником 5-го участка Минского уезда. В начале 1905 года удалось выследить, а затем и арестовать приезжавшего в местечко из Минска революционного агитатора Григория Сороко. По выходе через полгода из тюрьмы Сороко решил отомстить уряднику. 12 августа в 11 часов вечера в местечко прибыл конный нарочный ямщик минской земской почты Я. Н. Зинькевич со срочным пакетом от пристава 1-го стана Минского уезда на имя урядника Илькевича; последний открыл прибывшему ямщику дверь, впустил его в дом и, взяв разносную книгу с пакетом, сел у окна, чтобы расписаться в получении его. В этот момент Сороко через окно выстрелил в полицейского, который сразу же скончался на месте. Жена Илькевича и другие жители Острошицкого городка узнали убийцу, но не успели его задержать; с помощью союзников он скрылся и вскоре бежал за границу».

Одним из многочисленных героев-полицейских был Василий Иванович Заец, «ненавидимый революционерами за то, что ревностно преследовал их. Он служил в должности городового 2-й части города Минска с июня 1900 года. 4 сентября 1905 года, в 8-м часу вечера, городовой Заец, будучи на посту на углу Школьной и Екатерининской улиц, предлагал ближайшим торговцам закрывать лавки. Дело это привычное и не предвещало никакой опасности. Однако в тот момент, когда он проходил мимо дома купца Берки Зельдовича, из его ворот выскочил некий злоумышленник, вероятно от страха перед возможным обыском дома, и выстрелом из револьвера нанес полицейскому тяжелую рану в спину. Обливаясь кровью, городовой упал на тротуар. Подоспевшие к месту преступления его товарищи городовые Былейчик и Батура подняли Зайца и быстро доставили его в губернскую земскую больницу, где он через несколько часов скончался. Розыски убийцы оказались безуспешными, и личность его так и не была установлена. Убитый полицейский происходил из крестьян села Кучьеваки Богодуховского уезда Смоленской губернии. Учился в местной сельской школе. Воинскую повинность отбывал в 119-м пехотном Коломенском полку. По истечении срока действительной службы, он остался на сверхсрочной. Женившись Василий оставил военную службу и поступил в полицию на должность городового. Как в армии, так и в полиции свои обязанности исполнял честно и добросовестно. После смерти кормильца семьи остались молодая жена, дочь Лидия 7 лет и сын Вася 5 лет. Начальство отнеслось учтиво к судьбе сирот и обеспечило семью денежной поддержкой в форме 16 рублей пенсии ежемесячно».

17 декабря 1905 года жертвой революционеров-убийц стал помощник пинского полицмейстера Алексей Алексеевич Шкляревич. «Прибывший на службу в Минске всего около двух недель, офицер даже еще не успел обзавестись квартирой и жил в гостинице. Сразу же убедившись в служебном рвении полицейского, революционеры решили пока не поздно расправиться с ним. Они подкараулили его у гостиницы, куда Шкляревич возвращался после службы домой, и осыпали его градом пуль из револьверов. Врачи ближайшей земской больницы пытались спасти офицера, но безуспешно. Пуля застряла во внутренних органах, сильно их повредив, и извлечь ее было невозможно. Промучившись двое суток, помощник полицейского скончался. Убийцам же удалось скрыться. Начав службу с самых низших ступеней канцелярских служителей, Шкляревич заслуженно продвигался по служебной лестнице, и через десять лет после поступления на службу, он был назначен приставом города Новогрудка. Став лучшим приставом в губернии, он был назначен 28 ноября 1905 года помощником минского полицмейстера. Однако развернуться вовсю на новом месте службы А. А. Шкляревич не успел. После его смерти остались жена и две дочери, 3 лет и 11 месяцев.

В 1906 году умер от мучительных ран надзиратель Михаил Кондратьевич Борисов, по происхождению из мещан Смоленской губернии. Родился он в 1874 году, вероисповедания православного, образования домашнего. В декабре 1902 года был зачислен в штат канцелярских служителей минского губернского правления с откомандированием в распоряжение минского полицмейстера. Вскоре Борисов был назначен околоточным надзирателем минской городской полиции. На службе отличался усердностью и аккуратностью. В начале мая 1904 года, когда Борисов находился на своем посту, около пяти часов вечера к нему подбежал молодой еврей и взволнованным голосом заявил, что на углу Школьной и Екатерининской улиц среди евреев происходит драка. Борисов немедленно направился туда и, придя на место, увидел большую толпу людей, пытавших разнять двух дерущихся. Надзиратель не успел проникнуть в толпу, как вдруг вскрикнул и пошатнулся. В лицо ему была брошена склянка с серной кислотой. Толпа мгновенно разбежалась, а когда явилась помощь, ослепленный, с изуродованным лицом, Борисов без сознания лежал на земле и стонал. Ожоги были настолько сильны, что оба глаза мгновенно вытекли, лицо, губы, нос, шея проедены до кости. Помучавшись около года, М. К. Борисов умер. Его жена мещанка Мария Подобед в том же году вышла замуж».

8 января 1906 года в местечке Хвойники Речицкого уезда Минской губернии был злодейски убит революционерами урядник местечка Брагин Алексей Семенович Черняк. «Последний был уроженцем местечка Ильинцы Липовецкого уезда Киевской губернии. Родился он в 1876 году в крестьянской семье. Отбыв воинскую повинность, он поступил на службу урядником полиции в Брагине, а оттуда вскоре перевелся на такую же должность в Хвойники. За свою честную службу революционеры развернули против него настоящую травлю. Но устрашающие анонимные письма на адрес полицейского не устрашили его смелого духа. И вот на другой день Рождества,

когда он вместе с молодой женой выходил из местного храма группа местных крамольников во главе с неким Володковичем напала на него, а затем открыла огонь из револьверов. Раненого Черняка как смогла самоотверженно защищала его жена Мария, но несмотря на ее усилия, он уже лежачим был сражен насмерть пулей террористов».

30 апреля 1906 года был убит старший участковый городовой города Бобруйска Антон Семенович Карпейко. «Родился он в Минске, окончил церковно-приходское училище, воинскую повинность отбывал в городском резервном кадровом батальоне. Отбыв срок военной службы, Карпейко поступил в полицию и служил около шести лет городовым в Минске, но затем был переведен с повышением по службе в г. Бобруйск. Где безукоризненно исполнял свои обязанности в течение целых 14 лет. Местные революционеры в письмах и прокламациях прямо указывали на Карпейко как злейшего врага революции. За год до смерти на него было совершено нападение, закончившееся жестоким избиением полицейского с целью запугать его. Когда жена Карпейко стала уговаривать мужа бросить службу в полиции ради самосохранения себя и детей, он ответил: «Против совести не пойду, из-за собак-революционеров Царю не изменю; для меня одинакова дорога, что военная, что полицейская служба». В день убийства у А. С. Карпейко было очевидно какое-то предчувствие беды. Он был особенно нежен к жене и детям. Сходил в баню, взяв с собою двух старших сыновей, чего раньше никогда не делал. После бани семья пообедала, и глава семейства лег спать, попросив жену разбудить его в семь часов вечера, так как он в этот день должен был дежурить возле театра. Однако Карпейко не спалось. Подумав, что ему не здоровится, жена начала уговаривать его остаться дома. Однако муж категорически отверг такое предложение: «Нет, так нельзя. Скажут еще, что я пьяный. Да и не ловко: служба прежде всего». Он оделся, простился с женою, и как всегда, уходя из дома благословил детей.

Когда окончилось представление в театре, Карпейко привычной дорогой пошел домой. Между тем, злоумышленники устроили ему засаду, спрятавшись у мелочной лавки. Как только городовой поравнялся с ней, они выскочили из-за нее и начали стрелять в него до тех пор, пока он не упал бездыханно на землю. После этого террористы разбежались в разные стороны. Медицинским осмотром было установлено, что в полицейского попало семь пуль; две в сердце, а остальные в руки и в ноги. После погибшего остались четверо малолетних детей. Русский народный Союз имени Михаила Архангела поместил старшего из сыновей в приют для детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, возместив вдове путевые расходы».

31 марта 1907 года при исполнении служебных обязанностей был убит городовой второй части г. Минска Степан Павлович Милодович, 1875 года рождения, уроженец урочища Малое, Круговичской волости, Слуцкого уезда. После отбытия воинской повинности в 120-м пехотном Серпуховском полку, Милодович в марте 1906 года поступил на службу в минскую полицию в должности городового. За время непродолжительной службы здесь он

зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Убийство же его произошло при следующих обстоятельствах. В тот день городовой второй части г. Минска Иван Нужный, переодевшись в штатское платье, следил за тремя подозрительными лицами, поджидавшими кого-то у здания трактира. У одного из злоумышленников в руках был какой-то завернутый в ткань круглый предмет, похожий на бомбу. Заметив слежку, последний вошел в сквер на Соборной площади и сел на скамейку. Городовой Нужный указал на него находившемуся вблизи околоточному надзирателю Павлу Попову и городовому Степану Милодовичу, прося их содействия в задержании злоумышленника. Последний, поняв, что ему не уйти, оказал отчаянное сопротивление. Он начал отстреливаться из браунинга, в результате чего Попов и Нужный были легко ранены. Милодовичу же пуля попала в живот, и через час он в муках скончался. При задержании преступник хотел покончить собой, но эта попытка закончилась лишь небольшим ранением. Убийца Милодовича назвался Михаилом Кавецким, а его сообщниками были Феликс Бентковский и Стефан Чернецкий. Последний остался не разысканным. Насколько опасными были задержанные выяснилось после того, когда при обыске в их квартирах были обнаружены оружие, взрывчатые вещества и прокламации преступного содержания от минской группы анархистов-коммунистов».

26 мая 1908 года в Минске был убит полицейский стражник Василий Яковлевич Ермакович, родом из крестьян деревни Маркачевщизна Сверженской волости Минского уезда. После добросовестной службы в 177-м пехотном Изборском полку унтер-офицер Ермакович в мае 1906 года поступил на должность стражника в уездную полицию. О прекрасных качествах полицейского свидетельствовал следующий отзыв его начальства: «Ермакович поведения и нравственных качеств был хороших, образа жизни был примерного. Трезвый, служебные обязанности выполнял добросовестно, строго и аккуратно. С товарищами жил мирно, за что и пользовался их уважением и любовью».

Обстоятельства его гибели были следующими. «В конце мая 1908 года в Минске чинами полиции были задержаны два революционера-анархиста. Выяснилось, что в городе скрывается еще один по фамилии Ясенев. Начались поиски, и вот в ночь на 26 мая Василий Ермакович получил сведения, что последний скрывается в доме Богина на Замковой улице. Получив разрешение на задержание злоумышленника, Ермакович со своим товарищем Крещеновичем ночью в полной темноте подкрались к незнакомому дому. Двигаясь чуть ли не ощупью вперед, они неожиданно натыкаются на Ясенева. Гремят выстрелы последнего из браунинга. Ермаковичу достались две пули в грудь и живот. Крещанович был легко ранен в плечо. В земской больнице последнему была сделана перевязка, Ермаковичу же уже ничего не помогло».

1 марта 1909 года был убит начальник Минской тюрьмы Петр Петрович Славинский. «В тот воскресный день, завершив осмотр тюрьмы, он около часа дня направился в кафедральный собор к панихиде по поводу кончины от рук террористов в 1881 году императора Александра II. Выйдя из наружных ворот

тюрьмы в сопровождении жены и ее сестры, П. П. Славинский встретился сразу же с небольшой группой людей, пришедших на свидание с заключенными. Из толпы отделился молодой человек и попросил разрешить ему свидание со своим родственником – арестантом – ранее положенного срока. Это задержало начальника тюрьмы, а жена с родственницей пошли дальше.

Остановившись, Славинский сказал молодому человеку: «Не могу нарушить правила для вас; свидания открываются в два часа. Повремените и тогда повидаетесь. Правила составлены не мною и обязательны для всех». Оказалось, что вышеизложенная просьба оказалась только предлогом – задержать Славинского. И едва он успел двинуться, чтобы догнать жену, как убийца пустил ему пулю в затылок, которая, пройдя через мозг, вышла в левый висок.

Услыхав выстрел, жена обернулась, и видя, что муж падает на землю, с криком бросилась к нему. Вышедшим из ворот полицейским стражникам удалось поймать пытавшего скрыться убийцу. Им оказался крестьянин Пинского уезда Минской губернии, 22-х лет, Александр Оец, недавно выпущенный из этой же Минской тюрьмы, где сидел за воровство и грабеж. Находясь в заключении, он был на хорошем счету у начальства и даже предлагал свои услуги сыскному отделению. Затем он сошелся с политическими заключенными и последние избрали его орудием мести, обещав ему крупное денежное вознаграждение за убийство П. П. Славинского, а затем и возможность скрыться за границей.

Выйдя из тюрьмы Оец отправился к приятелям политзаключенных, и получив «сребреники», довольный таким образом, продал себя. За несколько дней до покушения на Славинского Оец следил за каждым его шагом вне тюрьмы, однако убийство около нее он посчитал самым удобным. Характерно, что политические заключенные добивались от начальника тюрьмы льгот и преимуществ всеми путями, включая и денежный подкуп, но Славинский очень ответственно относился к своему служебному долгу и весьма дорожил своей репутацией «честного и неподкупного человека».

Погиб П. П. Славинский на 33-м году от роду. Происходил он из семьи псаломщика, обучался в Мстиславском духовном училище, а затем поступил в 1892 году в штаб канцелярских служащих Могилевского губернского правления. Последовательно занимал должности при полиции в Гомеле, Минске, а выдержав экзамен на классную должность, был назначен начальником Мозырской тюрьмы. Везде, где бы ни служил Славинский, он отличался честностью, прямотой и неподкупностью. В январе 1908 года офицер был переведен с повышением по службе на должность начальника Минской тюрьмы. Незадолго до своей гибели был произведен в чин коллежского секретаря. После покойного остались жена и двое детей. При погребении тела П. П. Славинского на минском городском кладбище присутствовали представители гражданских и военных властей во главе с губернатором. Масса венков была возложена на его гроб и от общественных учреждений. Председатель Минского Русского Народного Союза имени Архангела Михаила

протоиерей Константин Попов, отслужив над гробом покойного панихиду, он сказал проникновенную речь и принял участие в дальнейшем погребении».

Гибли уроженцы Минской губернии и за пределами своей родины. 18 мая 1905 года в Елизаветполе, на Кавказе, был убит помощник Нухинского уездного начальника Матвей Матвеевич Абрамович. «В этот день, в десять часов утра он вышел по вызову следователя в здание мирового отдела для решения ряда служебных вопросов. Перед самым входом в здание какой-то неизвестный ему мужчина внезапно выстрелил в него четыре раза из револьвера, убив офицера наповал. Пойманный в тот же день террорист оказался членом армянской революционной организации «Дашнакцутюн». М. М. Абрамович являлся потомственным дворянином римско-католического вероисповедания, родился в 1874 году в Борисовском уезде Минской губернии, окончил Борисовское городское училище. Служил вольноопределяющимся в 182-м пехотном Новоторжском полку. После увольнения в запас старшим унтер-офицером он поступил на должность письмоводителя в Московскую полицию. Прослужив четыре года в Москве, он был переведен в 1894 году на Кавказ в должности полицейского пристава сначала в Джебраильский уезд, а потом в г. Елизаветполь. Абрамович служил честно и никогда не заискивал перед революционерами. После покойного остались жена и трое маленьких детей: две дочери 9 и 7 лет и четырехлетний мальчик».

Немало людей, служивших в жандармерии и полиции, пало от рук революционеров-террористов и в Витебской губернии. Одним из первых среди них был вахмистр Витебского ГЖУ Василий Алексеевич Потрясов. Уроженец села Буяраки Сенчилеевского уезда Симбирской губернии, он после отбытия воинской повинности в декабре 1875 года был зачислен в Московский жандармский дивизион. За пятнадцать лет службы в нем Потрясов дослужился до почетного положения вахмистра, и в январе 1889 года он уходит в запас. Однако в том же году вновь возвращается на службу, но уже в Витебское ГЖУ. Здесь прекрасно знали о предыдущей службе вахмистра, о том, что он неоднократно командировался в Киев, Варшаву и другие города империи, где ему вверялось охранение государственного императора и всей его семьи. Революционный бунт 1905 года застал Василия Алексеевича на боевом посту. Убрать со своего пути фигуру Потрясова, являвшуюся всегда на месте, откуда грозил натиск и насилие, стало важной целью местных революционеров. 13 июля 1905 года было роковым для честного служаки. В этот день он был на дежурстве в сквере у здания дворянского депутатского собрания вместе с унтер-офицерами Снедзе, Грубенком и городовым Яковлевым. Был девятый час вечера, и когда его товарищи разошлись по своим местам, он также отправился к выходу на Замковую улицу, где подозрения у него вызвала группа молодых людей. Когда он поравнялся с ними, один из незнакомцев, отделившись от остальных, сделал несколько выстрелов в Потрясова, тяжело ранил его в живот, а сам скрылся в быстро собравшейся толпе прохожих. На выстрелы подбежали городовой Яковлев, пристав Турик и фельдфебель 315-го пехотного Рыбинского полка Казамирук, но задержать злоумышленников не

удалось. Несмотря на ранение, Потрясов еще держался на ногах. Отправленный в губернскую больницу, он на другой день, 14 июля, отошел в мир иной, оставшись до конца верным своему служебному долгу».

Спустя три месяца после гибели Потрясова подобная же участь выпала на долю его товарища городового Витебска Максима Даниловича Яковлева. «Выходец из крестьян деревни Саковичи Витебского уезда, он честно отслужил положенный срок в 99-м пехотном Иваногородском полку, а затем поступил на службу в полицию. 17 октября 1905 года, когда группируясь революционные агитаторы двинулись по Замковой улице к заводу Лисовского с призывами к рабочим поддержать их требования, их толпу рассеял солдатско-казачий патруль. Двух же агитаторов задержали и отправили в часть в сопровождении городового Яковлева и пяти нижних чинов 6-й роты 315-го Рыбинского полка. В ходе следования толпа революционеров с криками ринулась за задержанными и стала отбивать их от конвоя. Раздались выстрелы с их стороны. И сраженный пулей в голову М. Д. Яковлев замертво пал на землю. Рядовой конвоя пустил вдогонку убегавшим четыре выстрела, одним из которых свалил с ног убийцу городового, но бежавшая за ним толпа успела подхватить упавшего и унести за собой. Во время обыска у задержанных двух злоумышленников было найдено более ста экземпляров воззваний с призывами к горожанам оставить работу и выходить на улицу для борьбы с правительством. Первой жертвой «свобод 17 октября 1905 года», таким образом, стал 34-летний городовой, служитель порядка Максим Данилович Яковлев».

Вслед за ним в местечке Колышки был убит еще один товарищ Потрясова, урядник Витебского уезда Петр Мартинович Снедзе. До службы в полиции он служил в войсках, причем, кроме положенного срока, он еще десять лет служил в 315-м пехотном Рыбинском полку сверхсрочно. Перейдя служить в полицейскую стражу, он, не страшась угроз, не раз рискуя жизнью, усиленно следил и собирал сведения о местной «Лиозненско-Колышанской» революционной группе. Противостоя ей, он не знал, что уже давно приговорен ее членами к смерти, и что «сторонники прогресса» стерегут каждый его шаг. Услышав о желании Петра Снедзе перейти на службу в корпус жандармов, где он еще в большей степени мог проявить свой характер в борьбе с крамолой, колышанские «революционные товарищи» испугались, час расплаты за верность для урядника Снедзе настал. Около восьми часов вечера 10 сентября 1906 года, проходя по базарной площади к месту службы, он внезапно был окружен толпой «борцов за свободу». Смертельный выстрел в сердце и два выстрела в руку полицейского, тянувшегося к оружию, завершили верную службу героя. Последние слова, которые услышали товарищи от лежавшего на земле Петра Снедзе, были: «Не запугают...».

27 апреля в фольварке Осиновка Селютской волости был убит революционерами-экспроприаторами полицейский урядник Витебского уезда Андрей Мартынович Клыковский. При производстве дознания об этом злодеянии стало известно следующее. «Грабители «для революционных целей»

прибыли в Вятский уезд из Оршанского уезда, где в деревне Баерщина Высочанской волости наняли за три рубля крестьянина Андрея Дригунова довезти их до Витебска. По словам крестьянина, его пассажиры после выезда из деревни стреляли по верстовым столбам, а приехав в Осиновку, они велели ему тут их обождать, а сами, сказав, что хотят купить водки, отправились в винную лавку. Владельца лавки Янушковского в это время дома не было, была его жена. Упомянутые субъекты потребовали бутылку водки и, рассчитавшись за нее, спросили у Янушковской, где ее муж. Та ответила, что его нет дома. Тогда злоумышленники вынули револьверы и забрали у лишившейся дара речи женщины все деньги из кассы (около 250 рублей). При этом они ее даже успокаивали: «Не бойся, это на народное дело, мы всегда так делаем». Предложив Янушковской проверить взятую из кассы сумму денег, экспроприаторы пообещали ей выдать какую-то квитанцию.

В это время местная жительница Матрена Латохо, шедшая в лавку, заметила, что двери в лавке почему-то приотворены. Заглянув в окно, она увидела, что сиделица стоит на коленях, а грабители считают деньги. Заподозрив, что сиделец уже убит, она с криком побежала от лавки, чтобы дать знать о грабеже уряднику Клыковскому. В это время дверь лавки отворилась, а один из грабителей потребовал, чтобы она остановилась, и сделал по ней два выстрела, но промахнулся.

Услышав крики и выстрелы, урядник А. М. Клыковский немедленно отправился к винной лавке, но пока он бежал, его заметили грабители, и как только полицейский стражник подбежал к двери лавки и открыл ее, они открыли по нему огонь. Урядник сразу же упал около крыльца лавки, а грабители, захватив деньги, побежали к ближайшему лесу. Вскоре после этого домой возвратился сиделец лавки Янушковский, который сразу же отвез тяжело раненого урядника в Витебскую городскую больницу. Однако спасти его врачам не удалось.

А. М. Клыковский происходил из мещан г. Велижа Витебской губернии, вероисповедания православного. После отбытия воинской повинности поступил в 1892 году на службу в уездную полицию, где он честно и добросовестно служил по день своей гибели от рук террористов.

Революция, нагрянувшая на Россию, привела к падению духа и растерянности у многих представителей власти на местах. Пользуясь этим и чувствуя свою безнаказанность, повылезли на свет злонамеренные элементы. Разбой, грабежи и конокрадство широкой волной залили всю страну. Против конокрадства, этого ужасного бича тогдашней деревни, особенно успешно действовал урядник Витебской уездной полицейской стражи Василий Наумович Ефременок. «Родом он был из крестьян Войханской волости Городокского уезда Витебской губернии. В 1894 году по окончании военной службы в Старобельском резервном батальоне, он был принят на службу в полицию Витебского уезда. Трезвый, честный и верный служака, Ефременок не принадлежал к числу растерявшихся, и видя кругом творившееся безобразие, он еще ретивее принялся за местных конокрадов, действующих в пределах

Яновичской волости, за что последние и решили во что бы то ни стало отделаться от неутомимого преследователя. 1 ноября 1906 года к уряднику Ефременку поступило вымышленное заявление о краже лошадей в деревне Яновичи. Цель его состояла в том, чтобы заманить борца с конокрадством в западню. К сожалению, этот замысел убийцам удался. Следствием было обнаружено, что убийство урядника было совершено крестьянином Яковом Романовским и его пособниками Рувимом Брайном и Павлом Соновым, у которых не было никакой кражи. Сами они известные в округе конокрады, решили посчитаться с человеком, ставшим на их преступном пути. В героя-полицейского стреляли из-за угла. На его теле после убийства нашли пять пулевых ран, перелом кости голени правой ноги и нанесенную каким-то тупым орудием большую рану. Не ограничившись этим, конокрады сняли с убитого все более-менее ценные вещи: обручальное кольцо, сумку и револьвер. Так погиб на своем посту В. Н. Ефременок – верный слуга порядка, но и его убийцы получили свое по закону.

7 ноября 1908 г. был убит полицейский урядник Островского уезда Витебской губернии Дмитрий Алексеевич Наумов. В газетах о смерти его было извещено так: «7 ноября со скорым поездом Северо-Западных железных дорог доставлен в Двинск со станции Пондеры урядник 2-го стана Островского уезда Дмитрий Наумов с простреляннной правой рукой и со сквозной раной живота. Будучи помещен в железнодорожную больницу, он к утру 8-го ноября скончался после тяжелых страданий». Обстоятельства же гибели Наумова были следующими. В тот день от сиделицы винной лавки на станции Пондеры стало известно, что к ним пришел и попросился ночевать какой-то неизвестный человек подозрительного вида. Ночевать ему разрешили, но боялись его, так как в кармане у него заметили револьвер. Узнав об этом станционный жандарм Данилюк и урядник Наумов сразу же пошли к винной лавке. Как только они вошли в нее, неизвестный несколько раз выстрелил в сторону представителей власти. В ходе чего Наумов был смертельно ранен, но Данилюк, которому преступник подстрелил шинель, с помощью сидельца сумел скрутить последнего. Он оказался сбежавшим с каторги революционером. Что касается самого Наумова, то о нем известно, что он происходил из крестьян деревни Гнилки Островского уезда, окончил местное земское народное училище, воинскую повинность отбывал в 1-м финском стрелковом полку. С 1896 года служил в полиции. В служебном формуляре его имеются такие строки: «На службе поведения и нравственных качеств был хороших. Спиртные напитки употреблял в очень умеренном количестве». После Наумова остались жена, трое сыновей (Павел 11 лет, Виктор 9 лет, Алексей 6 лет и дочь Мария 6 лет).

10 декабря 1908 года от рук революционеров-экспроприаторов, а попросту грабителей, пал городовой г. Витебска Петр Антонович Клыгуль, 27 лет, римско-католического вероисповедания, запасной рядовой 19-го Архангелогородского драгунского полка из крестьян Изабелинской волости Двинского уезда Витебской губернии; поступил на службу в полицию 27 марта 1908 года, а 11 декабря того же года погиб при преследовании

злоумышленников. Обстоятельства этому были следующими. 10 декабря, рано утром, витебский полицмейстер получил донесение об ограблении Михаловщинского волостного правления Полоцкого уезда, причем сообщалось, что грабители, по совершении своего злодеяния, уехали по направлению к Витебску. Полицмейстер тотчас же приказал приставу 3-ей части Чилипенку выехать с двенадцатью конными городовыми на розыски грабителей. В числе этих городовых был и Петр Клыгуль. Выехав из города в ночь с 10-го на 11-ое декабря, отряд после усердных ночных поисков в седьмом часу утра настиг в деревне Реуты преступников. Укрывшись в доме крестьянина Лазаренко, последние бежали отстреливаясь, но пристав Чилипенок, разделив свой отряд на две части, стал энергично их преследовать. В ходе преследования все три злоумышленника были убиты, но и отряд понес потери: выстрелами убегавших были ранены городовые Онисим Староводников и Филипп Майоров, а городовой Клыгуль убит.

В атмосфере революционного беспредела 18 июня 1910 года был убит грабителями полицейский урядник Невельского уезда Витебской губернии Иван Михайлович Боровиков. «Родился он в 1878 году, в чине унтер-офицера, участвовал в сражении при Мукдене в годы русско-японской войны. За отличие получил военный орден 4-й степени, имел медаль и знаки за отличную стрельбу. В должности полицейского урядника служил три с половиной года. В день гибели Боровиков, получив заявление от одного из крестьян деревни Можели о краже у него сена невельскими мещанами Луцкими, проживающими в деревне Гемрилы, вместе с потерпевшими и понятыми сразу же поспешил туда. Прибыв к дому Луцких, урядник пригласил их на место, где была совершена кража, но когда хозяева из дома не отозвались, вместе с понятыми направился в дом. Луцкие же с криком: «Нам сюда его и надо на угощение…», набросились на не ожидавшего нападения И. М. Боровикова. Оба они, один с безменом, а другой с топором, забили его насмерть. Тяжело раненый урядник, защищаясь, успел сделать три выстрела, одним из которых одного из Луцких он убил наповал, а другого тяжело ранил. 20 июля И. М. Боровиков был торжественно с церемониалом похоронен родными и сослуживцами на городском кладбище».

Гибли в эти годы в разных уголках России и другие уроженцы Витебщины. Так, в Латвии, в Засенгофе, 11 декабря 1905 года был убит околоточный надзиратель Никанор Ильич Борисович. Сын бедного обремененного большим семейством священника села Михалова Люцинского уезда Витебской губернии Н. И. Борисович родился в 1862 году в селе Шкельбров Двинского уезда. Образование получил в Полоцком духовном училище и Витебской духовной семинарии, из которых имел наклонность к военной службе, выбыл для поступления в юнкерское училище. Но по семейным обстоятельствам мечте юноши не суждено было осуществиться. И тогда Борисович устроился в городе Двинске на службу канцелярским служителем. Долго пришлось ему ждать повышения, но в 1887 году ему, наконец, дали место околоточного надзирателя в Риге. На нем он прослужил

честно и исправно почти двадцать лет, пока не дослужился до того времени, когда кровавые бунты охватили всю Прибалтику. Их жертвой и стал витеблянин. «11 декабря 1905 года распоряжением генерал-губернатора края было предписано приставу 2-го Литовского полицейского участка произвести расследование по делу о похищении оружия в квартире капитана российского крейсера «Кондор», конфисковавшего последнее у революционеров. В этот же день вечером и был командирован в Засенгоф (один из районов Риги) для этой цели наряд полиции, в составе которого и оказался Н. И. Борисович. В то время войск в Риге было очень мало, так как все силы были брошены в Туккуму, где находились главные силы революционеров, а потому полиции приходилось действовать, опираясь на свои скромные силы. По этой причине отряд полицейских и оказался в ловушке. Более ста революционеров, блокировавших место проживания капитана крейсера, дождались когда полицейские войдут во двор названного дома, внезапно окружили и обезоружили их... После чего состоялся импровизированный трибунал, в ходе которого все плененные «борцы за свободу, равенство и братство» были приговорены к расстрелу. Приведение приговора к исполнению было осуществлено у ближайшей насыпи железной дороги. В ходе продвижения к месту казни над полицейскими издевались, «осыпая ударами ножей и кинжалов».

18 сентября в городе Асхабаде (ныне Ашхабад) был убит военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда, генерал-майор Иван Михайлович Ринкевич. Последнему по долгу службы пришлось участвовать в открытом заседании временного военного суда по делу о бунте в 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне. В ходе этого заседания в присутствии самой разнообразной публики, сидевший за спиной Ринкевича техник Морозов, ранее арестованный за пропаганду среди солдат и рабочих на Кушке, но вскоре освобожденный из-под стражи либеральным туркестанским генерал-губернатором Субботичем, в упор выстрелил в левый бок генерала, от чего тот скончался на месте. В ходе суматохи и паники, охватившей публику, Мороз пытался бежать, но безуспешно. Несмотря на то, что он сумел выбежать во двор, от полученных ранений, нанесенных ему офицерами охраны, террорист скончался.

Что касается его жертвы, то «И. М. Ринкевич происходил из дворян Витебской губернии. По окончании Константиновского военного училища служил подпоручиком в Кексгольском гренадерском полку, вместе с ним участвовал во многих сражениях русско-турецкой войны 1877–1878 годов (Горный Дубняк, Плевна, Балканы, Филиппополь и др.). После окончания в 1883 году Военно-юридической академии служил помощником военного прокурора Московского военно-окружного суда, военным следователем Твери, военным судьей, а затем и военным прокурором Туркестанского военно-окружного суда. Профессиональная и деловая репутация этого человека была безупречной. Двери его дома были открыты людям всех сословий и званий, нуждавшихся в юридической помощи, и оказывалась она, разумеется, безвозмездно. После погибшего генерала Ринкевича осталась вдова с двумя

сыновьями и дочерью. Погребен уроженец Витебщины на Ташкентском православном кладбище».

Не обошли жертвами деяния революционеров и в Могилевской губернии. «8 июня 1905 года урядник полиции Горецкого уезда Макар Никифорович Якушевич по поручению начальства находился в кафельно-израсцовым заводе в деревне Сметанке, рабочие которого под влиянием революционных агитаторов заметно волновались. Будучи человеком в возрасте за пятьдесят лет и богатым житейским опытом Якушевич, зная некоторых из рабочих, уговаривал их не поддаваться на провокации «чужаков», а самим переговорить с управляющим насчет улучшения и расценок условий труда. Бунт же, по его словам, обернется против самих рабочих. Такие увещевания урядника не всем пришлись по душе. И вечером, когда он сидел на скамейке перед своим домом и разговаривал с заведующим отделения завода, из-за угла дома раздались ружейные выстрелы, которыми полицейский был убит наповал. Из материалов дознания следовало, что Якушевича убили местные рабочие Шерстнев и Садовский из ружья, заряженного картечью, по сговору с остальными рабочими, задавшимися целью дать урок полиции, чтобы не совала нос на территорию завода. Погибший Якушевич был женат, но бездетен. За продолжительную беспорочную службу имел немало наград. Он был уважаем начальством, любим товарищами и населением за высокие духовные качества.

17 июля 1905 года был тяжело ранен, а 17 августа того же года скончался помощник пристава г. Гомеля Тимофей Алексеевич Словошевич. Погибшему незадолго до этого исполнился 31 год. «Он происходил из крестьян деревни Лучиково Слуцкой волости Минской губернии. Службу в городской полиции начал в 1898 году, а помощником пристава был назначен 15 мая 1904 года. 17 июня 1905 года, увидав на улице буйствующую толпу местных «прогрессистов», Словошевич, движимый чувством служебного долга подошел к ним и предложил разойтись. В это время из толпы раздался выстрел, которым полицейский был тяжело ранен, а по доставлению в больницу он скончался через месяц. Виновные в его гибели обнаружены не были. Покойный был холост. Прошло менее полугода после трагической кончины помощника пристава Словошевича, а на улицах Гомеля был убит еще один помощник пристава – Наум Сергеевич Асанов, которому было 30 лет, но так же, как и его предшественник отличался ревностным исполнением своего долга.

16 августа 1906 года, во время сопровождения к месту заключения революционного агитатора, на полицейских стражников Мстиславского уезда Ивана Павловича и Илью Козлова неожиданно напала разъяренная толпа из числа сторонников арестованного. Полицейские защищались как могли. Стражей порядка сбили с ног, а потом над ними издевались до тех пор, пока их тела не превратились в бесформенную массу. Опасность ответственности в конце концов сделала свое, и убийцы поспешили разбежаться. Однако большинство из них в течение недели были задержаны и преданы суду.

О погибших стражниках известно следующее. «Иван Ананьевич Павлович родился 19 сентября 1877 года в деревне Бардышевщина

Старосельской волости Мстиславского уезда Могилевской области. До призывного возраста жил в селе родителей и занимался землепашеством. Военную службу проходил в Ростовском гренадерском полку, по выходе в запас опять работал на земле. В связи с началом русско-японской войны снова был призван на военную службу. Участвовал в ряде сражений против неприятеля и ранен был в правое бедро. За мужество и стойкость был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. По возвращении с войны поступил в полицию 3-го стана Мстиславского уезда. Свою службу Павлович любил и считал ее продолжением военной.

Илья Мартынович Козлов родился в 1869 году. Он приходился земляком Павловича и жил до призыва на военную службу в селе Старое Село. В 1889 году поступил на службу в полицию, где и служил добросовестно до дня своей гибели».

13 декабря 1906 года был убит городовой города Орши Артемий Адамович Демяшкевич. «Родился он 13 апреля 1872 года в селе Дубовое Машковской волости Оршанского уезда. С малых лет мечтал носить мундир. По отбытии воинской повинности около трех лет служил тюремным надзирателем. В 1898 году он переходит для службы в Оршанскую полицейскую команду. Отличался особым усердием в выслеживании врагов общественного спокойствия. Рожденный 13-го числа, он умер тоже 13-го числа. Это число стало роковым для него на 35 году жизни. 13 декабря 1906 года Артемий Демяшкевич был командирован на городскую скотобойню для наблюдения за общественным порядком. Здесь его и выследили двое злоумышленников. Подкравшись сзади к городовому, они в упор несколько раз выстрелили в него, а затем стали добивать ножами. Несмотря на самые тщательные поиски, убийц разыскать не удалось. После погибшего осталась жена и трое маленьких детей.

15 ноября 1909 года вдали от родины, в Екатеринославской губернии, был убит городовой Верхнеднепровской уездной полиции Антон Дмитриевич Горбачев. Родился он в 1866 году в селе Залесье Покотской волости Гомельского уезда Могилевской губернии. Воинскую повинность отбывал в 57-м пехотном Модлинском полку, городовым исправно служил около десяти лет. Злоумышленники выследили городового Горбачева по дороге его с рудника «Дубовая Балка» к месту жительства в селе Боженово. Убили его выстрелами из револьвера в спину. Убегая с места преступления, неизвестные забрали оружие убитого полицейского. После погибшего остались жена и шестеро детей. За годы службы за Горбачевым закрепилась в революционных кругах кличка «Черносотенец» [52]. Во время похорон героя, кто-то из его товарищей прочитал такие строки: «Кто заветы храня чтит святых и царя, Черносотенцем тот называется». Именно таким человеком был не только он, но и многие другие жертвы революции, павшие как на белорусской земле, так и в других регионах России.

5.2. Трагедия И. Л. Блока – дяди великого поэта

За время существования Гродненской губернии (с 1801 по 1921 годы) ее губернаторами, а в просторечии – «начальниками» и «хозяевами», служили более тридцати человек. Каждый из них, какое бы время не находился на этом высоком посту, оставил свой след в ее истории. Данное обстоятельство и вызывает естественную потребность знать об этой категории чиновников как можно больше. Этот общественный и научный интерес в последнее время был частично удовлетворен выпуском в свет документально-биографических очерков «Гродненские губернаторы (1811–1917 гг.)». Его авторы, проделав большую архивно-поисковую работу, осветили в хронологической последовательности деятельность практически всех гродненских губернаторов.

Иван Львович Блок родился (точная дата неизвестна, примерно вторая половина 50-х годов XIX в.) в Пскове в обрусевшей немецкой бюргерской семье. Его дальний предок Иоаганн Фридрих Блок, медик, родом из Мекленбурга-Шверина, прибыл в Россию вместе со своим братом в 1755 году. Здесь он состоял в звании лейб-хирурга и имел чин коллежского советника. В 1796 году он был жалован дворянством и награжден поместьем в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии. Семейство Блоков было евангелистско-лютеранского вероисповедания, но в последующем все они приняли православие. Отец И. Л. Блока – Лев Александрович – был крупным чиновником, мать – Арина Александровна, урожденная Черкасова – дочь псковского гражданского губернатора. Все братья и сестры в этой семье музицировали, сам Иван Львович играл на виолончели. Старший брат Александр Львович (1852–1909), юрист и философ возглавлял в Варшавском университете кафедру государственного права. Его жена, Александра Андреевна, урожденная Бекетова (1860–1923), писательница и переводчица, была дочерью известного ученого-ботаника, занимавшего в те годы должность ректора Петербургского университета. Их сын, известный русский поэт Александр Александрович Блок (1880–1921), с детских лет (после развода родителей) воспитывался в семье деда. С отцом поэт встречался мало, но помнил его, по собственному признанию, лишь «кровно». Не общался он и с родственниками отца – высокопоставленными чиновниками, включая и Ивана Львовича, повсеместно подчеркивая, что их мир был чужд ему. Однако И. Л. Блок любил своего племянника поэта Александра Блока, гордился его литературными успехами.

Как и старший брат, И. Л. Блок окончил в 1880 году Санкт-Петербургское императорское училище правоведения и в том же году поступил на службу чиновником судебного ведомства. Трудился в должностях следователя, мирового судьи, земского начальника в Петербургской, Олонецкой и Пермской губерниях, постепенно приобретая чины коллежского асессора, надворного советника, коллежского статского, а затем и действительного статского советника. В 1891 году И. Л. Блок перешел в структуру ведомства МВД. В

1902–1904 годах служил уфимским вице-губернатором, а в 1904–1905 – в должности бессарабского вице-губернатора. Уже на этом посту Блок проявил себя сторонником жесткого, но без кровопролития, прекращения беспорядков.

4 июня 1905 года указом императора Николая II И. Л. Блок был назначен гродненским губернатором. На этом посту на его долю выпала нелегкая задача – выдержать натиск на властные структуры революционеров: в Гродно действовали (Гродненский социал-демократический комитет Бунда, Гродненская организация польской социалистической партии в Литве, Гродненская военная революционная организация РСДРП и их боевые группы). Только в одном г. Белостоке Гродненской губернии в течение полугода, с февраля по август 1905 года, из состава городской полиции были убиты революционерами исправник Ельчин, городовые Мизгер и Барцевич, тяжело ранены полицмейстер Пеленкин, его помощник Губский, полицейские приставы Жолткевич и Самсонов, околоточный надзиратель Савицкий. Дважды были ранены городовые Карпов, Григен, Поповский и Ткачук. Всего за этот период в Белостоке было убито и ранено 11 полицейских чинов, причем в семи случаях орудиями преступления были разрывные снаряды (бомбы), а в остальных – револьверные пули. В подлинную демонстрацию протеста против террора, развязанного революционерами, превратились 8 апреля 1905 года в Белостоке похороны павшего от рук анархистов донского казака Антона Лопатина.

Драматические события зимой 1905 года в Белостоке явились главной причиной освобождения гродненского губернатора М. М. Осоргина от занимаемой должности. Прибывший ему на смену И. Л. Блок, поняв безуспешность разрозненных усилий в борьбе с террором, объявил 7 сентября 1905 года Белосток на военном положении. С этого времени террор в городе практически прекратился. Был отмечен и спад деятельности боевой группы Польской социалистической партии в губернском Гродно. Две попытки ее членов убить полицмейстера Гоннисаретского закончились безрезультатно. Правда, при этом был ранен полицейский Грико и убит случайный прохожий Вильчинский.

Митинги, демонстрации и забастовки рабочих, чиновников, учащейся молодежи и солдат местного гарнизона подавлялись в ту пору не только силою армии и полиции, но и обдуманными действиями самого губернатора. Он смело шел на переговоры с протестующими, предлагал свои варианты решения тех или иных политических и экономических проблем, добивался уступок рабочим со стороны владельцев предприятий, солдатам со стороны военного командования, учащимся – за счет собственных властных решений. 18 октября 1905 года на 5-тысячном митинге горожан в центре города он лично зачитал царский манифест о даровании стране демократических свобод, а когда представители революционных организаций потребовали от него освобождения из городской тюрьмы политических заключенных, он не побоялся ответить толпе, что такие решения принимает не он, губернатор, а суд. Когда же толпы митингующих бросились сами открывать ворота тюрьмы, то там они

столкнулись с твердой решимостью солдат 101-го Пермского пехотного полка, не допустивших беззакония и погромов.

Твердость и неуступчивость губернатора, в сочетании с разумным компромиссом, позволяли ему удерживать ситуацию в Гродно и губернии, что называется «под контролем».

Вот на этой волне «относительного умиротворения» на Гродненщине и состоялось назначение И. Л. Блока 3 февраля 1906 года самарским губернатором. Между тем отъезд из Гродно И. Л. Блока и сразу последовавшая после этого отмена военного положения в Белостоке вызвали здесь новую волну революционного террора. В течение весны 1906 года жертвами его стали 22 представителя государственной власти.

Что касается Поволжья и, в частности, города Самары, то здесь ситуация была еще сложнее. Террор достиг небывалых размеров. Особенно активно использовали его в борьбе с властями социал-революционеры (эсеры), не отвергали его и социал-демократы (эсдеки). В ту пору императору Николаю II казалось, что гродненский опыт поможет И. Л. Блоку и на новом месте службы. Накануне его приезда в Самару эсеры дважды попытались убить начальника местного гарнизона генерала Сергеева. 15 декабря 1905 года в него трижды неудачно стрелял эсер-боевик Власов, а 27 декабря рабочий-эсер Жуков бросил в пролетку бомбу, которая причинила генералу лишь легкое ранение. Параллельно шла подлинная «охота» на чинов местной полиции и жандармерии. Справиться в Самаре гродненскими методами новому губернатору, что называется «сходу», при всем его рвении, так и не удалось. Тогда-то в помощь Блоку министр внутренних дел П. А. Столыпин назначил вице-губернатора Ивана Францевича Кошко, опытного политика и хозяйственника. В своих воспоминаниях он так характеризовал губернатора: «…человек лет под 50, со свежим лицом, обрамленным порядочно седой бородой. Волосы тоже с сединой, серого цвета, зачесанные назад, а шевелюра обильная, никакого признака лысины. Одет он был в китель английского сукна, с орденами на шее. Замечались выхоленные руки с тщательно блиставшими розовыми слегка заостренными ногтями. Впечатление очень симпатичное, хотя лицо усталое и неподвижно серьезное».

За нераспорядительность и мздоимство новый губернатор снял с должности большое количество чиновников высокого и среднего звена. Строго следил за цензурой. В разговоре с Кошко он как-то заметил: «…рискуешь жизнью, треплешь до изнеможения нервы для поддержания спокойствия, чтобы люди могли жить по-человечески, и что же повсюду встречаешь? Не только нет тебе никакой поддержки, а на каждом шагу до тебя доходят одни осуждения; едешь по городу и ловишь взгляды, полные ненависти, точно ты какой-нибудь изверг, пьющий человеческую кровь». Решительные действия Блока по пресечению антиправительственной деятельности, подавление крестьянских бунтов, проведение широких арестов в революционной среде, вызывая недовольство либералов, сразу же настроили против него и террористов. В июне 1906 года Поволжский съезд партии эсеров вынес И. Л.

Блоку смертный приговор. Через месяц, 21 июля 1906 года, член летучего эсеровского отряда, бывший большевик столяр Фролов привел этот приговор в исполнение.

Террориста удалось схватить. Сначала он говорил, что только «проходил мимо этим местом», но позже признался во всем. В 1924 году этот революционер в журнале «Каторга и ссылка» вспоминал: «Что за человек был самарский губернатор… я не знал; да это в то время было неважно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором… Для нас было важно одно: он являлся представителем грубого монархизма…».

Среди интересных фактов, относящихся к кончине И. Л. Блока, чаще всего называют два. Первый связывают с тем, что он стал тринадцатым, т. е. «несчастливым» по счету самарским губернатором (в Гродно он был тридцатым). Второй факт также имел какие-то мистические черты. Известно, что Иван Львович был наделен некоторыми художественными талантами. В Самаре, в его квартире, висела картина, написанная им самим. В момент его убийства 21 июля 1906 года эта картина почему-то упала со стены. Вообще в роду Блоков подобного мистического было немало. Курьезный факт: имя Александра Львовича Блока, опубликовавшего в возрасте 28 лет свое первое стихотворение, появилось в печати в год рождения его сына Александра Александровича. Впоследствии брат гродненского губернатора обращался к сыну с просьбой не выступать в печати под своим именем, а придумать себе псевдоним, чтобы никто не подумал, что это он, солидный профессор, писал декадентские стихи.

Гибель И. Л. Блока вызвала недовольство самарских и столичных властей работой начальника губернского жандармского управления (ГЖУ) генерал-майора Каратеева. Самарский вице-губернатор И. Ф. Кошко послал телеграмму бывшему гродненскому губернатору, а в то время – министру внутренних дел П. А. Столыпину с просьбой о замене начальника местного ГЖУ. Министр распорядился немедленно отстранить Каратеева от должности и направить на его место полковника М. П. Боброва, которого он хорошо знал, еще когда губернаторствовал в Саратовской губернии. Новому начальнику к началу октября 1907 года удалось ликвидировать основную группу местных эсеров. Тем не менее с террором покончить не удалось. В декабре в Самаре организовалась группа для убийства Боброва. Исполнение приговора революционеров было возложено на приятеля Фролова рабочего Петра Романова. В 1906 году он вступил в РСДРП, был арестован, в тюрьме познакомился с эсерами. Выйдя на свободу, перешел к ним, раздобыл браунинг и начал слежку за жандармским полковником. Накануне Рождества, 19 декабря 1907 года, в 19 часов, когда Бобров шел с женой по главной улице Самары Дворянской с покупками, к нему подошел Романов и застрелил его.

31 января 1908 года Романов был схвачен в Москве и доставлен в Самару. На допросах в ГЖУ он «хранил упорное молчание». 5 декабря того же года в военно-окружном суде при закрытых дверях слушалось его дело, и случилось непредвиденное – суд оправдал убийцу, так как обвинению «не удалось собрать

доказательств». Жандармы не успели обжаловать этот вердикт, но боевика все же осудили по обвинению к принадлежности к партии эсеров на четыре года каторги.

Революция 1905–1907 годов потерпела поражение еще и потому, что, в отличие от февраля 1917 года, в рядах царской администрации нашлись люди, бросившие ей вызов. Мало кто из них умер своей смертью. В те годы назначение на высокую должность означало смертный приговор. Он был вынесен вначале И. Л. Блоку, а позднее, в 1911 году, также бывшему губернатору Гродненской губернии П. А. Столыпину. «Подсчитал ли кто-нибудь и доложил ли Царю, сколько всего жертв погибло с января 1905 года благодаря политике заигрывания с вождями революции, – писал 3 января 1907 года в журнале «Русское Знамя» П. Ф. Булацель. – Известно ли вам, что с февраля 1905 года по ноябрь 1906 года включительно убито и тяжело ранено генерал-губернаторов и градоначальников – 67; исправников, приставов и околоточных – 315; полицмейстеров и их помощников – 57; городовых – 347; офицеров охранного отделения и жандармского корпуса – 47; нижних жандармских чинов – 95; агентов охранной полиции – 74; армейских и гвардейских офицеров – 124; нижних чинов армии и гвардии – 382; чиновников гражданского ведомства – 215; духовных лиц – 53; представителей сельских властей – 68; землевладельцев – 73; фабрикантов, заводчиков и высших служащих – 117; купцов и директоров разных обществ в Юго-Западном и Варшавском округе – 72; простых рабочих, крестьян и людей без определенных профессий убито частью самими революционерами, частью во время столкновений революционеров с войсками и черносотенцами, всего 32 706 человек. По некоторым сведениям, дальнейшее развитие революционного движения, вплоть до середины 1907 года, увеличило число жертв более чем вдвое. Что касается последующих лет, то волна революционного террора то падала, то поднималась.

Могилы этих людей, разных по возрасту, социальному, национальному и конфессиональному положению, но объединенных единственной целью – служение своему Отечеству, разбросаны по большим и малым кладбищам бывшей Российской империи. Их жизнь и смерть, равно как и губернатора И. Л. Блока, достойны осмысления и новой интерпретации не с классовых, а общечеловеческих позиций.

5.3. Жандармский офицер Н. А. Грибоедов из рода знаменитого литератора

Более десяти лет тому назад, работая над книгой «Гродненский православный некрополь», я не мог не обратить внимания на могилу, надпись на надгробии которой гласила: «Николай Антонович Грибоедов (1866–1906). Подполковник отдельного корпуса жандармов. Убит 28 августа 1906 г.» Перечитывая эту надпись, я вглядывался в лицо человека в военной форме, запечатленное на овальном медальоне, и невольно подумал и о великом

однофамильце человека, упокоившемся на гродненской земле – об Александре Сергеевиче Грибоедове (1795–1829), авторе знаменитой комедии «Горе от ума».

Припомнилось, что известный писатель и дипломат в Отечественную войну 1812 года, будучи офицером гусарского полка, неоднократно бывал в ряде мест Гродненской губернии. Летом и осенью 1813 года его полк постоянно менял свое местопребывание и дислоцировался в Кобрине, Дрогичине, Слониме, Брест-Литовском, а также в окрестных деревнях. В Брест-Литовске корнет Грибоедов стал, по существу, на тот путь, на котором его повстречала мировая слава. Вначале он выступил в печати с корреспонденцией «Письмо из Брест-Литовска», где рассказал о праздновании в городе окончания войны. «Праздник, в котором участвует сердце» – так называл этот день Грибоедов – стал темой его первого выступления в печати. Затем была опубликована его другая статья в журнале «Вестник Европы». Она называлась «Об кавалерийских резервах». Однако молодой Грибоедов не был удовлетворен деятельностью публициста. Его все больше увлекала серьезная литературная работа и запас жизненных впечатлений, исчерпнутых на Гродненщине, спустя годы нашел свое обращение в главном творении его жизни [14].

Тогда же над скромной могилой подумалось о возможном родстве Николая Антоновича и Александра Сергеевича Грибоедовых, однако поиски его по горячим следам не дали искомого результата. И потому в моей книге «Гродненский православный некрополь», вышедшей в свет в 2001 году, о Грибоедове, похороненном на старом православной кладбище в Гродно по улице Антонова, были написаны лишь следующие строки: «Грибоедов Николай Антонович (1866–1906), из потомственных дворян, родился в Вильно, окончил Псковский кадетский корпус, подполковник отдельного корпуса жандармов, с 1905 года – помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления по Гродненскому, Слонимскому и Волковысскому уездам, с 1906 года – по Белостокскому и Сокольскому уездам. Убит террористами при исполнении служебных обязанностей 28 августа 1906 года» [139, с. 77].

В этих скупых строках была лишь та информация, которую удалось найти тогда в документальных материалах Национально-исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. Неполнота ее была очевидной не только по главным вехам биографии погибшего офицера, но и по обстоятельствам постигшей его трагедии. Напрашивалась в подтверждение и мысль о степени родства двух Грибоедовых, ведь по утверждению ученых, занимающихся генеалогией (историей родов, родословием), все однофамильцы – это родственники, причем как близкие, так и далекие.

И подтверждение этому в нашем случае, хотя и через ряд лет, мне все-таки удалось найти. В вышедшем в 1908–1911 годах в Петербурге в многотомном издании «Книга русской скорби» по спискам жертв революционного террора в России я обнаружил среди множества имен уроженцев Беларуси, погибших при исполнении своих служебных обязанностей, не только имя героя нашего очерка, сведения об обстоятельствах

его трагической гибели, но и указание на его родство с прославленным литератором.

Давайте полистаем странички этого печального очерка, почерпнутые из 4-го тома (выписка) упомянутого издания. На одном из них читаем: «Николай Антонович Грибоедов родился 13 октября 1866 года в известной дворянской семье, родом от деда великого творца «Горе от ума». По прямой линии происходил от родного дяди писателя» [53]. При проверке этой информации по «Русской родословной книге» (СПб., 1873) и трудам, посвященным истории семьи Грибоедовых, стало известным, что дедом писателя А. С. Грибоедова был Иван Никифорович Грибоедов (1721–1800), занимавший в свое время высокие военные и административные посты во Владимирской губернии. Судя по всему, помещиком же он был небогатым, так называемым мелкопоместным. В принадлежащих ему владениях имелось всего «восемьдесят восемь душ мужского пола». Иван Николаевич Грибоедов имел сыновей Никифора, Сергея и дочь Екатерину. Никифор Иванович (1759–1806) после выхода в отставку из конной гвардии в звании поручика служил во Владимирском уездном суде заседателем в звании губернского советника. Его младший брат Сергей Иванович (1764–1814) стал отцом создателя комедии «Горе от ума», а это значит, что Никифор Иванович приходился писателю родным дядей, а наш Николай Антонович был для Никифора Ивановича, вероятнее всего, внуком или правнуком [99].

Обратимся теперь к основным вехам биографии Николая Антоновича Грибоедова. Выясняется, что свое образование, кроме как в Псковском кадетском корпусе, он также получал в Павловском военном училище, в которое был переведен из Николаевского кавалерийского, так как по состоянию здоровья не мог нести службу в кавалерии. В 1889 году он был произведен в офицеры 102-го Вятского пехотного полка, входившего в состав Гродненского гарнизона. В 1897 году Н. А. Грибоедов перевелся в отдельный корпус жандармов с назначением на должность Витебского ГЖУ (губернского жандармского управления). В 1900 году он возвращается в Гродно в качестве помощника начальника Гродненского ГЖУ по городам Гродно и Белосток, а также по вышеуказанным уездам губернии.

Политическая остановка здесь была весьма сложной. Особенно большое беспокойство властей вызывал г. Белосток, где действовал целый ряд политических организаций, включая деятельность анархистов-террористов. От их рук только за период 1905 – начало 1906 года было убито-ранено свыше 30 представителей государственной власти, честно исполнявших свой служебный долг. Атмосферу того времени хорошо передал в своих воспоминаниях Гродненский губернатор М. М. Осоргин: «Было беспокойно, революционеры обнаглели. Белосток особенно кипел. Телефонные звонки из Белостока чаще всего воспринимались с вопросами: «Что случилось?! Кто убит?» Ввиду частых забастовок в городе ежедневно назначался наряд кавалерии и воинские части в помощь полиции… Когда я приехал в Белосток в связи с убийством исправника Ельчина, то собрать сведения по всем ближайшим больницам о поступивших за

последние сутки больных с ранами от огнестрельного и холодного оружия. Но революционеры были умнее меня: они своих раненых лечили на дому, скрывали. В этот мой приезд я посетил семью убитого, отслужил панихиду у его гроба и главным образом, старался подбодрить упавший дух Белостокской полиции. Каждый из них думал, что скоро его черед настанет… Сам я уже не брал к себе в экипаж никого, не желая подвергать своего спутника опасности. Помню, как проезжая по городу в извозчичьей коляске, я был удивлен, увидав незнакомую мне даму, которая вдруг остановилась и осенила меня широким крестом…» [86].

Работая в Белостоке, Грибоедов, по мнению начальства, проявил себя с самой лучшей стороны. Несмотря на то, что он не имел юридического образования, все его следственные действия осуществлялись в « самой строгой правильности, сначала удивившей прокуратуру Гродненского окружного суда, пока чиновники ее не привыкли к строгой закономерности дознаний, производимых этим офицером: «Медлительность их с избытком восполнялась быстротой исполнительности действий, когда материал наблюдений указывал на своевременность энергичных мер».

С утра до глубокой ночи Грибоедов был в работе. Никакие угрожающие его жизни действия революционеров-террористов не ослабляли его ревностного отношения к службе. Тщетны были мольбы его домашних, уговоры сослуживцев и начальства об осторожности. Он бесстрашно и упорно делал свое дело. Летом 1905 года офицер настоятельно доказывал губернскому начальству необходимость введения в Белостоке и уезде военного положения, однако только в начале сентября оно было введено, что позволило сразу после этого раскрыть деятельность нелегальной типографии с готовыми к выпуску прокламациями и хранящимся там оружием, включая и бомбы большой ударной силы. В ходе операции был арестован ряд деятелей анархических групп.

В отношении служебной деятельности Грибоедова заигрывания с либерализмом гродненская адвокатура распространяла слухи, что Николай Антонович бывал «жесток» и на допросах. Но в действительности то, что называлось жестокостью, было спокойной выдержкой и прозорливостью опытного следователя, не дававшего ввести себя допрашиваемыми в заблуждение.

Дорого обходилась Грибоедову эта выдержанность и постоянная напряженность в работе. К счастью, его усилия были замечены: 6 декабря 1905 года за отличие вне очереди он был произведен в подполковники.

В феврале 1906 года нервы офицера оказались настолько натянутыми, что он стал временами жаловаться на невозможность работать «так, как привык». А 18 марта на жизнь жандармского офицера было произведено покушение. В помещение из двух комнат, где находилась канцелярия Грибоедова, были брошены террористами две ударные бомбы. В первой комнате от взрыва был убит унтер-офицер Рыбицкий, разбиравший почту, и тяжело ранен вахмистр Никитевич. Во второй комнате, где в это время никого не было, была

разрушена стена, свалены на пол все шкафы с документами. Н. А. Грибоедов в это время производил допрос в городском управлении полиции, где находилось арестантское отделение, а потому и уцелел.

Прибывшие к месту происшествия пиротехники сразу же обнаружили в парадных сенях помещения вторую бомбу с почему-то погасшим фитилем. По их мнению, эта бомба должна была взорваться через час после первого взрыва с тем, чтобы жертв от этого было еще больше. Террористы явно целились в Грибоедова.

Убедившись в этом, в штабе корпуса жандармов предложили подполковнику Грибоедову перевод на такую должность в г. Царицын. Дав согласие на этот шаг, офицер одновременно спросил разрешения остаться в городе до той поры, пока в нем не будет снято военное положение. И он также бесстрашно продолжал делать свое дело, принимая участие в усмирении погромщиков, в арестах террористов для вхождения жизни Белостока в нормальное русло.

После приезда в Белосток из Читы сменщика Грибоедова ротмистра Балабанова, он решил съездить в губернский Гродно, чтобы проститься со своим начальством, сослуживцами и знакомыми. Организовав слежку за офицером, неизвестные злоумышленники подкараули его в то время (28 августа, в 4 часа пополудни), когда он шел на встречу со своими сослуживцами через многолюдный сквер между Софийским кафедральным собором и фарным костелом. Последнее совершенно не смутило обнаглевших до предела заговорщиков. Ввязавшийся в это гнусное дело террорист стрелял из браунинга наверняка в шею, что называется в упор. Об этом свидетельствовал простреленный воротник кителя офицера, который оказался при осмотре тела сильно подпаленным. Пуля вылетела в щеку пониже правого глаза. Обливаясь кровью, убитый наповал Грибоедов упал на мощенную булыжником землю.

Вечером того же дня в усыпальнице Гродненского военного госпиталя, у гроба убиенного, состоялась панихида, которую почтили своим присутствием представители гражданских и военных властей, депутация 102-го Вятского пехотного полка, где Грибоедов начинал военную службу, и все, находившиеся в городе его сослуживцы во главе с начальником Гродненского ГЖУ генерал-майором Н. П. Пацевичем, при котором Николай Антонович начинал в Витебске свою службу в жандармском корпусе.

На следующий день из той же усыпальницы в выносе гроба с телом погибшего офицера приняли участие: командир 2-го артиллерийского корпуса генерал-лейтенант Поволоцкий, вице-губернатор Столяров, начальник ГЖУ генерал-майор Пацевич, а также сослуживцы Грибоедова. После постановки гроба на траурную колесницу, похоронная процессия двинулась по заполненным людьми улицам Саперной и Соборной (ныне Дзержинского и Советской) к Софийскому кафедральному собору, где на следующий день состоялось отпевание покойного, к которому прибыла делегация от Белостокского полицейского управления. На гроб павшего от рук террористов офицера было возложено много венков, в том числе венок от гродненского

губернатора, возложенного по распоряжению находившегося в Петербурге генерал-майора Зейна, переданного по телеграфу. Вдовой покойного Н. Ф. Грибоедовой была получена телеграмма соболезнования от Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, помнившего покойного со времени нахождения им в 1902–1903 годах на посту гродненского губернатора. В телеграмме говорилось: «Глубоко огорчен смертью вашего мужа, о котором сохранил память как о доблестном офицере. Столыпин».

Убитый за свою беззаветную преданность своему служебному долгу Николай Антонович Грибоедов был похоронен на Гродненском православном кладбище по Иерусалимской (ныне Антонова) улице, где на заупокойной службе в 9-й день его кончины снова собрались гражданские и военные чины во главе с губернатором Зейном и депутация 102-го Вятского пехотного полка [53].

Лишь спустя столетие стало известно, что убийство подполковника Н. А. Грибоедова стало делом рук гродненской организации эсеров-максималистов. Совершить убийство было поручено ее члену Исселю Валлаху, который и выслеживал подполковника. Ныне известны и детали этого покушения. Грибоедов, заказав себе в одном из магазинов офицерских вещей погоны, назначил время своего прибытия за ними около шести часов, к этому времени Валлах и должен был прийти к магазину. Но Грибоедов пришел за погонами раньше, около пяти часов, и работавший здесь член организации Мовше Длугач, боясь, что офицер ускользнет, успел выбежать из магазина раньше его и в 50-ти шагах от магазина совершить убийство. К этому убийству были также причастны эсеры-максималисты Соня Гольберт и Давид Бехтерь.

В наши дни могила одного из представителей рода Грибоедовых мало кому известна. Но она сохранилась, несмотря на колючие десятилетия неприятия советским обществом всего того, что напоминало о самодержавной власти и ее прислужниках. Сегодня былая монополия на историческую правду в значительной степени поколеблена, и это дает основание людям уважительно относиться к памяти о тех, кто по-своему понимал эту правду и, не щадя жизни, верно служил своему Отечеству. Ему честно служил вольнолюбивый поэт и дипломат А. С. Грибоедов, растерзанный фанатичной толпой в Тегеране, с думой о родине пал от руки террориста в Гродно и один из его потомков жандармский офицер Н. А. Грибоедов.

5.4. Генерал С. В. Козлов – воин, историк и писатель

В занятиях историей часто бывает такое, когда в поисках своего заветного нередко «наталкиваешься» на факт, события или имя, на первый взгляд ничего не дающие в решении поставленной задачи. Казалось бы, чего проще в данной ситуации – не твое, а значит двигайся вперед. Однако внутреннее исследовательское чувство, запавшее на чем-то и по-своему

интересном в данной ситуации, вдруг начинает нашептывать тебе: «Не спеши, погоди, а вдруг это вроде бы случайно найденное еще тебе пригодится». Так было и в случае с С. В. Козловым – жертвой революционного террора 1905–1907 годов, но никак не подходившего мне тогда для исследования темы по территориально-административному принципу (Гродненская губерния). И только одно, а именно – широта натуры Козлова, увлеченность его биографией генералиссимуса А. В. Суворова продолжало поддерживать интерес к этой личности. И уже через непродолжительное время, опять-таки через Суворова удалось узнать о родственных связях между Козловым и Столыпиным. Оказывается, биограф Суворова был женат на правнучке генералиссимуса – Александре Александровне (Суворовой-Рымникской). Жена П. А. Столыпина Ольга Борисовна Нейдгарт также приходилась правнучкой великому полководцу, а Алексей Александрович Столыпин был адъютантом Суворова.

Что же удалось узнать о самом С. В. Козлове. Родился он 23 июля 1853 года в Петербурге в семье гвардии полковника Владимира Павловича Козлова и Орловой Марии Сергеевны. Окончив в 1872 году с отличием Пажеский императорский корпус, С. В. Козлов был произведен в корнеты лейб-гвардии конного полка, в котором он пробыл, однако, сравнительно недолго: начавшаяся вскоре после этого война России с Турцией вызвала огромный патриотический подъем у офицерской молодежи. И наш герой не захотел оставаться в Петербурге тогда, когда его товарищи-офицеры проливали кровь за отечество, и перевелся во Владикавказский конный полк Терскаго казачьего войска. После сражений под Плевной в конце ноября в 1877 года С. В. Козлов был послан генералом Крюдинером, при котором он состоял ординарцем, лично доложить императору Александру II о результатах сражений под этой турецкой крепостью. После чего императором было поручено поблагодарить от высочайшего имени те войсковые части, при которых он был ординарцем; кавказскую бригаду и отряд генерала Скобелева. Исполняя это высокое поручение, Козлов, находясь при рекогносцировке у Ловче, получил от генерала Скобелева приказание снять кроки с укреплений неприятеля. Обладая даром рисования, офицер исполнил это поручение в течение двух часов, находясь все время под огнем турок. За свои героические подвиги 24-летний офицер был награжден орденом Св. Анны и Св. Станислава с мечами и бантами, а также чином воинского старшины. По окончании войны С. В. Козлов сначала был прикомандирован к штабу войск гвардии Петербургского военного округа, а вскоре после этого переведен на гражданскую службу в министерство государственных имуществ чиновником особых поручений VI класса, с переименованием в гражданский чин. Пробыв на гражданской службе около шести лет, Козлов в 1885 году вновь перешел на военную службу адъютантом к командующему войсками Виленского военного округа. Зарекомендовав себя с лучшей стороны и на этой должности он через пять лет командируется в Мервскую область, а потом ему поручают исправление обязанностей начальников уезда Краснозаводского и Тедженского уездов. За умелое руководительство указанными уездами офицера через полгода

производят в полковники и вскоре назначают штаб-офицером для особых поручений при начальнике Главного штаба. После службы в этой должности в 1903 году он получает чин генерал-майора.

С началом русско-японской войны его назначают на службу в распоряжение наместника императора на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева. Там С. В. Козлов принимал активное участие в военных действиях. Сначала он был назначен состоять в военных агентах, командированных иностранными государствами в российскую армию, потом Козлов находился в распоряжении генерала барона Штакельберга, принимал участие в ряде сражений с японцами при Вафангоу, Вафандзянды и Дашичао. Получив под личное командование казачью бригаду, он жаждал показать себя в самом лучшем виде, но принять участие в боевых сражениях он так и не смог. Из-за тяжелой четырехмесячной болезни вынужден был покинуть театр войны, возвратясь в Петербург совершенно больным. Боевые подвиги генерала в Маньчжурии были оценены по достоинству. Он был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степени с мечами, а также золотым оружием с надписью «За храбрость». До и было за что: не раз во время боя, как свидетельствовали очевидцы, бросался вперед на врага, и солдаты, видя как самоотверженно ведет себя в бою генерал, следовали с удвоенной храбростью за своим великаном-командиром. Фигура С. В. Козлова – красавца огромного роста, как нельзя лучше подходила для воодушевления солдат: его издали весьма хорошо было видно, а так как он всегда был впереди во время боя, то и нижние чины смело шли за ним в атаку и добивались успеха.

Не даром же именно ему было приказано бароном Штакельбергом в одном из боев вести обратно в бой части, отступившие ранее, и генерал Козлов воодушевил солдат своим примером, а враг не выдержал атаки русских и тут же отступил.

Не только храбрым воином, но и замечательным писателем и историком являлся Сергей Владимирович Козлов. Будучи женатым на правнучке знаменитого фельдмаршала Суворова – княжне Александре Александровне Италийской, графине Суворовой-Рымникской, он посвящал все свое время сбору сведений о знаменитом прадеде жены и составил их огромную коллекцию. Последняя представляла собой действительно выдающуюся редкость, ибо в ней среди других экспонатов имелась такая вещь, как, например, карта Италии, по которой великий полководец осуществлял победоносное наступление русских войск. Его перу принадлежат и многие трактаты и брошюры, посвященные памяти Суворова, из которых одна под названием «Изображение Суворова» была благосклонно принята императором Александром III, велевшим поблагодарить отставного генерала за его замечательный труд. По высочайшему повелению он был командирован в 1899 году во Францию, Италию, Швейцарию для собирания и обработки материалов для написания монографии «Поход Суворова в Швейцарию». Годом раньше он присутствовал в качестве представителя России в Швейцарии на торжественном открытии памятника, сооруженного на С. Готарде у Чертова

моста в память перехода через него в 1799 г. русских войск под начальством Суворова.

Однако не только составлением биографии Суворова занимался Козлов, ему также принадлежали труды и в других областях исторической науки, к сожалению, многие из них остались незавершенными. Это «История Древней Эфиопии и Абиссинии», «История Древней Азии», переводы с английского языка книги Робертса «41 год в Индии» (по распоряжению военного министра), труда Нормана «О России» (по распоряжению главного штаба), брошюра «Китай. Гражданское и уголовное законодательство» (составлена по приказанию военного министра), брошюра – разбор отчета путешественника Булатовича «От Энрото до реки Баро». Особое место в работах Козлова занимает труд «Суворов в его изображениях» на русском и французском языках, а также многочисленные статьи: «Взятие Суворовым Праги», «О селе Кончанском», «О Абиссинии» и др.

С ранней молодости этот человек был любим всеми, кто его знал по жизни и с кем ему приходилось соприкасаться по службе: человек добрый, чуткий – он охотно шел навстречу просьбам людей, обращавшихся к нему за помощью и делился с ними всем, чем только мог. Но людская зависть часто отравляла ему жизнь. Дважды он выходил в отставку вследствие козней злых людей, но потом был принимаем обратно, благодаря заступничеству тех, которые хорошо знали этого доброго человека.

Незадолго до своей смерти С. В. Козлов жил на даче в Петергофе, завершая свой труд «История Эфиопии и Абиссинии» и мечтая поскорее выйти в отставку, с тем чтобы мирно поселиться навсегда в Петергофе. Никаких предчувствий у него никогда не было, да и не могло быть. Он никогда никому не делал зла и вправе был ожидать, что и ему отплатят тем же. Впрочем, в последние дни во время прогулок в парке он не раз замечал, как вокруг него крутились какие-то неприятные личности. Но генерал, конечно же, не придавал этому особого значения, ввиду того, что в Петергофе вечно бросались в глаза какие-то люди: не то нищие, не то сыщики. В самый же день гибели генерала одна знакомая, гадая ему на картах, предсказала «смерть», но не ему лично, а какой-то даме, и поэтому немного встревоженный генерал попросил свою жену беречься, думая, что предсказанная опасность может относиться к ней. В роковой день 1 июля 1906 года он хотел поехать в город и подать в отставку, но отложил это до другого дня. Вечером он был как-то особенно грустен и захотел пойти с женой на музыкальное представление, проходившее в нижнем парке. На концерте они оставались не особенно долго и из-за начавшего накрапывать дождя вскоре решили направиться домой. Генерал пошел вперед, идя в нескольких шагах перед женой, с тем чтобы вызвать экипаж, но ввиду их значительного движения приостановился около дерева при выходе, чтобы дать немного уменьшиться экипажному наплыву. Этим моментом воспользовался высматривающий его революционер-террорист, следовавший за ним по пятам и думавший, что перед ним генерал Трепов – бывший московский обер-полицмейстер, генерал-губернатор Петербурга, а в обозначенное время

товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий отдельным корпусом жандармов. Подскочив к генералу спереди, убийца, а им оказался некий Васильев, внезапно трижды выстрелил из браунинга ему в грудь и голову, после чего бросился отстреливаясь бежать. Задержанный публикой убийца был препровождѐн в полицейский участок, где на предложенные вопросы ответил, что убил «кого надо». Спустя непродолжительное время революционер-террорист Васильев был казнен.

На момент гибели генерал-майору С. В. Козлову было 53 года. Он был полон сил и планов относительно дальнейшей литературной и научной деятельности. Однако им, к сожалению, не удалось свершиться. Остались лишь незавершенные рукописи, а его коллекция предметов, имевшая отношение к жизни А. В. Суворова и его эпохе, не принятая по каким-то соображениям военным министерством в фонды Суворовского музея, со временем постепенно разошлась среди родных и близких генерала.

Жена С. В. Козлова – Александра Александровна Суворова-Рымникская (не дочь, как в некоторых источниках, а правнучка великого полководца) родилась в 1844 году (т. е. была на девять лет старше своего мужа) от брака внука А. В. Суворова – Александра Аркадьевича с Любовью Васильевой Ярцевой. Умерла же она в 1927 году. У супругов Козловых были две дочери: Мария, фрейлина, замужем за графом Ф. Н. Литке, а также Апполинария – ее вторым мужем был В. К. Небольсин. По некоторым сведениям гродненский губернский инженер В. Ф. Небольсин (1822–1900), похороненный на старом городском православном кладбище, приходился последним родственником [139, с. 87–88].

За заслуги перед Отечеством С. В. Козлов был награжден следующими орденами Российской империи: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1878), Святого Станислава 2-й степени (1886), Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1877), Святой Анны 2-й степени (1895), Святого Владимира 4-й степени (1906), орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами (1905), а также золотым оружием «За храбрость» (1904). Были у него и награды иностранных государств: Абиссинский орден Печати Соломона 2-й степени (1869), Бухарский орден Золотой звезды 2-й степени (1869), французский офицерский крест ордена Почетного Легиона (1897), Аварийский орден Железной короны 2-го класса (1901), Испанский орден Карлоса III (1901), Черногорский орден князя Даниила 12-й степени (1901), Папский орден Пия IX командорский крест 2-го класса (1902), Саксен-Веймарский орден Белого Сокола со звездой (1901) [162].

П. А. Столыпин, назначенный 26 апреля 1906 года министром внутренних дел страны, разумеется, не мог не знать об убийстве генерала Козлова, но масштабы революционного террора в ту пору были столь огромны, что откликнуться на эту трагедию не мог чисто физически. А через месяц с небольшим (12 августа) было совершено покушение на жизнь самого министра. В результате взрыва, устроенного террористами на его даче на Аптекарском острове, оказалось 27 убитых и 32 ранены. Пострадали дочь

Наташа и сын Аркадий. Россия находилась тогда на краю пропасти [114, с. 134–135.].

5.5. О судьбе дуэлянта графа Н. М. Цукатто

В моей книге очерков «Звенья цепи единой» вместе с другими был помещен и очерк «Дуэль в урочище ―Єекретном”». В нем, как мне кажется, удалось на базе уникальных архивных документов значительно расширить былые представления исследователей о гродненском периоде военной службы корнета-литератора Всеволода Владимировича Крестовского (1839–1895 гг.)

В основе содержания этого очерка было положено «Дело о дуэли, произведенной корнетами 14-го Ямбургского уланского полка Крестовским и Цукатто 4 августа 1870 года», хранящееся в фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ г. Гродно) [142, с. 341–344]. Опуская все детали этого дела, получившие освещение в вышеуказанной статье (конфликт между офицерами, возникший на минеральных водах в Друскениках; слухи по этому поводу и разбор случившегося на уровне военного и полицейского начальства), следует лишь упомянуть донесение гродненского уездного исправника В. С. Гречанина на имя губернатора князя Д. М. Кропоткина, поставившего, что называется, все точки над «и» в случившемся инциденте: «…4 августа в 4 часа утра в урочище ―Єекретном”, что в г. Гродно, была дуэль между корнетами Крестовским и Цукатто. К первому из них были секундантами штаб-ротмистр Арбузов и поручик Тимченко, а у последнего штаб-ротмистр Рошковский и поручик Муфель. По секретному дознанию обнаружено, что указанные офицеры действительно стрелялись в овраге неподалеку от урочища ―Єекретного” из пистолетов, но вреда и увечья друг другу не нанесли. О действительности этой дуэли подтвердил сам Крестовский. О чем именно честь донести Вашему Сиятельству».

Судя по имеющимся документам, на этом дело о ссоре в Друскениках и ее продолжении в Гродно начальством было закрыто, исходя из соображений последнего: «Все живы, и слава Богу!» Характерно, что начальство не стало разбираться и по поводу того, из-за кого собственно возникла ссора, а затем и дуэль. Как всегда, вероятнее всего, в этом деле была замечена женщина. Но кто она? Молода ли, красива? Из какого рода? Ответы на эти вопросы пока остаются тайной. Что же касается самих дуэлянтов, то военное начальство, руководствуясь принципом «от греха подальше», откомандировало корнета-литератора Всеволода Крестовского в Главный штаб в Петербург для написания истории своего полка, а корнет граф Николай Цукатто был переведен в другой кавалерийский полк.

В отношении дальнейшей судьбы дуэлянтов хорошо известно только то, что В. В. Крестовский спустя годы стал широко известным историком, писателем и журналистом. Его литературно-историческими и публицистическими произведениями («Тьма Египетская Тамары Бендавид», «Петербургские трущобы», «Кровавый пух», «Варшавский дневник» и др.) буквально зачитывались современниками. Его романсы, положенные на музыку – «Под душистой ветвью сирени», «Когда утром иль поздней ночью» распевали по всей России. После революционных событий 1917 года творения популярного литератора были выброшены из литературно-художественного и научно-исследовательского оборота почти на сто лет. Однако сегодня почти все главные произведения Крестовского переизданы, а роман «Петербургские трущобы» под новым названием «Петербургские тайны» в качестве телесериала успешно демонстрируется из года в год по всем каналам ТВ.

На фоне широкой известности Всеволода Крестовского его соперник – граф Николай Цукатто, не будучи по роду своей деятельности человеком публичным, все время находился как бы в тени, а в последующем его следы вообще затерялись. Казалось бы, ну и поделом, тем более, что в лучших традициях русской литературы тех лет соперники большинства литераторов по дуэли так или иначе, но трактовались почти всегда негативно [156]. Вспомним хотя бы конфликты Пушкина и Дантеса, Лермонтова и Мартынова… По этой причине и Николай Цукатто, да еще с классово неприемлемой приставкой - «граф», не мог не представляться всякому, ознакомившемуся с историей упомянутой дуэли, иначе как человеком приземленным и малодушным. Однако «казаться» – это не всегда означает «быть». Подтверждением этому стали мои недавние разыскания о жизненном пути соперника Крестовского по дуэли в Гродно.

Сведения о нем были неожиданно обнаружены в 11-томной «Книге русской скорби» со списками и краткими библиографиями жертв революционного террора в России в начале XX века. Делая ставку на выявление в этом издание прежде всего имен наших земляков – уроженцев в Беларуси, я неожиданно уже в первом выпуске (томе) его наткнулся на биографию как самого генерал-майора графа Н. М. Цукатто, так и тех его сотоварищей, кто волею судеб оказался под перекрестным огнем революционеров-террористов.

Большое впечатление произвело на меня и имеющееся в этой книге изображение былого корнета-дуэлянта (ранее его не приходилось видеть), а теперь уже дородного с седыми висками генерала, грудь которого украшали многочисленные ордена и медали. Бросилось в глаза его открытое волевое лицо, честный и проникновенный взгляд, направленный куда-то, в только одному ему ведомую даль. В этом фотоснимке, сделанном накануне покушения террористов на генерала, было что-то провидческое, с отпечатком того, что чаще всего ложится на облик трагически ушедших из жизни людей.

Впрочем, остановимся на основных вехах биографии Николая Михайловича Цукатто, включая и его героическую гибель. Родился он 15 июня

1845 года, а это значит, что он был значительно, почти на 6 лет, моложе В. В. Крестовского. Вероисповедания был православного. Образование получил в Горы-Горецком кавалерийском училище. Военную службу в кавалерии начал 17 июня 1863 года. С 1865 по 1870 годы служил корнетом 14-го Ямбургского уланского полка, штаб которого находился в Гродно. После дуэли с Крестовским Цукатто служил в 13-м Владимирском уланском полку, а 17 мая 1882 года был переведен с повышением в звании и должности в отдельный корпус пограничной стражи. На день своей гибели 15 июля 1906 года являлся генерал-майором и исполнял должность командира Ченстоховской бригады отдельного учебного корпуса пограничной стражи, которая дислоцировалась на юге Царства Польского. Как и по всей России, здесь в 1906 году было неспокойно, революционное брожение к лету докатилось и до мест, где несла свою службу Ченстоховская бригада. С целью повышения боевой готовности бригады для смотра ее 14 июля в урочище Гербы прибыл начальник 3-го округа Варшавской пограничной стражи генерал-лейтенант А. И. Вестерник. Оставшись довольным состоянием дел в бригаде, последний принял решение выехать на следующий день домой в Варшаву поездом.

Между тем, еще за три дня до убийства в урочище Гербы появились неизвестные лица, вызвавшие подозрения как у полиции, так и у чинов и пограничной стражи своей излишней активностью, а также расспросами у обывателей на предмет того, когда обычно возят из местной таможни деньги в Ченстоховское казначейство. Арестовать этих людей без веских на то доказательств в то время у властей не было прав, а задержать их они побоялись из-за опасений дать повод поднять шум в прессе депутатами Государственной думы, падкими тогда на замечательные речи против «деспотического правительства».

По своей должности командира бригады генерал-майор Н. М. Цукатто был обязан сопровождать генерал-лейтенанта А. И. Вестерника до Варшавы. В поезд, в котором ехали генерал Вестерник и граф Цукатто в сопровождении офицеров, сел также и казначей местной таможни Александр Демьяненко в сопровождении досмотрщика Якова Киселева и двух рядовых пограничников Тихона Семенова и Степана Жиленкова. Генералы и офицеры ехали в вагоне «микст» 1-го и 2-го класса, а казначей с конвоем в вагоне 3-го класса. Казначей вез большую сумму денег (9 тысяч рублей деньгами и 48 тысяч рублей документами). В этом же вагоне ехало несколько солдат пограничной стражи в г. Ченстохов. Сюда же вслед за казначеем сели и ранее замеченные в урочище Гербы три злоумышленника.

Когда поезд подошел к ст. Гнашин, к указанным трем лицам подсело еще семь человек, по виду чернорабочих. Часть пассажиров, почуяв недоброе в их поведении, стала выходить из вагона, в котором ехали таможенные чины и солдаты-пограничники. Из последних никто не ожидал нападения внутри вагона. Конвойные сидели, держа винтовки между колен. Вдруг один из грабителей-террористов опустил руку в карман, желая, по-видимому, уплатить

за купленную у мальчика газету, но вместо денег он тотчас же выхватил оттуда револьвер и в упор выстрелил в досмотрщика Киселева, убив его наповал.

Это послужило сигналом другим грабителям. Они выхватили револьверы и начали расстреливать солдат и таможенников. Повалились убитые насмерть вахмистр Носовский, ехавший на лечение в госпиталь, писарь Плохов, ехавший в Ченстохов за очередной почтой для бригады, а также вестовой генерала Вестерника рядовой Иван Косьменко. Конвойный же рядовой Семенов не растерялся и стал отстреливаться от нападавших из винтовки. Одного из них он убил, а другого ранил, но сам и свалился раненый несколькими пулями; тяжело ранен был и рядовой Добролюбов.

Часть грабителей-террористов бросилась к деньгам и ружьям конвойных, а другая устремилась в вагон с офицерами в надежде и там поживиться. Услышав выстрелы, генерал граф Цукатто сразу же вышел из купе 1-го класса, где он сидел с генералом Вестерником и полковником Бжезицким. Проходя через купе 2-го класса, он сказал своим офицерам, штабс-ротмистру Лагуне и штабс-капитану Григорьеву: «Нападение злоумышленников на поезд, приготовьтесь господа, – будем защищаться», и быстро вышел на площадку, намереваясь пройти в вагон, откуда слышалась бешеная стрельба.

В этот момент двое из грабителей, очевидно, караулившие за дверями, выстрелили в упор в графа и тот упал, сраженный двумя пулями в голову на пороге своего вагона, а бандиты спрятались в вагоне 3-го класса. Вышедшие вслед за графом офицеры стали втаскивать графа в купе, полагая, что он только ранен. Не успели они положить тело графа на диван, как два грабителя, видя, что никто за ними не гонится, тотчас же ворвались в купе и начали стрелять по склонившмся над убитыми офицерам. Этими выстрелами был убит генерал-лейтенант Вестерник и тяжело ранен полковник Бжезицкий. Увидев, что больше поживиться нечем, грабители-террористы, забрав сумку с казенным деньгами и винтовки конвоя, быстро соскочили с поезда и скрылись в близлежащем лесу. Несмотря на самые тщательные розыски, разбойников найти не смогли.

Так погиб доблестный генерал граф Цукатто, сорок три года прослуживший верой и правдой своему Отечеству. Последние слова графа: «Приготовьтесь господа, – будем защищаться» показали его твердую решительность исполнить до конца свой долг по защите от грабителей пассажиров поезда. Мужественно вел себя в сложившейся ситуации и генерал-лейтенант А. И. Вестерник (1844–1906) – выпускник Константиновского военного училища, большой знаток военно-технических вопросов, автор первого в России труда об использовании в военном деле голубиной почты (1877 г.). Оба генерала были похоронены со всеми военными почестями. Тело генерала-майора графа Цукатто было предано земле в Ченстохове, а генерал-лейтенанта Вестерника похоронили на Варшавском лютеранском кладбище, в фамильном склепе [54].

После того, как этот очерк был написан, в книге нашего земляка, уроженца г. Глубокое Витебской области (1896–1979) Леонтия Раковского

«Генералиссимус Суворов» я обнаружил строчки, возможно, имеющие отношение к нашему главному герою: «У Александра Васильевича издавно повелось: в мирной обстановке, после утреннего чая, отдохнуть часок. Но сегодня воскресенье, скоро ответит на одно приятное письмо. Бывший соратник, полковник граф Цукато, просит позволения написать биографию Александра Васильевича. Наконец дошло до того, что жизнью Суворова интересуются другие. Писал адъютант Антинг, старался. Первая часть – еще туда-сюда, а во второй Антинг скворца дроздом встречает. Надобно исправить солдатским языком. Придется поручить это дело подполковнику Петру Николаевичу Ивашеву. Он пять лет при Суворове был главным квартермистром, человек свой, русский, все знает, пусть исправит. А теперь вот – Цукато. Может у него получится лучше…» [97]. К сожалению, далее у Раковского об Цукато и его трудах над биографией генералиссимуса не оказалось ни слова, однако даже столь краткое упоминание фамилии Цукато (в некоторых источниках – Цукато. – *В. Ч.*) замечательным писателем и знатоком исторических источников вселяет надежду на возможное продолжение жизнеописания Николая Цукатто и его родословной.

Весьма значительные основания для этого дает информация о суворовском биографе, помещенная в «Википедии»:

Егор (Георгий) Гаврилович Цукато (?–1810) – граф, русский генерал, герой русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Потомок древнего венецианского рода; служил сначала в Виртембергской армии, а в 1788 г. вступил в русскую службу секунд-майором и принял участие в русско-турецкой войне. 14 апреля 1789 г. получил орден св. Георгия 4-й степени «За отличную храбрость, оказанную при атаке крепости Очакова». В 1791 г. граф Цукато был произведѐн в подполковники в 1-й Морской полк, 1 октября 1794 г. – переведѐн в конно-гренадерский Военного Ордена полк, в составе которого под командованием А. В. Суворова принял участие в польском походе и отличился при штурме варшавского предместья Праги, за что получил орден св. Владимира 4-й степени, а 24 февраля 1797 г. по болезни был исключен из службы. Через два года, 8 марта 1799 г., Цукато снова был принят в службу и назначен волонтером в корпус генерала Розенберга, с которым принимал участие в Итальянском походе Суворова и был в сражениях при Треббии и при Нови. 30 октября того же года он был произведѐн в генерал-майоры, минуя чин полковника, причѐм старшинство в чине дано ему с 26 ноября 1798 г.

Отставленный 7 марта 1800 г. от службы с ношением мундира, Цукато 8 ноября того же года снова был принят и назначен присутствующим в Военной коллегии. В этой должности он оставался до 3 августа 1808 г., когда повелено было зачислить его по армии. В 1809 г. он был назначен начальником отдельного отряда в Малой Валахии и за отличие, выказанное против турок, получил 8 января 1810 г. орден Св. Георгия 3-го класса (№ 202) «В воздаяние отличнаго мужества и храбрости, оказанных в сражении против турецких войск 4-го сентября при Расевате». В июне 1810 г., состоя под начальством графа Каменского, он переправился в Сербию на помощь Карагеоргию, имел дела с

турками у Бирзо-Паланки, у Праова и в других местах, и сформировал из сербов регулярную кавалерию, носившую название сербских казаков; за отличие при Бирзо-Паланке и за возбуждение у сербов «воинственного духа» Цукато 14 июля 1810 г. получил орден св. Анны 1-й степени; 20 июля и 2 августа он снова разбил турок у Праова. Скончался Цукато 10 августа 1810 г. Ряд фактов и деталей жизнеописания Е. Г. Цукато дают основание видеть в нем одного из предков гродненского корнета – дуэлянта, а затем генерала российской пограничной стражи, погибшего на боевом посту [128].

5.6. К биографии Д. В. Скрынченко (1874–1947)

С именем Дмитрия Васильевича Скрынченко я впервые встретился в ходе работы над монографией о М. О. Кояловиче и истории Православной Церкви на Гродненщине. Уже тогда через знакомство с рядом его печатных трудов, а также деятельностью на первом фланге общественно-политической жизни Беларуси начала XX века Д. В. Скрынченко представлялся мне весьма заметной и колоритной фигурой отечественной истории. Особый интерес вызывала его публицистика (во многом в духе Кояловича), а также активное участие в работе «Западнорусских и Православных Братств». Полагая, что биография этого человека уж наверняка не обделена вниманием исторической науки, я всякий раз откладывал более детальное ознакомление с жизнью Скрынченко, что называется, на потом. Каким же было мое удивление, когда в завершившемся издании (в 2003 году) семи томов «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» не нашлось места даже для краткого изложения биографии Д. В. Скрынченко. Впрочем, имя его неоднократно упоминалось в статьях, посвященных деятельности в Беларуси «Русского Окраинного Союза», ряда монархических партий, газете «Минское слово». Их авторы (М. Забавский, В. Конон), не скрывая своей антипатии к деятельности этих «антыбеларускіх устаноў», «якія распальвалі варожасць паміж народамі Расіі» если не прямо, то косвенно отзывались негативно и о Д. В. Скрынченко, внесшим значительный вклад в создание и организацию работы этих общественных объединений [167]. Столь односторонняя трактовка Дмитрия Васильевича мною не принималась и вызывала лишь внутреннее раздражение. И лишь спустя годы, после выхода в журнале «Москва» (2010, № 7) замечательной статьи В. Б. Колмакова «Забытый консерватор», оно вылилось в потребность написать такую биографию Д. В. Скрынченко, которая могла бы быть в свое время и в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі».

Родился Д. В. Скрынченко 21 сентября 1874 года в селе Песковатка Бобровского уезда Воронежской губернии в семье псаломщика. После окончания церковно-приходской школы, находившейся в соседнем селе Масловка он учился в прогимназии уездного города Боброва, а затем учился в

Задонском духовном училище, после чего поступил в Воронежскую духовную семинарию. Учился Дмитрий Скрынченко блестяще не только в училище и семинарии, но и в Казанской духовной академии, ректором которой в конце 90-х годов XIX века являлся архимандрит Антоний Храповицкий. Под его влиянием Д. В. Скрынченко получил заряд того русского консервативно-православного духа, который он сохранил на всю жизнь.

В стенах Казанской академии под руководством профессора В. И. Неспелова им был написан философский трактат «Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению» (СПб., 1908 г.). В нем смысл жизни автор понимал как стремление человека к Богу, как нравственное самосовершенствование человека. Естественно, это не означает презрение к благам жизни, ибо они созданы Богом и полезны для человека. Однако, считал автор, жизнь не имеет ценности, если она не опирается на веру в Бога и бессмертие души. В противном случае для человека смысл и ценность имеет лишь он сам и мир вещей, то есть его земная жизнь, с прекращением которой прекращаются все смыслы. И тогда все смыслы сводятся к одному – мором вещей к деньгам и желанию взять от жизни все. Такое стремление к наслаждениям (гедонизм) древен, как и сам человек. Но в конце XIX – XX века в России, вслед за Европой началась ускоренная модернизация общества, и тогда многие увидели смысл жизни в обогащении или в строительстве рая на Земле. Многим казалось, что прогресс, особенно научный, решит проблемы, стоящие перед человеком. Скрынченко же не без основания утверждал, что не не подкрепленный христианскими нравственными основаниями прогресс опасен для человека, в особенности стремящегося к получению общественного блага как можно скорее – рывком, скачком, посредством революции. Автор воочию видел, как в стране, с одной стороны, формируется протестный потенциал, порождающий соответствующие идеологии, якобы направленные на благо общества и человека, а с другой – укрепляется охранительная идеология, которая ставит своей целью придать российской жизни стабильность на основе традиционных ценностей. Д. В. Скрынченко всегда оставался на стороне последней. В противовес т. н. прогрессистам он всегда утверждал, что Православие – это важнейшее духовное основание в жизни русского народа, без которого Россия просто погибнет. Д. В. Скрынченко полагал, что усиливавшаяся на глазах деморализация общества может быть преодолена на основе силы веры и знания, того синтеза, без которого жизнь человека в современном обществе просто заходит в тупик [56].

После окончания Казанской духовной академии и короткого пребывания в Перми и Старой Руссе Д. В. Скрынченко в 1903 году обосновывается в Минске. Здесь он прожил целых 10 лет, до предела заполненных той работой, которая лучше всего позволяла ему следовать своему жизненному кредо. Он успешно преподавал богословие в Минской духовной семинарии, ряд лет редактировал «Минские епархиальные ведомости», право-консервативную газету «Минское слово». Среди редакторов ее и издателей, кроме Скрынченко, были Г. Шмидт, И. Павлович, А. Красковский, Л. Цветков и др. Вначале газета

по своему содержанию и политической направленности примыкала к правым октябристам, а затем, во многом благодаря Д. В. Скрынченко, стала органом местного «Союза Русского Народа». «Минское слово» издавалось с 1906 по 1912 год. За это время Д. В. Скрынченко стал наиболее ярким публицистом правого направления в общественном движении Беларуси.

Одним из наиболее ярких публицистических произведений Скрынченко этого периода следует признать труд «Заслуги, оказанные старшими дворянскими родами Минской губернии Православной вере» (Минск, 1907). Рассмотрев в нем, как в конце XVI – XVII веках часть местного духовенства, «уклонившись от православия и принесло унию, вместо Константинопольского патриарха, признало Римского папу», автор сумел доказать, что не все православные края стали тогда изменниками веры и своего народа. Более того, возмутившись этой изменой, дворянство Минщины не только заложило в 1612 г. православный монастырь святых апостолов Петра и Павла, но и приняло так называемое «Завещание», в котором было обещание «на веки вечные держаться нашей старожитной греческой веры». В конце же документа говорилось: «Чтобы потомки наши не изменяли вере православной, помогли церкви и монастырю, мы обвязываем их к соблюдению этой нашей воли на вечные времена: сомневающихся из нас или наших потомков мы связываем анафемой (т. е. проклятием – *В. Н.*). Тую волю нашу к вечной памяти выразили, руками своими мы подписали и печатью скрепили. После чего следовали подписи 52-х представителей знатных местных дворянских родов: Огинских, Ратомских, Гладких, Тышкевичей, Тризн, Сулятицких, Володковичей, Ваньковичей, Заруцких, Унеховских, Стецкевичей, Косовых, Рагоз, Василевских, Сновских, Зарневских, Наборовских, Селяв, Полневских, Станкевичей, Цемейко, Крупек, Покоршинских, Коханов, Ходычинских, Вербиловичей, Верич, Кустинских, Завалаев, Добрыневских, Шимковичей, Давыдовичей, Стаховских, Статовицких, Станкевичей, Лескевичей, Кириков, Пашковских, Турчиных и др.

Много внимания уделил Скрынченко освещению заслуг перед православием в деле храмового строительства в XVI – XVII веках таких дворянских родов Минщины, как Слуцких князей Олельковичей, Корыбут-Вишневецких, Ходкевичей, Тышкевичей, Масальских и др. Среди тех, кто подавали жалобы и протесты по причине гонений на православных в Главный Трибунал ВКЛ и на имя польского короля, были представители родов Огинских, Любецких, Верещак, Укольских, Ратайских, Кердеев, Турко, Копцевичей, Прилуцких, Палецких, Стеткевичей, Дорогиницких, Перашкевичей, Ходычинских, Володковичей. Труд Скрынченко был насыщен также рядом примеров того, как минское дворянство оказывало пожертвование православной церкви. Среди наиболее упоминаемых фамилий фигурируют представители родов Пекарских, Андреевичей, Деревоедов, Ваньковичей, Евтуховичей, Тышкевичей, Горватов и др.

Упоминая эти имена, автор высказывал сожаление по поводу того, что со временем большая часть представителей этих дворянских родов «быстро окатоличилась и ополячилась, привлекаемая «ласками» польских королей,

другие же долго еще боролись за родную православную веру и народность. Обращаясь к тем, кто предал духовные традиции своего народа, Д. В. Скрынченко писал: «Господа! Отуреченные дворяне балканских славян получают милости за предводительство от султана: а вы – наши дворяне – на что рассчитываете: Польского крулевства здесь никогда уже не будет, а сближать со своим народом ведь надо: иначе не долго вам придется «пановать» среди чуждого вам теперь по духу и вере народа. Или вы думаете, что вам еще удастся и весь народ ополячить? Бросьте эту ненужную затею… Идите тем путем, каким шли когда-то ваши предки. Это единственный для вас выход» [104].

Большую работу по укреплению позиций православия проводил Д. В. Скрынченко в Минском православном братстве, а также в деле организации и проведения Минского (1907) и Виленского (1909) съездов местных православных братств. Доклад Скрынченко на Минском съезде, посвященный вышеуказанной проблеме, получил всеобщую поддержку участников съезда [145, с. 190– 198]. Будучи опубликованным в 1908 году в Минске под названием «Трагедия белорусского народа», он стал известен практически всей России, благодаря тому, что данная публикация начиналась с открытого письма члену Государственной Думы и русскому обществу, озаглавленному «У нас своя Босния».

В нем, прокомментировав шумное обсуждение в печати и на заседании Госдумы вопроса о присоединении к Австрии Боснии и Герцеговины, а также горькой участии южных славян, Скрынченко обратил внимание депутатов на местные проблемы, назвав их «Боснией нашего Западного Края»: «Реальность в нашем крае заключается в следующем: после того как ополячилось дворянство, польское правительство мало обращало внимание на местное крестьянство. Оно полагало, что с ~~б~~ыдлом” нечего особенно возиться и обращать на него внимание. И, к нашему счастью, такая политика бывшей Польши привела к тому, что здесь сохранился русский народ, несмотря на 400-летнее польское иго». Говоря о том, что «ополяченные паны во главе с фанатиками-ксендзами» в настоящее время «спешат доделать то, что не сделала прежняя аристократическая Польша, т. е. окатоличить и ополячить местное крестьянство, Скрынченко упрекал сидящих в Таврическом дворце депутатов Госдумы, а также местных бюрократов и «прогрессистов» за то, что они только и стараются «не обострять отношений с поляками, как будто русские когда-либо этим занимались». Считая такого рода отношения рыхлыми и благодушными обольщениями в надежде на какое-то «примирение», автор констатировал следующее: «Хотим мы этого или нет, но рано или поздно надо будет решать один неизбежный вопрос: что же здесь будет Польша или Россия? И должна ли Россия предоставить все «естественному течению вещей», т. е. окатоличиванию и ополячиванию края или все силы должна напрягать к тому, чтобы уничтожить здесь польскую скорлупу как временную накипь на искони русском народе? Не пора ли России, пока не поздно, подумать от том, как

возвратить белорусский народ к его православно русскому, как встарь, самосознанию, помня, что отсюда пошла также «русская земля»?

Не будучи голословным, Д. В. Скрынченко предлагал своим оппонентам следующее: «Что надо делать, об этом есть указание и в «Трудах первого съезда представителей Западно-русских братств в г. Минске», разосланных господам – членам Государственной Думы.

Со своей же стороны скажу, что возвращение здешнего народа к его изстари русскому самосознанию не есть политика «обрусения». Не применяйте этого жупела к нашему краю: этот термин оскорбителен для местного русского населения – белорусов. Здесь по древности-то – более коренная Русь, чем, например, в Пензе; она здесь лишь покрыта польским лаком. И весь вопрос «обрусения» здесь сводится к тому, чтобы сбросить этот польский лак.

Вам, господа умеренно-правые, октябристы и кадеты Государственной Думы, жаль Боснии и Герцеговины, «аннексированных» к Австрии. А неужели же вы не видите, что у нас есть своя «Босния» – наш западно-русский край, все более и более ополячиваемый и тем самым отрываемый от России?

Хочется верить, что вы увидите, а, увидев, непременно скажете полонизаторам: «Довольно, идите отсюда на Вислу»!»

Следует заметить, что данная работа Д. В. Скрынченко получила широкое распространение по всей территории Северо-Западного края и стала своеобразной программой действия правых сил. Характерно, что имеющийся в нашем распоряжении труд имеет на своем титуле рукописную надпись, сделанную неизвестным польским архивистом в 1920–30-е годы (не исключено, что директором Государственного архива в Гродно Яниной Козловской-Студницкой. – *В. Ч.*), приводимую ниже в переводе на русский язык: «Данная брошюра была обнаружена в большом количестве экземпляров в коллекции документов российских институций в Архиве Центральном вместе с другими печатными изданиями, предназначенными для распространения среди российских консервативных партий» [105].

Пребывание в Минске сделало из Д. В. Скрынченко прекрасного публициста и общественного деятеля. Он обладал блестящей способностью вести острую газетную полемику, слог его был ярким, а риторика отличалась страстностью и глубокой убежденностью в праве своего дела. С осени 1913 г. Скрынченко проживал в Киеве и преподавал во 2-й Киевской гимназии. Как и в Минске, основные проблемы его публицистики были связаны с ситуацией в Юго-Западном крае. Но и здесь на берегах Днепра он продолжал держать в поле своего зрения и положение в Беларуси. Сблизившись с Клубом киевских националистов, он активно сотрудничал с правыми местными изданиями, активно отстаивал и укреплял русскую национальную идею, тесно связанную с православием. Суть ее в понимании публициста выражалась в том, что Россия способна существовать сама по себе, она не является ничьей копией, она самодостаточна. Д. В. Скрынченко всегда исходил из принципа неделимости не только государств, но и русской нации, понимая ее широко, как триединство великороссов, малороссов и белорусов. Опасность сепаратизма, особенно

упрощенного, возникшего в начале XX века в Юго-Западном крае, была для него очевидна. Уже тогда он понимал, что образующиеся при распаде России государства не смогут быть самостоятельными игроками в мировой политике, а потому будут всегда искать покровительство на стороне, с тем чтобы отдать кому-нибудь часть своего суверенитета.

В 1916 году Д. В. Скрынченко в газете «Киев» выступил с серией статей «Украинские подлоги», направленных против растущего украинского национального сознания, на основе которого меньшая часть украинского народа стремилась вначале к культурному сепаратизму, а далее к политическому. В контексте исторического разыскания публициста лежала идея, согласно которой Малороссия, равно как и Белоруссия, собственной истории не имели, а свою подлинную историчность они обрели, будучи составными частями русского народа Российской империи.

В годы Первой мировой войны все происходившее в стране Д. В. Скрынченко назвал «смутным временем». В соответствии с принципом «улучшать не институты, а людей» он полагал, что «все горе наше» происходит не от «режима», а имеет основание в психологии русского человека, в его «систематическом неуважении к чувству законности». Именно это, считал он, и «приближает страну к катастрофе».

Д. В. Скрынченко, чудом уцелев во время Директории Петлюры и красного террора в Киеве конца 1918 – середины 1919 годов, осенью 1919 года удалось бежать из города и после долгих скитаний найти приют в городе Нови-Сад (Югославия). Здесь он быстро освоил сербский язык и стал работать преподавателем истории и русского языка в местной гимназии, в которой он проработал до 1941 года. После прихода Красной Армии в Югославию Д. В. Скрынченко работал библиотекарем в «Обществе по культурному сотрудничеству Воеводины и СССР». Скончался 30 марта 1947 года и был похоронен в «русской парцеле» Успенского кладбища в Нови-Сад. Его творческое наследие (а это более 500 публикаций), а также общественно-политическая деятельность еще мало известны даже в среде специалистов-историков.

ГЛАВА 6.
О ВОЕННЫХ ИГРАХ И СУРОВЫХ РЕАЛИЯХ ВОЙНЫ

6.1. Гродненские скауты 1920–1930-х годов

Скаутизм (от английского *scout* – разведчик) является одной из наиболее распространенных в мире систем внешкольного воспитания, положенных в основу детских и юношеских скаутских организаций. В 2007 г. отмечалось 100-летие Всемирного скаутского движения. За истѐкшие столетия через скаутские отряды и дружины прошло несколько миллионов молодых людей.

К сожалению, универсальную педагогическую методику этого объединения использовали и правительства стран с тоталитарными режимами. В целом же всемирный скаутизм – это первое массовое молодежное неполитическое объединение XX века, имеющее в основе домашнее религиозное воспитание любой конфессии и ставящее целью воспитание прежде всего гражданина своей страны. В подготовке к 100-летнему юбилею скаутского движения приняли участие тысячи национальных скаутских организаций пяти континентов с общей численностью их членов в 28 миллионов человек. Скауты имеют свои законы (служение Богу, Родине и ближним), заповеди, обычаи, знаки и девизы, знамена, вымпелы, торжественное обещание и приветственный салют, форму, систему званий и наград, нагрудных и нарукавных знаков отличия.

Возникновение скаутского движения относится к концу XIX – началу XX столетия. Основные идеи его разработал английский полковник Р. Баден-Поуэлл (1857–1941). В 1907 г. им был основан в Великобритании первый лагерь для бойскаутов, где на практике реализовались идеи скаутской системы воспитания подростков в процессе развлекательных игр, физических упражнений, бесед о военной жизни и подвигах разведчиков. В конце 1907 г. в Великобритании было уже основано 60 тысяч скаутов; в 1909 г. созданы группы девочек-разведчиц – гѐрлскауты, а в 1910 г. скаутские организации были признаны королевской хартией. В 1921 г. организации скаутов действовали в 63 странах мира.

В России первые отряды скаутов были созданы в 1909 г. Их возникновение стало следствием проигрыша русско-японской войны 1904–1905 гг., выявившей психологическую и физическую неподготовленность контингента солдат-новобранцев. В 1914 г. по указу Императора Николая II было учреждено общество «Русский скаут» в целях активизации подготовки молодежи к службе в армии. Очень скоро – к началу Первой мировой войны – отряды т. н. «потешных» с воспитателями из унтер-офицеров отставили, а вот скауты-гимназисты с лидерами из профессиональных педагогов (И. Жуков, В. Янчевецкий, Э. Цитович и др.) распространились молниеносно и повсеместно. И на двух съездах русских скаутов 1915 и 1916 гг. в Петрограде присутствовал

весь цвет педагогики страны, видевший в скаутизме, т. е. в скаутском движении, перспективы. В 1917 г. в России насчитывалось 50 тысяч скаутов.

История российского скаутизма хронологически, организационно и идеологически делится на следующие разнохарактерные периоды: 1) скауты и «потешные» царского времени (1909–1917 гг.); 2) скауты периода гражданской войны на «красных» и «белых» территориях (1918–1922 гг.); 3) Всесоюзная пионерская организация (1922–1991); 4) полулегальные скауты советского периода (1922–1933 гг.); 5) российские скауты-эмигранты (1920–2011 гг.); возрожденные скауты СНГ (1990–2011 гг.); 6) международные объединения ОРЮР (Организация российских юных разведчиков), состоящая из возрожденных скаутов России и русских скаутов-эмигрантов из других стран мира (2001–2011 гг.). Каждый из этих периодов нуждается в своем углубленном изучении, однако имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить лишь о 5-м и 6-м периодах истории скаутизма применительно к его развитию в г. Гродно в межвоенный период.

Данная система внешкольного образования (и сама организация скаутского движения) в городе над Неманом зародилась и развивалась в 20–30 гг. в лоне тех культурно-просветительских организаций, которые называли себя русскими, боролись против ополячивания и окатоличивания, за сохранение своей русскости. К числу этих общественных организаций относились и гродненские «Русское народное объединение» (РНО), «Русское благотворительное общество» (РБО), «Русский общевойсковой союз» (РОВС), «Братство русской правды» (БРП), «Русское общество молодежи» (РОМ), «Национально-трудовой союз – Новое поколение» (НТС-НП) и др. В их состав входили преимущественные местные уроженцы, однако в своей практической работе они контактировали и с русскими эмигрантами [151, с. 195–202].

Основным документальным источником по деятельности «Дружины русских скаутов» (ДРС) в г. Гродно, а косвенно и других русских организаций, является следственное дело № 60339 (как архивное – П-7646) «Седляревич Николай Михайлович и др. », начатое в ноябре 1939 года Гродненским отделом НКВД БССР и хранящееся в настоящее время в архиве УКГБ Республики Беларусь по Гродненской области. В нем, в частности, говорится, что «братья Седляревичи (Николай, Михаил, Василий) были арестованы 26 ноября 1939 года органами госбезопасности по обвинению в приналежности к ряду русских контрреволюционных организаций и вели в них активную контрреволюционную деятельность». Произведѐнным по данному делу расследованию было установлено, что в первые годы после образования Польского государства на территории последнего, включая и г. Гродно, стали формироваться различные организации из числа русских белогвардейцев и эмигрантов. К таким организациям относились: РБО, РНО или РУНО, БРП, РОВС и др. Указанные националистические и контрреволюционные организации ставили своей задачей – объединение бывших белогвардейцев и эмигрантов в Польше и монархически настроенных лиц русской национальности, проживающих в Польше, для активного участия в борьбе как с

революционным движением трудящихся бывшей Польши, так и с СССР, путем подготовки диверсантов и засылки их для подрывной деятельности в Советский Союз. Под влиянием данных монархических организаций находились и другие организации из числа белогвардейской молодежи: «Дружина русских скаутов» (ДРС), «Русское общество молодежи» (РОМ), «Национально-трудовой союз – Новое поколение» (НТС-НП). Организаторами и руководителями отделов указанных организаций в г. Гродно были братья Седляревичи. Из других источников известно, что НТС-НП имел и другие названия: «Младоросы», «Молодая Россия» и «Русские соколы».

В следственном деле имелись следующие сведения о братьях: Николай, 1908 года рождения, родился в Двинске (Латвия), по профессии прораб-строитель, на момент ареста работал начальником гражданской милиции в местечке Сабакинцы, образование среднее, русский. Служил в польской армии в чине плотунового (сержанта. – *В. Ч.*), женат, проживал в г. Гродно, ул. Пушкина, 10; Михаил, 1906 года рождения, родился в г. Двинске, по профессии счетовод, работал на момент ареста администратором городского театра, русский, холост, проживал в г. Гродно, ул. Пушкина, 10; Василий, 1910 года рождения, родился в Двинске, по профессии конторщик, на момент ареста – без определѐнных занятий, русский, холост, проживал по ул. Пушкина, 10.

В отношении контрреволюционной деятельности братьев Седляревич отмечалось следующее: «Седляревич Николай руководил в 1927–1934 г. ~~–~~Дружиной русских скаутов", а с 1935 г. – отделом РОМа в Польше. Являлся также организатором городского отдела НТС-НП, одновременно с этим – агентом 2-го контрразведовательного отдела польгенштаба.

Седляревич Михаил являлся с 1928 г. членом РБО, РНО (РУНО). Распространял контрреволюционную литературу, устраивал лекции, доклады на антисоветские темы, приглашая для их чтения изменников Родины, бежавших из СССР.

Седляревич Василий являлся с 1935 г. членом РБО, а с 1936 г. – членом правления РОМа в г. Гродно. Занимался той же деятельностью, что и старшие братья».

Допрошенные в качестве обвиняемых братья признались лишь в том, что являлись только членами вышеупомянутых русских организаций, однако антисоветской деятельностью они никогда не занимались.

Для дальнейшего производства дела братьев Седляревичей их перевезли из гродненской тюрьмы в Минск, где 3 февраля 1941 года состоялось закрытое заседание Высшей Коллегии Верховного Суда СССР по председательством армвоенюриста В. В. Ульриха (члены Д. Я. Кондыбин, В. В. Буканов, секретарь Батнер). На вопрос председателя В. В. Ульриха: «признают ли подсудимые себя виновными в предъявленном им обвинении?» подсудимые ответили:

1. Седляревич Н. М. – виновным себя не признал и показал, что, будучи на территории Польши, он никогда не примыкал к белоэмигрантам и ~~н~~никаких враждебных действий против СССР не предпринимал, а наоборот, состоял в РОМе, вел борьбу против ополячивания русской молодѐжи, проживавшей в

Польше, за что неоднократно подвергался гонениям со стороны польских властей, судился за это. С приходом Красной Армии он с оружием в руках помогал ей освобождать трудящихся от панского ига.

2. Седляревич М. М. – виновным себя также не признал и показания своего брата полностью подтвердил. Их организация РОМ ничего общего с белоэмигрантскими организациями не имела, и он сам не чувствует себя виновным перед Советской властью.

3. Седляревич В.М. – виновным себя не признал и показал, что он, хотя и являлся подданным Польши, но всегда любил свой русский народ, а потому и состоял в РОМе. То же братья сказали и в своем последнем слове.

В результате выездная Коллегия приняла решение о направлении дела Седляревича «на доследование со стадии предварительного следствия на предмет тщательной перепроверки всех материалов дела» [4].

Из интервью Н. М. Седляревича газете «Наша Страна» (Буэнос Айрэс, от 21 ноября 2009 года) можно узнать и другие детали их дела. Столетний сверстник скаутизма, старший русский скаут Аргентины, монархист Николай Седляревич поведал, что их семья поселилась в Гродно в период советско-польской войны 1920 года («на последних подводах польского военного обоза выбралась из Двинска, переехала реку Двину, в город Калкуны, а оттуда добралась до Гродно»).

На вопрос главного редактора газеты Н. Л. Казанцева: «За что Вас судила выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР?» Н. М. Седляревич ответил:

« – Мое обвинение было: «глава контрреволюционной банды, так называемый скаутизм». А брата Михаила за то, что он состоял в правлении Русского Благотворительного Общества в Гродно. Это была русская общественная организация с центром в Варшаве и филиалами по всей стране. У нее были библиотеки, приюты, школы, она помогала бедным, устраивала детские спектакли. Была у русских тогда в Польше и одна национальная организация: для выбора русского представителя в Сейм и Сенат (РНО или РУНО. – *В. Ч.*). А потом в Варшаве при газете «Слово», которую издавал Владимир Брандт, при помощи Александра Вюрглера была создана партийная национальная организация «Новое Поколение» (НТС-НП. – *В. Ч.*), впоследствии вылившаяся в «солидаристов». Это была молодежь, главным образом студенческая, города Варшавы, к которой примкнули некоторые студенты Виленского университета и молодѐжь других городов.

– Вернемся к приговору…

– Нас судили в ночь с 21-го на 22 июня 1941 года, когда началась война, и я был приговорен к «высылке», как «глава контрреволюционной банды». Скауты – 12-летние дети – это по-ихнему была «банда»… Так вот, Михаил получил 25 лет концлагеря, помогавший мне Василий – 15 лет. Судили нас во внутренней тюрьме НКВД. И перевезли потом в Минскую тюрьму. А 24-го немцы начали бомбить Минск…».

Чудом избежав гибели, братья Седляревичи возвратились в Гродно, уже при немцах основали строительную фирму, занимались благотворительностью в лоне разрешѐнного оккупационными властями «Русского комитета». Весной 1944 г. ввиду приближения советских войск братья перебрались на запад. Поселились в городе Эгер (по-чешски – Хеб), где в лагере для перемещенных лиц оставили семьи, а сами поступили в Русскую освободительную армию (РОА), которая, как они были уверены, «борется за Россию без большевиков». После второй мировой войны они поселились со своими семействами в Великом Герцогстве Люксембурге, где работали в строительной отрасли, а затем переехали в Аргентину. Монархист Н. М. Седляревич в качестве председателя Центра Русских Белых в Аргентине принимал активное участие во множестве общественных акций, но скаутизм был его главной страстью. Сверстник русского скаутизма Николай Михайлович скончался 3 сентября 2008 года, не дожив пару месяцев до столетнего возраста. Отдавая дань вклада Седляревича в развитие русского скаутизма, на его надгробии, кроме православного креста, его младшая дочь распорядилась высечь лилию – значок Национальной организации русских скаутов (НОРС), которую многие годы возглавлял в Аргентине Н. М. Седляревич [41].

Внутренняя жизнь «Дружины русских скаутов» в Гродно в 1920–1930-е годы мало интересовала следователей НКВД. Не распространялись на эту тему и братья Седляревичи, но в памяти бывших членов Гродненской ДРС Н. И. Алексейчук-Герасимовой, Г. Н. Шпаковой, Л. Е. Макаровой, П. А. Наумюка, А. С. Рымарчука и др. навсегда остались в памяти устраиваемые Н. М. Седляревичем скаутские лагеря, формировавшие в душах людей чувство принадлежности к русскому народу, русские патриотические песни, распеваемые у вечернего костра, православные моления утром и вечером. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Н. И. Алексейчук-Герасимова отмечала, что «вся наша жизнь тогда сосредоточивалась вокруг церкви. Была у нас и русская молодежная организация – скауты. Благодаря всему этому, мы осознавали себя русскими людьми» [145, с. 50–53].

Гродненское семейство Моисеевых не относилось к коренным жителям края и Гродненщины. Это были скорее белоэмигранты, бежавшие после Гражданской войны в Польшу и осевшие в Гродно. Освещая в своих «Страницах жизни» те годы, Г. М. Моисеев писал: «В нашем доме на Северной улице бывали идущие на ту сторону» в совдепию члены Братства русской правды, заглядывали поэты, артисты, музыканты, художники, бывшие однополчане отца, члены Русского общевоинского союза, казаки, организаторы русских скаутов братья Седляревичи [79, с. 25].

В ходе следствия по делу «Русского комитета» в Гродно, проводимого органами госбезопасности осенью 1944 г., ряд подследственных, характеризуя Н. М. Седляревича как одного из основателей данного комитета и человека весьма заметного в городском русском национальном движении, неизменно подчеркивали, что в 20–30 годы в г. Гродно существовала молодѐжная организация «Скауты», а руководителем ее являлся Н. М. Седляревич:

«Членами ее были дети и подростки от 6 до 17 лет. Они собирались чаще всего для занятий спортом и военным делом. Однако просуществовала эта организация недолго, так как была запрещена польским правительством» [3].

Данной скромной информацией о деятельности в Гродно «Дружины русских скаутов» мы обладаем на сегодняшний день. Следует присовокупить к ней и несколько фотографий организатора и руководителя этой организации Н. М. Седляревича в разные годы, включая его фото в «анфас и профиль» из судебно-следственного дела, неизвестно как попавшего в его руки, а также групповой снимок участников скаутского лагеря в Гродно в 1930-е годы. Возможно, после публикации ее откликнутся и другие гродненские скауты, прошедшие школу жизни братьев Седляревичей. Не потеряна надежда получить и воспоминания о пережитом самого Н. М. Седляревича – человека, прожившего большую, полную драматизма жизнь.

6.2. «Белорусская народная самопомощь» (БНС) и «Белорусское объединение» (БО) на Гродненщине в 1941–1944 годах

«Белорусская народная самопомощь» (БНС) относится к числу первых коллаборационистских организаций на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Из статьи А. М. Литвина в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (Минск: БелЭнц, 1993. Т. 1. – С. 390—391) следует, что она была образована по приказу генерального комиссара Беларуси В. Кубе 22 октября 1941 года. В разные годы БНС возглавляли И. Ермаченко, В. Ивановский и Ю. Соболевский. Согласно уставу организации она трактовалась как благотворительная организация, целью которой являлось оказание помощи «нацярпелым беларусам ад ваенных дзеянняў бальшавіцкага і польскага праследавання», а также содействие им «у адбудове зруйнаванага чужынцамі края, пашырэнні і развіцці беларускай культуры». В 1942 году руководство БНС предпринимало попытки придать ее деятельности политический характер и ставило цель «аддзяленне Беларусі ад СССР і аб’яўленне яму вайны, як ворагу беларускага народа». Однако немецкие хозяева бэнээсовцев и мысли не допускали о введении на белорусских землях какой бы то ни было автономии. Поэтому распоряжением немецкой администрации от 18 марта 1943 года деятельность БНС была ограничена лишь сбором пожертвований на нужды местного населения, как и немецкой армии, а также вербовкой в свои ряды новых членов. При содействии БНС создавался «Белорусский корпус самозащиты» (Беларускі корпус самааховы) – военизированное формирование белорусских коллаборационистов. Однако и эта инициатива фашистских приспешников весной 1943 года потерпела крах: из-за ненадежности БКС гитлеровцы вынуждены были его распустить [15].

Значительно шире характеризует деятельность БНС и причины недоверия к ней со стороны оккупационных властей немецкий историк М. Бартушка: «В качестве первой более-менее значительной организации, готовящей кадры националистов, в 1941 г. возникла ―Белорусская самопомощь", которая первоначально была запланирована как благотворительное учреждение. Через разрешение на создание этой организации немцы надеялись использовать в своих целях более зажиточные слои белорусского населения, чтобы несколько смягчить результаты своей оккупационной политики. Со временем ―Самопомощь" насчитывала до 80 тысяч человек, однако действовала она почти исключительно в городах, где организация значительно активизировалась на культурной ниве. Однако немцы все-таки не доверяли этой организации, возможно, по той причине, что им внушало подозрение любое общественное объединение, а также, безусловно, и потому, что немало ее членов переходило на сторону партизан. ―Белорусская самопомощь" не смогла добиться политического влияния, однако благодаря ей возникли новые организации. Причиной относительно небольшого успеха у населения, кроме немецкой политики, была также такая особенность, что многие из деятелей ―Самопомощи" были до войны эмигрантами и потому воспринимались местными жителями как чужеземцы и не пользовались доверием. Националистам часто не хватало знания местности, а единственной наградой для них со стороны немцев были неопределенные обещания. Не могло способствовать популярности этих деятелей среди населения и то, что нередко они роскошествовали. К тому же над ними постоянно висела угроза нападения со стороны партизан. Многие из ―Самопомощи" полагали, что сейчас наступил лучший момент для сведения счетов со старыми врагами. ―Белорусская самопомощь" на словах твердо выступала против Советского Союза, евреев и поляков. У ее деятелей были нередкие стычки с польскими представителями в местной администрации, поскольку они видели свою задачу в национальной консолидации. Финансовая поддержка, которую предлагали ―Самопомощи" оккупанты, нередко добывалась во время немецких карательных операций или собиралась от убитых евреев. Как в материальном отношении, так и широте воздействия влияние организации было значительно меньше того, чем заявляли об этом ее деятели. Кроме того, были случаи коррупции, которые дискредитировали ―Белорусскую Самопомощь". В принципе, она оставалась местом сбора для идеалистов и тех, кто наживался на войне. Надежды лидеров организации на то, что созданные под опекой немцев формирования станут зародышем белорусской армии, были иллюзорными из-за невысокого мнения, которое имели о белорусских деятелях немцы, а также из-за незначительной поддержки их населением» [24].

По большому счету суждения как белорусского, так и немецкого исследователей о БНС совпадают: она пришлась не ко двору оккупационным властям, не имела организация и доверия среди населения, если не считать некоторых успехов в городе на так называемой «культурна-асветніцкай ніве». Сближает двух авторов и достаточно декларативный характер рассмотрения

темы, отсутствие в их работах конкретно-фактологических сведений, недостаточное внимание к формам и методам действия –Самопомощи" на селе. Найденное нами в архиве УКГБ по Гродненской области судебно-следственное дело № 35067 по обвинению Борисова Николая Васильевича в принадлежности к БНС позволяет значительно расширить наши представления об имеющемся пробеле в исследовании деятельности белорусских коллаборантов среди крестьян на Новогрудчине [6].

О содержании дела и его главном фигуранте достаточно полное представление дают документы, составленные уже после того, как осужденный отбыл в исправительно-трудовых лагерях полный срок наказания. Первый из них:

«Генеральному прокурору Союза ССР Борисова Николая Васильевича, прож. в пос. Чечевичи, того же с/с, Быховского района, Могилевской области.

Жалоба в порядке надзора.

Приговором Военного Трибунала войск МГБ по Барановичской области от 22 ноября 1947 года я был осужден по ст. 63-1, 76, 72 «б» УК БССР к заключению сроком на 10 лет.

Определением Верховного Суда Мордовской АССР от 9 марта 1956 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 года я освобожден условно досрочно.

Приговор Военного трибунала гарнизона и определение Военного Трибунала округа считаю неправильными и подлежащими опротестованию по следующим основаниям.

Все предъявленные мне обвинения построены на клеветнических заявлениях и показаниях свидетелей.

Кроме того, следствие по отношению меня велось с грубейшим нарушением социалистической законности даже с применением в отношении меня физических и психических мер воздействия, и я вынужден был давать показания по желанию следователя, т. е. признавал себя виновным в том, что я не совершал.

Предъявленное мне обвинение – служба у Деникина является неправильным. Я действительно служил в качестве писаря в течение 2 мес., но этим родине не изменял и поскольку, мне помнится, лица, служившие у Деникина, в 1927 году были амнистированы.

В части обвинения меня в агитации против Советской власти я виновным себя также не признаю, ибо в моих действиях нет состава преступления. Это обвинение построено на показаниях, которые искажены самими свидетелями и частично следователем.

В части избрания меня председателем БНС волости, то это имело место не по моему личному желанию, я был избран народом волости и я был вынужден выполнять эту общественную работу и нахожу, что в этом деле также нет состава преступления.

Несколько слов о себе: я родился в 1893 году, по национальности русский, под судом и следствием никогда не был.

Будучи священником в Новогрудском районе, Гродненской области, в селе Лаврищево, среди населения я пользовался авторитетом. Это подтверждается тем, когда меня арестовали, то прихожане в количестве 850 человек подали заявление, в котором меня характеризовали только с положительной стороны. Это заявление находится в деле.

Мне сейчас 65 лет. Я возбудил ходатайство о назначении мне пенсии по старости, и мне в этом отказано, требуя от меня реабилитации.

Я убежден, что при внимательном изучении моего дела в порядке надзора будет установлено, что я был осужден неправильно, и в отношении меня была допущена судебная ошибка.

Ввиду изложенного и согласно ст. 16 Закона о судоустройстве СССР и Союзных Республик прошу истребовать дело в порядке надзора из Военного Трибунала войск МВД по Барановичской области, ввести протест на предмет отмены приговора и определения Трибунала. Подпись *«Борисов».*
19.12.57 г. г. Минск.

В ответ на жалобу Н. В. Борисова Военной прокуратурой был подготовлен соответствующий документ: «Постановление от 1958 года, февраля 4 дня, гор. Гродно.

Помощник Военного Прокурора Белорусского Военного округа, рассмотрев в порядке надзора, в связи с жалобой осужденного, архивно-следственное дело № 598 по обвинению Борисова Николая Васильевича нашел: 29 ноября 1947 года Военным Трибуналом войск МВД Барановичской области осужден Борисов Николай Васильевич, 1893 года рождения, уроженец гор. Боровичи, Новгородской области, русский, гражданин СССР, образование среднее духовное, беспартийный, женатый, не судимый, до ареста священник Лаврищевской церкви, житель с. Лаврищево, Любчанского района, Барановичской области, – на основании ст.ст. 63-1 и 76 УК БССР на 10 лет лишения свободы, по ст. 72 п. «б» УК БССР с санкции ст. 64 УК БССР на 7 лет лишения свободы, а по совокупности совершенных преступлений, окончательная мера наказания определена по ст.ст. 63-1 и 76 УК БССР – 10 лет лишения свободы в ИТЛ, с поражением в правах сроком на 5 лет, без конфискации имущества за отсутствием такового.

Определением Военного Трибунала войск МВД Белорусского округа от 19 декабря 1947 года приговор суда оставлен в силе, а кассационная жалоба осужденного без удовлетворения.

Судом Борисов признан виновным в том, что в период иностранной интервенции 1919–1920 гг. служил в армии Деникина в должности писаря штаба 7-й артиллерийской бригады. Во время немецкой оккупации территории Западной Белоруссии, с июля 1942 года по май 1943 года состоял председателем профашистской организации «БНС» (Белорусская народная самопомощь) в Лаврищевской волости, Любчанского района. Будучи председателем волостной организации «БНС», лично вовлек до 20 человек

местных жителей в эту организацию, собирал членские взносы и через специально выделенных лиц для каждой деревни Лаврищевской волости производил сбор продуктов для немецкой армии. Кроме того, как в период немецкой оккупации, так и после освобождения территории Белоруссии от немецких оккупантов среди населения проводил антисоветскую агитацию. Так в 1942–1943 гг. и в 1944–1947 гг. в присутствии граждан Пашенко Тихона, Месникевич Федосея, Жарича Василия и Клакевич Нины в разное время производил клеветнические измышления, направленные против существующих порядков в СССР и против отдельных руководителей партии и правительства.

На предварительном следствии и в суде Борисов виновным себя признал частично и в суде показал: «В июле месяце 1919 года я был призван в армию Деникина… до января месяца 1920 года служил писарем штаба 7-й артиллерийской бригады. С 1940 г. по 1942 г. проживал в городе Слоним, работал плотником-столяром. В июле или августе месяце 1942 года переехал в село Лаврищево, Любчанского района, работал в церкви, был вызван в волость, где мне было сказано, что с разрешения немецких властей организуется «Белорусская народная самопомощь», вы должны быть ее председателем. Работая председателем, собирал с населения продукты питания, холст, шесть и кожу. Все собранное давали бедным крестьянам. Сам лично вовлек в члены «БНС» около 20 человек. Все члены платили членские взносы по 2 рубля в месяц и каждый член имел билетик. Для сбора продуктов питания и других налогов были назначены в деревнях специальные сборщики. В организации «БНС» было около 30 человек. В организации «БНС» я служил по май 1943 года.

В части антисоветской агитации виновным себя не признаю.

В 1941 году епископ Афанасьев прислал обращение к верующим, и когда я читал это обращение, мне что-то тогда бросилось в голову, что тут есть антисоветское, тогда я говорил верующим, я читаю не свои труды, а приказание своего начальства. Хлеба в Минск я никакого не возил. До того, как я не читал никакой советской литературы, у меня были антисоветские мышления».

Виновность Борисова подтвердили в суде свидетели Пашенко Т. И., Жарич В. И., Месникевич Ф. И. и Клакевич Н. И. Свидетель Жарич В. И. в суде показал: «В период немецкой оккупации подсудимый Борисов служил председателем волостной организации «БНС», кроме того работал священником, собирал с населения продукты питания, одежду и все это отправлял в м. Любча, а затем в Минск. Зимой 1943 года возил хлеб в Минск, весь обоз был около тридцати подвод. На первой подводе сидел священник Борисов вместе с председателем районной организации «БНС». В 1943 году Борисов однажды зашел в дом Величко Иона, там был и я. При входе Борисова в дом, я шапки не снял. Тогда Борисов сказал: «Уже издали видно, что вы коммунисты. Вам не по земле ходить, а быть под землей». Со слов населения мне было известно, что весь сбор с населения собирался для немецкой армии».

Свидетель Месникевич Ф. И. в суде показал: «Являясь председателем «БНС», Борисов лично занимался вербовкой членов в организацию «БНС», восхвалял фашистский строй, говорил, что Германия страна культурная и немцы народ хороший, высшая раса. По распоряжению Борисова я собрал 200 рублей. Куда эти деньги он девал, для меня неизвестно».

Свидетель Клакевич Н. И. в суде показала: «Борисов являлся активным помощником немецких властей, состоял членом фашистской организации «БНС» и являлся председателем «БНС». Под руководством Борисова производился сбор с населения продуктов питания, хлеба, теплых вещей для немецкой армии. Во время служения в церкви он призывал народ оказывать немецкой власти всевозможную помощь деньгами, продуктами питания.

23 октября 1945 года на квартире Морозика Федора Борисов говорил: «Меня скоро должны вывезти на белые медведи. Скоро уже начнутся вывозы и вы тоже не усидите. Раньше вывозили мою дочь, а сейчас что-то молчат. Наверное услышали, что им скоро придет крах. Советы вывезли всю молодежь на Урал, а остальных посадят в тюрьмы. Белорусский народ не любит советских людей и скоро их погонят отсюда. Начнут их бить, кто чем. Вы смотрите, как все изменилось в период войны, не будет колхозов». 12 мая 1947 года Борисов говорил: «Когда здесь была польская власть, руководителем которой был Пилсудский, тогда жизнь была хорошей и он умер своей смертью, а вот этот руководитель партии и советского правительства, называя по имени, до своей смерти не доживет, его или повесят или убьют».

Свидетель Пашенко Т. И. в суде показал: «Я работал председателем сельсовета. В сентябре или октябре месяце 1944 года Борисов пригласил на обед к себе 3-го секретаря райкома партии Хатяшева, меня и заведующего райзо. За обедом мы немного выпили спиртных напитков. Затем Борисов завел разговор: «Демократическими странами являются Америка и Англия, а Советский Союз это страна не демократическая». Правда, мы пытались ему доказать, но последний нас слушать отказался» (л.д. 278–279). Эти показания Пашенко на предварительном следствии подтвердил и свидетель Хатяшов Н. Я.

Преступная антисоветская деятельность Борисова подтверждается и показаниями свидетелей Клакевич М. В. (л.д. 87–89), Качан Н. С. (л.д. 91–95) и Рогинского Д. М. (л.д. 111–116), допрошенных на предварительном следствии.

В жалобе, адресованной Генеральному Прокурору СССР от 19 декабря 1957 года, Борисов указывает, что его обвинение было построено на клеветнических показаниях свидетелей, хотя свою принадлежность к организации «БНС» он не отрицает, но просит пересмотреть его дело и реабилитировать.

В связи с этим проверкой, произведенной по материалам государственного архива Гродненской области, установлено, что в период временной немецкой оккупации на территории БССР, в том числе и Гродненской области, действительно немцами была создана антисоветская националистическая организация «БНС» (Белорусская народная самопомощь).

Таким образом, виновность Борисова материалами дела обоснована, его преступление квалифицировано правильно и мера наказания соответствовала

содеянному, а его доводы, приведенные в жалобе, не заслуживают внимания. Однако служба Борисова в 1919–1920 гг. в армии Деникина в вину ему была вменена неосновательно, так как Постановлением Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 года «об амнистии» это преступление амнистировано.

В связи с этим, не усматривая оснований для постановки вопроса об изменении или отмене приговора суда, руководствуясь ст. 428 УПК БССР – постановил жалобу Борисова Николая Васильевича оставить без удовлетворения. Надзорное производство по его жалобе прекратить и архивно-следственное дело возвратить в УАО УКГБ при СМ БССР по Гродненской области для дальнейшего хранения. Пом. военного прокурора БВО, Майор юстиции. Подпись».

В 1991 году, уже после смерти Н. В. Борисова, в прокуратуру Гродненской области обратились его родственники с заявлением о реабилитации. Однако их ходатайство не было удовлетворено. Между тем, материалы самого дела (допросы Борисова, показания свидетелей и др.) содержат в себе немало того, что раскрывает мотивы вступления населения в БНС, технологию приема, содержание и методы работы организации на селе.

Из протокола допроса арестованного Борисова Н. В. 10 октября 1947 года:

«Вопрос: Дайте показания о Вашей практической деятельности как председателя организации ~~“Б~~елорусской народной самопомощи – БНС” в Любчанском районе в период пребывания там немцев.

Ответ: С конца 1942 года представителями деревень, входивших тогда в Лаврищевскую волость, а следовательно Лаврищевский приход, я был избран председателем ~~“Б~~елорусской народной самопомощи – БНС” Лаврищевской волости. Как председатель БНС я вовлекал в эту организацию крестьян, призывал верующих пожертвовать кто что мог для помощи бедным и части населения, эвакуированной из прифронтовых областей в немецкий тыл, о другой деятельности, как председателя БНС, я не помню.

Вопрос: Расскажите об организационном строении организации БНС, руководимой Вами в Лаврищевской волости.

Ответ: В руководимой мной организации БНС насчитывалось, по-моему, всего одиннадцать человек, в том числе: Кезевич Адам Иосифович, проживает в д. Лаврищево, работает учителем в школе, Сивко Иван – арестован органами МГБ, Месникович Евгений – погиб на фронте в рядах Советской Армии, остальных членов БНС я не помню.

В своей практической деятельности я, как председатель БНС, подчинялся старшине Лаврищевской волости – Сивко Ивану, арестован органами МГБ, и бургомистру Любчанского района – Марушко, имени не помню, где он проживает в настоящее время – я не знаю.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах Вы были выбраны председателем БНС Лаврищевской волости.

Ответ: Это было, по-моему, во второй половине 1942 года, зимой. Однажды волостной старшина Сивко пригласил меня в волость. Когда я

пришел в волость, там были собраны представители деревень, входивших в наш приход, человек 10–12. Кроме представителей деревень в волости был сам Сивко, секретарь волости – Месникович Евгений, погиб на фронте; кто был еще – не помню.

Прямо в волости состоялось собрание, где Сивко стал говорить о том, что в нашей волости мы должны создать БНС и председателем этой организации рекомендовано избрать меня. Присутствовавшие представители деревень, фамилий которых и кто они такие – я не знаю, стали говорить тоже о необходимости создания БНС и предлагали мою кандидатуру на должность председателя БНС волости. С предложением Сивко и представителей деревень я был согласен, и меня избрали председателем БНС нашей волости. Это решение было записано в протокол собрания. Состояли ли членами БНС представители деревень, присутствовавшие на собрании, я не знаю.

Вопрос: Как часто Вы проводили собрания членов БНС в Лаврищевской волости?

Ответ: Собраний членов БНС в нашей волости не было ни разу, и я их не проводил.

Вопрос: Чем вы руководствовались в своей практической деятельности как председателя БНС?

Ответ: В своей деятельности как председателя БНС я руководствовался письменными распоряжениями бургомистра Любчанского района и устными указаниями волостного старшины.

Вопрос: В чем заключались распоряжения бургомистра и указания старшины волости?

Ответ: Бургомистр района предписывал мне, чтобы я проводил сборы продуктов питания, одежды, обуви для населения, прибывающего из прифронтовой полосы, преимущественно из Смоленской, Орловской, Брянской областей; бургомистр предписывал также, чтобы я с населения собирал продукты детям-сиротам.

Волостной старшина со своей стороны проверял выполнение мной этих указаний.

Вопрос: Как Вы выполняли распоряжения бургомистра района?

Ответ: Призывал население помогать продуктами, одеждой. Практически это делалось так: в каждой деревне были выделенные волостью сборщики, которые и проводили в деревнях по моему указанию добровольный сбор продуктов питания, одежды, пряжи, волокна. Собранные продукты привозили в волость, где я от каждого сборщика принимал эти продукты, и временно хранились они в волости, а затем отправлялись в Любчу – районную управу в распоряжение районной управы. Так в течение трех месяцев моей работы председателем БНС я отправил в Любчу примерно четыре подводы с продуктами, собранными с крестьян.

Вопрос: Как долго Вы работали председателем БНС?

Ответ: Председателем БНС я работал до января или февраля 1943 года, и затем наша волость и волостная управа стали размещаться в местечке

Негневичи, что в семи километрах от Лаврищева, и с тех пор никакой деятельности БНС в волости не проводила.

Вопрос: Какое Вы получали вознаграждение за свою работу как председатель БНС?

Ответ: Ничего от районной управы и от волости я за работу председателем БНС не получал. Помню, что после меня представителем этой организации в нашей волости, после того, как центр этой волости находился в местечке Негневичи, был волостной старшина – Сивко Иван.

Вопрос: Какое количество продуктов Вами собрано с крестьян и отправлено в распоряжение немецких властей?

Ответ: Точно ответить на этот вопрос не могу, не помню. Знаю хорошо, что отправляли в распоряжение районной управы зерно: рожь, ячмень и другие культуры, а всего приблизительно 20 или 30 пудов. Отправлял в районную управу собранное с крестьян полотно, шерсть, кожу, количество не помню.

Вопрос: Для каких целей Вы отправляли в районную управу продукты питания, полотно, волокно, кожи?

Ответ: Собранные мной продукты отправлялись в районную управу в Любчу, а на какие цели там их расходовали, я не знаю.

Вопрос: Каким образом Вы оформляли прием новых членов БНС?

Ответ: Не могу точно вспомнить это. Помню, что с некоторыми жителями я имел беседы о вступлении в члены БНС и предлагал им это сделать, но фамилий этих лиц я не помню. Хорошо помню, что каждый член БНС платил взносы в размере двух немецких марок в месяц».

Из протокола допроса Н. В. Борисова 11 октября 1947 года:

Вопрос: Какие причины побудили Вас стать на путь враждебной деятельности против Советской власти?

Ответ: С 1921 года по 1939 год я проживал в бывшей панской Польше. Весь этот долгий период жизни в Польше был периодом, когда весь народ, проживавший в Польше, воспитывался в духе, враждебном Советскому строю. Тогдашнее польское правительство полностью ориентировалось на фашистскую Германию, проводившую подготовку войны против СССР.

В Польше среди населения проводилась фашистская антисоветская агитация, воспитывавшая народ против коммунистического движения, велась активная провокационная деятельность.

По линии православной церкви как священник я систематически получал и читал антисоветскую литературу и был, таким образом, проповедником антисоветской пропаганды среди населения.

В силу этого у меня к 1930 годам сложились антисоветские взгляды и убеждения, которые и привели меня к аресту органами Советской власти.

Вопрос: Расскажите о своей враждебной деятельности против Советской власти.

Ответ: Отвечая на поставленный вопрос, я хотел бы отразить мою враждебную деятельность и ненависть к Советскому государству по отдельным

отрезкам времени. В бытность панской Польши я в течение всего времени вел открытую антисоветскую агитацию.

В церкви и в разговорах с населением я выступал против Советской власти, против коммунизма и коммунистического движения, вел клевету на Советскую власть, на правительство, воспитывая тем самым ненависть к существующему в Советской стране строю.

Дальнейшее мое поведение и мои убеждения к Советской власти оставались такими же.

С апреля 1940 года и до прихода на территорию Белоруссии немцев я работал плотником в г. Слониме. Это еще больше вселило во мне ненависть к Советской власти. Весь период немецкой оккупации Западной Белоруссии я проводил открытую антисоветскую агитацию, направленную против СССР, против Советского правительства, против большевиков.

В своих проповедях в церкви я восхвалял фашистский строй, призывал верующих молиться за гибель Советской власти.

1944, 1945 и 1946 годы я также, как и ранее, высказывал среди населения свое недовольство Советской властью, в частных разговорах с отдельными гражданами высказывал надежду на войну Америки с СССР, говорил о скорой гибели коммунизма.

С кем конкретно я вел такие разговоры, я не помню.

Вопрос: Дайте показания о Вашей предательской деятельности в отношении членов КПЗБ.

Ответ: Предательской деятельности я не проводил. Я вел агитацию против коммунистов и коммунизма вообще, а предательством членом КПЗБ я не занимался.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствие располагает достаточными данными, изобличающими Вас в предательстве отдельных членов КПЗБ. Расскажите об этом.

Ответ: Предательской деятельности против кого бы то ни было, в том числе и в отношении членов КПЗБ, я не проводил.

Вопрос: Как долго Вы работали председателем БНС?

Ответ: Моя деятельность как председателя БНС относится к концу 1942 года и 1943 году.

Вопрос: Какую Вы проводили организационную деятельность как председатель БНС?

Ответ: Собирал членские взносы с каждого члена БНС по две марки в месяц, о чем делал соответствующие отметки в членских билетах. Сам лично я взносы как член БНС платил в то время, когда ходил в районную управу в Любчу, там в моем билете и делали необходимые отметки. Лично я вовлек в организацию человек десять из личного населения, в том числе помню мной в БНС были вовлечены Шамборецкая Лариса Ануфриевна или Сафроновна, проживавшая в с. Лаврищево, остальных не помню.

Вопрос: Как практически Вы вовлекали в БНС население?

Ответ: При встрече с тем или иным знакомым нашего прихода я вел разговор о необходимости вступления в БНС, и если кто соглашался вступить в БНС, о чем я сообщал в районную организацию БНС, и они уже выдавали позже вновь вступавшим членские билеты.

Вопрос: Каков же политический состав был организации БНС Лаврентьевской волости?

Ответ: В организации БНС, которой я руководил в Лаврищевской волости, насчитывалось тридцать один или тридцать два человека, точно не помню.

Вопрос: Назовите их по фамилиям.

Членами БНС нашей волости являлись: я – Борисов, Шамборецкая Марина, Кезевич Вадим Иосифович, работал учителем в Лаврищевской школе, Сивко Иван – арестован органами МГБ, Месникович Евгений – убит на фронте, Шакута Сергей – умер, Омельянович Николай – убит немцами, остальных не помню.

Вопрос: Кем были вовлечены в организацию остальные члены БНС?

Ответ: Помню, что человек 10 или 11 записались сами тогда же, когда в 1942 году в волости состоялось организационное собрание по созданию БНС в волости, тогда же меня и избрали председателем этой организации. Всех остальных членов БНС в организацию вовлек я. Таким образом мной вовлечено в БНС человек 20 жителей Лаврищевской волости.

Вопрос: Какие продукты сельского хозяйства и их количество Вы отправили из волости для немецкой армии?

Ответ: Для немецкой армии по линии БНС мы отправили примерно около 300 пудов зерновых, в том числе рожь, ячмень. Собирались ли остальные продукты – я не помню.

Вопрос: Как практически проводились сборы продовольствия для немецкой армии?

Ответ: Во время службы в церкви я призывал население оказать помощь продовольствием для немецкой армии и для нужд БНС.

После этого в деревни ехали специальные сборщики продовольствия, которые собирали с крестьян продукты, привозили все это в Лаврищево и сдавали мне как председателю организации. Я не помню, кем были избраны упомянутые мной сборщики продовольствия, но такие сборщики были.

Вопрос: На основании чего Вы проводили сбор продовольствия для нужд немецкой армии?

Ответ: Из районной организации БНС посылали в волостную организацию БНС указания о сборе с населения для немецкой армии продовольствия. Я помню, что сборы с населения продовольствия для нужд немецкой армии проводились в 1942 или начале 1943 года».

Из протокола допроса Н. В. Борисова 13 октября 1947 года.

«Вопрос: Расскажите о характере связи с польской тайной полицией периода времени 1930–1939 годов.

Ответ: Никакой связи с польской тайной полицией я не имел.

Вопрос: Вы говорите неправду. В связях с польской полицией Вы изобличаетесь рядом свидетелей, допрошенных по Вашему делу. Дайте показания об этом.

Ответ: Еще раз заявляю, что никакой связи с польской полицией я не имел.

Вопрос: С кем из жителей Лаврищевской волости, теперь Лаврищевского района, Вы имели или имеете неприязненные отношения?

Ответ: Со всеми жителями Лаврищевского района я имел нормальные взаимоотношения.

Вопрос: Месникевич Феодосий Иванович, допрошенный 5.VIII.47 г. в качестве свидетеля по Вашему делу, показал, что в то время как он, Месникович, в 1932–1933 годах был арестован Негневичской комендатурой, – Вы посетили тогда Негневичскую комендатуру и донесли на члена КПЗБ Романовича Владимира. Расскажите об этом.

Ответ: Ни на кого из жителей, в том числе и Романовича Владимира, я не доносил в комендатуру.

Вопрос: Свидетель Величко Андрей Константинович, допрошенный в качестве свидетеля по Вашему делу, показал, что Вы в 1934 году в доме Величко выгоняли из дома Жарича Николая Михайловича, брали его за воротник, при этом угрожали: «Я тебя посажу на два года, как безбожника-большевика». После этого Вы сообщили об этом в Негневичскую полицию и Жарич на допросе в полиции подвергнулся избиениям. Расскажите об этом.

Ответ: Да, такой случай имел место. Помню, что примерно в 1934 году в доме Величко Андрея я действительно угрожал Жаричу Николаю Васильевичу, назвав его коммунистом, безбожником за то, что он не снял шапки в доме, когда я в дом вошел. Доносил ли я об этом в полицию или нет, я не помню.

Вопрос: Свидетельница Клакевич Марина Васильевна, допрошенная 7.VIII.47 г., показала, что от коменданта Негневичской полиции ей с 1937 года стало известно, что Вы сообщили в полицию о подпольной деятельности Шимбарецкого Василия, последний и был впоследствии арестован и осужден. Дайте показания об этом.

Ответ: Показания Клакевич Марии Васильевны не соответствуют действительности. Ни на кого, в том числе и на Шимбарецкого, я в полицию не сообщал.

Вопрос: В предательстве польской полиции члена КПЗБ Шимбарецкого Вас изобличают свидетели: Шамборецкий Александр, Величко Андрей, Качан Николай и другие. Какие причины побудили Вас стать на путь предательства?

Ответ: Никого польской полиции, в том числе и Шимбарецкого, я не предавал.

Вопрос: Свидетель Месникевич Феодосий Иванович, допрошенный 5.VIII.47 г. и свидетель Рачинский Даниил Максимович, допрошенный 11.VIII.47 г., показали, что Вы в борьбе против коммунистов и политического движения в Западной Белоруссии проявляли особую активность в дни революционных праздников Первого мая и в Дни годовщины Октябрьской

Социалистической революции, показали, что Вы собирали листовки революционного характера и лозунги и все это относили в польскую полицию. Дайте об этом показания!

Ответ: Показания Месниковича и Рачинского неправдивы. Никогда я не носил в полицию листовок и лозунгов революционного содержания.

Вопрос: Свидетель Жарич Василий Игнатьевич, допрошенный 9.VIII.047 г., показал, что в 1943 году Клакевич Иван Николаевич по Вашему заданию ездил в д. Щорсы сообщить полиции о появлении партизан в д. Гнесичи Лаврищевской волости. Расскажите, как это было.

Ответ: Такого случая не было.

Вопрос: Подвергались ли Вы репрессиям со стороны немецких властей?

Ответ: Репрессиям со стороны немецких властей я не подвергался.

Вопрос: Состояли ли Вы в каких-либо организациях при Польше?

Ответ: Ни в каких организациях я при Польше не состоял.

Вопрос: В каких организациях, кроме БНС, Вы состояли в период немецкой оккупации Барановичской области?

Ответ: Кроме БНС, председателем которой я был в Лаврищевской волости, я ни в каких организациях при немцах не был.

Вопрос: Имели ли Вы какую-нибудь связь с партизанами при немцах?

Ответ: Никакой связи с партизанами я никогда не имел».

По прошествии более шести десятилетий с той поры, как вершился суд над Н. В. Борисовым и другими членами БНС, а данное дело достаточно типичное для второй половины 40-х годов, нам трудно даже представить состояние заключенного, дававшего показания следствию в атмосфере угроз, грубого физического воздействия, голода и холода. И все-таки было в этих показаниях и много правдивого в отношении практической деятельности БНС на селе. Во-первых, членство в организации было для большинства крестьян делом вынужденным, основанном на нежелании попасть в немилость к немцам и их приспешникам. Во-вторых, работа организации на селе сводилась преимущественно к сбору продуктов как на нужды бедствующего населения и частично немецкой армии. В-третьих, даже при наличии у части членов БНС антисоветских настроений они не верили в победу Германии, всячески уклонялись от сотрудничества с оккупационными властями.

***

Правдивая оценка любого исторического явления, факта, личности практически невозможна без учета всех составляющих их моментов, причем, как позитивного, так и негативного свойства. Такого рода подход особенно необходим при анализе деятельности коллаборационистов Беларуси в годы Великой Отечественной войны. По отношению к ним в современной белорусской историографии, к сожалению, господствуют стереотипы, сводимые, как правило, к практике смягчения фактов их сотрудничества с оккупантами, а с другой стороны – к преувеличению их роли в развитии национального самосознания и культуры белорусского народа. Последнее особенно зримо присутствует при анализе деятельности

коллаборационистского «Белорусского объединения» («Беларускага аб’яднання»), действовавшего в 1941–1944 годах на оккупированной врагом Гродненщине. Собственно, каких-либо специальных работ, посвященных этой теме, на сегодня не существует. Почему-то обошла своим вниманием «Белорусское объединение» и «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі». Впрочем, отдельные упоминания о нем здесь можно найти. Делается это как бы вскользь, причем на фоне в целом положительной характеристики руководителя этого объединения Ф. И. Ильяшевича.

Небольшую по объему, но весьма характерную по технологии статью об этом человеке помещаем ниже: «Ільяшевіч Хведар (17.3.1910, Вільне – 7.11.1948), бел. паэт, празаік, гісторык, грамадска-культ. дзеяч. Магістр філасофіі (1936). Малодшы брат М. Ільяшэвіча (1903–1934), бел. гісторыка, географа і педагога. – *В. Ч.*). Скончыў Віленскую бел. гімназію, гіст. ф-т Віленскага ун-та. Удзельнічаў у працы Бел. навук. т-ва. Адзін з кіраўнікоў т-ва прыяцеляў беларусаведаў, некаторы час узначальваў яго гіст. секцыю. Выкладаў бел. мову ў Віленскай бел. гімназіі. Актывіст культ.-асвет. жыцця беларусаў у Вільні. Па паліт. матывах двойчы арыштовываўся польск. дэфензівай, у 1927 зняволены ў турме ў Лукішках. Літ. дзейнасць пачаў у 1925. Друкаваўся ў заходнебел. выданнях «Студэнцкая думка», «Крыніца», «Калоссе», «Родны край» і 1 пам. (псеўд. М. Дальны, Л. Іскра, Малады; крыпт. І-ч, Х.У.). Аўтар зборнікаў вершаў «Весна песні» (1929), «Зорным шляхам» (1932), «Захварбаваныя вершы» (1936). Напісаў першую літаратуразнаўчую працу пра Ядвічіна Ш., якая выйшла асобнай кнігай [«Ядвічін Ш. (Антон Лявіцкі): Жыццѐ і літаратурная творчасць», 1933]. Даследваў гісторыю друкарства на Беларусі. У час нямецкай акупацыі кіраваў «Беларускім аб’яднаннем» у Беластоку, рэдагаваў беластоцкую газ. «Новая дарога», садзейнічаў пашырэнню сеткі *беларускіх* школ (выделено авт. – *В. Ч.*). З 1944 на эміграцыі. Жыў у Зах. Германіі ў лагеры для перамешчаных асоб. Па яго ініцыятыве ў 1946 у Рэзенбургу створана літ. аб’яднанне «Шыпшына». Рэдагаваў (разам з М. Шыла) час. «Шляхам жыцця» (1946–1948), інфармац. лісток (з № 2 бюлетэнь) «Апошнія весткі». Загінуў у аўтамабільнай аварыі ў Ватэнштаце. Пахаваны ў Галенсдорфе (ФРГ). Пасмяротна выйшлі яго «Апавяданні» (Ватэнкітат, 1948; пад псеўд. Святаслаў Залужны), «Недапетая песня» (без месца”, 1982; Гектагр; 2-е выд. Меймен, 1987) ». Дополняли статью об культурном деятеле Ф. И. Ильяшевиче указание на три его статьи об истории книгопечатания, опубликованные в 1930-е годы в виленских белорусских изданиях, а также на статью А. Лиса «Паэзия Хведара Ілляшэвіча», опубликованную в 1993 году в книге «Культура беларускага замежжа» (Мінск) [1]. Неосведомленный читетель вынесет из этой статьи, разумеется, только положительное. Однако обратимся к самому Ф. Ильяшевичу, вернее, к его статье «Беларускае аб’яднанне ў Беластоку», опубликованной у« Вясковым календары 1944 года» (Беласток–Гродна, 1943). Вот что поведал в ней автор о возглавляемой им организации: «Беларускае Аб'еднаньне ў Беластоку, насіўшае раней назоў Беларускага Нацыянальнага

Камітэту, зьяўляецца беларускай арганізацыяй, якая вядзе і арганізуе культурна-нацыянальную і палітычна-усьведамляючую працу сярод беларусаў Беласточчыны. Яго гуртуе ўсе жывыя беларускія сілы, каб збудаваць лепшую будучыню нашага народу, каб накіраваць народныя сілы на шлях нацыянальнае працы і актыўнага ўдзелу ў змаганьні за новы парадак, які прынясе лепшую долю і волю беларусам.

Паўстала Беларускае Аб'яднаньне адразу ж пасьля прыходу ў Беласток пераможных нямецкіх войскаў, як арганізаванае выражэньне нацыянальна-палітычных умкненьняў беларусаў Беласточчыны, бачыўшых у перамозе Нямеччыны сваё вызваленьне з-пад польскае і бальшавіцкае няволі.

Ужо і раней за часоў польскага панаваньня, нягледзячы на палітычны ўціск і слаўную Бярозу-Картузкую, быў сільны беларускі нацыянальны рух. Тут найдаўжэй пратрывалі беларускія культурна-прасьветныя арганізацыі, а нават тады, калі амаль усе беларускія ўстановы ў Заходняй Беларусі былі зьліквідаваны польскай уладай, у Беластоку ўдалося адчыніць культурнае таварыства «Полымя». Гэта было зроблена дзякуючы ўмелай дзейнасьці беластоцкіх беларусаў, якія абыйшлі мясцовую адміністрацыйную ўладу. Даведаўшыся аб залегалізаваньні «Полымя», беластоцкі староста з жахам заявіў, што «гэта горш дынаміту». Але і «Полымя» хутка было разгромлена. Аднак, нягледзячы на жорсткія рэпрэсьі, нацыянальна-беларускі дух у Беласточчыне жыў. Прышоўшыя ў 1939 г. дзякуючы нямецка-савецкай умове бальшавікі не змаглі яго здушыць таксама. Іх лёзунгі і агітацыя не мелі ніякага послуху ў беларусаў. Хутка ўсе, нават чакаўшыя бальшавікоў беларусы пабачылі на свае вочы праўду аб Савецкай Беларусі. Тыя беларускія цэннасьці, якія калісь прыцягвалі сімпатыі беларусаў Заходняе Беларусі, былі дашчэнту вымецены камуністычнай партыяй і НКВД. Нічога беларускага – вось што пабачылі адразу беларусы пасьля прыходу бальшавікоў. Панаваньне жыдоў, расейшчына, прасьледаванньне ўсяго сапраўды беларускага, калхозы, ссылкі і вывазы асьмеліўшыхся пратэставаць – вось што атрымалі беларусы ад бальшавікоў. Наш народ, умеючы цьвяроза і правідлова ацэньваць падзеі, быў перакананы, што гэткае панаваньне доўга не патрывае. Так і сталася, 22-го чэрвеня 1941 г. пад ударам нямецкага аружжа рассыпалася турма беларускага народу. Вялікія надзеі апанавалі беларусаў. Пачалася новая праца. Беларускае Аб'яднаньне (раней Камітэт) разгарнула хутка шырокую дзейнасць. Праведзена была рэгістрацыя беларусаў у Беластоку і ў многіх мясьцовасьцях на правінцыі. Пры гэтым цікава адзначыць, што ў Беластоку, у якім паводле статыстычных дадзеных пана беластоцкага ваяводы з 1936 г. ня было ніводнага беларуса, аказалася аж 17 000 беларускага жыхарства. Аб'яднаньне ўзялося дзейна за аднаўленьне працы гарадзкіх установаў, як друкарня, гарадскі тэатр, гарадскія крамы і г.д.

Была выдадзена першая пасьля прыходу нямецкіх войскаў беларуская газета ў Беластоку «Беластоцкі Голас», якой вышла два нумары. Аб'яднаньне выдала адозву да беларусаў Беласточчыны, у якой заклікала беларусаў да дзейнае працы і помачы нямецкім уладам у змаганьні з бальшавіцкімі ворагамі.

Аднак хутка дзейнасьць беларусаў спаткалася з правакатарскай работай шкодных польскіх элементаў, якія, дзякуючы сваёй большай падрыхтаванасьці, імкнуліся захапіць у свае рукі адміністрацыю і паліцыю на мясцох і ліквідаваць сьвядомы беларускі элемент, начэпліваючы яму ярлык камунізму. Гэта змусіла многіх беларусаў адыйсьці ад актыўнае дзейнасьці, а Аб'яднаньне паставіць у пазыцыю абароны беларускага насельніцтва. Беласточчына – гэта лінія векавога фронту змаганьня беларускага і польскага элементаў. Нягледзячы на ўсе фізічныя і праўныя сродкі, якія меў польскі ўрад на працягу 20 гадоў існаваньня Польшчы, беларускі элемент у Беласточчыне пратрываў и вышаў пераможна з гэтае барацьбы. Гэтаксакма і спроба выкарыстаць барацьбу Нямеччыны супроць камунізму ў мэтах вынішчэньня сьведамага беларускага элементу не павялася. Праўда засталася па нашай старане, бо беларускае насельніцтва Беласточчыны ніколі ня было камуністычным, а наадварот, чакала вызваленьня якраз з боку Нямеччыны. Але за гэту праўду, пры наяўнасьці варожай агітацыі і апанаваньні адміністрацыйных становішчваў польскім элементам, прыходзілася ўпорна змагацца. Жыцьцё само паказала безпадстаўнасьць і фальшывасьць гэткага погляду. Беларусы ў адносінах да Нямецкага народу пры наяўнасьці ўзаемнага зразуменьня, зьяўляюцца саюзьнікамі на тысячы гадоў. Паволі зьмяніліся погляды на беларусаў, паволі выбіваліся варожыя пазыцыі. Гэта было наагул даволі цяжка, бо само Аб'яднаньне яшчэ праўна ня было ўгрунтавана. Але мы верылі ў сваю справу і ішлі наперад. Каля Аб'яднаньня вырастаў актыў, гуртаваліся людзі, навязваліся лучнасьці. Пачалі паўставаць дэлегатуры Аб'яднаньня, аднак і тут былі розныя перашкоды. Усё гэта пачало паволі ўрагулёўвацца з увядзеньнем у Беластоцкай Акруге Цывільнае Ўправы. Само Аб'яднаньне ў канцы 1941 г. перааранізавана. Праца яго пачала магутнець і разьвівацца.

Атрымаў магчымасць працы заложаны ад самага паўстанньня Аб'яднаннья Хор і Аркестр, якія цяпер ужо шырока вядомы сваёй працай ува ўсёй Беласточчыне. Разгарнуў таксама шырокую працу Беларускі Балет. Цяпер паволі крэпне Драматычная Дружына. Ад 29-га сакавіка 1942 году пачала выходзіць у Беластоку беларуская газэта «Новая Дарога», якая ўласьціва ёсьць ворганам Беларускага Аб'яднаньня. Газэта таксама прарабіла вялікую нацыянальную працу і згуртавала вакол сябе літаратурныя сілы Беласточчыны. Увосень 1942 г. у Беласток было пераселена да 8 000 беларусаў з Белавежскай пушчы. Гэта паставіла перад Беластоцкім Аб'яднаньнем важныя заданьні. Былі праведзены масавыя сходы перасяленцаў і разгорнута з дапамогай нямецкае ўлады апека над перасяленцамі. Разумеючы цяжкае палажэньне сялянства, якое знаходзілася па пагрозай бандаў, Беларускае Аб'яднаньне ў Беластоку пастанавіла прыняць актыўны ўдзел у змаганьні з гэтымі рэшткамі бальшавіцкіх недабіткаў, якія нарушаюць мірную працу нашага насельніцтва. Лепшыя сыны нашага народу сваёй гатоўнасьцю адгукнуліся на заклік Аб'яднаньня ўступіць у рады Беларускае Баявое групы Беласточчыны. У Беластоку створана Група Аховы, гэткія групы існуюць і ў іншых мясцох Беласточчыны. Створаны меншыя групы аховы ў Белавежскай пушчы, 23-га

сакавіка 1943 г. Беларускае Аб’яднанньне было афіцыяльна зацьверджана нямецкай уладай, дзякуючы чаму нашая арганізацыя стала на цьвѐрды грунт і атрымала магчымасьці далейшага пасьпяховага разьвіццьця.

Цяперь перад Беларускім Аб’яднаньнем паўсталі вялікія заданьні пашырэньня й паглыбленьня сваѐй дзейнасці. Беларусы Беласточчыны павінны зразумець, што толькі пры сваѐй заарганізаванасьці й нацыянальнай еднасьці змогуць ажыцьцявіць свае нацыянальныя ідэалы. Таму ня можа быць ніводнага сьвядомага беларуса, які б не належаў да Аб’яднаньня й не ўдзельнічаў актыўна у яго працы. Цяпер, побач з арганізацыйнай разбудовай арганізацыі, перад намі стаяць вялікія і важныя заданьні, гэта ў першую чаргу – адчыненьне школаў, знішчэньне бандаў, беларусізацыя царквы й разгортваньне культурнае й палітычна-усьведамляючае працы. Прапагандыстычная праца Аб’яднання зрабіла ўжо шмат, але шмат чаго яшчэ можна пажадаць у гэтай галіне. Асабліва важным з’яўляецца таксама наладжаньне супрацоўніцтва з мясцовай уладай нашых аддзелаў. Пры супольным высілку й арганізаванасьці мы зможам усунуць усе балячкі з нашага грамадзка-палітычнага жыцця, якія дасюль стрымвалі яго й змушалі многіх стаяць ад яго ў старане. Нам трэба памятаваць адно: мы самі павінны каваць сваю долю, ніхто нам за нас гэтага ня зробіць. Усе беларусы павінны ўзяцца за дружную, супольную працу. У еднасьці і арганізацыі – сіла!» [24].

Комментировать статью Ф. Ильяшевича, думается, нет необходимости, впрочем, как и другие материалы «Вясковага календара», безмерно восхвалявшие фашистскую Германию и ее оккупационный режим. И здесь достаточно сослаться лишь на их заголовки: «Жыд вінават», «Жыд і Хрысціянская Царква», а также фотографии, прославлявшие победы рейха над Красной Армией. Этой же цели были посвящены и особо выделенные «урачыстыя дні» календаря. К примеру, в августе 1944 года его составители предлагали вниманию читателей следующие события: «1.8.1914. Пачатак першае сусветнай вайны, распачатае жыдамі»; «7.8.1941. Пабеданоснае заканчэнне бітвы каля Смаленскум; «8.8.1941. Знішчальныя бітвы ля Уманя і Раслаўля»; «14.8.1941. Здабыты абшар жалезнае руды Крывы Рог»; 17.8.1941. Нікалаеў здабыты нямецкімі войскамі»; «19.8.1941. Ангельская спроба стварыць другі фронт каля Д’епп»; «19.8.1917. Скарына надрукаваў першую беларускую кніжку»; «25.8.1941. Днепрапятроўск здабыты штурмам нямецкімі войскамі»; «26.8.1941. XXII савецкая армія знішчана на усход ад Вялікіх Лук…» и т.д.

После освобождения Гродненщины от немецко-фашистских захватчиков советскими органами безопасности были выявлены и другие сведения о деятельности местных фашистских приспешников. Об этом свидетельствует под грифом «Сов. секретно» «Справка о деятельности антисоветской националистической организации ―Белорусский Комитет” (―Беларускае Аб’яднаньне”) с центром в г. Белосток», составленная 18 апреля 1950 года на основании протоколов допросов арестованных белорусских националистов

Бакуна Р. А., Богдановича Г. В. и Гелды И. А, а также ориентировок МГБ СССР за 1947–1948 годы. В документе говорилось:

«Имеющиеся в УМГБ Гродненской области агентурно-следственные материалы свидетельствуют о том, что с момента оккупации территории БССР по заданию немецких разведывательных органов и белорусских националистов в г. Белостоке была создана антисоветская националистическая организация «Белорусский комитет» (в последующем переименованная в «Белорусское объединение»), председателем которой весь период существования являлся белорусский националист Ильяшевич Федор Иванович, его заместителем – Томащик Владимир Михайлович (при отступлении немцев из Белостока оба бежали с последними в Германию).

Для осуществления антисоветской националистической деятельности при «Белорусском комитете» было создано четыре отдела:

1) организационно-административный, референтом которого был Бартошевич Павел (бежал с немцами) и Богуш Зинаида (по неточным данным убита при бомбежке);
2) школьный – референт Грицук Александр (в разработке УМГБ Молодечненской области);
3) пропаганды и агитации – референт Никонюк Евгений (бежал с немцами);
4) хозяйственный – референты Гелда Иван (арестован УМГБ Гродненской области) и Науменко Петр (бежал с немцами).

В своей практической деятельности руководство «Белорусского комитета» прилагало усилия для организации и расширения своего влияния на белорусское население. В этих целях в деревни и на хутора направлялись вербовщики и пропагандисты, которые создавали на местах филиалы «Белорусского комитета». Такие филиалы были созданы в Гродно, Волковыске, в местечках Наревка, Беловеж, Свислочь и других населенных пунктах. В целом организация насчитывала около 12 тыс. членов.

Наряду с организационно-вербовочной деятельностью осуществлялась и т. н. воспитательная работа с целью привить членам организации чувства ненависти и злобы к Советскому Союзу и готовность с оружием в руках бороться с Советским государством. Среди членов организации распространялись газеты, книги, брошюры, календари, плакаты, листовки и т. п., издававшиеся «Белорусским комитетом». Значительную роль в перевоспитании членов организации играла газета, редактором которой был Ильяшевич.

В своих интересах «Белорусский комитет» использовал школу. Летом 1943 года для этой цели были созданы курсы по подготовке учительских кадров, способных привить молодежи нацистскую идеологию.

Кроме этого, при поддержке немцев и с разрешения гестапо Ильяшевич совместно с другими белорусскими националистами весной 1943 года создал вооруженный отряд из числа добровольцев – белорусов, членов «Белорусского Комитета» – «Шуцманшафт», для чего в апреле того же года Ильяшевич

обратился через газету «Новая дорога» с воззванием к белорусской молодежи, в котором призывал ее добровольно вступать в созданную ею организацию т. н. «Самаахову». Задачами «Шуцманшафта» являлось ведение вооруженной борьбы с советскими партизанами и оказание повседневной помощи Белостокскому отделу гестапо в охране его служебных помещений, в производстве массовых арестов и расстрелов советских граждан. Комендантом отряда «Шуцманшафт» являлся Гелда Иван Антонович.

Ильяшевич в своих делах находился в подчинении Белостокского отдела гестапо и непосредственно его шефа Артура Гофмана. В июле месяце 1944 года в связи с приближением Красной Армии к Белостоку Ильяшевич вместе с другими деятелями «Белорусского комитета» бежал в Берлин. Там они находились в английской зоне оккупации Германии и принимали активное участие в антисоветской националистической деятельности по указке английских и американских разведорганов.

При анализе деятельности «Белорусского комитета» («Беларускага аб'яднання») органы госбезопасности учитывали и содержание «Временного Устава» этой организации, утвержденного на учредительном собрании от 7 июня 1941 года. В нем, в разделе «Название, цель, район действия и местонахождение руководящих органов» отмечалось (перевод с немецкого этого документа был сделан осенью 1944 года старшим лейтенантом отдела контрразведки «Смерш» 3-й армии Тимченко. – *В. Ч.*):

1. В интересах защиты политической, экономической и культурной жизни белорусского народа в Белостокском округе организована организация под названием «Белорусский национальный комитет в Белостокском округе».
2. Указанная цель достигается путем обращения Комитета ко всем национально-сознательным белорусам.
3. Комитет является представителем белорусского населения в государственных органах власти, он направляет своих представителей в государственные органы власти, организовывает экономическую, политическую и культурную жизнь в округе, а также издает книги, журналы, газеты, воззвания и т. д.
4. Комитет имеет право создавать свои филиалы по всей Белостокской округе, в местах, где проживает определенное количество белорусов.
5. Место пребывания Комитета – г. Белосток.

В разделе «Президиум Комитета» имелись следующие пункты:

6. Президиум Комитета состоит из председателя, его заместителя, секретаря и референтов по направлениям деятельности.
7. Руководители филиалов организации назначаются председателем Комитета.

В разделе «Права Комитета» отмечалось:

8. Комитет является юридическим лицом, а потому имеет право владеть движимым и недвижимым имуществом и содержать разные предприятия.

9. Комитет имеет круглую печать с надписью на белорусском и немецком языках: «Белорусский Национальный Комитет в Белостокском округе» [5].

Кроме «Белорусского комитета» («Белорусского объединения») в Гродно имелись «Украинское народное объединение» и «Литовский комитет», однако их деятельность ничем особым не выделялась. Самой же крупной городской организацией, основанной оккупационными властями, был «Русский комитет». Членами его было более 100 человек. Немалую роль в его деятельности «по объединению русских, проживающих в Гродно, с благотворительной целью и для воспитания молодежи в православном духе» играло местное духовенство. Некоторые из них были и членами «Белорусского комитета» с целью «завоевать доверие со стороны руководства этого комитета, а также прихожан-белорусов».

Немецкие власти, желая разобраться в «загадочности» позиции православного духовенства по отношению к «Русскому» и «Белорусскому» Комитетам инициировали проведение в городе их совместных мероприятий. Так, весной 1944 года по предложению городской управы и гестапо епископ Венедикт (Бобковский) устраивал у себя на квартире в архиерейском доме два дня подряд совещания представителей «Русского комитета», «Белорусского объединения» и других организаций во главе с Артуром Гофманом, настоятеля собора епископа Григория (Боришкевича), а также бывшего князя Мещерского. На этих собраниях присутствовали и представители двух комитетов – Ф. И. Ильяшевич и Н. М. Седляревич. По словам священника, Евгения (Котовича), «кроме споров (кто важнее?) они ничего не дали».

Одним из последних мероприятий, объединивших духовенство из разных комитетов, было освящение церкви в селе Заблудово в канун освобождения Гродненщины от захватчиков. Из пропагандистских целей немецкие власти уделили ему огромное значение. Вот что рассказал об этом советским органам госбезопасности протодиакон Филипп (Рубан) на допросе 13 марта 1945 года: «Вопрос: Ездили ли вы на освящение церкви в село Заблудово? Ответ: На освящение в село Заблудово я ездил. Это было в июне 1944 года. Вместе со мной был епископ Григорий (Боришкевич), настоятель женского монастыря Никита (Томчук). Командированы туда мы были епископом Венедиктом (Бобковским). Вопрос: Кто еще был на освящении в селе Заблудово? Ответ: На освящении еще были: священники Николай (Круковский), Николай (Строковский), Иоанн (Вихров), Алексей (Мулярчик), Борис (Богданович), Владимир (Омельянович). Последние оба являлись священниками церкви в Заблудово, а остальные священниками соседних приходов. Кроме духовенства, на освящении присутствовали: доктор Кораблев и какие-то женщины из имений. Из Белостока приехали: председатель Белостокской окружной организации «Белорусское объединение» Ильяшевич, шеф немецкой пропаганды, корреспондент немецкой газеты, был также русский казачий офицер в немецкой форме, а также некий человек в штатском костюме, которого все называли «гусаром». Он уважал играть на гитаре, но не отказывал

себе и в выпивке. Был еще один тип, который все время вертелся около Ильяшевича (по некоторым данным – поэт Алесь Кохановский. – *В. Ч.*), но я его совершенно не знаю. Вопрос: Расскажите о процедуре освящения церкви. Ответ: Вся процедура по освящению длилась около двух часов. После монтажа престола и окропления водой помещения снаружи началась литургия. Проповедь во время литургии читал священник из Свислочи Алексей (Зноско-Боровский). Ничего антисоветского он не говорил, хотя присутствовавшие думали, что он, вероятно (как организатор БК в своем приходе. – *В. Ч.*), в прошлом организатор ОПП, подчеркивавший, что их род происходит из давних поляков, будет говорить в пользу немцев. Его проповедь была на белорусском языке. После литургии был молебен, но не в церкви, а во дворе, так как много было народу. Во время молебна проповедь читал Григорий (Боришкевич), который благодарил население за помощь, оказанную в ремонте церкви, а также немецких представителей за предоставленные стройматериалы. После молебна за оградой церкви был устроен митинг, на котором присутствовало около 500 человек из числа местного населения. Духовенство на митинге не присутствовало, а сразу после молебна пошло в дом к священнику Богдановичу на обед. Митинг проводил Ильяшевич с представителями немецкой пропаганды. После митинга, который прошел быстро, Ильяшевич с немцами пришел на обед. Затем состоялось фотографирование всех присутствовавших на освящении. Слышал, что потом эти фотокарточки были увеличены и продавались в одном из немецких магазинов в Белостоке, а также были помещены в газетах и журналах, но сам я ни того, ни другого не видел… В фотографировании участия не принимал, так как из-за плохого самочувствия по болезни ушел с обеда и отдыхал на чердаке дома Богдановича» [146, с. 202–204].

Ряд интересных деталей в деятельности данной коллаборационистской организации стал известен органам госбезопасности и в ходе разработки следственных дел в отношении членов «Белорусского объединения», арестованных в первые послевоенные годы в г. Гродно. Наиболее типичным среди них следует признать «Следственное дело № 31302» по обвинению Шуляк Елены (Лѐли) Владимировны в преступлениях по статьям 63-1 и 76 УК БССР. Начато дело 12 августа 1950 года, окончено 12 октября 1950 года.

Из обвинительного заключения на Шуляк Е. В., утвержденного 24 ноября 1950 года, следовало, что 12 августа 1950 года УМГБ Гродненской области за принадлежность к антисоветской националистической организации «Белорусский комитет» она арестована и привлечена к уголовной ответственности.

Шуляк Е. В. (1925 года рождения, уроженка г. Гродно, русская, образование – два курса Гродненского пединститута, на момент ареста работала секретарем-бухгалтером СШ № 8 г. Гродно, местожительство – ул. Горького, 15, кв. 2).

Произведенным по делу расследованием установлено, что Шуляк Е. В., проживая на оккупированной немцами территории в г. Гродно с ноября 1941 г.

и до июня 1942 г., обучалась на бухгалтерских курсах, а также на курсах по изучению немецкого языка при «Белорусском комитете». Одновременно с начала 1942 года она работала при этом же комитете библиотекарем. В мае 1942 г. она была переведена в его канцелярию, где до июля 1942 г. работала переводчицей немецкого языка и машинисткой.

Будучи переводчицей, она добровольно вступила в члены антисоветской националистической организации «Белорусский комитет». Находясь в близких отношениях с руководителем комитета, Шуляк одновременно поддерживала тесные связи с сотрудниками гестапо, для которых печатала и переводила различную документацию.

В сентябре 1943 года Шуляк принимала участие в создании карательных отрядов «Шуцманшафт» из числа местного населения, составляла списки лиц, подлежащих мобилизации на службу в эти отряды и печатала для них повестки о явке в гестапо. В конце 1943 г. неоднократно носила в городскую больницу продукты питания для раненого в бою с партизанами карателя из «Шуцманшафт» по фамилии Соловей Л.

Шуляк Е. В. принимала участие в уничтожении при «Белорусском комитете» советской литературы, вырывала и зачеркивала тушью портреты руководителей Партии и Советского Правительства.

В целях сокрытия следов преступления членов организации «Белорусский комитет» Шуляк лично в июле 1944 г. перед отступлением немцев уничтожала путем сожжения документы и списки участников названной организации, за что от руководства комитета получила благодарность.

В предъявленном обвинении Шуляк Е. В. виновной себя признала. Изобличена показаниями шести свидетелей, двумя очными ставками с ними, а также вещественными доказательствами».

В их числе были изъятые во время обыска у Шуляк следующие документы: немецкий паспорт, удостоверение личности, выданное в «Белорусском комитете», его отдельные печатные издания и т. д., включая и фото А. Кохановского с дарственными надписями: на лицевой части – «Алесь Каханоўскі» и на обороте – «Добрай памяці і цеплых пачуццяў сяброўцы Лѐлі. – Алесь Каханоўскі. Гародня. 30.VI.43 г. » В отношении фото Шуляк показала, что не знает был ли он членом «Белорусского комитета», но именно там, в помещении комитета, он подарил ей свой портрет. В ходе следствия было установлено, что Кохановский являлся «видным белорусским националистом-поэтом», и что «в журнале ―Жыве Беларусь", издаваемом профашистской организацией ―Саюз беларускай моладзі" (СБМ) были помещены две его статьи антисоветского националистического содержания».

Обвинительное заключение на Шуляк Е. В. было направлено в Москву на рассмотрение Особого совещания при Министре госбезопасности СССР с определением о заключении ее в ИТЛ сроком на 25 лет с конфискацией лично принадлежавшего ей имущества. В ходе рассмотрения дела Шуляк в Особом совещании выяснилось, что она с 1944 года являлась секретным осведомителем

органов госбезопасности и что в ходе следствия ею были названы имена около 40 членов Гродненского филиала. Это позволило снизить ей срок заключения до 15 лет. 27 января 1951 года Шуляк была осуждена для отбывания наказания в особом лагере МВД СССР № 7 в г. Братске сроком на 10 лет. Затем была переведена в Озерский, а в конце заключения в Карагандинский лагерь для заключенных.

9 января 1955 года Шуляк Е. В. написала заявление на имя Генерального Прокурора СССР К. А. Руденко с просьбой о помиловании, мотивируя ее следующим: «В 1941 году мне исполнилось лишь 16 лет, нужно было где-то работать, а так как я была белоруска, а устроиться на работу можно было лишь через «Белорусский комитет», то я и пошла туда, где мне и предложили работу. В этом и состоит моя вина, которой я не отрицаю, но чего-либо плохого Советской власти я ничего не делала. Тем более, что отец мой – Шуляк Владимир Романович был связан с партизанами. В настоящее время я веду в ИТЛ культурную работу, а по основной работе работаю бухгалтером. Свои невольные ошибки осознала. Советской власти предана так же, как и мой отец. На основании вышеизложенного прошу подойти к моей участи с особым вниманием, так как учил наш вождь тов. Сталин, что самое ценное мире – это человек». 17 сентября 1955 года Шуляк Е. В. была освобождена из мест заключения по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 19 июля 1955 года [6].

Степень вины и участия гродненцев в деятельности «Белорусского объединения» была самой различной, и это учитывалось судебно-следственными органами. К настоящему времени большая часть их реабилитирована. Что же касается места в истории самой организации, то она заслуживает более пристального и всеобъемлющего исследования.

6.3. Мобилизационные мероприятия белорусских партизан на Гродненщине в 1943 – 1944 годах

Беларусь партизанская – это выражение отнюдь не дань художественной образности, не отражение приверженности к былым идеологическим штампам. Это реальное представление общественности о той борьбе, которую вел на оккупированной врагом территории белорусский народ.

Как известно, сопротивление немецко-фашистским захватчикам на белорусской земле началось буквально с первых дней оккупации. В тылу противника была оставлена заранее подготовленная агентура, заложена база будущих партизанских отрядов. Быстрое наступление фашистских войск, разумеется, помешало полностью осуществить задуманное, но тем не менее сделано было немало, особенно в Восточной Беларуси. И здесь очень скоро оккупанты ощутили силу народного сопротивления.

В последние годы в определенных кругах наблюдается стремление принизить и исказить историю партизанского движения в Беларуси. Высказываются утверждения, что большинство партизанских отрядов было создано НКВД, что их ядром были профессиональные диверсанты, а местное население будто бы мобилизовывалось в них принудительно, под угрозой расправы. Партизаны якобы грабили население и провоцировали оккупационные власти на ответные репрессии. Дескать, не было бы партизан – не было бы и сотен белорусских деревень, сожженных вместе с их жителями, не было бы публичных казней на городских площадях и т. д. Все это циничная ложь, исходящая от предателей белорусского народа – коллаборационистов и их идейных наследников прозападной ориентации. Эта ложь рассыпается прахом при соприкосновении с фактами.

Если говорить о зарождении партизанского движения, то действительно советское руководство с первых дней войны обратилось к народу с призывом: пусть земля горит под ногами врага! Призывали к массовому сопротивлению всеми средствами, во всех возможных формах, и этот призыв получил самую мощную поддержку местного населения. Но ведь дело не только в призывах властей и руководства, потерявшего к тому же реальный контроль над громадной территорией. Когда впоследствии Красная Армия вошла в пределы фашистской Германии, тогда тоже не было недостатка в призывах Гитлера и Геббельса к населению о необходимости всемерного сопротивления советским войскам, призывах, подкрепленных беспощадными репрессиями. Однако никакой массовой партизанской борьбы в Германии так и не развернулось. Немцы не поддержали фашистскую клику и предпочли безропотно подчиниться победителям.

Да, действительно часть партизанских отрядов была организована советско-партийными органами и НКВД – преимущественно специального разведывательно-диверсионного направления. Таким был, например, знаменитый отряд С. А. Ваупшасова, действовавший в районе Минска, и другие отряды, которые достаточно быстро пополнялись добровольцами. Очень многие отряды возникали из оставшихся в окружении и не сумевших пробиться к своим групп бойцов и командиров Красной Армии. Они продолжали борьбу в тылу и также пополнялись добровольцами. Среди последних было немало призывников, не успевших вследствие стремительности развертывания событий добраться до призывных пунктов, чтобы попасть в армию.

Из-за огромного количества пленных, а также из демагогических соображений – с целью посеять рознь между народами СССР – оккупанты в начале войны отпускали по домам часть местных уроженцев. Эти люди со временем тоже стали резервом партизанского движения. Наконец, огромное количество отрядов возникало стихийно, по инициативе самого населения. Постепенно партизанские отряды устанавливали связь между собой, а затем и с советским тылом, сливаясь в целые партизанские соединения – бригады. В мае 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), который не случайно возглавил первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К.

Пономаренко. В сентябре того же года возник Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) под руководством второго секретаря ЦК КП(б)Б П. З. Калинина. Эти назначения отражали выдающуюся роль Беларуси в развертывании партизанского движения на оккупированной врагом территории, где Беларусь занимала центральное положение на основных военных коммуникациях.

Огромное воздействие на патриотический подъем белорусского народа, на расширение масштабов борьбы против врага оказывали успехи Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Все эти факторы в конечном итоге определяли размах и глубину всенародного партизанского движения, численный и качественный рост его формирований. Важную роль в усилении притока нового пополнения в партизанские отряды играли их организованность и сплоченность, высокая боевая активность. Разгром вражеских гарнизонов, мощные удары по коммуникациям оккупантов, создание новых и расширение уже существовавших партизанских зон поднимали авторитет партизан, способствовали массовому притоку белорусов в их ряды. Быстрому росту численности партизан летом-осенью 1943 года содействовала такая важная политическая кампания, как обсуждение Обращения воинов-белорусов к партизанам и партизанкам, ко всему белорусскому народу, а также подписание Ответного письма воинам. Все это вызывало новый патриотический подъем среди населения городов и сел республики.

Всенародное сопротивление особенно окрепло после того, когда здесь стал активно насаждаться варварский оккупационный режим тотального геноцида и грабежа населения. В соответствии с секретным приложением к плану «Ост» на территории Беларуси уже через десятилетие не должно было остаться ни одного белоруса. 65 % населения предполагалось уничтожить или вытеснить за Урал, а 75 % принудительно онемечить. На «освобожденную» землю намечалось переселить голландцев и бельгийцев. Еще до развертывания плана «Ост» предусматривалось поголовное истребление советско-партийного актива, еврейского и цыганского населения. Эту часть программы фашисты практически успели выполнить. Уцелели лишь те из обреченных на гибель, кто нашел защиту в партизанских отрядах. Самое активное участие в осуществлении людоедских планов фашистских оккупантов принимали коллаборационисты из числа белорусских национал-радикалов. Теперь кое-кто пытается доказать, что эти люди добросовестно заблуждались, что они стремились с помощью немцев возродить национальную Беларусь, преодолеть пагубное, по их мнению, влияние «чуждой белорусам» русской власти и русской культуры. Однако национальная риторика предателей – не более чем камуфляж, овечья шкура, прикрывавшая их волчью сущность. Эти люди прислуживали враждебным Родине внешним силам, а потому ничего, кроме презрения и проклятия, они не заслужили.

Вопрос о взаимоотношениях партизанских отрядов с населением фальсифицируется и в наши дни достаточно часто. Некоторые деятели из числа публицистов доходят до того, что вслед за фашистской пропагандой прямо

называют партизан бандитами и мародерами, грабившими белорусских крестьян. Конечно, война, тем более в тылу врага, всегда сурова и жестока, и она не могла обойтись без эксцессов. Но партизанская борьба совершенно невозможна без поддержки мирного населения. Оставшиеся жить в деревнях и селах люди считали партизан своими защитниками, служили у них связными и разведчиками, укрывали раненых, снабжали отряды продовольствием и одеждой. По общему правилу это делалось совершенно добровольно, хотя имели место случаи насильственных реквизиций. Однако люди понимали эту вынужденную необходимость и прощали. Другое дело, что с целью дискредитировать партизанское движение, лишить его народной поддержки оккупанты создавали из коллаборационистов отряды лжепартизан. Эта затея полностью провалилась. Подлинные партизаны разоблачали и беспощадно уничтожали фашистских ряженых. Встречались и настоящие банды из дезертиров и уголовников, занимавшиеся грабежами, но по мере развертывания партизанской борьбы они также истреблялись.

Около 400 тыс. партизан и около полумиллиона учтенных подпольщиков дала Беларусь для борьбы с ненавистным врагом. Около миллиона белорусов воевали в действующей армии на всех фронтах Великой Отечественной войны. Более четверти всех белорусов сложили свои головы за Родину. Будем достойны их памяти. Будем, однако, помнить, что в партизанском сопротивлении на территории республики кроме самих белорусов, составлявших около 77 % партизан, участвовали представители всех народов СССР и многих зарубежных стран. Были среди них и немецкие перебежчики, отвергнувшие фашизм. Таким образом, местное партизанское движение стало подлинной школой интернационализма, сплотившей народы в борьбе против коричневой чумы. Это была такая прививка духовного здоровья, которая предопределила дальнейшее развитие Республики Беларусь, и она, несомненно, помогает ей достойно выдерживать все испытания.

Теперь я постараюсь подтвердить отмеченное выше примерами из боевой деятельности на территории Западной Беларуси в 1943–1944 годах партизанской бригады имени Кастуся Калиновского. Подлинные штабные документы ее совсем недавно стали достоянием общественности. Впервые обзор им был дан на страницах совместного издания Московской академии экономики и права и Гродненского госуниверситета, получившего прекрасное название «Равнение на героев Победы». В настоящее время мною написана книга, посвященная истории бригады, с использованием партизанских документов, впервые вводимых в научный оборот. Часть материалов ее будет использована сегодня для показа того, как непросто в условиях партизанской повседневности решались мобилизационные мероприятия командованием данной бригады. Ядром для ее создания стала небольшая группа десантников во главе с Н. К. Войцеховским, заброшенная на парашютах в апреле 1943 года на территорию Гродненщины. С помощью населения этот немногочисленный десант скоро превратился в крупную боевую силу – партизанскую бригаду им. К. Калиновского, основу которой составляли работники НКВД. Уже в ноябре-

декабре 1943 года эта бригада в составе 186 человек во главе с командиром Н. К. Войцеховским, комиссаром Е. Г. Осиповым, начальником штаба С. В. Чудиновым приняла участие в 1000-километровом рейде Белостокского партизанского соединения, которое только за это время истребило около 2500 вражеских солдат и офицеров, пустило под откос около 50 эшелонов противника, подорвало около 1100 рельсов. Несмотря на потери в ходе боев, бригада Калиновского численно выросла почти втрое. Какие же факторы способствовали этому? Большая часть их уже была названа. Однако в реальных условиях партизанской жизни пополнение бригады личным составом осуществлялось не спонтанно, а с учетом особенностей региона, бывшего еще совсем недавно в составе Польши, а также тех приказов и распоряжений, которые исходили от командования Белостокского соединения.

Во «входящих» и «исходящих» из штабов соединения документах вполне резонно вместе с указаниями о необходимости создания новых формирований из числа местных жителей и расширения сети скрытого партизанского резерва, повсеместно подчеркивалась потребность в «железной дисциплине» и «сохранении военной тайны». Всем командирам отрядов и бригад категорически запрещалось «самовольно, без соответствующей работы начальников и уполномоченных особых отделов» производить набор в партизанские отряды. Все вновь прибывшие и желающие поступить в отряд должны были немедленно задерживаться. Только после тщательной проверки через всевозможные источники им могло быть доверено оружие. Такого рода подход был продиктован самой жизнью: к отрядам бригады «прибивалось» немало разных людей, нередко среди них выявлялись шпионы, провокаторы, бывшие полицейские, «власовцы» и др. В одном из приказов этого времени имелся следующий пункт: «При принятии нового пополнения обязательно требовать характеристику о данном человеке от знающих его командиров и партизан, в которой должно быть указано, что им сделано на пользу партизанского движения и другие положительные моменты о его деятельности за период войны». В последующем на всех вновь прибывших в отряды заполнялась анкета по форме № 6.

Зимой 1944 года пополнение отрядов бригады осуществлялось в добровольно-принудительном порядке, о чем свидетельствовал, в частности, приказ № 015 по Белостокскому соединению от 23 февраля 1944 года (район Липичанской пущи): «П. 1. 25 февраля 1944 года произвести отбор и мобилизацию в отряды населения рождения с 1915 по 1925 годы в нижеследующих деревнях: 1) отряду «Боевой» им. Дунаева – Зачепичи 1-е; 2) бригаде им. Александра Невского – Зачепичи 2-е (за Корытницей); 3) отряду им. Жукова – Голубы 2-е; 4) отряду им. Калинина – Голубы 1-е; 5) бригаде Кастуся Калиновского – Колпинское, Гончары. П. 2. Для проведения мобилизации необходимо: 1) произвести учет лиц указанных возрастов; 2) собрать собрания и провести беседы (тезисы прилагаются); 3) к исходу дня отмобилизованных привести в лагерь; 4) необходимо обратить внимание на то,

чтобы вновь мобилизованные были хорошо одеты, имели с собой 3-суточный запас продовольствия и белья».

В ходе выполнения этого приказа в означенных деревнях бригадой им. К. Калиновского стало известно, что могут быть мобилизованы в партизаны по возрасту лишь 8 человек, однако на момент мобилизации дома оказалось лишь четверо человек, остальные в течение нескольких дней скрывались неизвестно где. Из мобилизованных же трое сбежали по дороге в лагерь в неизвестном направлении, а приведенный в отряд был отпущен домой по состоянию здоровья.

Весной 1944 года штаб Белостокского соединения потребовал от командиров партизанских бригад повышения бдительности в связи с активизацией в их регионе агентурной и террористической деятельности частей РОА и польских отрядов АК. На основании этого было приказано: «Категорически запретить прием в партизанские отряды перебежчиков из РОА и АК, а пришедших немедленно арестовывать и вести тщательное следствие о каждом отдельном случае и результатах его немедленно докладывать в штаб. Запретить появление лиц из гражданского населения в расположении лагерей, а в случае обнаружения таковых в лесных массивах, задерживать их и тщательно проверять». В последующем при вхождении в контакт с частями РОА была выявлена возможность перехода некоторых из них на сторону партизан. О ходе таких переговоров штаба бригады с казацкой сотней РОА, расквартированной в д. Дворец, свидетельствует следующее письмо: «Командиру сотни! Товарищи! С нашей стороны это третье письмо… Еще раз говорим вам, что в нашей среде уже много ваших товарищей…, они целы, невредимы и стали на правильный путь, указанный нам нашими предками. Чем больше мы переписываемся, тем дальше мы оттягиваем нашу встречу и ваше участие в защите родины… Между тем, успехи нашей армии растут и победа наша близка. Еще раз напоминаем вам, хлопцы, что требуется решительный шаг, трусости здесь не место…». В последующем, переход в бригаду при содействии связных Сокольца и Мищенко осуществили 11 казаков из РОА.

21 марта 1944 года штабом Белостокского соединения был издан приказ, коренным образом менявший порядок пополнения партизанской бригады. Этот приказ был вызван к жизни объявленной фашистской «белорусской Радой» мобилизацией местного населения в немецкую армию, полицию, а также в т. н. «самаахову» (самооборону). Одной из причин появления данного приказа был также и усилившийся угон немцами белорусской молодежи в Германию. С целью сорвать планы оккупантов и их пособников и «не дать наших людей врагу» бригаде предлагалось: развернуть в местах действия отрядов широкую разъяснительную работу о целях такого рода мобилизации, не допускать наших людей на немецкие сборные пункты, организовывать засады и налеты на немецкие и полицейские отряды, проводящие мобилизацию населения. Одновременно предлагался и новый порядок комплектования партизанской бригады личным составом: «Командирам и комиссарам отрядов и бригад организовать прием (особенно из тех, кто подлежит немецкой мобилизации) в

партизанские отряды контингента с расчетом вывести его к 1 мая 1944 года не менее, чем на 50 % по отношению к численному составу отрядов в настоящее время. Разрешено иметь: на каждую винтовку 3 бойца, на каждый пулемет 5 бойцов. Допускается иметь в каждом отряде 30–40 % невооруженных партизан, которых по мере возможности необходимо вооружать, а до этого использовать для переноски боеприпасов в бою, на хозяйственных и других работах». Противодействие мобилизационным планам врага вызвало то, что «уже на другой день после объявления мобилизации в ~~б~~елорусскую оборону" в леса, к партизанам, потянулись крестьяне целыми семьями. В это время помимо проверочных собеседований и составления анкет, четко выполнялась и медико-санитарная инструкция: «Не принимать в расположение лагеря новичков без предварительного медосмотра и дезинфекции одежды».

Штабные документы партизанской бригады им. К. Калиновского подтверждают, что ею с момента образования до соединения с частями Красной Армии было уничтожено свыше 2 тыс. немецких солдат и офицеров, а также их местных пособников. О результативности же мобилизационных усилий бригады свидетельствует «Рапорт» командования бригады на имя начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) Романова: «18 августа 1944 г. партизанская бригада им. Кастуся Калиновского под командованием подполковника Н. К. Войцеховского, комиссара Е. Г. Осипова и начштаба С. В. Чудинова, действовавшая на территории Белостокской области, встретилась с передовыми частями 3-й и 49-й армий Красной Армии. На данной территории с 20 июня по 18 августа в составе бригады действовали следующие отряды: «имени комсомола Белоруссии», «Звезда», «Кастусь Калиновский», «Александр Матросов», «26 лет Октября». В указанные сроки все они встретились с Красной Армией.

Бригада К. Калиновского имела на 18 августа личного состава 769 человек; фактически в советский тыл вышло 695 человек. Из числа вышедших направлено: 1) в РККА из комсостава – 7 чел., рядовых партизан – 17 чел.; 2) направлено на советскую и партийную работу – 367 чел.; 3) направлено на хозяйственную работу – 3 чел.; 4) отправлено на лечение в госпиталь – 2 чел. раненых; 5) отправлено домой по старости – 2 чел.; 6) передано для работы в НКГБ и НКВД – 200 чел.; 7) отправлено в распоряжение БШПД – 35 чел.; 8) погибло и пропало без вести – 19 чел.; 9) дезертировало на сторону врага и расстреляно за измену Родине – 46 бывших партизан; 10) бригада имела связных – 120 чел., скрытых резервов – до 5 тыс. чел., из них 1 тыс. чел. ушла в лес, в организованные для них лагеря, охраняемые нами до момента соединения с РККА.

Взято в плен: немцев – 171 чел., полицейских – 37, власовцев – 20 чел.

Для сдачи в БШПД подготовлены личные листки по учету партизанских кадров по форме № 6 – на 520 чел.».

Значительный интерес для изучения истории партизанского движения представляют и другие штабные документы бригады. Каждый листок из этой коллекции материалов имеет особую ценность. Он дает редкую возможность

воочию приблизиться к суровой правде тех далеких и суровых лет, многое понять и прочувствовать с тем, чтобы еще раз воздать должное величию ратного подвига партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

6.4. О жизненной драме директора Гродненского учительского института Д. П. Кардаша

Первому высшему учебному заведению в Принеманском крае – Гродненскому государственному университету имени Янки Купалы уже более 70 лет. Сегодня это один из крупнейших университетов не только в регионе, но и в Республике Беларусь. История вуза берет свое начало с 1940 года, времени, когда на освобожденных от польского владычества землях Западной Белоруссии начал свою работу Гродненский учительский институт. Наладить деятельность института практически на пустом месте было делом нелегким: не хватало не только подготовленных к вузовской работе преподавателей, но и самих студентов. Так, в объявлении о приеме заявлений на 1-й курс отделения белорусского языка и литературы Гродненского учительского института указывалось: «В Институт принимаются лица со средним образованием. Примечание. Допускаются к вступительным испытаниям также и лица, не имеющие документов об окончании средней школы, но обладающие знаниями за среднюю школу». Прием заявлений проходил до 25 января. После чего он из-за отсутствия абитуриентов был продлен до 20 февраля. В тот же день начались вступительные экзамены, а 7 марта 1940 года студенты института – будущие филологи приступили к занятиям. Параллельно с налаживанием учебно-воспитательного процесса решались вопросы по созданию материальной базы института, его библиотеки, кабинетов и т. д. Шла работа по подготовке учительских кадров по другим специальностям. Руководством республики проводился подбор на должность директора учительского института. Исполнявший его обязанности до 1 августа 1940 года работник Белостокского облоно С. Я. Раскин по уровню своего образования явно не подходил на эту должность. Осознавая это, Министерство просвещения республики вело поиски наиболее приемлемой кандидатуры. И такой человек был найден. С 1 августа исполняющим обязанности директора учительского института в Гродно стал работать Д. П. Кардаш. 11 октября 1940 года приказом Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР он был утвержден в должности директора Гродненского учительского института [25].

При всем том, что кандидатура Д. П. Кардаша на данную должность проходила весьма непросто, в Москве и Минске она была признана лучшей, и назначение состоялось. В ту пору директору Гродненского учительского института шел 36-й год. Дементий Петрович Кардаш родился в 1904 году на Гомельщине, в д. Острогляды Брагинского района, в семье крестьянина. После окончания средней школы работал учителем начальных классов в д. Везок того

же района. Став комсомольцем, работал секретарем волостного комитета комсомола. В 1924 году по «Ленинскому призыву» он вступил в ряды ВКП(б). С 1927 по 1932 годы учился в Московском историко-филологическом институте. После окончания института работал инструктором ЦК КПБ, но с этой должности «за скрытие социального положения отца, сосланного как кулака на пять лет на север» был уволен. Несмотря на это, служебная карьера Кардаша и в дальнейшем складывалась вполне удачно. Проработав 1932/1933 учебный год директором СШ № 16 г. Минска, он получил назначение на должность директора Речицкого педагогического училища, а через год, в 1935 году – директора Рогачевского учительского института. Однако в октябре 1931 года Рогачевским райкомом КПБ Кардаш был исключен из членов ВКП(б) «за скрытие своего кулацкого происхождения (отец его являлся эсером, активно боровшимся против советской власти), за притупление классовой бдительности, за укомплектование педсостава училища врагами народа и технического персонала враждебными элементами (допустил пропаганду ими в стенах училища контрреволюционных теорий), за грубое и бездушное отношение к студентам (снизил стипендию целой группе без всяких на то оснований)». В конце декабря 1937 года парткомиссия ЦК КПБ это решение утвердила, но летом 1938 года после рассмотрения апелляции Кардаша в партии его восстановили, но объявили строгий выговор за потерю классовой бдительности и т. д. [8]. С 1938 по 1940 годы Кардаш работал старшим преподавателем истории СССР в Гомельском пединституте. Заочно учился в аспирантуре Института истории АН СССР. Именно в это время рассматривался вопрос о его назначении на директорский пост в г. Гродно. Одним словом, служебная карьера Д. П. Кардаша до приезда в Гродненский учительский институт складывалась неплохо, причем по возрастающей линии, однако примесь определенной горечи по партийной линии в его профессиональном становлении все же имелась.

В Гродно Кардаш проработал всего лишь один учебный 1940/1941 учебный год. Предыдущий опыт руководящей работы тем не менее позволил ему достаточно успешно наладить учебно-воспитательный процесс, обеспечить подготовку приема студентов на новые специальности (физика и математика), открыть работу заочного отделения, обеспечить проведение на базе института месячных и восьмимесячных курсов по переподготовке учителей средних школ Белостокской области по русскому и белорусскому языкам, литературе, географии, химии и природоведению, укрепить материально-техническую базу института, его кадровый состав [102]. Большие планы по развитию института имелись у директора и на перспективу, но им не суждено было сбыться в связи с начавшейся войной. Это событие уже с первых дней обусловило весьма трагический поворот в судьбе Д. П. Кардаша.

Вот как описывал он спустя годы драматическую динамику событий тех дней: «До 22 июня 1941 года я работал директором Гродненского учительского института. Как только началась война, нас, всех руководителей госучреждений и предприятий города, вызвали в горком партии, где его секретарь Поздняков

предупредил всех собравшихся, чтобы мы из Гродно не выезжали. Здесь же за некоторыми из нас, в том числе и за мной, закрепили участки наблюдения с целью недопущения поджога зданий и стрельбы со стороны местного населения. Лично я находился на наблюдательном пункте примерно до 22 часов 30 мин. вечера первого дня войны, а затем вместе с двумя инструкторами горкома партии пошли в горком партии и в горвоенком, но там в это время уже никого не было.

После этого мы пошли на станцию и сели на последний отправляющийся на восток поезд. Не доезжая примерно 3 км до станции Лида, мы увидели, как немецкие самолеты бомбили город, были слышны и орудийные выстрелы, среди эвакуировавшихся поднялась паника, т. к. на станции в это время стояло два эшелона. В этой ситуации я, боясь попасть к немцам в плен и быть расстрелянным, 23 июня 1941 г. путем сожжения уничтожил свой партийный билет и военный билет, а паспорт оставил при себе.

24 июня на станции Лида я встретил свою семью, которая еще днем 22 июня эвакуировалась из Гродно. Из Лиды мы поездом поехали в Минск с целью обратиться в Министерство просвещения за дальнейшими указаниями, но там уже никого не было, т. к. Минск от бомбежки горел. Тогда я пошел в военкомат, но и там никого не было. Переночевав в Минске, я на следующий день 26 июня вместе с семьей по шоссейной дороге пошел на г. Червень, т. к. поезда из Минска уже не шли.

28 июня, придя в Червень, я сразу же направился в райвоенкомат, чтобы меня направили на фронт. Военком мне в этом отказал, поскольку у меня не было военного билета, но потом вместе с другими включил в команду и направил в район Колодежцы Минской области в распределительный полк. Перед отъездом туда я сказал своей семье, чтобы они шли на родину в дер. Горваль Речицкого района Гомельской области.

Из Червеня в составе команды на автомашине поехали в Колодежцы, но местность та уже была занята немцами и мы возвратились назад в Червень, который весь был охвачен пожаром, а райвоенкомат эвакуирован. Тогда мы разошлись кто куда. Я пошел в направлении Березины. Перейдя реку в районе дер. Устье Кличевского района, я заболел ишиасом (пояснично-крестцовым радикулитом) и пролежал больным в доме у одной старушки Марфы (фамилии не помню) до начала августа 1941 года. Местность эта была уже оккупирована немцами, но от местных жителей я узнал, что немцы дошли до Жлобина и там идут бои. Чтобы уйти в Красную Армию, я перебрался через реку Березину в районе д. Белица Бобруйского района, но оказалось, что там уже были немцы. Тогда я решил идти в деревню Горваль Речицкого района, где уже проживала моя семья. Пробыв там 5 суток, я пошел в Речицу в военкомат, чтобы попасть на фронт, но там мне в этом отказали, т. к. у них не было моего личного дела. После этого на попутной машине я поехал в Гомель, где узнал, что министр просвещения Уралова находится в г. Добруше. Я сразу же направился туда. Объяснив ей, что со мной произошло, мы вместе направились в райком партии, с тем, чтобы она подтвердила, что я член ВКП(б), но работники райкома куда-

то на машине уезжали; я стал проситься, чтобы они взяли меня с собой, но мне отказали. Тогда я пошел в сторону м. Злынка с целью эвакуироваться оттуда вглубь страны. Когда я вместе с другими беженцами подошел к реке Ипуть, то моста там уже не было, а на другой стороне находились немцы. В этой ситуации я принял решение идти в г. Новозыбков, но не доходя города, я встретил группу людей, освобожденных из тюрьмы, и они сказали мне, что Новозыбков и Унеча уже заняты немцами. Пошел в сторону г. Сновка, но и оттуда части Красной Армии незадолго ушли. Возвратившись в Злынку, я переночевал у одного заведующего школой, но так как местность была уже эвакуирована немцами, то я попросил его, чтобы он выдал мне справку как учителю его школы, который возвращается к семье в дер. Горваль. Туда я прибыл в конце октября 1941 года. Два месяца мы прожили в доме тестя, а затем перешли жить к родственнику жены. Проживая в деревне, я занимался единоличным сельским хозяйством.

В конце мая 1943 года дер. Горваль карательным отрядом была сожжена, и все оставшиеся в живых жители, в том числе и я с семьей, были вынуждены жить в ближайшем урочище, где я простудился и тяжело заболел. Нужно было искать место проживания, и я решил перебраться в г. Лиду, где врачом работал мой хороший приятель еще по г. Минску Афонский. Тесть достал по знакомству нам пропуск, и в августе 1943 года я выехал в Лиду. Здесь из-за болезни я нигде не работал, а члены моей семьи (жена и дочери) работали у крестьян. После изгнания немцев с нашей территории я работал в Лидском педучилище, а потом в Росской средней школе Волковысского района. За время проживания на оккупированной территории и в последующие годы я антисоветской деятельностью никогда не занимался».

Внимательное прочтение вышесказанного позволяет сделать вывод, что данные строчки – не плод воспоминаний на досуге, а строчки из показаний Д. П. Кардаша в 1950 году в ходе следствия по обвинению его в антисоветской деятельности. И обращение работников госбезопасности именно к этому периоду жизни бывшего директора учительского института было неслучайным. Ибо именно тогда проблема жизненного выбора обрела для арестованного необратимый характер. Именно тогда его недовольство собой и окружавшей его действительностью стали выражаться в скептицизме и зачастую в беспричинном брюзжании.

В постановлении на арест Д. П. Кардаша от 13 апреля 1950 года было зафиксировано следующее:

«Кардаш Дементий Петрович по происхождению из крестьян-кулаков, его родители в 1930 году были раскулачены и высланы в отдаленные районы Советского Союза, откуда отец вернулся на родину в 1939 году, а в период немецкой оккупации являлся старостой своей деревни Острогляды.

Во время Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии Кардаш, не веря в победу СССР, не эвакуировался, остался проживать на оккупированной территории в м. Горволь, Речицкого района. Гомельской области, уничтожил свой партбилет. В этом же местечке его тесть –

Римша Антон Банифатович работал бургомистром волости. Боясь репрессии со стороны советских партизан, Кардаш вместе с Римшей переехали на жительство в г. Речицу.

Проживая на территории, оккупированной немцами, Кардаш среди населения вел агитацию за поражение СССР в войне с Германией. При отступлении немцев Кардаш вместе с ними бежал и остановился в г. Лида, Гродненской области.

После изгнания немцев с нашей территории Кардаш работал преподавателем первое время в Лидском педучилище, потом в Росской средней школе.

Будучи враждебно настроенным по отношению к советской власти, Кардаш среди преподавателей проводил антисоветскую агитацию, направленную против существующего советского строя и мероприятий, проводимых ВКП(б) и Советским правительством, восхваляя при этом врагов народа троцкистов и бухаринцев, одновременно высказывал недовольство общественным строем в СССР.

Так, допрошенный в качестве свидетеля Самончин Иван Максимович на допросе 7 февраля 1947 года показал: «Об антисоветской агитации Кардаша мне известно то, что я, Кардаш, Кухаренко Дмитрий и Борсун Михаил (погибли на фронте), осенью 1942 года в доме Кухаренко играли в карты и завели разговор, кто победит в войне, то Кардаш сказал: «Если бы у нас не было колхозов, то бы Советский Союз победил, а так не победит», а я сказал, нет, побежденная будет Германия. Кардаш на это ответил, что побежденный будет Советский Союз…».

Допрошенный в качестве свидетеля о преступной деятельности Кардаша – Сыцко Георгий Венедиктович на допросе 26 марта 1946 года показал: «…На мои слова, что мы должны поддерживать выдвинутого на выборы в Верховный Совет кандидата и впоследствии проголосовать за него, Кардаш высказал свои антисоветские настроения. Так, например, Кардаш во время этого разговора заявил, что сейчас выдвигается всего один кандидат, за которого население должно голосовать, и поэтому у нас в Советском Союзе нет демократии и выборы будут не демократические потому, что население должно голосовать за одного кандидата, а по правилу и как делается в демократических странах, должно выставляться несколько кандидатов и население по своему усмотрению голосует за одного из них. У нас же в Советском Союзе этого нет…».

Допрошенный в качестве свидетеля Шапиро Дон Яковлевич на допросе 6 апреля 1950 года в отношении антисоветской деятельности Кардаша показал: «В августе месяце 1949 года, какого числа не помню, во дворе, около школы сидел Кардаш Дементий Петрович и читал центральную газету «Правду». В это время я вместе со своей женой Шапиро Клавдией Семеновной подошли к нему и поинтересовались, что новенького в сегодняшней газете. Кардаш рассказал нам о новостях из международной жизни и заявил: «Я не верю в то, что у нас в Советском Союзе имеется атомная бомба, а если даже предположим, что и есть, в чем сомневаюсь, то очень небольшое количество. А вот взять Америку,

которая с 1945 года производит атомные бомбы, то там уже большое количество, поэтому если будет война между СССР и Америкой, то на советской земле живого места не останется, Америка обязательно победит, так как она к тому же экономически в несколько раз сильней Советского Союза».

Свидетель Шапиро Клавдия Семеновна на допросе 9 апреля 1950 года, подтвердив показания свидетеля Шапиро Д. Я., показала: «…В середине сентября 1949 года в канцелярии школы находились учителя: Сосновская Софья Владимировна, Шапиро Дон Яковлевич, Мининзон Белла Николаевна, Кардаш Дементий Петрович и я. Между нами проходил разговор по вопросу литературы и кто что читал. В это время Кардаш, обращаясь к моему мужу Шапиро Дону Яковлевичу, спросил, читал ли он книгу немецкого писателя Леона Фейхтвангера –Москва 1937". Шапиро Дон ответил, что не читал. После этого Кардаш сказал: –Советую вам прочитать эту книгу, очень замечательное произведение. В книге –Москва 1937" описываются троцкисты, которые стали жертвами НКВД». И тут же Кардаш заявил, что Бухарин был мировым философом и теоретиком, а Троцкий был самым лучшим в мире оратором и теоретиком, Радек являлся замечательным журналистом. Эти люди боролись за правду и ни за что пострадали". Здесь же Кардаш с восхищением отзывался об изменниках родины, которые в годы Отечественной войны бежали из Советского Союза, при этом он высказался: –Они избавились от диктатуры пролетариата и сейчас живут в Америке и Англии и никакой нужды не имеют".

Показания свидетеля Шапиро К.С. подтверждаются показаниями свидетелей: Сосновской С. В., Мининзон Б. Н. и Шапиро Д. Я.

Свидетель Мининзон Бэла Николаевна на допросе 7 апреля 1950 года показала: «…В октябре 1949 года, какого числа не помню, в учительской комнате, где находились Кардаш, Шапиро Дон Яковлевич, Сосновская, Шапиро Клавдия Семеновна и я, в это время мы разговаривали по вопросу организации колхозов. Кардаш при этом рассказал: –До коллективизации крестьяне жили зажиточно, имели все необходимое, а сейчас даже в Подмосковье существует темнота и голод, поэтому здешние мужики не желают поступать в колхозы, потому что они знают как колхозники живут впроголодь и ходят босые, вот при такой обстановке и сагитируешь". Данный факт подтверждается показаниями свидетелей Шапиро Д. Я., Сосновской и Шапиро К. С.

Допрошенная в качестве свидетеля Сосновская Сабина Владимировна на допросе 7 апреля 1950 года, подтвердив показания вышеуказанных свидетелей, дополнительно в отношении Кардаша показала: «В первых числах сентября 1949 года я шла в школу, по дороге догнала Кардаша Дементия Петровича, который спросил меня, как живу, как устроилась с квартирой и как осваиваюсь с работой. Я на все вопросы ему ответила, поблагодарив его за внимание. После этого Кардаш спросил: –Скажите, пожалуйста, что вас заставило пойти в партизаны?" Тут же добавил, неужели вы верили в победу? Я ему ответила, да, верила и поэтому пошла в партизаны. После чего Кардаш мне ответил: –А я не верил особенно в победу, ибо знал, что жизнь движется по неизвестным законам истории, кто победит трудно было сказать. Люди наверху и то

ошибаются, так и наше правительство могло ошибиться, и я был убежден, что Германия в этой войне победит…”.

В ноябре 1949 года, во время перемены, Кардаш в учительской в присутствии меня и учителей Шапиро Д. Я., Шапиро К. С. и Мининзон Б. Н. заявил: “Советские институты не выпускают учителей-специалистов, а только калечат людей, поэтому наши учителя – это халтурщики…”.

К своим показаниям считаю необходимым дополнить то, что вчера, 6 апреля, в школе проходило общее собрание учеников старших классов. На этом собрании с докладом на антирелигиозную тему выступил Кардаш, который в своем выступлении отождествлял церковь и школу в условиях советской действительности. Он сказал: “В Советском Союзе церковь и школа отделены от государства…”. Ее показания подтвердили ученики-свидетели Погорельская Елена Ефимовна и Егудин Адольф Ефимович».

Исходя из показаний свидетелей, следствие нашло, «что Кардаш Д. П. изобличается в преступлении, предусмотренном ст. 72 «а» УК БССР и, принимая во внимание, что Кардаш, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда и повлиять на правильный ход следствия, а потому, руководствуясь ст.ст. 145 и 158 УПК БССР, было принято решение «избрать мерой пресечения способов уклонения Кардаша Д. П. от следствия и суда содержание под стражей».

В ходе допросов и очных ставок со свидетелями Д. П. Кардаш решительно отвергал все показания последних в отношении проводимой якобы им антисоветской деятельности. Называя эти показания ложными, он объяснял их причину тем, что будучи заведующим учебной частью Лидского педучилища и Росской средней школы, он «неоднократно ругал и критиковал преподавателей за то, что они недобросовестно готовятся к урокам и не добиваются со стороны учащихся должной дисциплины. На этой почве мы друг с другом не разговаривали». Не исключал Кардаш и других неизвестных ему причин оговора его, возможно, исходя из того, что во время войны он находился на оккупированной врагом территории и уже по одному этому факту его можно было считать антисоветчиком. Впрочем, в ходе допроса от 5 мая 1950 года на вопрос следователя: «Покажите свои связи с врагами народа», он ответил так: «Связи с врагами народа я не имел, но работая директором учительского института в г. Рогачеве, к нам по путевке Министерства просвещения в 1936–37 учебном году приезжали для чтения лекций по истории Белоруссии академик Щербаков и еще один лектор, фамилии которого я не помню. Сразу после этого они были арестованы, как враги народа. Дальнейший исход их дела мне неизвестен, но связи я с ними не имел». Комментировать данное показание Кардаша вряд ли уместно, можно лишь дополнить, что как аспирант Института истории Академии он хорошо знал Василия Карповича Щербакова как директора этого института, первого декана истфака БТУ, а также автора «Нарысы гісторыі Беларусі» в двух частях. Вторая часть этого труда была задержана в печати в связи с его арестом. Летом 1938 года Щербаков «за участие в контрреволюционной национал-фашистской

террористической организации» расстрелян. Реабилитирован Щербаков был в 1957 году.

В тот же день Кардаш на неоднократные требования следователя рассказать о своей антисоветской деятельности показал следующее: «В 1946 году, будучи заведующим учебной частью Лидского педучилища, перед выборами в Верховный Совет я в газете ―Комсомольская правда" увидел на образце бюллетеня вверху надпись ―Оставь того, за кого голосуешь, остальных зачеркни". Тогда я обратился к секретарю парторганизации педучилища Сыцко Георгию Венедиктовичу с вопросом: ―В этом году будет баллотироваться один кандидат или больше?, на что он мне ответил, что один. На этом у нас разговор был закончен. Других разговоров я не вел". Вопрос: ―Следствие требует правдивых показаний. Вы продолжаете скрывать свою антисоветскую деятельность?". Ответ: ―Говорю правду, что антисоветской деятельностью я никогда не занимался, однако хочу пояснить, что в том же 1946 году в газете я прочитал, что советская делегация женщин, в том числе и известная мне наш министр просвещения Евдокия Ильинична Уралова, была принята английской королевой, и что Уралова во время этого приема произнесла речь, и у меня с кем-то на эту тему был разговор, но с кем не помню. У меня спросили, как это делается? И я ответил, что такого рода речи лишь произносятся после прочтения и внесения в них поправок со стороны руководителя делегации. А поскольку эту делегацию возглавлял министр иностранных дел СССР Андрей Януарьевич Вышинский, то речь Ураловой была проверена им. Такой разговор у меня был в г. Лиде". Вопрос: ―Расскажите о своей антисоветской агитации среди преподавателей Росской средней школы". Ответ: ―Показания свидетелей – преподавателей Росской средней школы я слышал, но их не подтверждаю, так как антисоветской агитацией я никогда не занимался и нигде ее не проводил».

Несмотря на такого рода ответы, Д. П. Кардашу было предъявлено обвинение в том, что «являясь по соцпроисхождению из крестьян-кулаков и будучи враждебно настроенным к Советской власти, он среди преподавательского коллектива Лидского педучилища и Росской средней школы проводил антисоветскую агитацию, направленную против существующего Советского строя и мероприятий, проводимых ВКП(б) и Советским правительством». В предъявленном Кардашу обвинении по ст. 72 «а» УК БССР виновным он себя не признал. 7 августа 1950 года Гродненский областной суд в закрытом судебном заседании по обвинению Кардаша Д. П. в антисоветской деятельности приговорил его к лишению свободы и отбытию меры наказания в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет с поражением избирательных прав сроком на пять лет. Приговор он не обжаловал. Правда, летом 1954 года им из мест заключения была отправлена в Гродненскую областную прокуратуру жалоба, в которой он указывал, что был осужден незаконно и просил освободить его из-под стражи. Однако приговор суда был оставлен в силе, а жалоба осужденного без удовлетворения. Тогда в защиту Д. П. Кардаша выступила его жена Нина Антоновна. В своей жалобе на имя Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко от 17 февраля 1955 года она

писала: «Мой муж Кардаш Дементий Петрович осужден 7-го августа 1950 года Гродненским областным судом на 10 лет по ст. 72 ~~–а~~" УК БССР. Мне подробно неизвестны инкриминированные ему обвинения, но я знаю, что учителя Росской средней школы Шапиро и Мининзон, будучи недовольны его требованиями, как зав. учебной части, писали на Кардаша Д. П. всевозможные компромации в Волковысский райком партии. Это обвинение было расследовано на месте инструктором райкома. После чего секретарь Волковысского райкома Котов вызвал Кардаша в райком по вопросу поданного на него заявления. В результате всего этого было признано, что обвинения Шапиро и Мининзон в адрес моего мужа клеветнические. После справедливого решения Волковысского райкома Шапиро и Мининзон подали такое же клеветническое заявление и в следственные органы, в котором обвиняли моего мужа в высказываниях, носивших якобы антисоветский характер. После ареста Кардаша Д. П. 22 учителя школы написали подтверждение о том, что он никогда не клеветал на Советскую Родину и Партию и что Шапиро и Мининзон обвинили его только из личной мести. Этот документ как следствием, так и судом не был принят во внимание».

В ходе изучения следственно-судебного дела Д. П. Кардаша прокуратурой было обращено внимание и на его членство в партии. На одном из допросов ему был задан такой вопрос: «После изгнания немцев с территории Гродненской области ходатайствовали ли вы о восстановлении вас в рядах ВКП(б)?» Ответ: «Примерно в июне 1945 года я заходил в Лидский горком партии, где его секретарю я все подробно рассказал о себе и о том, какую преступную слабость я допустил здесь 23 июня 1941 года, на что он предложил мне написать заявление о восстановлении в партии. Затем на заседании бюро горкома партии меня из партии исключили с мотивировкой, что я за все время проживания на оккупированной территории не вел борьбу против немецких захватчиков. После этого я написал заявление в Гродненский обком партии с просьбой о восстановлении меня в рядах ВКП(б), но летом 1946 года бюро обкома партии отказало мне в моей просьбе, а решение Лидского горкома об исключении меня из рядов партии было утверждено. В ЦК КП(б) Белоруссии я не писал, но в апреле 1947 года я ездил в Минск, в Министерство просвещения, а затем и в школьный отдел ЦК партии, где также обо всем случившемся со мной в годы войны подробно рассказал, но мне сказали, что в рядах партии меня не восстановят. С тех пор о восстановлении в члены ВКП(б) я не ходатайствовал».

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 9 мая 1955 года мера наказания Кардашу Д. П. снижена до шести лет. Освобожден из мест лишения свободы он был по зачету рабочих дней из Каргопольлага (Архангельская область) 23 мая 1955 года. В это время его семья – жена Кардаш Нина Антоновна, 1910 года рождения и две дочери – Клара Дементьевна, 1927 года рождения и Раиса Дементьевна, 1930 года рождения – проживали в г. Минске. Как сложилась дальнейшая жизнь бывшего директора Гродненского учительского института, нам неизвестно. Остается лишь

добавить, что 3 февраля 1995 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь рассмотрела в открытом заседании следственно-судебное дело Д. П. Кардаша по протесту заместителя Генерального прокурора республики и определила, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям: «Как видно из приговора суда, Кардаш не призывал к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или в совершении отдельных контрреволюционных преступлений, в связи с чем в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 72 ~~–а~~" УК БССР. При таких обстоятельствах осужден Кардаш необоснованно. На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 387 УПК Республики Беларусь, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь определила: приговор Гродненского областного суда от 7 августа 1950 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР от 9 мая 1955 года в отношении Кардаша Дементия Петровича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления» [2].

Итак, в судебном отношении в деле Д. П. Кардаша, пускай и с опозданием, поставлена точка. Однако нравственная оценка случившегося с ним по ряду моментов не может не волновать, рождая различные суждения как положительные, так и отрицательные. Сколько людей, столько и мнений. Цель же данной публикации, как нам кажется, выполнена. Во-первых, нам стало больше известно о времени и людях, которые стояли у истоков высшего образования на Гродненщине. Во-вторых, внесены конкретные коррективы в ту небольшую информацию о судьбе Кардаша, которая помещена на страницах книги С. А. Габрусевича и И. П. Креня «Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна: ГрДУ, 2001. – С. 31), а также дан достаточно полный ответ на вопрос, который, по-видимому, интересовал авторов книги: «Пасля Вялікай Айчыннай вайны Д. П. Кардаш працаваў завучам у Воўпаўскай сярэдняй школе Ваўкавыскага раёна. Чаму ён не вярнуўся на працу ў педагагічны інстытут, застаецца загадкай» [102]. Сегодня этой загадки уже не существует.

6.5. Захоронение уроженцев Беларуси на варшавском кладбище «Powązki»

В скорбном покое кладбищ можно найти немало поучительного для истории. Варшавское коммунальное кладбище «Повонзки» в этом смысле относится к одной из наиболее уникальных ее страниц. В этом своеобразном Пантеоне Польши нашли свое вечное упокоение многие польские знаменитости: видные политические и государственные деятели, люди науки, культуры, искусства, известные полководцы. Есть среди них и наши земляки – уроженцы Беларуси. К сожалению, вплоть до последнего времени на гродненской земле весьма мало знают как об этом уникальном кладбище, так и

о жизни тех наших земляков, кто похоронен там среди наиболее известных граждан Польши.

Кладбище это в последнее время – коммунальное, т. е. находящееся в ведении городских властей, в прошлом называлось военным, ибо на его территории уже в начале XIX века производились захоронения солдат и офицеров как Войска Польского, так и российской армии, чьи казармы размещались на западной окраине польской столицы. Хоронили здесь и участников восстаний 1830-1831, 1863-1864 годов. Во время строительства фортификационных укреплений вокруг города для нужд российской армии в этом районе постепенно стало формироваться и расти кладбище, где хоронили российских военнослужащих и чиновников. В 1872 году рядом с ним были построены церковь и лазарет. В 1912 году командование Варшавского военного округа оборудовало данную территорию под православное кладбище для умерших офицеров и нижних чинов варшавского гарнизона. В годы Первой мировой войны на этом кладбище производились захоронения военнослужащих всех воюющих сторон. После восстановления независимости Польши данное место захоронения было передано Войску Польскому, под опекой которого оно было должным образом благоустроено. Во время немецкой оккупации Варшавы на кладбище предавали земле польских солдат, умерших в госпиталях в 1939-1941 годах, участников варшавского восстания, а также гражданских лиц. После освобождения польской столицы здесь было произведено масштабное благоустройство всей территории, проложены аллеи, установлены величественные памятники как на братских, так и на индивидуальных захоронениях. В 1964 году это место обрело свое настоящее название «Cmentarz Comunalny – Powązki» и было разделено на две части – военное и гражданское. В последующие годы на территории кладбища производились объемные работы по приданию ему статуса музея под открытым небом, последнему во многом способствовала искусная работа над надгробиями и памятниками варшавских инженеров, архитекторов и скульпторов.

Особым величием в архитектурно-художественном отношении отличается т.н. «Aleja Zasłużonych». Здесь рядом с Болеславом Берутом, Юлианом Мархлевским, Анжеем Стругом и Юлианом Тувимом похоронен и гродненец Валериан Бердяев (07.03.1885 – 28.09.1956) – выдающийся дирижер и педагог. Родился В. В. Бердяев в Гродно, учился в Киеве, окончил консерваторию в Лейпциге. Дебютировал как дирижер в Дрездене в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Затем работал в Мариинском императорском театре, в Петербургском народном доме. В операх, дирижируемых Бердяевым, выступали такие видные мастера сцены, как Шаляпин, Собинов, Козловский, Нежданова, Максакова и др. С 1921 по 1925 годы Бердяев жил в Польше, где много выступал в симфонических концертах. Яркому таланту дирижера аплодировали в Германии, Швеции, Финляндии, Латвии, Эстонии, Чехословакии, Румынии, Венгрии и Болгарии. В 1925 году музыкант получил почетное приглашение из Советского Союза с предложением «поработать с

рядом симфонических оркестров». На протяжении пяти лет он поочередно являлся главным дирижером Ленинградской филармонии, общеукраинского Оперного треста (Киев–Харьков–Одесса) и оперного театра в Свердловске. Будучи профессором Киевской консерватории, он подготовил ряд выдающихся учеников, в частности П. Н. Климова и Н. Г. Рахлина. Последний в последующем являлся главным дирижером Государственного симфонического оркестра СССР. По возвращении в 1930 году в Польшу Бердяев занимался педагогической деятельностью в высших музыкальных школах Варшавы, Кракова, Познани. Руководил Краковской филармонией, Варшавской и Познаньской оперой. Выдающийся интерпретатор классической музыки и замечательный педагог был награжден рядом высоких наград Польского государства [168, s. 37; 141, с. 89–93; 94, с. 43].

Кроме В. В. Бердяева, на «Aleje Zasłużonych» похоронены и другие деятели культуры, родившиеся на белорусской земле. Среди них: Ян Метковский (04.03.1923 – 04.07.1978) – известный польский публицист и государственный деятель. Родился в Несвиже на Минщине. С 1944 года работал редактором на польском радио. С 1972 года – вице-председатель Комитета по телевидению и радиовещанию. С 1974 года – председатель Главного правления Союза журналистов Польши, а с 1975 года – кандидат в члены ЦК ПОРП. В 1978 году являлся министром культуры и искусства ПНР.

Многое связывало с Беларусью и Польшей в семействе Петрусевичей. Один из них – видный зоолог и эколог, политический деятель Казимир Петрусевич (23.03.1906 – 26.03.1982). Родился он в Минске. В 1930-е годы являлся членом Коммунистического Союза Молодежи Польши и Компартии Польши, был связан с группой «По-просту». В послевоенные годы работал на высоких должностях в министерствах торговли и транспорта. В 1949–1952 годы – заведующий отделом науки УК ПОРП. В 1949–1968 годах – профессор Варшавского университета, один из основателей и действительный член Польской академии наук, основатель и многолетний директор Института экологии ПАН (1952–1972), а также секретарь Отделения биологических наук ПАН (1962–1969). Казимир Петрусевич являлся автором ряда крупных трудов по истории экологии, биологии и эволюционизма. Был отмечен высокими правительственными наградами [168, s.76, 85].

Значительный вклад в общественно-революционное движение Беларуси внес отец видного польского ученого и политического деятеля – Казимир Адамович Петрусевич (04.03.1872 Душево Слуцкого уезда Минской губернии – 11.08.1949), участник 1-го съезда РСДРП, один из организаторов Екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». За свою революционную деятельность с 1898 года семь лет отбывал наказание в тюрьмах и в ссылке в Вологодской губернии. С 1905 г. жил в Минске. Принимал активное участие в организации забастовки минских железнодорожников в годы первой революции в России. Как профессиональный адвокат защищал Я. Коласа, осужденного за участие в организации съезда белорусских учителей. В 1911–1914 годах находился в

эмиграции. В марте 1917 года от имени польских пролетариев приветствовал Минский Совет рабочих и солдатских депутатов. В начале 20-х годов XX в. работал в Варшаве, затем в Вильно в качестве университетского профессора, занимался адвокатской деятельностью. На судебном процессе 56-ти защищал членов Белорусской крестьянско-рабочей громады, в 1934 году – поэта Максима Танка, брошенного в тюрьму за революционную деятельность. Уволен из Виленского университета за организацию протеста по делу Брестского процесса 1931–1932 годов над представителями левой оппозиции парламентариев. В 1945–1948 годах – судья Верховного суда ПНР. Судя по всему, умер и похоронен в Варшаве [164, с. 486].

На «Aleje Zasłużonych» похоронен видный польский писатель и общественный деятель, уроженец г. Минска – Ежи Путрамент (27.11.1910 – 23.06.1986). После окончания филологического факультета Виленского университета в 1934 году он входил в состав организации «Фронт», связанной с КПЗБ. Являлся литературным сотрудником ее газет «Poprosty» («По-просту») и «Karta» («Листок»). Одна из его статей на страницах «По-просту» была посвящена забастовкам на Лидской обувной фабрике «Ардаль»). В 1939–1944 годах Путрамент являлся одним из организаторов Союза польских патриотов в СССР и 1-й армии Войска Польского. Редактировал ряд центральных польских газет. В 1945–1950 годах являлся послом ПНР в Швейцарии и Франции. Кандидат в члены ЦК ПОРП. В разные годы являлся Генеральным секретарем и вице-председателем Союза польских писателей. Многолетний депутат польского Сейма. Главный редактор газет «Nowej Kultury» («Новой культуры»), «Trybuny Literackiej» («Литературной трибуны»). Был отмечен высокими наградами ПНР. Автор ряда романов, сборников, публицистики и воспоминаний. На белорусский язык произведения Ежи Путрамента переводили М. Танк, В. Домашевич, Я. Миско, П. Стефанович [164, с. 518].

В квартале 12А кладбища находится могила Марии Березовской (псевдоним «Майя») – известной в Польше художницы. Родилась она в Барановичах 13 апреля 1898 года. Училась художественному мастерству в Петербурге, Варшаве, Кракове и Мюнхене. В годы немецкой оккупации Польши прошла через ужасы фашистских концлагерей в Павиаке и Равенсбрюке. Сотрудничала с рядом популярных периодических изданий. Большую известность снискала себе циклом иллюстраций к классическим произведениям польской и мировой художественной литературы. Лауреат ряда литературных премий. Умерла в Варшаве [168, s. 138].

Отличительной особенностью кладбища и его почетной аллеи является большое количество захоронений военных деятелей – участников Второй мировой и Великой Отечественной войн. Один из них – Александр Вашкевич. Скупые строчки сведений свидетельствуют о том, что родился он 28 августа 1901 года в м. Беловеж на Гродненщине. Белорус. В 18 лет добровольно вступил в Красную Армию. Участник гражданской войны. В 1925 году окончил пехотное военное училище в Смоленске, в 1934–1936 годах – начальник штаба 211-го пехотного полка. С 1936 по 1942 годы – начальник отдела боевой

подготовки Военной академии имени М. В. Фрунзе. В январе 1942 года – командир 293-го пехотного полка. С февраля 1943 года на Воронежском, Степном, 2-м и 1-м Украинских фронтах. Отличился при форсировании Днепра. В ночь на 27 октября 1943 года умело организовал переправу полка у д. Переволочная, что на Полтавщине; без потерь в живой силе и технике полк закрепился на плацдарме, а затем успешно продолжил наступление. В сентябре 1944 года Герой Советского Союза, полковник А. А. Вашкевич был направлен для дальнейшего прохождения службы в составе 2-й Армии Войска Польского. Организатор и первый командир ее 5-й пехотной дивизии. С ноября 1944 года – генерал бригады Войска Польского. Командовал дивизией в Берлинской операции. 21 апреля 1945 года вместе со штабом оказался в окружении в районе Фѐрстген к северу от Будзичина. На следующий день, пробиваясь из окружения, будучи раненым, был взят в плен и замучен фашистами. После окончания войны прах Вашкевича был перевезен в Варшаву и похоронен в Уяздовском парке, а затем перезахоронен на кладбище «Повонзки» [164, с. 106; 30, с. 137; 168, s. 48].

Неподалеку от А. А. Вашкевича в мае 1969 года был похоронен его боевой товарищ Болеслав Альбинович Кеневич. Родился он 21 ноября 1907 года в д. Дворец под Пинском. В Красной Армии с 1926 года. В 1929 году окончил пехотное военное училище в Ульяновске. Участник освобождения Западной Беларуси в 1939 году. Во время советско-финской войны в 1939–1940 годах командовал батальоном, затем был начальником штаба полка. В годы Отечественной войны воевал на Западном, Северо-Западном, 1-м Белорусском фронтах: командир стрелкового полка, дивизии. С декабря 1943 года в Войске Польском: заместитель командира 1-й дивизии им. Тадеуша Костюшко, начальник штаба 1-го корпуса польских вооруженных сил в СССР, начальник штаба 1-й армии Войска Польского, командир 4-й пехотной дивизии. Участник боев под Москвой, Ленино, освобождения Варшавы, Висло-Одерской и Берлинской операций. С мая 1945 года – командир корпуса внутренних войск. В 1946–1948 годах учился в СССР в Военной академии имени К. Е. Ворошилова в Москве, генерал-лейтенант, служил на ответственных должностях в Войске Польском до 1956 года. Был отмечен советскими и польскими орденами и медалями. Умер в Варшаве [165, с. 282; 30, с.144; 168, s. 64].

Такого же рода боевой путь прошел генерал дивизии Войска Польского Адам Чаплевский (01.01.1914 – 11.11.1982). Родился в г. Брест-Литовске Гродненской губернии. Во время Первой мировой войны вместе с семьей был эвакуирован в Россию, где и остался. С 1931 года проходил службу в Красной Армии. В 1934 году окончил военно-пехотное училище в г. Баку и служил до 1937 года. В 1941 году был призван в армию повторно. С 1943 года в Войске Польском: заместитель командира 3-го полка тяжелой артиллерии. В 1944–1945 годах командир 2-го полка тяжелой артиллерии. После войны служил на разных командных должностях. С 1955 года – генерал бригады. В 1956–1959 годах – командующий танковыми и механизированными войсками, в 1959–1968

– заместитель начальника Генерального штаба Войска Польского, а затем до 1972 года комендант Академии Генерального штаба. Член ПОРП. Умер в Варшаве. Награжден рядом высших наград Польши, а также советским орденом Ленина.

На почетной аллее коммунального кладбища предан земле прах генерала Войска Польского, уроженца г. Гродно Юлиуша Руммеля (02.06.1881 – 08.09.1967). После окончания Гродненской мужской гимназии и Елизаветоградского кавалерийского училища он служил с 1903 по 1917 годы в российской армии, участвовал в Первой мировой войне. Один из создателей 3-го Польского корпуса на территории России. С сентября 1918 года в Войске Польском. Во время польско-советской войны 1920 года командовал 1-й кавалерийской дивизией. В последующем в ранге капитана являлся инспектором кавалерии польских вооруженных сил. В 1939 году командовал армией «Лодзь» (9 сентября она получила новое название «Варшава»). После капитуляции Варшавы оказался в немецком плену. В послевоенные годы некоторое время проживал в Париже, а после возвращения на родину служил в качестве советника министра обороны по делам боевой подготовки войск. В 1947 году вышел на заслуженный отдых. С 1956 года – член главного правления Союза борцов за свободу и демократию. Автор трудов по военной истории и воспоминаний: «Польская кавалерия в 1920 году», «Воспоминания о кавалерийских сражениях», «За честь и Отечество». Награжден многими правительственными наградами [168, s. 55, 116].

Истории России и Польши принадлежит имя его младшего брата генерал-полковника Кароля Руммеля. Родился он 23 мая 1888 года в Гродно, умер на полгода раньше Юлиуша – 7 марта 1967 года в Сопоте, где провел последние годы жизни. Выпускник Гродненской гимназии и Петербургской Академии изящных искусств Кароль Руммель прославился на спортивном поприще. В 1912 году в составе сборной команды России он принимал участие в конных состязаниях Олимпиады в Стокгольме, где получил бронзовую медаль. В последующем являлся одним из ведущих тренеров по конному спорту в Польше. Успешно выступал на мировых первенствах в Париже (1924) и Амстердаме (1928). Во время Второй мировой войны находился в фашистских концлагерях в Дахау и Маутхаузене [129].

Здесь же похоронен и уроженец деревни Василишки Щучинского района генерал Густав Пашкевич. Выпускник Виленского пехотного юнкерского училища, он принимал участие в Первой мировой войне в составе российской армии. С 1917 года – офицер 1-го Польского корпуса в России. С 1918 года – в Войске Польском: командир 55-го пехотного полка, комендант Школы подхорунжих в Варшаве. В последующем командовал 12-й и 24-й пехотными дивизиями. В 1939 году воевал в составе армий «Прусы» и «Карпаты». Тяжело раненый был интернирован в Румынию. По излечению пробрался во Францию, а затем в Англию. В 1940–1945 годах командовал танковыми и механизированными бригадами 1-го корпуса. В 1945 году возвратился в Польшу. В народном Войске Польском командовал 18-й пехотной дивизией, а

затем Варшавским военным округом. С 1946 года – дивизионный генерал. С 1948 года – в резерве. Умер в Варшаве. Был награжден высокими правительственными наградами Польши [168, s. 98].

Захоронения уроженцев Беларуси на Варшавском коммунальном кладбище «Повонзки» – символы тесной связи между братскими народами. Белорусский аспект истории этого кладбища нуждается в последующем кропотливом изучении.

ГЛАВА 7
О ЦЕРКОВНОМ СЛУЖЕНИИ И ПРОБЛЕМАХ СЛАВЯН

7.1. Югославская страница биографии ректора Минской духовной семинарии в Жировичах, протоиерея Иоанна Сокаля

С именем протоиерея Иоанна Сокаля мне впервые довелось встретиться при написании очерка о митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Иоанне (Снычеве), а вернее о его духовном становлении в качестве иеромонаха Свято-Успенского монастыря, преподавателя Минской духовной семинарии, которая находилась в селе Жировичи Слонимского района Гродненской области. В этом очерке, после краткого освещения истории указанного села, монастыря и семинарии, мною была показана и та атмосфера, которая сложилась в учебном заведении ко времени приезда сюда выпускника Саратовской семинарии и Ленинградской духовной академии иеромонаха Иоанна (Снычева), при этом было упомянуто и имя отца Иоанна Сокаля: «Накануне 1956/1957 учебного года в семинарии менялось начальство. Смена власти осуществлялась спокойно и по-деловому. По-иному не могло и быть, в силу того, что бывший ректор протоиерей Иоанн Сокаль и новый – настоятель местного монастыря, архимандрит Антоний (Мельников) хорошо знали друг друга еще по Саратовской духовной семинарии, где первый был ректором, а второй – инспектором семинарии. Не исключено, что Иоанна (Снычева) оба знали еще в бытность его воспитанником этого учебного заведения. Надо полагать, что к этому времени им уже было известно и о назначении последнего на службу в Жировицы в качестве преподавателя» [146].

В этом же очерке были использованы обнаруженные в фондах Государственного архива Гродненской области (ГАГО) и автобиографии тех преподавателей семинарии и монашествующих Свято-Успенского монастыря, в общении с которыми крепла вера будущего митрополита Иоанна (Сычева). Первой среди них была опубликована автобиография протоиерея Иоанна Сокаля, из которой же стало известно о югославском периоде его бытия. В настоящей публикации, в отличие от «Очерков истории Православной церкви на Гродненщине» (Гродно: ГрГУ, 1999. Ч. 1. – С. 160 – 161), она передается без всяких сокращений и редактирования: «Автобиография. Сокаль Иван Иванович родился 7 января 1883 г. в с. Корхов, Холмской губернии от родителей из крестьян. В 1900 г. окончил Варшавское духовное училище, а в 1906 г. Холмскую духовную семинарию и поступил в Киевскую духовную Академию, которую закончил в 1910 г. со степенью кандидата богословия первой степени или магистранта. 23 сентября 1910 г. был назначен помощником инспектора Курской духовной семинарии, а с 1912 г. инспектором той же семинарии в г. Рыльске до 1919 г.

25.12.1919 г. был послан Высшим церковным управлением в Палестину по делам Духовной Миссии, а с 1921 года по 1931 г. состоял инспектором духовной семинарии в Югославии. С 1931 г. по 1944 г. первым священником и настоятелем русской, соборной церкви в Белграде (Югославия). С 1945 г. по 1950 г. Указом святейшего Патриарха Московского Алексея назначен благочинным всех русских приходов в Югославии. 6 февраля 1950 г. Святейшим Синодом при Московской патриархии был назначен ректором Саратовской духовной семинарии, а 25 июля 1953 г. тем же Синодом перемещен на должность ректора Минской духовной семинарии в Жировичи.

В семье имел жену Марию Сафроньевну, урождѐнную Трегубову; дочь Арину, рожденную 5.12.1912 г. и сына Анатолия, рожденного 19.03.1917 г. За научное сочинение Советом профессоров Ленинградской духовной Академии 9 февраля 1951 г. удостоен ученой степени Магистра богословия, а в марте 1952 г. удостоен благодарности Святейшего Патриарха Алексия за хорошую постановку учебно-воспитательного и хозяйственного дела в Саратовской духовной семинарии. Ректор Минской духовной семинарии. Протоиерей Иоанн Сокаль. 09.1953 г.»

Скудные данные автобиографии о пребывании отца Иоанна в Югославии уже тогда удалось частично углубить за счет обнаруженной в архиве, но не опубликованной ранее в «Очерках» автобиографии Анатолия Ивановича Сокаля – сына главного героя нашего повествования. Вот ее текст: «Автобиография. Сокаль Анатолий Иванович. Родился 08.04.1917 г. в г. Рыльске Курской губернии от отца Сокаля Ивана Ивановича и матери Сокаль Марии Сафроньевны, уроженки Трегубовой. Отец был помощником инспектора в Рыльской духовной семинарии. В 1919 г. отец был командирован Высшими епархиальными властями в Палестину для приема русского имущества. Вспыхнувшая война в Палестине между арабами и англичанами заставила их отправиться в Царьград, откуда отец приехал в Югославию, где остался в качестве преподавателя сначала в Карловацкой, а затем в Битольской семинарии. В 1921 г. мы с матерью и сестрой отправились к нему как советские граждане и поселились в г. Битоле, где я окончил 4 класса сербской гимназии, а в 1931 г. мы переехали в Белград, где я окончил гимназию в 1938 г., а затем и медицинский факультет Белградского университета. Война 1941 года застала меня в г. Белграде, где я работал в качестве помощника врача в Русской поликлинике. По окончании факультета я ушел в партизаны. Сначала я был в качестве бойца, а затем врача в III пролетарской бригаде. В 1945 г. я стал начальником санчасти в I Пролетарской дивизии, а в 1948 г. помощником начальника отдела лечения V военной области в г. Загребе. Отказавшись подписать решение титовского правительства против постановления информбюро, я в 1949 г. подал в отставку и начал хлопотать о выезде на Родину, куда и возвратился в январе 1949 г. и поселился в городе Саратове, где работал в системе Министерства здравоохранения (Спортивная школа молодежи) до сентября 1953 г., после чего переехал в Жировичи, где сейчас

работаю в качестве врача в Минской духовной семинарии. 01.02.1954 г. Сокаль Анатолий Иванович» [27].

В последующем, в ходе работы над второй частью вышеуказанных «Очерков», а именно – над сюжетом об Св. Иоанне Кронштадском как гродненском храмостроителе и чудотворце, мне посчастливилось обнаружить материалы о том, как протоиерей Иоанн Сокаль в бытность свою в Югославии оказывал православным верующим реальную помощь в освобождении их от физических и духовных недугов.

Что же произошло в 1930-е годы в Югославии, что связало имена Иоанна Кронштадского и протоиерея Иоанна Сокаля? Ознакомимся в связи с этим с рассказом о беде Варвары Ивановны Тюльпановой, вместе с мужем полковником Иваном Игнатьевичем Тюльпановым проживавшей в Белграде по Неготинской улице, дом № 14: «В июле 1935 года доктор медицины В. А. Воронецкий лечил В. И. Тюльпанову от сахарной болезни, так как у нее было четыре процента сахара. Неожиданно у больной начала подниматься температура, а на правой ноге между пальцами появилось воспаление, которое через несколько дней превратилось в настоящий абсцесс, увеличивающийся с такой быстротой, что опухоль захватила оба пальца и часть ступни, стала багровой, вся нога опухла, причем образовалась рана, из которой сочился зловонный гной. Доктор Воронецкий нашел гангрену и пригласил к больной хирургов. Хирурги Колесников и Пельцер подтвердили, что у больной гангрена, и сказали, что нужно отрезать ногу, но сделать это было нельзя по двум причинам: больной 70 лет и у нее сахарная болезнь. Температура была свыше 39 градусов.

Узнав, что у отца протоиерея Иоанна Сокаля есть часть кашне отца Иоанна Кронштадского, сестра милосердия Любовь Михайловна Твердохлебова помчалась к отцу протоиерею и принесла это кашне в конверте к больной. Больная и ее муж с глубокой верой и надеждой утром приложили к больному месту кашне, не вынимая его из конверта, а лишь раскрыв конверт. К вечеру температура стала нормальной, абсцесс вскрылся и гной стал вытекать густой массой; больная почувствовала возможность двигать пальцами ноги. Через четыре дня прекратился зловонный запах, в продолжение недели рана стала затягиваться, а опухоль – заметно спадать. Когда к больной пришел доктор Воронецкий, то он сказал: «Какое чудо совершил отец Иоанн Кронштадский – гангрена прошла!».

А вот что рассказала сама В. И. Тюльпанова о случае, случившемся с ее дочерью: «Дочь моя Нина на Фоминой неделе заболела сильным нервным расстройством, что было повторением ее забвения в мае 1935 года. Доктора назвали ее болезнь титанией, то есть заболеванием нервов на мышцах, и опять стали ее лечить, как и прежде, разными впрыскиваниями. Так продолжалось до 15 мая. Смотреть на ее мучения было невыносимо. Доктор, лечивший ее, посоветовал позвать профессора, специалиста по нервным болезням, что и было исполнено. Профессор нашел, что у нее никакой титании нет, а депрессивная

меланхолия и что ее надо поместить в санаторий для нервных больных, так как дома держать ее опасно: она могла во время припадка выброситься из окна.

17 мая муж отвез ее в санаторий, где ей опять сделали впрыскивание и она спала в течение месяца. Ее будили, вливали в рот чай, молоко, и она опять засыпала и страшно исхудала. Муж навещал ее через день, а я приходила раз в неделю. Иногда я брала с собой ее детей, но она нас не узнавала и с нами почти не разговаривала.

В одном из таких свиданий меня озарила мысль обратиться за помощью с Господу Богу, и я решила просить протоиерея отца Иоанна Сокаля съездить со мною в санаторий и помолиться о рабе Божией Нине. 29 июня 1936 года в 10 часов утра мы были у дочери, которую застали совершенно невменяемой. Она нам все твердила, что ножи наточены и ее должны зарезать для изготовления консервов, и умоляла батюшку взять ее домой к нему на один день для испытания. О детях говорила, что они умерли и вообще говорила всякий вздор. Наконец, батюшке удалось уговорить ее стать на колени помолиться, и мы трое вошли в больничную комнату и стали молиться.

Батюшка возложил на ее голову воздушек с мощей святителя Иосифа Белгородского чудотворца и шейный платочек отца Иоанна Кронштадского и стал читать молитвы, а она повторяла за ним все слова молитвы очень истово. После моления мы простились с нею и ушли домой, а она нам вслед крикнула: ―Вот, глупые, ушли, оставив меня, а завтра получат мой труп”.

30 июня дочь рассказала, что после нашего ухода она все металась, а вечером, когда легла спать, то молилась и все хотела сбросить с себя каменную доску, лежавшую, как ей казалось, на ее груди. Вдруг она почувствовала, что кто-то снял с нее эту доску: голова просветлела, и она почувствовала, что здорова. Утром вышла в сад без разрешения. Заметив это, служители надели на нее смирительную рубашку, которую она дала надеть на себя, не сопротивляясь. Когда утром вошел профессор и взглянул на нее, то сказал: ―Да ведь вы здоровы”, – и тут же приказал снять с нее смирительную рубашку.

30 июля к ней пришел ее муж и был поражен ее спокойным видом и вполне разумным разговором. 2 июля я была у нее рано утром и обрадовалась происшедшей перемене в ее здоровье к лучшему, и сейчас же отправилась к батюшке и сообщила ему обо всем случившемся.

10 июля утром, с разрешения профессора, мы взяли дочь домой. 11 июля она пробыла всю обедню в церкви и причастилась Святых Христовых Тайн. После обеда батюшка Иоанн Сокаль и вся наша семья молились и благодарили Господа Бога за оказанное нам милосердие – ниспослание моей дочери исцеления через молитвенное предстательство угодников Божиих: Святителя Иосифа Белградского чудотворца и отца Иоанна Кронштадского» [145, с. 115–118]. Третий рассказ: «Жена г-на Смирнова, имевшего торговлю на Старом Джераме в Белгороде, в Югославии, рассказывала, что у нее были страшные боли в руках, не дававшие ей возможности спать, и она целые ночи ходила по комнате. Лечил ее доктор Трегубов, мази которого не помогали. Ей принесли платок-шарф отца Иоанна Кронштадского и приложили на больную руку,

привязав, чтобы платок держался. В следующую же ночь она впервые заснула и каждый день могла спать, постепенно стала поправляться до полного выздоровления».

Возможно, что этим крайне поверхностным сведениям о жизни самого отца Иоанна и его семейства могли бы и ограничиться мои познания о югославской странице их бытия, если бы не публикация в 2009 году двух томов документов российских архивов под общим названием «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.», подготовленная составителями и авторами научных комментариев Т.В. Волокитиной, Г. П. Мурашко и А. Ф. Носковой. В данном издании получило всестороннее освещение не только положение трех ведущих конфессий региона – православия, римско-католической и греко-католической (униатской), их отношения с властями в странах восточного блока – Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии, но и показана роль национальной и политической элиты в формировании эволюции государственной вероисповедной политики, а также и влияние Москвы на эти процессы. Для меня же лично указанный двухтомник явился, в подлинном смысле слова, кладезем информации об участии протоиерея Иоанна Сокаля в нормализации отношений между Русской и Сербской православными церквями в 1945–1950-х годах. Последнее подтверждается не только упоминанием его имени в деловой переписке председателя совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) при СНК СССР Г. Г. Карпова, его заместителя С. К. Белышева, иерархов Русской и Сербской Православных Церквей, советских дипломатов, но и наличием собственных докладных записок на имя Епископа Кировоградского Сергия (Ларина) (апрель 1945 года), Патриарха Московского и Всея Руси Алексея (Симанского) (август 1947 года), председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпова (май 1949 года). Кроме этого протоиерей Иоанн Сокаль являлся автором сообщения о положении Церкви в Югославии, записанного в Совете по делам РПЦ во время пребывания Иоанна Сокаля в Москве в январе 1950 года. Он же был составителем обширной характеристики епископата Сербской Православной Церкви (СПЦ), переданной в июле 1950 года председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову уже по возвращении на родину.

Впервые о связующей роли протоиерея Иоанна Сокаля в налаживании отношений между РПЦ и СПУ стало известно из письма исполняющего обязанности главы СПЦ митрополита Иосифа Скоплянского от 2 января 1945 года в советскую военную миссию в Югославии, в которой указывалось на то, что желание Сербской церкви быть приглашенной «на Церковный собор 31 января 1945 года для выбора Всерусского патриарха» возникло после разговора «с одним русским знакомым, когда нам был поставлен вопрос: послала бы Сербская церковь своих делегатов на этот собор?» «Почему бы нет, – ответил я (т. е. митрополит Иосиф. – *В. Ч.*), – если бы ее пригласили». Текст этого письма был приложен к письму первого замнаркома иностранных дел А. Я. Вышинского к Г. Г. Карпову от 6 января 1945 года, в котором сообщалось о желании СПЦ установить контакты с РПЦ, а также называлось имя этого

«русского знакомого» в следующем контексте: «Русский епископский совет, возглавляемый врагом Советского Союза митр. Анастасием (Грибановским. – *В. Ч.*), бежал вместе с немцами. Во главе русских эмигрантских церковных общин в Югославии состоит *протоиерей Иоанн Сокаль*».(выделено авт. – *В. Ч.*).

Данный факт биографии отца Иоанна и появление вышеупомянутой переписки могут быть объяснены следующим образом. В начале сентября 1944 г., незадолго до освобождения Югославии Красной Армией, страну покидали русские эмигранты, в числе которых был и глава Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) Анастасий (Грибановский). Однако ряд священников, не желая бросить свою паству, остались в стране. Некоторые из них связывали освобождение Красной Армией Югославии с надеждой на воссоединение с Московским патриархатом, отношения с которым давно были прерваны по причинам церковно-политического характера. Тогда же в Москву на имя Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) было отправлено специальное письмо, подписанное настоятелем Свято-Троицкого храма в Белграде протоиереем Иоанном Сокалем с ходатайством о возвращении на родину и вхождении в состав Московской патриархии.

Письмо-обращение протоиерея Иоанна Сокаля не осталось без ответа. В начале 1945 г. глава РПЦ в письме к митрополиту Иосифу Скоплянскому писал о предстоящем направлении особой делегации во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) по «деловым вопросам, касающимся наших Церковных взаимоотношений и, в частности, по вопросу о переходе в наше ведение Мукачевско-Пряшевской епархии, а также тех русских приходов, которые находятся в ведении протоиерея Иоанна Сокаля». Это письмо не осталось тайной для русского духовенства в Югославии, и прежде всего для протоиерея Иоанна Сокаля.

В январе 1945 года протоиерей Иоанн Сокаль был участником торжеств по поводу избрания на патриарший престол патриарха Московского и всея Руси Алексея (Симанского). Пребывание в Москве произвело на Иоанна Сокаля и представителей Сербской Церкви неизгладимое впечатление. Подтверждением тому были часто упоминаемые им слова: «Все, что есть в Европе, есть и в России, но что есть в России, того нет в Европе, это – душа русского человека». Подводя итог увиденному в России, отец Иоанн писал в «Журнале Московской Патриархии» (1945. – № 4. – С. 22–25): «Мы можем смело утверждать, что русскому народу предстоит блестящее будущее, а русская государственность воссияет в таком блеске и величии, какого не достигало ни одно государство». Это мнение большинства сербских делегатов отец Иоанн связывал с выдающейся ролью в годы войны И. В. Сталина, «воспитавшего командный состав Красной армии, который сделал эту армию непобедимой». Свои личные переживания, связанные с пребыванием на родине, отец Иоанн охарактеризовал словами одного из членов делегации, который на обратном пути через Трансильванские Альпы сказал: «Если бы мы и погибли здесь, то не жалко

было бы после всего, что мы увидели в России». По возвращении в Белград о своем путешествии на родину протоиерей Иоанн Сокаль активно делился впечатлениями об увиденном там не только в церкви, в своих проповедях после богослужений, но и в частных беседах с людьми, интересующимися жизнью в СССР.

10 апреля 1945 года на имя патриарха Алексия I было выслано письмо, в котором протоиерей Иоанн Сокаль просил «принять весь русский приход Белградской церковной общины в юрисдикцию Русской Церкви, чтобы наша церковная жизнь в дальнейшем могла протекать под непосредственным архипастырским руководством Вашего Святейшества», подчеркивая, «что моральным для нашего ходатайства служит то обстоятельство, что мы не принимали участия в общем направлении Карловацкого Синода и в его деятельности, направленной к обособлению от Московской Патриархии. И как только представилась возможность, мы и проявили свое настроение в том, что решили остаться на местах, дождаться прихода Красной Армии и ходатайствовать о воссоединении нас с Русской Церковью».

В апреле того же года в Белграде находилась делегация Русской Православной Церкви. В соответствии с данными епископу Сергию (Ларину) полномочиями от Святейшего Патриарха Алексия причт и община Свято-Троицкой церкви в Белграде были приняты в каноническое и евхаристическое общение и подчинение Московской Патриархии. Остальные приходы переходили в состав Сербской Церкви в подчинение сербских епархиальных архиереев, как это было, например, на территории Воеводины, в Бачской епархии. Оставшееся там небольшое число русских за неимением русских священников обслуживало сербское духовенство, знающее русский язык и русское церковное пение. В том же 1945 году указом патриарха Алексия протоиерей Иоанн был утвержден в должности благочинного русских православных приходов Югославии.

В докладе главы делегации Московской патриархии епископа Кировоградского Сергия (Ларина) Совету по делам РПЦ от 28 апреля 1945 года о поездке в Югославии, в частности, отмечалось огромное церковное и политическое значение данного визита: «народ и духовенство нас везде торжественно приветствовали», однако Епископат Сербской церкви в большинстве своем реакционный». Признавался епископ Сергий и в том, что задание Московской патриархии по отношению к эмигрантской иерархии в Югославии он «точно выполнить не смог».

В ходе визита делегации РПЦ протоиерей Иоанн Сокаль находился в постоянном общении с епископом Сергием (Лариным) и даже участвовал в проводах его самолета на родину, о чем говорилось и в докладе главы делегации Совету по делам РПЦ. Важность роли отца Иоанна в выполнении миссии Московской патриархии убедительно подтверждал его глубоко патриотический доклад, представленный епископу Сергию (Ларину) 22 апреля 1945 года, незадолго до отбытия делегации РПЦ в Москву: «Согласно данному мне Вашим Преосвященством поручению я беседовал с членами Сербского Синода по вопросам, предложенным Вами от имени Святейшего патриарха Московского и

всея Руси Алексия Сербскому Синоду. Я старался убедить их не упорствовать и не отлагать решения, чтобы не создавать Вам препятствий ко осуществлению воли Святейшего патриарха. Пытался убедить их в необходимости действовать в полном контакте с Россией и Русской церковью, потому что у них есть правда, колоссальный опыт и могущественная сила. На сие мне Емельян Епископ Тимочки и Иоанн Нишский ответили: «Всякой силе есть конец. Мы не хотим вмешиваться в политику, как это делает Русская церковь, заставившая митрополита Иосифа подписать декларацию против фашизма. Мы не хотим коммунизма, мы против всего направления нынешнего правительства. Сейчас убивают сербов больше, чем убивали раньше немцы, это делают хорваты, потому что во главе хорват Тито. Устраняют из школ закон Божий, отбирают от нас земли, чем же мы будем существовать. Если так продолжится дальше, то народ наш возненавидит русских больше, чем немцев, так как они поддерживают Тито и его правительство". В добавление к сему епископ Владимир сказал: «Я люблю Россию старую и ее войска, а Красная Армия — это разбойники. Мы не хотим большевиков, народ наш против того, чтобы они сюда приходили".

В ответ на сие я сказал, что «тысячелетняя история России показала, что ее народная сила не скоропреходящая, а в истории Сербии не было случая, чтобы правительственная партия, направленная против России, окончила свое существование благополучно. Церковь Русская не вмешивается в политику, и подпись декларации против фашизма не есть политика. Фашизм, помимо всего прочего, проповедует господство одной нации над остальными народами, считая некоторых из них, как, например, славян, недочеловеками, обреченными на истребление. Между тем с христианской точки зрения все народы — чада Божие и братья между собой и Господь желает всем спастись, а Гитлер хочет всех нас погубить. Бороться против такого дикого мировоззрения долг всякого порядочного человека, христианина, а тем более священного лица и церкви. Декларация — не политика, а нравственный долг, а гитлеровский фашизм — разбойничество, с ним нужно бороться, и в этой борьбе есть правда Божия, давшая право на жизнь всем людям.

Русские не вмешиваются во внутреннюю жизнь сербского народа. Красная Армия освободила его, и устраивать свою жизнь он должен сам. Коммунизм русский тут ни при чем. Кто виноват, что Недич и Летич убежали к немцам, а Дража [Михайлович] к итальянцам, бросили в грязь народное знамя свободы, а поднял его Тито и ценою сотен тысяч молодых жизней донес до Белграда? Если стоять на его стороне есть политика, то быть без него есть безумие, а против него — преступление, ибо он всю жизнь свою отдает на благо своего народа.

Закона Божия никто не устраняет, а поручают этим делом заняться не светским людям и правительству, а духовенству и церкви. Это прямой их долг, и нечего возлагать его на плечи других. Достаточно государство носило Церковь на руках со времен Константина Великого, пусть учится теперь ходить без костылей, на своих ногах. У нее есть сила благодатная.

Землей владеет народ, отстоявший ее своею кровию, и дает тому, кто работает на ней. Монахам нечего владеть землей и эксплуатировать чужой труд. Жить нужно от своих трудов. Если мы — духовные, нужны народу, то он и прокормит нас и будет жить так, как живем мы — русское духовенство уже 25 лет, без жалования и пособий, а исключительно от любви и усердия молящихся. Но за то нужно много поработать.

Русские пришли к Вам не взять от вас, как это сделали здесь немцы, а дать вам жизнь свою, дать свободу и братство. Об этой жертвенности свидетельствуют красноармейские могилы по всему городу и всей стране. Как народ их украшает, какою любовию и вниманием их окружает. Где же здесь место ненависти? Она с проклятием ютится там, где бомбы немецкие разрушили дома, ограбили и разорили города и села. Вот кому проклятие и ненависть, а вы хотите гнев народный обратить на русских. За что? Ведь жизнь в стране Сербской устраивают не хорваты и не русские коммунисты, а Станкович и с ним все только сербы. Федеративная Сербия вся в руках лишь сербов, и ими если не довольны, то мы тут ни при чем".

Вот приблизительно содержание беседы нашей. Конечно, ни в чем я их не убедил, да и трудно сделать это, так как причина не в недостатке знания, а в чувстве противления, основанном на эгоизме и грубом индивидуализме. Чувства разумом не переменишь, оно меняется лишь воспитанием и дисциплиной, но для этого нужны старание и время. г. Белград, 22.04.1945 г. Протоиерей Иоанн Сокаль».

18-дневное пребывание в Югославии делегации Московской патриархии во главе с епископом Сергием, включая и прием ее маршалом Тито в своем загородном дворце, получило должную политическую оценку в докладной записке Г. Г. Карпова И. В. Сталину от 30 апреля 1945 года. В ней, в частности, отмечалось: «В беседе с маршалом Тито московская делегация высказала свое сожаление о том, что Синод Сербской церкви занимает явно неправильную и несправедливую позицию по отношению к правительству. Маршал Тито ответил делегации, что ему «все известно, и он также сожалеет о том, что руководство Сербской церкви не идет с народом».

Главой церковной делегации епископом Сергием, по указаниям патриарха Алексия, было произведено присоединение к Московской патриархии двух русских эмигрантских приходов в городе Белграде и оформлен прием в юрисдикцию Московской патриархии шести священнослужителей.

В связи с этим глава Сербской церкви митрополит Иосиф поставил вопрос перед делегацией о предоставлении Сербской церкви одного храма в гор. Москве и жилого помещения для 2—3 священников, ссылаясь на то, что Сербская церковь до революции имела в Москве свое подворье.

Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, принимая во внимание, что Синод Русской православной церкви будет иметь в Югославии свои приходы, считает целесообразным предоставить один из недействующих храмов в гор. Москве Синоду Сербской церкви с

квартирами для духовенства данной церкви, но при условии что Синод Сербской церкви выполнит требование патриарха Алексия об осуждении Карловацкого Синода».

Значительное содействие оказывал протоиерей Иоанн Сокаль представителям Московского патриарха Алексия епископу Кировоградскому Сергию (Ларину) и секретарю патриарха Л. Н. Парийскому во время их переговоров с Синодом Сербской церкви в Белграде (февраль – март 1946 года) относительно перехода Чешской православной церкви в юрисдикцию Московской патриархии. Переговоры эти, хотя и достигли намеченной цели, однако проходили они, особенно на начальном этапе, весьма не просто. Вот как сообщал об этом Г. Г. Карпову глава делегации епископ Сергий (Ларин) после завершения своей командировки в Югославию: «Прибыв в Белград 22 февраля в 18 часов, мы, т. е. я и Л. Н. Парийский, были встречены на Земунском аэродроме только секретарем советского посольства М. В. Жуковым, от Сербской патриархии никого не было, хотя тов. Жуков своевременно сообщил в Патриархию о нашем прибытии, но митрополит Иосиф не пожелал никого послать, чтобы нас встретить. От тов. Жукова мы узнали о решении Сербского Св. Синода по чешскому вопросу и о приготовленном для нас меморандуме, доказывающем «научно-каноническую невозможность» передачи Чешской церкви в русскую юрисдикцию. Кроме того, политическая ситуация в Югославии была весьма напряженной; со стороны Юлийской Крайны стояли части польского генерала «гангстера» Андерса. Там же находилась так называемая королевская армия генерала Радована Петровича. Сам бывший король прибыл в Рим для руководства возможными операциями против Югославской Республики. У него с Андерсом состоялись встречи, его же посетил и беседовал с ним «германский кнехт» — враг югославского народа Анте Павелич, живущий под гостеприимными сводами Ватикана. Внутри страны курсировали и готовились к нападению банды Драже Михайловича. Американский посол, аккредитованный в Белграде, выехал из Югославии, заявив, что он был аккредитован при короле, а не при маршале Тито. Все это мы узнали от тов. Жукова и от протоиерея Иоанна Сокаля (подчеркнуто мной. – *В. Ч.*), который поселил нас в гостинице». Следует, забегая вперед, заметить, что в 1950 году владыка Сергий (Ларин) был назначен епископом Гродненским и Брестским.

Имя протоиерея Иоанна Сокаля, а также его суждения о патриархе Сербском Гаврииле, вернувшемся на родину из немецкого концлагеря Дахау, нашли свое отражение в Докладной записке Г. Г. Карпова в ЦК ВКП (б) товарищам И. В. Сталину и А. А. Жданову, а также в Совет Министров СССР – товарищам Л. П. Берии, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову от 16 января 1947 года. В записке, в частности, отмечалось, что «в день своего приезда в Белград патриарх Гавриил заявил, что вопреки распространѐнным слухам о его вынужденном возвращении, он добровольно вернулся на родину для полного объединения церковных сил и устроения церковной жизни, что он верен

традиционной дружбе с Россией и ее народом и решительно отметает всякую ориентацию на Запад.

На приѐме русского духовенства во главе с настоятелем русской церкви в Белграде протоиереем Сокалем патриарх Гавриил заявил: «Несмотря на все испытания, Русская церковь самая могущественная, и мы, все остальные малые церкви, должны быть с ней. Русской церкви принадлежит теперь руководящее начало, и мы должны пользоваться этим руководством. Она имеет большой опыт в недавнем прошлом, и мы этим ее опытом должны воспользоваться. Я удивляюсь митрополиту Анастасию и парижским диссидентам, которые стремятся к отделению от Московского патриарха, вместо того, чтобы стремиться к единству и этим еще больше усиливать мощь Русской церкви и всего православия. Этим они только подрывают основы своей деятельности и заранее готовят себе печальную участь.

Мы должны помнить, что Запад во главе с папством всегда был враждебен не только православию, но и всему славянству. Мы обречены были на истребление и, если сохранились, то благодаря России и Красной Армии, а потому все наши взоры должны быть обращены не на Запад, а на Восток — к русскому народу».

При этом патриарх сообщил, что Римский Папа предлагал ему союз для борьбы с коммунизмом, но он отказался, так как видел, что вся деятельность Папы направлена к уничтожению православного славянства, а ссылка на коммунизм — это лишь прикрытие для обмана людей, несведущих или враждебных православию и славянству.

Патриарх Гавриил сказал, что эту свою преступную деятельность Римский Папа проводит через специально организованный комитет, куда входят видные представители русской аристократии, изменившие православию и народу и перешедшие в католичество. «Вот почему нам и нужно быть вместе с самым могущественным русским народом и Русской церковью, чтобы противостоять всем козням и враждебным замыслам всего Запада во главе с Римским папой и его сторонниками». Здесь же отмечалось: «В письме на имя Московского патриарха Алексия благочинный русских церквей в Белграде *протоиерей Сокаль* (выделено авт. – *В. Ч.*) пишет: «С прибытием патриарха повеяло иным духом, и постепенно у всех меняется настроение к лучшему. В отношении властей уже все епископы начинают поговаривать о мире и согласованности, о любви и благожелательстве. Уже не вспоминают об англичанах, так как патриарх одним своим взором сразу же закрывает им уста, ссылаясь на личный опыт жизни среди них. Теперь все объявляют себя русофилами и открыто заявляют, что они всегда были за Россию и Русскую церковь. Дело дошло до того, что на конференции все епископы постановили, чтобы патриарх поехал с визитом к маршалу Тито и властям, о чем раньше и слышать не хотели, и даже устранили на ектениях прошение о властях. В отношении нас, русских, стали особенно внимательны и доброжелательны. Уже теперь не говорят, как раньше: «Мы вас ненавидим больше, чем немцев, за то, что вы принесли нам большевизм». Теперь уже все русское хвалят. Патриарх

Гавриил сразу же дал всему иной тон, иначе стали думать и говорить. Даже народ почувствовал перемену в настроении высшего духовенства».

6 декабря патриарх Гавриил был принят маршалом Тито. Встреча была, по словам патриарха Гавриила, теплой и сердечной, и маршал Тито обещал содействие патриарху в деле удовлетворения церковных нужд.

Патриарх высказал пожелание, чтобы в Югославии был по примеру Советского Союза организован Совет по делам церкви, против чего в принципе маршал Тито не возражал.

Патриарх Гавриил выступил с приветственной речью на Славянском конгрессе в Белграде, в которой заявил, что Сербская церковь будет служить своему народу, во главе которого стоит народный вождь Тито, и будет в полном единении с Русской Церковью и русским народом, возглавляемым великим Сталиным.

В беседах с митрополитом Николаем патриарх Гавриил выразил желание побывать весной или летом 1947 года в Москве у патриарха Алексия, а также высказал мысль о необходимости всем православным церквам иметь единый фронт по всем общим для них вопросам и что для этого необходимо собраться в Москве представителям всех православных церквей.

О Константинопольском вселенском патриархе Максиме (грек) патриарх Гавриил заметил, что это «красивый переплет книги, из которой вырваны все страницы», что он не может сделать ни одного самостоятельного шага, так как находится в полной зависимости от англичан.

«Первенство в православном мире должно принадлежать Московскому патриарху, – заявил Гавриил, – и Русская церковь должна стать не только сестрой, но и матерью для славянских церквей».

У патриарха Гавриила есть оппозиция среди церковных кругов, которую возглавляет митрополит Скоплянский Иосиф, временно возглавлявший Сербскую церковь до возвращения на родину патриарха Гавриила.

На одной из бесед митрополита Николая с патриархом Гавриилом присутствовали пять сербских архиереев, в том числе и митрополит Иосиф – глава оппозиции. Во время беседы митрополит Иосиф заявил: «Как можно иметь дело с безбожной и с коммунистической властью? Как можно доверять коммунистам? Коммунисты умеют только обманывать».

На это заявление патриарх Гавриил резко возразил, заявив: «Нас не касается, безбожна власть или нет и что она – коммунистическая власть; мы должны знать, что она – народная власть, избрана народом, и потому она для нас так же дорога, как и нашему народу. Да ведь теперь уже почти весь мир идет за коммунистами. Разве можно уходить от мира, от народа?».

Патриарх Гавриил заявил митрополиту Николаю, что он не отступит от взятого им курса в деле направления церковной жизни.

В письме на имя Московского патриарха Алексия патриарх Гавриил, извещая о своем вступлении в управление Сербской Церковью, пишет: «Наша святая Сербская православная церковь со своим священством и народом на протяжении свыше столетия получала помощь от своей сестры – Русской

православной церкви, защиту у великого братского русского народа и у матери и покровительницы славянства – великой русской земли. Мы будем следовать веками освященным светлым традициям прошлого в интересах православия и славянской солидарности».

Поскольку до возвращения патриарха Гавриила в Белград высшее духовенство Сербской православной церкви и прежде всего значительная часть епископата вместе с митрополитом Иосифом стояла на позициях непримиримости к существующему в стране строю, возвращение Гавриила и его реформы в церкви должны внести существенные изменения в церковную жизнь Югославии».

Информация, получаемая от отца Иоанна Сокаля в Совете по делам РПЦ, была использована при составлении докладной записки заместителю председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилову о положении православных церквей в некоторых европейских странах на февраль 1947 года. В этом документе, датированном 3 марта 1947 года, давались сведения о Югославии с упоминанием имени протоиерея Иоанна Сокаля: «До Первой мировой войны православная церковь в Сербии была господствующей. По закону от 28 июня 1921 г. она была уравнена со всеми остальными вероисповеданиями, но церковь осталась неотделенной от государства. В настоящее время она состоит из 25 епархий.

С момента оккупации Югославии немцами в среде руководящего архиерейского состава православной церкви произошел раскол. Более смелая и честная часть духовенства, которая была связана с народом, открыто восстала против оккупантов.

Лучшая часть священнослужителей ушла в партизанские отряды Народно-освободительной армии маршала Тито и находилась в составе оперативных частей.

Немцами было убито пять епископов и несколько десятков священников, связанных с борьбой против оккупантов. Был арестован и помещен в лагерь Дахау глава церкви патриарх Гавриил за его выступления против немцев.

Временно возглавлявший Сербскую церковь митрополит Скоплянский Иосиф и Синод Сербской православной церкви, хотя открыто и не выступали на стороне немцев, однако в действительности поддерживали реакционные элементы и марионеточное югославское правительство, созданное немцами.

Раскол и брожение среди руководящей верхушки Сербской православной церкви, внесенные оккупантами, оставили глубокие корни и после изгнания немцев из Югославии.

Митрополит Иосиф совместно с епископами Емельяном Тимочским и Иоанном Нишским открыто занимали враждебную позицию в отношении республиканского правительства Югославии, поддерживали реакцию и ориентировались на Запад.

Митрополит Иосиф весьма недружелюбно относился также к Русской православной церкви, о чем свидетельствует та борьба, которая происходила

при решении некоторых церковных вопросов во время поездок делегаций Московской патриархии в Югославию.

Глава Сербской православной церкви патриарх Гавриил, после освобождения из лагеря проживавший в Италии, также находился в оппозиции к народно-республиканскому правительству маршала Тито, тесно связав себя с королевским двором. Летом 1946 года он крестил новорожденного сына у бывшего короля Петра. Он проживал в Риме, и вокруг него группировались реакционные эмигрантские силы Югославии.

Однако в сентябре месяце 1946 г., когда он находился на лечении в Чехословакии, под влиянием неоднократных бесед с экзархом Московского патриарха в Чехословакии архиепископом Елевферием патриарх Гавриил изменил свое отношение к правительству Тито и решил вернуться в Югославию.

14 ноября 1946 г. патриарх Гавриил вернулся в Югославию и занял доброжелательную позицию по отношению к правительству Тито. В первый день приезда он заявил, что во всем хочет подражать русскому патриарху и работать в полном единении с властью и для народа. Он также заверил о своей традиционной дружбе с Россией и ее народом, категорически отвергая ориентацию на Запад.

Патриарх Гавриил считает центром православия Москву и полагает, что только в единении с Русской церковью остальные малые автокефальные церкви могут осуществлять свои задачи.

6 декабря патриарх Гавриил был принят маршалом Тито. Эта встреча еще больше придала ему решимости работать в полном единении с правительством Тито. На Всеславянском конгрессе он заявил, что Сербская церковь будет служить своему народу, ;во главе которого стоит народный вождь Тито, и ее деятельность будет протекать в полном единении с Русской церковью и русским народом, возглавляемым великим Сталиным.

Патриарх Гавриил выразил желание приехать весной или летом 1947 г. в Москву, иметь встречу с патриархом Алексием. Он хотел бы быть в таком единении со своим народом, в каком находится Русская церковь.

К Константинопольской церкви он относится отрицательно, подчеркивает ее зависимость от английского капитала.

Он выдвинул идею об организации встречи в Москве представителей всех православных церквей для выработки единого мнения по всем общецерковным вопросам. В отношении оппозиционно настроенной верхушки духовенства Сербской церкви патриарх Гавриил принимает меры к ликвидации этой оппозиции.

Русская церковь в Югославии состоит из 11 церковных общин, двух монастырей, 20 священнослужителей и объединяет около 3 тысяч верующих. Во главе их стоит протоиерей Иоанн Сокаль (эмигрант), который с апреля 1945 г. находится в юрисдикции Московской патриархии.

Русские приходы поддерживают хорошие отношения с рядовым духовенством Сербской церкви и оказывают свое влияние в деле поддержки проводимых югославским правительством мероприятий».

11 августа 1947 года протоиерей Иоанн Сокаль – благочинный русских церквей в Югославии, отправил письмо патриарху Алексию, в котором давалась развернутая характеристика положения в Сербской православной церкви и настроениях патриарха Гаврила: «Ваше Святейшество Святейший Владыко! Сердечно благодарю за присланную книгу, она будет мне драгоценным напоминанием о тех счастливых днях, когда Господь сподобил меня побыть в Москве после долгих лет разлуки и непосредственно участвовать в торжествах избрания Вашего Святейшества на патриарший престол.

Давно уже я не писал Вам, ибо, как сказал Иоав Ахимасу, не имел я доброй вести. Так радостно было сообщить Вам о положении вещей при возвращении патриарха Гавриила и как неожиданно все переменилось к худшему. Трудно было понять причину всего происходящего и точно проанализировать создавшееся положение. Ведь, казалось, так искренно говорил о всем патриарх, и что же заставило его так круто повернуть в противоположную сторону? Невольно напрашивался вопрос, где же правда и искренность? В убеждении и настроении патриарха вначале, при его приезде, или все это было напускное, а настоящее лицо обнаружилось лишь теперь. Вот правильно разрешить этот вопрос и было для меня затруднительно.

Я боялся перед Богом согрешить и Вас ввести в заблуждение и омрачить Вам настроение. Но я думаю, когда человек знает правду, как-то легче пережить неприятную неожиданность и найти утешение и выход из создавшегося положения.

Теперь только могу с уверенностью сказать, что патриарх был искренним, когда вначале говорил с нами, но он попал в такое затруднительное положение, которое заставило его изменить свой образ действий; но вопрос, изменил ли он свой образ мыслей? Его настоящее поведение — есть ли это только вынужденная тактика или логическое следствие перемены настроения и взгляда на положение вещей, с которым он здесь познакомился. Вот в этом вся сущность вопроса.

Нужно заметить, что к приезду патриарха весь епископат и большая часть духовенства заняли определенно враждебную позицию в отношении к правительству. И если католическая церковь была явно враждебной, то православная была также враждебной, но не так явно. Реакционные элементы через церковь стали вести безнаказанно свою злостную против правительства пропаганду. Возглавил церковную реакцию митрополит Иосиф. Ему нечего было терять. Он знал, что за свои связи с Недичем, симпатии к Драже Михайловичу и четникам помилования ему не будет. Водвориться на свою кафедру в Скопле тоже не может. Македонцы не простят ему крайнего шовинизма и таких фактов, как удар во время богослужения старого священника крестом по голове, так что с чела потекла кровь, или биение

посохом по головам молящихся, приступающим к чаше во Св. четверг ради причастия, за что получил выговор от Синода. Все это привело к тому, что он должен был свою кафедру из Скопля перевести в пограничный с Македонией городок Вранье, но и там не давали ему покоя и кричали за ним: ―Доле реакция…”. Вот при таком положении вещей он и решил вести свою линию противления до конца и мстить за себя. По поводу прибытия патриарха он сказал открыто: «Я спас за время оккупации церковь (тем, что дружил с Недичем), а вот посмотрим, что сделает этот черногорец (патриарх)». Вся реакция, узнавши из послания и речей патриарха о его примирительном настроении, сгруппировалась вокруг враждебного правительству епископата, возглавляемого м. Иосифом. Иностранная пропаганда все время внушала и внушает мысль, что скоро из Греции придут американцы, и все будет по-прежнему. Поэтому не нужно примиряться с существующим строем, а во всем его саботировать и вести враждебную агитацию. И вот они задались целью изолировать патриарха, разделить церковь на две части: одну меньшую с патриархом во главе, а другую с Иосифом и большинством реакционно настроенных элементов. Патриарху стали внушать мысль, что если он останется с правительством, то весь народ уйдет из церкви и нечем будет содержаться, что этим он погубит церковь, произведет в ней раскол и кончит катастрофой. Чтобы сильнее повлиять на патриарха, ему устроили демонстрацию. Во время крестного хода десятки тысяч народа во главе с реакционерами подошли к дворцу патриарха и потребовали его выхода. Вышли на балкон м. Иосиф и патриарх, который стал благословлять народ, а в ответ раздались громогласные рукоплескания и крики толпы: ―Иосиф, Иосиф, Иосиф...”, а тот и сказал патриарху: ―Народ со мной, а не с Вами...” Эта демонстрация нужна была им, чтобы напугать патриарха и заставить его пойти заодно с реакцией или подвергнуться изолированию и стать виновником церковной разрухи.

Не имея на своей стороне ни епископата, ни народа (настоящих церковников мало, да они и не организованы), патриарх действительно устрашился возможного разделения в церкви и решил употребить все меры, чтобы этого избегнуть. Вот с этого момента и начинается его крутой поворот. Он соединяется с т. Иосифом и всем епископатом; проводит на Соборе все постановления в угоду им; подбираются все факты за прошлые годы отрицательного отношения отдельных лиц к церкви, чтобы представить их как гонение со стороны правительства на церковь; наказываются все священники, которые чем-либо выказали свои симпатии к новому строю, таковых постановляют предать дисциплинарному суду (в числе их обрушился гнев и на нашего игумена Луку — за пение советского гимна); проводится тайное постановление не утверждать перехода Чешской церкви к Русской (пока Москва не заплатит понесенных ими расходов. Сербская церковь ничего не потратила, а давало правительство). М. Иосиф настаивает на резкой телеграмме в Москву по поводу Венгерской церкви. Не назначается епископ в Македонию; требуют возвращения туда м. Иосифа, и ведутся разговоры о том, чтобы

потребовать в этом вопросе от Москвы поддержки, почему и откладывается поездка патриарха в Москву. Весь Собор проводится в духе реакционном; ни одного слова не сказали народу церковному об отношении к новому строю, не воспретили злостной агитации епископов Иринея и Дионисия в Америке от имени Сербской церкви и не заместили их кафедр. Все приемы высокопоставленных лиц патриарх делает в присутствии м. Иосифа. Всюду с ним посещает церкви, чтобы показать народу, что он его единомышленник, о чем проводится постановление и на Соборе. Среди народа всюду распространяется слух, что патриарх отступил от своей первоначальной позиции, что он теперь против правительства и против Москвы, вместе с реакционно настроенным народом. И действительно такая тактика возымела успех; реакция проверила, что патриарх с ней. Иосифу не удалось изолировать патриарха, а себя поставить во главе реакционной толпы, но зато он сделал все, чтобы рассорить его и с правительством, и с Москвой, а если не рассорить, то во всяком случае омрачить взаимоотношения. Такой тактикой патриарх, по-видимому, превозмог замысел митр. Иосифа, но не известно, недолго ли, и испросит ли он в таком тяжелом положении у Бога помощи, воскликнув вместе с Давидом: ~~—~~Боже мой, разрушь совет Ахитофела”.

Маршал Тито, окруженный враждой католиков и недоброжелательством православных, а также злостной агитацией епископата в Америке, обращается к протестантам и приглашает их посетить Югославию и засвидетельствовать всему миру о наличии в Югославии свободы веры и о лояльности правительства к церкви. При свидании с ними маршал Тито сказал прекрасную речь, в которой дал точную характеристику религиозного состояния в стране и высказал свой взгляд на деятельность патриарха. («Политика», 6 августа). Между прочим, он сказал, что сейчас еще рано говорить, сможет ли патриарх поправить церковные дела и оправдать его (Тита) желание, но во всяком случае из разговора с ним он вынес убеждение, что патриарх этого хочет, а главное, чувствует в этом свою ответственность и держится того взгляда, что церковь должна служить интересам и национальным, а не обратно. Теперь стало ясно, что патриарх в разговоре с маршалом Титом высказывал те же мысли, что и нам, но в силу необходимости действует иначе «под влиянием известных элементов в церкви, которые еще во время оккупации показали себя с плохой стороны» (т. е. м. Иосиф и другие епископы). Таким образом, официально засвидетельствовано, что образ действий патриарха пока не соответствует его принципиальным взглядам, которые он высказывал при своих встречах с маршалом Титом и другими правительственными лицами. Вот разгадка всех действий патриарха, который по тактическим соображениям временно действует не так, как бы, по-видимому, хотел, и на это его побуждает окружающая обстановка. Сможет ли он ее преодолеть и повернуть по-своему или поведет церковь по указанию и требованию реакции, в угоду иностранному влиянию, покажет скорое будущее. Во всяком случае, приезд протестантов осветил настоящее положение вещей, они открыто засвидетельствовали о

наличии свободы религиозной, о виновности Степинаца и о жизни его в заключении, вопреки сообщениям американской печати.

Интересно, повторят ли они это заявление у себя в Америке («Политика», 3 августа). Пока же местные священники, вопреки противленчеству епископата, решили действовать самостоятельно и организуются в союзы для поддержки народных интересов, по примеру, как они говорят, «сестринской Русской церкви» («Политика», 9 августа). Таким образом, движение начинается снизу, это, конечно, хуже, так как народ будет действовать резче и возможны неприятные выпады в сторону епископата. Такие случаи уже были. Вновь избранного митрополита Дамаскина (за его антисоветскую деятельность в Карпатской Руси и прием немецких офицеров во время оккупации) при объезде епархии Загребской в г. Пакраце забросали яйцами, камнями, и ударил кто-то ногой в спину, так что он упал и принужден был после молебна немедленно уехать.

Из Сараева прислали телеграмму, чтобы м. Иосиф не приезжал для хиротонии вновь избранного епископа, и он побоялся ехать и в другие города для интронизации, как было постановлено Синодом. Есть слухи, что под влиянием всего происходящего пошлют епископа македонцам, и в Сараево м. Иосифа, если его там примут. Причина всего этого — крайний шовинизм, иностранная агитация и надежда на реставрацию. Как только разочаруются в своих чаяниях и увидят, что никакие американцы им не помогают, так как их разъедает своя керенщина, тогда облагоразумятся и примкнут к здоровому течению религиозно-национального возрождения. Им все скоро надоедает. Всякое чудо у них на три дня. Признаки такого оздоровления уже налицо, и, может быть, с Божьей помощью они переживут этот религиозный кризис без больших потрясений.

В нашей церковной жизни пока все благополучно. Прихожан не особенно много, но службы ведем ежедневно и согласно Уставу. Вероятно, уйдет от нас свящ. В. Мошин на должность управляющего архивом в Загребе 1 сентября. Он не был в штате, а лишь приписным. Останется настоятель, два священника, диакон и два псаломщика. Отец архимандрит Антоний тоже приписной, все надеется на Вашу милость. Приезд Троицкого и его удовлетворение всем, что он видел на родине, очень благоприятно повлияло на настроение неисправимых скептиков. Меня же он утешил тем, что подробно уяснил положение вещей, в силу которых задерживается мое назначение. Во всяком случае, радуюсь тому, что Ваше Священство меня не забываете и, когда благоприятно сложатся обстоятельства, сможете принять меня на служение. Дети очень томятся, а я убеждаю их запастись терпением еще хотя на год. Главное, что я буду на родине и в непосредственном общении с Вами. Да хранит Вас Господь. Смиренный послушник Вашего Святейшества – протоиерей Иоанн Сокаль».

Письмо протоиерея Иоанна Сокаля и доклад епископа Ужгородского и Мукачевского Нестора, побывавшего в апреле 1948 года с визитом в Албании и Югославии, на имя патриарха Алексия получили высокую

оценку Совета по делам РПЦ. Подтверждением тому могут служить строки из сопроводительного письма к этим документам зампреда Совета С. К. Белышева заместителю министра иностранных дел СССР В. А. Зорину от 24 мая 1948 года:

«Совет препровождает для Вашего сведения докладную записку епископа Ужгородского и Мукачевского Нестора о поездке во главе церковной делегации в Албанию и на обратном пути в г. Белград к патриарху Сербской православной церкви Гавриилу. Вместе с этим прилагается копия письма протоиерея И. Сокаля (подчеркнуто мною. – *В. Ч.*) от 26.IVс.г. на имя патриарха Алексия о положении в Сербской православной церкви. Это письмо было передано епископу Нестору на аэродроме в последний момент перед его отлетом из Белграда в СССР. Содержащаяся в письме информация, дополняя и подтверждая сообщение еп. Нестора, совпадала в выводах и оценке положения в Сербской патриархии.

Главными факторами, определяющими состояние Сербской православной церкви и, безусловно положительными, являются:

– Создание правительственной Вероисповедной комиссии, возглавляемой генералом Джуричем и установление ею непосредственной связи с патриархом Гавриилом, минуя реакционных посредников.

– Создание прогрессивного объединения широких масс духовенства, т. н. «священнического удруженья», являющегося патриарху опорой в борьбе с реакционными иерархами из его окружения.

Предстоящий Собор, на котором патриарх Гавриил намерен избавиться от наиболее ревностного «опекуна» реакции митрополита Иосифа и др., будет испытанием серьезности и решительности намерений самого патриарха и поворотом Сербской церкви в сторону поддержки правительства новой демократической Югославии.

В связи с предстоящим совещанием Совет просит дать указание посольству в Белграде о высылке информации как об итогах Архиерейского собора, так и борьбе, которая, как нужно ожидать, развернется при подборе состава делегации на московское совещание» [21].

В 1948 году протоиерей Иоанн Сокаль, протоиерей Владислав Неклюдов, профессор Всеволод Троицкий были в Москве почетными гостями на торжествах в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви и участвовали в совещании предстоятелей и представителей Православных Автокефальных Церквей.

Об авторитетности суждений отца Иоанна о состоянии Сербской православной церкви свидетельствует докладная записка Г. Г. Карпова в ЦК ВКПБ (б) и Совет Министров СССР от 7 мая 1949 года, составленная преимущественно на информации, полученной Советом по делам РПЦ от него: «Совет докладывает, что созданный кликой Тито режим в Югославии затруднил и нарушил установившуюся связь между Сербской и Русской православными церквами. Благочинный русских приходов в Югославии протоиерей И. Сокаль (принявший советское гражданство) еще в ноябре

1948 года писал по поводу одного телеграфного запроса патриархии: «В силу изменения политического курса теперь такие ответы не могут быть пересылаемы почтой, ибо все вскрывают».

После возвращения из СССР с совещания, происходившего в июле 1948 года, заместитель Сербского патриарха митрополит Иосиф посетил 9.VIII.1948 года посла СССР в Югославии т. Лаврентьева и выразил благодарность от имени делегации за радушный прием в Москве и заверил в единогласии сербской делегации по обсуждавшимся в Москве вопросам.

Это было последнее официальное выражение Сербской патриархией своего отношения к московскому совещанию.

Митрополит Иосиф известен как реакционер, о котором тот же протоиерей Сокаль пишет, что, благодаря стараниям митрополита Иосифа, «...в патриархии ведут определенный курс в сторону реакции по всем решительно вопросам и стараются внушить мысль, что с Москвой имеют дело лишь по необходимости, на самом же деле они ни с чем не согласны, а ведут свою сербскую линию, ограничиваясь лишь для виду формальными сношениями.., а в сущности ни с чем не согласны и ждут изменения политического курса».

Правильность характеристики настроений и политического курса на «запад» Сербской патриархии подтверждается рядом фактов.

Так, уповая на «запад», Сербская патриархия держится девиза «чем хуже, тем лучше» и в этом находит поддержку англичан и особенно американцев, не жалеющих денег для поддержания таких настроений. Замечание Сокаля: «Балканцы привыкли плясать под дудку тех, кто больше заплатит» — целиком относится к реакционной части высшего духовенства Сербской церкви.

Несмотря на отрицательное отношение патриарха Гавриила к экуменическому движению, несмотря на официальный отказ Сербской патриархии от участия в этом движении и подписание делегацией в Москве соответствующей резолюции, богословский факультет Белградского университета делегировал на 1-ю Амстердамскую генеральную ассамблею христианских церквей проф. Глумац.

Протоиерей И. Сокаль, сообщая об этом подрывающем авторитет решения московского совещания факте вероломства со стороны Сербской патриархии, пишет: «В Москве подписали, что не надо ездить к экзуменистам, а, приехавши в Белград, послали туда своего делегата... не от имени церкви, а от богословского факультета, и не духовного, а светского человека проф. Глумац, думая этим обмануть».

Экуменисты оказались покладистыми и прямолинейными, приняв Глумаца как делегата Сербской православной церкви.

Целый месяц профессор Глумац находился на одном из первоклассных курортов Швейцарии и, возвратившись в Белград, привез известие о присылке Экуменическим советом для Сербской церкви материала на рясы для 300 священников, вагона бумаги, одежды, белья и 150 кроватей с постельными принадлежностями для студентов богословского факультета.

После этого в Сербской патриархии стали говорить, что с "западом" иметь дело выгоднее, чем с Москвой».

«Вот почему не надо удивляться, — пишет тот же И. Сокаль, — если и английский посол Пик в конце октября 1948 года посетил патриарха Гавриила».

Имеют место и другие факты неискренней линии поведения Сербской патриархии.

Патриарх Гавриил и митрополит Иосиф, отзываясь по возвращении в Белград положительно о церковных торжествах в Москве, тем не менее в течение 8 месяцев не озаботились осветить это в журнале «Патриарший гласник» помещением хотя бы одной статьи. Не был разоблачен провокационный слух, что патриарх в Москве на совещании ничего не подписал, ни с чем не согласился и даже поссорился с экзархом Болгарской церкви митрополитом Стефаном.

Кем-то был распространен слух о том, что русские церковные круги всюду, где возможно, умаляют достоинство Сербской церкви «поднятием на высокую ступень уклада русской церковно-религиозной жизни».

Все это звенья одной цепи мероприятий для вытеснения из Югославии какого бы то ни было влияния Русской православной церкви и в том числе русских приходов, находящихся в Югославии.

По сообщению посольства СССР в Югославии, 3 марта с. г. в г. Белграде состоялось Учредительное собрание православных священников Югославии, на котором был создан Союз православных священников, который принял резолюцию о задачах союза и послал приветственную верноподданническую телеграмму Тито.

В то же время Союз в резолюции осудил деятельность находившихся в США епископов: Бачского (Далматинского) Иринея (Джорджевича) — участника экуменических съездов, четника-лѐтачевца; Жичского Николая (Велимировича), находившегося с патриархом Гавриилом в концлагере Дахау, четника-лѐтичевца; американо-канадского Дионисия, находящегося в Либертвилле, ярого защитника Дражи Михайловича, призывавшего Трумэна порвать дипломатические отношения с Югославией.

Между тем данных об осуждении этих эмигрантов Синодом Сербской православной церкви нет.

Союз православных священников Югославии поставил задачей объединение всех священников страны, активное участие православного духовенства Югославии в работе Народного фронта и оказание помощи правительству.

В приветственной телеграмме Тито Союз заявил о своей верности ему и готовности быть неустанным поборником в защите завоеваний народной власти и в выполнении пятилетнего плана развития народного хозяйства Югославии.

Касаясь этого события, протоиерей И. Сокаль отмечает, что если в прошлом году участие духовенства в подобных съездах было Синодом

запрещено, то в этом году неофициально разрешено из тактических соображений продемонстрировать правительству свою лояльность. Когда съезд вынес решение проводить работу по федерациям, а не по епархиям, что угрожает епископам потерей их власти, оно встревожило их, но они, однако, надеются, что «американцы до этого не допустят».

Происки американцев в Югославии не ограничиваются только Сербской православной церковью. Так, игуменья б. Лесненского монастыря Нина (Коссаковская) и еще 32 монахини, проживающие в г. Белграде по улице воеводы Миленко № 39, принявшие советское гражданство, подвергающиеся периодическим притеснениям со стороны югославских властей, получают настойчивые предложения от эмигрантского русского духовенства из США о переезде туда на постоянное жительство. Им обещают беспрепятственное получение виз, оплату проезда, содержание и прочие льготы. На все эти предложения игуменья ответила решительным отказом, заявляя о своем твердом намерении вернуться со своими монахинями в Советский Союз. В свое время этим монахиням Московской патриархией было обещано всестороннее содействие, и в настоящее время наступило время реализации обещаний. Этот вопрос Совет проверяет через МИД.

Все изложенное, учитывая наличие на Константинопольском (Вселенском) престоле ставленника американцев патриарха Афинагораса, сколачивающего антикоммунистический религиозный блок, говорит, что всем ходом событий и состоянием дел Сербская православная церковь подготовлена к тому, чтобы войти в фарватер антикоммунистического блока, если со стороны Московской патриархии не будут приняты попытки к удержанию Сербской патриархии в своей орбите. Но в то же время Совет в настоящее время не видит реальных возможностей к поддержанию Московской патриархией связей с Сербской патриархией.

Патриарху Гавриилу направлено в марте с. г. письмо патриарха Алексия, в котором он просит информировать о мероприятиях Сербской патриархии по реализации решений московского совещания прошлого года.

Ответ на это письмо в известной мере должен будет внести ясность в отношении позиций Сербской патриархии и позволит наметить план дальнейших мероприятий по укреплению связи между обеими патриархиями.

Особую значимость миссия протоиерея Иоанна Сокаля приобрела в период обострения советско-югославских отношений летом-осенью 1949 года, затронувших и взаимоотношение братских церквей. В этой ситуации он оказался исключительно полезным в деле установления каналов связи между патриархами двух церквей. 23 ноября 1949 года Г. Г. Карпов в письме к В. М. Маслову так разъяснял адресату возможности передачи письма патриарха Алексия патриарху Гавриилу неофициальным путем: «Настоящим докладываю, что предложение о неофициальном вручении письма патриарха Сербскому патриарху Гавриилу, Совет имел в виду следующий порядок вручения.

В Югославии, кроме Сербской (автокефальной) православной церкви во главе с патриархом Гавриилом, имеется 8 приходов Русской православной церкви, находящихся с февраля месяца 1945 года в юрисдикции Московского патриарха, которые возглавляются благочинным иереем Иваном Сокалем (русский, из эмигрантов, принявший в гражданство СССР, дважды приезжавший в Москву и настойчиво добивающийся разрешения на возвращение с семьей в СССР. Сокаль хорошо известен советскому посольству в Югославии).

Совет находит возможным письмо патриарха Алексия на имя патриарха Гавриила переслать диппочтой МИДа в советское посольство в Югославии, где его вручат протоиерею Сокалю с письменной просьбой патриарха Алексия передать это письмо лично патриарху Гавриилу во время его службы. Других возможностей по передаче письма Совет не находит» [159].

О том, как на практике осуществлялось задуманное, сообщил в конце декабря 1949 года первый секретарь посольства СССР в Югославии А. М. Зубов: «По указанию поверенного в делах тов. Шнюкова Г. П., 28 декабря 1949 г. я посетил патриарха Сербской православной церкви Гавриила с тем, чтобы передать ему письмо Московского патриарха. В начале беседы я поздравил патриарха Гавриила с наступающим новым 1950 годом и предстоящими праздниками и справился о состоянии его здоровья.

Патриарх поблагодарил меня за поздравления и сказал, что чувствует себя неплохо, хотя временами и прихварывает. Затем он, понизив голос, сказал: «Наше положение очень плохое. Настолько плохое, что этого даже нельзя выразить словами. Я говорю не о себе, заметил он, я достаточно стар, и мне бояться нечего, я много видел и многое перенес. Я говорю о Сербской православной церкви и о народе. Мы связаны по рукам и ногам. Мы не только не можем предпринять какие-либо действия, мы даже не можем вслух говорить. Мы всегда смотрели на Россию, как на свою заступницу, и видели в лице ее официальных представителей в Белграде и в Черногории своих покровителей и защитников. Также мы смотрим и в настоящее время. Сила славянских народов в России. Но обстоятельства сейчас этому не благоприятствуют. Я боюсь, как бы из спора, который сейчас происходит, не извлекли пользу наши враги», — сказал патриарх, намекая на Запад.

Патриарх также сказал, что Сербская православная церковь находится сейчас в бедственном положении. Свыше ста священников арестовано и содержится в тюрьмах, о судьбе которых ничего не известно. Вчера, сказал он, в Белграде был арестован протоиерей Иоанович, который был крепким и стойким священником.

Далее патриарх по своей инициативе коснулся сараевского антисоветского процесса, назвав его «кощунством над православной церковью». В газетах писали, сказал он, что священник Неклюдов повесился. Этого не только нельзя допустить, но даже об этом грешно подумать. Неклюдов был очень стойкий и честный человек. Крижко тоже хороший человек. Он любил народ, и народ его тоже любил. Поэтому его и осудили на долгие годы.

Сославшись на сообщение югославской печати от 24 декабря о приеме Тито руководителей Союза православных священников, я поинтересовался, много ли православных священников примкнуло к этому Союзу. В ответ на это патриарх сказал, что сейчас к этому Союзу примыкают многие православные священники, потому что иного выхода нет. Если священник не вступает в данный Союз, он лишается возможности служить в церкви и иметь связь с народом. В этот Союз входят и хорошие священники, которые не желают того, чтобы церкви были закрыты и превращены в магазины или конюшни.

В завершение беседы патриарх прочитал письмо патриарха Алексия, которое я ему передал, и сказал, что продумает и даст ответ через Сокаля или Троицкого. Он заметил при этом, что ни он сам, ни его ближние в посольство прийти не смогут, так как на следующий день будут арестованы».

В конце января 1950 года протоиерей Иоанн Сокаль с семьей вернулся на родину, получив назначение на должность ректора в Саратовскую духовную семинарию. Перед отъездом к новому месту служения благочинный русских православных приходов в Югославии отец Иоанн Сокаль 28 января был принят по его личной просьбе в Совете по делам РПЦ и в беседе с его сотрудниками рассказал как о положении дел в стране, так и в руководстве Сербской православной церкви: «Протоиерей Сокаль заявил, что в Югославии существует террор, размеры которого трудно представить, не побывав там. В Белграде 156 подвалов в домах превращены в тюрьмы, переполнены заключенными. Кроме того, строится дополнительно 40 тюрем. Среди арестованных большинство коммунисты, сторонники Информбюро.

Мой сын Анатолий – военный врач, работавший помощником начальника санитарно-военного округа, – говорит Сокаль, – рассказал, что в их округе один полковник, касаясь Второй мировой войны, сказал, что Россия, заключая союз с Германией и зная, что она рано или поздно нападет, стремилась выиграть время, чтобы лучше подготовиться к войне. За это полковник был арестован. За малейшее проявление симпатии к Советскому Союзу люди жестоко преследуются, выгоняются с работы, арестовываются и расстреливаются. У Ранковича имеется около 300 тысяч агентов и 300 тысяч полицейских, которые свирепствуют. Титовцы делают все к тому, чтобы вытравить в сознании народа дружественное отношение к Советскому Союзу и привить ненависть ко всему советскому. На какие только провокации они ни идут. Периодически в печати появляются и по неделям муссируются явно клеветнические сведения вроде того, что русские вывозят из Югославии сахар, жиры, одежду и т. п. Работавшая в Центропроме моя дочь видела из документов, что это сплошная клевета, т. к. в действительности дело обстояло как раз наоборот, и Советский Союз всячески помогал Югославии. По словам дочери Сокаль, она имела случай убедиться во вражеской деятельности титовцев по отношению к Советскому Союзу. У них в Центропроме группа сотрудников выразила желание изучать русский язык. На первое занятие, на которое собралось человек 20, явился начальник отдела Центропрома, фамилия которого позже фигурировала в Будапештском процессе.

На следующий урок после появления этого начальника явилось на занятие человека три, и на этом деятельность кружка окончилась.

В стране — абсолютный голод. По карточкам почти ничего не выдают. Кур, индюшек и другие продукты вывозят англичане. Дороговизна невероятная. Не хватает топлива, и цены на него высокие, в то же время окружение Тито имеет все блага жизни и народ видит, как его обманывают, обещая все блага и не давая их.

Сам Тито — зазнавшийся австрийский музыкант — тратит народные деньги на постройку себе во дворце купальни стоимостью в один миллион. Как мещанин-обыватель он носит кольца, по нескольку раз в день переодевается в различные костюмы, принимает парады. Его охраняют так, как вряд ли кого охраняли. Когда он проезжает, то народ удаляют не только с улицы, по которой он едет, но и с прилегающих улиц. Окружение Тито носится с идеей создания балканской федерации под руководством Югославии.

Борясь за уничтожение русского влияния, титовцы, разжигая шовинизм, отрицают освободительную роль Советского Союза, заявляя, что к приходу Советской Армии Югославия была уже освобождена от фашистов.

Народ внутренне на стороне Советского Союза, ненавидит Тито и озлоблен на то, что ему посадили на шею Тито. Внешне народ поддерживает Тито, поощряя углубление его предательской политики в надежде, что таким образом он скорее придет к краху. Все надеются, что Россия выступит и раздавит режим Тито. Готовясь к вооруженному столкновению с Россией, титовцы стремятся уничтожить последние очаги русского влияния. В этом отношении титовцы принимали меры к ликвидации влияния т. н. Русского дома, находящегося на экстерриториальной территории советского посольства. Установив слежку агентов за этим домом, титовцы начали сажать всех сербов, которые посещали этот дом. В отношении русских, посещавших этот дом, применяют увольнение с работы. Молодежь, посещавшая различные кружки в этом доме, высылается. Так были высланы в Болгарию участники квартета Комарова, в котором состояла и моя дочь Сокаль. Советских граждан, проживающих в Югославии, всячески преследуют, терроризируют и добиваются отказа от советского гражданства и перехода в югославское. Практикуют выброску за границу целыми группами советских граждан, а когда их не принимают соседние страны (Румыния, Болгария и др.), их возвращают обратно и говорят, что Советский Союз не считает их полноценными гражданами, что они нужны только для шпионской работы в Югославии, а потому их и не берут в Советский Союз. Эти провокации делаются титовцами несмотря на то, что в договоре с Советским Союзом русским эмигрантам, принявшим советское подданство, разрешается проживать в Югославии. Находятся отдельные лица, которые отказываются от советского гражданства, переходят в югославское гражданство и делаются злейшими врагами Советского Союза. В ответ на процессы титовской агентуры в Будапеште и Софии титовцы готовят в Белграде процесс советских граждан по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза.

В отношении Русской церкви титовцы добиваются ликвидации патриарших приходов в Югославии как очагов русского влияния. Сербская патриархия также недовольна наличием русских приходов, т. к. считает, что деятельность Русской церкви подрывает авторитет Сербской. Духовенство делится на две части: «живоцерковническое», объединяемое Союзом священников, поддерживающее режим Тито и борющееся против России, против сторонников Информбюро; другая часть духовенства – с народом.

Патриарх Гавриил в душе с Московской патриархией, но внешне показывает, что он – с Тито, который отпускает средства на церковь и заинтересован в ее поддержке. Таким образом, патриарх Гавриил лавирует и представителям Московского патриарха говорит, что он против Тито, а своему окружению, что он против Москвы. Епископат сплошь реакционный. Иосифа Скоплянского из Синода вывели. Он поехал на свою епархию в Скопле, но там его не приняли и выгнали. Сейчас Иосиф замещает кафедру бежавшего в США епископа Николая.

Заигрывает Тито и с католиками. И хотя Степинац не освобожден и отбывает наказание в тюрьме, но пользуется всякими привилегиями.

В состав Синода входят епископы: Владимир, Емельян и Хризостом. Между прочим, патриарх Гавриил запретил епископу Владимиру служить в русских храмах, находящихся в ведении Московской патриархии. Патриарх Гавриил недоволен назначением Московской патриархией священника в Венгрию, считая, что это роняет авторитет Сербской церкви в Венгрии. Духовенство Московской патриархии арестовывается и уничтожается. Осужден на 11 лет священник Алексей Крыжко, на 8 лет заключения священник Родзянко Владимир. Протоиерея Владислава Неклюдова повесили в тюрьме. Перед смертью его спровоцировали. По словам адвоката, выезжавшего на место казни Владислава Неклюдова, его накануне суда привезли в Белградскую тюрьму, поместили в отдельную хорошо оборудованную камеру и заявили, что он будет освобожден. Под этим предлогом у него взяли заявление, что он ничего не имеет против органов УДН, предложили написать письмо жене до выполнения формальностей с освобождением, а потом взяли и повесили. После смерти Владислава осталась жена с ребенком, которым Сокаль помог материально.

Перед отъездом в Советский Союз Сокаль был принят патриархом Гавриилом, который был любезен и передал лучшие пожелания патриарху Алексию.

На вопрос тов. Белышева: «что сделано Сербской церковью для пропаганды решений московского совещания глав православных церквей 1948 года?» протоиерей Сокаль сообщил, что, кроме одной статьи в печатном органе Сербской патриархии, нигде и ничего не помещалось. Наоборот, когда патриарх Гавриил вернулся из Москвы, стали распространять слухи, что он ничего в Москве не подписал якобы из-за несогласия с решениями московского совещания. Тут же протоиерей Сокаль рассказал, что назначенный Синодом настоятель храма-подворья в Москве Прохор Якшич дал титовцам обязательство быть их агентом. Об этом он сам рассказал протоиерею Сокалю. Вербовке

Прохора Якшича в агенты предшествовал арест, а позже и расстрел какой-то девицы, которой Якшич помогал менять доллары на динару. Позже при аресте этой девицы оказалось, что она действовала по поручению организации усташей. Прохора Якшича Сокаль характеризовал как крайне неуравновешенного, склонного на почве наследственной душевной болезни к самоубийству, и выразили уверенность, что он в скором времени покончит с собой.

Протоиерей Сокаль рассказал и о провокациях в отношении его самого и его семьи. Так, один пьяница и бродяга из числа русских попов был вынужден явившимися к нему агентами Тито к подаче заявления на Сокаля. Об этом этот пьяница-поп, раскаиваясь в своем поступке, сам рассказал протоиерею Сокалю.

Дочь Сокаля вызывал представитель УДБ и заявил прямо, что «ваша семья является неприятелями нашего народа». Расспрашивая дочь о посещении румынского, албанского посольств, где она преподавала русский язык, представитель УДБ предложил ей переменить профессию. Ей грозили, что скоро наша семья очутится в тюрьме.

Сыну Анатолию помог уйти из армии полковник, его приятель, а иначе его не отпустили бы, тем более что он работал на ответственной работе в качестве помощника начальника военно-санитарного округа в чине капитана. В Югославии имеется 6000 человек советских граждан. Каждый из них ожидает ежеминутно высылки за границу, как бы давно он ни жил в Югославии. Людей хватают и везут к границе, не давая взять с собой необходимые вещи.

Титовцы к весне собираются совсем разделаться с советскими гражданами. Их повседневно убеждают переходить в югославское подданство, распространяя слухи, что Советский Союз не примет их на родину.

Тов. Белышев спрашивал протоиерея Сокаля, кто остался на его месте. Протоиерей Сокаль говорил, что он оставил о. Василия – советского гражданина. Титовцы оказались довольны этим назначением. Он – неважный тип, но в помощь ему был вызван Александр Тугаринов, которого Сокалъ характеризует как умного, высоко богословски образованного человека. Однако на пути в Белград Тугаринов арестован.

Касаясь русского эмигранта профессора церковного права Троицкого, который систематически приезжал в Москву для чтения лекций в Духовной академии и семинарии, протоиерей Сокаль рассказал, что о нем полковник УДБ сказал: «Это тот самый, который часто ездит в Москву?»

Сокаль привез две лекции и доклады Троицкого. Троицкий не принял советского подданства из-за боязни лишиться пенсии из-за детей, которые хорошо устроились.

Ликвидируя свое хозяйство, Сокаль все вырученные средства дал Троицкому, обеспечив его на 2 года. Взамен этого он получил от редакции «Журнала Московской Патриархии» причитающийся Троицкому гонорар.

На вопрос о том, каково положение монахинь бывшего Лесненского монастыря, протоиерей Сокаль сказал, что они ждут визы на въезд в СССР. Синод Сербской церкви считает необходимым принять этих монахинь в

свою юрисдикцию, заявляя, что они никогда не были русскими. Не исключено, что их опять будут тянуть в США, куда им предлагали поездку за казенный счет. Если они не будут пущены в Советский Союз, то титовцы печатают, что они отказались ехать в Советский Союз. Записал: зам. зав. отделом Карпович».

Деятельность протоиерея Иоанна Сокаля высоко оценивалась как Московской патриархией, так и советским правительством. Так в сопроводительной записке Г. Г. Карпова к и. о. заведующему отделом Балканских стран Министерства иностранных дел СССР В. А. Валькову от 27 июля 1950 года сообщалось: «Препровождаются для Вашего и посольства СССР в Югославии сведения: характеристики епископата Сербской православной церкви, полученные Советом от прибывшего из Югославии протоиерея И. Сокаля. Было бы желательно получить замечания посольства по этим характеристикам и информацию о подготовке выборов патриарха Сербской церкви вместо умершего Гавриила.

ЕПИСКОПАТ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ в 1950 г.

1. АРСЕНИЙ, митрополит Цетинский в Черногории, ныне избранный местоблюстителем патриаршего престола Сербской православной церкви.

Старец – лет семидесяти, из вдовых священников. Несколько лет тому назад возведен был в сан епископа и поставлен в должности викарного у патриарха в Белграде. В 1948 году возведен был в сан митрополита и назначен в г. Цетинье –в Черногории. По рангу – последний из митрополитов. Человек простой, очень скромный и смирный, вполне доступный в обращении и приятный в общении. Производит впечатление симпатичного старца и кроткого священнослужителя; имеет облик православного иерарха со всеми его характерными чертами. Он ничем не омрачил своего епископского сана и в политической жизни себя не скомпрометировал. По своему настроению он принадлежит к сербам старой формации, для которых наша Родина всегда была «Майка Русия» (в переводе с сербского: Мать – Россия. – *В. Ч.*) К Титу (правильно: Тито. – *В. Ч.*) и его клике всегда относился отрицательно не столько по соображениям политического характера, сколько по национальным и религиозным. Он единственный из всего епископата, имеющий моральный авторитет, и как личность, ничем не омрачившая своего сана в прошлом, заслуживает быть избранным на патриарший престол. Как он поведет себя в этом высоком звании, трудно предугадать, так как политическая обстановка в настоящее время там очень сложная. Весь епископат и церковный народ настроены реакционно; титовскую власть ненавидят, но не за то, что изменила России, а за то, что она им чужда и по духу, и по настроению. Они хотели бы обратить церковь в орудие политической борьбы, но только для восстановления своей сербской гегемонии и прежнего реакционного режима. Нуждаясь в средствах, они показывают лишь вид лояльности и идут на компромисс с титовскими предателями, чтобы от них больше заработать, а те сулят им миллионы, лишь бы в них иметь для себя поддержку. Идет взаимная

спекулятивная игра, преисполненная фальши, обмана и скрытой вражды. Посредствующим звеном в этой среде является английская агентура в лице часто посещающего Белград Гибралтарского епископа и политического агента Финделя, который после двухлетней работы в Югославии уехал в нынешнем году в Варшаву. В таких условиях служение патриарха сопряжено с величайшими трудностями, и для открытого и честного пути нужно быть способным на большое мужество и подвиг. Вот почему сербский епископат и выдвинул кандидатуру митрополита Арсения, который отличается, по их мнению, внутренней чистотой и неподкупной честностью и не продаст интересов церкви за чечевичную похлебку.

2. Митрополит б. Скоплянский ИОСИФ, ныне исполняющий должность епархиального архиерея в Ужице вместо убежавшего в Америку епископа Николая; личность хорошо известная, дважды посетивший Москву в 1945 г. и в 1948 г. Человек ограниченный, но очень хитрый и коварный. Он окончил в 1912 г. Киевскую [Духовную] академию уже вдовым священником и старался показать себя русофилом, но это русофильство всегда имело целью какую-либо выгоду, по достижении которой он отворачивался в другую сторону. Как крайний шовинист он с завистью и недоброжелательством относился ко всему, что возвышалось над сербством, и старался использовать все возможности, не брезгуя никакими средствами. Он был приятен, когда получал, и груб и дерзок, когда чего-либо лишался. В его поступках не было никакой принципиальности и в действиях — постоянства и определенности. Он никому никогда не верил и всякого подозревал, считая и себя недостойным доверия. В политическом отношении он — крайний реакционер, хотя мнил себя демократом и либералом. Ловко играл роль за время оккупации, а при Тито открыто перешел на сторону шовинистов, считая, что в дружбе с ними заслужит признание патриота и народника, хотя это не препятствовало ему пользоваться всяким удобным случаем для получения какой-либо субсидии со стороны ненавидимых им титовцев.

В тяжелые моменты истории он прятался за спину другого, а в мирной обстановке интригами добивался первенства. Сейчас он уклоняется от видной роли в надежде, что вскоре произойдет перемена, и он предстанет в сознании церковников как борец за национальные интересы сербства.

3. ДАМАСКИН, митрополит Загребский в Хорватии, человек лет 55, окончил в 1917 году Ленинградскую духовную академию. Служил преподавателем Карловацкой духовной семинарии, а затем доцентом в Белградском богословском факультете на кафедре гомилетики. После хиротонии был назначен епархиальным епископом в Карпатскую Русь, оттуда переведен в Чехию в Прагу, а затем возвращен в Банат на кафедру епископа в Вершац. В 1947 году он был возведен в сан митрополита и назначен в Загреб. Ему ставят в вину антисоветскую политику за время пребывания в Карпатской Руси и слишком толерантную лояльность за время оккупации. По прибытии в Хорватию при посещении паствы в г. Пакраце подвергся нападению и должен возвратиться в Белград, где с 1948 г. состоит членом Синода и только изредка

посещает Загреб. Человек он интеллигентный, мягкий по характеру и приятный в обращении. В своей деятельности отличается самостоятельностью и легко поддается постороннему влиянию. Скомпрометированный в Карпатской, устыдился сопровождать патриарха на торжества 1948 г. в Москву. Живет больше личной жизнью и в политической деятельности активности не проявляет, чтобы не подвергать себя опасности и загладить прежнюю вину.

4. ИРИНЕЙ, епископ Новисадский, окончил Московскую Дровную академию, человек лет около 70. Родом из богатых пречанских сербов (т.е. задунайских), брат известного королевского министра просвещения Чирича и б. член венгерского парламента. Человек он образованный, просвещенный и живет в обстановке аристократической. Как и все пречане, считает себя более культурным и к сербам-шумадийцам (централистам) относится свысока. Постоянный участник всех заграничных собраний и съездов и сторонник экуменистов. За время оккупации не проявлял никакой деятельности к защите сербов, и за это подвергся после ухода немцев двухгодичному домашнему аресту.

Как человек очень богатый не мог примириться с потерей своего имущества и впал в меланхолию, потерял самообладание, заболел эпилепсией и лишился духовного равновесия. Пока еще числится на кафедре, но дело управления больше в руках епархиального совета. Он – кровный враг социального равенства и сторонник идеологии венгерского графства, но в силу постигшей его болезни выбыл из строя, и дни его сочтены.

5. ИОАНН, епископ Нишский, известный нам по участию в делегации Сербской церкви на торжественном соборе Московском в 1945 году (имеется в виду Поместный собор РПЦ в январе-феврале 1945 г., избранный патриархом Алексием I. – *В. Ч.*). Человек он мягкий, добрый, интеллигентный, плывущий по течению, действующий в мирной, спокойной обстановке и в открытую борьбу не вступающий. Он всегда идет за большинством и отстаивать решительно что-либо свое не решается. К советской идеологии относится отрицательно и титовцев ненавидит, но показывает вид своей внешней лояльности и объективной толерантности.

6. ЕМЕЛЬЯН (Емилиан. – *В. Ч.*), епископ Тимочский, родом македонец, образование получил в греческой Халкинской семинарии и Афинском богословском факультете; человек образованный, в жизни и деятельности ничем себя не скомпрометировавший, обладает сильным характером и настойчивостью, пользуется уважением и свое епископское достоинство охраняет ревностно. Если и держат его на вторых ролях, то это из-за македонского происхождения, чтобы не выпускать управления из рук сербских. Может быть резким и упрямым в путях, не согласных с его мировоззрением. Так, например, в 1945 г. при посещении нашей делегацией Белграда он мне сказал: «Мы вас ненавидим больше немцев за то, что вы нам дали Тито и коммунизм». Это свое чувство он хранит в душе и по настоящий день.

7. ВЕНИАМИН, епископ Пожаревацкий, окончил русскую духовную семинарию и богословский факультет в Афинах, был в Москве на торжествах 1948 г. Человек неавторитетный и влияния на ход церковных дел не имеет. Своих убеждений не высказывает, а прислушивается к тому, что говорят. К нашей Родине относится благожелательно, но, не отличаясь самостоятельностью, не может ручаться за логическую последовательность в осуществлении своих намерений. Во всяком случае, он нам не враждебен и при общем дружеском направлении церковного руководства может быть нашим сторонником.

8. НЕКТАРИЙ, епископ Тузланский в Боснии. Окончил в Шибенике (Далмация) семинарию и в Черновицах богословский факультет. Человек доброго и кроткого нрава. Всю жизнь прожил холостяком и только в пятидесятых годах принял монашество и хиротонисан во епископа. Ничем особенно не выделялся и какого-либо влияния в общецерковном руководстве не имеет. Живет своею личной жизнью вне всякого соприкосновения с общественностью. Имеет ограниченный круг своих приятелей и с ними проводит свободное время. К Родине нашей питает добрые чувства, но советская идеология ему чужда.

9. ВЛАДИМИР, епископ Призренский, окончил Вифанскую семинарию и Московскую академию, ныне состоит членом Синода. Капризный, самолюбивый и в обращении с подчиненными довольно резкий, в силу чего у него бывают частые конфликты и недоразумения. По своему настроению из всех сербских архиереев он нам самый доброжелательный и слывет между ними как крайний русофил. Этим он гордится и бравирует, чем раздражает своих коллег, которые считают его неумным и не любят. Патриарх Гавриил даже запретил ему служение в Белградской русской церкви, а мне сказал, что это он сделал потому, что «епископ Владимир частым служением хочет показать, что он больший русофил, чем мы». Жаль, что он не пользуется никаким авторитетом среди сербского епископата, иначе он был бы нам очень полезен и во многом облегчил бы укрепление братских взаимоотношений. Если при новом патриархе сорганизуется группа епископов, к нам расположенных, епископ Владимир будет принимать среди них самое деятельное участие. Правда, в политическом отношении он — сторонник старой России, но в церковном отношении он преклоняется пред настоящим ее величием и миссией.

10. ВИКЕНТИЙ, епископ Сремский, родом пречанин, окончил карловацкое богословие (здесь и далее имеется в виду Карловацкая духовная семинария. – *В. Ч.*), ныне состоит членом Синода; при предыдущих патриархах был диаконом патриаршей церкви в Сремских Карловцах. Человек очень легкомысленный и поверхностный, живет жизнью, не соответствующей ни его сану, ни положению; по настроению не духовный и не церковный, а больше мирской. Ни авторитетом, ни особым уважением не пользуется. В сущность вещей он не вникает и принципиальных взглядов никаких не имеет, почему особенно и не интересуется всем происходящим вокруг него, а живет своею личной жизнью.

11. ВАЛЕРИАН, епископ, член нынешнего Синода. Это человек новой формации, западник по настроению и мировоззрениям. Ничем еще себя не проявил и своих убеждений не высказал. По характеру производит впечатление доброго человека, мирного и покойного, в обращении приятный и к себе располагающий. В отношении к нашей Родине равнодушен, мало о ней знает и определенных чувств не имеет.

12. МАКАРИЙ, епископ в Метохии, человек лет сорока, родом из Сербии, окончил Карловацкую семинарию и богословский факультет Белградского университета. Воспитан в любви к нашему отечеству и благорасположен к нам, но к советской идеологии относится отрицательно. В бытность свою архимандритом помогал заключенному в тюрьму Мойше Пиаде, за что в настоящее время пользуется его заступничеством и покровительством, хотя титовскую власть ненавидит и, где может, дискредитирует ее как чуждую сербству и мнящую себя коммунистической.

13. ВИССАРИОН, викарный епископ патриархии в Белграде, временно управляющий епархией в г. Выршаце в Банате. Это из румынских сербов. Окончил карловацкую старую богословию. Человек культурный, приятный в обращении и интеллигентный. В положении викарного епископа ведет себя скромно и ничем не выделяется. Добрый по душе, он и к нам питает добрые чувства, но глубины в них пока не обретается. Привыкший жить в чуждом ему австро-венгерском государстве, он и сейчас не чувствует особой тяготы в условиях титовского режима. Живет своею жизнью и в происходящее вокруг него особенно не вникает.

14. ХРИЗОСТОМ, второй викарный епископ Белградский. Родом серб, получивший образование в Белградском богословском факультете. По своему настроению вполне соответствует епископскому сану. Человек самоуглубленный, религиозно настроенный, живущий внутренней духовной жизнью. По характеру очень мягкий и в обращении нежный и ласковый. По своей духовности и церковности выделяется из всего сербского епископата. Живет внутренней жизнью, а внешняя общественно-политическая проходит мимо него. О нашей Родине знает мало, но к русским относится сердечно.

15. Епископ Сараевский, кажется, ИОАНН. Он родом из американских сербов. Говорят, человек просвещенный и по настроению духовный. Епископом всего лишь года два. За обличение антицерковной политики титовского правительства осужден на пять лет тюрьмы с принудительными работами. Пользовался среди своей паствы любовью и уважением. С ним я не знаком и знаю его лишь по отзывам других епископов.

16. Епископ Мостарский, имени не знаю, это тоже из молодых, хиротонисан в 1948 году и по отзывам человек духовный и религиозный. За свои проповеди подвергался неприятности, но тюрьмы пока избежал. Что он представляет из себя в политическом отношении, не знаю, так как с ним не знаком и только слышал о нем со слов других.

СЕРБСКИЕ ЕПИСКОПЫ В АМЕРИКЕ

17. НИКОЛАЙ, епископ Жичский, лет около шестидесяти, самый образованный из всего епископата. Окончил богословский факультет в Германии и второй — в Оксфорде; знает восемь языков. Один год был в старой России, написал много богословских трудов и проповедей. Был в Иерусалиме, на Афоне и в Америке. Хорошо известен английской и американской публике по своим философским лекциям и проповедям; пользовался среди них большим уважением и имел на них влияние. Любил Россию за ее святость и благочестие. «Святая Русь» – это его идеал. Преклонялся пред подвигом и величием русских подвижников и ни одной проповеди не говорил, не вспомнивши о них. За время оккупации был немцами арестован вместе с патриархом и после многих переселений отвезен был в Дахау. По окончании войны не захотел возвратиться в Сербию и уехал в Америку, где ведет борьбу с титовской властью и коммунизмом, за что пользуется поддержкой и большим вниманием со стороны Трумэна и его правительства.

18. ИРИНЕЙ, епископ Далматинский, ушел за время оккупации в Англию, а затем и в Америку, где пребывает и поныне и вместе с епископом Николаем ведет борьбу с титовской властью и коммунизмом. Он окончил Оксфордский богословский факультет и был до епископства преподавателем семинарии в Сремских Карловцах. Человек образованный, просвещенный, энергичный и настойчивый в осуществлении своих планов и намерений. В России был всего лишь один год как студент первого курса Ленинградской духовной академии в 1917 году. Либеральный по своему политическому мировоззрению, он все-таки не возвысился до понимания сущности советской идеологии и ее государственного строя.

19. ДИОНИСИЙ, епископ Американский, назначенный туда еще задолго до войны в сербскую колонию. Был до епископства законоучителем гимназии в Крагуевце и руководителем общества «Христианское братство». Человек экспансивный и энергичный, фанатически преданный своей миссионерской идее, но не отличающийся ни большим умом, ни познаниями. В Америке при поддержке правительства ведет ожесточенную агитацию против коммунизма, и в этом видит весь смысл своей архипастырской миссии.

Выше приведенная характеристика не указывает подхода для возможного влияния на сербский епископат в смысле привлечения его на нашу сторону; это потому, что все они крайне неустойчивы и неопределенны в своем настроении. Никогда нельзя поручиться за то, что нынешнее приятельство и дружбу они в случае выгоды не заменят недоброжелательством и враждой, но и это настроение их будет тоже временным».

Церковное служение протоиерея Иоанна Сокаля в Югославии нашло свое отражение и в других документальных материалах сборника «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953». Наиболее интересным из них следует признать письмо протоиерея Виталия Тарасьева патриарху Алексию (Симанскому) о положении дел в приходе РПЦ в Белграде. Вот его текст:

«Ваше Святейшество, прежде всего прошу у Вашего Святейшества прощения за свое столь долгое молчание, но, скажу, невольное. Оно происходило не по моей вине, а исключительно в силу причин политического характера, вследствие которых какая-либо переписка с СССР эти годы была почти невозможна, особенно для меня как советского гражданина. Теперь, когда между СССР и Югославией восстанавливаются нормальные дипломатические отношения, я счел своим долгом обратиться к Вашему Святейшеству, чтобы сообщить о том тяжелом положении, в котором находится русская церковь в Белграде, состоящая до сих пор в юрисдикции Вашего Святейшества, особенно в правовом отношении, и просить Вашей помощи и заступления. Я и раньше обращался к Вашему Святейшеству и посылал поздравления ко дню Рождества Христова и св. Пасхи, а также ко дню Вашего Ангела, но не уверен, что они доходили до Вашего Святейшества, так как ответов не получал.

По окончании войны, в апреле 1945 г. русская православная церковь в Белграде была принята в юрисдикцию Московской патриархии и включена в состав подворья Московской патриархии в Белграде. К сожалению, вопрос о подворье остался неразрешенным окончательно, так как начавшиеся переговоры по этому вопросу с Сербской православной церковью, еще при жизни почившего Святейшего патриарха Гавриила, прервались по причине наступивших в 1948 году политических осложнений между СССР и Югославией.

В январе 1950 года бывший настоятель русской церкви в Белграде протоиерей Иоанн Сокаль, уезжая из Югославии, передал мне должность настоятеля церкви на основании телеграммы Московской патриархии от 22 января 1950 г. Эта телеграмма является пока единственным документом, удостоверяющим мои права на управление русской церковью в Белграде, что, конечно, является недостаточным. Только благодаря моим личным добрым отношениям с Сербской патриархией, до сих пор никто не требовал от меня документов о моем назначении. Для сношений с местными гражданскими и духовными властями и для защиты прав и имущества русской церкви в Белграде, а равно и других сохранившихся русских церквей в Югославии, вопрос о которых также остался неразрешенным, я прошу Ваше Святейшество не отказать выслать мне от имени Московской патриархии указ, подтверждающий:

1) что русская православная церковь в Белграде, а равно и другие оставшиеся русские церкви в Югославии находятся в юрисдикции Московской патриархии и под ее защитой;
2) что я являюсь настоятелем русской православной церкви в Белграде с января 1950 года;
3) что я являюсь благочинным русских церквей в Югославии.

Одновременно с высылкой мне просимого указа я прошу не отказать послать копию его или сообщить его содержание патриархии Сербской православной церкви.

Эти проведшие почти пять тяжелых лет русская церковь в Белграде, благодаря помощи Божией и, скажу, по милости местных властей, просуществовала сравнительно благополучно, оставаясь в юрисдикции Московской патриархии и неизменно вознося имя Вашего Святейшества за каждым богослужением. Считаю необходимым обратить внимание Вашего Святейшества на то, что все русские церкви в Югославии в материальном отношении вполне самостоятельны. Они ни от кого не получают никаких субсидий или помощи и существуют исключительно на приходы от продажи свечей, тарелочных сборов, пожертвований и треб. Конечно, положение их довольно тяжелое, особенно в связи со значительным уменьшением числа русских в Югославии.

«Сербская православная церковь в лице своего епископата и священства в общем продолжает относиться довольно благожелательно к русской церкви в Югославии.

С подобной просьбой я уже обращался телеграммой к Высокопреосвященнейшему митрополиту Крутицкому Николаю, а также через Высокопреосвященнейшего Бориса, архиепископа Берлинского и Западно-Европейского, но, к сожалению, ответа не получил.

Этот указ прошу выслать мне почтой заказным письмом по адресу: протоиерею Виталию Тарасьеву, Руска церква, Таковска, Белград, или через посольство СССР в Белграде.

Испрашивая Ваших святых молитв и благословения, остаюсь Вашего Святейшества смиренный послушник и усердный богомолец. Протоиерей (Виталий Тарасьев)».

В совете по делам РПЦ в сентябре 1953 года была составлена следующая справка о приемнике Иоанна Сокаля протоиерее Виталии Тарасьеве: «Виталий Васильевич Тарасьев родился 28 апреля 1901 года в селе Новая Карань Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. В 1925 году окончил Призренскую духовную семинарию, а в 1931 году богословский факультет Белградского университета; в протоиереи возведен в марте 1940 года. Женат. Жена – Людмила Борисовна (Литвинова), 1907 г. рождения, уроженка гор. Чарджоу (Туркестан). Дети: сын Василий 1932 г. рождения, сын Андрей 1933 г. рождения. Тарасьев с 1928 г. по 1937 г. – псаломщик при Св. Троицкой церкви в гор. Белграде, в 1937 году назначен вторым священником русской православной церкви в гор. Белграде, в апреле 1945 года принят в юрисдикцию Московской патриархии с оставлением на занимаемой должности. В январе 1950 года при высылке из Югославии благочинного Московской патриархии протоиерея Иоанна Сокаля Тарасьев был им оставлен в качестве настоятеля подворья Московской патриархии в гор. Белграде. Однако имея о Тарасьеве отрицательный ответ посольства СССР в Югославии, Совет рекомендовал Московской патриархии воздержаться от оформления его благочинным русских православных приходов в Югославии и воздержаться от связи с ним.

В настоящее время посольство СССР в Югославии не имеет возражений против удовлетворения просьбы Тарасьева об утверждении его в положении главы русской православной церкви в Югославии» [22].

Что касается самого протоиерея Иоанна Сокаля, то он в означенное время исполнял должность ректора Саратовской духовной семинарии.

19 февраля 1951 года на открытом заседании Совета Ленинградской духовной академии под председательством ректора академии епископа Лужского Симеона и в присутствии митрополита Ленинградского Григория прошла защита магистерской диссертации протоиерея Иоанна Сокаля. Рецензентами диссертации были профессор протоиерей В. М. Верюжский и доцент протоиерей И. С. Козлов. После успешной защиты Ученый Совет присудил соискателю степень магистра богословия. Данное постановление было утверждено патриархом Алексием 26 февраля 1951 года.

25 июня 1953 года отец Иоанн назначается ректором Минской духовной семинарии. В 1956 году переведен ректором Одесской духовной семинарии. 20 июля 1957 года был назначен настоятелем Смоленского Успенского собора и секретарем Смоленского епархиального управления. В этой должности он встречает тяжелый период т. н. хрущевских гонений на Церковь. Вскоре отца Иоанна постигает тяжелая утрата, умирает его супруга Мария Сафроньевна. Овдовев, отец Иоанн принимает монашеский постриг в Троице-Сергиевой Лавре с именем Иннокентий. Ему было уже 76 лет. Священный Синод на своем заседании от 24 апреля 1959 года определил иеромонаху Иннокентию по возведению в сан архимандрита быть епископом Смоленским и Дорогобужским. Его епископская хиротония состоялась 10 мая 1959 года в Троице-Сергиевой Лавре. Чин хиротонии совершали патриарх Алексий, архиепископ Можайский Макарий и епископ Дмитровский Пимен. До епископа Иннокентия епархией управлял епископ Михаил (Чуб), который только в период с 1955 по 1957 годы непосредственно находился в Смоленске, а с 1957 по 1959 годы совмещал управление Смоленской епархией со служением в Германии, в Берлинской епархии. Так что нужда в своем архиерее в Смоленске была острая, а отец Иннокентий Сокаль был уже не просто знаком со всеми делами епархии, а стал родным для всех человеком. Однако уже 15 октября 1964 года он ушел на покой по болезни в возрасте 81 года.

14 мая 1965 года епископ Иннокентий скончался. Чин отпевания епископа Иннокентия был совершен 16 мая епископом Волоколамским Питиримом и епископом Смоленским и Дорогобужским Антонием. Похоронен владыка Иннокентий на Тихвинском кладбище Смоленска, рядом с могилами других почивших Смоленских архипастырей [8].

За заслуги перед Православием владыка Иннокентий имел следующие награды: Золотой наперсный крест с украшениями (определением Архиерейского Синода РПЦЗ, 1932); митра (от патриарха Алексия I, 13 ноября 1945); Сербский орден св. Саввы 4-й степени (от сербского правительства за духовно-просветительскую деятельность, 1927).

Перу владыки Иннокентия (Сокаля) принадлежат труды: «Психологический анализ личности св. Иоасафа в связи с современным состоянием русского общества» (Курск, 1911)»; «Как должны жить христиане по учению св. Иоасафа» (Курск, 1911)»; «Учение церковных писателей о Божием попущении» (Курск, 1911)»; «Бытие Бога» (София, 1938); «Путешествие Югославской делегации из Белграда в Москву на выборы Патриарха Московского и всея Руси». «ЖМП», 1945, № 4; «Покаянное чувство в молитвах и песнопениях св. Четыредесятницы» «ЖМП», 1950, № 3; «Возвращение на Родину». «ЖМП», 1950, № 4.; «Богослужения Великих Пятка и Субботы». «ЖМП», 1951, № 3; «Церковное торжество в Вязьме (освящение Свято-Троицкого собора)». «ЖМП», 1958, № 2; «Речь при наречении его во епископа Смоленского и Дорогобужского». «ЖМП», 1959, № 6 и др. Некролог, посвященный Епископу Иоанну (Сокалю) был опубликован в «ЖМП», 1965, №7 [159].

Каких-либо сведений о родных и близких владыки Иннокентия мне обнаружить, к сожалению, не удалось. Подводя итог церковно-государственному служению протоиерея Иоанна Сокаля с осени 1944 по лето 1950 годов, необходимо отметить прежде всего присущее ему высокое чувство патриотизма, искренней и сердечной любви к русской Церкви, глубокий ум и широкий кругозор, позволившие ему в сложной и противоречивой ситуации, переживаемой народами Югославии и Сербской церкви в первые послевоенные годы, сохранить доброе и искреннее отношение с братьями-славянами, всеми своими силами способствуя нормализации отношений между РПЦ и СПЦ, между народами СССР и Югославии.

7.2.К портрету Всебелорусского Экзарха Филарета (Вахромеева)

Более трех десятилетий осуществляется архиерейское служение на белорусской земле Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси (1978–2013). Продолжая труды своих предшественников, митрополит Филарет сумел за столь непродолжительное по историческим меркам время поднять еще выше авторитет Православной Церкви в Республике Беларусь, придать ей определенную самостоятельность, укрепить ее количественно и качественно, наладить плодотворное сотрудничество с Государством и всем православным миром. Труды Владыки, положенные во благо всего православного люда, уже сегодня позволяют говорить о его значительной роли в новейшей истории Православной Церкви и Белорусского Государства.

Заслуги Патриаршего Экзарха всея Беларуси – как плод напряженного труда и подвига веры – уже сегодня стали предметом пристального внимания белорусской исторической науки. В поле ее зрения находятся не только жизнь и служение на ниве Православия Владыки, но и процесс введения в научный

оборот документов и материалов, касающихся этой темы. В их числе и уникальное издание «В послушании преданный», приуроченное к 25-летию архиерейского служения митрополита Филарета в Беларуси. В этой книге будущие историки, несомненно, найдут много интересного о жизни Православной Церкви и Отечества на рубеже XX и XXI веков, а также и о личности самого Владыки, человека яркого, замечательного как в церковной, так и в светской сфере.

Помнится, с каким огромным, благоговейным вниманием вчитывался я в строки этого собирательного труда о митрополите и всебелорусском Экзархе. В ходе этого достаточно продолжительного чтения в моем сознании четко сформировался облик большого и незаурядного православного иерарха, удивительно много сделавшего для укрепления в пастырях и пасомых православной веры, явственного улучшения духовно-нравственной атмосферы в современном белорусском обществе, гармонизации этноконфессиональных отношений.

Размышляя о прочитанном и о своих впечатлениях от непродолжительных встреч с Владыкой, я пришел к выводу о том, что оценочные суждения о нем авторов сборника и мои собственные вполне совпадают – результаты деятельности Белорусской Православной Церкви в последние десятилетия, что называется, налицо, авторитет самого митрополита Филарета исключительно высок, его умение строить отношения с самыми разными людьми и инстанциями, не теряя себя, своего сана и достоинства, вызывают огромное уважение. Тогда же возникло желание запечатлеть для памяти и некоторые свои личные впечатления о Владыке.

Хочется, прежде всего, отметить такую замечательную черту характера митрополита, как умение притягивать и объединять вокруг себя самых разных, но нужных Церкви людей (осмеливаюсь и себя грешного, причислить к таковым). В начале 90-х годов, в обстановке кризиса в обществе, да и в исторической науке, я стал активно сотрудничать с «Гродненскими Епархиальными Ведомостями», видя в этой работе акт своего искреннего покаяния за многие годы жизни вне церковной ограды. Работа в этом издании меня воодушевляла, ибо благодаря ей я увидел в своих исследованиях определенную перспективу. Тогда-то и произошла моя первая встреча с митрополитом Филаретом, судя по всему, не без помощи редколлегии.

Как сейчас помню то волнение, с каким я шел в т. н. «архиерейский дом», уже давно оккупированный Гродненским мединститутом, где в одном из флигелей были покои Владыки. И хотя шел я к нему не по своему желанию-хотению, а по приглашению Высокопреосвященнейшего, я все равно сильно волновался и, прежде всего, из-за боязни повести себя не совсем по-православному. Однако мои переживания митрополит сразу же развеял своей задорной улыбкой и тотчас же прозвучавшей просьбой к секретарю: «Принесите-ка нам с профессором холодненького сока». Успокоившись, я вручил Владыке свою новую книгу, в которой было немало нового об истории Гродненской епархии конца XIX – начала XX веков. Поговорив об этой книге,

моих научных планах, Владыка пригласил меня к участию в Минских Епархиальных Чтениях. Предложение это я принял, а на прощание получил от радушного хозяина книгу В. В. Нефедова «Беседы с митрополитом Филаретом». На титульном листе я увидел автограф Владыки и его письменное благословение. Такое внимание ко мне мудрого и авторитетного иерарха не могло не окрылить.

Вслед за этой встречей последовали и другие, и каждая из них делала мое продвижение по пути к Богу все более уверенным и последовательным. Благотворное влияние Владыки на мою профессиональную деятельность нашло свое выражение в том, что я еще активнее стал участвовать в ряде церковно-исторических начинаний, написал послесловие к книге М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», впервые переизданной спустя столетие в издательстве «Лучи Софии», активизировал свою работу над монографией «Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества». Если бы не благословение Владыки и его рекомендательное письмо к ректору Санкт-Петербургских Духовных школ, где во 2-й половине XIX века работал наш земляк и где остались документальные свидетельства его трудов, то эта монография, а затем и ранее не публиковавшиеся «Лекции по русской истории» М. О. Кояловича вряд ли бы увидели свет. Поддержка митрополита побудила меня к написанию и «Очерков по истории Православной Церкви на Гродненщине» в двух частях, а также других работ по церковно-исторической проблематике, к сотрудничеству с многотомной «Православной Энциклопедией».

Благодарен я Владыке-Экзарху и за введение меня в корпорацию преподавателей Минских Духовных школ в Жировичах, за возможность читать там свои небольшие спецкурсы («Основы церковно-исторического исследования», «Основы церковного краеведения»), проводить презентации своих книг, присутствовать на годовых актах академии, выступать на кандидатских и магистерских диспутах в качестве рецензента, посильно участвовать в практической реализации Договора о сотрудничестве между Гродненским госуниверситетом им. Я. Купалы и Минскими Духовными Академией и Семинарией в Жировичах.

Из разговоров с коллегами знаю, что характерное для Владыки умение слушать и понимать, личное обаяние, авторитет, дипломатичность и глубокий ум в сочетании с доступностью и простотой общения – все это привлекало их в разное время к историко-просветительным начинаниям Церкви, направленным на консолидацию белорусского общества, на активизацию исследовательской и издательской деятельности во благо Православия. Велик вклад Владыки-Экзарха в объединение усилий светских и церковных исследователей науки и религии в целях познания Истины.

Наблюдая митрополита Филарета чаще всего в среде учащих и учащихся Академии и Семинарии, невозможно не удивляться его доброжелательности, заботливости и доступности, несмотря на высокий сан. Там, где находится он, всегда присутствует атмосфера поистине братских отношений. Его внимание к

окружающим его людям удивительно. Он, как никто другой, умеет поддержать человека в любой жизненной ситуации, дать почувствовать ему свою значимость. Знающие свое «место» среди высокопоставленных людей, окружающих Патриаршего Экзарха всея Беларуси на официальных мероприятиях и праздничных трапезах, не перестают удивляться его умению «предоставить слово» именно тому, кто во внимании к себе особенно нуждается.

Лишенный чувства самолюбования при всех своих огромных заслугах перед Церковью и обществом, Владыка негативно, но одновременно и терпеливо относится ко всякой амбициозности и притязательности. Самому Владыке не по душе чрезмерное поклонение по отношению к нему окружающих. В древнем Гродно и стар, и млад знают историю о первом богослужении в городе митрополита Филарета. Подъехав на машине к храму, Владыка увидел, что по обе стороны дорожки по пути в Собор встречающие его люди стоят на коленях. Митрополит вышел из машины и громко сказал: «Народ Божий, я не двинусь с места, пока вы не подниметесь с колен. Прошу Вас: встаньте и больше никогда так не делайте». Все встали. Только тогда, благословив встречающих его гродненцев, святитель вошел в храм.

Большой притягательной силой обладает совершаемое Владыкой богослужение. Никого не оставляют равнодушными его проповеди и публичные выступления. Неподражаемо его утонченное чувство юмора, внутренняя энергия и здоровый духовный оптимизм. Трудолюбие и неутомимость митрополита не знают пределов. Он все время в трудах, в движении. И это радует всех знающих его.

Владыка – прежде всего человек. И это находит свое проявление к другим «человекам» в любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах. Помнится, в Жировичской Академии в ожидании звонка с лекции я стоял на втором этаже учебного корпуса. Прозвенел звонок. И сразу же с лестницы, ведущей с третьего этажа, послышался веселый стук каблуков. Думая, что это студенты, я обернулся в ту сторону и невольно увидел, как буквально через несколько ступенек с лестницы спрыгнул… Владыка. Поняв, что я увидел его почти мальчишечье озорство, несколько смутившись, с улыбкой сказал мне, невольному свидетелю увиденного: «Ну что? Пойдем чайком подкрепимся…».

Такими людьми Божьими, как Владыка-Экзарх Беларуси Филарет и сильна наша Триединая Православная Церковь.

7.3.Польская проблематика в работе IX Всеславянского съезда

Согласно последней 2009 года переписи населения нашей республики белорусы составляли 84 %, великороссы – 8,3 %, украинцы (малороссы) – 1,7 %, поляки –3,1 % населения. Таким образом, из всего населения Республики Беларусь славяне составляют 97 %. И потому неудивительно, что идея единства

славян близка большинству жителей республики. Ведь славянские народы в настоящее время не просто разделены политически, а находятся в соперничающих геополитических и экономических объединениях. Но это было бы еще полбеды, так как геополитические и экономические предпочтения не являются чем-то раз и навсегда определенным. Главная проблема в том, что в условиях транснациональной информационной и культурной глобализации возникла угроза потери народами славянской составляющей их самосознания, которая лежит в основе культуры и самобытности каждого из них.

Без славянского фундамента поляки перестанут быть поляками, сербы сербами, а русские русскими. Они станут просто «почвой» для генетического усиления других народов. И это касается всех славян. Вот почему одной из главных задач в настоящее время выступает пробуждение и углубление общеславянского самосознания. Информационные и образовательные системы в современных славянских государствах в большинстве своем направлены на формирование у молодежи космополитического и безэтнического, как в странах ЕС, сознания, либо обособленного, хуторского сознания, как это имеет место в восточнославянских странах. По сути это две стороны одной медали. И «хуторской» национализм, и «общечеловеческий» космополитизм нацелены на раздробление славянского мира молотом глобализма. Последнее может произойти в том случае, если сидеть сложа руки. Вот почему сегодня представляется весьма актуальным изучение процесса славянского единения в различных странах, в том числе и у наших соседей в Польше. Большие возможности в этом отношении открывают материалы Всеславянских съездов.

1–3 июня 2005 года в столице Республики Беларусь городе-герое Минске проходил IX Всеславянский съезд, посвященный 60-летию победы славянских народов и их союзников над фашистской Германией и ее саттелитами. Съезд был созван по инициативе Международного Славянского Комитета (МСК) с целью «продемонстрировать перед международным человечеством славянское миролюбие, готовность отстаивать и защищать свои исторические ценности, традиции, обычаи, языки, свои дома и свои земли». В работе съезда приняли участие элита славянской общественности, делегации из всех славянских государств и представители славянских диаспор из восьми государств. Всего в работе съезда приняли участие 213 делегатов и более 30 гостей. Среди них – 22 парламентария, 36 профессоров и академиков, 15 доцентов, 7 ректоров вузов, 17 редакторов газет и журналов, 7 писателей, 16 предпринимателей и бизнесменов, а также представителей общественных и политических организаций, местных органов власти.

Повестка съезда предусматривала обсуждение отчетного доклада МСК о своей работе между VIII и IX съездами, работу в шести секциях, посвященных различных аспектам истории и современности славян, обсуждение и принятие документов съезда, выборы членов МСК, проведение пресс-конференций, а также участие в ряде культурных мероприятий, в праздничном шествии к монументу Победы в центре Минска. В количественном отношении делегации были представлены на съезде так: Республика Беларусь – 26 человек, Болгария

– 10, Германия – 2, Канада – 2, Киргизстан – 1, Латвия – 1, Литва – 1, Молдова – 1, Польша – 27, Российская Федерация – 72, Словакия и Черногория – 17, Босния и Герцеговина – 10, Абхазия – 1, Македония – 5, Республика Словения – 3, Республика Хорватия – 1.

Все делегации внесли свой посильный вклад в работу съезда. Активно и дружно работали над повесткой дня буквально все делегации, в том числе и многочисленная польская делегация во главе с председателем Польского Славянского Комитета, профессором Болеславом Тэйковским.

Польская проблематика получила свое освещение в отчетном докладе председателя МСК, профессора Яна Миноржа (Чехия). Он, в частности, говоря о мероприятиях комитета, отметил, что с 30 ноября по 1 декабря 2002 года в Варшаве проходила конфедерация западных славян, на которой были обсуждены вопросы об угрозе германизации лужицких сербов, об реваншистских требованиях выселенных немцев на захват земель Чешской республики и Польши о вовлечении западных славян в НАТО, Евросоюз и их отлучении от других славян. Проведенная конференция, по словам докладчика, «подтвердила неопровержимость (незыблемость. – *В. Ч.*) результатов Второй мировой войны, призвала к образованию польско-чешско-словацкой конфедерации на защиту прав западно-славянских государств, как предлагали во время смертельной опасности для наших народов президент Бенеш и генерал Сикорский». Указывая на угрозу славянам со стороны сил глобализма, Я. Минарж призывал славянский мир к единению, «необходимому для выживания и грядущего наших народов».

В ходе обсуждения доклада Минаржа с яркой и убедительной речью выступил глава польской делегации профессор Болеслав Тэйковский. Продолжая мысль докладчика о том, что «глобализм лишает славянские государства подлинного суверенитета», он подчеркнул: «Глобализм несет богатство меньшинству, выслуживающемуся перед Западом, обрекая большинство населения на нищету, безвольность (в Польше таких людей 600 тысяч) и на безработицу, равную здесь 6 млн. человек. Кроме этого глобализм несет с собой множество общественных патологий, таких как коррупция, мафия, наркомания, безнравственность…

Самой близкой целью Запада является установление в Украине и Белоруссии глобализма, а также интегрирования их с Европейским сообществом и НАТО. Это может завершиться удачно только при установлении в этих государствах прозападной власти и запрете интегрироваться с Россией. Этот вопрос имеет ключевое значение для экспансии глобализма, направленной к разрушению славянского единства. Поэтому понятно, почему Запад использует такое большое количество агентов, такое множество финансовых и пропагандистских средств с тем, чтобы использовать украинские президентские выборы для создания антироссийской и прозападной власти и для предания Украины в жертву глобализму. Считаем, что славянские народы не разрешат выхватить Украину из славянской семьи народов!

Так же, как и на Украине, Запад хочет использовать в будущем году президентские выборы в Беларуси. Дело в навязывании белорусам антироссийской, прозападной власти, которая введет в Белоруссии капиталистический глобализм и совершит интеграцию с Западом. Уже сейчас США и Европейское сообщество готовят для этой цели значительные финансовые средства и многочисленные отряды агентов. В этом низкопробном действии, раньше антиукраинском, сейчас антибелорусском и всегда антироссийском, Запад особенную роль доверил прозападной власти в Польше, управляющей вопреки самым жгучим интересам польского народа, настраивающей поляков против братских славянских народов, отрывающей Польшу от Славянщины. Но польский народ от Славянщины оторваться не позволит!

Власть и масс-медиумы в Польше усиливают антибелорусскую пропагандистскую кампанию, в которой ложно обвиняют Белоруссию в нарушении принципов демократии и прав человека, преследовании оппозиции и национальных меньшинств, изоляции от Европы и обречении белорусского народа на отставание и нищету. В Польше – следуя примеру США – призывают к свержению в Белоруссии законной власти и введению прозападной власти, которая оторвет Белоруссию от связей с Россией, включит в НАТО и Европейское сообщество, а также совершит приватизацию, а значит, распродажу белорусского национального достояния западным капиталистам.

Правительство в Польше намерено открыть диверсионную радиовещательную станцию «Вольная Белоруссия», а при помощи собственных и западных спецслужб вербует среди белорусов и среди поляков, а также католических ксендзов в Белоруссии, агентов, имеющих отношение к нужному для Запада исходу белорусских президентских выборов».

Говоря о том, что «сегодня Беларусь защищает вольную часть Славянщины от глобалистической мерзости, от которой не защищалась Польша, оратор отметил: «Честь и слава Славянской Белоруссии! Мы апеллируем к Союзу поляков в Белоруссии – не позвольте втягиваться в антибелорусскую деятельность! Не забывайте, что вы поляки – славяне, Братья белорусов, граждане братской Белоруссии!

Главная пропагандистская кампания сегодня направлена против России, которую считают врагом и тенденциозно делают ее ответственной за Царскую Россию и Советскую Россию. Власть и масс-медиумы в Польше ложно обвиняют Советский Союз в равной с фашистской Германией ответственности за подготовку Второй мировой войны. Освобождение от немецкой оккупации они называют новой советской оккупацией. Осуждают Ялтинскую Конференцию, которая возвратила Польше земли по Одеру и Нысе. Эти восстановленные земли они называют германскими, отданными Польше Советским Союзом для того, чтобы поссорить поляков с немцами, которые потребуют эти земли, т. к. имеют на них право. Современную Россию обвиняют в отсутствии демократии, а также обвиняют в империализме,

угрожающем Польше и другим государствам. Такие же лживые взгляды произносили представители правящих и оппозиционных партий 9 мая в Старгарде-Щециньском во время манифестации, требующей разрушения Колонны Победы, построенной в честь свыше 2 тыс. советских солдат, погибших в борьбе с германскими и французскими военными частями СС за возвращение Польше Старгардской земли.

Антироссийскую пропагандистскую кампанию ведет единогласно нынешняя власть и сеймовая оппозиция. Ее геополитическая цель – это постоянная вражда между Польшей и Россией, которая должна привести к окончательному разделению Славянщины, с возможностью использования ее западной части против восточной. Вражда и изоляция по отношению к России подвергают Польшу великой опасности, полностью ставят нас в зависимость от Запада, особенно от Германии, которая использует это для оспаривания наших прав на западные рубежи и всяким ялтинским соглашениям. Поэтому Польша наиболее безопасная в союзе с Россией!

Мы должны повлиять на собственные народы и их власти, что бы мы взяли на себя всестороннее сотрудничество с братскими славянскими государствами. Пусть мы образуем форум парламентариев, философов, историков, политологов, социологов, экономистов, юристов всех славянских государств с целью общего развития этих отраслей и разработки общих славянских народов. Пусть о Славянщине говорят славяне, а не псевдонаучные агенты Запада.

Затронул польскую тему при обсуждении отчетного доклада и председатель Славянского комитета Украины Николай Лавриненко, в частности, отметив следующее: «Славянский комитет Украины всегда открыт для сотрудничества и подставляет свое плечо как соотечественникам, так и всем братьям-славянам как только может и где только может. Мы считаем, что дележ лавров должен нас заботить (Бог справедлив – воздастся каждому по делам его), нами должна двигать взаимность во всем – в малом и великом. Думается, что нам всем следовало бы перенять опыт польских товарищей. Польский Славянский Комитет во главе с Болеславом Тэйковским и Барбарой Кригер вместе с другими патриотами Польши сумел создать коалицию из общественных организаций и многих политических партий. Вместе они борются и отстаивают интересы и права всех соотечественников».

Откликаясь на выступления Болеслава Тэйковского, заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь Олег Пролесковский, в частности, отметил: «Иметь мужество жить своим умом – это значит автоматически обеспечить противодействие глобалистов. Белорусы всегда будут приветствовать и поддерживать любые инициативы славянского единения.

Экономическая и политическая стабильность республики делает нашу территорию привлекательной для жизни представителей разных национальностей и конфессий. 50 % населения Беларуси считает себя

верующими, более 80 % из них православные, 15 % – католики, 5 % составляют другие конфессии.

На территории Беларуси проживает более ста национальностей. Благодаря взвешенной и открытой политике Президента, в республике сохраняется межэтнический и межконфессиональный мир. Развиваются культурные традиции разных национальностей, издаются книги на различных языках. Это возможно только благодаря славянской толерантности».

О формах достижения славянской интеграции, о национальных попытках создания Славянского Парламентского Союза говорил в прениях по докладу председатель Белорусского Славянского Комитета, профессор Сергей Костян: «Я думаю, что из-за отсутствия вот этого органа мы часто на международных форумах не можем отстаивать наши славянские интересы. А если бы был такой орган, то нам было бы гораздо проще. Вы посмотрите, что сегодня гласно имеют и негласно, у чехов требуют как бы подспудно и говорят, что вы же теперь в НАТО, вы же и в Евросоюзе. Какие тут границы? Отдайте Судетские земли Германии, Померанию забрать у поляков. Ведь мы же сейчас якобы одно государство, поэтому пусть эти исконно чешские и польские земли принадлежат снова Германии. Но в этом-то вся и суть. Так вот постепенно немного у этих отнимем, немного у этих и будем тихой сапой уничтожать славян. А что с маленькой Македонией? Практически сегодня хотят уничтожить эту славянскую страну, половину страны отдать Албании. Как у сербов Косовский край практически уже отняли. То же самое и у Македонии. Да чего глаза закрывать? А что, в России проще? Россию тоже хотят разделить на 60 карликовых государств. Русскому народу практически запрещено называться русскими. Япония хочет отнять часть территории у России. Втихаря все это делается. Поэтому нам, славянам, надо иметь свои организации».

Значительно дополнили доклад Болеслава Тэйковского и другие члены польской делегации. Некоторые из них откликнулись и на предложения Сергея Костяна. Вот что сказал член Британско-Польского парламентского клуба Богдан Партыцкий: «Я хочу поделиться ситуацией в Польше. Наше участие в войне против Ирака поляками воспринято неоднозначно. Поляки помнят потери в годы Второй мировой войны. Но немцы осложняют нашу жизнь в Евросоюзе. У нас большая безработица. Не во все страны Евросоюза поляки могут поехать на работу. Только в шесть стран без виз за свои деньги. Нужно, чтобы правительство Евросоюза четко определило, кому – боб, кому – горох, кому – капуста, кому – петрушка.

Когда Польша послала свои войска в Ирак, Жак Ширак сказал, что поляки должны сесть в край стола и молчать.

Бойкот Евросоюзом Беларуси и Лукашенко несправедлив. Нужно принять резолюцию к Тони Блэру о прекращении бойкота Беларуси и ее руководства.

Работу Славянского Парламентского Союза нужно восстанавливать. Хотя в Парламенте Польши либералы настроены на Запад. При Славянском

Парламентском Союзе нужно создать консорциум для продажи товаров, произведенных в славянских странах, и реализации их на рынках славянских государств». Мысли и предложения Партыцкого поддержал Влодимеж Рынковский: «Поздравляю всех наших друзей из славянских стран. Спасибо Беларуси за хороший прием. Я бы хотел сказать коротко, что Польша сейчас стала колонией Запада. 90 % банков принадлежит Западу, все газеты принадлежат западным олигархам, промышленность разрушена, Польша как страна, можно сказать, не существует. Не может быть сотрудничества между Польшей и другими странами, потому что товаров польских просто нет. Польша из промышленной страны стала аграрной и находится на последнем месте в Европейском Союзе. Я верю, что так, как Польша вошла в Европейский Союз, так из него и выйдет. Славянское движение в Польше существует. Но только оно не существует в парламентарных организациях. Весь польский парламент, к сожалению, можно сказать, перешел на другую сторону, но верю, что это изменится».

Весьма содержательным было выступление на съезде представительницы польской делегации Барбары Кригер. Главную мысль выступления можно представить следующим тезисом. «Современная цивилизация уже давно исчерпала свою жизненную силу и нам нужен Новый Ренессанс. А что мы как славяне можем способствовать, каким образом? Поэтому заглавие моего доклада «Уникальность и значение славянского космизма как вклада в Новый Ренессанс». А почему так? Потому что все вопросы человека, все цивилизации в жизни в современном мире могут быть решены только в планетарном масштабе. Я специально употребляю – не в глобальном, а в планетарном масштабе».

Высокую оценку выступлению Кригер дал главный редактор российского журнала «Антей» Павел Тулаев: «Я не буду про себя много говорить. Я работал во многих странах мира: в Америке, в Испании. Должен поблагодарить Барбару Кригер, я ей аплодирую, она говорит, женщины нас вдохновляют. Обратите внимание, женщины. Мужчины, думайте о будущем».

Обширный и глубокий анализ современных левых сил в Польше дал Роман Мазуркевич (Польша). Свое выступление он завершил словами о том, что левые силы стремятся к введению и соблюдению принципа раздела государства от костела, политической нейтральности государства, светского характера публичных школ, а также государственных учреждений. Польские левые силы, защищая права человека, категорически протестуют против агрессии на суверенные государства, против нарушения международного права и независимости международных учреждений, стоящих на страже этого права. Польские левые силы – это второй фактор геноцида.

Выступают против одностороннего и тенденциозного представления событий новейшей истории, отрицания и опошления истории народной Польши и других бывших социалистических стран, против осквернения и варварского уничтожения памятников истории социализма, а также переименования улиц, площадей и других памятных мест исторического, социального характера.

Левые силы считают, что хорошие взаимоотношения государств, особенно государств-соседей, – это не внутреннее дело Польши или Чехии, это касается всех нас, славян, всех славянских стран. Наконец, позвольте передать от современных польских левых сил и настоящих многих польских патриотов сердечные пожелания и всего хорошего в жизни нашей близкой соседке и самой близкой славянской сестре Беларуси!»

О реальности угрозы западным славянам со стороны Германии говорил не раз в ходе съезда и основной докладчик на IX Всеславянском съезде Ян Минарж: «Организации немцев, составлявших в свое время ~~–~~пятую колонну" Гитлера и выселенных впоследствии из Чехословакии и Польши, требуют возвращения имущества, изъятого у них в соответствии с международным правом в качестве репараций. Германизация в настоящее время грозит чехам и полякам – славянским народам, стоявшим веками на западной границе славянской части Европы. Это официальная программа законно выселенных немцев, которую поддерживают некоторые представители немецкого правительства, а в последнее время – и премьер-министр Баварии Штойбер. В правительстве ЧР говорят ныне о чешско-немецких отношениях как о самых лучших в истории. Важной угрозой суверенитету является продажа земли иностранцам, особенно немцам в рамках законов ЕС, на что и опираются в своей программе реваншисты. Постановление Правительства Республики Беларусь о запрете продажи земли и народного имущества в контексте с этим оказывается мудрым и дальновидным. Поэтому враги славян называют Президента Лукашенко недемократом.

Воинской силой капиталистической глобализации является НАТО. В этом наследии холодной войны главное слово принадлежит США, которые стараются окружить Россию своими военными базами. Почему, если постоянно говорят о мире? Хищники выступают как друзья жертв. Сверхопасно стремление настроить славян друг против друга. Чему служит профессионализация армий? Явно превращению народных армий в наемников под чужим командованием. Эту экономическую, политическую и военную угрозу славяне должны чувствовать, а поэтому их долг – принимать решения для защиты своих народов, земли, языка, культуры и будущего новых поколений.

Славянское содружество, всестороннее взаимное сотрудничество и поддержка помогли славянам выжить. Но обстановка в мире вновь становится для нас опасной. Нельзя допустить разделения славян. Надо упорно противостоять германизации и ее коллаборационистским помощникам.

Во времена Великой отечественной войны девиз «Смерть оккупантам и изменникам» стал законом. Славяне опять в бою, изменилась только его форма. Отступать нельзя! Мы не хотим стать ничьими рабами! Мы этого не допустим!»

Яна Минаржа поддержал в данном вопросе другой делегат от Чехии – Станислав Гроспич. Он, в частности, отметил: «Сегодняшним представителям ЕС

не нужны сильные национальные государства. Их хотят заменить маленькими регионами, которыми проще управлять. Эти регионы не совпадают с нынешними государственными границами. Государства чехов, словаков и поляков после вступления в ЕС очутились на грани своего существования. Вместе с тем, все более и более актуальным становится вопрос сохранения и дальнейшего существования самих наших народов. Именно поэтому большое значение имеет взаимная поддержка не только между народами западных славян, но и между всеми славянскими народами.

Атака на наши народы ведется разными путями – подстрекательством к религиозной и национальной вражде, а также открытым давлением, например, со стороны судето-немецкого ландсманшафта. Не стоит говорить о том, что давление направлено в первую очередь на Польшу и Чешскую Республику. Именно в контексте вышесказанного серьезной угрозой для наших народов является немецкая финансовая и промышленная олигархия, умело поддерживающая национализм и шовинизм, выдвигающая свои требования ревизии результатов Второй мировой войны.

Можно возразить, что Евросоюз внешне поддерживает национальную культуру и что, напротив, будет гарантировать развитие наших народов. Да, представители ЕС демонстративно перед народами говорят о народных традициях. Однако их поддержка заканчивается созданием землячеств и кружков по интересам. ЕС будет гарантировать сохранение народных традиций как местного фольклора, но из-за своей капиталистической сущности он на самом деле приведет к утрате национальных особенностей в интересах крупного капитала. Уже сегодня нас пытаются заставить думать, что чехи – не славяне, а европейцы. То же самое происходит в Словакии и в Польше. Нам даже стараются внушить, что мы по происхождению не славяне, а кельты и что славяне на нашей территории ассимилировались с кельтами. Эти ложные аргументы очень опасны, поскольку они готовят почву для ревизии нашей истории. Вероятно, именно с этой целью количество уроков истории в наших школах сокращается. Дети знают только некоторые отдельные фрагменты нашей истории.

Внушая идею, что именно ЕС является неизбежной формой интеграции народов, подсовыванием спекуляций, что народы вместе со своими государствами только после вступления в ЕС станут составной частью Европы, и своей идеологией о «европействе» представители Евросоюза создают новый, так называемый европейский национализм и шовинизм. Этот новый национализм содействует только реализации великодержавных планов господствующих представителей наиболее многочисленных народов в ЕС. Народ, который требует культурных, политических и экономических гарантий своего существования в форме суверенного государства, не проявляя при этом высокомерия по отношению к другим народам, не допускает ни национализма, ни шовинизма, а мы, славянские народы, ничего другого не требуем. В то же время очень опасен тот факт, что политические силы в наших странах, выступающие против эксплуатации, финансовой и про-

мышленной олигархии или против капитализма как общественной системы, которая под лозунгами интернационализма игнорирует необходимость борьбы за национальную независимость и самостоятельность народов, довольствуются только формальным признанием их равенства. Интернационализм – это не только признание равенства народов, как это воспринимают данные политические круги. Интернационализм – это, прежде всего, полное согласие с интересами собственного народа и способность помочь другим народам».

С тревогой об ослаблении позиций русского языка в славянском мире говорил профессор Валерий Чудинов (Россия). В этой связи он отметил, что на этом фоне наиболее благоприятная ситуация складывается в Беларуси, а хуже – на Украине. При этом он затронул и польский аспект темы: «В Белоруссии русский язык не только изучается в школах, но, и это достойно всяческой похвал, он признан государственным наряду с белорусским. Между тем, такого положения нет в соседней Украине, хотя половина этой страны считает русский язык своим родным. Там, напротив, русский язык изгоняется не только из школ и вузов, но уже и из СМИ: русскоязычные каналы радио и телевидения там закрываются. А идеалом украинского языка провозглашается язык польский. Хотя Польша действительно ближе к Западу, и в то же время является славянской страной, ее идеалы все-таки в ближайшей исторической ретроспективе отнюдь не были славянскими (когда-то ее идеалом была Франция, а в XX веке им стала Германия), а сам польский язык все-таки не столь гибок и выразителен, как язык русский. Однако когда из школьного курса литературы исключают произведения такого классика, говорящего о величии поляков именно как славян, как Генрика Сенкевича, становится ясным, что Польша все больше удаляется от славянских идеалов. Но именно к этому и стремится сегодня украинская националистическая политическая элита. Это крайне недальновидно».

Весьма содержательным и оригинальным было выступление кинорежиссера Богдана Порембы (Польша): «Я хочу сказать, что приехал в Польшу несколько лет назад один германец. Это человек, который приехал сделать колонию из Польши, как высокий управник Европы, влюбился в Польшу, в поляков, женился на польке. Он стал нашим самым большим бойцом против вхождения в Европу. Он написал даже книгу, которая называется «Защищайте Польшу». Написал так: «Вот была когда-то эпоха арийская, она принесла Европе огромный ущерб. Есть сейчас эпоха американская, она в закате. И приходит время на эпоху славянскую». Это пишет немец, германец. И только славяне могут еще спасти мир. Он пишет это, потому что в Польше, которая для меня так испортилась, в которой уже есть столько лет – 15 лет – денационализации, уничтожение патриотизма, уничтожение человечества, уничтожение доброты, уничтожение всего, что не вяжется с деньгами, что не вяжется с душой. Но для него еще наша страна, она имеет хотя бы кусок души, и потому он стоит за нами. Я такими тезисами хочу говорить, потому что времени нет.

Я вчера поднял тост за знаменитого белорусского режиссера Виктора Турова. Виктор Туров отдал свою жизнь теме «Свое творчество», теме Второй мировой войны, человечеству в этой войне, особенно партизанским боям. Он был руководителем объединения здесь, в Минске, я был в Варшаве, и через немного лет мы поставили четыре очень важные картины на ту тему – тему боев польских и белорусских партизан. Был такой бой, Яновский, где в одном из немецких окружений большой дивизии германской защищались вместе партизаны и русские, и белорусские, и польские, и словацкие. Но об этом у нас умалчивается. Отсутствует совместная работа славян. Если что-то делается, то только коммерционно. Никто не думает. Я очень часто слышу: как у вас в Польше все улучшилось. Неправда. С каждым годом в Польше мы живем хуже и хуже. Это только в сравнении может так казаться, потому что никто не сравнит одной страны с другой. Только сравняется годами лучше – хуже, хуже – лучше. Вам врут, что у нас три миллиона безработных. У нас уже пять. Только говорят о тех, которые зарегистрированы. Я вам скажу, как улучшается. В польских школах под давлением Европы нет уже Сенкевича как писателя, изъяли из школьных программ. Не встретите Толстого или Чехова.

Есть у нас политическая организация, которая называется «Сорож». Ее возглавляет некто Шоров, который хотел столкнуть Беларусь с Украиной. И в этой организации состоят почти все наши влиятельные политики. В Регламенте «Сорож» написано: уничтожать польский патриотизм. У них это называется национализмом. И наши премьеры, и наши министры в этой организации. Они сами уничтожают Польшу. В Европе есть традиция. Англичане говорили в годы Первой мировой войны, что самое лучшее, когда Польши нет, когда граница будет между русскими и германцами, чтобы они занимались собой. По-моему, на этом строится сейчас уничтожение государства польского, оно почти не существует. Армия с 400 тысяч увеличилась до 150. Что сделала эта организация «Сораж». Она провела научную конференцию, на которой рекомендовали ученикам не читать Мицкевича, Сенкевича, потому что они уже национализм. Деньги на кино есть только на коммерцию или на глобалистические фильмы, прославляющие американские ценности. У нас был высокий уровень образования. Нас учили не только профессионализму, но и формировали духовную базу, учили истории, географии, польскому языку. Когда-то Геббельс сказал, что не нужно убивать народ, достаточно лишить его истории, лишить исторического мышления. И не надо войны.

Я хочу еще сказать так, культура – это же слово латинское. Оно означает «управлять». Управлять и душой, и умом. Это все накладывается на нашу культуру. И наша культура – это культура, которая воюет за добро, правду и красоту. И скажите мне, где эти ценности сейчас. Какое это имеет влияние на душу молодого человека. А у нас молодежь испытывается так, чтобы она была безответственна, чтобы ей только легко было жить, чтобы жить и ничего не давать.

У нас властвует культура эгоизма. Живешь только для себя. И когда можешь быть волком, который может загрызть другого волка. Вот человечество. Я еще хочу сказать, мы еще до того не дошли, но это у нас уже совсем открыто, это на телевидении, в газетах. Я хочу сказать, что мы не имеем сейчас, кроме одной католической, ни одной газеты в руках поляков, все газеты у нас германские. Чему они учат женщину молодую: не как быть матерью, женой, любимой, а как быть куклой Барби; молодого человека – как быть плейбоем. Я не знаю, что будет, если придется защищать Родину. Если мы ее не спасем, и вы нам не поможете».

Весьма остро говорил о проблемах в российско-польских отношениях, имеющих исторические корни, Леопольд Коробач (Россия): «В августе 2005 года наступит время широко отметить 61-ю годовщину Варшавского восстания, не забыв выставить претензии к России: почему не помогли восставшему народу? Заодно вновь поднять вопрос о Катыни и предъявить претензии за решения Ялтинской конференции, отдавшей Польшу во власть Советов. Однако освещая решения Ялтинской конференции, польские СМИ почему-то не вспоминают, что благодаря решениям именно этой конференции территория Польши увеличилась на треть и что Щецин – это Штеттин, Вроцлав – это Бреслау, Свиноусьце – это Свинимюнде. И что эти границы утверждены подписанным в Москве Договором «О советско-польской границе», которому 16 августа 2005 года исполнилось шестьдесят лет.

Одной из очень важных вех «демократизации» Восточной Европы западные СМИ уделяют исполняющейся 31 августа 25-й годовщине подписания Соглашения забастовщиками судоверфи в Гданьске и преобразованию 17 сентября 1980 года Стачечного Комитета в профсоюз «Солидарность». Мало кто помнит, даже в Польше, что поводом к лавине забастовок летом 1980 года послужило увольнение работницы верфи Анны Валентинович без согласования с профсоюзом. Стачечный Комитет предприятий Гданьского побережья сформулировал 21 требование экономического, социального и политического характера, которые были положены в основу соглашений, заключенных между представителями предприятий и Правительством в трех промышленных центрах Польши: в Гданьске, Щецине и в Ястшембе, центре угольной промышленности. Впоследствии эти требования отлили на плитах из чугуна и разместили на проходной судоверфи. Требования, кстати, не выполнены до сих пор.

Возглавлял профсоюз симпатичный электрик судоверфи – Лех Валенса. Тот самый Лех Валенса, который, став президентом Польши и лауреатом Нобелевской премии за «продвижение демократии» на Восток в августе 1996 года в Кракове, организовал международный «круглый стол», на котором с пафосом заявил: «России нет места в семье цивилизованных народов». Тот самый бывший президент Польши, который примчался в 2005 году в Киев «для проведения демократизации» в Украине, где основным оружием «демократизации» была использована все та же русофобия.

На завершающем этапе работы съезда руководитель польской делегации Болеслав Тейковский сделал заявление, которое стало своеобразным резюме по польской проблематике. Польша была, есть и будет частью славянского мира. Политики нашей страны тянут нас в европейскую унию вопреки воле народа, и поляки тем более демонстрируют свою волю, чтобы возвратиться к сотрудничеству со славянским миром. Мы знаем, что польская власть, которая действует вопреки воле народа и представляет чужие интересы, расширяет пропаганду, что наши противники или враги – это восточные страны. И теперь развязалась кампания, что в Беларуси нет сохранения прав человека, что есть антигуманитарная диктатура. И призывают к изменению или почти к свержению легального правления в Беларуси. И то же самое по отношению к России. И теперь для нас очень серьезная задача, чтобы внедрять мнение в общественные круги, что это лживая пропаганда, и ведется она не в интересах поляков. Наша официальная власть внедряет своих агентов даже среди поляков, проживающих на территории Беларуси. Наша задача, чтобы информировать поляков в Беларуси, что это очень лживая и недостойная задача – выступать против легальной власти Беларуси. Это раздражение Запада возникает из-за того, что как раз Беларусь не поддалась, Беларусь осталась свободным государством, что Беларусь не подчиняется глобалистским и сионистским международным организациям. И это очень недостойная деятельность власти Польши, которую мы не можем назвать нашей, чтобы не противопоставлять славян – поляков другим славянам. Это не получится потому, что после вступления Польши в европейские структуры жизнь ухудшается для большинства граждан. 600 тысяч бездомных и 6 миллионов безработных. Несколько тысяч богатых, которые разворовали наше народное богатство. И теперь как раз возникли условия, при которых наша агитация имеет смысл и будет иметь силу».

В заключительном документе, принятом на съезде, о перспективах славян говорилось: «Сегодня в славянском мире 13 государств: Республика Беларусь, Республика Болгария, Босния и Герцеговина, Республика Македония, Республика Польша, Российская Федерация, Словацкая Республика, Республика Словения, Республика Украина, Республика Хорватия, Чешская Республика, Сербия и Черногория. Каждая нация имеет право на самоопределение, каждый народ имеет право на государственную независимость. Создав независимые государства, славянские народы, как немцы, французы, итальянцы и другие нации, имеют право на объединение в Славянский союз – федерацию или политическую систему, формулой которой стал бы девиз: «Един славянский мир, но много государств; един славянский народ, но много национальностей; един славянский язык, но много наречий; едина славянская цивилизация, но много национальных культур». При доброй политической воле уже сегодня вполне возможно создать Лигу славянских государств, в которую бы входили Югославская федерация, Западнославянская федерация, Союзное государство восточных славян. Ее задача – сохранение целостности славянского мира,

единого экономического и политического пространства, нравственных, культурных, духовных ценностей и традиций.

Пример политического объединения показывают Беларусь и Россия, создав Союзное государство. Но их опыт свидетельствует, что любая попытка интеграции на постсоветском пространстве вызывает невероятное сопротивление, яростную истерику и противодействие могильщиков славянской цивилизации. Примером тому является резолюция Конгресса США № 304, принятая 13 апреля 2000 года, в которой осуждается создание Союзного государства, объединяющего народы Беларуси и России.

Славяне в основной своей массе осознают всю остроту и трагичность положения, в которой оказался славянский мир в начале XXI века, понимают важность и необходимость единения братских народов, как это чувствовали и понимали наши предки в дни испытаний и готовы к действию. Преодолев кризис и раздробленность, впитав опыт предыдущих поколений, мы снова выйдем на дорогу процветания и прогресса».

В заключение хочу отметить, что в основу данного доклада был положен капитальный исторический источник «IX Всеславянский съезд. Стенографический отчет 1–3 июля 2005 года. Минск», увидевший свет в 2007 году в издательстве «Белый Ветер», г. Мозырь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрушкевич, И. Н. К истокам российского констуционализма / И. Н. Андрушкевич // Русский вестник. – 1993. – № 27.
2. Андрушкевич, И. Н. Русские военные традиции и заветы как источник для политических идей при возрождении России / И. Н. Андрушкевич // Русский вестник. – 1993. – № 47–49.
3. Архив Управления Комитета государственной безопасности (УКГБ) Республики Беларусь по Гродненской области – Д. П–20081.
4. Архив УКГБ РБ по Гродненской области. – Д. П – 7646.
5. Архив УКГБ РБ по Гродненской области. – Д. 31302. – Л. 17–28.
6. Архив УКГБ по Гродненской области. – Д. 31302. – Л. 34–51.
7. Архив УКГБ РБ по Гродненской области. – Д. 598. – Л. 1 – 465.
8. Архив УК ГБ Республики Беларусь по Гродненской области. – Д. П 22214.
9. Афанасьева, Т. Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки / Т. Ю. Афанасьева. – Гродно: Град. тип., 2007.
10. Афанасьева, Т. Ю. Из рода Ланских / Т. Ю. Афанасьева // Гродненская правда. – 29 августа 1996 г. – С. 4.
11. Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 5. – Минск: БелЭН, 1982.
12. Большая Советская энциклопедия, Т. 7. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – С. 21–22.
13. Букчин, С. Из села Достоева / С. Букчин // …Народ издревле наш родной: Русские писатели и Белоруссия. Очерки. – Минск: Народная асвета, 1984. – С. 176–191.
14. Черепица, В. Н. «Достигли Немана – и копья водрузил...» Русские писатели и Гродненщина в 1812 году / В. Н. Черепица...Дай нам руку в непогоду: Деятели русской культуры XIX – начала XX веков и Гродненщина. – Гродно: ГрГУ, 1997. – С. 15–16.
15. Вабішэвіч, А. Ільяшэвіч Хведар / А. Вабішэвіч. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: «БелЭн імя П. Броўка», 1996. – С. 481–482.
16. Википедия. Электронная энциклопедия. – Режим доступа: wikipedia.org/wiki/ – Дата доступа: 13.03.2012.
17. Вестник Европы – март 1886. – С. 100–103; Исторический Вестник. – февраль 1885. – С. 439–441.
18. Вестник Юго-западной и Западной России. – 1865. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 35–37.
19. Віц-Маргулес, Б. Лурье Соломон Яковлевич / Б. Віц-Маргулес // Энцыклапедыя гісторыі Беларуси. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 402.
20. Віц-Маргулес, Б. Неўміручая антычнасць / Б. Віц-Маргулес // Гродзенскі ўніверсітэт. – № 10. – С. 6–7.
21. Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия

(РОСПЭН), 2009. – Т. 1. – С. 140–141, 145–146, 262, 380–383, 418–420, 549–554, 696–697.
22. Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т. 2. – С. 115–119, 332–334, 363–367, 479–486, 1116–1119.
23. Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы: Бібліяграфічны даведнік / пад рэд. В. М. Чарапіцы. – Гродна: ГрДУ, 1999.
24. Вясковы каляндар 1944 г. – Беласток–Гродна, 1943. – С. 21–23.
25. Габрусевіч, С. А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: Гістарычны нарыс / С. А. Габрусевіч, І. П. Крэнь. – Гродна: ГрДУ, 2001. – С. 30–31.
26. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 55а. – Л. 51.
27. ГАГО. – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 55а. – Л. 2.
28. Галай, С. М. Еврейские погромы и роспуск I Государственной Думы в 1906 году / С. М. Галай // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 23–42.
29. Гродненский государственный историко-археологический музей (ГГИАМ). – Ф. 9017. Обвинительный акт об Иване Бакуновиче, Михаиле Новаковском, Петре Савицком и др. Без даты. – С.1–4.
30. Долготович, Б. Б. Военачальники земли белорусской / Б. Б. Долготович. – Минск, Бел ЭН, 2005.
31. Дубровин, Н. Ф. Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1878. – С. 505.
32. Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1874. – Т. 1. – Кн. 1. – С. XIV–XV.
33. Дубровин, Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1900. – С. XIV–XV.
34. Дубровин, Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. – СПб., 1884. – Т. 1 – III.
35. Дубровин, Н.Ф. Трехсот-сорока-девяти-дневная защита Севастополя / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1872. – С. 1. –II.
36. Емельянчык, У. Крупчыцкі бой 1794 / У. Емельянчык / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск.: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 266.
37. Историография истории России до 1917 года: в 2-х томах / под ред. М. Лачаевой. – М., 2003.
38. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева. – М., 1971. – С. 253–254.
39. История Польши в исторической традиции XIX – начала XX вв.: материалы международной конференции (Гродно, 29–30 октября 2009) / ГрГУ им. Я. Купалы; под общ. ред. Т. Т. Кручковского. – Гродно, 2011. – С. 76–78.
40. История родов русского дворянства: в двух книгах. – М.: Современник, 1991.

41. Казанцев, Н. Л. Достойная романа жизнь старшего русского скаута / Н. Л. Казанцев // Наша страна. – 2009. – № 2880. – С. 3–6; Паламарчук, П. Русские монархисты в Аргентине / П. Паламарчук // Слово. – 1999. – № 6. – С. 33–38.
42. Казлоўская, П. Р. Барская канфедэрацыя / П. Р. Казлоўскі / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Н.Р. Казлоўскі. – Мінск.: БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 311–312.
43. Калеснік, У. А. Час і песні. Літаратурныя нарысы і партрэты / У. А. Калеснік. – Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры. – Мінск, 1962. – С. 49 – 50.
44. Карпюк Іна Анатольеўна // Выпускнікі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы: Бібліяграфічны даведнік / пад рэд. В. М. Чарапіцы. – Гродна: ГрДУ, 1999. – С. 221–222.
45. Карпюк, І. А. Цыгельніцкая Фаня Абрамаўна / І. А. Карпюк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 2. – С. 111.
46. Киприянович, Г. Соборный протоиерей Иосиф Семашко / Г. Киприянович // ЛЕВ. – 1893. – № 26. – С. 214–218.
47. Клейн, Б. С. Недосказанное. Имена / Б. С. Клейн. – Минск: Лимариус, 2008. – С. 22–29.
48. Климаков, Ю. Кровавая свобода. Преступления против России и русского народа / Ю. Климаков // Молодая гвардия. – 1995, № 1. – С. 206–220.
49. Климаков, Ю. Кровавая свобода… . – С.22; Черепица, В.Н. Звенья цепи единой… / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 50–72.
50. Книга Русской Скорби. – СПб., 1908. Вып. 1. – С. 154–159.
51. Книга Русской Скорби. – СПб., 1908. – Вып. 2. – С. 46–48.
52. Книга Русской Скорби. – СПб., 1908. Вып. 1. – С. 141–145; 164–167; вып. 2. – С. 19–53; 138–142; 239–243; вып. 4. – С. 95–99; вып. 5. – С. 37–38; 103–114; 122–129; 140–165; 173–188; вып. 6. – С. 1–4; 32–34; 65–71; 149–150; 167–171; вып. 7. – С. 4; 103–105; вып. 8. – С. 16–26; С. 147–176; 181–183.
53. Книга Русской Скорби. – Спб., 1908. Вып. IV. – С. 25; 26–31.
54. Книга Русской Скорби. Вып. 1. – Спб, 1908. – С. 142–145; Вып. 2. – С. 138–142; Вып. 4. – С. 95–99.
55. Калеснік, У. А. Альшэўскі Анатоль Адамавіч / У. А. Калеснік // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 107.
56. Колмаков, В. Б. Забытый консерватор / В. Б. Колмаков. – Москва. – 2010. – № 7. – С. 162–170.
57. Колнер, Н. Столетие геройской смерти полковника Деева / Н. Колнер // Литовские Епархиальные ведомости – 1894. – № 27. – С. 238–239.
58. Кон, А. А. Значение и задачи Отделения Общества Славянской Взаимности в Вильне при современных русско-польских отношениях. Посвящается Н. А. Хомякову (доклад, прочитанный А. А.Коном на открытии отделения 21 ноября 1909 г.) / А. А. Кон. – Вильно, 1909. – С. 3–33; Так ковалось единство) // Славянский Набат. – 1998, № 26. – С. 3.

59. Косвинов, М. К. Двадцать три ступени вниз / М. К.Косвинов. – М.: Мысль, 1978.
60. Коялович, М. О. Лекции по русской истории / М. О. Коялович.; под ред. В. Н. Черепицы. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 13–64.
61. Кузьмин, А. Г. Василий Никитич Татищев…/ А.Г. Кузьмин. – М.: Мол. гвардия, 1981.
62. Курков, И. Брестчина: легенды, события, люди / И. Курков. – Минск: Медиафакт, 2005. – С. 93–94.
63. Кучин, В. Л. Скауты России. 1909–2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания. / В.Л. Кучин. – М.: Минувшее, 2008. – 600 с.
64. Лепешко, Б. М. Методология и логика истории / Б. М. Лепешко. – Брест: Альтернатива, 2007. – С. 3–5.
65. Литовские Епархиальные Ведомости (ЛЕВ). – 1888. – № 4. – С. 91–92.
66. ЛЕВ. – 1886. – № 5. – С.34–37.
67. ЛЕВ. – 1886. – № 6. – С.44–47.
68. ЛЕВ. – 1886. – № 7. – С.53–54.
69. ЛЕВ. – 1881. – № 14. – С. 6–7; № 15. – С. 7; № 16. – С. 6–7; № 17. – С. 3–5; № 18. – С. 3–7; № 22–23. – С. 7–8.
70. ЛЕВ. – 1886. – № 15. – С.139–140.
71. ЛЕВ. – 1888. – № 20. – С. 166–171.
72. ЛЕВ. – 1888. – № 21. – С. 181–185.
73. ЛЕВ. – 1888. – № 30, 31, 32, 33, 34, 40, 41.
74. ЛЕВ. – 1888. – № 33. – С. 283–284.
75. Літвін, А. М. Беларуская народная самапомач / А. М. Літвін // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 390–391; Літвін, А. М. Беларускі корпус самааховы / А. М. Літвін // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 435.
76. Лурье, С. Я. Архимед. – М.: Изд. Ан СССР, 1945. – С. 5
77. Мальдзіс Адам Восіпавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 61–62.
78. Марк Бартушка. Партызанская вайна ў Беларусі ў 1941–1944 гг. // Arche. – 2010. – № 5. – С. 292–293.
79. Моисеев, Г. М. Страницы жизни / Г. М. Моисеев. – Ленарк, 2004.
80. Моисеев, Т. М. На правом фланге / Т. М. Моисеев // Белый Листок. – 1996. – № 069.
81. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 30–31.
82. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 2. – Оп. 25. – Д. 2475. – Л. 1–27, 36–47, 53–55.
83. Обзор войны России от Петра Великого до наших дней, составленный Н. Ф. Дубровиным и др./ под общ. ред. ген.-лейт. Леера. – СПб., 1893. – С. 6–12.
84. Обнинский, В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования Императора России Николая II. – М., 1992. – С. 175–176; Солженицын, А.

И. Двести лет вместе (1795–1995). Часть 1 / А. И. Солженицын. – М., 2001. – С. 408–412.
85. Освещение возобновленного памятника-часовни над могилою полковника Деева // Литовские епархиальные ведомости – 1894. – № 32. – С. 280–281.
86. Осоргин, М. М. Воспоминания или Что я слышал и что я делал в течении моей жизни. 1861–1920 / М. М. Осоргин. –М: Рос. Фонд Культуры, Студия ТРИТЭ, Российский Архив, 2008. – С. 630–632.
87. Афанасьева, Т. Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917): док.-биогр. Очерки / Т. Ю. Афанасьева. – Гродно: Гродн. тип, 2007. – С. 121–191.
88. П. А. Столыпин: Переписка / под общ. ред. П. А. Пожигайло. – М.: РОССПЭН, 2004. – 704 с.; П. А. Столыпин. Грани таланта политика / под общ. ред. П. А. Пожигайло. – М.: РОССПЭН, 2006. – 623 с.
89. Памятная книжка Гродненской губернии за 1888 год. – Гродно: Губ. тип., 1889. – С. 231.
90. Пліско, Н. Суораў Аляксандр Васільевіч / Н. Пліско / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 438–439.
91. Полянина, Т. В. Я. Ф. Головацкий (1814–1888) – пропагандист славянской культуры / Т. В. Полянина // Культура и общество в эпоху становления науки. –М., 1974. – 231 с.
92. Православная энциклопедия. Русская православная церковь. – М.: Православная энциклопедия, 2000. – С. 631.
93. Пяткевіч, А. М. Людзі культуры з Гродзеншчыны: Даведнік / А. М. Пяткевіч. – Гродна: ГрДУ, 2000.
94. Равяка, К. А. Браніслава Барысаўна Віц-Маргулес / К. А. Равяка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 4. – С. 117–118.
95. Равяка, К. А. Маргулес (Віц-Маргулес, Віц) Браніслава Барысаўна / К. А. Равяка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 2003. –Т. 6 (2)
96. Раковкий, Л. Генералиссимус Суворов / Л. Раковский. – Лениздат, 1987.
97. Рудаков, В. Е. Учено-литературная деятельность Н. Ф. Дубровина // Исторический вестник, август 1904 г. – С. 543–552; Записка академика А. Ф. Куника об ученых трудах адъюнкта Императорской Академии Наук Николая Федоровича Дубровина с 1887 по 1890 гг. – СПб., 1890. – С. 1–10.
98. Русская родословная книга. – СПб., 1873. – С. 152–153; Николаев, Б. П. Из истории семьи Грибоедовых (по архивным материалам) / Б. П. Николаев, Г. Д. Овчинников, Е.В. Цимбал // А. С. Грибоедов: материалы и биографии: сб. науч. трудов. – Л.: Изд-во «Наука», 1989. – С. 76–92.
99. Русский Вестник. – 1993. – №27. – С. 28–29; Белый Листок. – 1996. – № 70, 71.
100. Русский вестник. – 2006. – № 4. – С. 1.
101. Свободная Беларусь. – 1940. – 19 лютага. – С. 4.
102. Сидоровнин, Г. П. П.А. Столыпин: жизнь за Отечество / Г. П. Сидоровнин. – Саратов, 2003. – С. 115; Федоров, Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию» / Б, Г. Федоров. – СПб.: Лимбус Пресс, 2007. – С. 210.

103. Скринченко, Д. В. Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии православной вере / Д. В. Скринченко. – Минск, 1907. – 16 с.
104. Скринченко, Д. В. Трагедия белорусского народа / Д. В. Скринченко. – Минск, 1908. – 18 с.
105. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 125–127.
106. Солоневич, И. Л. Белая Империя / И. Л.Солоневич. – М.: «Москва», 1997. – 368 с.
107. Солоневич, И. Л. Великая фальшивка Февраля / И. Л. Солоневич. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 172–187.
108. Солоневич, И. Л. Диктатура импотентов / И. Л. Солоневич // Великая фальшивка февраля. Иван Солоневич. – М.: Изд-во «Алгоритм», 2007. – С. 277–301; Солоневич, И. Л. Россия в концлагере / И. Л. Солоневич. – Минск: А. Н. Вараксин, 2009. – С. 11–12, 14–22, 248.
109. Солоневич, И. Л. Диктатура слоя / И. Л. Солоневич. – Буэнос-Айрэс: Наша Страна, 1956.
110. Солоневич, И. Л. Народная монархия / И. Солоневич. – М.: Лучи Софии. 1998.
111. Солоневич, И. Л. Россия в концлагере / И. Л. Солоневич. – Минск: А.Н. Вараксин, 2009.
112. Старый ветеран. К столетию годовщины Молодецкого боя Суворова с польским корпусом Сераковского у селения Крупчицы // Литовские Епархиальные ведомости. – 1894. – С. 335–338.
113. Столыпин, П. А. Биохроника / П. А. Столыпин. – М: РОССПЕН, 2006. – С. 134–135.
114. Столыпин, П. А. Грани таланта политика / П. А. Столыпин. – М.: РОСПЭН, 2006. – С. 46–47.
115. Столыпин, П. А. Программы реформ. Документы и материалы / П. А. Столыпин. В 2 т. – Т. 2. – М.: РОСПЭН, 2003. – С. 692–703.
116. Суворов, А. В. Наука побеждать / А. В. Суворов – М.: Эксмо, 2012. – С. 124–129, 254–259, 343, 388–391, 456–457.
117. Тарас, А. Иван Солоневич / А. Тарас // Россия в концлагере– Минск: А.Н. Вараксин, 2009. – С. 11–21.
118. Три докладные записки бывшего Архиепископа Минского Антония (Зубко) графу М. Н. Муравьеву. Публикации А. И. Миловидова // ЛЕВ. – 1901. – № 4. – С. 26–28; № 7 –С. 50–53; № 8. – С. 59–62; № 9. – С. 67–68; http: // ru. wikipedia. org/wiki/
119. Тычына, М. Калеснік Уладзімір Андрэевіч / М. Тычына // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мн.:БелЭн, 1997. – Т.4. – С. 27.
120. Феоктистов. Начало русского владычества в Закавказье // Русский Вестник, февраль 1872 г.
121. Ферро, М. Николай II / М. Ферро. – М.: Международные отношения, 1991.

122. Філатава, А. Лужынскі Васіль / А. Філатава // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 396; Электронный ресурс: http: // ru. wikipedia. org/wiki/Василий Лужинский
123. Хохрякова, Л. Х. – Режим доступа: wikipedia.org. – Дата доступа: 09.04.2012.
124. Цамутали, А. Н. Правительственный историк: Николай Федорович Дубровин / А. Н. Цамутали // Историки России XVIII – начала XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. – М., 1996. – С. 494–496.
125. Церковно-Общественный Вестник, 1881. – № 16. – С. 6–7.; № 17. – С. 4–5; № 18. – С. 3–5.
126. Церковные ведомости. – 1896. – № 16–26.
127. Цукатто, Е. Г. – Режим доступа: ru. wikipedia. org/wiki/Цукато. – Дата доступа: 29.08.2012.
128. Чарапіца, В. М. У складзе польскай алімпійскай / В. М. Чарапіца. – Гродзенская праўда. – 1994. – 1 верасня.
129. Чарапіца, В. М. Са скарбніцы кніжных паліц: Нарысы пра аўтографы даследчыкаў гісторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзяў / В. Н. Чарапіца. – Мінск: БелНДЦДААС, 1994. – 174 с.
130. Чванов, М. А. Где ты, кто ты, новый Иван Аксаков? / М. А. Чванов // Русский Вестник, 1993, № 34–35. – С. 8–9.
131. Черепица, В. Н. «Да будет услышан на родине…». Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) – мыслитель яркий, самобытный / В. Н.Черепица. Преодоление времени: (исторические очерки и миниатюры). – Минск: БелНИИ ДАД, 1996. – С. 37–73; Черепица В. Н. Проблемы цивилизационного развития Беларуси в трудах Е. Ф. Шмурло, И. Л. Солоневича и Н. О. Лосского / В. Н. Черепица // Проблемы цивилизационого развития Беларуси, Польши, России и Украины в конце XVIII–XXI века. – Краков: Издательство Ягеллонского университета, 2007. – С. 19–25.
132. Черепица, В. Н. «Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии). – Гродно, 2003. – С. 268–288. См. подробнее: Pajr I. Organizacie bojowe partyj Politycznych w Krolewstwie Polskim. 1904–1905. – Warszawa, 1985. – S. 203, 266.
133. Черепица, В. Н. «Неизвестный Нилус» и роковая начальница из Гродно» / В. Н. Черепица // Деятели культуры XIX – начала XX веков и Гродненщина. – Гродно: ГрГУ, 1997. – С. 93–102.
134. Черепица, В. Н. … Дай нам руку в непогоду: Деятели русской культуры XIX – начала XX веков и Гродненщина / В. Н. Черепица. – Гродно, 1997. – С. 93–110; В. Н. Черепица. Гродно и гродненцы в переписке П. А. Столыпина 1902–1911 годов / В. Н. Черепица // Столыпинские чтения: сб. докладов, выст., статей. – Киев, 2010. – С. 45–57.

135. Черепица, В. Н. …Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003.
136. Черепица, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006.
137. Черепица, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В. Н.Черепица. – Минск: БелЭн, 2009. – С. 55, 76, 392.
138. Черепица, В. Н. Гродненский православный некрополь с древнейших времен до начала XX века / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2001.
139. Черепица, В. Н. Два юбилея в жизни протоиерея Иоанна Котовича / В. Н. Черепица // Гістарычная брама. – 2004. – № 1. – С. 42–46.
140. Черепица, В. Н. Деятели русской культуры XIX – начала XX веков и Гродненщина / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1997.
141. Черепица В. Н. Гродненские офицеры–историки / В. Н. Черепица // Звенья цепи единой: большие и малые события в истории Гродненщины XIX – XX столетий. – Гродно: ГрГУ, 2009.
142. Черепица, В. Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1998.
143. Черепица, В. Н. Отклики «Литовских Епархиальных ведомостей» (1880–1888) на кончину славянофила И. С. Аксакова / В. Н. Черепица // Боевое братство славян на защите мира: сб. науч. статей. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 109–133.
144. Черепица, В. Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Ч. 2 / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005.
145. Черепица, В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине Ч. 1 / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2000.
146. Черепица, В. Н. П. А. Столыпин – гродненский губернатор / В. Н. Черепица // Правда Столыпина: сб. / сост. Г. Сидоровнин. – Альманах, Вып. 1. – Саратов: Соотечественник, 1999. – С. 210–233; Черепица, В. Н. П. А. Столыпин (1862–1911) – гродненский губернатор и великий реформатор России / В. Н. Черепица //… Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии). – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 6–47; Сидоровнин, Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911). – Саратов, 2003. – С. 50–64; Федоров, Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию. Биография П. А. Столыпина / Б. Г. Федоров. – СПб.: Либус Пресс, 2002. – Ч. 1. – С. 146–156. Афанасьева, Т. Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки / Т. Ю. Афанасьева. – Гродно: Грод. тип., 2007. – С. 112–118; П. А. Столыпин. Биохроника / под общ. ред. П. А. Пожигайло. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 28–38.

147. Памятная книжка Гродненской губернии. – Гродно: Губ. тип., 1902–1903 годы.
148. Черепица, В. Н. Подвижники Православия на Лидчине / В.Н. Черепица // Ліда і Лідчына: Да 685-годдзя з дня заснавання горада. – Лида, 2009. – С. 14–18.
149. Черепица, В. Н. Преодоление времени. Исторические очерки и миниатюры / В. Н. Черепица. – Минск: БелНИИДАД, 1996.
150. Черепица, В. Н. Счастье жить для других: Западно-белорусские последователи религиозно-филосовского учения Л. Н. Толстого. 1921–1939 гг. / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2007. – 520 с.
151. Черепица, В. Н. Чины Гродненской губернской городской и уездной полиции в начале XX века: их типы и судьбы / В. Н.Черепица // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. – 2009, № 2. – Сер. 1. – С. 8–16.
152. Черепица, В. Н. Чтобы помнили: Уроженцы Гродненщины – жертвы политических репрессий в СССР (1937–1938) / В. Н. Черепица, И. В. Бойко. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 172.
153. Чарапіца, В. М. Пушкарэвіч Канстанцін Аляксеевіч / В. М. Чарапіца // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6. – Кн.1. – С. 10.
154. Черненко, Г. Роковые пистолеты / Г. Черненко // Тайные преступления. – 2008. – № 3. – С. 30.
155. Что говорит Иван Солоневич / И. Л.Солоневич. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. – 72 с.; написание ряда слов в трудах И. Л.Солоневича то с заглавной, то с прописной буквы можно объяснить не только эволюцией его представлений об их смысле и значении, но и требованиями издательств, в которых его произведения публиковались.
156. Шапиро, А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. Пособи / А. Л. Шапиро. – М.: Культура, 1993.
157. Электронный ресурс: http: / drevo – info.ru / articls/ 13582.html. 28.11.2012.
158. Электронный ресурс: http: // brama. Brestregion. com/nomer 22/artic04.shtme.
159. Электронный ресурс: http: // ru.wikisous.org /w/ index. php? title =ЭСБЕ / Лассиб русские военачальники&oldid=698815
160. Электронный ресурс: www. elibron.com/
161. Электронный ресурс: www.wikipedia.ru. – Дата доступа: 27.06.2012.
162. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 5. – Мінск: БелЭн, 1999.
163. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2 – М.: БелЭн. імя П. Броўкі, 1994. – 452 с.
164. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1996. – Т. 3. – С. 454.
165. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 3, 4, 6. – Мінск: БелЭн, 1996. – 2003.
166. Powązki. Cmentarz komunalny, dawny wojskowy w Warszawe. – Warszawa: Sport i turystyka, 1989.

167. Гаращенко, А. Владимир Манассейн: страницы биографии краеведа / А. Гаращенко // Сибирское наследие. 2004. – С. 8
168. Крестовский, В. В. история 14-го уланского Ямбургского полка (1777–1874) / В. В. Крестовский. – СПб.: Тип. М. О. Эттингера, 1873.
169. Ларионов, Я. М. Записки участника мировой войны / Я. М. Ларионов. – М., 2009. – С. 150
170. Лютик, Д. В. Гродненская крепостная воздухоплавательская рота // Гродненщина в историческом, экономическом и культурном развитии 1801–1924. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 280.
171. Рутнич, Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России / Н. Рутнич. – М., 2002. – С. 351.
172. Черепица, В. Н. Гродненские офицеры–историки // Звенья цепи единой: большие и малые события в истории Гродненщины XIX – XX столетий. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 399–404.
173. Черепица, В. Н. Второе рождение писателя / В. Н. Черепица // Преодоление времени (исторические очерки и миниатюры) – Минск: БелНИМДАД, 1996.
174. Черепица, В. Н. Гродненские воздухоплаватели // Преодоления времени (исторические очерки и миниатюры). – Минск: БелНИИДАД, 1996. – С. 152–157.
175. Черепица, В. Н. Дуэль в урочище «Секретном»: странички из военной жизни В. В. Крестовского / В. Н. Черепица // Звенья цепи единой: Большие и малые события в истории Гродненщины XIX – XX столетия. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 341–344.

...Калейдоскопическая смена впечатлений, несомненно, присутствует как в жизни человека, так и в познании истории. Исторический калейдоскоп – непременная составляющая всякого обращения к прошлому. Как действует, как срабатывает этот механизм, описать далеко не просто. Здесь, вероятно, срабатывает то личное «шестое» чувство человека, без которого невозможен интерес к истории. Нередко он становится определяющим...

Валерий Николаевич ЧЕРЕПИЦА

Профессор, заведующий кафедрой истории славянских государств Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Член Союза писателей Беларуси. Область научных и литературных интересов: русско-белорусско-польские взаимоотношения; история культуры и Православной Церкви; историография и источниковедение; историческое краеведение и военная история; повседневный быт горожан.

Автор более 500 научных публикаций, в том числе 20 монографий. Крупнейшие из них: «Связи революционеров Беларуси и Польши в 70–80-х годах XIX века» (1985); «Истоки» (1991); «Са скарбніцы кніжных паліц» (1994); «Преодоление времени» (1996); «Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества» (1998); «Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине» в двух частях (2000–2005); «Гродненский Православный некрополь» (2001); «Не потерять связующую нить...» (2003); «История и повседневность в жизни агента пяти разведок Эдуарда Розенбаума» (2005); «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны» (2006); «Счастье жить для других» (2007); «Звенья цепи единой: Большие и малые события в истории Гродненщины XIX–XX столетий» (2009); «Чтобы помнили... Уроженцы Гродненщины – жертвы политических репрессий в СССР (1937–1938)» (в соавторстве с И. В. Бойко) (2010); «От Волковыска до Харбина. Торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX – середина XX вв.) в документах и материалах» (2011); «Военная история Гродненской губернии (1812–1914): события, факты, лица» (2012); «Уходили в поход на врага: партизанская бригада имени Кастуся Калиновского в 1943–1944 гг. (по документам и материалам архива начальника штаба С. В. Чудинова)» (2012); «Гродно, Студенческая, 3: История дома и жизни его обитателей. Век XX» (2012) и др. Историко-публицистическая направленность трудов В. Н. Черепицы позволяет читателям его произведений представить богатое прошлое Гродненщины более полно и образно.